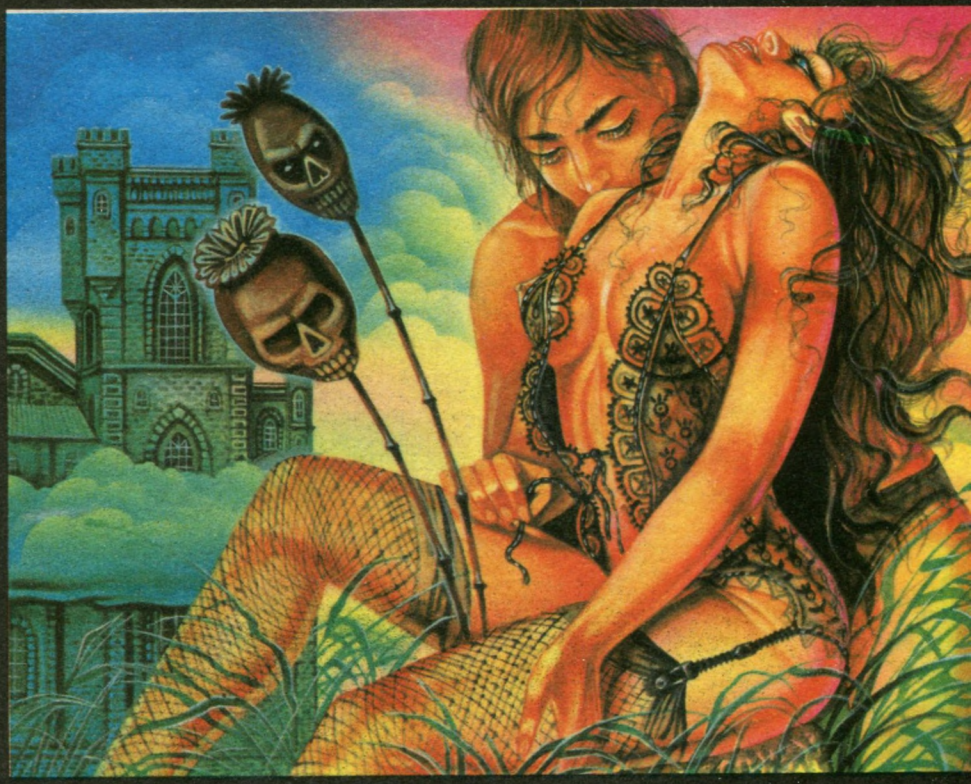
ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ ЗОЛОТОЕ ПЕРО

майкл МУРКОК

Финальная программа

МАЙКЛ МУРКОК

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

МАЙКЛ МУРКОК

Финальная программа
Средство от рака
Английский убийца

Перевод с английского

Москва
«Тоникал» «Ресурс»
1994

ББК 84.7
М91

Оформление серии
Владимира Катина

Иллюстрации
Александра Яцкевича

Перевод с английского
О. Дагиева
Е. Мельниковой
С. Волкова

Муркок М.

Финальная программа: Финальная программа. Средство от рака. Английский убийца: Романы / Пер. с англ. — М.: Топикал. Ресурс, 640 с. — (Клуб «Золотое перо»; Любителям фантастики).

ISBN № 5-85256-015-4

«Хроника Корнелиуса» Майкла Муркока — в книгу вошли романы «Финальная программа», «Средство от рака», «Английский убийца» — это мифическая фантастика, самое оригинальное фантастическое произведение нашего времени. В этих романах изображены происходящие изменения Будущего, которое является анаграммой сегодняшнего мира, в котором время разматывается назад и вперед и которое Джерри Корнелиус насилует, выбирая секс, перевоплощения и цвет. Джерри Корнелиус — супергерой. Это — экс-священник, экс-политик, революционер, физик, шпион, игрок и фигляр, шут высокой пробы, вооруженный фибро-игольчатым пистолетом. Он спаривается, галлюцинирует, умирает и... воскрешает часто...

ISBN 5-85256-015-4 **ББК 84.7**

© Художественное оформление серии, иллюстрации, составление «Топикал», 1994

ФИНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА

*Посвящается Альфреду Бестеру**

---

* А. Бестер — английский писатель-фантаст. Ред.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ДАТА

В Камбодже*, стране, расположенной между Вьетнамом и Таиландом на географической карте и между «п» и нулем на временной диаграмме, есть волшебный город Ангкор, где некогда проживала великая нация кхмеров. В девятнадцатом столетии французский исследователь открыл эту страну в джунглях, и впоследствии она была воскрешена археологами Франции. У потомков кхмеров, ведших простой образ жизни, существовали две гипотезы относительно города: одна говорила о том, что он был построен расой гигантов, вторая — что город возник сам при сотворении мира. В посвященной Ангкору статье в «Санди таймс» (10.1.65) Морис Виджин писал:

«Было ли у жителей Ангкора то будущее, которого они хотели? Едва ли. И все же, казалось, они были способны к адаптации, прагматически переходя от индуизма к буддизму, строя надолго («самые впечатляющие руины в мире»). Но великие короли кхмеров — пыль».

Выстроенный не просто надолго, но на века, стоит ангкорский «Хилтон», возвышаясь над огромными статуями и зиккуратами города. Учитывая простой образ жизни потомков великих кхмеров, он является главным доказательством второй гипотезы.

На крыше ангкорского «Хилтона» расположилась стеклянная не то оранжерея, не то обсерватория, не лишенная схожести со старинным Хрустальным дворцом. Похожая на оранжерею конструкция — частная собственность одного из традиционных клиентов гостиницы. Внутри нее — кровать, запирающийся на ключ металлический шкафчик, большой

---

* Ныне — Народная Республика Кампучия. Ред.

астрономический телескоп и военно-морской хронометр, изготовленный еще в восемнадцатом столетии. Великолепный хронометр, выполненный из стали и латуни, вполне вероятно, является одним из изделий, которые в тысяча семьсот шестидесятом году собственноручно сконструировал Джон Гаррисон-первый, которому суждено было создать действительно точный военно-морской хронометр. Часы стоят на шкафчике, а под ними, свисая с ручки, красуется календарь. Так выглядит существование старого хронометра в году тысяча девятьсот шестьдесят...

Хозяина этих вещей, Джерри Корнелиуса, в тот момент в обсерватории не было. Он бродил по травянистым тропинкам, которые извивались среди серых и бурых статуй, иногда убегая в сень густых ветвей больших деревьев, с которых таращились на него судачившие между собой обезьяны. На Корнелиусе была одежда, мало подходившая к месту и климату, и даже на Западе его вещи выглядели бы слегка устаревшими: например, эластичные ботинки на высоких каблуках не просто совсем не соответствовали моде; они не соответствовали ей вот уже несколько лет.

Корнелиус шел на свидание.

Вырезанные из древних каменных глыб, безоблачные лица Будд и три лика Ишвара* смотрели с террас и из арок; огромные статуи и барельефы сошлись, может быть, в самом большом хаосе богов и дьяволов, когда-либо собиравшихся в одном месте. Ниже изображения до экстравагантности ожиревшего Вишну-Разрушителя— одного из трех ипостасей Ишвара— стоял крошечный транзистор; приемник принадлежал Корнелиусу. Он разносил по лесу звуки «Сюиты Цута», исполняемой «Биг Ролл Бэндом» Цута Мани.

Около радиоприемника в золотых и зеленых лучах послеобеденного солнца лениво восседал мужчина, уже привыкший к постоянно жужжащим москитам и несущим чушь гиббонам, перепрыгивающим с одной полувосстановленной террасы на другую. Прошел мимо буддийский священник, гладко выбритый и благоухающий шафраном; среди массивных статуй забытых героев играла группа коричневых ма-

---

* Одно из имен индуистского бога Шивы, а также ипостась триады — Брахмы, Вишну и Шивы. Ред.

лышей. Было приятное послеобеденное время, с легким бризом, несшим свежесть в джунгли. Самое подходящее время для праздной беседы, подумал Корнелиус, усаживаясь рядом с мужчиной и обмениваясь с ним рукопожатием.

Сидя в упавшей каменной ладони некоего малозначимого индийского божества, они продолжили разговор с того места, на котором остановились прежде.

Джерри Корнелиус был молодой человек с длинными и тонкими черными волосами, струившимися ниже плеч. На нем было черное двубортное полуформенное пальто и темно-зеленые брюки; высокий воротник белой рубашки охватывал черный шерстяной галстук. Этого худого молодого человека выделяли крупные темные глаза и большие руки с длинными пальцами.

Второй мужчина был низенький толстый индиец глуповатого вида, постоянно улыбавшийся без какой-либо видимой связи с тем, о чем он говорил, одетый в рубашку с короткими рукавами и хлопчатобумажные брюки.

Джеремиа Корнелиус во многих отношениях был европейцем; индиец — брамин-физик с определенной репутацией — профессор Хира. Встретились они сегодня утром в городе и пали жертвой любви с первого взгляда.

Брамин-физик прихлопнул москитов, усевшихся ему на руки.

— Гностики понимают космологию во многих отношениях весьма схоже с индуизмом и буддизмом. Интерпретации, конечно, отличаются, но цифры очень близки.

— Какие цифры конкретно? — вежливо осведомился Джерри.

— Ну, например — махаюга*. И индусы, и гностики указывают четыре миллиарда триста двадцать миллионов лет. Как-никак, а это интересное совпадение, а?

— А как насчет кальпы? Я думал, это ваше название временного цикла.

— Ах, нет, это — день да ночь Брахмы, восемь миллиардов шестьсот сорок миллионов лет.

---

* Юга — в древнеиндийской мифологии обозначение мирового периода. 1000 махаюг равна 1 кальпе. Ред.

— Так мало? — без малейшей тени иронии произнес Джерри.

— Махаюга делится на четыре юги, или периода. Нынешний цикл близится к концу. Этот период — последний из четырех.

— А что это за периоды?

— О, дайте подумать... Сатьяюга, Золотой Век; это относилось к первым четырем десятым цикла. Потом была Третаюга, второй Век, занявший восемьсот шестьдесят четыре тысячи лет. Третий Век — Двапараюга (вы улавливаете отголоски обычного языка древних?) длился лишь две десятых полного цикла. Я думаю, это правильно, как вам кажется? Как сильно мы в эти дни полагаемся на наши вычислительные машины! Калиюга — естественно, настоящий период. Начался он, как помнится, в полночь с семнадцатого на восемнадцатое февраля три тысячи сто второго года до нашей эры.

— А что такое Калиюга?

— Черный Век, мистер Корнелиус. Ха! Ха!

— И как долго он предположительно продлится?

— Всего лишь одну десятую Махаюги.

— Так у нас, значит, полно времени?

— О, да.

— А потом, в конце манвантара*, цикл повторится? Полностью вся история снова!

— Некоторые так считают; другие думают, что циклы слегка различаются. В основном здесь просматривается продолжение наших представлений относительно перевоплощения. Странная вещь: современная физика начинает подтверждать эти данные — в понятиях полного преобразования галактики и прочего. Я вынужден признать, что чем больше я читаю трудов, издаваемых в наши дни, тем большее сомнение меня охватывает по поводу выбора между тем, что я думал как индуист, и тем, что я познал как физик. Требуется самодисциплина, чтобы разделить эти понятия в моей голове.

— А почему вы думаете над этим, профессор?

---

* 1 кальпа состоит из 14 манвантар, и в каждой правит один из законоучителей — Ману. Ред.

— Старина, моя карьера в Университете пострадает, если я позволю мистицизму проникнуть в логику.

В голосе брамина чувствовался легкий налет язвительности, и Джерри не мог не улыбнуться.

— И все же космологические теории смешиваются и впитывают одна другую,— сказал он.— В Европе есть люди, которые считают доисторическую цивилизацию столь же прогрессивной или даже более перспективной, чем наша собственная. Это сплетается с нашим первым веком, не так ли?

— Некоторые из моих друзей тоже задавались этой задачей. Возможно, это и естественно, но невероятно. Изысканные параболы, мистер Корнелиус, и ничего более. Отнюдь не мифические отражения большой науки, я думаю. Может быть, приукрашенные отзвуки большой философии.

— Приятное преувеличение.

— Эта мысль вполне в вашем характере. Может, и не следовало бы мне так говорить, но иной раз в моей голове вдруг возникает вопрос: почему во всех мистических космологиях, даже в некоторых из современных так называемых паранаучных направлениях, наш собственный период всегда определяется как век хаоса и раздора. Вот объяснение того, почему логическая сторона моего мышления мучается в сомнениях относительно того, в силу каких причин люди обращаются к мистицизму. Прошлое всегда лучше.

— Детство — счастливейший период жизни, за исключением того времени, когда вы сами — дитя,— подсказал Джерри.

— Понимаю вас; это верно.

— В отличие от прекрасных метафор, произведенных на свет вашими философами, которые — кто знает? — может быть, и не были верны?

— Вы увлекаете меня слишком далеко; однако вы изучали Веды*? Создается впечатление, что люди Запада больше изучают санскрит, чем мы; а мы — мы читаем Эйнштейна.

— Мы — тоже.

— У вас там больше времени для всяких занятий, стари-

---

* Веды — сборники гимнов на древнеиндийском (ведийском) яз.— Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа. Ред.

на. Вы ведь находитесь в конце вашего манвантара, да? А мы начали новый век.

— Удивительно!

— Я — как индуист — не говорю серьезно, но внутри веков имеются более короткие циклы. Некоторые из моих более метафизически настроенных знакомых предсказали, что мы стоим в конце такого цикла.

— Однако значимость наших забот снижается в сравнении с интервалом даже в четыреста тридцать две тысячи лет.

— Это — типичная мысль человека с Запада, мистер Корнелиус,— улыбнулся Хира.— Что есть время? Насколько длинны миллисекунда или тысячелетие? Если древние хинду были правы, то мы встречались прежде в Ангкоре и встретимся впредь, и дата всегда будет сегодняшняя: тридцать первое октября тысяча девятьсот шестьдесят ... года. Интересно: в следующем манвантара что-нибудь изменится? Спустятся ли боги на Землю? Станет ли человек...

Джерри Корнелиус поднялся:

— Кто знает? Давайте тогда и сравним. Увидимся, профессор.

— В это время в следующем манвантара?

— Если хотите...

— Куда вы сейчас направляетесь? — Индиец тоже поднялся, передавая Джерри маленький транзисторный радиоприемник.

— Благодарю. Я собираюсь в аэропорт Пномпеня, а оттуда — в Лондон. Хочу заказать гитару.

Хира последовал за ним через руины, карабкаясь по каменным глыбам.

— Вы — в «Хилтоне» Ангкора, да? Почему бы не задержаться еще на ночь в отеле?

— Что ж, хорошо.

Ночью они лежали в постели рядом, курили и разговаривали. Тяжелая противомоскитная сетка закрывала кровать, однако сквозь нее и окно за ней они могли видеть безоблачное небо.

— Вас очень интересует, насколько близки мы к открытию главного уравнения? — Голос Хиры наполнял теплый воздух, подобно жужжанию насекомых. Джерри пытался уснуть.— Всеобщего уравнения. Окончательного уравнения.

Последнего уравнения, связывающего воедино всю информацию. Откроем ли когда?

— Климат, кажется, подходящий,— сонно пробурчал Джерри.

— В ваших понятиях сейчас — время для нового мессии, мессии века Науки. Я полагаю, это богохульство. А родился ли уже гений? Узнаем ли мы его, когда он придет?

— Вот это-то всех и интересует, да?

— Ах, мистер Корнелиус, какой все же непонятный, перевернутый этот мир!

Джерри повернулся на бок, спиной к профессору.

— Я не слишком уверен,— проговорил он.— Мир, кажется, наконец-то встал на прямой, открытый курс.

— Вот только: куда?

— В этом-то, профессор, и загвоздка.

— Она говорила об окончательном уравнении, та женщина, что я встретил в прошлом году в Дели. Она дала мне весьма интересную пищу для размышлений, эта мисс Брунер, старина. Она, казалось, знала...

— Браво ей.

— Браво? Ну, да...

Джерри Корнелиус заснул.

ФАЗА 1.

1

Шел дождь.

Дом стоял в юго-восточном Лондоне, в Блэкхите, на некотором отдалении от основной дороги, неясным контуром вырисовываясь над окружившим его постаревшим садом. Подъездная дорога из гравия заросла сорняками, а сам дом нуждался в покраске. Некогда он имел розовато-лиловый цвет. Сквозь мрачные окна первого этажа Джерри Корнелиус мог различить пятерых человек, сидевших в большой, обставленной темной мебелью парадной комнате, тусклое освещение которой обеспечивал скорее камин, нежели стоявший в углу торшер. Лица всех присутствующих находились в тени. На каминной доске стояла выполненная в стиле барокко фигура Дианы, державшей два подсвечника; в каждом из них было по две свечи.

Дверь гаража хлопнула, но Джерри не сделал никакой попытки спрятаться, однако неуклюжий, одетый в твидовое пальто мужчина не заметил его, так как спокойно выжал воду из своей тяжелой черной бороды, снял шляпу и открыл дверь. Он вытер ноги и вошел внутрь. Джерри узнал в нем мистера Смайлса: ему принадлежал этот дом.

Через мгновение Джерри подошел к двери и достал связку ключей. Подобрав нужный ключ, он открыл дверь и увидел, как мистер Смайлс входил в парадную комнату.

В холле стоял легкий запах сырости, несмотря на радиатор вблизи полки для головных уборов; стены, покрашенные каждая в свой цвет (оранжевый, красный, черный и синий),

были холодны, что Джерри и почувствовал, прислонившись сначала к одной стене, а затем — к другой.

Джерри был одет в свое традиционное черное пальто, темные брюки, ботинки с высокими каблуками. Его намокшие волосы падали не такой мягкой волной, как обычно.

Он сложил руки на груди и, устроившись поудобнее, стал ждать.

— Который час? У меня встали часы,— мистер Смайлс прошел в комнату, стряхивая капли дождя со своей шляпы в стиле «Робин Гуд» и все еще похлопывая по бороде. Он прошагал прямо к огню и встал там, поворачивая шляпу и так и эдак, чтобы просушить ее.

Ни один из пятерых ничего не ответил. Каждый, казалось, был погружен в собственные мысли и едва заметил его появление. Но вот один из них, звали его мистер Лукас, поднялся и приблизился к мистеру Смайлсу. Глаза его имели декадентски доброе выражение римского патриция. Этот сорокапятилетний мужчина с успехом владел казино; за исключением мистера Смайлса, которому было сорок девять, он был здесь самым старшим.

— Двенадцать сорок, мистер Смайлс. Он опаздывает.

Мистер Смайлс сосредоточился на просушивании шляпы.

— Если это поможет: никогда не знавал за ним, чтобы он не выполнял своих обещаний,— ответил он.

— О, да,— отреагировала мисс Бруннер.

Мисс Бруннер сидела ближе всех к огню. На лице этой привлекательной женщины с острыми чертами выделялись глаза, смотревшие хищно. Она небрежно откинулась на стуле, скрестив ноги. Одной ступней она покачивала на весу.

Мистер Смайлс повернулся к ней.

— Он придет, мисс Бруннер,— он подарил даме сияющий взгляд.— Он придет,— добавил он самоуверенным тоном.

Мистер Лукас вновь взглянул на часы.

Ступня мисс Бруннер начала покачиваться энергичнее.

— Почему вы так уверены, мистер Смайлс?

— Я знаю его так же хорошо, как мог бы знать любой из нас. Он надежен, мисс Бруннер.

Мисс Бруннер была программистом с определенным опытом и способностями. Вплотную к ней устроился Димит-

рий, ее раб, любовник, а иногда — против желания — сводник. Она носила прямой желтовато-коричневый костюм, который дополняли туфли с кнопками. У него были точно такие же костюмы из темно-синего и коричневого твида. Ее длинные рыжего цвета волосы на концах завивались кверху, это были прелестные рыжие волосы, но они не шли ей. Он был сыном Димитрия Ойла — богатый, с чистой наивной мальчишеской внешностью. Лицемерие его было совершенным.

Рядом с мисс Бруннер и Димитрием в тени устроился мистер Крукшенк — агент эстрадных артистов. Мистер Крукшенк был очень высоким и очень полным. На среднем пальце его правой руки красовался тяжелый золотой перстень с печаткой, придававший владельцу налет простоты. Мистер Крукшенк быд одет в шелковый костюм фирмы «Айви Лиг».

В углу напротив мистера Крукшенка, ближе к огню, ссутулившись в бесконечном невротическом поклоне, сидел смуглый мистер Повис. Он жил с комфортом за счет наследства, оставленного ему двоюродным дедушкой, владевшим шахтами. Мистер Повис пропустил рюмку виски фирмы «Белл», с большим вниманием уставившись на то, что пил.

Тепла от огня не хватало на то, чтобы согреть комнату; даже мистер Смайлс, на которого обычно холод не действовал, сняв пальто, зябко потер руками. Мистер Смайлс был банкиром, основным владельцем Смайлс Бэнк, который начал вкладывать деньги в торговлю льном с тысяча восемьсот тридцать второго года. Дела у банка шли неважно, хотя мистер Смайлс лично ни на что пожаловаться не мог. Он наполнил себе большой бокал виски «Тичер» и вернулся к огню.

Между собой присутствующие хорошо знакомы не были, разве что с мисс Бруннер, которую знали все и которая всех их и представила друг другу.

Мисс Бруннер поставила ноги прямо и поправила юбку, с неприязненной улыбкой посмотрев вверх на бородатого мужчину.

— Необычно встречать такое доверие в наши дни,— она сделала паузу и обвела взглядом остальных.— Я думаю...— она открыла свою сумочку и принялась рыться в ее содержимом.

— Что вы думаете? — резко спросил мистер Смайлс.— Когда я вначале доверил это дело вам, мисс Бруннер, вы не выражали уверенности в нем. Теперь же вам не терпится начать. Так что же вы все-таки думаете, мисс Бруннер?

— Я думаю, что нам бы не следовало включать его в наши планы. Давайте отправимся прямо сейчас, пока он ничего не ожидает. Он может спланировать что-нибудь вроде двойной игры. Мы рискуем потерять слишком много, тратя время на ожидание Корнелиуса. Я не верю ему, мистер Смайлс.

— Вы не доверяете ему, поскольку не встречались с ним и не тестировали его бруннеровским методом, так ведь? — мистер Лукас поддел носком ботинка полено, торчавшее из огня.— Мы не сможем попасть в тот дом без знаний Корнелиуса об этих дурацких ловушках его отца. Если Корнелиус не придет, мы будем вынуждены отказаться от всей этой затеи.

Мисс Бруннер вновь улыбнулась, продемонстрировав острые зубки.

— Вы стареете и становитесь осторожнее, мистер Лукас; да и мистер Смайлс при одном звуке о деле теряется. Что же касается моего мнения, вот оно: без риска здесь не обойтись.

— Ты — тупая корова,— Димитрий часто на людях бывал грубым с мисс Бруннер — он любил нагонять на нее страх: публичные оскорбления, наказания наедине.— Мы взялись за дело не только для того, чтобы рисковать; мы занялись им ради того, что́ старый Корнелиус спрятал в своем доме. И без Джерри Корнелиуса мы никогда этого не получим. Он нам нужен — в этом истина.

— Рад слышать это,— язвительно провозгласил Джерри, несколько театрально входя в комнату и закрывая за собой дверь.

Мисс Бруннер окинула вошедшего взглядом: очень высокий, а бледное лицо, обрамленное волосами, напомнило молодого Суинберна*; черные глаза на этом лице вовсе не представлялись добрыми. На вид ему было около двадцати семи. Рассказывали, что он — иезуит; действительно, в его облике просматривалось что-то от декадентской, аскетичной

---

* Английский поэт (1837-1900). Ред.

внешности церковного интеллектуала. У него есть будущее, подумала она.

Джерри чуть уронил голову, повернувшись и направив на мисс Бруннер пристальный взгляд, полуукоряющий-полудовольный. Она скрестила ноги и вновь принялась покачивать ступней. Он же грациозно продефилировал в направлении мистера Смайлса и с некоторой степенью удовольствия обменялся с ним рукопожатием.

Мистер Смайлс вздохнул.

— Рад, что вам все удалось, мистер Корнелиус. Как скоро мы можем начать?

Джерри пожал плечами:

— Как только пожелаете. Мне нужен примерно день, чтобы закончить кое-какие дела.

— Завтра? — голос мисс Бруннер поднялся до несколько более высокого уровня, чем обычно.

— Через три дня,— Корнелиус сложил губы трубочкой.— В воскресенье.

Мистер Повис произнес из-за своего бокала:

— Три дня — слишком много, парень. Чем дольше мы ждем, тем больше вероятности, что появится кто-то, кто узнает, что мы планируем. Не забывайте: Саймонс и Харви оба отступили, а ведь Харви особенно не отличается тактом и дипломатичностью.

— На их счет не волнуйтесь,— ответил Корнелиус с интонацией законченности.

— Что вы сделали? — в голосе мисс Бруннер все еще чувствовалась резкость.

— Ничего страшного. Просто они отправляются в круиз на грузовом пароходе, берущем курс на Нью-Йорк. Поездка будет долгой, да и с командой они не смешаются.

— А как вы заставили их поехать? — мистер Лукас опустил взгляд, когда Корнелиус повернулся, услышав его вопрос.

— Ну,— протянул Джерри,— были одно-два дела, которых им очень хотелось. Я устроил эти дела — при условии, что они отправятся в поездку.

— Какие «дела»? — с интересом спросил мистер Крукшенк.

Джерри не отреагировал.

— То, что вы еще должны сделать, это так важно? — продолжала задавать свои вопросы мисс Бруннер.

— Я хочу навестить дом перед нашим путешествием.

— Почему?

— По личным причинам, мисс Бруннер.

Мистер Повис произнес, не поднимая своего задумчивого уэльсского лица:

— Если вы не против, мистер Корнелиус, мне хотелось бы знать: почему вы помогаете нам?

— Вы поймете меня, если я скажу, что это — ради отмщения?

— Месть? — мистер Повис часто-часто покачал головой.— О, да. Время от времени у каждого из нас возникают такие чувства, так ведь?

— Ну, тогда, значит, месть,— с облегчением проговорил Джерри.— Теперь я полагаю, мистер Смайлс сообщил вам мои условия? Вы, когда получите то, что хотите, должны сжечь дом до основания, но оставить невредимыми моего брата Фрэнсиса и мою сестру Кэтрин. Есть еще старый слуга, Джон; его тоже ни в коем случае нельзя трогать.

— Остальной персонал? — Димитрий жестом руки помог себе задать вопрос; жест оказался невежливым.

— Делайте, что хотите. Я думаю, вам потребуется помощь?

— Около двадцати человек. Мистер Смайлс устроил это. Он говорит, что их вполне хватит,— при этих словах мистер Лукас бросил взгляд на мистера Смайлса; тот кивнул.

— Должно хватить,— задумчиво проговорил Джерри.— Дом хорошо охраняется, но, конечно же, полицию они не позовут. Со специальным оснащением у вас должно быть все в порядке. Не забудьте сжечь дом.

— Мистер Смайлс уже напоминал нам об этом, мистер Корнелиус,— заверил Димитрий.— Так же, как и вы. Мы сделаем в точности все, что вы говорите.

Джерри поднял широкий воротник своего пальто.

— Правильно. Я ухожу.

— Будьте осторожны, мистер Корнелиус,— протяжно произнесла мисс Бруннер, когда он выходил.

— О, я думаю, так и будет,— ответил он.

После ухода Корнелиуса, оставшейся шестеркой было сказано немного. Лишь мисс Бруннер переместилась на другой стул. Она, казалось, была не в настроении.

2

Бойкая музыка наполняла «кадиллак» с открывающимся верхом, в котором Джерри Корнелиус ехал в сторону кентского побережья — «Зут Мани», «Ху», «Битлз», «Моуди Блюз», Манфред Манн и «Зэ Энималс»: Джерри прослушивал на встроенном магнитофоне только самое лучшее.

Громкость была включена до предела. В различных местах кабины были встроены три динамика, так что Джерри был просто не в состоянии уловить звук работающего двигателя; содержимое бокала, укрепленного на защелке около рулевого колеса, подплясывало в такт с ударами басов. Корнелиус время от времени дотягивался до бокала, пригублял вино и снова фиксировал сосуд в защелке. Разок он сунул руку в «бардачок» и вынул оттуда полную пригоршню пилюль. Он не спал большую часть недели, и пилюли больше не помогали ему бороться с раздражением; однако он все равно продолжал набивать ими рот, запивая каждую порцию из бокала. Немного спустя он достал полупустую бутылку виски «Белл» и вновь наполнил бокал.

Дорога перед ним была мокрая, дождь продолжал молотить в лобовое стекло. Две пары «дворников» очищали стекло, работая в такт музыке. Хотя печка и была включена, Джерри было холодно.

Сразу за Дувром он остановился на заправочной станции и в ожидании, пока ему заправят машину, скатал себе тонкую сигарету из лакричной бумаги и табака «Олд Холборн». Оплатив заправку и закурив сигарету, он поехал, выдерживая направление вдоль побережья, свернул на боковую дорогу и в конечном счете проехал по главной улице поселка при гавани Саутквей в воздушной подушке салона, наполненной звуками гитар, органов и высоких голосов. Море под хмурым небом казалось черным. Он медленно проехал вдоль пристани, перестукивая колесами по булыжнику, и выключил магнитофон.

На некотором отдалении от полотна дороги расположилась гостиница под названием «Яхтсмен». На вывеске гостиницы красовался улыбающийся мужчина в окружении яхтенной оснастки. Позади него простирался вид на гавань, как она смотрится из гостиницы. Вывеска слегка покачивалась на ветру. Подав «кадиллак» задним ходом во двор гостиницы, Джерри вышел из него, оставив ключи в замке зажигания. Он сунул руки в высокие карманы пальто и немного постоял около машины на прямых ногах, глядя поверх черной воды на замшелые лодки. Одна из них была его катером, который он переделал из современной спасательной шлюпки.

Джерри оглянулся на здание гостиницы, отмечая, что ни одна лампа не была зажжена и что никакого движения в гостинице, казалось, не было. Он прошел наискось к воде; металлическая лестница вела прямо в море. Джерри осторожно спустился на несколько ступенек, а затем спрыгнул на палубу своего катера. Остановившись на несколько секунд, чтобы установить равновесие на шаткой палубе, он направился прямо к ухоженному капитанскому мостику. Не включая света, он наощупь нашел пульт управления и запустил мотор на прогрев.

В ожидании этого он вернулся на палубу и отдал швартовы.

Вскоре он уже прокладывал курс из гавани в открытое море.

Лишь один человек в конторе управления гавани видел, как Джерри уходил в море. К счастью для Джерри, этот человек был почти столь же продажен, как и те шестеро в доме в Блэкхите. У этого же, как обычно говорят, была своя цена.

Выдерживая знакомый курс, Джерри направлял лодку в сторону побережья Нормандии, где его покойный отец построил себе копию «Ле Корбюзье шато» — старое здание, добротно возведенное еще перед второй мировой войной.

Выбравшись за пределы трехмильной зоны, Джерри включил радио и поймал позднюю станцию, «Радио к-9», носившую название «Радио с перчинкой». Передавали всякую всячину; звучание походило на смесь греческой и пер-

сидской музыки в отвратительном исполнении, вероятно, одной из новых групп, которую люди рекламы все еще тщетно пытались протолкнуть. Сами по себе парни не имели о музыке абсолютно никакого понятия; для них оставалось тайной, что одна группа должна быть популярной, другая — нет, однако они были убеждены, что новый звук принесет им славу и деньги. Все это — в прошлом, во всяком случае, на настоящий момент, подумал Джерри. Он переключал станции, пока не обнаружил сравнительно приличную.

Эхо музыки разносилось над водой. И хотя Джерри из осторожности не включал света, его можно было услышать в полумиле; но, различив слабые очертания берега, выключил и радио.

Некоторое время спустя стала видна и выстроенная отцом копия «Ле Корбюзье шато» — просторное шестиэтажное здание с тем причудливым, несколько устаревшим внешним видом, который имели все «футуристические» здания двадцатых-тридцатых годов. Это шато в придачу носило налет немецкого экспрессионизма в архитектурных решениях.

Для Джерри дом этот символизировал собой самый дух резкого изменения в жизни, и он наслаждался чувством, охватившим его при виде силуэта здания, так же, как иногда наслаждался, слушая шлягеры последнего года. Дом в соответствии со старой банальной традицией был поставлен на самом краю утеса, пирамидой возвышавшегося над ближайшей деревней, находившейся милях в четырех. На дом был направлен луч прожектора, придававший ему вид, схожий с нелепым военным мемориалом. Джерри знал, что дом был воздвигнут небольшой армией немецких наемников — людьми, которые были таким же достоянием прошлого, как и построенное ими здание, и все же во временном отношении отражали некий дух годов тысяча девятьсот семидесятых.

Однако шел ноябрь тысяча девятьсот шестьдесят..., когда Джерри запустил двигатель и медленно двинулся по курсу, который — он знал — приведет его к утесу под домом.

Утес оказался хуже, чем если бы был отвесным; он полого опускался около сотни футов и нес на себе груз предупреждающих знаков опасности. Он был не под силу даже зна-

менитому Вольфу. Очертания обрыва давали Джерри Корнелиусу преимущество, так как он скрывал его лодку от телевизионных камер наблюдения, установленных в доме. Радар прощупывал пространство недостаточно низко, чтобы обнаружить его судно, а вот телевизионные камеры были направлены на все места, где была вероятность чьей-либо высадки. В данном случае брату Джерри — Фрэнку не довелось узнать о тайном вторжении.

Джерри поставил лодку на якорь у утеса с помощью манжет с мощными присосками, которые взял с собой для этой цели. В конструкцию манжет входили металлические кольца, и Джерри привязал якорные канаты к этим кольцам. Сам он рассчитывал вернуться прежде, чем спадет прилив.

Часть утеса была выполнена из пластмассы. Корнелиус легонько постучал по ней и подождал несколько мгновений, пока она не подалась внутрь на несколько дюймов и испуганное худое лицо не уставилось на него. Лицо принадлежало долговязому шотландцу, старому слуге и воспитателю Джерри Джону Гнатбельсону.

— Ах, сэр!

Лицо отступило, освобождая вход.

— Она в порядке, Джон? — спросил Джерри, протискиваясь за пластиковую дверь в кабинку с металлическими стенками.

Джон Гнатбельсон отступил назад, затем подался вперед, закрывая дверь. Ростом он был около шести футов четырех дюймов, долговязый малый почти без скул, с пучками бакенбардов до подбородка. Он был одет в старый жакет того покроя, который носят в Норфолке, и вельветовые брюки. Кости его, казалось, едва подходили друг к другу, и двигался он расхлябанно, как плохо управляемая кукла.

— Думаю, она при жизни, сэр,— заверил Гнатбельсон.— Как мило снова видеть вас, сэр. Надеюсь, сэр, ваше возвращение на сей раз — добрый знак, чтобы выкинуть из нашего дома вашего братца,— он посмотрел блестящими глазами куда-то в пространство.— Он сделал... сделал...

Глаза старого человека наполнились слезами.

— Веселей, Джон. А что он теперь поделывает?

— Вот этого-то я и не знаю, сэр. Мне не разрешили ви-

деть мисс Кэтрин последнюю неделю. Он говорит, что она спит. Только какой же это сон длится неделю, сэр?

— Может быть несколько видов,— достаточно холодно ответил Джерри.— Может быть, наркотики.

— Бог ведает, сколько их он сам употребляет, сэр. Он живет на них. Все, что он с некоторых пор ест,— это плитки шоколада.

— Я думаю, Кэтрин не стала бы по собственной воле употреблять снотворное.

— Никогда бы не стала, сэр.

— Она все еще в своих прежних комнатах?

— Да, сэр. Только у дверей охранник.

— Ты приготовился к этому?

— Я — да, только я боюсь.

— Конечно, боишься. А ты отключил управление этим входом?

— Не видел необходимости, сэр, но сделал это.

— Береженого Бог бережет, Джон.

— Да, я тоже так считаю. Только опять будет делом времени, прежде чем...

— Все — дело времени, Джон. Давай отправляться. Если управление отключено, мы не сможем воспользоваться лифтом.

— Не сможем, сэр. Придется карабкаться.

— Тогда пошли.

Они вышли из металлической камеры и попали в другую, похожую на первую, лишь чуть больше. Джон освещал путь фонарем. Показалась в виду клетка лифта с уходящей вверх шахтой. Параллельно кабелям, рядом с ними, уходила в темноту металлическая лестница. Джон сунул фонарь за ремень брюк и отступил назад. Джерри добрался до лестницы и начал взбираться.

В молчании они продвигались вверх больше пятидесяти футов, пока не оказались на самом верху шахты. Перед ними было пять входов в коридоры. Они направились в центральный вход. Коридор долго кружил и петлял, образуя часть сложного лабиринта, и, несмотря на то, что оба мужчины были знакомы с ним, иногда они мешкались на поворотах и развилках.

Наконец с некоторым облегчением они вошли в белую, освещенную неоновыми лампами комнату, в которой разме-

щался пульт управления. Шотландец подошел к панели и щелкнул выключателем. Красный свет над панелью погас, и зажегся зеленый. Стрелки на циферблатах задрожали, и несколько мониторов сфокусировали на экранах изображения участков маршрута, который они только что проделали. Виды комнаты у подножия шахты, сама шахта, коридоры в лабиринте, теперь ярко освещенные, появлялись и сменяли друг друга на экранах. Оборудование работало бесшумно.

На двери, ведущей из комнаты, имелся большой яйцевидный предмет салатового цвета. Джон прижал к нему ладонь. Распознав отпечаток ладони и откликаясь на него, дверь, отъехав в сторону, открылась. Они вошли в короткий тоннель, заканчивавшийся такой же дверью, которую Джон таким же образом и открыл.

Теперь они стояли в темном помещении библиотеки. Сквозь прозрачную стену справа они могли видеть море, подобное глыбе черного мрамора, прорезанного серыми и белыми прожилками. Большая часть остальных трех стен была занята полками из розового оргстекла. Полки были заполнены в основном книгами в дешевых бумажных обложках. Около полудюжины книг, переплетенных в кожу, с тиснеными золотом названиями, выделялись своим несоответствием. Джон направил на них луч фонаря и улыбнулся обеспокоенному Джерри:

— Они еще здесь, сэр. Он не часто сюда заходит; иначе он мог бы избавиться от них. Но не так уж это и страшно, так как у меня есть другой комплект.

Джерри вздрогнул и посмотрел на книги. Одно из названий гласило: «Временной анализ заката Запада», Джеремиа Корнелиус, МАВШ; другая книга называлась «К окончательному парадоксу», а рядом с ней — «Моделирование этики». Джерри понял, что здесь было от чего прийти в замешательство.

Часть стены библиотеки, выглядевшая достаточно естественно, была тем не менее фальшивой. Она откачнулась, открывая белую металлическую дверь и клавишу. Джерри нажал клавишу, и дверь открылась.

Показалась еще одна клетка лифта. Джон задержался и поднял небольшой ящичек, прежде чем они вошли внутрь и поехали вверх. Это был один из немногих лифтов в доме,

который, насколько им было известно, не был подключен ни к одной панели управления в шато.

На шестом этаже лифт остановился, и Джон, открыв дверь, осторожно выглянул. Площадка была пуста. Они вышли из лифта, и дверь — роспись во всю стену, напоминающая Пикассо в его наиболее позднем и банальном виде,— скользнула на место.

Комната, которая была им нужна, находилась в коридоре за основной площадкой. Мужчины молча подошли к углу, выглянули за него и опять спрятались.

Они увидели охранника. В руке он держал собранную автоматическую винтовку. Это был высокий тучный немец с внешностью евнуха. Он смотрел очень бдительно, вероятно, в надежде получить возможность воспользоваться своим бельгийским оружием.

Тогда Джон открыл ящик, который принес с собой, вынул оттуда небольшой стальной арбалет, весьма современный и отлично выполненный, и протянул его Джерри Корнелиусу. Держа арбалет в одной руке, Джерри ждал момента, когда охранник отвернется. Вскоре внимание охранника привлекло окно в конце коридора.

Джерри шагнул из-за укрытия, нацелил арбалет и нажал спуск. Однако охранник услышал его и отпрыгнул. Стрела лишь слегка чиркнула его по затылку. У них была лишь одна стрела.

Когда охранник начал поднимать ружье, Джерри побежал на него и сгреб пальцы его правой руки, оттаскивая их от оружия. Один палец треснул. В горле у охранника булькнуло, рот его широко открылся, и стало видно, что он без языка. В тот момент, когда он брыкнул Джерри, вмешался Джон со своим ножом, но не попал в затылок — удар пришелся в левый глаз. Лезвие вошло почти на все шесть дюймов, пробилось сверху вниз и вышло чуть ниже левого уха. Получив такой удар, тело немца мгновенно застыло в параличе.

Оно обмякло, лишь когда Джерри опустил его на пол; он нагнулся, вытянул нож из лица немца и протянул его Джону, вялому, как труп.

— Уходи отсюда, Джон,— пробормотал Джерри.— Если я сделаю это, я увижу тебя в комнате в скале.

Когда Джон Гнатбельсон отодвинулся, Джерри дернул

ручку двери. Но только повернув торчавший в замочной скважине ключ, Джерри открыл дверь; ключ он забрал с собой. Оказавшись в комнате, он тихо прикрыл дверь и снова запер ее.

Он стоял в женской спальне.

Тяжелые занавеси наискось закрывали большие окна. То место, в котором он оказался, было наполнено застоявшимся запахом мочи и боли. Джерри пересек знакомую комнату и, найдя лампу у кровати, включил ее.

Красный свет залил помещение. На кровати лежала прекрасная девушка в неброском платье. Ее великолепные черты напоминали его собственные. Черные волосы девушки спутались, маленькие груди вздымались и опадали судорожно и прерывисто, дыхание было частым, неглубоким. Состояние ее вовсе не было естественной формой сна. Джерри поискал метки на коже и нашел их на правой руке около плеча. Она явно не сама управлялась с иглой; это сделал Фрэнк.

Джерри тронул ее оголенное плечо.

— Кэтрин!

Он наклонился и поцеловал ее холодные мягкие губы, баюкая ее. Ярость, жалость к себе, отчаяние, страсть — все эти чувства проявились теперь, поднимаясь из глубины, и он впервые не стал их сдерживать.

— Кэтрин!

Девушка не шевельнулась. Джерри плакал, содрогаясь всем телом; попытки сдерживать дрожь были напрасными. Он схватил ее руку и ощутил как бы прикосновение к руке трупа. Тогда он сжал ее, будто надеясь, что боль пробудит девушку. Потом он разжал пальцы и встал.

— Дерьмо!

Раздвинув занавеси, он открыл окна. Ночной воздух вытеснил затхлый запах из комнаты.

На прикроватном столике девушки не было косметики, только пузырьки из-под наркотиков и несколько кожных мазей.

Ярлычки на пузырьках носили крошечные надписи, сделанные Фрэнком; он экспериментировал.

Снаружи кто-то вскрикнул и принялся дубасить в металлическую дверь. На секунду он уставился на дверь отсутст-

вующим взглядом, затем подошел к ней и вставил в гнезда верхнюю и нижнюю задвижки.

Жесткий, холодный голос прервал крики:

— Что случилось? Кто-то оказался достаточно невоспитанным, чтобы войти в комнату мисс Кэтрин без ее разрешения?

Джерри узнал голос Фрэнка, который, вне всякого сомнения, подозревал, что в комнате находился его брат.

Раздались смущенные возгласы охранников, и Фрэнку пришлось возвысить свой голос:

— Кто бы ты ни был, ты ответишь за нарушение частных прав моей сестры, ты не можешь выйти оттуда, если ты как-нибудь обидел ее или помешал ей, обещаю, ты скоро умрешь. Да только ты и сам этого захочешь.

— Избито, как всегда, Фрэнк! — прокричал в ответ Джерри.— Я знаю, что ты понял: это я, и знаю, что ты уже наложил в штаны от страха. У меня здесь больше прав, чем у тебя. Дом принадлежит мне!

— В таком случае тебе следует остаться, а не передавать его мне и Кэтрин. Говорю, что думаю, Джерри!

— Отошли своих фрицев, войди, поговорим. Мне нужна только Кэтрин.

— Я не так наивен. Ты никогда не узнаешь, чем я накачал ее, Джерри. Только я могу разбудить ее. Это ведь, как волшебство, а? Она хорошо накачана. Но если б я ее сейчас разбудил, ты не храбрился бы так и не сиганул бы с ней в койку через десять минут.— Сказав это, Фрэнк засмеялся.— У меня здесь, за дверью, доза того, что потребуется тебе, прежде чем ты сможешь это, а потом ты больше этого не захочешь. Ты не можешь принять дозу и сделать это, Джерри!

Фрэнк был в хорошем настроении. Джерри заинтересовало, что такое тот нашел, что могло бы его взбодрить. Фрэнк всегда был нацелен на новые соединения и, как хороший химик, обычно каждый раз выходил с новенькой находкой. Та ли эта смесь, что текла сейчас в венах Кэтрин? Наверное, нет.

— Бросай сюда свою иглу и входи с чистыми венами, Фрэнк,— прокричал в ответ Джерри, подлаживаясь к сложившейся ситуации. Он достал из кармана то, что приготовил для встречи с Фрэнком, и ждал, однако тот, казалось,

не собирался принимать его предложение. Пули начали грохотать в дверь. Вскоре, однако, по ту сторону двери вынуждены были остановиться, так как Фрэнк придавал очень уж большое значение рикошету. Они прекратили стрельбу.

Джерри прошел к кровати и поднял с нее свою сестру, но потом опять опустил: в этом не было никакого смысла; с ней у него не будет и шанса выбраться отсюда. Ему придется оставить ее и лелеять надежду, что мозг Фрэнка не дойдет до мысли об убийстве. Однако особых оснований для надежды не наблюдалось: медленная смерть была единственной стоящей вещью в книге судеб Фрэнка. Из кармана своего пальто Джерри вынул плоскую коробочку, похожую на табакерку, и раскрыл ее. В ней лежали два маленьких фильтра. Он вставил по одному в каждую ноздрю и, плотно сжав губы, запечатал их пластырем, взятым из другого кармана.

Затем он отодвинул задвижки на двери и, медленно повернув ключ, слегка приоткрыл дверь. Фрэнк стоял на небольшом отдалении, говоря что-то четверым штурмовикам. Кожа у Фрэнка была серая, натянутая на его почти бесплотный скелет, подобно безжизненной пленке из пластика. Они еще не заметили, что дверь открылась.

Джерри бросил в коридор гранату. Стоявшие заметили ее падение, но только Фрэнк благодаря своим познаниям в химии узнал в ней гранату с нервно-паралитическим газом и, ни секунды не медля, бросился вон из коридора, показывая охранникам пример.

Джерри поспешно шагнул из комнаты и плотно закрыл за собой дверь. Охранники попытались было ринуться к нему, но газ уже начал свое действие. Когда они задергались, подобно эпилептикам, и попадали на пол, подпрыгивая в конвульсиях, Джерри окинул их довольным, оценивающим взглядом.

Джерри Корнелиус двинулся следом за Фрэнком Корнелиусом, обнаружил его у лифта, нажимающим кнопку вызова, но лифт ушел вниз, к библиотеке. Увидев Джерри, Фрэнк выругался и побежал в конец коридора, к лестнице. Джерри принял решение, что больше не хочет видеть Фрэнка в живых, и достал свой пистолет с иголками. Пневматический пистолет вмещал магазин с сотней разрывных пулек

и обладал такой же эффективностью на коротких дистанциях, как и любой мелкокалиберный пистолет, он был оружием куда более точным и к тому же не пачкался. Единственным его недостатком было то, что его приходилось перезаряжать после каждого выстрела.

Джерри побежал за братом. Фрэнк явно был без оружия; он стремительно бежал вниз по винтовой лестнице. Прислонившись к перилам, Джерри прицелился в голову Фрэнка.

Но, когда он навел свое оружие, понял, что и сам надышался нервно-паралитическим газом: оружие в его руке два раза подпрыгнуло, и он непроизвольно нажал на курок. Иглы разлетелись веером, а Фрэнк пропал со ступеней на третьем этаже и был теперь вне поля зрения.

Джерри услышал голоса и шум шагов, и понял, что Фрэнк позвонил в другую секцию охраны. У него больше не было гранат с газом. Оставалось только уходить.

Он побежал обратно по площадке. Лифт ждал его. Фрэнк мог предположить, что лифт не работает, поскольку ему самому с лифтом не повезло. Джерри вошел в лифт и спустился вниз, в библиотеку; она была пуста. В библиотеке он задержался, чтобы взять с полки свои книги. Джерри открыл стеклянную дверь, шагнул на балкон, бросил книги в море, вернулся в библиотеку, аккуратно закрыл дверь и постучал у другого входа. Дверь открылась; за ней стоял Джон. Он все еще был бледен.

— Что случилось, сэр?

— Может быть, он никогда толком и не догадается, Джон, так что ты еще можешь выбраться из этого. Я думаю, он расстроен. Выбор сейчас за тобой. В воскресенье ты должен как-нибудь вызволить Кэтрин из этого дома и доставить в домик на краю деревни. Вероятно, будет много суматохи, и тебе удастся достаточно просто сделать это. Только не допусти ошибки. Вы оба нужны мне в том домике.

— Да, сэр, но...

— На детали нет времени, Джон. Сделай это. Не провожай меня.

Джерри Корнелиус прошел через помещение с пультом управления, и Джон опять выключил оборудование.

А потом Джерри был уже на обратном пути, с фонарем в руке пробираясь к лодке.

Через двадцать минут он снова смотрел вверх, на дом, из

своей лодки, которая продвигалась к английскому берегу. Теперь дом был полон света и выглядел так, словно его обитатели устраивали вечеринку.

До рассвета оставался еще час. Он еще успевал вернуться в Саутквэй до того, как новый человек заступит на пост в конторе управления гавани.

3

В воскресенье утром мисс Бруннер и Димитрий выехали в Блэкхит. Она закрыла дверь своего дома в Голланд Парке и сунула записку для молочника в пустую бутылку на ступеньке лестницы. К тому моменту, как она, надев перчатки, изящной походкой двинулась по дорожке от дома, Димитрий уже завел «лотус-15».

Позже, когда они пережидали поток машин на Найтсбридж, чтобы, вклинившись в него, начать движение, мисс Бруннер решила, что вести машину будет она, и они с Димитрием поменялись местами. Меняться местами было их обычаем, удерживавшим их вместе в столь ненадежное время.

— Лучше было бы, чтоб мистер Корнелиус был там,— с нажимом произнесла мисс Бруннер, ведя машину по Слоун-стрит, меньше загруженной транспортом, чем это могло бы быть в рабочий день. Димитрий сидел сзади и курил. Он выдержал изнурительную ночь, и в этот раз был не так доволен собой, как обычно, в особенности из-за того, что мисс Бруннер все время настойчиво называла его Корнелиусом.

Пусть выдумывает, решил он про себя. И все-таки он, видимо, ревновал к Корнелиусу: ему потребовалось две чашки крепкого кофе, когда, поднявшись, убедился, что он — вовсе не Джерри Корнелиус. С другой стороны, было не так легко убедить в этом мисс Бруннер, и сегодня она была настолько плохой, какой не была с самого четверга.

Ну, что ж, в случае удачи к понедельнику все кончится, и они смогут приступить к следующей фазе их плана — фазе, куда более сложной, которая требовала и работы мысли, и немного энергичных действий.

Жаль, что нападение на дом было единственным путем;

ему эта идея вообще не нравилась — с самого первого предложения, но, поразмыслив о деле, он уже наполовину желал этого. Просто сам факт был ему помехой.

Мисс Бруннер с откровенным удовольствием провела нервно подрагивавший «лотус-15» через вестминстерский мост и смело въехала в лабиринт улиц за мостом, а затем выехала на Старую Кентскую дорогу.

Она приняла решение, что должна овладеть Джерри Корнелиусом, и знала, что эта ситуация принадлежала к числу тех, в которых она должна действовать самостоятельно, не полагаясь на Димитрия. Островатый шик, думала она, этакий довольно пикантный шик. И она почувствовала себя лучше.

Мистер Крукшенк, агент эстрадных артистов, поцелуем попрощался с мисс Дэззл. Крохотная мисс Дэззл была основательно обнажена — так, как не появилась бы на сцене, разве что с той единственной целью, чтобы публика увидела, что она действительно обладает самыми изысканными мужскими гениталиями, какие ей, например, только приходилось видеть.

Мистер Крукшенк решил, что еще не настал момент открыть этот особый секрет; нет, не настал, пока в течение трех дней недели мисс Дэззл с каждым записанным ею диском очень ровно продвигалась к позиции первого номера в Десятке Лучших Девушек. Когда окажется, что пятое место — потолок для нее, тогда могут появиться слабые слухи. Потом, может быть,— женитьба, рассчитывал он, хотя ему была ненавистна сама мысль потерять мисс Дэззл.

Готовый к поездке «роллс-ройс» мистера Крукшенка, с шофером в салоне, ожидал его внизу у входного холла, ведущего к квартире мисс Дэззл в Блумсберри.

Шофер знал дорогу сюда.

Мистер Крукшенк включил встроенный приемник, когда машина легла на курс в направлении в Блэкфрайэр-бридж. Он покрутил ручку настройки и, по счастью, наткнулся на последний хит Крошки Мисс Дэззл, который давали на «Биг Бит Колле» — круглосуточной программе поп-музыки. Это была заводная песня, и мистер Крукшенк вполне завелся. Слова, казалось, адресовались ему:

Я — часть тебя, я — твое сердце,
Хочу с тобой начать, и знаю...

Ритм поменялся с четырех четвертей на трети четверти, гитары обрушились в пятую, когда она запела:

И только: что это,
И только: что это,
И только: что это,
Хочу я знать.

Он глянул из окна, когда машина ехала по Фаррингтон-стрит в направлении моста. Воскресные труженики все, казалось, двигались в том же направлении, как-будто над землей слышался голос лемминга. В несколько философском настроении мистер Крукшенк решил, что голос действительно слышался — по всей Европе.

Мистер Повис встал поздно, ибо обычно воскресенье было для него днем отдыха, и вообще он поднялся раньше обычного лишь потому, что знал: ему следовало быть этим утром в Блэкхите. Он вышел из своего маленького домика в Гайд-Парке с порезом после бритья на лице и во вчерашней рубашке. Он выгнал за угол гаража свой синий «Астон Мартин» и убрал в нем крышу в надежде на то, что сырой бриз окончательно разбудит его во время езды.

С той же целью он включил радио, хотя уже слишком сильно опаздывал, чтобы услышать в исполнении Крошки Мисс Дэззл «И только: что это». Вместо этого он наткнулся на самую середину песни «Хвостатых ребят» Длинного Тома «Сосунки того заслуживают». Если у мистера Повиса была своя судьба, то «Хвостатые» Длинного Тома пели сейчас ее мелодию — не то, чтобы это сразу открылось мистеру Повису, он это почувствовал потом. Единственное воздействие, которое произвела на него эта песня в тот момент,— это то, что в результате он почувствовал голод, хотя и не понял, каким образом. Мысль его вернулась к мисс Бруннер и Димитрию, которых — обоих — он знал весьма близко. Вообще было крайне маловероятно, что он согласился бы на это предприятие, если бы не знал их так хорошо.

Мисс Бруннер и Димитрий умели убеждать. За исключением моментов чрезвычайной серьезности, они обычно были

неотделимы друг от друга в его памяти: мисс Бруннер и Димитрий.

Мистер Повис был несчастным, озабоченным человеком. Он проехал через парк, воздух в котором показался ему чище, и, свернув налево, въехал в район Рыцарского моста — легендарный квартал воров в Лондоне, где у каждого входа в магазин (или, чтобы быть точнее, в каждом магазине) следовало ожидать встречи с вором того или иного обличья. Он тоже выбрал Слоун-стрит, однако проехал через Бэттерси-Бридж и, лишь добравшись до Клэфом-Коммон, понял, что ошибся и теперь уже откровенно опаздывал по сравнению с прежними случаями.

К тому времени, когда машины пересекли реку, мистер Смайлс завтракал в своем доме в Блэкхите, удивляясь, как это он оказался в этом деле на первой роли. Его осведомленность об информации (возможно, на микрофильме), которую надо было найти в доме старика Корнелиуса, происходила от друга Фрэнка Корнелиуса — преуспевающего импортера наркотиков, который снабжал Фрэнка редкими химикалиями для его экспериментов. В некий момент легкого настроения у Фрэнка кое-что соскользнуло с языка, а мистер Харви — импортер — позже ляпнул то же самое мистеру Смайлсу, и тоже в состоянии благодушия.

Лишь мистер Смайлс наладил контакт с Джерри Корнелиусом, которого он не видел некоторое время,— да, действительно, с того дня, когда он и Джерри ограбили Сити Юнайтед Бэнк на сумму около двух миллионов фунтов и — каждый с миллионом — разошлись. Расследование, предпринятое полицией, проводилось без какого-либо энтузиазма, словно ее внимание было сконцентрировано на более серьезных преступлениях того дня, при полном понимании того, что попавший в тиски инфляции фунт более не стоит даже попыток как-то его защитить.

Мистер Смайлс был кем-то вроде мистика и мог читать приметы. Он видел, что всю западноевропейскую экономику, включая Швецию и Швейцарию, в скором времени ожидал коллапс. И та информация, которую мистер Харви любезно передал ему, способствовала бы приближению этого коллапса,— но только, если использовать ее должным обра-

зом, что и поставили мистер Смайлс и его «коллеги» во главу угла. У них в руках прелестнейшим образом окажется почти вся власть, когда, наконец, наступит анархия.

Мистер Смайлс поигрывал яичницей, размышляя почему это желтки все время прорываются.

В своем номере в «Яхтсмене», снятом на постоянный срок, Джерри Корнелиус проснулся в то утро в семь часов и надел лимонного цвета рубашку с небольшими черными запонками и широким черным галстуком, темно-серый жилет, такие же хиповые брюки и черные ручной работы ботинки. Он вымыл свои чудесные волосы, и в довершение расчесал их так, что они сияли.

Потом Джерри вычистил щеткой одно из своих полуформенных двубортных черных пальто и надел его.

Он натянул черные замшевые перчатки и закончил свои приготовления к встрече с миром, нацепив черные очки.

Джерри поднял с постели предмет, оказавшийся несессером из черной кожи. Он раскрыл его, чтобы убедиться, что оружие с иголками на месте, и закрыл несессер.

Держа его в ревой руке, Джерри спустился по лестнице мимо кивнувшего ему хозяина и сел в натертый до блеска «кадиллак».

Мгновение он сидел в машине, глядя в сторону серого моря.

В защелке перед лобовым стеклом все еще стоял на четверть наполненный бокал. Джерри вынул его, опустил стекло и выбросил бокал за окно. В «бардачке» он нашел новый, упакованный в бумагу бокал, зафиксировал его в защелке и наполнил до половины из той же бутылки. После этого Джерри запустил двигатель, развернул машину и выехал, включив магнитофон сразу, как только оказался на главной улице Саутквэй.

Джон, Джерри, Пол и Ринго приветствовали его из всех трех громкоговорителей серенадой — старой доброй «Бэби в черном»:

— О, милый, что я мог поделать,
Ведь бэби — в черном,
А мне так плохо...

Они были его любимой группой.

— Она думает о нем и носит черное.
И, хоть ему уж не вернуться никогда,
Она всегда в одежде черной.

На полпути в Блэкхит Джерри сделал остановку у газетного магазина, взял пару «Марс Барс», две чашки крепкого черного кофе и пару фунтов свежеотпечатанных газет: «Блок новостей», «Деловой блок», «Блок досуга», «Блок искусств», «Поп-блок», «Авто-блок», «Юмористическое приложение», «Приложение новелл» и «Воскресное рекламное приложение». «Блок новостей» представлял собой просто газетный лист, новости носили краткий характер и к тому же не были снабжены комментариями. Джерри не читал их. Он на самом деле ничего не читал, кроме части «Юмористического приложения», хотя там было много на что взглянуть. Сообщения в эти дни все чаще принимали вид картинок, что очень устраивало Джерри.

Он съел свои конфеты, выпил кофе, свернул газеты и, оставив их на столе почти нетронутыми, вернулся к машине, чтобы продолжить путешествие в Блэкхит.

Джерри обнаружил, что ему не нужно было много есть, так как он мог отлично питаться энергией других людей, хотя их это, конечно, изнуряло. Не в его правилах было сохранять множество знакомств надолго, и Кэтрин была единственным человеком, от которого он не подпитывался. Наоборот, ему доставляло наслаждение выделять ей в поддержку немного уворованной им жизненной энергии, когда она чувствовала упадок сил. Ей это не очень нравилось, но потребуется, когда он при случае вызволит ее из этого дома и вернет к нормальной жизни, если ему вообще удастся вернуть ее.

Он наверняка убьет Фрэнка, когда они нападут на дом. Последняя игла для Фрэнка вылетит из оружия Джерри; она окончательно добьет его — вот чего жаждал Джерри.

К двум часам не подъехал только мистер Лукас, и они не стали ждать, чувствуя некоторое раздражение по его адресу, что было не совсем справедливо, ибо мистер Лукас вчера вечером был зарезан в Айлингтоне и ограблен на большую часть добытого в казино выигрыша разъяренным неудачником, которому самому не далее как в следующий понедель-

ник суждено было упасть с лестницы и убиться, неся его деньги в банк,— в полном соответствии с судьбой всегдашних неудачников.

Мисс Бруннер и Димитрий, мистер Крукшенк и мистер Повис — все вместе смотрели на карту, которую мистер Смайлс разложил на столе. Джерри Корнелиус, стоя у окна, курил тонкую сигарету и вполуха слушал, как собравшиеся осуждали детали экспедиции.

Мистер Смайлс указал на крест, грубо начерченный посреди Ла-Манша между Дувром и Нормандией:

— Вот здесь будет ожидать лодка. Людей я нанял в Танжере. Они откликнулись на объявление. Сначала они думали, что отправляются стрелять африканцев, но мне удалось переубедить их. Состав команды — в основном белые южноафриканцы, бельгийцы и французы. Есть пара бывших английских офицеров; этих я, конечно, ввел в курс дела. В отличие от южноафриканцев, они загорелись, когда я им сообщил, что они будут бить в основном немцев. Просто удивительно, как некоторые умудряются нахлебничать, правда?

— Вот как? — мистер Повис, как обычно, был слегка неуверен.— И они вот здесь будут ждать нас на якоре?

— Мы сочли, что так будет лучше всего, знаете ли. Собственно, прибрежный патруль встречается теперь не так часто, как прежде, и нам нет нужды слишком уж беспокоиться.

Мисс Бруннер указала на деревню рядом с особняком Корнелиуса:

— А как насчет этого?

— Передовая группа из пяти человек оставит деревню без связи. У жителей, конечно, будет возможность увидеть кое-что из происходящего, однако мы не предвидим никаких помех с их стороны. Все сообщения, поступающие по радио или телефону, будут закодированы.

Мисс Бруннер взглянула на Джерри Корнелиуса.

— А вы, мистер Корнелиус, не ожидаете никаких препятствий до того момента, как мы попадем в это место с утесом?

Джерри кивнул.

— Лодки, такие по размерам, как ваша «Ласточка», да и моя собственная, почти наверняка будут замечены. У них там радар. Я подозреваю, что мой брат все еще будет пола-

гаться главным образом на западню в лабиринте и прочие подобные штуки. Но в самом доме будут и еще сюрпризы. Как я вам сказал, нам надо будет попасть в главное помещение, в котором размещается пульт управления, как можно быстрее. Оно находится в центре дома. Оказавшись там, мы сможем выключить его, и тогда будет равный бой, пока мы не захватим Фрэнка. По моим оценкам, если вы продержите его без зелья часа два, он сообщит вам, где микрофильм.

Мисс Бруннер спокойно произнесла:

— Тогда, значит, мы должны охранять Фрэнка во что бы то ни стало.

— Пока не получите нужную вам информацию — да. А потом им займусь я.

— В ваших словах полным-полно мести, мистер Корнелиус,— улыбнулась ему мисс Бруннер.

Джерри передернул плечами и снова отвернулся к окну.

— Ну, кажется, мало что есть еще обсуждать,— с этими словами мистер Смайлс предложил всем свои сигареты.— Нам надо убить еще час-два.

— Убить надо еще три часа, если мы выходим в пять,— уточнила мисс Бруннер.

— Три часа? — огляделся мистер Повис.

— Три часа,— ответил мистер Крукшенк, кивнув и посмотрев на свои часы.— Почти.

— Какое сейчас точное время? — спросил мистер Смайлс.— Мои часы, кажется, остановились.

— Согласен, эти лиры стоят тридцать центов за миллион,— мистер Крукшенк зажег большой золотой зажигалкой сигарету мисс Бруннер.

— Они никогда больше не выберутся из Общего рынка,— с сожалением произнесла мисс Бруннер.

— А что им еще делать?

— Марка еще сильна,— проговорил мистер Повис.

— А, эта русско-американская марка! Они не смогут продолжать поддерживать ее до такой степени,— мистер Смайлс довольно улыбнулся.— Точно: нет.

— Я не уверен, что мы были правы,— сказал мистер Повис так, словно он все еще был в чем-то неуверен. Он пытливо посмотрел на бутылку «Скотч» на буфете.

Мистер Смайлс повел хозяйски-приглашающим жестом

руки в направлении бутылки. Мистер Повис поднялся и щедро налил себе.

— Я имею в виду — отказываясь выплачивать все эти европейские займы. Я так думаю.

— Это не был прямой отказ,— напомнил ему Димитрий.— Мы лишь попросили о неопределенном временном пределе. Британия — ну, точно темная лошадка сегодня, да?

— Тут уж ничем не поможешь, и если нам сегодня повезет, то ситуация для нас надолго изменится в выгодную сторону,— мистер Смайлс почесал бороду и прошел к буфету.— Кто-нибудь желает выпить?

— Да, пожалуйста,— отозвался мистер Повис.

Остальные тоже приняли предложение, кроме Джерри, который все еще смотрел в окно.

— Мистер Корнелиус!

— Что? — поднял глаза Димитрий.— Ах, извините.

Мистер Повис, державший по бокалу в каждой руке, насмешливо глянул на него. Мисс Бруннер направила на Димитрия сияющий взгляд.

— Мне немного,— Джерри, не заметил ошибки Димитрия, хотя, принимая бокал из рук мистера Смайлса, он в какой-то момент широко осклабился.

— О, мы живем в довольно странное время, не так ли? — С того самого момента, как ему явился зыбкий образ лемминга, мистер Крукшенк сохранял философский взгляд на вещи.— Общество на краю гибели, да? Угроза хаоса!

Мистер Повис предпринял попытку вылить один полный бокал «Скотча» в другой; виски полилось на ковер.

Корнелиус почувствовал, что мистер Повис немного перебирает. С легкой улыбкой он присел на подлокотник стула мисс Бруннер; она подвинулась, попытавшись заглянуть Джерри в лицо, но безуспешно.

— Возможно, Запад дошел в своем развитии до этапа квазара,— знаете, 3С286 или как там его,— торопливо, полурассерженно заговорила мисс Бруннер, отклоняясь от Джерри Корнелиуса.

— А что это? — обсасывал свои пальцы мистер Повис.

— Да, а что это? — Создалось впечатление, что мистер Крукшенк явно упустил вопрос мистера Повиса, так как задал точно такой же.

— Квазары — объекты звездного неба,— сообщил Джерри,— настолько массивные, что они достигли гравитационного коллапса.

— И что же тут общего с Западом? — спросил мистер Смайлс.— Астрономия?

— Чем массивнее — в смысле населения — становится регион, тем большую массу он привлекает, пока не достигается состояние гравитационного коллапса,— пояснила мисс Бруннер.

— Я полагаю, энтропия, мистер Крукшенк, а не хаос,— мягко вставил Джерри.

Мистер Крукшенк улыбнулся Корнелиусу и покачал головой.

— Вы чуть обходите меня, мистер Корнелиус,— при этих словах он улыбнулся и остальным.— И даже всех нас, я бы сказал.

— Меня — нет,— упорно поправила мисс Бруннер.

— Науки становятся до странного взаимозависимыми, я прав, мистер Корнелиус? — проговорил Димитрий, заявление которого, казалось, повторяло то, что он уже говорил раньше.— История, физика, география, психология, антропология, онтология. Один индус, встреченный мною,...

— Я бы предложила разработать программу,— сказала мисс Бруннер.

— Не думаю, что для этого найдется компьютер,— возразил Джерри.

— Я намереваюсь сделать программу,— произнесла она так, словно мысль об этом возникла у нее только что.

— Вам придется учитывать и искусства,— заявил он.— Не говоря уж о философии. И возможно, что лишь вопрос времени — когда возникнет мысль об этом, прежде чем все данные кристаллизуются во что-то интересное.

— Времени?

— И этого тоже.

Мисс Бруннер улыбнулась Джерри.

— В нас есть нечто общее, только я пока не совсем поняла, что.

— У вас хорошее настроение,— обратился мистер Повис к Джерри.

— У меня есть еще дела,— ответил было Джерри, но мистер Повис уже вновь таращился на свой «Скотч».

Мисс Бруннер ощущала чрезвычайное удовлетворение. Она вернулась к теме:

— Мне бы хотелось иметь побольше информации. Вы же знаете, что этот компьютер можно было бы создать; только вот что создаст в свою очередь он? Куда мы движемся?

— Вероятно, в направлении перманентного движения, если позволителен такой парадокс. Немногим хватит ума выжить. И, когда Европа окончательно потеряется между русскими и американцами — надеюсь, не при моей жизни,— какую проверку устроят выжившим! Будут ли они иметь какое-либо значение для своих новых хозяев? Вам надо не забыть об этом, мисс Бруннер, какие бы события ни походили на свидетельства превышения нынешней скорости,— Джерри игриво похлопал ее по плечу.

Она потянулась вверх, чтобы коснуться его руки, но та уже исчезла. Он поднялся.

— А может ли время превысить «с»? — засмеялась она.— Я ускользаю, мистер Корнелиус. Но мы должны возобновить эту беседу.

— Сейчас или никогда,— объявил он.— Завтра я уеду, и мы никогда больше не встретимся.

— Вы весьма самоуверенны.

— Приходится,— и, отходя назад к окну, он больше уже не улыбался, вспомнив Кэтрин и то, что он должен сделать с Фрэнком.

Беседа за его спиной продолжилась.

Мисс Бруннер была в диком, возбужденном состоянии.

— А какова ваша философия на предстоящий Легкий Век, мистер Повис? Знаете — век «с»? Это лучший период, если подумать еще раз.

— Второй раз? — мистер Повис никак не мог свести концы с концами. Сейчас он добрался до своей пятой мысли, пытаясь сравнить ее с четвертой, и, насколько он мог припомнить,— с третьей.

Мистер Повис деловито распадался на части.

Мистер Смайлс от души наполнил его бокал: в каждом из нас есть толика добра.

4

Джерри направлял лодку на свет, внезапно вспыхнувший рядом с гаванью. Освещенное зеленоватым отблеском панели приборов, лицо его казалось более странным, чем когда-либо, всем, кто в ожидании собрался на палубе за его кабиной.

Мисс Бруннер, наиболее склонная к такого сорта делам, выразила мысль, что противоречивые течения времени второй половины двадцатого столетия, по-видимому, отразились в нем, и казалось, мысль прошлая рвалась вперед, в то время как мысль будущая устремлялась назад.

Что задумывал Корнелиус? Распад времен? Она не читала ни одной из его книг, но слышала о них. Не говорил ли кто из них о цикличности времени, подобно Дану? Окончательный пункт прошлого, следовательно, станет окончательным пунктом для будущего. Однако что, если что-то нарушит цикл? Может быть, некое историческое событие такой значимости, что вся модель изменится. Природа времени, в предположении цикличности его характера, будет разрушена. Круг разомкнется, и — что только не может произойти?! Вот уж что наверняка выставит Шпенглера* в глупом свете, позабавила ее мысль.

Если бы был создан ее компьютер и она могла бы с успехом начать свой проект, она могла бы стать тем существом, которое сможет сохранить кое-что от разрушения. Она могла бы объединить все, что останется, в одну большую программу,— окончательную, финальную программу, думалось ей. Сознание и бытие, сведенные вместе, соединятся. В прошлом такие попытки успеха никогда не имели, но сейчас у нее появится возможность выполнить это, ибо время, видимо, подоспело. Ей потребуется больше сил и больше денег, но с долей удачи и при разумном использовании шаткой ситуации в мире она может получить и то и другое.

Джерри провел лодку вдоль борта более крупной посудины. Он проследил за тем, как пассажиры поднялись на борт, но сам к ним не присоединился, предпочитая, чтобы по окончании экспедиции его ждала его собственная лодка.

---

* Немецкий философ-идеалист, историк. Ред.

Судно тихо пошло в направлении берегов Нормандии, а он последовал сзади, располагая свою лодку чуть сбоку, чтобы избежать главных помех кильватера судна. Судно принадлежало мистеру Смайлсу, который, как и Джерри, вложил свои деньги в реальные вещи, пока они еще имели какую-то ценность.

Постепенно линия нормандского берега становилась все виднее, Джерри выключил двигатель; на судне последовали его примеру. Джерри вышел на палубу, когда с судна ему выкинули швартовы. Он быстро укрепил конец. Ночь стояла холодная.

Судно опять стартовало, теперь уже с Джерри в хвосте. Оно направилось к утесу, на котором высилась копия «Ле Корбюзье шато», силуэтом выделяясь в лунном свете.

Существовала небольшая надежда, что сравнительно крупную лодку не заметят на радаре в особняке. Лодку же Джерри не заметят — она сидела гораздо ниже в воде. Капитанский мостик, широкая труба, поднимавшаяся над пассажирском отсеком и двигательной установкой, как раз и могли дать вспышку на радаре.

Микрофильмы старого Корнелиуса были скрыты глубоко в недрах шато, в укрепленном помещении, которое, наверное, не выстоит против взрывов, но, атакованное таким образом, автоматически приведет к разрушению пленки.

Информация, которая требовалась бесстрашной команде, вероятно, была там, однако единственным безопасным способом завладеть пленкой было открыть укрепленную комнату обычным образом, и вот почему Фрэнка, которому были известны различные коды и необходимые приспособления, следовало сохранить и допросить, а случись, что повезет, то и заставить самостоятельно открыть эту комнату.

Весь дом был построен вокруг этой укрепленной комнаты. Его и построили, чтобы защитить микрофильмы. В нем было очень мало того, чем он казался внешне. И он был оснащен странным оружием.

Глядя снизу вверх на здание, Джерри думал, насколько сильно дом напоминал хитрую голову отца.

Практически в каждой комнате, каждом коридоре, каждом алькове имелись ловушки, и поэтому Джерри был так ценен для экспедиции. Он не знал комбинацию укрепле-

ной комнаты, но все остальное в доме было ему, выросшему здесь, хорошо известно.

Если бы он не ушел отсюда после той ночи, когда отец застал его с Кэтрин, он бы унаследовал эти микрофильмы по праву первородства, так как был старшим братом; однако этой чести был удостоен Фрэнк.

Разыгрался ветер; он шумел в деревьях, рычал среди башен шато. Тучи, рваными кусками несшиеся по небу, скрывали луну.

Судно закачалось.

Со стороны дома ударили лучи прожекторов.

Прожекторы были направлены в основном на сам дом, освещая его, подобно некоему историческому монументу, каковым на самом деле он и был.

Лучи мигнули, появился еще один мощный луч, движущийся по воде. Он попал на судно.

Появились еще лучи, собрались на доме, особенно на крыше.

Джерри закричал:

— Отведите глаза от крыши! Не смотрите на башни! Помните, что я говорил вам!

Вода плескалась о борта судна, застопорившего в ожидании.

На крыше поднялись три круглые башни. Они начали вращаться в синем луче прожектора. Цвет изменился на красный, затем — на желтый, потом — на сиреневый. Сначала башни вращались медленно. Они выглядели наподобие больших бункеров со щелями для пулеметов, расположенными с интервалами вдоль их вертикальной стенки. Сквозь эти продолговатые щели стал пробиваться яркий свет, создавая геометрические фигуры в ярких основных цветах радуги, с шипением, как от неоновых ламп. Башни закружились быстрее. Практически невозможно было оторвать от них взгляд.

Джерри Корнелиус знал, что означали гигантские башни. Стробоскоп Михельсона* восьмого типа. Они притягивали взгляд и сковывали все члены, всю волю. Что-то схожее

---

* В.А. Михельсон — русский физик и геофизик. Труды по изучению и распространению света, физики горения. Ред.

с эпилепсией могло стать результатом слишком долгого разглядывания этих башен.

Ветер и свистящие башни издавали высокое, улюлюкающее завывание. Все быстрее и быстрее крутились башни; яркие металлические цвета сменили радугу — серебро, бронза, золото, медь, сталь.

Сначала глаза, потом — разум, подумал Джерри.

Он увидел, что один из наемников на лодке стоял завороженный: остекленевшими, немигающими глазами он уставился на гигантские стробоскопы; руки и ноги у него одеревенели.

Луч прожектора нашел его, и из двух бетонных укреплений на утесе пулеметы влепили в него с полдюжины очередей.

Его окровавленное тело с силой швырнуло назад; оно обмякло и рухнуло. Джерри все еще кричал ему что-то, чтобы отвести его взгляд от стробоскопов.

Потом перестал кричать. Он не ожидал проявления силы так скоро. Фрэнк явно использовал шанс. Он пригнулся за кабиной, пока лодки смещались к утесам. Нависавшие глыбы укрыли их.

Через минуту башен уже не было видно. Они были разработаны преимущественно для отражения сухопутного нападения.

Когда его лодка ударилась о судно, Джерри глянул на тело мертвого наемника. Оно знаменовало начало интересного анархического приключения.

Джерри перегнулся и схватился за поручень, подтянувшись на борт судна. Он достал свое оружие с иглами и взял его в правую руку, одетую в перчатку.

— Добро пожаловать на борт, мистер Корнелиус,— произнесла мисс Бруннер, стоя на широко расставленных ногах, с развевающимися сзади волосами.

Джерри прошел вперед, когда судно ударилось об утес. Сзади один из наемников быстро прыгнул на палубу его лодки.

Другой наемник — загорелый, с волнистыми маслянистыми волосами — пошел вперед, держа мину на присосках, чтобы подорвать дверь. Человек этот, установив равновесие, наклонился, чтобы прикрепить мину к тому месту, которое

указал Джерри. После взрыва, когда обломки двери дождем посыпались вниз, они вернулись на палубу.

Дверь была открыта.

Джерри прошел к двери, поставил ногу на поручень и протиснулся в образовавшееся отверстие. Он начал продвигаться по короткому коридору. Основная часть наемников, одетая в обязательное легкое хаки, последовала за ним с автоматами наперевес. Сзади, не столь сноровисто, шагали мистер Смайлс, мисс Бруннер и Димитрий, мистер Крукшенк и мистер Повис. Все они неуклюже держали в руках большие автоматы.

Взрыв потряс утес. Оглянувшись, они увидели, как огонь разбежался по воде.

— Будем надеяться, они не станут тратить слишком много времени на лодки,— произнес мистер Смайлс, говоря в нос, так как его ноздри были закрыты фильтрами, которые Джерри роздал всем.

Джерри добрался до внутреннего помещения и указал на два места на стенах. Шедший впереди наемник поднял свое оружие и отстрелил две камеры. Из камеры управления наверху в ответ на это отключили свет.

— Фрэнк нашел этот вход, однако,— сказал Джерри. В действительности он только этого и ждал.

Теперь наемники отцепили тяжелые каски от ремней и надели их. Каски были оснащены шахтерскими лампами. Один из наемников держал на плече длинную связку нейлонового каната.

— Может быть, лифт еще работает? — предположил мистер Повис, увидев, как Джерри поставил ногу на лестницу.

— Возможно,— ответил Джерри и начал взбираться.— Только здорово мы будем смотреться, если они отключат питание, когда мы застрянем на полдороге вверх.

Все начали подниматься. Мисс Бруннер шла последней. Поставив ногу на первую перекладину, она глубокомысленно произнесла:

— Дурачье. Они забыли подключить ток к лестнице.

Джерри услышал какие-то голоса над собой. Он посмотрел вверх, но в шахте появился свет, заставивший его моргнуть. Грубое лицо немца смотрело на него сверху, наводя автоматическую винтовку.

Джерри вскинул пистолет с иглами и набил немца

сталью. Он остановился, обвив рукой лестницу, чтобы перезарядить оружие, и крикнул:

— Внимание!

Охранник скатился через край шахты и полетел вниз.

Когда тело охранника с глухим ударом шлепнулось на дно, Джерри добрался до верха, держа наготове пистолет, однако там больше никого не было. Фрэнк оставил здесь только одного охранника, в уверенности, что лабиринт послужит ему лучше всего.

Все выбрались наверх и стояли теперь у входа в лабиринт, пока солдат с веревкой распределял ее между ними. Все связались.

Завязывая узлом свою часть веревки на талии, мисс Бруннер чувствовала себя неудобно.

— Мне такие штуки не нравятся,— сказала она.

Джерри не заметил сказанного и повел всех в лабиринт.

— Плотно сожмите губы,— напомнил он.— И, что бы ни случилось, все внимание уделите тому, чтобы не отстать от меня.

Лампы на касках освещали путь, когда Джерри осторожно шел впереди, показывая телевизионные камеры наемникам, которые, проходя мимо, расстреливали их.

Потом в проходах появились первые волны газа. Это был газ ЛСД, очищенный старым Корнелиусом. Носовые фильтры, усовершенствованные его сыном, были в состоянии справиться с ним, если им удастся пройти сквозь завесу достаточно быстро. Старый Корнелиус изобрел либо усовершенствовал все галлюциногенные защитные установки в доме; Фрэнк добавил оружие и охранников.

Галлюциногенные газы были специальностью старого Корнелиуса, хотя отдельным направлением были галлюцинаты, такие, как стробоскопические башни на самом верху крыши.

Старый Корнелиус истощил свои силы и убил себя, проводя исследования последнего галлюциногенного устройства («полный распад менее чем за секунду» был его целью, его воинским кличем), подобно тому, как его сын Фрэнк разрушал себя откровенно медленно, нанося смертельный удар по венам.

Джерри оглянулся на раздавшееся позади хихиканье.

Мистер Повис поднял вверх руки и весь сотрясался,

словно его щекотали. С неимоверной частотой он вытягивал руки перед собой и энергично толкал обрывки газового облака.

Потом он начал прыгать по кругу.

Плотно и напряженно зажав рты, ибо увидели пример мистера Повиса, мистер Смайлс и мистер Крукшенк двинулись к нему, стремясь усмирить его.

Джерри подал знак всему отряду остановиться, отцепил веревку от пояса и, вернувшись к мистеру Повису, ударил его стволом пистолета по затылку.

Мистер Повис ослаб, и мистер Смайлс с мистером Крукшенком взяли его под руки.

В молчании они продолжали шагать сквозь слегка желтоватый газ, который клубами наполнял лабиринт. Тем, кто немного глотнул его, казалось, что они видят фантомы в корчащейся массе: недоброжелательные лица, гротескные фигуры, прекрасные узоры. Все покрылись потом, особенно мистер Смайлс и мистер Крукшенк, тащившие мистера Повиса, который должен был скоро наглотаться ЛСД в достаточной мере, чтобы убить себя.

На развилке Джерри замедлил шаг, как бы сомневаясь, затем снова зашагал, ведя отряд по туннелю, который ответвлялся вправо.

Они продолжали идти, и молчание иногда прерывалось выстрелами из винтовок по камерам.

В этом была некая ирония, думал он, что его отец был столь одержим проблемой расширения сферы действия невротических расстройств в мире, а ему самому пришлось отдать концы в результате этого.

Джерри последний раз повернул за угол и оказался перед дверью помещения с пультом управления. Для него было довольно удивительно, что пока имелось только две жертвы, и лишь одна из них действительно мертва.

Примерно за пятнадцать ярдов до нужной двери Джерри подал сигнал, и ему по цепочке передали базуку. Остальной отряд несколько отступил в глубь коридора и остановился, сгрудившись, в ожидании дальнейшего.

Джерри поудобнее пристроил базуку к плечу и нажал на спуск. Снаряд ухнул сквозь дверь и разорвался в самой комнате с пультом управления.

Нога в ботинке вылетела из облака пыли и ударила

Джерри в лицо. Он отбросил ее пинком и взмахом руки подозвал остальных.

Взрывом разворотило панель пульта управления, но противоположная дверь не была повреждена. Так как она могла открыться только в ответ на тепловой код кого-нибудь знакомого, им оставалось либо взорвать ее отсюда, чтобы пройти в библиотеку, либо ждать кого-то, кто взорвет ее с противоположной стороны. Джерри знал, что в библиотеке их наверняка будут ждать вооруженные люди.

Другие члены экспедиции отцепляли веревку и сбрасывали ее на пол. Маловероятно, что им придется покидать дом тем же путем, а следовательно, веревка им больше не пригодится. Джерри обдумывал проблему, когда мисс Бруннер протиснулась в комнату и принялась изучать обломки панели.

Ее большие глаза насмешливо взглянули на него снизу вверх:

— Миленькая панелька. И это только малый пульт управления?

— Да. В подвале есть большая комната — там главный пульт. Он и является предметом нашего внимания, как я вам говорил.

— Говорили. Что теперь?

Джерри отбросил волосы с лица.

— Можем, конечно, подождать их. А можем испытать базуку. Только там, за этой дверью, есть еще одна, и я сомневаюсь, пройдет ли снаряд сквозь обе. Если нет — самое худшее от взрыва достанется нам. Они должны ждать с той стороны — может быть, с гранатометом, большим Бреном, или еще чем-нибудь в этом роде. Патовая ситуация.

— Вам следовало предусмотреть это,— передернула плечами мисс Бруннер.

— Да, знаю.

— Так почему же не сделали этого?

— Я не думал об этом,— со вздохом объяснил Джерри.

— Надо было еще кому-нибудь подумать,— повернувшись, мисс Бруннер осуждающе посмотрела на остальных.

Димитрий стоял на коленях рядом с мистером Повисом, пытаясь привести того в чувство.

— Мистера Повиса не касается,— заметил мистер Крукшенк, не в состоянии сдержать легкую улыбку.— ЛСД всег-

да загоняет в угол, а? Вас-то ведь тоже,— добавил он.— Похоже, старина мистер Повис схватил его.

— Думаю, это было слишком просто,— проговорил мистер Смайлс.

— Я, кажется, понял,— Джерри посмотрел наверх.

Металлическая панель над дверью была закреплена с помощью мощных гвоздей. Он указал на нее:

— Кондиционер. Гранатомет, простая граната с нервно-паралитическим газом и меткий глаз должны справиться, если только решетка на том конце не закрыта.

Он коснулся руки высокого южноафриканца:

— Давай ты. Я встану тебе на плечи. Подстрахуй меня при отдаче. У кого связка гранат?

Один из бельгийцев передал ему связку. Он прикрепил ее к автоматической винтовке и отделил обойму. Бельгиец подал ему другую обойму. Он прикрепил к винтовке и ее. Потом достал из кармана гранату с газом и запихнул ее в корзину гранатомета.

— Дайте кто-нибудь руку,— попросил Джерри.

Наемник-англичанин помог ему взобраться на широченные плечи африканца. Джерри продавил внутрь металлическую панель и принялся колотить по проволочной решетке прикладом. Вдоль трубы он мог видеть, куда доставал свет из библиотеки, и слышал приглушенные голоса.

Запихнув винтовку в трубу, он приложил приклад к плечу. Пространство между лопастями вентилятора было достаточным. Теперь, если газовую гранату не отбросит от решетки на другом конце трубы, что было маловероятно, у них будет возможность успокоить охрану и иметь время подорвать двери небольшими зарядами взрывчатки, прежде чем кто-нибудь догадается, что расчет в библиотеке выведен из строя.

Он спустил курок. Граната с газом пролетела по трубе, прошла между лопастями вентилятора и прорвалась сквозь решетку.

Джерри улыбнулся, услышав на другом конце возгласы удивления. По донесшимся до него звукам глухих хлопков он догадался, что граната разорвалась. В этот момент Джерри начал терять равновесие на плечах южноафриканца, но успел спрыгнуть, так и не упав, на пол и вернул винтовку бельгийцу.

— О'кей, давайте рвать эти двери. Поторопитесь. И снова держите закрытым рот.

Зарядами разворотило оба замка, и они прошли через двери. На полу библиотеки у перевернутого пулемета в параличе подергивались три немца; рты их свела судорога, глаза наполнились слезами, мышцы и члены искривились от действия газа на нервы. Команда Джерри оказала им единственно возможную милость: всех троих закололи.

Отряд бросился из библиотеки в цокольный этаж, где потолок, казалось, внезапно поднялся, стены раздвинулись и яркий свет, подобно вспышке магния, на мгновение ослепил их. Джерри выудил из кармана защитные очки и надел их, одновременно заметив, что другие сделали то же самое.

Теперь они могли видеть образы, в мерцании возникавшие вокруг них, как на негативной цветной фотопленке. Линии темно-красного и светло-синего цветов прорезали стены.

Потом свет пропал, отряд остался в кромешной тьме. В тот же момент одна стена стала прозрачной. За ней начал вращаться огромный черно-белый диск, и ритмические удары взорвали тишину, поднявшись почти до уровня болевых ощущений. Казалось, выросшее в размерах помещение раскачивалось, как корабль, когда они, шатаясь, шли следом за Джерри, который и сам не слишком уверенно держался на ногах, направляясь прямо на диск.

Джерри схватил оружие у одного из ошеломленных, загипнотизированных наемников, перевел его в полностью автоматический режим и расстрелял весь магазин в стену. Пластик растрескался, но диск продолжал вращаться. Повернувшись, чтобы взять еще винтовку, Джерри увидел, что все приросли к полу.

Еще очередь — и пластик рассыпался. Пули ударили в диск, и он начал замедлять ход.

Позади них дальняя стена скользнула вверх; за ней показались охранники Фрэнка.

Джерри, не обращая на них внимания, пробил ногой большую дыру в стене и колотил по диску прикладом винтовки до тех пор, пока диск не был смят.

— Бросай оружие! — скомандовал старший охранник.

Джерри бросился сквозь дыру. Целясь между мисс Брун-

нер и Димитрием, к которым только начинало возвращаться сознание, он сразил командовавшего.

Выстрела оказалось достаточно, чтобы быстро вернуть остальным сознание. Быстрее, чем Джерри мог понять это, мисс Бруннер прыгнула в дыру, ударив его в зад высокими каблуками.

Началась перестрелка, но мистер Смайлс, Димитрий и мистер Крукшенк невредимым прошли сквозь стену, хотя некоторые наемники, включая гиганта-африканца, погибли.

Они отстреливались, пока не было покончено со всеми охранниками Фрэнка. Сделать это из их укрытия было делом несложным.

Теперь они находились в маленькой комнате, которая как бы купалась в мягком красном свете, в ушах словно звучал шелест моря.

Что-то упало с потолка, подпрыгивая, пока не распалась оболочка.

— Бомба с нервно-паралитическим газом! — закричал Джерри.— Прикрыть рты!

Ему было известно, что где-то справа от разбитого диска был выход. Он пробрался в ту сторону и нашел его, используя оружие, чтобы выломать дверь. Джерри понимал, что, если они не выберутся отсюда побыстрее, носовые фильтры их не спасут.

Он прошел в дверной проем, остальные последовали за ним.

Следующая комната купалась в желтом и была наполнена успокаивающим бормотанием. Камера с дистанционным управлением крутилась под самым потолком. Один из наемников выстрелил в нее. Обыкновенная дверь, незапертая, открыла вид на звезды, ведя наверх.

Двери там не было. Звезды были игрой их воображения. Наверху их ждали три человека.

— Фрэнк скупо расставляет своих охранников,— сказал Джерри.

Первый их выстрел не задел его, но разнес в клочья голову одного из бельгийцев. Ощущая приступ панического страха, Джерри прижался к стенке, поднял свой пистолет с иголками и выстрелил охраннику в рот.

Находившиеся рядом с ним передние наемники открыли огонь. Один из охранников упал сразу же со струйкой крови

из области желудка. Второй, стреляя вдоль лестницы, попал еще в двоих наемников, в том числе в англичанина.

Джерри, быстро перезарядив свое оружие, застрелил и этого.

Все утихло на площадке первого этажа, и Джерри расслабил напряженные губы. Наемники в сопровождении остальных поднялись на площадку и вопросительно посмотрели на него.

— Мой брат почти наверняка в помещении с главным пультом управления,— сказал Джерри.— Это двумя этажами ниже, и там дополнительная охрана, готовая появиться в любой момент.

Джерри указал на телевизионную камеру под потолком:

— Не стреляйте в нее. Он по некоторым причинам не использует ее сейчас, а если мы вырубим ее, он будет знать, что мы здесь.

— Да он, наверное, должен уже догадаться,— возразила мисс Бруннер.

— Можно предположить. Тогда он уже послал бы сюда подкрепление. Мог бы приготовить для нас где-нибудь ловушку; он хочет, чтобы мы немного расслабились. Эта площадка оборудована шизоматом в панели на вон той стене. Высшее достижение моего отца, как он все время думал.

— А Фрэнк не использует его,— мисс Бруннер пригладила свои длинные красные волосы.

— Жаль, но мне пришлось оставить мистера Повиса позади,— с этими словами Димитрий прислонился к стене.— Этот дом весь напичкан разноцветными сюрпризами, мистер Корнелиус.

— Он вот-вот умрет,— ответил Джерри.

— Что может еще задумать ваш брат? — спросила мисс Бруннер.

— Что-нибудь необычное. У него развитое чувство юмора. Он, возможно, приготовил новое дельце, только на Фрэнка непохоже, чтоб он оставался проницательным в такое время. Возможно даже, что он дал деру...

— ... И все наши усилия пропали даром,— угрюмо произнесла она.— Надеюсь, нет.

— О, я — тоже, мисс Бруннер.

Он прошел по площадке, сопровождаемый остальными. Во главе с Джерри они прошли через затихший дом и вы-

брались к месту, откуда сквозь явно двустороннее зеркало увидели внизу разделенный холл, в котором взорвалась бомба с нервно-паралитическим газом. Вдоль дальней стены вниз вели ступени.

— Эти ступени должны довести нас до цоколя,— сообщил остальным Джерри.— И мы благополучно можем выйти обратно тем же путем, которым пришли сюда. Насколько я могу судить, явной опасности не видно.

Они начали спускаться.

— Внизу есть стальные калитки,— сказал Джерри.— Они могут простреливать любой участок ступеней. Помните, что я вам сказал: используйте оружие, чтобы заклинивать их, не давайте им полностью закрываться.

— Ни одна винтовка не сможет остановить сталь,— с сомнением в голосе возразил мистер Крукшенк.

— Правильно, но дверной механизм очень нежный. Это сработает.

Они прошли проемы в стенах, где были стальные калитки, но ни одна из них не закрывалась.

Дошли до первого этажа и оказались в до странности узком коридоре, явно устроенном раньше простым расширением стен холла. На дальнем конце внезапно появился мистер Повис и, пошатываясь, пошел к ним.

— Он же должен быть мертвым! — обиженно воскликнул мистер Смайлс.

— Оно появилось! Оно появилось! — повторял мистер Повис.

Джерри обхватил его руками:

— Мистер Повис! Соберитесь!

Мистер Повис посмотрел на Джерри умным взглядом, который вдруг сделался язвительным. Он поднял свои густые брови:

— Брось, слишком поздно, мистер Корнелиус. Этот дом — он как огромная голова. Знаете, что я имею в виду? Или это мое весло? Если так, то что же тогда я?

— Я знаю, чья проклятая голова,— произнес Джерри.— Я знаю, ты, ублюдок.

— Моя.

— Нет!

— Что случилось, мистер Повис? — приблизился Димитрий.— Я могу помочь?

— Он появился. Я думаю, это мой разум появился у меня. Этого не может быть в действительности, Димитрий. Вы — Димитрий. Я всегда думал... Это, должно быть, мой мозг охотится за мной. Вот что это должно быть. О, Господи! — и он обхватил свою несчастную голову руками и покачал ею.

Димитрий взглянул на Джерри:

— Что нам с ним делать?

— Ему нужен преобразователь,— Джерри Корнелиус улыбнулся мистеру Повису, поднял пистолет и выстрелил ему в глаз.

Отряд замер.

5

— Так будет лучше,— сказал Джерри.— Его мозг уже серьезно поврежден, а мы не можем оставить его бродить здесь вокруг.

— Не чересчур ли вы безжалостны, мистер Корнелиус? — сделав глубокий вдох, выговорил мистер Смайлс.

— О, ну, ну, мистер Смайлс.

Они продолжили движение, пока не дошли до большой металлической двери в цокольном этаже.

— Вот здесь он должен быть,— сказал Джерри.— Только мне не дает покоя мысль, что он приготовил большой сюрприз.

Он подал сигнал оставшемуся в живых англичанину и двум бельгийцам. Те изящно отсалютовали в ответ.

— Сделаете проход в этой двери?

— Есть какие-нибудь особые указания относительно метода, сэр? — спросил британец.

— Нет. Просто выдавите ее. Мы будем за углом.

Отряд отодвинулся назад, когда наемники начали работу по прилаживанию приспособлений к двери.

Раздался неожиданно мощный и громкий взрыв, гораздо более сильный, чем было запланировано. Когда дым рассеялся, Джерри увидел стены, сплошь забрызганные кровью, но не обнаружил почти ничего, что осталось бы от охранников.

— Молодцы, ребятки,— рассмеялся он.— Отличное дело — их размазанные тела.

И тут они, спотыкаясь, бросились назад, так как изнутри комнаты частой дробью ударил пулемет.

Всматриваясь сквозь дым под прикрытием бельгийца, Джерри увидел Фрэнка в комнате, по-видимому, одного, постоянно стреляющего из автомата, который он держал в руках.

Мистер Крукшенк оказался на пути одной из очередей, в смешной попытке уклониться от пуль в то время, как они уже плясали у него в груди.

Фрэнк посмеивался, ведя огонь.

— Думаю, он помешался,— сказал мистер Смайлс.— Это уже проблема, мистер Корнелиус.

Джерри кивнул.

— Прекрати, Фрэнк, это бессмысленно! — крикнул он, пытаясь сохранить твердость в голосе.— Как насчет перемирия?

— Джерри!

— Джерри!

— Джерри! — пропел из глубины комнаты Фрэнк, стреляя еще более спорадически.— Чего ты хочешь, Джерри? Остановить время?

— Темподекс — вот мое средство для каждого. Оно отлично включит вас, мутация — не ощущаете ли вы те миллионы лет, которые лишь выжидают в вашем позвоночнике удобного момента, чтобы прыгнуть вам в мозжечок...

Пулемет заглох, и они начали осторожно продвигаться вперед. В этот момент Фрэнк нагнулся, чтобы поднять с пола такое же полностью заряженное оружие, и принялся выпускать его заряд:

— ... в правое полушарие, в левое полушарие, во все ваши многочисленные мозги. Джерри, когда темподекс начнет вскрывать их?

— У него веселое настроение,— откуда-то из глубины образовавшегося фронта проговорила мисс Бруннер.

Все, чего хотелось Джерри в этот момент,— это уберечься от пуль. Он чувствовал огромную усталость. Еще пара наемников уютно улеглась; этим уже не поможешь, подумалось Джерри.

— А нечем нам кинуть в него? Газа больше нет? — В голосе мисс Бруннер слышалось раздражение.

— Ну, послушайте, рано или поздно он останется без патронов,— мистер Смайлс полагал, что, если подождать достаточно долго, удобный случай обязательно подвернется. Его вдруг поразила некая мысль, и он повернулся к наемникам:

— Почему вы не отвечаете?

Те открыли ответный огонь.

Мистер Смайлс быстро осознал совершенную им ошибку и закричал:

— Прекратить! Он нужен нам живым!

Наемники остановили стрельбу.

Фрэнк продолжал распевать, держа палец на спусковом крючке.

— У него перегреется ствол, если он не будет осторожным,— предположил мистер Смайлс, вспоминая свою мифологию.— Надеюсь, он не подорвет себя.

Мисс Бруннер поковыряла у себя в носу и выбросила фильтры.

— Мне все равно, выветрился или еще нет газ,— заявила она.— Я больше не могу выносить эту мерзость там.

— Но послушайте,— привлек ее внимание Джерри.— У меня осталось еще граната с нервно-паралитиком,— только я боюсь, она может убить Фрэнка в его нынешнем состоянии.

— Для меня теперь от вашего предупреждения мало пользы; хорошо бы сделать его чуть раньше,— мисс Бруннер обшаривала пол.

Еще один наемник с рычанием упал на пол.

Замолк и второй пулемет. Последняя пуля срикошетила о стену. В наступившей тишине послышались всхлипывания.

Джерри выглянул из-за угла. Фрэнк сидел среди своего оружия и плакал, уронив голову на руки.

— Он в вашем распоряжении,— с этими словами Джерри направился к ступеням.

— Куда вы, Джерри? — шагнула за ним мисс Бруннкр.

— Я уже внес свою лепту в общее дело, мисс Бруннер. Теперь мне нужно сделать кое-что еще. Гуд-бай.

Джерри поднялся на уровень первого этажа и нашел па-

радную дверь. Беспокойство не оставляло его: он понимал, что не все охранники Фрэнка были пересчитаны. Он открыл дверь и стал всматриваться в местность, окружавшую дом. Рядом, казалось, никого не было.

Держа оружие в руке, он пошел по дороге, отлого уходившей вниз, к домику, в котором должны были укрываться Джон и Кэтрин.

Света в домике не было, но в тех обстоятельствах это не показалось Джерри странным. Он бросил взгляд в сторону деревни у подножия холма — дома там стояли без света. Мистер Смайлс заплатил кому-то за то, чтобы электричество было отключено. Джерри нашел дверь хижины открытой и вошел внутрь.

Кожа-да-кости в углу приветствовали его стоном.

— Джон! Где Кэтрин?

— Я доставил ее сюда, сэр. Я...

— Ну, так где же она? Наверху?

— Вы сказали — после десяти, сэр. Я был здесь к одиннадцати. Все шло гладко. Она была тяжела. Я думаю, сэр, я умираю.

— Да что случилась-то?

— Он, должно быть, следил за мной,— Джон говорил все слабее.— Я принес ее сюда... А потом пришел он со своими людьми. Он стрелял в меня, сэр.

— И забрал ее обратно в дом?

— Мне очень жаль, сэр...

— Ты не слышал, куда он забирал ее?

— Он... сказал... отправит ее... обратно в... кровать, сэр...

Джерри выбежал из хижины и рванулся вверх по дороге, удивляясь тому, насколько обыденно дом смотрелся снаружи.

Он опять вошел в него.

На первом этаже он нашел лифт и, убедившись, что тот все еще работает, поднялся на шестой этаж. Там, выйдя из лифта, он побежал к спальне Кэтрин. Дверь была закрыта. Джерри пнул ее, но она даже не шелохнулась. Дверь была закрыта. Джерри пнул ее, но она даже не шелохнулась. Тогда он сунул руку в наружный карман и выудил оттуда предмет, напоминающий сигарету. Два тонких проводка, присоединенных к нему, шли к другому предмету — размерами со спичечный коробок. Джерри размотал проводки, вставил

тонкий предмет в замочную скважину и с коробком в руках отступил от двери на расстояние около ярда.

Это, собственно, был узкий детонатор. Джерри присоединил проводки к детонатору, и взрывчатка с яркой вспышкой разнесла замок.

Толкнув дверь и войдя в комнату, он обнаружил там Фрэнка. Выглядел Фрэнк совсем не здорово. В его правой руке был пистолет с иголками, точно такой же, как у Джерри. Существовало только два таких: отец заказал в свое время два экземпляра и дал по одному каждому из них.

— Как ты выбрался? — спросил Джерри брата.

Фрэнк ответил не сразу. Он наклонил голову и уставился на Джерри немигающим взглядом, подобно старому больному ястребу.

— Ну, собственно говоря, я надеялся заполучить тебя, Джерри. Как и следовало ожидать, я взял всех твоих военных друзей, хотя, думаю, упустил некоторых остальных. Они, я думаю, все еще удивляются этому. Я точно даже и не знаю, зачем это я тратился на стрельбу,— может быть, просто потому, что получал от этого наслаждение. Сейчас мне значительно лучше.

Только если бы ты вошел в ту комнату, ты бы увидел, что парочка моих людей — ха-ха — стояла по обе стороны двери, поджидая тебя. А я был просто приманкой — для западни.

По мере того, как Фрэнк говорил, голова его западала все глубже и глубже в плечи, все тело скручивалось от невротической сутулости.

— Ты, конечно же, предпринял солидную попытку добить сестру, да? Посмотри: я разбудил спящую красавицу.

Кэтрин, оцепеневшая, сидела в подушках.

Она улыбнулась, увидев Джерри. Улыбка вышла мягкая, но какая-то неуверенная. Кожа ее хранила неестественную бледность, темные волосы все еще были спутаны.

Рука Джерри, державшая оружие, чуть поднялась, и Фрэнк осклабился.

— Ну, тогда давай готовиться,— проговорил он.

Он начал отступать вокруг кровати, стремясь оказаться по другую сторону от Кэтрин. Теперь она находилась между ними, медленно поворачивая голову от одного к другому и очень медленно теряя улыбку.

Джерри дрожал.

— Ах, ты, ублюдок!

Фрэнк хихикнул:

— В этом мы схожи.

Наркотичное лицо Фрэнка было неподвижно. Единственное движение появилось на нем, когда в его светлые глазки-бусинки попал луч света. Джерри не понял, что Фрэнк нажал на спусковой крючок, пока не почувствовал жала в плече. Рука Фрэнка уже не была такой твердой, какой казалась.

Фрэнк не сразу сумел перезарядить свое оружие. Джерри поднял руку, чтобы застрелить Фрэнка.

И в это мгновение Кэтрин шевельнулась. Она потянулась к Фрэнку, схватилась пальцами за его пиджак.

— Прекратите!

— Заткнись! — огрызнулся Фрэнк и потянулся левой рукой к зарядному устройству своего пистолета.

Кэтрин попыталась встать на кровати, но упала вперед на колени. Лицо ее наполнилась диким ужасом.

— Джерри! — заверещала она.

Джерри шагнул к сестре.

— Та игла могла войти тебе в сердце, Джерри,— произнес Фрэнк.

— Мне понадобится лишь магнит.

Джерри выстрелил и побежал к окну, однако игла все же чиркнула его по лицу. Он перезарядил и обернулся. Фрэнк нырнул; Кэтрин поднялась, и игла Джерри попала в нее. Девушка рухнула. Джерри перезарядил и выпустил иглу в тот же самый момент, что и Фрэнк. Оба опять промахнулись.

Джерри почувствовал себя сбитым с толку; ситуация начинала слишком уж затягиваться. Он прыжком оказался около Фрэнка и обхватил того за талию. Слабые кулаки Фрэнка застучали по лицу и спине брата. Тот ответил ударом в живот, и Фрэнк взвыл. Они отступили друг от друга. Джерри ощутил головокружение, тошноту; он заметил ухмылку Фрэнка.

— У тебя что-то в этих иголках...

— Догадайся,— усмехнулся Фрэнк и выпрыгнул из комнаты.

Джерри уселся на край кровати.

Чертовым колесом на него накатили чувства и ощущения. Его мозг и тело ворвались в стремительный поток смеси экстаза и боли. Чувства сожаления, вины, облегчения, мерцающие волны бледного света... Он падал по бесконечному каменистому склону из вулканического стекла, окруженному облаками зеленого, пурпурного, желтого, черного цветов. Камень растворился, но падение Джерри продолжалось; мир фосфоресцировал, устремляясь куда-то в черную ночь в виде золотых сфер. Зеленые, синие, красные взрывы. Мигающий мир светящихся разрывов, падающий в пустоту, в которой не было ни времени, ни пространства. Мир Вины. Вины-вины-вины... Еще одна волна пошла вверх по его позвоночнику. Не-мозг, не-тело, не-пространство. Умирающие волны света в каком-то танце уходили от его глаз сквозь черный мир. Все умирало. Клетки, сухожилия, нервы, синапсы — все распадалось. Обрывки света — тающего, тающего... Бриллиантовые ракеты, взлетающие в небо и взрывающиеся там все сразу, посылая свои разноцветные светящиеся мячи — массу шаров на рождественской елке,— неясная масса, медленно плывущая. Черная дымка заклубилась поперек бесконечного открытого ночного пейзажа. Кэтрин. Когда он приближался к ней, она, падая, отстранялась и падала вниз, как картонная кукла. За какое-то мгновение до прояснения сознания ему показалось, что он видит чей-то образ, склонившийся над ними обоими,— существо без пупка, гермафродита, улыбавшегося мягко и нежно...

Когда сознание вернулось к нему, он ощутил слабость и понял, что, по-видимому, прошло некоторое время. Кэтрин лежала на кровати почти в той же позе, в которой он видел ее раньше.

Джерри положил на пятно руку и понял, что сердце не бьется.

Он убил ее.

Охваченный мучительной болью, Джерри стал баюкать сестру.

Фрэнк между тем тоже агонизировал, так как мисс Бруннер, застигнув его врасплох, с дикой силой сдавливала его гениталии. Они находились в одной из комнат второго

этажа. Димитрий и мистер Смайлс, стоя слева и справа от него, держали его за руки.

Мисс Бруннер стояла перед ним на коленях. Она сдавила еще раз, и лицо Фрэнка исказила гримаса.

— Смотри-ка,— выговорил он.— Теперь мне надо бы приподняться.

— Ты приподнимешься, когда микрофильм будет у нас,— прорычала мисс Бруннер, надеясь, что он не обделается прямо сейчас.

До Смайлса дошел смысл шутки, и он рассмеялся. Димитрий присоединился несколько рассеянно.

— Я это серьезно,— сказала мисс Бруннер и сдавила Фрэнку еще раз.

— Я сообщу вам, как только буду готов...

— Мистер Корнелиус, мы не можем этого допустить,— возразил ему мистер Смайлс.— Ну же, давайте, нам нужна информация.

Мистер Смайлс неуклюже двинул Фрэнка в лицо.

Почувствовав к этому вкус, он повторил движение еще несколько раз. Фрэнк, казалось, даже не обратил внимания. Его беспокоили совсем другие вещи.

— Боль не дает большого эффекта,— задумчиво проговорила мисс Бруннер.— Остается только ждать и надеяться, что рассудок его не оставит.

— Гляньте, у него — пена изо рта,— Димитрий с отвращением показал на Фрэнка и отпустил его руку.

С остановившимся взглядом Фрэнк вытер свои посеревшие губы. Мощная судорога на короткое время вернула его тело к жизни, потом он снова затих.

Через несколько секунд, в течение которых все с любопытством наблюдали за ним, его опять тряхнуло.

— Вы знаете, что микрофильм находится в укрепленной комнате? — проговорил Фрэнк между судорогами.

— Он выбирается! — мистер Смайлс двинул Фрэнка по ноге.

Мисс Бруннер довольно разочарованно вздохнула:

— Только вы можете открыть укрепленную комнату, так, мистер Корнелиус?

— Верно.

— Вы проводите нас к этой комнате и откроете ее? Тогда

мы вас отпустим и вы сможете получить ваше удовлетворение.

— Хорошо, я сделаю это.

Мистер Смайлс завел руку Фрэнка за спину.

— Показывайте дорогу! — твердым голосом приказал он.

Когда они дошли до укрепленной комнаты и Фрэнк открыл ее, мисс Бруннер, взглянув на ряды металлических папок, выстроившихся вдоль стен, объявила:

— Теперь можете идти, мистер Корнелиус, мы найдем то, что нужно.

Фрэнк выскочил из укрепленной комнаты и бросился вверх по ступеням.

— Знаете что, выскочу-ка я за ним и проверю, не заготовил ли он еще чего в рукаве,— скороговоркой выпалил мистер Смайлс.

— Мы подождем.

Димитрий помогал мисс Бруннер снимать папки с полок и складывать их в комнате. Когда мистер Смайлс ушел, мисс Бруннер принялась поглаживать Димитрия:

— Нам удалось, Димитрий!

Димитрий забыл о ящиках и полностью утонул в мисс Бруннер.

Вскоре вернулся расстроенный мистер Смайлс.

— Я был прав,— объявил он.— Он вышел из дома и сейчас разговаривает со своими охранниками. Надо было нам задержать его, как заложника. Не очень разумно мы действуем, мисс Бруннер.

— Здесь не место и не время для таких вещей,— ответила она, роясь в папках.

— А где мистер Корнелиус?

— Джерри Корнелиус? — рассеянно буркнула она.

— Да.

— Надо было спросить Фрэнка. Сглупила я!

— Где Димитрий?

— Он сдался.

— Сам сдался? — Мистер Смайлс взглянул на нее удивленно.

Он осмотрелся в комнате. На полу в темном углу аккуратной стопочкой лежали костюм, рубашка, подштанники, носки, ботинки, галстук, ценности.

— Ба, да он, должно быть, ушел на утреннее купание,— высказал догадку мистер Смайлс, подрагивая всем телом и отметив про себя, каким здоровьем пышет кожа мисс Бруннер.

На рассвете Джерри спускался по лестнице. На втором этаже он увидел мисс Бруннер и мистера Смайлса, копающихся в больших металлических ящиках с папками. Они сидели на ковре, разложив папки между собой, изучая бумаги и микрофильм, который они достали.

— Я уж думала, вы мертвы,— сказала мисс Бруннер.— Боюсь, мы единственные выжившие.

— Где Фрэнк?

— Мы отпустили его после того, как он открыл нам укрепленную комнату. И, кажется, зря,— мисс Бруннер раздраженно посмотрела на мистера Смайлса.— Их ведь здесь нет?

Мистер Смайлс покачал головой:

— Вроде бы не похоже на это, мисс Бруннер. Молодой Фрэнк надул нас. Судя по тому, как он дрожал и распускал слюни, вполне можно было подумать, что он говорит правду. Он же оказался хитрее, чем мы думали.

— Врожденное,— сказала мисс Бруннер и вытянула губы трубочкой.

— А что с Димитрием? — Джерри взглянул на мисс Бруннер. В какой-то момент в обманчивых рассветных лучах он был готов принять ее за гречанку.

— Он пропал,— сообщил мистер Смайлс,— после того, как я ушел проследить за Фрэнком. Я не распознал силу характера вашего брата, мистер Корнелиус.

— Нельзя вам было отпускать его,— Джерри пнул ногой бумаги.

— Вы сказали нам, чтобы мы не причинили ему вреда.

— Вот как? — теперь Джерри говорил вяло.

— Я не уверена, что он лгал,— мисс Бруннер обернулась к мистеру Смайлсу. Она поднялась, отряхнула юбку, насколько могла.— Он и вправду мог верить в то, что материал там. Как вы думаете, он еще существует?

— Я был убежден в этом. Убежден,— вздохнул мистер Смайлс.— Столько времени, энергии и денег потратили впустую, а теперь даже не очень-то похоже, что мы останемся в живых. Серьезное разочарование.

— Почему это? — спросил Джерри.— Не удастся выжить?

— Снаружи, мистер Корнелиус, собрались остатки личной армии вашего брата. Они окружили это место и готовы обстрелять нас. А ваш братец командует ими.

— Мне нужен врач,— произнес Джерри.

— Что случилось? — Сочувствия в голосе мисс Бруннер не было.

— Я дважды ранен. Один раз в плечо, куда попали второй раз, точно не помню, но, думаю, очень серьезно.

— Что с вашей сестрой?

— Моя сестра мертва. Я застрелил ее.

— Правда?! Так вы, должно быть...

— Я хочу жить! — Джерри шатнулся к окну и выглянул в холодное утро.

Люди Фрэнка ожидали снаружи, но самого его нигде не было видно. Серые кусты казались выточенными из гранита, серые чайки выписывали круги в сером небе.

— Бог свидетель: и я тоже хочу жить! — ухватилась за него мисс Бруннер.— Вы не можете придумать способ, как всем нам выбраться?

— Есть такая возможность,— сказал он холодно.— Главное помещение управления не было разрушено, так ведь?

— Нет... может, нам следовало...

— Давайте спустимся туда. Идемте, мистер Смайлс.

Джерри безвольно сидел в кресле за панелью управления. Сначала он проверил, включено ли питание; потом включил изображение на мониторах, так что у них появилась возможность наблюдать все вокруг дома. Он направил мониторы на вооруженных людей, ожидавших снаружи.

Рука его потянулась к следующей группе переключателей и перевела их в другое положение.

— Попробуем башни,— сказал он.

Над пультом зажглись красные, желтые и зеленые огни.

— Однако они работают,— он внимательно посмотрел на мониторы, ощущая страшную слабость.

— Башни вращаются,— проговорил он.— Смотрите!

Вооруженные люди глазели на крышу. Они не имели возможности сомкнуть глаз всю ночь, что способствовало этому,— они были в трансе.

— Пошли,— скомандовал Джерри, поднявшись и прислонившись к мистеру Смайлсу, толкая его к двери.— Только, оказавшись вне дома, не оглядывайтесь, а то превратитесь в соляной столб.

Они помогли ему подняться по лестнице. Джерри почти терял сознание. Осторожно они открыли парадную дверь.

— Вперед, тигр! — ослабевшим голосом скомандовал он, и они побежали, продолжая поддерживать его.

— Как мы попадем вниз к лодкам? — спросила мисс Бруннер, когда они помогли ему обогнуть выходящую на обрыв сторону дома.

Джерри не выказал ни малейшего беспокойства.

— Предполагаю, нам придется прыгать,— пробормотал он.

— Надеюсь, прилив еще не отошел слишком далеко.

— Вода далеко внизу, и я не уверен, что умею плавать,— мистер Смайлс замедлил ход.

— Вам придется попробовать,— возразила мисс Бруннер.

Они через грубый дерн вышли на самый край.

Далеко внизу вода все еще омывала утес. Сзади охранник с самой большой силой воли обнаружил их. Они могли это сказать точно, потому что его пули начали с жалобным визгом пролетать мимо них.

— У вас достаточно сил, мистер Корнелиус?

— Надеюсь, да, мисс Бруннер.

Они вместе прыгнули и вместе полетели к морской пучине.

Мистер Смайлс не последовал за ними; он оглянулся, увидел стробоскопы и уже не смог опять отвернуться от них. На его губах появилась улыбка. С этой улыбкой мистер Смайлс погиб от руки охранника с сильной волей.

Джерри, уже почти не понимая, кто он и где находится, мог лишь чувствовать, как кто-то тащит его из моря. Кто-то похлопал его по лицу. В чем же, задумался он, природа действительности? Могло ли все это быть результатом деятельности воли человека — даже природное окружение, форма руки, которая шлепала его по лицу?

— Боюсь, вам предстоит стоять у руля, мистер Корнелиус. Я не могу.

Он улыбнулся:

— Вести лодку? О'кей.

Но что это за место, куда надо вести? Это тот мир, который он покинул? Этот мир? Или совсем другой? Может быть, мир, где девушки-убийцы бродят бандами по столичным улицам, работая на безлицых промышленных магнатов, покупающих и продающих водородные бомбы на международном рынке, набивая мир этой буквой «Н»: Hidrogen, Heroin, Heroines...*

— Кэтрин,— пробормотал Джерри.

Он понял, что это мисс Бруннер нежно помогала ему добраться до кабины.

Обессиленный, но счастливый, неуверенный в реальности своих галлюцинаций, Джерри запустил двигатель и развернул лодку в открытое море.

Hi-Fi, Holiness, Hope in Hell...**

Никогда ему не вспомнить, что происходило до того момента, когда он вскрикнул: «Кэтрин!» — а, проснувшись, он обнаружил, что лежит на весьма комфортабельной госпитальной кровати.

— Позвольте спросить,— вежливо обратился он к женщине в униформе, с лимонного цвета лицом, которая вошла чуть позже,— где это я нахожусь?

— Вы в приюте Солнечной Долины, мистер Корнелиус, и вам значительно лучше. Говорят, вы поправляетесь. Друг доставил вас сюда после несчастного случая в той французской увеселительной поездке.

— Вы знаете об этом?

— Я очень мало об этом знаю. Какое-то непонятное оружие сработало неправильно и ранило вас, я полагаю.

— Ах, вот что произошло! А что, все приюты называются Солнечными Долинами?

— Большинство.

— И у меня — самое лучшее медицинское обслуживание?

— Вас ведут три специалиста благодаря затратам вашего друга.

— А кто этот друг?

---

* Hidrogen (англ.) — водород, heroin (англ.) — героин, heroines (англ.) — героини. Перев.

** Hi-Fi (англ.) — высококачественная аппаратура, holiness (англ.) — святость, hope in Hell (англ.) — надежда в аду. Перев.

— Я не знаю имени. Может быть, доктор знает... Я думаю — леди.

— Мисс Бруннер?

— Это имя мне знакомо.

— Осложнений не будет? Когда я буду в достаточной силе, чтобы уехать?

— Не думаю, чтобы вас ожидали какие-либо осложнения. А вы не уедете, пока не будете в достаточно хорошем для этого состоянии.

— Даю вам честное слово: не уеду, пока не поправлюсь. Моя жизнь — это все, что у меня есть.

— Весьма разумно. Есть ли какие-нибудь вопросы с работой, которые вам надо было бы уладить?.. Родственники?

— Я работаю самостоятельно,— самоуверенно заявил он.

— Попытайтесь уснуть,— посоветовала сиделка.

— Мне не нужен сон.

— Вам-то — да, но госпиталем легче управлять, когда все пациенты спят. В этом случае они менее требовательны. А теперь — доставьте мне удовольствие. Стенайте, просите о всяких медицинских мелочах, жалуйтесь на недостаток внимания с нашей стороны или на ужасную работу нашего госпиталя,— только не заставляйте меня смеяться.

— Не думаю, чтобы я смог, не так ли?

— Да, тем более, что это будет бесполезной тратой времени,— согласилась она.

— Ну, тогда я даже мечтать об этом не буду.

Он чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим, и удивлялся, с чего бы это, если принимать во внимание его недавние действия. Возможно у него было полно времени, чтобы перебороть это. Он знал, что боролся с травмой на всех фронтах, и долгое забытье помогло ему в этой успешной борьбе.

Насколько мог, он начал приводить в порядок свою голову. В те недели, что он провел в госпитале, все, о чем он просил, был магнитофон, пленка и беруши, с тем, чтобы не было помех, когда он увеличивал громкость в моменты сильной концентрации.

Фаза 2.

6

Лучше экипированный для встречи с миром, чем до своего появления в госпитале, Джерри с большой благодарностью пожал руки спасшим его докторам и отвесил грациозный поклон остальному персоналу. Он сел в доставленный ко входу «кадиллак» и поехал через ветхие улицы самых южных пригородов Лондона в направлении деловой части кипучего, бурлящего центра.

Он припарковал машину на Шафтсбери-авеню, в арендованном им гараже, и легкой походкой направился на разведку в свою обычную среду.

Это оказался мир, управляемый в те дни оружием, гитарами и иглами, мир более сексуальный, чем сам секс, мир, в котором правая рука стала основным половым органом мужчины, который только и делал, что размышлял о том, что населению Земли суждено было удвоиться еще до наступления двухтысячного года.

Это был совсем не тот мир, который всегда знал Джерри, он чувствовал, что мог лишь смутно припомнить тот, другой мир, настолько похожий на этот, что отличие практически не улавливалось. Даты выстраивались как попало, и только это было для него вопросом, настроение же было в основном то же самое.

Недавно переделанное из кинотеатра, шумящее разноголосицей на тринадцати заполненных развлечениями этажах дешевое казино Эмметса — вот то место, куда надо пойти, решил Джерри. Он повернул за угол и увидел казино.

Три видимых ему стороны здания были полностью залиты неоновым светом всех мыслимых цветов: неоновые слова и неоновые картины с шестью или даже десятью различными движениями. Музыка не гремела — она тихо и сглажено истекала: мягкие, приглушенные звуки, которые на самом деле лишь напоминали музыку.

Мистик начала двадцатого столетия, если бы увидел такое, мог бы подумать, что перед ним — видение царства небесного, думал Джерри, медленно двигаясь по направлению к казино.

А оно искрилось и вспыхивало, вращалось и курилось, и высоко над всем остальным, создавая впечатление подвешенности в темном небе, золотом светилось одинокое слово: ЭММЕТС.

В сверкающем фойе у входа, обслуживаемом юными девушками в военной униформе с имитацией винтовок, которыми они в шутку изобразили кордон на его пути, Джерри обменял связку банкнот на кучу жетонов для использования в игральных автоматах. Он прошел через высокие, сияющие красным и голубым турникеты и двинулся по яркому толстому ковру в первую галерею, находившуюся на уровне земли.

Лучи мягкого пастельного света странствовали в полумраке холла, в котором постукивали, разговаривали и пели монетные автоматы. Джерри начал спускаться по короткому лестничному пролету, слушая смех молодых мужчин и женщин, слоняющихся между автоматами или засиживающихся около них, или просто танцующих под музыку, льющуюся из гигантского автоматического проигрывателя, занимающего большую часть одной стены.

Джерри потратил несколько жетонов на лучевую пушку, управляя условным лазерным лучом и стреляя его светом по целям; если свет попадал в особую зону, выпадал приз. Однако его счет был невысоким: недоставало практики. Неудача испортила настроение, и он начал думать, что, не беспокойся он так мало о меткости, он бы теперь не был в таком скованном состоянии. Кэтрин или, скорее, ее присутствие давало его жизни единственный двигательный мотив, который, похоже, мог стать составной частью этой жизни. Теперь ему долго будет недоставать ее; с этим было покончено.

Бесцельно бродил он среди кегельбанов и игральных ав-

томатов, нагибался над счастливыми молодыми людьми, возбужденно рука об руку сидевшими за автоматами. Джерри вздыхал и думал, что истинная аристократия, которая правила бы в семидесятых, толпами ходила снаружи: голубые, и лесбиянки, и бисексуалы, уже наполовину осознавшие свое великое предназначение, которое найдет свое претворение, когда стоящее в центре секса раздвоение чувств будет понято полностью и понятия «мужское» и «женское» станут чем угодно, только не бессмыслицей. Вот так. Бродя таким образом, он был окружен всеми возможными суррогатами секса, одному или нескольким из которых предстояло стать главной движущей силой человечества в период около двухтысячного года — свет, цвет, музыка, кегельбаны, фармацевты, полигоны с оружием, едва ли хоть в какой-то мере способные доставить сексуальные ощущения и в то же время естественные средства его замены.

Рождаемость, которая, расти она со скоростью, предсказанной в ранних шестидесятых, привела бы к четырехтысячному году к ситуации, когда содержимое планеты, ее ядро и кору составляли бы одни лишь люди, была забыта современными статистиками в Европе. Европа, как обычно, шла впереди всего мира.

Большинство тех, кто оказывался не в состоянии выдержать темп, эмигрировали — кто в Америку, кто в Африку, Россию, Австралию или еще куда-нибудь — и получили возможность барахтаться в ностальгии, вызванной американскими модами, и телевизионными шоу, и мнением масс, простым образом жизни африканцев, моральными установками россиян и австралийской холодной бараниной. Поток, конечно же, был двусторонним, с пассажирами тысяча девятьсот пятидесятых годов, двигавшимися в одном направлении, и пассажирами двухтысячного, направляющимися в обратную сторону. Лишь Франция, Швейцария и Швеция — временные и преходящие бастионы — колебались и вскоре стояли перед угрозой развала на куски в нависшем предэнтропическом всесмывающем кризисе. Это не изменение настроения, думал Джерри, это изменение мышления.

Джерри больше уже не понимал, был ли унаследованный им мир «реальным» или «поддельным»; он давно уже бросил волноваться по этому поводу.

У вращающейся карусели «Малые скачки», где предо-

ставлялась возможность оседлать лошадь, носящую имя вашего любимого победителя сезона, Джерри повстречал Шэйдса, своего знакомого.

Шэйдс — профессиональный убийца из Калифорнии; однажды он заявил Джерри, будто может доказать, что это он убил обоих братьев Кеннеди. И когда поверивший ему Джерри спросил — почему, Шэйдс отозвался с определенным самоуважением:

— Напряжение большой игры, знаешь ли. Я ведь даже подумывал зайти на вашу королеву, но это было совсем другое. Мне досталось самое крупное дело: по Джеку Кеннеди, знаешь ли, плакал мир.

— А Валентино? Ты мог бы завести речь и о нем...

— Нет, если бы я выбрал это, травма не была бы такой глубокой,— люди были уже наполовину готовы. Мне достался солнечный король. О, парень, вот это — задача!

— И чем ты сработал здесь? Омелой?*

— Итальянский маузер,— пояснил Шэйдс, оскорбленный его легкомыслием.

Шэйдса сопровождали две девушки: рыженькая лет шестнадцати и брюнетка около двадцати пяти. Загоревшее под лампами лицо Шэйдса с улыбкой повернулось к Джерри. Он был почти голый, если не считать шорт и балетных туфель. Настоящим предметом его одежды, фактической его одеждой были темные очки. У него был какой-то отсутствующий вид. На обеих девушках были твидовые брючные костюмы. Волосы их были коротко подстрижены, а просветленная зеленоватая косметика поблескивала под разноцветными лучами.

Старшая держала в руке газету. Джерри посмотрел на нее:

— Вы — шведка?

Она отнюдь не была удивлена его предположением.

— Да, а вы?

— Нет. Я — англичанин.

— Вот как?

Джерри чуть наклонился вперед и вытащил у нее из руки газету.

---

* Mistletoe (англ.) — омела (бот.). Русская аналогия — «черемуха».

— Что-нибудь новенькое за последние дни?

Его интересовало, попал ли на газетные страницы тот набег на дом. Это было бы невероятно.

— У Британии появилась своего рода головная боль: ей надо что-то делать с удвоением роста преступности.

Джерри пробежал глазами газету, затем перевернул ее, чтобы взглянуть на комиксы. Вместо комиксов там оказался снимок во всю страницу: крупная автокатострофа с разбросанными повсюду раздавленными телами. Джерри предположил, что это фото обеспечило продажу тиража.

— Ну, Шэйдс,— спросил Джерри, протягивая газету обратно девушке,— каковы планы на эти дни?

— Пианотон в «Пирушке». Почему бы тебе не пойти и не посидеть с нами?

— Отличная идея.

— До третьего удара колоколов в три часа я ничем не связан. Чем займемся до того?

— Помогите мне избавиться от жетонов, и — обсудим.

Шведка присоединилась к Джерри, и они совершили веселый вояж по игральным столам. Девушка постоянно жевала резинку, что вызывало у Джерри легкое раздражение, но он успокоился, когда ее маленькая ручка дотронулась до него. А что, хорошая идея, подумал он, отстраняя ее.

Сгорбленный старик прошел между столов. Длинные седые волосы доставали ему почти до талии; длинная белая борода дополняла шевелюру; нежная розовая кожа, и маленький дипломат под мышкой. Скрутило его почти до горизонтального положения, а крошечные бледно-голубые глазки казались такими же яркими, как лампочки на игральных столах. Он кивнул Джерри и вежливо остановился.

— Добрый вечер, мистер Корнелиус. Вас последнее время почти не видно, или это я потерялся? — он говорил с придыханием.

— Ты никогда не теряешься, Дерек. Как дела в астрологии?

— Не могу пожаловаться. Сделать диаграмму?

— У меня их было слишком много, Дерек. Тебе никогда не разработать ее.

— Как-то, знаешь ли, очень странно. Я выполняю диаграммы шестьдесят лет, и никогда не сталкивался с похожи-

ми на тебя. Как будто тебя не существовало,— смех его тоже отзывался затруднением дыхания.

— Вернись на землю, Дерек: тебе только сорок шесть.

— Как, ты это знаешь? Ну, тогда, скажем, тридцать лет.

— Да и взялся ты за астрологию только десять лет назад. Как раз перед тем, как оставил службу в Форин Офис*.

— С кем ты разговаривал?

— С тобой.

— Я, знаешь ли, не всегда правдив.

— Да уж. Где Олаф?

— А... где-то.— Дерек пристально взглянул на Джерри.

— Это ведь не ты был?

— Где?

— Олаф бросил меня. Я его куче всего обучил. Я любил его. А для Стрельца — редкость, чтобы он любил Деву, знаешь ли. У Скорпионов все в порядке. Олаф удрал с каким-то помешанным звездочетом, о котором я никогда ничего не слышал. Мне просто интересно. Ты знаешь, когда я только начал профессионально заниматься этим, не было и полудюжины, кого можно было бы назвать настоящим астрологом и кто шел приблизительно тем же путем. А знаешь, сколько их теперь?

— Шесть тысяч.

— Ты почти прав. Я не в состоянии их всех пересчитать. С другой стороны, клиенты ушли. Хотя и не в той пропорции.

— Не волнуйся, Дерек. Ты — все равно лучший.

— Вот! Распространи это. Нет, знаешь ли, я слышал, Олаф был здесь. Я уверен: стоит ему увидеть меня — во плоти, как бывало,— и он осознает свою ошибку.

— Я посмотрю.

— Хороший мальчик,— Дерек похлопал Джерри по руке и пошел, сгорбившись, прочь.

— Он очень умный? — спросил шведка.

— У него острый ум,— ответил Джерри.— И это важно.

— Всегда,— дополнила она, беря его за руку. Он послушно пошел за ней туда, где Шэйдс лежал поперек стола,

---

* Foreign Office (англ.) — Министерство иностранных дел Великобритании. Перев.

прижавшись носом к стеклу и следя за тем, как маленькие шарики, ударившись о маленькие колечки, скакали вдоль края, пока не наскакивали на другие маленькие колечки. Шэйдс обхватил края стола, и, когда прозвенел звонок, костяшки суставов на его руках побелели.

— Вот это я и называю «закалка», Джерри,— не поднимая глаз, проговорил он.— Обирают меня. Я — павловская глина.

— Дай-ка взглянуть, как ты слюнки пускаешь, ты — старомодный лапочка,— улыбнулся Джерри, не принимая этого всерьез.

Джерри расслаблялся, поддаваясь настроению вечера. Он ущипнул Шэйдса за зад, и тот в ответ брыкнул его.

— Ты что, оседал меня?

— Не сегодня, прелесть.

Вот уже лучше, подумал Джерри, глубоко вдохнув дым, аромат духов — фимиам. Он снова чувствовал себя на подъеме. Он был в своей тарелке.

Шэйдс рассмеялся и опять сконцентрировался на стальных шариках.

Осмотревшись, Джерри узнал Олафа, о котором говорил Дерек; тот увлеченно трудился над игрой «Убей девчонку». В игре выделялось десять выстрелов, которыми необходимо было сразить шесть из десяти пластиковых обнаженных девушек, выполненных в натуральную величину, с помощью орудия, похожего на гарпунную пушку. Игра у него шла без особого успеха. Олаф был невысоким юношей с вечно страдальческим выражением лица, производившим впечатление, словно кто-то приготовил из него филе. Он положил оружие и направился к автоматической гадалке по рисунку ладони. Там он опустил в автомат монету и безвольно положил ладонь на секцию, выполненную из пульсирующего каучука. В тот момент, когда Джерри приблизился, машина отключилась, и в щели появилась маленькая карточка. Олаф вынул ее и изучающе осмотрел, затем нахмурился и покачал головой.

— Привет, Олаф. Дерек тебя ищет.

— Не твое это дело.— Голос у Олафа был вызывающий и одновременно жалобный; это был его обычный голос.

— Не совсем, Дерек просил меня поставить его в известность, если я увижу тебя.

— Мне кажется, тебе что-то от меня нужно. Ну, ладно. Я как раз потратил последнюю гинею, и мне нечего делать с арийцами.

— Ты ведь не еврейский мальчик? — спросил Джерри.— Не обижайся на мой вопрос, но ведь — нет?

— Заткнись! — Голос Олафа остался на той же ноте, но стал более определенным.— Мне осточертели люди вроде тебя.

— Да не обижайся ты, не обижайся, просто...

— Заткнись!

— Я лишь подумал, что, раз уж ты сказал...

— Ты не сможешь получить у меня наркоту, знаешь ли,— и Олаф повернулся к нему спиной.

Джерри прыжком обошел Олафа и снова оказался лицом к лицу с ним.

— Ну, послушай...— сказал Олаф.

— Тебе когда-нибудь говорили, что у тебя прекрасное тело, Олаф?

— И не пытайся даже намекать на это,— ответил Олаф голосом, ставшим чуть менее определенным и чуть более мягким.— Ты, как-никак, ариец. А я не могу иметь ничего общего с арийцам. Это было бы гибельным.

— Бережешь девственность, Олаф, а?

— Не начинай снова. Люди вроде тебя — последние подонки. У тебя нет никакого понятия, что значит быть настоящим, духовным человеческим существом, знающим безграничный...— на лице Олафа появилась тонкая, высокомерная улыбка.— Самые последние подонки.

— И я об этом. Ты говоришь не как еврейский мальчик.

— Заткнись.

— Ну, ладно, иди, навести Дерека.

— Я не хочу иметь ничего общего с этим извращенцем!

— «Извращенцем»? Почему «извращенцем»?

— Это не имеет ничего общего с сексом — ты понимаешь, что я подразумеваю, говоря «не иметь ничего общего»? Это значит, не иметь дело с его идеями. Он извратил всю науку астрологию. Ты обращал внимание на то, каким образом он чертит свои диаграммы?

— А что там не так?

— В его диаграммах? Ты не видел его диаграмм? Он изобразит тебе что-нибудь за деньги.

— О, не «что-нибудь», Олаф.

— Где он?

— Последний раз я видел его вон там,— и Джерри указал в сторону дымовой завесы.

— Пусть радуется, что я хотя бы поговорю с ним,— кривляясь, Олаф пошел прочь. Прислонившись к автомату для чтения рисунка ладони, Джерри наблюдал за ним. Подошла шведка.

— Не знаю, сколько еще мы пробудем здесь,— сказала она.— У Шэйдса еще много жетонов. Он выигрывает.

— Мы можем пойти покурить кое-что в Черном клубе, где — я знаю — против нас ничего иметь не будут и где мощно барабанят. Только если я и захочу поиграть сегодня вечером, то в тот момент, когда попаду в «Пирушку», иначе ничего из этого не получится.

— Я полагаю, ты намекаешь на марихуану? Я этого не хочу. Ты — что, чурбан?

— Вообще говоря, нет. Я предоставляю это моему брату. Просто мы могли бы пойти туда.

— А где это?

— Роща банкротов.

— Это далеко.

— Не так уж и далеко. Сразу за районом. По ту сторону ничейной земли.

— Что ты сказал?

— Ничего,— он посмотрел через нее туда, где Шэйдс дубасил по машине. Вспыхнула надпись «Драка».

— Жулик! — заплакал Шэйдс.— Жулик!

Как из-под земли, вырос исключительно спокойный негр-оператор в белом костюме; он улыбался:

— Что случилось, сынок?

— Этот стол — жулик!

— Не будь ребенком; чего же ты еще-то ждал?

Глаза Шэйдса за старыми солнечными очками, казалось, наливались злобой. Он несколько раз часто-часто передернул плечами. Негр наклонил голову набок и выжидательно осклабился.

— Очень уж вы завышаете свои шансы в играх,— зарычал Шэйдс.

— Вот и тебе пришлось иметь с этим дело, парень. Лю-

бому в эти дни приходится сталкиваться с чем-то подобным, знаешь ли. Да?

— Вся эта проклятая страна продалась.

— И ты, дружок, только сейчас это обнаруживаешь? Бог ты мой!

— Да, она всегда была продажной. Лицемерные плуты!

— О, нет. Они сейчас честные. Они могут позволить себе быть или думают, что могут...

Джерри доставляло удовольствие наблюдать, как два экс-патриота выдавали свою дешевую философию.

Шэйдс передернул плечами и отвернулся. Негр зашагал прочь, довольный собой.

Маленькая подружка Шэйдса подбежала с другой стороны холла и встала с ним рядышком. Он обвил ее рукой и повел к Джерри и шведке.

— Пошли, Джерри.

— Давай.

Они потратили остатки жетонов Джерри на кофе и таблетки и пошли к «Пирушке» на Вильерс-стрит, которая тянулась от Трафальгарской площади вдоль Станции Креста Милосердного, изгибаясь в веселой ночной жизни города.

Праздношатающиеся обоих полов толпились в «Пирушке», набитой людьми в той же степени, что и музыкой,— и тем и другим вместе под завязку. За лучами прожекторов, которые были направлены в публику, группу можно было лишь угадывать. Огромный усилитель образовывал задник низкой сцены, и прекрасная смесь Хаммондовского органа, пианотрона, басовой, ритмовой и соло-гитар, саксофонов — альта и баритона — изливалась из него мелодией «Симфони Сид» с медленным чувством фуги.

Под низким потолком медленно вращался обычный для старомодных танцзалов шар, выполненный из граненого стекла. Лучики переливались зеленым, красным, золотистым, серебристым и оранжевым светом. Свет бил по ним со всех сторон и снова отражался, так, что световые пучки разлетались по всей «Пирушке».

Они протиснулись сквозь толпу, представлявшую собой единую массу, из которой по краям, казалось, торчали головы, руки, ноги. Жара была почти невыносимая.

Слева от сцены расположился бар, справа — стойка с кофе. Оба источника питья были заняты. К бару прислонились

выходцы из Вест-Индии, элегантные, в стиле Гарлема, как мальчики-хористы из «Порги и Бесс». Почти у всех были тонкие усики и презрительные взгляды, заготовленные в основном для других, хуже их одетых вест-индцев, хлопавших в ладоши в такт с каждым ударом, кроме тех случаев, когда вступал барабан.

Они добрались до бара с кофе, направляясь к двери рядом с баром, на которой красовалась надпись «Служебный вход», и тут Джерри в одном из гитаристов узнал музыканта, с которым однажды играл. Это был «дядюшка» Вилли Стивенс, игравший тогда на флейте и ритме; а однажды он выдал вокал с расформированной с тех пор группой, называвшейся «Все желающие». Группа стала популярной, когда играла в «Пирушке», и эта новость распространялась все шире, пока местечко не оказалось забито только девчонками — исступленными поклонницами группы и журналистами.

— Хелло, дядюшка.

— Хай, Джерри,— с ничуть не изменившимся выражением лица Стивенс протянул свою крупную руку Джерри и позволил тому пожать ее.— Что поделываешь?

— То да се. Ты работаешь?

— Убеждаю, что Национальная помощь функционирует. Они с каждым днем становятся все жестче. На той неделе они пригрозили отправить меня обратно. Я ответил, что, если бы НП в Бирмингеме была более любезной, я бы вернулся.

— А что, места нет?

— Да нет, там хорошая сцена, но только не моя. Ты сегодня вечером здесь сыграешь?

— Надеюсь.

— Я послушаю.

Джерри прошел через дверь с надписью «Служебный вход». Шэйдс с двумя девушками уже находились в дальней комнате. Шэйдс облачался в свою униформу с оборками. Остальные участники группы, с которой он выступал, были одеты. Гитаристы настраивали инструменты. Джерри позаимствовал соло-гитару, прекрасный экземпляр из твердого пластика, украшенный полуобработанными драгоценными камнями, с серебряной ручкой ревербератора и аметистовы-

ми ручками управления усилением. Он выдал быструю простую последовательность ля-минор, фа, ре-диез, си.

— Чудо,— сказал он, возвращая инструмент.— Шэйдс сказал, что я могу сыграть.

— Меня устраивает,— отозвался солист,— пока ты не потребуешь платы.

— Я пропущу пару номеров, чтобы послушать вас.

— О'кей.

«Симфони Сид» завершила свое выступление, и Шэйдс с группой вышли, сменив вошедших в комнату музыкантов, шестнадцатилетняя ушла с Шэйдсом. Шведка осталась с Джерри. Группа, только что сошедшая со сцены, была вся в поту, но выглядела довольной.

— Глянем-ка, сможем ли добраться до бара,— предложил Джерри.

Им повезло. В тот момент, когда группа Шэйдса начала с обычной мелодии Леннона — Мак-Картни «Долго это не продлится» — не лучшей вещи группы, Джерри и шведка отыскали место у бара. Она пила «божоле» с ментоловым ликером, потому что ей нравился цвет напитка. Он отдал дань старым временам: «перно», ибо он всегда пил его в «Пирушке».

Каждый день — я знаю —
Мы счастливы будем,
Теперь, когда — я знаю —
Ты больше не уйдешь,—

радостно заливался исполнитель соло на гитаре, подготавливая заход на импровизацию. У гитариста был высокий голос, никогда не скатывавшийся на дрожание. Он образовывал великолепный контрапункт с трепещущим органом.

Толпа создавала впечатление массы, пузырившейся, как варево в котелке, в такт с музыкой, когда клиенты танцевали.

Плавно и быстро группа перешла к «Сделай это» — инструментовке, окрашенной пианотроном. Шэйдс играл лучше, чем это помнил Джерри. Они со шведкой поднялись со своих мест и присоединились к танцующим. Ощущение причастности к массе доставляло какое-то особенное чувство. И он, и девушка, и все вокруг них казались спаянными вместе, с абсолютным отсутствием индивидуальности.

«Сделай это» сделала свое дело, и Шэйдс крикнул в микрофон:

— Джерри!

Джерри покинул площадку, прошел под лучистым дождем и поднялся на подмостки. Солист передал ему свой инструмент и с улыбкой отправился в сторону бара.

Джерри сыграл несколько аккордов, чтобы почувствовать усилитель, и начал одну из своих любимых вещей, еще одно из Леннона — Мак-Картни, «Я — неудачник»:

Я не тот, кем кажусь,—
Я — неудачник,—

пел он.

Исполняя песню, он увидел, как мисс Бруннер вошла в «Пирушку» и огляделась. Она, по-видимому, не могла разглядеть его за снопами света, шагнула к вздымавшейся толпе и остановилась в нерешительности. Начав импровизировать на инструменте, Джерри Корнелиус забыл о ней. Позади него Шэйдс перешел с четырех четвертей на шесть восьмых, но Джерри остался на ритме четыре четверти, и это ему нравилось. Дело уже пошло.

Джерри следил за временем, стараясь не слишком затягивать, но каждый раз при приближении финала что-то новое приходило ему на ум; танцующие же, судя по всему, наслаждались сами собой. Вещь продлилась добрых полчаса и оставила в Джерри ощущение усталости.

— Прекрасно,— серьезно похвалил Шэйдс, когда Джерри, пробравшись через лучики, занял место солиста у бара. Шведку давно поглотила толпа.

— Хелло, мисс Бруннер.

«Перно» оказался ему сейчас вполне по вкусу: тягучий и холодный, с большим количеством льда. Он заказал одну порцию. Она заплатила за эту порцию одновременно со своим «скотчем».

— Что вы там исполняли?

— Вы об инструменте или о номере?

— Об инструменте.

— Соло-гитара. Неплохо, а?

— Я не сильна на слух. Звучало о'кей. Когда вы покинули Солнечную Долину?

— Сегодня после обеда. Не платите им больше ни за день.

— Не буду. Трудно мне досталась ваша доставка туда: то одно, то другое. Могу полагать, я спасла вам жизнь.

— Очень мило с вашей стороны. Спасибо. Весьма благодарен. Думаю, этого достаточно. Как на ваш взгляд?

— Строго говоря, да. Если не возражаете, ваше «спасибо» могло бы принять более позитивную форму.

— Могло бы.

— Вы еще переживаете по поводу убийства сестры?

— Конечно. Как же не переживать? А чем вы сами занимались?

— Я помещала объявление о замене Димитрия. Устраивала испытание одной девушке. Мне надо встретиться с ней позже. Я проверяла информацию в новых приглашениях Бурроу. Я даже не поняла, что это вы — тот Корнелиус, который опубликовал ту самую теорию единого поля.

— Вы много прокопали, мисс Бруннер.

— Да.

Стеклянный шар над головой повернулся, и луч света упал на лицо мисс Бруннер, покрыл его сияющим разноцветьем. Похоже было, что появлялся ключ к ее действительной сущности, всей сущности, познать которую Джерри стремился с того самого момента, когда они вели беседу в доме мистера Смайлса в Блэкхите. Он увидел в ней призму, и в качестве призмы мисс Бруннер перестала быть женщиной. Она проговорила:

— Знатная цена? Ах, я — просто любитель.

— Вы теряете шанс получить бессмертие, другого может и не быть.

Звук, свет, тела перемешались вокруг них.

— Знаете, там есть изъян,— сказала она,— в уравнении, почти в самом начале.

— И вы нашли его. Вы собираетесь купить меня?

— Это могло бы означать для меня бессмертие.

— Думаю, оно уже есть у вас, мисс Бруннер.

— С вашей стороны очень любезно сказать такую вещь. Что заставило вас думать так?

Джерри задумался, не подвергается ли он какой-нибудь опасности. Не на этой стадии, решил он.

— Куда более грамотные математики, чем вы, проверя-

ли его и не нашли никакой ошибки. Вы просто не могли знать — если только...

Мисс Бруннер улыбнулась и пригубила свой «скотч».

— Если только у вас нет непосредственного опыта в том, что я предполагаю в моей теории, мисс Бруннер; если только вы не знаете все ЛУЧШЕ меня.

— О, вы умны, мистер Корнелиус.

— На что все это нацелено?

— Ни на что. Не пойти ли нам куда-нибудь, где поспокойнее?

— Мне здесь нравится.

— А есть ли где-нибудь местечко поспокойнее, куда вам захотелось бы пойти?

— На Тоттенхнем Корт-роуд есть «Жареные цыплята».

— Каждая строчка в меню гарантирует очистку от витаминов. Я знаю это место.

— Мисс Бруннер,— позвал он, наклонившись к ней через цыпленка и поджарку.— Если бы я не прошел уже теологическую фазу своего развития, на вас первую упали бы мои подозрения, что вы — Мефистофель.

— Я не подхожу; у меня нет заостренной бородки.

— Однако я не могу найти у вас и совпадений с Хомо сапиенс.

— Ну, так, запросто, я не совпадаю ни с чем,— она зацепила полную вилку ломтиков картофеля.

Джерри отклонился назад, вложил жетоны в ящик проигрывателя и нажал на нем несколько кнопок.

— Вы уверены, что ищете там, где надо? — проговорила она с полным ртом.

— Я уже давно ни в чем не уверен. Мы заставим все дело вытанцовываться.

— Дом Корнелиуса еще стоит,— сказала.— У нас не было никакой возможности поджечь его. Вас это не беспокоит?

— Не очень; Фрэнк сейчас — отнюдь не главный фактор.

— Из достоверных источников я знаю, что он сейчас в Лапландии. Точнее, в двух днях поездки на северо-запад от Квикйокка — маленькой деревушки за Кируной.

— Это же далеко на севере.

— Я думаю, французская полиция отписалась от инци-

дента с нашей экспедицией, как от случая совершенно экспериментального, проведенного чистым экспромтом.

— И правильно. А Фрэнк?

— Вас это интересует?

— Нет,— он отодвинулся, прислушиваясь к музыке.

— Фрэнк живет на закрытом метеорологическом посту в лесах. Мы могли бы попасть туда на вертолете.

— У меня есть вертолет и самолет.

— У вас, оказывается, полно всяких таких вещей.

— Предвидение. Я все еще мечтаю наложить руку на частные нефтяные разработки и небольшие перерабатывающие заводы. И тогда я снова буду на коне.

— Вы смотрите в будущее.

— Я смотрю вокруг. Будущее уже наступило.

— Я подозреваю, что у Фрэнка есть не только оставленный вашим отцом микрофильм. У него находится еще и рукопись Ньюмена.

— Еще и это, мисс Бруннер,— телепатические возможности!

— Нет, просто научное предположение. Множество людей слышало, что Ньюмен написал книгу после того, как вышел в прошлом году из той капсулы, и прежде, чем совершил самоубийство. Я слышала, что некий субъект от вдовы Ньюмена искал Фрэнка. Я нашла этого типа, но все, что он мог мне сообщить,— это лишь то, где Фрэнк может находится.

— Ньюмена, я думаю, стерла с лица земли Безопасность. По-моему, не похоже на прямое самоубийство. Вы знаете, что было в книге?

— По некоторым сведениям — полная и объективная правда о природе человечества. Говорят, множество сумасбродных идей. Это должна быть одна из тех книг.

— Тем не менее мне бы хотелось почитать ее.

— Я и думала, что вы захотите.

— А где, вы сказали, он был неподалеку?..

— Квикйокк — у самого Йокмокка.

Джерри поднялся:

— Ухожу с вами. Мне, значит, потребуется несколько хороших карт, да?

— По моим предположениям, да. Можно проделать все это на вертолете?

— Зависит от некоторых условий. Я раздобыл один из вертолетов «Виккерс» для дальних перелетов и чеки на бензин по всей Европе, но последний чек — лишь до Уппсалы. А Лапландия значительно дальше Уппсалы. Так что мы, наверное, могли бы добраться туда, но не обратно.

— Мы приплывем оттуда, мистер Корнелиус, если то, о чем я думаю, действительно находится там.

— А о чем вы думаете?

— А, ну... я точно не уверена. Так, предчувствие.

— Вы и эти ваши ощущения!..

— Вам-то от них никакого вреда.

— Да, уж лучше бы без вреда, мисс Бруннер.

— Очень неплохо бы выехать завтра утром,— сказала она.— Как вы себя чувствуете?

— Я был в госпитале, припоминаете? Я основательно подлечился. Выдержу.

— Поняла вас,— сказала она.

Она подняла свою сумку, и они вышли на Тоттенхем Корт-роуд.

— Мне надо еще встретиться с этой моей новой девушкой,— сообщила она ему.— Ее имя — Дженни Ламли. Она занималась социологией в Бристоле, пока не закрыли университет прошлым летом.

— Где вы с ней встречаетесь?

— В «Блэкфрайэрс-Ринг».

— Атлетический комплекс. Что она там делает?

— Ей нравится борьба.

Они пошли пешком на Шафтсбери-авеню, где Джерри выкатил свою машину из гаража и повез ее к «Блэкфрайэрс-Ринг». Здание оказалось большим, современным, построенным специально для соревнований по борьбе. Снаружи два неоновых борца несколько неуклюже вновь и вновь повторяли броски.

Большое фойе было разделено картинами в рамах, изображавшими борцов — мужчин и женщин. Некоторые женщины выглядели даже прелестно, но что касается мужчин — Джерри себе и представить таких не мог. Было там три кассы — по одной на каждой стороне и одна в центре. Из громкоговорителей над ними по трансляции лился рокот толпы.

Мисс Бруннер прошла к центральной кассе и там завела разговор с привлекательным невысоким мужчиной:

— Мисс Бруннер; у вас должны быть два билета, зарезервированных на мое имя. Наши друзья уже внутри.

Кассир просмотрел небольшую стопку темно-желтых конвертов с напечатанными на них именами спонсоров — владельцев «Блэкфрайэрс-Ринг».

— Хорошие места: Си семьсот пять и семь. Лучше бы поторопиться: основная схватка начинается через несколько минут.

— Вы когда-нибудь видели такой бой, мистер Корнелиус? — спросила она, когда они поднимались по обитым плюшем ступеням.

— Не моя тема. Я немного смотрел по телевизору.

— Ничего схожего с настоящими вещами.

Они поднялись на три пролета, описали круг по галерее и подошли к двери, помеченной цифрой «700». Двери, по всей видимости, имели прекрасную звукоизоляцию, потому что, когда они открыли их, шум, которым встретил их зал, представлял собой громкий улюлюкающий рокот. Запах вполне соответствовал звуку: пот, духи, лосьоны.

Стадион имел примерно те же размеры, что и «Альберт-холл», с бесконечными рядами сидений, поднимавшимися куда-то в полутьму. Стадион был забит. В поисках своих мест они разглядели внизу двух женщин, разбрасывавших друг друга, хватавшихся за длинные волосы. За боем наблюдали два рефери: один — в стуле, подвешенном над рингом, другой — снаружи ринга в непосредственной близости от канатов.

Не все пришли сюда с целью посмотреть бой. Многие освободились от большей части своей одежды, а некоторые развлекали окружающих зрителей-мужчин даже лучше, чем пара на ринге.

Посмотрев вокруг и оглянувшись, Джерри заметил, что на сравнительно более дешевых местах сидело много детей. Эти следили за боем. Усилители над пронумерованными местами подхватывали стоны и крики обеих соперниц, когда те извивались в манере, которой Джерри мог восхищаться, но понять которую не мог.

Там и сям люди мастурбировали.

— Напоминает старую арену Рима, да? — проговорила

мисс Бруннер с улыбкой.— Иногда я думаю, что онанизм — единственная искренняя форма сексуального самовыражения, оставшаяся непредприимчивым, бедным натурам.

— Ну, по крайней мере они никому не мешают.

— Кажется, я вижу Дженни. Она вам понравится. Она из Западной Страны — Тонтон. Ей достался прекрасный взгляд темных глаз этой страны. Не правда ли? Хотя я не очень уверена. Да, это Дженни. И вы можете поговорить с ней, мистер Корнелиус.

— Вы к чему клоните?

Им пришлось протискиваться через четверых или пятерых человек, чтобы добраться до своих мест, а те и не думали подниматься.

— О, ничего. Хелло, Дженни, лапочка. Это — мистер Корнелиус, мой старый товарищ.

Дженни задиристо взглянула снизу вверх:

— Хелло, мистер Корнелиус.

У нее были длинные черные волосы, такие же тонкие, как и у Джерри. Одежда ее состояла из простого повседневного темно-розового платья и отделанного красным кожаного жакета. У нее действительно были огромные черные глаза, и вся она вполне соответствовала описаниям мисс Бруннер. Кроме того, она, по-видимому, была довольно высокой.

— Вы пришли как раз вовремя.

— Так нам сказали.— Джерри уселся рядом с ней, а мисс Бруннер села по другую сторону.

Для девушек типа Дженни Джерри был простачком. Наслаждаясь такой вот ее близостью, он подумал: если бы до этого дошло, вот единственный тип, которым он мог бы заняться. Вокруг было немного девушек для ухаживания. А может быть, это мысль: оторвать ее от мисс Бруннер.

Наступил перерыв, и все отдыхали, пока комментатор кричал что-то в микрофон о победительнице и соперницах в следующей схватке.

— Кто сказал, что секс — это просто два человека, пытающихся занять одно и то же тело? — Дженни извлекла из кармана пакет с бутербродами и предложила им. Бутерброды Джерри любил больше всего.— Не думаю, чтобы кто-то говорил это мне. Я думаю, что это в полной мере относится к борьбе, да, мисс Бруннер?

Правая щека мисс Бруннер раздулась от откусанного от бутерброда кусочка.

— Я никогда не думала об этом, дорогая.

— Просто мне не нравится социальный аспект борьбы,— сказала Дженни.— Мне лишь импонирует насилие и все такое.

Джерри смотрел на нее влюбленными глазами. Девушка же повернула голову к мисс Бруннер, которая заметила его внимание к Дженни и подняла брови. Голова Дженни разом развернулась, она взглянула на Джерри, почти застав его врасплох, и подарила ему развеселый кивок. Джерри подавил в себе стон. Это было уже чересчур. Джерри не мог похвастаться тем, что ему часто приходилось встречать подобных девушек. Лучше бы ему не приходить сюда.

Голос комментатора несколько искажался усилителем:

— А теперь, леди и джентльмены, главная схватка вечера. На специально подготовленный ринг выйдут шесть наших самых ярких звезд, и они сойдутся в матче за абсолютное первенство. Чтобы добавить схватке волнений и дополнительного напряжения, мы, как вы можете видеть, наполняем ринг толстым слоем побелки.

Доставив на ринг специальный поддон, занявший все внутреннее пространство площадки, помощники накачивали в него толстый слой побелки.

— Лишь одна из этих лучших может стать победительницей в этом матче, леди и джентльмены. Кто станет первой среди шести лучших? Разрешите зачитать имена,— диктор развернул перед микрофоном шуршащий лист бумаги.

— Док Горилла!

Возгласы поддержки.

— Лолита дель Старр!

Крики, исполненные энтузиазма.

— Тони Валентайн!

Шум усилился...

— Чита Гербер!

... еще возрос...

— Дробильная Машина в маске!

... и еще.

— Элла Спид!

...и еще чуть-чуть.

Раздались и возгласы, и крики «Фу!», слившиеся в единый неистовый рев.

Услышав странный визжащий звук над собой, Джерри взглянул вверх. На одном из троссов, идущих от потолка к рингу, было укреплено сиденье от горнолыжного подъемника, которое по мере движения вниз набирало скорость. В нем сидела женщина мощной комплекции, лет около тридцати, одетая в бикини из леопардовых шкур, открывавшее прелестные ноги. Когда сиденье достигло ринга, она легко спрыгнула с него, подняв фонтан побелки, удержала равновесие в скользкой массе и, улыбнувшись, помахала рукой публике. Сиденье вернулось, и Джерри увидел далеко вверху, у самой крыши, галерею, где на стул взбиралась небольшая фигура. Со свистом рассекая воздух, сиденье понеслось к рингу, неся крупного человека в маске, одетого в длинный черный камзол и ботинки с загнутыми носами. Оказавшись на ринге, он тоже спрыгнул со стула и коротко махнул зрителям, прежде чем пройти под канатами. Спустился и следующий участник соревнований — хрупкая девушка с длинными белыми волосами и в белом комбинезоне. Джерри с интересом представил, как она будет выковыривать побелку из волос, когда по ним пройдется ботинок. Пока она сдувала поцелуи в публику, старшая вдруг подскочила к ней и одним ударом бросила ее плашмя в побелку. Толпа застонала и засвистела. Рефери — тот, что на полу,— что-то прокричал, старшая грубо помогла молодой подняться. Огромный мужчина с черной бородой и волосатой грудью — очевидно, Док Горилла — оказался следующим прибывшим. Затем появилась высокая, стройная женщина с хорошо развитой мускулатурой. У нее было приятное, несколько тяжеловатое лицо, черные волосы спускались почти до талии. Последним появился широкоплечий, узкобедрый подросток с очень короткой стрижкой белых волос, в белых шортах и ботинках. Он улыбнулся публике.

Верхний судья был поднят на свое место над рингом. Четверо других рефери заняли места за пределами ринга, по одному с каждой стороны.

Матч начался.

Он не вызвал у Джерри возбуждения; но он с некоторым удовольствием наблюдал за покрытой побелкой мешаниной внизу, за доведенной до экстаза толпой. Когда Дженни ух-

ватилась за его руку, он почувствовал удовольствие, пока не увидел, что мисс Бруннер схватила вторую ее руку.

Руку юной блондинки в белом комбинезоне выкручивала ее старшая противница. Наверно, это Лолита дель Старр или Чита Гербер, решил Джерри. Док Горилла, волосатый с покрытой побелкой бородой, выглядевший, как Нептун, схватился с другой девушкой, Эллой Спид, и красавчиком Тони Валентайном. Где-то за пределами видимости, в самом низу под ними, находился Дробильная Машина в маске, не производивший, правда, впечатления большой дробильной работы.

Хотя он и не мог вызвать в себе тот же энтузиазм, что охватил остальную публику, Джерри уселся поудобнее и расслабился. Очень скоро все борцы были настолько покрыты побелкой, что с его места стало невозможно распознать, кто есть кто.

Он прокричал в ухо Дженни:

— Ты как, тоже не можешь различить, где мужчина, где женщина?

Та, по-видимому, услышала и прокричала что-то в ответ, который Джерри поначалу пропустил. Тогда она прокричала еще раз:

— Не в эти дни, нет!

Матч продолжался; борцы пританцовывали один вокруг другого, отскакивали от канатов, вылетали за ринг, снова взбирались туда, демонстрировали акробатические способности и возможности тел изгибаться, принимая самые причудливые позы.

В финале Тони Валентайн и Элла Спид подпрыгнули в пируэте и, обхватив ноги рефери над рингом, стащили его на площадку. Тогда рефери понесся по рингу, вышвыривая всех борцов через канаты. Публика развеселилась. Объявили победителей, и ринг был освобожден от поддона.

— А теперь, леди и джентльмены, знаменитая группа парней, чьи песни согревали сердца всех угнетенных во всем мире, развлечет вас в перерыве. Леди и джентльмены: «Реформаторы»!

Аплодисменты сопровождали выход на ринг «Реформаторов»: двоих мужчин и приятной девушки с себялюбивым, заостренным лицом и белокурыми вьющимися волосами. У мужчин были испанские гитары. Они принялись исполнять

медленную песню об оставшихся без работы шахтерах. Публика, казалось, наслаждалась ею и раскупала освежительные напитки у девушек, бегавших повсюду.

— Боже, они просто невыносимы,— заявила Дженни.— Они же уничтожают песню. Эта песенка, знаете ли— одна из песен Вуди Гутри,— очень подвижна. Они же просто до ужаса засахарили ее!

— О, не знаю,— сказал Джерри.— Разве эта группа изначально не называлась «Раскаты грома», не принадлежала к направлению «Ритм и блюзы» и не выпустила лучшую пластинку пару лет назад? Общественное сознание — интересная штука, Дженни.

— И все это не так.

— Ты права, любимая. Когда звезды поп-музыки начали превращаться в общественное сознание, был заложен конец ее эры.

Она взглянула на него озадаченно.

— А вы не придираетесь, Джерри? — мисс Бруннер наклонилась через девушку.

— Ну, знаете...— протянул он.

— Ты не будешь против, Дженни, если мы сейчас уйдем? — спросила мисс Бруннер.

— Остается еще только два матча, мисс Бруннер,— стала возражать девушка.— Мы не могли бы остаться и посмотреть их?

— По мне бы лучше пойти сейчас домой.

— Мне так хотелось посмотреть матч между Доком Гориллой и Тони Валентайном!..

— Думаю, нам пора, Дженни.

Девушка вздохнула.

— Пошли,— скомандовала мисс Бруннер твердо, но с нежностью.

Дженни покорно поднялась. Они гуськом покинули зал и вышли из стадиона. Джерри оставлял свою машину на соседней стоянке. Мисс Бруннер и Дженни сели на заднее сиденье. Джерри тронул машину и задним ходом приехал на улицу.

— Куда теперь?

— Голланд Парк. Довольно близко от вас, я думаю,— сказала мисс Бруннер, откинувшись на сиденье.— Если вы выедете на Голланд Парк-авеню, я вас оттуда сориентирую.

— О'кей.

— Если мы выезжаем с утра пораньше, неплохо было бы вам провести ночь у меня,— немного погодя предложила мисс Бруннер.

— Или вам — у меня.

— Извините, не может быть и речи.

— Почему? Опасаетесь сплетен?

— У меня еще есть дела. Все, что надо сделать вам,— собрать сумку и выехать ко мне. У нас есть еще одна спальня. Вам будет довольно удобно; она запирается изнутри.

— Звучит успокаивающе.

— Вы ведь не шутите, да? — в голосе Джерри слышалось легкое удивление.

— Нет, дорогой.

Они доехали до Ноттинг-Хилла и двинулись по Голланд Парк-авеню. Мисс Бруннер скомандовала ему свернуть налево, и он послушался. Еще поворот — и они оказались у прелестного, сельского образца дома.

— Приехали,— объявила мисс Бруннер.— Так что вы думаете о моем предложении? Если бы вы быстренько доехали до своего дома и упаковали сумку, вы могли бы обернуться за четверть часа, а я тем временем приготовила бы вам кофе.

— Вы могли бы предложить приманку и получше. О'кей,— четко выдерживал курс Джерри.

Выезжая назад к Голланд Парк-авеню и возвращаясь к своему дому, он вдруг понял, что мисс Бруннер навела немало справок: он твердо помнил, что не говорил ей, где живет.

Он оставил машину на улице и поднялся к стальной калитке в высокой стене. Очень спокойным голосом он произнес:

— Это — рейд.

Откликаясь на звуковой код, дверь распахнулась и вновь закрылась, когда Джерри пошел по заросшей дорожке к дому. Следующий сказанный скороговоркой код открыл парадную дверь.

Менее чем через четверть часа с большим чемоданом в руке он вышел из дома, сел в машину, сунув чемодан на заднее сиденье, и вернулся к дому мисс Бруннер.

У входа он нажал кнопку звонка, и Дженни впустила

его. По ее виду можно было подумать, что за время его отсутствия она вынесла сильный душевный бой, но, возможно, виной всему было просто другое освещение. Она слабо, нервно улыбнулась ему, и он ободряюще похлопал ее по руке. Мисс Бруннер явно не планировала брать Дженни с собой в Лапландию, но, когда они вернутся, он предпримет мощную попытку оторвать Дженни от мисс Бруннер. Дженни еще не осознавала этого, но ее рыцарь уже строил планы ее спасения. Он надеялся, что она тоже хотела быть спасенной — ей же было бы лучше.

Мисс Бруннер наливала кофе из «Данхилл Филтер» с красной окантовкой. То же самое касалось и всего остального в комнате, которая была выдержана в красных и серых тонах, но почти без мебели,— за исключением длинной кушетки и кофейного столика.

— Как вам нравится кофе, мистер Корнелиус?

— Какой есть. Я всегда люблю, как есть.

— Вы так только говорите.

— Мой вертолет стоит довольно удобно, недалеко от Харвича. И если мы отправляемся действительно рано, то нам удастся доехать без особых хлопот.

— Меня устраивает. Когда — в семь?

— В семь,— он взял чашечку кофе, выпил ее до дна и поставил на место.

Она бесстрастно налила и подала ему другую. Он прислонился к стене,— стройный, элегантный, невозмутимый.

Мисс Бруннер оглядела его. У него естественный стиль, подумала она. Возможно, стиль этот когда-то и был заучен, но сейчас он выглядел естественно. Губы ее увлажнились.

— Где эта тихая кровать? — спросил он.

— Наверх по лестнице, первая на вашем пути.

— Отлично. Хотите, я постучу около шести?

— Не думаю, что это потребуется. Не уверена, что я буду спать.

— По-видимому, виной тому будут шахматы, а не бридж, и я вижу, во мне нет необходимости.

Она посмотрела на него:

— Ну, я бы этого не сказала.

Войдя в свою комнату, Джерри закрыл за собой дверь, замкнул ее и задвинул щеколду. Он все еще не чувствовал себя здоровым. Комната имела душ, и он воспользовался им, лег в постель и уснул.

Проснулся он в шесть, опять принял душ и оделся; потом решил спуститься и приготовить себе немного кофе, если мисс Бруннер и Дженни еще не поднялись.

Спустившись, он услышал шум в гостиной и пошел туда. Мисс Бруннер, одетая, как и вчера вечером, лежала на кушетке, заложив руки за голову, вытянув ноги. Джерри улыбнулся: шум, который он услышал, был ее дыханием — глубоким и экстатичным. Сначала он предположил, что она находится под воздействием наркотиков, однако никаких свидетельств тому не обнаружил. И тогда он увидел аккуратно сложенное темно-розовое платье, кожаный жакет с красной окантовкой и черные колготки с туфлями-лодочками. Одежда Дженни. Где же она сама?

Он взглянул на лицо мисс Бруннер, и ему стало смешно.

Еще смешнее стало ему, когда глаза ее распахнулись, и она уставилась на него с мимолетной, но мечтательной улыбкой.

— Который час?

— Самое время вам переодеться, пока я приготовлю кофе. А что с Дженни?

— Она не поедет с нами, или, может быть...— она поднялась и села, расправляя юбку.— Впрочем, это неважно. О'кей, готовьте кофе, и отправляемся.

Джерри взглянул на одежду Дженни и нахмурился, потом перевел взгляд на мисс Бруннер и нахмурился еще больше.

— Не беспокойтесь, мистер Корнелиус.

— У меня возникло ощущение долга.

— Только ощущение? Забудьте о нем.

— У меня ощущение, что я и это должен был сделать,— Джерри вышел из комнаты и отыскал кухню. Там он наполнил чайник, поставил его кипятиться, насыпал кофе в фильтр, добавил воды и поставил кофейник на плиту. До него донеслись шаги мисс Бруннер, поднимавшейся по лестнице. Он присел на табурет, не столько, честно говоря, оза-

даченный исчезновением Дженни, сколько пытался отвлечь себя от этих мыслей. Он вздохнул, чувствуя неприятный холодок.

7

— Знаете, что подумал Янг*, а? — Джерри повел вертолет по косой вверх, в ясное зимнее небо.— Он ручается, что история развивалась циклами, по две тысячи лет, и что нынешний цикл начался с Христа.

— А он не ввел в эту теорию обнаружение летающих тарелок?

— Думаю, он сделал это.

— Все это так неопределенно, весь этот материал, написанный десять и более лет назад.

— Там так много намеков.

— Сейчас их еще больше.

— А какие-то действия с зодиакальными знаками — это шутка Янга!

— Ну, да. Согласно ему, мы вошли в цикл крупных физических и психологических поворотов.

— Это не так трудно доказать.

— Только не с помощью бомбы, которая уже разработана.

Вертолет приближался к побережью, направляясь в Голландию для первой посадки.

— Вы думаете, это было бы так уж и просто — бомба как причина? — мисс Бруннер посмотрела вниз, на побережье, и вперед, на море.

— В конце концов, так может быть,— сказал он.— Почему бомба должна быть симптомом?

— Я полагала, что мы пришли к согласию в том, что она им была.

— Да, пришли. Боюсь, моя память не настолько хороша, как ваша, мисс Бруннер.

— Не уверена. За последние несколько недель у меня

---

* Янг — Ян Чжэн-Нин — физик-теоретик, работал в США, лауреат Нобелевской премии. Ред.

была сотня случаев ложных воспоминаний. Что касается ваших идей относительно цикличности времени...

— Вы занимались чтением моих книг? — Он был раздосадован.

— Нет. Только о них. Я не сумела приобрести ни одной копии хоть чего-нибудь. Они ведь изданы частным образом?

— Более или менее.

— Почему они не в ходу?

— Они разрознены.

— Тогда дело дрянь.

— Нет. Заложено старение.

— Не согласна.

— Это я с вами не согласен.— Он все еще раздумывал о Дженни и чувствовал себя сейчас довольно бесполезным рыцарем.

— Вы говорите таким образом, потому что не понимаете.

— Вам следовало пойти в постель этой ночью; вы становитесь очень упрямой.

— О'кей,— она замолчала.

Ему вдруг захотелось грохнуть вертолет в море, но он не мог этого сделать. Он боялся моря. Именно идея Матери-Моря оттолкнула его от кельтской мифологии еще мальчиком. Если б только брат Луис не воспитал в нем этого представления, он и сейчас все еще мог бы оставаться в Ордене.

Так, значит, мисс Бруннер тоже имела галлюцинации с ложной памятью. И это был все тот же тип старого мира, да?

Он почувствовал, что ему становится хуже, дотянулся до радио, включил его и сунул в ухо наушник-бусинку; музыка подействовала на него взбадривающе.

В тридцати милях к северу от Амстердама они сели в поле, поблизости от строений какой-то фермы. Фермер ничуть не был удивлен; он поспешно выбежал с канистрами, в которых плескалось топливо. Джерри и мисс Бруннер спустились на землю, чтобы размять ноги, и Джерри помог фермеру наполнить баки и хорошо заплатил ему.

В пяти милях на восток от Уппсалы им пришлось опять сесть, и на этот раз самим таскать топливо от гаража к вертолету. Снег — глубокий, хрустящий, гладкий — попал им в обувь, и мисс Бруннер вздрогнула:

— Вы могли бы предупредить меня, мистер Корнелиус.

— Я забыл. Видите ли, мне никогда не доводилось попадать в такую зиму.

— Элементарные географические...

— ...которыми, видимо, ни один из нас не обладает.

Через сотню миль они вошли в буран, и Джерри уже с трудом управлял вертолетом. Когда пурга осталась позади, он сказал мисс Бруннер:

— Мы могли разбиться на такой скорости. Я собираюсь посадить машину. Нам придется найти автомобиль или что-то еще и продолжить путь по земле.

— Это глупо. Он займет по меньшей мере три дня.

— Ладно,— согласился он.— Но еще один шторм вроде этого — и мы пойдем пешком по необходимости.

Другого сильного шторма не встретилось, и вертолет действовал лучше, чем ожидал от него Джерри. Мисс Бруннер читала карту, а он следовал ее четким указаниям.

Внизу черными шрамами, извивавшимися между снегами, показались основные дороги. Большие скованные морозом реки и заснеженные леса простирались во все стороны. Впереди они видели гряду старых-престарых гор. Шла долгая полярная ночь, и чем дальше на север они улетали, там темнее становилось. Белые пространства казались необитаемыми. Джерри имел хорошую возможность убедиться, почему легенды о троллях, Йотенхайме и печальных богах — темные, холодные, суровые сказки Севера — рождались в Скандинавии. Мысль об этом вызвала странные впечатления, почти анахронизм, будто он попал из своего времени далеко назад, в ледниковый период.

Постепенно становилось все сложнее определять, что располагалось под ними, но мисс Бруннер упорно продолжала рассматривать землю в ночной бинокль и давать указания. Хотя вертолет хорошо отапливался, они оба дрожали.

— Там, сзади, пара бутылок «скотча»,— сказал Джерри.— Хорошо бы принять немного.

Она отыскала бутылку «белла», отвинтила пробку и подала бутылку ему. Он сделал несколько глотков и вернул ее мисс Бруннер; она сделала то же самое.

— Это меня взбодрило,— сказал он.

— Мы на подходе. Спускайтесь. Вон — саамская деревня, помеченная на карте, думаю, мы только что пролетели над ней. Станция не очень далеко.

Станция, по-видимому, была построена из покрытых ржавчиной стальных листов. Джерри заинтересовало, каким образом сюда доставляли материалы. Снег вокруг станции был расчищен, из металлической трубы шел черный дым.

В этих неясных сумерках Джерри посадил вертолет на снег и выключил двигатель. Открылась дверь, и на пороге появился человек с небольшой электрической лампой в руке. Это был не Фрэнк.

— Добрый вечер,— приветствовал Джерри на шведском.— Вы одни?

— Абсолютно. Вы, судя по акценту,— англичане. У вас вынужденная посадка?

— Нет. Я подозреваю, что здесь мой брат.

— Здесь был человек, до того, как я прибыл. Судя по приметам, он уехал в горы на снегоходе. Входите.

Он ввел их в каюту, закрыв за собой тройную дверь. В комнате, в которую они вошли, ярко горела печка. Двери вели в следующую комнату.

Слегка азиатским складом лица этот невысокий мужчина напоминал Джерри индейца-апача. Но он, вероятно, был саами. Одет он был в большое тяжелое пальто, закрывавшее его с головы до пят, из рыжевато-коричневых волчьих шкур. Он поставил лампу на рабочий стол и жестом руки указал на стулья с прямыми спинками.

— Садитесь. У меня на плите есть немного супа,— он прошел к кухонной плите, взял с нее средних размеров кастрюлю и поставил ее на стол со словами: — Меня зовут Марек — местный пастор у лапландцев. У меня была упряжка оленей, но росомахи задрали вчера одного, а возможности охранять другого у меня не было, ну, так я его и отпустил. Я жду, что кто-то из местных найдет его и придет искать меня. А пока мне здесь тепло, есть провизия. К счастью, мне доверен ключ от этого местечка. Время от времени я пополняю припасы, и мне разрешают пользоваться ключом в такие вот моменты.

— Мое имя — Корнелиус,— представился Джерри,— а это — мисс Бруннер.

— Имена не английские.

— Не английские,— улыбнулся Джерри.— Но ведь и Марек имя не шведское.

Мисс Бруннер выглядела раздраженной, ибо была не в состоянии понять разговор.

— Вы правы, не шведское. Вы знаете Швецию?

— Только до Умео. Я никогда не был так далеко на севере и вообще не видел зиму.

— Мы должны представляться странными тем, кто видит нас только летом,— Марек потянулся к шкафчику над плитой и вынул оттуда три чаши и каравай ржаного хлеба.— Мы — люди не летние; зима — наше обычное время года, хотя мы и ненавидим ее!

— Никогда бы не подумал! — Джерри повернулся к мисс Бруннер и передал ей основные детали своей беседы, пока Марек разливал суп.

— Спросите его, куда мог пойти Фрэнк,— посоветовала мисс Бруннер.

— Он — метеоролог? — спросил Марек, когда Джерри передал вопрос.

— Нет, хотя, полагаю, он приобрел определенные знания в этой области.

— Он мог пойти на Кортафьяллет — это одна из самых высоких гор в округе. На вершине есть еще одна станция.

— Не могу представить себе, чтобы он мог пойти туда; куда еще?

— Ну, если он не собирался предпринять попытку пройти через Кунгсладен в Норвегию — перевал проходит как раз в этих горах,— но не думаю. На выбранном им направлении нет ни одной деревни.

Джерри передал мисс Бруннер слова Марека.

— С чего бы это ему захотелось идти в Норвегию? — возразила она.

— А с чего он оказался здесь?

— Просто это далеко. Он, возможно, знал, что я охочусь за ним, хотя и полагал, что вы мертвы. Возможно, ему кто-нибудь сообщил совсем другое.

— Фрэнк не пошел бы в такое вот холодное место, если бы не имел серьезной причины.

— Не работал ли он над чем-нибудь, что потребовало его пребывания здесь?

— Я так не думаю.— Джерри опять повернулся к пастору.

— Как долго, вы говорите, этот человек был здесь?

— Неделю или около этого, судя по бедственному состоянию припасов.

— Думаю, он ничего после себя не оставил?

— Была бумага. Я использовал немного, чтобы разжечь плиту, а остальное должно быть в его ящике,— и пастор нагнулся под стол.— Вы собираетесь есть ваш суп?

— Да, спасибо.

Пока они усаживались есть, Джерри расправил четвертушки листа бумаги. На первом были какие-то геометрические фигуры.

— Фрэнк в плохом состоянии,— сказал Джерри, передавая листок мисс Бруннер.

— Листочек-то интересный,— мисс Бруннер указала на фигуры, снабженные письменами.— Он указывает на наше местонахождение и, мне кажется, на цель его похода. Только что все это значит?

Джерри исследовал остальные три листочка; на них были изображены несколько рисунков, смысла в которых он найти не мог, и невротические символы. Были там и другие рисунки, но он не мог похвастаться, что проник достаточно глубоко в их смысл. Зная Фрэнка, он от этих фигур чувствовал себя в большем неудобстве, чем обычно.*

— Лучший способ выяснить — пойти за ним следом и найти эту пещеру. Запутанные символы, символы лона. Это, без сомнения, подпись Фрэнка. Он разработал довольно мощную манию преследования.

— Я не уверена,— заявила мисс Бруннер.— Вы действительно не можете его обвинять. В конце концов, мы же преследуем его.

— Я бы сказал, вечереет. У меня нет ни малейшего намерения идти куда-либо дальше сейчас, на ночь глядя. Останемся здесь?

— Да.

— Вы не будете против, если мы останемся здесь? — спросил у Марека Джерри.

— Конечно, нет. Без сомнения, вы нашли странное место для того, чтобы открывать сезон.

---

* Надписи на рисунках: мощность; пещера; стн; 25К. Перев.

— Сезон? А которое число сегодня?

— Двадцать четвертое декабря.

— Рождество,— проговорил Джерри по-английски.

— Рождество,— по-английски повторил Марек и добавил по-шведски: — Вы должны рассказать мне, как обстоят дела в остальной части Европы.

— Довольно неплохо.

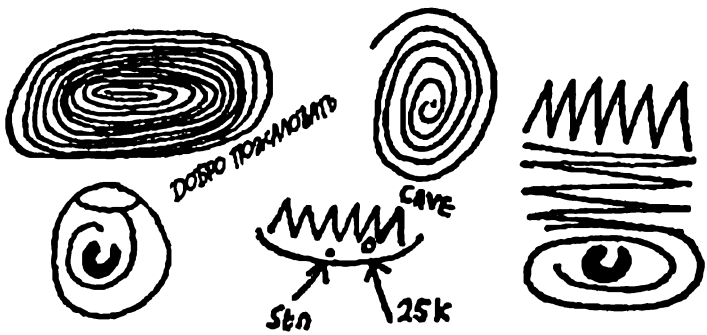
— Я читал, что инфляция распространилась почти повсюду. У вас преступления с насилием резко выросли, так же как и беспорядок в мышлении, и наоборот.

— Ай-Би-Эм только что улучшила новый компьютер-предсказатель, использовав английских, шведских и итальянских ученых; публикуются все виды книг и газет, переполненных новыми рассуждениями ученых, а искусство — даже теологией. Никогда так много не было. Транспорт и связь стали куда лучше, чем когда-либо ранее.— Джерри покачал головой.— Очень неплохо.

— А как обстоят дела с духовным состоянием Европы? Мы, знаете ли, разделяем большинство ваших проблем, только совсем другого рода — не экономические или политические...

— Они появятся; потерпите.

— Вы довольно циничны, герр Корнелиус. Я даже чувст-

вую искушение поверить, что Рагнарек* почти здесь, с нами.

— Довольно странно слышать такие вещи от христианского священника.

— Я несколько больше, чем христианский священник: я — скандинавский лютеранин. И у меня нет ни малейшего сомнения в истинах, унаследованных нашей древней языческой мифологией.

— Я — британский атеист и разделяю ваши убеждения.

— Герр Корнелиус, я бы очень хотел знать действительные причины вашего появления здесь.

— Я же говорил вам: мы ищем моего брата.

— На самом деле причина гораздо глубже. Я не интеллектуал, но мой инстинкт достаточно проницателен. Как в вас, так и в вашем компаньоне одновременно есть что-то большее и что-то меньшее. Что-то — я чувствую себя необычно виноватым из-за того, что пришел к столь жестокому предположению,— что-то враждебное.

— В каждом из нас, герр Марек, есть нечто хорошее и нечто плохое.

— Вижу ваше лицо и ваши глаза. Ваши глаза смотрят настолько дерзко, что я опасаюсь смотреть в них, однако они, похоже, в то же время боятся прямо взглянуть на вещи, которые меня лично ничуть не пугают.

— А не может быть так, герр Марек, что мы впереди вас?

— Впереди? В каком отношении?

— Во времени,— Джерри чувствовал необычную ярость по отношению к пастору.— Эти старомодные правила больше не имеют хождения. Ваш тип нравственности, ваш тип мышления, ваш тип поведения — все имело вес в свое время. Как динозавр. Как динозавр, который не может выжить в этом мире. Вы придаете значение всему, значение...

— Мне кажется, я немного догадываюсь, о чем вы говорите.— Марек разволновался, потер лицо.— Я хочу знать... что, наступила очередь Сатаны править?

— Осторожно, герр Марек, это уже богохульство. А кроме того, то, что вы говорите, в наши дни бессмысленно.—

---

* В скандинавской мифологии — гибель богов. Ред.

Волосы Джерри пришли в беспорядок, пока он говорил. Он зачесал их назад по обе стороны лица.

— Это не потому ли, что вы этого хотите? — Марек повернулся и пошел к плите.

— Это потому, что так уже есть. И я едва ли отличаюсь самоуверенностью, герр Марек, во всяком случае, не в понятиях сегодняшних.

— Значит, у вас есть собственный код,— Марек говорил почти с издевкой.

— Совсем напротив. Новой нравственности не существует, герр Марек, нравственности нет. Это понятие так же бесплодно, как старая сморщенная матка вашей бабушки. Нет ценностей!

— Есть лишь один факт, на котором мы можем сойтись: смерть.

— Смерть? Смерть?! Смерть?!! — В его глазах появились слезы.— Почему?

— Вы решили начать царапаться? — Марек начинал принимать вызов Джерри. Джерри смутился и выглядел жалко.

— Д...— Джерри вдруг остановился.

— Что происходит? — встала мисс Бруннер.— Из-за чего вы ссоритесь-то?

— Он свихнулся,— вполголоса произнес Джерри.

— Вот как? Спросите его, где мы спим и есть ли запасные одеяла.

Джерри передал вопрос.

— Пойдемте,— и Марек повел их в соседнюю комнату.

В комнате оказалось четыре койки — две пары. Марек поднял матрас с одной из нижних коек, отодвинул панель и начал поднимать одеяла.— Достаточно?

— Прекрасно,— сказал Джерри.

Джерри занял верхнюю койку, мисс Бруннер расположилась на нижней, а Марек уснул на нижней койке напротив них. Все трое уснули одетыми, закутавшись в одеяла.

Джерри спалось отвратительно, он проснулся затемно. Взглянул на часы: было восемь утра. Койка пастора была пуста. Джерри перегнулся и посмотрел на нижнюю койку; мисс Бруннер еще спала. Он спрыгнул на пол.

В соседнем помещении Марек готовил что-то на плите. На столе стояла открытая консервная банка с селедкой, три тарелки и вилки.

— Боюсь, ваш брат забрал большую часть нашей провизии,— бросил на ходу Марек, неся к столу кастрюлю.— Особых деликатесов на завтрак не ждите. Я прошу прощения за свое вечернее поведение, мистер Корнелиус. Мое изумление было вызвано лучшими намерениями.

— И мое тоже.

— Я, как мог, обдумал то, что вы мне сказали. И склонен теперь...— Марек достал из шкафчика три эмалированные кружки и налил в две кофе.— Как мисс Бруннер, готова к кофе?

— Она еще спит.

— ...и теперь склонен думать, что в ваших словах есть некая истина. Я верю в Бога, мистер Корнелиус, и Библия... в Библии есть ссылки, которые можно интерпретировать как указания на новую фазу, на которую намекаете и вы.

— Вам не следует позволять убеждать себя, герр Марек.

— На этот счет не волнуйтесь. Позвольте спросить: не будет ли выглядеть как вмешательство, если я составлю вам компанию в ваших поисках? Думаю, я знаком с теми горами, в которые направился ваш брат,— там есть одна гора с пещерой. Лапландцы не очень суеверны, герр Корнелиус, но стремятся избегать пещер. Интересно, почему это вашего брата она заинтересовала?

— А что вы знаете об этом деле? Я-то ведь даже не упоминал о нем.

— Я немного знаю английский и прочел карту, которую набросал ваш брат.

— А не могли бы вы прояснить остальное?

— Это дало некоторую нить для моих... ну, скажем, моих инстинктов. Даже не знаю, почему.

— И вы можете провести нас туда?

— Я полагаю. Правда, трудно сказать, как погода...

— А это будет очень опасно?

— Нет, если мы отнесемся к делу с должной осторожностью.

— Я бужу мисс Бруннер.

В белой пелене сумерек арктической зимы двигались три человеческие фигуры. На возвышенностях стояли редкие группки серебристых березок, слева широким ровным снежным пространством раскинулось замерзшее озеро. Редкие снежинки кружились в воздухе, и облака вверху плотной серой пеленой закрывали все небо.

Мир бесконечного вечера, который — как было известно Джерри — ежегодно на шесть недель кряду становится вихревым и всепобеждающим миром бесконечного вечера, когда солнце не поднимается над горизонтом, где светятся озера и бегут реки, бродят звери, разрастаются деревья, тростники, поросль на утесах. Однако сейчас перед ними лежал своенравный, негостеприимный ландшафт. К этому времени станция позади них уже скрылась из виду. С трудом верилось, что они вообще на земле, ибо серый день простирался во всех направлениях.

Они шли следом за Мареком на снегоступах, которые он нашел для них. Ландшафт — тихий, безмолвный,— казалось, подчинял их своей тишине, ибо говорили они на ходу, втиснутые в одежду, мало.

Еще в самом начале путешествия, когда горы только появились на горизонте, они обнаружили слабые следы снегохода Фрэнка, бегущие перед ними извивавшейся линией. Теперь горы были уже рядом, хотя они и не просматривались из-за плохой видимости.

Джерри вновь и вновь задавался вопросом, не было ли сообщение, сделанное мисс Бруннер — о том, что у Фрэнка было завещание астронавта,— простой уловкой, чтобы заставить его пойти с ней: не он один был полон желания увидеть, что такое написал Ньюмен. Нечто необычное было в том, каким образом он умолк — после нескольких умопомрачительных публичных заявлений, сделанных им,— в том факте, что он совершал больше витков на орбите, чем было собственно объявлено. Окажутся ли в манускрипте и вправду какие-то размышления, которые прояснят информацию?

Начался подъем в гору, и они стали неуклюже взбираться.

— Пещера довольно близко,— теряя дыхание, объявил Марек.

Джерри удивило, каким образом тот мог так уверенно передвигаться в этой стране, почти лишенной ориентиров.

Вход в пещеру недавно был очищен от снега. Войдя внутрь, они сразу увидели полосы от полозьев снегохода.

Мисс Бруннер шагнула назад:

— Я совершенно не уверена, что горю желанием идти внутрь пещеры. Ваш брат — сумасшедший...

— Но истинная причина не в этом.

— Мне кажется, что «Я» в данном случае опять опередило ощущения.

— Мне — тоже. Пошли!— Джерри вошел в темную пещеру. Дальней стены пещеры не было видно.— Фрэнк!

Ему ответило многократное эхо.

— Большая пещера,— сказал он.

Джерри достал из кармана пистолет с иголками. Двое спутников последовали за ним.

— Я забыл захватить фонарь,— прошептал Марек.

— Тогда нам остается надеяться на лучшее, то есть на то, что он не сможет разглядеть нас.

Пещера, собственно, представляла собой туннель, убегавший все глубже и глубже в скалу. Взявшись за руки, все трое неуверенными шагами продвигались вперед. Джерри потерял чувство времени и начал подозревать, что оно остановилось. События стали настолько непредсказуемыми, неподдающимися его контролю, что Джерри не мог даже думать о них. Он терял представление о реальности.

Пол туннеля под ногами и ладони спутников в его руках превратились в единственную реальность. У него возникла мысль, что он вообще не движется, а перемещается пол под ним. На него нашло какое-то духовное и физическое оцепенение. Периодически наступало головокружение, и он останавливался, качаясь, наощупь вытягивая вперед ногу, при каждом шаге ожидая найти пропасть, которая почему-то никак не попадалась. Раз или два он почти упал.

Много позже он приспособился различать фосфоресцирующие цифры на своих часах. Так прошло четыре часа.

Казалось, туннель все время расширялся, и Джерри почувствовал, что стало значительно теплее и глубже, ощутил соленый запах, похожий на запах моря. Его чувства начали пробуждаться, он услышал отзвуки собственных шагов, уходящие вдаль. Ему показалось, что где-то впереди внизу виден слабый синий свет.

Джерри принялся было бежать по склону, но вынужден был умерить скорость, обнаружив, что движется слишком быстро. Теперь света было уже достаточно, и он мог различать смутные очертания своих компаньонов. Он подождал, пока они нагонят его, и дальше уже все втроем осторожно пошли к источнику света.

Наконец они вышли из туннеля и остановились на участке скалы, возвышавшемся над мрачной курящейся галереей, разбегавшейся во всех направлениях за пределы видимости. Что-то заставляло воду слегка фосфоресцировать, и это что-то и было источником света: озеро с горячей водой, образованное, вероятно, каким-то подземным горячим источником, выносящим из недр фосфор. Вода кипела и пузырилась, и вскоре пар поглотил их. Пол ближнего участка галереи оказался под водой, и Джерри смог различить несколько предметов, которые, по всей видимости, были здесь не к месту. Он заметил, что камни справа от него вели в сторону берега, и начал пробираться по ним к твердой опоре. Спутники последовали за Джерри.

— Я даже подумать не могла, что может существовать система пещер такого размера. Чем, по-вашему, вызвано ее появление? — сквозь тяжелое дыхание спросила мисс Брунер.

— Ледник, горные источники, несущие с собой едкие вещества, в поисках выхода... Я никогда не слышал ни о чем подобном. Ну, уж точно — ни о чем настолько крупном.

Теперь они шли по скользкой, покрытой наростами минералов скале вдоль озера.

Джерри привлек внимание своих спутников, показав рукой:

— Лодки. Три штуки. Одна из них, по-видимому, совсем недавно здесь.

— Эти пещеры, должно быть, известны по меньшей мере сотню лет,— сообщил Марек, осматривая наиболее ветхую

лодку.— У этой примерно такой возраст.— Он пристально посмотрел на внутреннюю ее часть.— Боже правый!

— Что там такое? — Джерри заглянул в лодку и встретил немигающий взгляд скелета.— Что ж, Фрэнк наверняка нашел кое-что. Знаете, мне кажется, у меня появилась идея относительно этого места. Вы слышали когда-нибудь о теории Пустой Земли?

— Последними, кто хоть сколько-нибудь верил в это, были нацисты,— нахмурившись, произнесла мисс Бруннер.

— Ну, вы понимаете, о чем я говорю: о предположении, что где-то в Арктике существует своего рода вход в подземный мир. Я не уверен, но, по-моему, сама идея принадлежит Булвер-Литтону*,— идея высказана им в одной новелле. Не та же ли самая идея возникла у Хорбигера, или он просто верил в Вечный Лед?

— Вы, кажется, знаете об этом больше меня. Но эта связка с нацистами — интересна. Я не думала об этом.

— Какая связка?

— О, не знаю. Просто я думала, что нацисты верили в то, что мир, собственно, уложен в бесконечный камень, или это был кто-то еще?

— Они всерьез рассматривали обе теории; их устроила бы любая. Радары опровергли одну, и они никогда так и не смогли найти полярный проход, хотя я уверен, что они высылали как минимум одну экспедицию.

— Они определенно пытались, да? — восхищенно проговорила мисс Бруннер.

Джерри поднял череп и перебросил его через воду.

8

Одна из лодок, по-видимому, появилась здесь совсем недавно. Джерри осмотрел ее:

— Мое мнение: годится.

Мисс Бруннер покачала головой:

— Вы же не отправитесь по воде в этом?

---

* Английский писатель 19 в. Ред.

— Мне надо пройти дорогой Фрэнка. Что, по-вашему, означают эти лодки? Их же притащили сюда не просто так — они перебрались и пришли обратно.

— Перебрались — куда?

— Мне казалось, вы хотели знать намерения Фрэнка. Так вот именно этим путем и можно узнать.

— Вы считаете, что он верит в идею Пустой Земли?

— Не знаю. Но разве даже это невозможно?

— Идея была опровергнута сотнями путей!

— Есть много оснований для помешательства.

— О, ну давайте же, Джерри.

— А что вы думаете, герр Марек? Не желаете испытать: удастся ли нам пересечь горячее озеро?

— Я начинаю думать, что Данте был натуралистическим писателем,— ответил лапландец.— Я рад, что принял решение идти с вами, герр Корнелиус.

— Тогда давайте спустим эту лодку.

Марек помог ему дотолкать шлюпку до воды. Она легко соскользнула. Джерри тронул ногой воду и отскочил обратно:

— Она горячее, чем я думал!

Мисс Бруннер, пожав плечами, присоединилась к ним, когда они сбалансировали лодку.

— Входите первой,— скомандовал ей Джерри.

Мисс Бруннер неохотно забралась в лодку первой, Марек последовал за ней, Джерри устроился последним. Лодка тронулась по фосфоресцирующей воде. Джерри поставил весла и принялся грести в курящейся воде, и черты его лица, подсвеченные колеблющимся сиянием, походили на черты падшего ангела.

Вскоре стена большой пещеры потемнела, и перед ними остались лишь темнота и испарения. На Джерри напала сонливость, но он продолжал грести широкими движениями.

— Это, как Река Мертвых,— произнес Марек.— А вы, герр Корнелиус, не Харон* ли?

— Хотел бы быть им; по крайней мере, это постоянная работа.

---

* Харон (греч. миф) — перевозчик на Реке Мертвых. Перев.

— А вы, я полагаю, ощущаете себя более, чем Кассандрой*.

— Кассандрой? — слух мисс Бруннер уловил, наконец, понятное слово.— Вы что там, все еще беседуете о мифологии?

— А как вы узнали, что мы беседовали о ней?

— Научное предположение.

— Вы просто переполнены ими.

— Это из-за моей работы,— ответила она.

У Марека было хорошее настроение; он фыркнул:

— О чем вы там говорите?

— Точно не знаю,— отозвался Джерри.

Марек фыркнул еще раз.

— Вы вдвоем, в паре, производите какое-то двойственное впечатление.

— Хотелось бы, чтобы вы ошибались, герр Марек.

Мисс Бруннер указала вперед:

— Вон другой берег, видите?

Джерри повернулся. Берег, показавшийся впереди, казался усыпанным расположенными с равными интервалами кубами безупречной формы; некоторые из них были высотой около двух футов, другие — около десяти.

— Это может иметь естественную природу, герр Корнелиус?

— Не думаю. При таком освещении невозможно даже разглядеть, из чего они сделаны.

Когда они подгребли поближе, стало возможно рассмотреть, что некоторые из кубов были вовсе не на берегу, а частично погружены в воду. Джерри притормозил около одного из них и, потянувшись, дотронулся.

— Бетон.

— Невозможно! — восхищенно воскликнул глядя на кубы Марек.

— Нельзя с уверенностью это утверждать, пока мы не узнали побольше об этом месте.

Дно лодки заскребло по отмели, они вышли на берег и вытащили лодку из воды.

---

* Кассандра (греч. миф) — прорицательница, предсказаниям которой никто не верил. Перев.

Теперь они были окружены черными очертаниями бетонных кубов. Все трое подошли к ближайшему.

— Это — проклятый бункер! — с этими словами Джерри вошел внутрь.

Джерри попытался воспользоваться имевшимся за дверью выключателем, но безуспешно. Ничего из внутреннего убранства невозможно было разглядеть. Он вышел из куба, обошел вокруг него и приблизился к пулеметной щели. Оружие все еще торчало из бойницы, направленное над подземным озером. Джерри взялся за пулемет, но отдернул руку, которая покрылась высохшей ржавчиной.

— Они не новые. Что это: заброшенный шведский проект защиты от русского нападения? Все дороги в Финляндию снабжены постами вроде этих, да, герр Марек?

— Снабжены. Однако это — лапландская земля, и правительству потребовалось бы разрешение Лапландии. Права лапландцев в Швеции соблюдаются весьма скрупулезно, герр Корнелиус. Так что, я полагаю, лапландцы знали бы об этом.

— Нет, если бы существовали соображения безопасности, не знали бы. А это место могло бы послужить идеальным укрытием от водородной бомбы. Вот, интересно...

Откуда-то из мрака донесся голос мисс Бруннер:

— Мистер Корнелиус, мне кажется, это не шведский проект.

Мужчины пошли туда, где она стояла около легкого бронированного автомобиля. Краска на нем частично облупилась, но можно было различить остатки свастики.

— Проект немецкий. Только ведь шведское правительство в течение войны соблюдало нейтралитет, а такое невозможно построить в полной тайне.

Джерри перевел сказанное Мареку.

— Может быть, лишь один-два человека в правительстве знали и скрывали это,— предположил Марек.— Шведы ведь не всегда слыли англофилами.

— Но зачем им понадобилось строить это?

В регулярных рядах бункеров они расположили жилые кварталы, конторы, посты, радиорубки — в общем, целую военизированную деревню в сотне футов под землей. И — забросили.

— Та экспедиция Гитлера, вполне вероятно, не смогла найти места на земной поверхности,— говорила тем временем мисс Бруннер,— и они явно считали это место выгодным для использования. Интересно, для какой цели они его готовили?

— Может быть, вообще никакой. Для людей, постоянно разглагольствовавших о цели, они оказались достаточно благодушными, чтобы забыть причины, подвигнувшие их на то или иное дело.

Скала начала подниматься, и свет от фосфоресцирующей воды начал таять позади них.

— Нацисты были порождением своего времени,— Джерри шел впереди.

Хотя голубой свет таял, оставался еще свет совсем нового качества, почти полностью похожий на дневной. На самом верху склона показались большие строения, и Джерри, глядя вверх и вдаль, видел тонкие лучики света, напоминавшие звезды на черном небе.

— Думаю, там открытое пространство за крышей. Полагаю, что эта пещера лишь частично природного происхождения, а остальное было выдолблено. Невероятная инженерия.

Более крупные дома могли быть частными квартирами для офицеров; позади них можно было разглядеть лишь длинные ряды каких-то структур — непохожие на все остальное, своего рода помосты, поддерживающие другие, более тяжелые объекты.

— Орудийные позиции, может? — спросила мисс Бруннер.

— Может быть.

— При всем этом вашего брата здесь, кажется, вовсе нет,— оглядываясь по сторонам, проронил Марек.

— Он должен быть здесь. Хотя, откуда он узнал об этом месте?

— Фрэнк навел справки,— подсказала мисс Бруннер.— У него же куча всяких знакомств. Даже до меня доходили слухи о проходе в подземный мир. Мне думается, именно это подвигло его.

— Зачем бы ему приходить сюда? Место одинокое, расстраивающее. Фрэнку никогда не нравилось одиночество или расстройства.

— Джерри, я сейчас чувствую не одиночество, а отдохновение. Рад, что тебе это удалось,— на крыше одного из зданий стоял хихикавший Фрэнк, направив в их сторону свой пистолет с иголками.

— Прячемся! — Джерри шмыгнул в подъезд дома, прежде чем Фрэнк успел выстрелить, и достал свое оружие.

— Выходи, Джерри, или я убью твоих друзей! — завизжал Фрэнк с крыши.

— Ну, так убей их.

— Будь добр, Джерри, выйди. Я все думал, что сделаю с тобой: я собираюсь пристрочить тебе яйца к ляжкам. Как ты насчет этого?

— А кто сказал, что они у меня есть?

— Ну, пожалуйста, Джерри, покажись.

— Ну, ты и садист, Фрэнк, я только сейчас понял это.

— Одно из немногих удовольствий. Ну же, Джерри, выйди.

— А что ты здесь ищешь? Испаряющиеся мочевые озера, теплые пещеры? Укрытие, Фрэнк?

— Какой ты вульгарный!

— Так я такой и есть.

— Ой, ну, я прошу тебя, Джерри, выходи.

— Ты расстроен, Фрэнк, что все у тебя так плохо.

Он услышал шаги взбиравшегося на крышу человека, и над ним открылся люк. Они выстрелили одновременно: Джерри вверх, Фрэнк — вниз.

— Это же смешно,— проговорил Джерри, когда они перезаряжали. Оба промазали.— Ты что, действительно хочешь убить меня, Фрэнк?

— Я думал, что должен сделать это, Джерри. Теперь — не знаю.

— Ведь ты теперь — вся моя семья, Фрэнк,— Джерри засмеялся, выстрелил и снова промазал.

— Чья вина в смерти Кэтрин? — спросил Фрэнк, промазав в свою очередь.— Твоя или моя?

— Все мы — жертвы обстоятельств.— Выстрел Джерри опять пришелся в воздух. У него еще оставалось много иголок.

— Так твоя или моя?

— Ошибка, Фрэнк? Вина?

— Ты не чувствуешь себя виноватым, Джерри? — промахнулся и Фрэнк.

— Время от времени, знаешь ли.

— Тогда, значит, это ты! Промазал! — Оба заявления были победными.

— Мимо!

— Промазал!

— Мимо!

— Промазал!

— Джерри.

— Что это за место, Фрэнк? Как ты нашел его?

— Оно было на микрофильме отца. Том самом, который так искали твои друзья. Подумай только: они мучили меня, да?

— Думаю, да. Только что общего здесь с экономической ситуацией в Европе?

— Тому, кто знал об этих вещах, кое-чего стоило сказать: я не могу.

— Рукопись Ньюмена с тобой?

— Да. Промазал!

— Я могу взглянуть?

— Ты бы смеялся, если б увидел. Ты просто упадешь.

— Она интересна, да? Мимо.

— О, да — а-а-а!

— Попал!

Ноги Фрэнка соскользнули над головой у Джерри. Джерри выбежал из здания и врезался в мисс Бруннер и Марека. Он помедлил и помчался вокруг дома.

Фрэнк, хромая, бежал к берегу.

Они побежали за ним.

Фрэнк пригнулся за бункер, и они потеряли его из виду.

— Послушайте-ка,— проговорила мисс Бруннер, доставая из сумочки пистолет двадцать второго калибра,— не собираемся же мы терять его опять.

— Я ранил его. Сейчас найдем.

Поискав среди бункеров, они вдруг оказались на берегу.

— Вон ваш брат,— показал Марек; он не понял всей игры, но присоединился к ней с энтузиазмом.

Джерри и мисс Бруннер выстрелили одновременно, как

только Фрэнк попытался вытолкнуть свою лодку в исходящее паром озеро. Тот повернулся, взвыл и упал, вызвав всплеск воды. Фрэнк заверещал, заметавшись в кипящей воде.

Когда они подбежали и принялись вытаскивать его из воды, он был уже мертв.

— Готовенький,— бросил Джерри.

На дне лодки лежал портфель. Мисс Бруннер направила на Джерри оружие, остановившись и поднимая портфель. Расположив поклажу на коленях, она открыла портфель и сунула в него свободную руку. Вынув оттуда ролик с микрофильмом, она запихнула его в карман. После этого мисс Бруннер убрала оружие в сумочку и протянула портфель Джерри. Внутри находилась толстая картонная папка с отпечатанными на машинке листами. Рукой Фрэнка было написано: «Завещание Дж. Ньюмена, майора ВВС США, астронавта». Джерри сорвал резинки, которыми был перетянут манускрипт, уселся на сырой камень, открыл папку и начал читать:

Ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха.ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха

ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха
ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха ха...

Никаких изменений на протяжении аккуратно пронумерованных двухсот трех страниц.

Джерри вздохнул и швырнул книгу в воду.

Фаза 3.

9

Он уходил на веслах прочь, оставив Марека и мисс Бруннер стоять на берегу, тесно прижавшихся друг к другу. Он ощущал огромную усталость, а впереди его ждало еще долгое путешествие.

В середине подъема по склону пещеры Джерри устроился на ночлег. Когда проснулся, он продолжил взбираться, пока не достиг входа в пещеру. Целиком поглощенный осмотром снегохода Фрэнка, он не обращал внимания на холод.

Управление оказалось достаточно простым, а серые следы, оставленные снегоходом по пути к пещере, были еще не совсем засыпаны снегом.

В печали и страхе он ехал по этим следам обратно к станции. На протяжении всего пути он глубоко вздыхал, и даже несколько слезинок оросили его большие черные глаза, когда он остановил снегоход около красного от ржавчины поста метеорологов. Он вошел внутрь и открыл консервную банку с сельдью. Печь погасла, однако в хижине было теплее, чем снаружи. Он поел сельди и вышел, чтобы принести бутылку из вертолета. Он сидел в кресле пилота, попивая виски и пытаясь согреть двигатель. К тому моменту, когда двигатель схватился, он прикончил виски, открыл выдвижную дверь и выкинул бутылку. Вертолет у него был хороший, и топлива, вероятно, было достаточно, чтобы доставить его в один из балтийских портов. Перед тем, как взле-

тать, он порылся в заднем отсеке и нашел свой паспорт. До истечения срока его действия оставалось несколько дней.

Он посадил вертолет за Умео и смог купить билет на грузовое судно, уходящее вечером. Ему удалось убедить власти, что кто-то забыл проставить в его паспорте въездную визу, и направился в Саутгемптон через Гамбург.

В Лондоне он открыл свой дом, стоящий в городской черте. Здание размерами с отель стояло на почтительном удалении от улицы и было окружено высокой стеной, завершавшейся острыми штырями, к которым был подведен ток.

Он решил, что наступило время немедленно провести запредельную медитацию. У него состоится большое сборище, в котором он потеряет себя. Если повезет, это поспособствует ему отработать некоторые вопросы.

Но для начала он напичкал себя таблетками снотворного и отправился в постель, где ему предстояло провести три дня и три ночи в беспробудном забытьи. Когда он проснулся, энергии у него было недостаточно, и люди требовались ему еще более срочно.

Приняв ванну, он надел белую льняную рубашку с высоким воротником в стиле «бастилия», черный териленовый галстук, черные замшевые брюки и черный кожаный жакет. Он достал двубортное полуформенное пальто из гардероба, в котором их было штук пятнадцать, и положил его на стоявший у окна сундук. Затем надел пару черных ботинок с низкими, кубинской модели каблуками. Он придирчиво осмотрел свое бледное лицо в зеркале, занимавшем всю дальнюю стену, причесался — и этим удовлетворился. Джерри чувствовал себя довольно слабо и ощущал сильный голод. Подняв пальто, он достал из сундука новую пару перчаток и вышел из комнаты, отведенной для одевания. Собственно, было две комнаты для одевания; в одной из них была одежда, которую он никогда бы не удосужился надеть.

Дом, построенный в середине викторианской эпохи, имел шесть этажей, и на каждом из них — по две большие общие комнаты. Мебель, составлявшая содержание этих комнат, была словно разбросана по ним, и создавалось впечатление, что хозяин либо только еще въезжал, либо собирался покидать дом.

Джерри прошел по широким ступеням вниз до цоколя, где располагались кухни. Они сияли механическим оборудо-

ванием, которым едва ли пользовались. Огромные шкафы были наполнены консервированной обезвоженной пищей. Погреба внизу, кроме того, что имели в своих закромах вина и спиртное (которого он никогда дома не пил), хранили еще торгового образца комнату-холодильник, заполненную смешанным собранием различных туш. Вся эта коллекция — здесь и внизу — вызвала у Джерри ощущение тошноты при одной только мысли о ней. Он приготовил себе кружку растворимого кофе и съел упаковку хорошо усваиваемого шоколада.

В гараже за домом стояли два автомобиля. Один из них был небольшой «тойота-миниспорт», который японцы только что начали выпускать на рынок. Другой представлял собой самую старую вещь, принадлежавшую Джерри,— трехтонный сверхмощный лимузин «дюзенберг» тысяча девятьсот тридцать шестого года выпуска, больше, чем его «кадиллак», с обивкой из шелка цвета электрик. Выполненный по персональному заказу для добившегося особых успехов шефа полиции на Среднем Востоке, он имел пуленепробиваемые стекла и был снабжен стальными жалюзи, управляемыми выдвижной рукояткой регулировки окон, а также автоматическую систему смазки через каждые семьдесят пять миль; автомобиль делал девяносто миль в час на второй передаче. Обычно Джерри нравилось, когда во время езды перед ним был длинный капот. Еще один его автомобиль, «кадиллак», остался в гараже на Шафтсбери-авеню. Собственный его гараж был достаточно велик, чтобы укрыть несколько двухэтажных автобусов, и большая часть его площади была занята емкостями с топливом; внизу дополнительно был размещен небольшой резервуар с бензином.

Дверь выдвинулась из земли и вновь закрылась за ним, выпустив его на «тойоте» по асфальтовому выезду на Голланд Парк-Хилл, где он повернул налево, в сторону Верхней Кенсингтон-стрит, и сравнительно свободно добрался до основной магистрали.

Он включил радио и расслабился в широком плотном потоке машин, медленно продвигавшемся вперед. Через полтора часа он припарковал «тойоту» на своей резервной стоянке в Небесном гараже на Пиккадилли и с наслаждением вдохнул насыщенный воздух центра. Он никогда не чувствовал себя действительно комфортно, если его не окружало

свободное пространство объемом по меньшей мере в пятнадцать миль в каждом направлении; здесь же он чувствовал самое большое счастье, шагая к Личестер-Сквер и таверне «Синий Боров», где намеревался выпить коктейль. Согласно его ощущениям, было бы неестественно для мужчины жить какой-нибудь другой жизнью.

«Синий Боров» не менялся даже во времена всеобщих изменений. Небольшая синяя неоновая надпись все так же мерцала снаружи, в пластиковых деревьях на пути к коктейль-бару продолжались искусственные птичьи трели, пластиковые гербы все еще украшали обитые кожзаменителем стены, и все так же низко висели светильники. Местечко сохраняло свой обычный приятно-простонародный характер, коктейли в нем — свою обычную невысокую цену.

Невысокая черноволосая милая девушка принесла Джерри специальный «вумерский» — несколько более мягкий напиток, чем используемое в его названии имя: смесь виски «бурбон» и имбирного пива. В углу бара сидела пара, обращавшая мало внимания как на Джерри, так и друг на друга. Раз или два мужчина задавал отрывистые вопросы на немецком языке и получал такие же отрывистые ответы. Джерри слабо знал немецкий.

Покинув «Синий Боров», он направился в район концертных залов в Бит-Сити за углом, взглянуть, не готова ли еще его гитара. Он заказал ее после возвращения из Ангкора.

Его пригласили в цокольный этаж взглянуть на гитару. Овальной формы, с двадцатичетырехладным грифом; струны уходили на самый верх грифа в транзисторный блок настройки, который автоматически поддерживал гитару в настроенном состоянии. Шесть детекторов были встроены между мостиком и грифом, каждый был снабжен ручкой управления, которые дополнялись переключателем реверберации, выключателем эха и клавишами мягкого звучания. Гитара представляла собой один из лучших примеров работы музыкальной инженерной мысли, которые Джерри когда-либо видел. Цена составляла четыре тысячи двести фунтов плюс тысяча четыреста налог. Они подключили ее к своему усилителю, так что он смог проверить инструмент. Гитара оказалась великолепной, звучание — как колокольчик. Он выписал им чек, а гитару забрал с собой.

В кофейном баре на Велбек-стрит Джерри, предъявив свой ордер на наркотики, купил у Мужчины весь запас.

— Если твои регулярные посетители выйдут из себя,— сказал он ему,— сообщи им мой адрес и скажи, что дом свободен.

В бит-клубах, у Эмметса, в барах, в магазинах женской одежды и книжных магазинах, парикмахерских, гриль-барах и магазинах записей,— всюду появлялся Джерри и оставлял сообщение, что в его доме в Голланд Парке вот-вот состоится открытая вечеринка.

Когда он вернулся к дому, неся свою гитару в плоском футляре, он оказался как раз вовремя, чтобы впустить первый грузовик с едой от снабженческой фирмы, которая согласилась снабдить вечер практически всем, что потребуется.

Когда одетые во все белое люди начали выкладывать груз, Джерри запер двери, ведущие в подвальное помещение; двери были стальными, толщиной в восемь дюймов, и открывались только в ответ на специальную команду, поданную его голосом.

На первом этаже две комнаты трансформировались в одну. Единственной мебелью в них были подушки, разбросанные по ковру, и большой комбайн, включавший в себя телевизор, радиоприемник, проигрыватель, магнитофон. Десятидюймовые катушки с лентой были уже приготовлены, и Джерри включил их на проверку. Они наполнили дом музыкой через размещенные повсюду динамики.

У него началась депрессия.

Джерри открыл футляр с гитарой и вынул инструмент. Он воткнул в него провод, другой конец которого подключил к усилителю комбайна, отключив тем самым магнитофон.

Он сыграл короткую соль-прогрессию, пытаясь вывести мелодию, основанную на «Ночном работнике» Руфуса Томаса; она толком не получилась. Подрегулировав детекторы и управление звуком, он попытался снова, на сей раз в ретональности. Снова не получилось. Он вздохнул.

Джерри испытал еще ряд других основных переборов; в гитаре не было никакого изъяна, что-то не так было с ним.

Он отставил гитару, снова включил магнитофон и пошел наверх переодеваться.

Мужчина и пара его приятелей появились первыми.

— Я подумал, что могу быть чем-нибудь полезен,— объяснил Мужчина, снимая тяжелый плащ. Одетый в зеленый вельветовый жакет с высоким воротником и в гамлетовское трико, он выглядел ошеломляюще.

Пошел поток гостей, и самые настороженные из них сначала улавливали настроение местечка, в которое попали, а потом уже расслаблялись. Были здесь лесбиянки турецких и персидских национальностей с огромными глазами-блюдцами, как у печальных кастрированных котов; французские моряки, немецкие музыканты, еврейские мученики; пришел пожиратель огня из Суффолка; четверка из магазина-парикмахерской; из уголка британской земли, сохраняющей американские привычки,— клуба «Колумбия» на Ланкастер-Гейт; две толстые жеманницы; Ганс Смит из Хэмпстеда, Последний из Интеллектуалов Левого крыла — Память на Микрофильме; «Тени»; явились четырнадцать дилеров из того же магазина античности с Портобелло-роуд, с выражением придавленности их же собственным самообманом на лицах; безработный поляк-политурщик, которого привел один из дилеров; поп-группа под названием «Глубокий Бзик»; поп-группа под названием «Ле Кок Сукр»; высоченный негр; сгорбленный ветеринар по имени Маркус; шведская девушка и сочный подросток; три журналиста, только что закончившие раздавать свои золотые рукопожатия; Крошка Мисс Дэззл, которую один из них обнаружил в «Эль Вино» в поисках мистера Крукшенка; ирландец по имени Пудлс; литературный редактор из «Оксфорд мейл» и его сестра; двадцать семь членов Особой Группы; гетеросексуал; двое маленьких детей; последний великий Чарли Паркер, только что из Мехико, под псевдонимом Алан Бэрд — он годами занимался разведкой; угрюмый психиатр по имени Харпер с Риджентс Парк; масса физиков, астрологов, географов, математиков, астрономов, химиков, биологов, музыкантов, монахов из распущенных монастырей, колдунов, состарившихся проституток, студентов, греков, адвокатов; альбинос, полный жалости к себе; какой-то архитектор; много учеников из местной общеобразовательной школы, пришедших на шум; большинство их учителей; рыночный садовник; некто, даже не новозеландец; две сотни венгров, Выбравших Свободу и получивших шанс быстро сделать

доллары; продавец швейных машин; матери двенадцати детей из общеобразовательной школы; отец одного из воспитанников общеобразовательной школы, хотя он и не знал этого; мясник; еще один Мужчина; Перемещенное Лицо; маленький художник; и несколько сотен других индивидуумов, которых сразу и не распознать.

Джерри, страдая небольшой парамнезией, периодическим, но коротким приступам которой он, как и мисс Брунер, был подвержен, почувствовал, что он встречал всех их прежде, но не мог опознать большинство из них. Было у него и впечатление, что все это говорилось раньше, но он понял, что с ним происходит, и не обратил на это никакого внимания.

(«Так вы были в Лапландии»)... Один из журналистов сказал:

— Так вы были в Лапландии.

(«Да»)

— Да.

(«С какой целью?»)

— С какой целью?

(«Вы мне не поверите»)

— Вы мне не поверите.

(«Ну, так солгите мне поубедительней»)

— Ну, так солгите мне поубедительней.

(«Чтобы проследить общие моменты между темой Рагнарека и вторым законом термодинамики»)

— Чтобы проследить общие моменты между темой Рагнарека и вторым законом термодинамики.

Мозг Джерри перепрыгнул назад, на нормальную длину волны.

— Знаете: боги и люди против гигантов; лед и пламя, жар против холода. Рагнарек и гибель Вселенной от перегрева — мой следующий документ.

Журналист хихикнул, шлепнул Джерри по заду и пошел прочь рассказать цветастый анекдот своим коллегам.

Девушка-шведка увидела его:

— Джерри! Куда вы делись?

Джерри расхрабрился:

— В Швецию; я думал, что именно туда ушли и вы.

— Ха-ха!

— Вы слишком опасно приближаетесь.

— Что вы имеете в виду?

Джерри сглотнул:

— Именно сейчас эта фраза расплавлена в ничто.

— Джерри, это — Лоренс,— она выставила перед собой колоритного юнца. Тот одарил Джерри колоритной улыбкой.

— Хелло, Лоренс,— Джерри сжал руку юноши, и тот мгновенно начал потеть.— Гм, быстрая реакция.

— Лоренс налажен,— с издевкой бросила из-за юнца шведка.— И уши не торчат.

— Это все — тот долг, который следует им отдать. Потанцуем?

— Если вы не считаете, что мы будем выглядеть слишком подозрительно.

— Гром и молния, какое значение это может иметь для нас?

Они станцевали чавер — довольно официальную смесь менуэта с включениями фруг. Джерри подумалось о последних мгновениях жизни мистера Повиса и показалось, что он может ощутить зыбкие фигуры Марека и мисс Бруннер, умирающих в глубоких пещерах его сознания. Быстро, как только мог, он вернулся в этот дикий мир.

— Вы танцуете очень грациозно,— улыбнулась она.

— Да,— ответил он.— Как вас зовут?

— Улла.

— Вы сегодня не жуете резинку.

— Не сегодня.

Он показался себе назойливым. Повращав глазами, он заставил ее рассмеяться.

— Большая вечеринка,— проговорила она.— Почему такая большая?

— В масштабах — надежность.

— Это все — для меня?

— Столько, сколько сможете взять.

— Ага!

К нему вдруг пришло ощущение блаженства. Он закрыл глаза. Его длинные ноги двигались вверх и вниз, вращалось его тело, руки перемещались туда-сюда, и они танцевали вдвоем. Он взял в рот ее ароматные волосы, погладил ее бедра. Теперь они танцевали отдельно, исполняя пируэты. Джерри взял девушку за руку и опять закружил ее. А потом

он повел ее из комнаты. Они пробрались между людьми по ступеням, протиснулись через толчею, царившую на лестничной площадке, нашли, что следующий пролет не столь плотно забит людьми, и так на всем пути на самый верх, где оказалось всего несколько человек, которые вели разговор с бокалами в руках. В его спальне оставалось свободным лишь то пространство, которое было необходимо для свободного открывания двери; остальная ее часть была занята постелью.

Он закрыл дверь и запер на множество задвижек. В комнате царила полная темнота. Они погрузились в покусывание друг друга.

— Ого! — вскрикнула она, когда его рука скользнула вверх по ее ноге.

— Ха, ха! — прошептал он и начал мягко пинать ее горячее тело.

Они перекатывались по кровати, смеясь и стеная. Она была как раз то, что надо. Он поцеловал ее в щеку. Она легким касанием провела по его груди...

А потом они лежали, изможденные и довольные.

Чудесно было ощущать себя в темноте, чувствуя рядом девушку. Он скатал ей сигарету и прикурил для нее. Скатал и себе.

Когда они закончили, он щелчком выбросил сигареты и обвил девушку рукой, баюкая ее голову. Так они и уснули.

Только снилась ему Кэтрин, Кэтрин. Ему снилась Кэтрин. Кэт-рин. Он весь был поглощен ею и стал ею, Кэтрин. Кэтрин со стрелой в сердце. Стрелой с очень аккуратно выполненным оперением. Самой Кэтрин, и, когда появился Фрэнк, красный, как красномундирник*, он изогнул ее тело дугой для брата. Когда Фрэнк присоединился к ним, они пошли в летний сад, все трое умиротворенно устроившись в ее теле.

— Скольких же может вместить одно тело? — он проснулся с этим вопросом, пока сон еще не успел стать перенаселенным. И начал заниматься любовью с Уллой.

Встав уже после обеда, они обнаружили, что вечеринка

---

* Красномундирник — презрительное название английского солдата. Перев.

начала подогреваться. Они вымылись в соседней со спальней ванной комнате, и Джерри покинул девушку, чтобы открыть комнату для одевания и сменить одежду.

Позавтракали они паштетом с ржаным хлебом, который только что принесли разносчики. Потом они разошлись. Джерри взял бракованный журнал с фильмами ужасов и отнес его в комнату на первом этаже, где, устроившись на подушках, принялся читать. Рядом с ним с закрытыми глазами лежал замерзший Мужчина. Кто-то наступил на его подвеску, еще кто-то забрал у него трико, и теперь он выглядел довольно смешно.

Покончив с журналом, Джерри прошелся по дому и обнаружил трупы людей из Специальной Службы. Это нарушение рассердило его, и он начал было пинать тела. Один из них был удавлен, на втором никаких следов не было. Ганс Смит, в крепком подпитии, держа бутылку вина, указал на этого работника Специальной Службы:

— Шок, старина, удар. При той скорости, с которой их убирают, им необходимо создать Британский Институт Исследования Шока, да?

— Сколько же тебе дали? — спросил Джерри.

— Доктора говорят — год, но я думаю, меньше.

— Лучше так думать.

— Я не очень хорошего мнения о твоих друзьях, старина, серьезно. Мне пришлось попросить одного-двоих покинуть нас — от твоего имени, так как я не мог найти тебя самого.

— Спасибо, мистер Смит.

— Тебе спасибо, старый.

На углу жалеющий себя альбинос разговаривал с Чарли Паркером.

— Я думал самостоятельно изменить свое имя,— говорил он.— Как тебе понравилось бы имя Уайт*?

Двое колдунов составили компанию с лучшей частью учителей, учеников и родителей из общеобразовательной школы. Они искали себе девственницу для принесения символической жертвы.

— Только символической, понимаете?

---

* White (англ.) — белый. Перев.

Четырнадцать дилеров античности с Портобелло-роуд наслаждались поляком-политурщиком, находившимся под действием наркотика.

Лесбиянки — турчанка и персиянка, чопорно усевшись на подушках, наблюдали за происходящим.

«Глубокий Бзик» составил хор для Крошки Мисс Дэззл, и ее тонкий, чистый голос пел «И только: что это», мелодия которой расплывалась вокруг и поверх общего шума вечеринки, образуя контрапункт с визгами, хихиканьем, фырканьем и тихими стонами. Джерри остановился и послушал ее.

Она увидела его и закончила песню.

— Это ваш дом?

— Да. Это было мило.

— Вы — мистер Корнелиус?

— Да.

— Мистер Корнелиус, я думаю, вы знаете мистера Крукшенка, моего агента. Я несколько недель не могу с ним встретиться.

Джерри почувствовал жалость к Крошке Мисс Дэззл — настолько расстроенной она выглядела.

— Я тоже не вижу его уже некоторое время.

— О, дорогой. У меня есть предложения от других агентов, и скоро мне понадобится кто-нибудь, иначе моя карьера закончится. Но я — м-м-м — мы с ним так хорошо понимали друг друга. Где он, в каком уголке Земли?

— Последний раз я видел его во Франции — в Нормандии, на побережье.

— Он за границей!

— Вы, наверно, дурачите меня.— Она действительно его дурачила.— Я отправляюсь на прогулку. Не желаете составить компанию?

— Н-н-ну, я пришла с тремя мужчинами. Я встретила их на Флит-стрит.

— Уверен, что они не будут возражать, если вы пропадете на несколько часов.

Она одарила его чарующей улыбкой:

— Ну хорошо.

И, взяв его под руку, она вышла вместе с ним с тыльной стороны дома, прямо к гаражу. Джерри решил воспользоваться «дюзенбергом».

В Беттерси, когда он направлял машину в сторону парка, Джерри обнаружил истинную ситуацию с Крошкой Мисс Дэззл.

— О! Н-н-но...— произнес он и положил руку ей на плечи. Она свернулась клубочком.

Месяца вечеринки пробежали, и Джерри приобрел кучу знакомств. Пожиратель огня из Саффолка, у которого был определенный опыт в шоу-бизнесе, принял Крошку мисс Дэззл из рук Джерри и стал ее агентом — и как раз вовремя.

Гости — кто умер, кто — поразъехался; появились новые. Пришла весна, прелестная и зеленая, и гости потянулись в сад. Фирма-поставщик прежде всего отказалась принять чек на свой месячный счет; затем они отказались от бумажных денег и предложили расплачиваться с ними в соверенах*. Спрятав усмешку, он заплатил им.

Снабжение вечеринки сохранялось в силе. Грузовики, как заметил Джерри, приезжали по более свободным улицам, и вокруг вроде бы не было такого множества людей, как обычно.

Джерри вернулся в один из дней и проверил свой календарь. Он был озадачен. Календарь все еще не был правильным. Все еще.

Он забрал календарь вниз и с хмурым видом разорвал его.

Угрюмый психиатр с Риджентс Парк смотрел на него.

— Что случилось? — Он говорил сочувствующе, но угрюмо.

— Время,— ответил Джерри.— Что-то не так со временем.

— Не могу уследить за вашей мыслью.

— Оно течет слишком быстро.

— Это понятно.

— Не беспокойтесь,— сказал Джерри и пошел в главную комнату, лавируя между гостями.

— Хотелось бы послушать, к чему вы клоните,— следовал за ним психиатр.— Честно, я бы послушал.

---

* Золотая монета достоинством в один фунт стерлингов. Перев.

— Может быть, вы в состоянии сообщить мне, почему так много людей, как видно, уже покинули Лондон столь скоро?

— «Столь скоро...» А вы что, ожидали, что они уедут?

— Я ожидал нечто вроде этого.

— Когда?

— Я ожидал первых признаков где-нибудь через год.

— Первых признаков — чего?

— Развала. Он должен был наступить, но...

— Не так скоро. Интересная мысль. Я лично считал, что мы обязаны прийти в силу опять. Уверен — экономический кризис носил временный характер. Ресурсы Европы, сила человека, сила ума...

— Я был настроен более оптимистично,— Джерри повернулся и усмехнулся угрюмому психиатру с Риджентс Парк.

— Я вижу, вы восстановили самообладание.

Джерри обвел рукой комнату:

— Я бы не сказал. Вы видите большинство из того, чем я обладаю.

Психиатр нахмурился.

— Ну, чем вы это объясните? — спросил его Джерри.

— Я считаю, что это — временное решение, как я уже говорил. Это крушение страны, о котором я слышал...

— Что это?

— Налицо, знаете ли, явное движение «назад, к природе». Судя по тому, что я слышал, получается, что Шотландские возвышенности напоминают побережье Блэкпула в августе, и каждый занимается тем, что огораживает участок. Народ, кажется, потерял веру и в фунт, и в правительство — в том виде, какие они сейчас.

— Весьма разумно. Значит, биржевые маклеры разводят скот и поднимают пшеницу.

— Размеры явления, кажется, верны. Не то, чтобы можно было вырастить очень уж много пшеницы на возвышенностях. Но то же самое справедливо и в отношении всей сельской Британии — в эти дни в сельской местности больше людей, чем в городах.

— Ага. Это не должно бы еще происходить.

— Что, я промахнулся? Кто-то еще предвидел это?

Джерри пожал плечами.

— Слухи об атомной бомбе? Нет, ничего?— удивился Джерри.— Атомные бомбы?

— Одна из газет сообщила сплетню, что некий маньяк угрожает взорвать европейские столицы.

— Знаю, но только в наши дни не знаешь толком, чему верить.

— Думаю, я знаю.

Вскоре Лондон начал распространять зловоние. Появились потери энергии и самые различные потери другого рода. Джерри не был в достаточной мере озабочен тем, чтобы проверить все, но, по-видимому, резиденция правительства переместилась в Эдинбург. Лондон смотрелся покинуто. Джерри был готов к такому повороту, и скоро его персональные генераторы заработали — по его мнению, на целые годы раньше срока. Когда вода поднялась, он накачал столько, сколько смог, в резервуар, специально приготовленный на крыше. Химические туалеты заменили все остальные. Число его гостей за несколько недель выросло, и тогда спаянное ядро заняло резиденцию. Некоторые ушли. Появилось немного новых лиц.

Что случилось со страной? Коалиционное правительство производило впечатление бессилия, неспособности справиться с чем бы то ни было. На некоторое время это стало темой пересудов, а потом собравшиеся опять успокоились до июля.

В июле среди гостей появились мисс Бруннер и Марек. Марек выглядел значительно моложе и простодушнее, чем его помнил Джерри. Сначала Джерри объяснял феномен лапландской зимой и слабым светом; но потом сообразил, что мисс Бруннер нашла замену Димитрию.

— Мои поздравления,— провозгласил он, проводя своих друзей через холл, который был наполнен благоуханием великолепных духов.

— Где вы были все это время? Судя по положению вещей, мисс Бруннер, вы отлично воспользовались секретом моего отца.

Она рассмеялась:

— На полную катушку! Последнее время я занималась

превращением золота. Господство анархии, мистер Корнелиус!

— Или энтропии, да? — заговорщически улыбнулся Марек.

— Этот процесс приобретает более ускоренный характер, чем я думал...— Джерри провел их в бар на втором этаже и приготовил им напитки.

— Это действительно так, мистер Корнелиус,— она подняла бокал.— И наш тост — за Гермафродита.

— Оставьте один тост для моего отца: он вам в некотором роде помог.

— За герра Корнелиуса-старшего и Гермафродита! — провозгласила она тост на великолепном шведском.

10

— И каков же — для истории! — мощный секрет моего отца?

— Нечто, что он познал на войне,— сообщила она ему.— Как вы знаете, он был человеком талантливым и входил в команду ученых, которые следовали за союзниками в Германию. Они прилагали весьма энергичные усилия, чтобы установить, как далеко продвинулись определенные научные проекты Германии. С облегчением они узнали, что не так далеко, как они думали. Однако ваш отец, с его взглядом на главное, открыл то, чего не увидел никто более.

— Система подземных пещер? — познания Джерри из истории войны были неглубоки.

— Нет, гораздо ближе в дому, хотя пещеры составляли часть проблемы. Немцы работали над атомным реактором. Согласно записям, на каком-то этапе их вынудили принимать решение: направить усилия в сторону либо атомного двигателя, либо атомной бомбы. Они приняли решение в пользу двигателя: не забывайте, что их ресурсы, особенно поставки урана, были куда более ограниченны, чем наши. Реактор изначально располагался в Берлине, но когда припекло, был оттуда выведен. Он был захвачен союзниками. Такова официальная версия.

— Официальная?

— Было два реактора, два проекта: один применительно к двигателю, другой — к бомбе. Они создали бомбу к концу войны. И приняли решение относительно пещер в Лапландии — тех, что были открыты их экспедицией тридцать седьмого года,— как идеального места, чтобы накрыть Россию и Америку. Эти «орудийные точки», в которые вы даже не подумали заглянуть, были пусковыми установками для двадцати ракет А-20, оснащенных ядерными боеголовками. Микрофильм оказался весьма детальным и доказательным в этом отношении. Копии разосланы письмами по всей Европе. Их подлинность установлена. У меня оказалась возможность шантажировать фактически каждую страну в Европе, причем ни одна другая страна этого не знала.

— А почему не Россию и Америку?

— Они меня не интересовали, да они и не были психологически подготовлены к этому в той обстановке, которая была в Европе. А кроме того, Россия захватила второй реактор и должна была знать, что где-то есть пусковая установка,— они просто обязаны были сделать такое предположение.

— А почему ракеты не были запущены?

— Гитлер застрелился, а генерал, которому это поручалось, наложил в штаны, самоустранился.

— Значит, вы наложили руку на кучу золота?

— Да, оно, конечно, опять в обращении, но свое дело оно сделало, а сумятица ускорила процесс, доведя его до лавинного.

— И в этом процессе вы приобрели огромную власть.

— И много людей. Я приехала сюда, вербуя ученых, давая работу сотням и тысячам, это касается занятых в различных отраслях промышленности.

— Вы строите компьютер?

— В пещерах Лапландии.

— А что с бомбами?

Мисс Бруннер рассмеялась:

— Кроме того факта, что ракетные установки корродировали, что было ускорено испарениями горячего озера, уран в боеголовках быстро очистился — вам знакомы заботы, с которыми они столкнулись в их системах с тяжелой водой.

— Они не должны были испортиться.

— У них, знаете ли, не было возможности проверить установки.

Джерри безудержно хохотал.

— Я вижу у вас здесь много технических и научных работников,— сказала она.— Вы не будете против, если я втихую немножко повербую, коли уж я занялась этим?

— Пожалуйста; вечеринка в вашем распоряжении. Я с ней уже закончил.

11

БИОЛОГИ (3), АКАРОЛОГ (1), ЭКОЛОГИ (2), АКРОЛОГ (1), АДЕНОЛОГИ (5), АСТРОФИЗИОЛОГИ (6), ЭТИОЛОГИ (2), АЛЕТИОЛОГ (1), АЛХИМИК (1), АМФИБИОЛОГИ (10), АНАТРЕКСИСОЛОГ (1), АНДРОЛОГИ (10), АНГИОЛОГИ (4), АНОРГАНОЛОГИ (3),АНТРОПОЛОГИ (4), АНТРОПОМОРФОЛОГ (1),АРХЕОЛОГИ (4), АРХЕОЛОГИ (2), АРТРОЛОГИ (4), АСТЕНОЛОГИ (2), АСТРОЛИТОЛОГ (1), АСТРОЛОГИ (7), АТМОЛОГИ (2), АУДИОЛОГ (1), АУКСОЛОГИ (6), АСТРОМЕТЕОРОЛОГ (1), АРХОЛОГИ (6).

— Список ваших запросов? — Джерри изучал страницы. Список включал двадцать семь категорий.

— Большинство из этих я уже заполнила,— ответила она,— но узнала о вашем празднестве через одного гистолога, которого я наняла,— один его коллега был у вас.

— Значит, вы пришли, чтобы укомплектовать список. Вы тоже строите свой ковчег.

Казалось, она была в исступлении:

— Не ковчег — потоп! Название ему — ДУЭЛЬ, мистер Корнелиус, и он будет завершен в течение года. Я уже возвела крышу над горячим озером, выстроены лаборатории и заводы. Это самая изумительная вещь, которую вы когда-либо видели.

— А почему ДУЭЛЬ?

— Десятичный Узел Электронных Линий связи. Он займет половину системы пещер. Сейчас у него возможности

существующих машин, только он гораздо быстрее. Мы заканчиваем весь ансамбль на следующий год. Вот когда начнется настоящая работа!

— Чем же он так отличается?

Марек усмехнулся мисс Бруннер.

— Он обладает некоторыми беспрецедентными качествами,— сказал он.— Для начала, каждый узел — не просто вентиль, работающий по принципу «да — нет»; он способен на десять магнитных состояний, так что компьютер оперирует в десятичной, а не двоичной системе. Именно это дает ему чрезвычайный рост производительности. В дополнение к этому он обладает искусно отработанными связями, о которых явно,— он кашлянул,— и не мечтал дизайнер человеческого мозга! Это может открыть эру совершенно новых исследований материального мира. В результате вычислений компьютера появляются возможности в самых неожиданных областях. В конечном счете ДУЭЛЬ попробует самостоятельно вырваться за крышу проблемы. Мисс Бруннер выковала...

— Научный инструмент, а не номограмма с ответами на все вопросы,— мисс Бруннер сложила список запросов.— ДУЭЛЬ — нечто гораздо большее, чем просто компьютер, мистер Корнелиус.

— Правильно, мисс Бруннер,— подтвердил Марек.

— Я не могу делать вклад в это дело,— подмигнул ей Джерри.

— Не можете?

— Ах, мисс Бруннер, вы опять за свое!

— А каким-нибудь другим образом?

— Любым образом. Вы добиваетесь большего, чем просто информации от системы ДУЭЛЬ, мисс Бруннер.

— Мне не нужна информация от ДУЭЛи, во всяком случае, не как конечная цель. Это ДУЭЛЬ требует информацию. Мне нужен результат. Заключительные данные, и ничего более.

— А вы амбициозны!

Глаза Марека сияли:

— Но какие амбиции, герр Корнелиус!

Джерри несколько фамильярно взглянул на нее сбоку:

— Я решу потом, бэби.

— Хотите поехать посмотреть ДУЭЛЬ? — Мисс Бруннер казалась необычно нетерпеливой.

— Вы, кажется, необычно нетерпеливы,— проговорил Джерри.

— Ага! — глаза Марека увлажнились.

— Думаю, я был бы непрочь ненадолго уехать из Лондона. Запах...

— Запах,— повторила она.— Подозреваю, что некоторым образом и наша вина есть в этом.

Джерри взглянул на нее с определенной долей восхищения:

— Ваша? Ну, да, допускаю. Мне это не приходило в голову.

— Мистер Корнелиус, наш век — век с брошенной подарочной упаковкой. В том смысле, что сейчас сорвана красивая упаковка, выброшена прочь.

— Он, точно, скоропортящийся,— сморщил нос Джерри.

— Ух, вы!

— И все же я пока повременю присоединяться к вам,— решил Джерри.— Я пока еще не был в центре города. Я посмотрю, как там обстоят дела. Если лучше — я останусь, на сколько смогу.

После ухода Джерри мисс Бруннер и Марек прочесали всю массу гостей, смешиваясь с толпой и в то же самое время держась поблизости друг от друга.

Немного спустя они отыскали спальню Джерри и вошли в нее.

— А он неплохо устроился,— вслух решила мисс Бруннер, садясь на кровать и качаясь на пружинах: вверх-вниз.

— Почему ты разрешила ему уйти?

— Он последнее время не выходил в город. Прогулка должна подействовать на него положительно.

— Но ты можешь потерять его.

— Нет. Есть очень мало мест, куда он может пойти, и все они мне известны.

Она дотянулась до Марека и увлекла его на постель. Он дополз по постели до подушек и лег на спину, уставившись в потолок. Лицо его сохранило беспристрастное выражение и тогда, когда мисс Бруннер, метнувшись, с гортанным криком уселась на него верхом.

— Самое время для последнего соединения,— прошептала она, покусывая его ухо.

Марек после глубокого вздоха выпустил весь воздух из своих легких.

Короткое время спустя выглядевшая лучше прежнего мисс Бруннер проводила осмотр нанятых ею мужчин. Они тем временем ускоренно сматывали провода, уносили их к ожидавшему внизу фургону.

Когда она занималась осмотром, мимо прошел невысокий маляр в одежде Марека. Она лишь скользнула по нему быстрым взглядом. Этот взгляд, однако, не укрылся от маляра, и он повернулся с несколько задумчивой улыбкой.

— Я нашел их в спальне. Они, вроде, ничьи...— он потрогал вещи на себе.— Идут мне?

— О, можно подумать,— ответила она.

Джерри чувствовал себя неуютно, проезжая по слишком часто пересекавшимся улицам на «дюзенберге». Лондон был засыпан мусором, весь в сером, хотя местами экстравагантно одетая толпа могла бы придать великолепие общей картине. Джерри, проезжавшему по этим улицам, любая толпа казалась единым сложным образованием с множеством рук, ног, голов.

Ближе к центру города толпы становились все больше и стали совсем большими, когда он подъехал к цирку на Пикадилли. Джерри чувствовал себя одиноко, а образования-толпы, по-видимому, имели угрожающие настроения.

В «Жарёном Цыпленке» самого цыпленка не оказалось. Его это не обеспокоило. Большая площадь заведения освещалась слабо, и Джерри нашел себе место вблизи тыльной стены, в тени. Он был единственным клиентом здесь — единственным человеком, если не считать мальтийца за стойкой, не поднимавшего глаз.

Когда стало темнеть, толпа вошла в помещение, вливаясь через двойные стеклянные двери своим могучим, похожим на змею телом и заполняя все внутреннее пространство. Она напугала Джерри, а ведь он любил многолюдье. Однако к этой массе он не принадлежал и не желал этого. Продолжавшая вливаться толпа отделила от себя кусочек и ос-

тавила около Джерри. Он быстро поднялся и вынул свой пистолет с иголками. В эти минуты ему захотелось, чтобы у него было оружие с множеством пуль дум-дум. В ответ он увидел лукавую улыбку Части, которая, как в зеркале, тут же засветилась в многолицей толпе, повернувшей к нему все свои головы.

Джерри несколько раз мелко вздохнул, на его глазах появились слезы, когда он стоял вот так, глядя толпе в лицо.

Часть села там, где сидел Джерри, и тут он узнал ее:

— Шэйдс? — вопросительно прошептал он.

— Кто? — прошептала в ответ Часть.

— Шейдс!

— Нет.

— Кто ты?

— Что?

— Ты!

— Нет.

Джерри выстрелил Части в белое горло. Капли крови образовали ожерелье вокруг плоти. Толпа задохнулась и пришла в движение. Джерри принялся проталкиваться сквозь толпу. Она распадалась и вновь смыкалась позади него; так он оказался в самом ее центре. Однако теперь, когда он попытался пробиться, она мягко подалась, наподобие стенок желудка, но не распалась, а начала давить навстречу.

Он пустил в толпу еще несколько иголок, а потом прорубил и проложил себе дорогу к двери. Снаружи был большой спокойный «дюзенберг». Выбравшись на улицу, Джерри заплакал, обернулся и увидел сотню белых лиц, и все они с одним и тем же выражением пристально смотрели на него через стекло.

Дрожащий, с ощущением тошноты, он влез в машину и завел ее. Толпа не пошла за ним, но лица продолжали, поворачиваясь, следить за ним, пока он не скрылся из виду.

Джерри собрался с чувствами лишь к тому времени, когда выехал на Трафальгарскую площадь. Он не собирался сдаваться, пока не испытает еще и «Пирушку».

У входа, где струился мертвенный неоновый свет, он услышал музыку. Мелодия была замедленная, спокойная, монотонная, погруженная в себя. Джерри осторожно шагнул вниз по ступеням. Прожекторы были направлены на сцену, где сидела группа с тяжелыми взглядами, образуя собой не-

понятный холмик вокруг инструментов. Пианотрон издавал глубокие, звучные тона, надрывая струны.

В самом центре стояла усталая пирамида из плоти, которая двигалась в такт медленной музыке, оставаясь почти неподвижной, и температура вокруг нее была ниже нуля.

Быстро же, подумалось Джерри, до такого не должно было дойти, пока ему исполнится хотя бы срок. Какой же он был дурак, что помог мисс Бруннер ускорить процесс! Он остался без опоры.

Знала ли мисс Бруннер, что это с ним произойдет? Как давно она включила его в свои планы? Насколько серьезным элементом ее программы он был? Он ведь был наверху, на вершине,— тогда, в самом начале, когда он только встретил ее. Значит, она — что же, поумнела? Либо он недооценил ее.

— Вы потеряли преимущество, мистер Корнелиус,— произнесла она сзади него.

Он повернулся и увидел ее, стоящую на верхней ступеньке, с ногами, открытыми настолько, насколько позволяла тесная юбка; зачесанные за уши длинные рыжие волосы открывали ее острое лицо с открытыми маленькими острыми зубками.

— У вас есть выбор,— объявила она и простерла руку по направлению к пирамиде.

— Где Марек?

— Там же, где Димитрий. И Дженни.

— Он не умер в доме?

— Он никогда не умрет.

— Вы не захватите меня, как других,— на его лице появилась нервная усмешка.

— Хорошая попытка, но у вас может получиться даже быстрее. Я не стану... не как остальных. Обещаю.

Джерри чувствовал, что его вот-вот вырвет. Он попробовал остановиться, однако вынужден был отвернуться: тело его сотрясали мощные рвотные судороги. Джерри почувствовал, как она коснулась его, но был слишком слаб, чтобы стряхнуть ее руку. Голова его раскалывалась, словно от приступа мигрени.

— Выбросьте это из вашей головы,— услышал он голос мисс Бруннер словно издалека, когда она вела его вверх по ступенькам.

12

Он вел машину, руководствуясь ее спокойными указаниями, и подчинился, когда она посадила его в кабину своего самолета — послушного «Хоукер-Сиддли», служебной реактивной машины.

— Скоро вы будете почти прежним,— пообещала она, когда они летели к Северному Полюсу.

Они опустились на заросшей пойменной равнине, залитой ярким солнцем, похожим на набухший кровью круг над горизонтом. Было жарко, и москиты окружали их плотным облаком, когда она вела его по деревянному мостику над болотом. По дороге к горам она утешала и успокаивала его. Она напитывала его силой через свою руку, которой крепко сжимала его руку. И он был ей вполне благодарен.

— Я переправила сюда весь ваш гардероб,— сообщила она ему.

— Спасибо, мисс Бруннер.

К тому времени, когда они добрались до пещеры, он уже оставил ее руку и последовал за ней живым шагом в ярко освещенную пещеру. Она была обширной, с высокими сводами, хотя и не столь широка и высока, как ему показалось, когда он в первый раз проходил по ней в темноте.

В глубине пещеры были возведены строения, среди которых деловито сновали бригады людей. Пещера стонала всеми голосами различных мощных инструментов, больших и маленьких.

— У вас большой талант,— эти слова стали первым замечанием Джерри с тех пор, как они встретились в «Пирушке».

— Вот, вам уже лучше. И хорошо. Ведь и я уже не кажусь такой угрожающей? — Они продолжали идти.

Пещера с горячим озером была оборудована полом в виде единого листа из пластического материала с крепостью стали. Огромные неоновые светильники рядами выстроились вдоль стен, и толстые трубы извивались между неоновыми лампами, словно Мировая Змея на отдыхе. Рассмотреть крышу все еще было сложно, в основном потому, что она была закрыта кабелями, трубами, решетками. Казавшиеся

гномами в огромной пещере, сотни людей, наподобие муравьев, суетились повсюду.

— Похоже на старый фильм Фрица Ланга*, да? — Мисс Бруннер остановилась, чтобы оглянуться вокруг.

Джерри не понял связи.

— Или на тот, что получился из «Дела наступают»,— и опять связь ускользнула от него.

Она заглянула ему в лицо.

— Я смотрела их еще ребенком,— пояснила она.

Это было первое замечание оборонительного характера с ее стороны — с момента их встречи в «Пирушке».

— Да, я начинаю чувствовать себя лучше,— сказал Джерри, вдруг улыбнувшись ей.

— Не надо быть грубым,— попросила она.— Дай мужчине палец...

Джерри расслабил мышцы и сделал глубокий вдох:

— В тот раз вы почти заполучили меня.

— Что заставило вас подумать, что я хочу вас?

— Вы хотели что-то от меня.

— Вы будете потрясены. Здесь собрано и работает на меня большинство лучших умов Европы, да вдобавок из других регионов столько, сколько я смогла нанять или зажечь энтузиазмом.

— Благородное предприятие; и на что оно направлено?

— А вы, мистер Корнелиус, удивитесь, если узнаете, что у меня есть сын?

— Браво!

— Что вы ощущаете?

Джерри не знал, что ответить. Его обуревали странные чувства, но он не хотел об этом говорить.

— Однако вы так молодо выглядите,— он насмешливо усмехнулся.

— Я всеми способами поддерживаю себя молодой.

— Вы можете развить успех, мисс Бруннер, если действительно так хорошо проинформированы обо мне, как это представляется.

— Ваш отец стал очень известным.

— Вы — тоже.

---

* Немецкий кинорежиссер, в 1935-1958 гг. работал в США. Ред.

— Что, по-вашему, я должна сказать сейчас, мистер Корнелиус? Человек, о котором я говорю, был связан с вашим отцом: это Лесли Бакстер.

— А, так называемый психолог, которого мой отец взял под свое покровительство. Он чокнутый. Я слышал, правительство даже прекратило финансирование его исследований.

— В то время прекращались субсидии значительно большого числа проектов.

— Значит, Лесли Бакстер — ваш сын. Он вырос на мозгах моего отца, да?

— Если вы говорите о том, что он выучился всему, чему ваш отец мог его научить, а потом ушел, чтобы делать лучше, но по-своему, то: да.

— Ну, как знаете. А почему вы мне это сказали?

— Довольно откровенная постановка вопроса. Я — что, сообщила что-нибудь, расстроившее вас?

— Ищите дураков в зеркале.

— Придет время, мистер Корнелиус, и мы над этим подумаем.

— Ну, что?

— Посмотрите,— указала она.— Мы снесли все те дома нацистов — труд подрядчиков.

— Вам бы следовало сохранить их для потомства.

— Я чувствую какую-то заторможенность. Так: почему? А какой был вопрос?

— Зачем вы сказали мне, что Бакстер — ваш сын?

— Каким терпеливым вы становитесь! Вы добреете, мистер Корнелиус? Еще чуточку терпения, и я все объясню.

— Отлично. Что произошло с Димитрием, и Дженни, и Мареком?

— Они не единственные.

— Они — единственные, кого я знал. Что с ними?

— Они поглощены кое-чем... и полностью забыли меня.

— О, дерьмо.

Она рассмеялась:

— Идемте смотреть на ДУЭЛЬ — гордость Лаплаба.

ДУЭЛЬ был огромен. Его величественная, угловатая, почти бесформенная масса поднималась на высоту около двухсот футов. Он разрастался вдоль трех стен дальней пе-

щеры зеленым полукругом, покрывая собой по меньшей мере треть мили. У его основания сидела команда техников, как группа девушек из офиса, выводя и вводя данные.

— Вижу, ничего не выходит,— констатировал Джерри, отклоняясь назад, чтобы посмотреть вверх на систему.

— О, на некоторое время пока — нет,— ответила мисс Бруннер.— Но, знаете, есть и другая пещера,— вы ее даже не нашли в нашу первую поездку.

Вход оказался невысоким, едва выше Джерри. В него был встроен стальной редуктор.

— Это, чтобы сохранить внутри постоянное давление,— пояснила она,— и отрезать запахи и шумы.

Они прошли через конструкцию. По другую сторону редуктора находилась пещера футов около двухсот высотой и пятисот в диаметре. Она освещалась желтым искусственным солнечным светом, и на небольшой ее части был возделан цветочный сад. Воздух был свеж и приятен. В центре стояло белое, с террасами здание, внешне знакомое Джерри. Экстравагантное, в стиле барокко, оно имело две башни, похожие на византийские или готические. Заканчивались они крестами.

— Думаю, на мне как индивидууме лежит налет вульгарности,— проговорила мисс Бруннер, пока он, улыбаясь, смотрел на строение.— Узнаете дом?

— Думаю, да.

— Это — дворец Херста в Сан-Симеоне. Я вывезла его из Штатов по камешку. Херст был почти таким же коллекционером, как и я, хотя с другими увлечениями.

— Такого рода занятия приходят и уходят, знаете ли. Посмотрим внутри?

Поднявшись по ступенькам и войдя в дом через огромные двери, они прошли несколько пустых комнат с высокими потолками: на первом этаже мебели не было совсем.

— Я думал, вы устроили фокус с китайскими шарами: внутри этого дома должен был оказаться меньший.

— А что, это идея! Может, я так и сделаю: мы, видимо, можем построить еще два домика внутри, и там, в самом центре, буду я, в уютном трехкомнатном домике-малютке.

— Это — столько исполнителей колыбельной вам требуется?

— Исполнители колыбельных мне не требуются, мистер

Корнелиус. Такие наклонности были у вашего братца. Вы знаете, что я нашла другие его документы? Он считал, что человеческая раса зародилась внутри земного шара. Как вам это в соединении с серьезным бзиком на чреве? Знаете, ведь он пришел сюда не просто для того, чтобы проверить, что он нашел на микрофильме.

— Однако и вы не любите пещер. Насколько я помню, вам не хотелось идти дальше.

— Вы правы, мистер Корнелиус: для меня она — не чрево, это — матка для ДУЭЛи и для того, что он создаст.

— А что он создаст?

— Финальную шутку.

— Красивые слова,— он шагал за ней вверх по большой широкой лестнице.

— А знаете, что вам вскоре предстоит обнаружить за пустой стеной этого компьютера?

Он остановился и, повернувшись, прислонился к поручню.

— Ну, не гигантскую номограмму — так вы сказали мне на празднестве.

— Живые человеческие мозги, которые могут функционировать сотни лет, если они мне так долго понадобятся. Вот какого рода усовершенствование входит составной частью в ДУЭЛЬ!

— А, это банально. И это — ваша финальная шутка?

— Нет, это лишь часть обычного питания.

— Вы становитесь серьезной, мисс Бруннер.

— Вы правы. Продолжим.

В небольшой комнате на третьем этаже она показала Джерри его гардероб. Он осмотрел его.

— Все здесь,— определил он.— Вы быстро работаете.

— Я все устроила, как только вы вышли из своего дома.

— Ну, если уж вы так предусмотрительны, не будете ли вы против того, чтобы я принял ванну и переоделся?

— Валяйте. У нас здесь — горячая вода и центральное отопление, устроенные самой природой.

— Бьюсь об заклад: это все.

— Более или менее.

Она показала ему дорогу в ванную комнату и осталась там, наблюдая, как он моется. Его не смутил устроенный ею

клинический осмотр, просто он не способствовал его расслаблению.

Она проследовала за ним в комнату, где находился его гардероб, и помогла ему одеться вплоть до жакета. Джерри почувствовал себя лучше.

— Что вам сейчас нужно, так это добрую домашнюю еду,— подсказала она.

— Делайте, как знаете.

Еда была прекрасной, вино — отличным. Он никогда еще не получал такого наслаждения от еды.

— Теленок откормлен,— объявил он, откидываясь на спинку.

— Вы становитесь наивным.

— Ну, вот, вы опять пытаетесь пугать меня.

— У вас в Голланд Парке шли большие поставки еды и питья.

— Теперь уж я их не использую. Разрушение произошло слишком быстро.

— Но восстановление придет еще быстрее, мистер Корнелиус.

— Оно не имеет ко мне ни малейшего отношения, это вы ускорили движение. Я кое-что значил в мое время; теперь я лишен естественного окружения. Вот что вы со мной сделали.

Она взглянула на свои часы:

— Давайте пойдем встретимся с кем-то, кого вы знаете.

Они покинули Сан-Симеон и вернулись через редуктор, прошли к выходу и через покрытие над горячим озером — в сторону одного из домов.

— Кварталы не строгие,— сообщила она.— Думаю, мы найдем нашего общего друга дома.

Внутри одного из блоков им пришлось взбираться по ступеням, и мисс Бруннер извинялась, что лифты пока не работают. На втором этаже она провела его по коридору и постучала в одну из сделанных под дерево дверей.

После короткого ожидания дверь открыл мужчина, одетый в тюрбан и полотенце, повязанное вокруг бедер. Он походил на факира; это был профессор Хира.

— Хелло, мистер Корнелиус! — просиял он.— Я уже слышал, что вы где-то в этих местах, старина. Добрый вечер, мисс Бруннер, какая честь! Входите!

Светлая комната, служившая одновременно гостиной и спальней, была обставлена шведской мебелью: кровать, стол, стулья, книжный шкаф, пара ковриков на полу.

— Каковы ваши намерения, мистер Корнелиус? — он стащил с себя полотенце и уселся на кровати.

Джерри смотрел на него и внутренне улыбался. Хира служил своего рода связующим элементом между ним и мисс Бруннер. Имело ли это какое-нибудь значение?

— Я лишь наблюдатель,— сказал ему Джерри.— Или можно даже так сказать: я пришел, стремясь в святилище.

— Ха-ха! Что за великолепный экземпляр! Я не могу передать вам, с каким восторгом я получил предложение места от мисс Бруннер. То, что вы, мисс Бруннер, вспомнили обо мне, до сих пор озадачивает меня.

— Я не забыла Дели, профессор,— сказала она.— У вас особые таланты.

— Приятно слышать такое от вас. Может быть, мне вскоре удастся получше их использовать. Для меня пока было не так много дела: несколько интересных уравнений, чуть-чуть размышлений; я еще не при своем деле.

— Не беспокойтесь, скоро оно у вас появится.

Довольный, он фыркнул:

— Бог мой, я никогда и подумать не мог, что мне придется вспоминать мой санскрит из профессиональных соображений. Тот старик в соседней квартире — профессор Мартин — он лучший ученик, чем я.— Тут он указал пальцем на Джерри.— Вспоминаете, о чем мы с вами беседовали в том году в Ангкоре?

— Очень хорошо, вот и вы упомянули об этом. У нас обоих, видимо, есть предвидение, профессор. Время от времени я считаю это качество помехой.

— Да, я знаю, о чем вы. Но у нас есть вера в мисс Бруннер, а? — Он отклонился, улыбнувшись и кивнув головой мисс Бруннер, которая едва заметно улыбнулась ему в ответ.

— Ну, я — всего лишь администрация,— при этих словах ее улыбка стала более широкой.

— Вы сказали это! — в голосе Джерри послышались фальшивые нотки.

— Нам уже пора бы идти.— Она поднялась.— Надеюсь, мы втроем несколько позже поладим, профессор.

— О, конечно же, я тоже на это надеюсь, мисс Бруннер,— с этими словами он проводил гостей.— О'ревуар.

— О'ревуар.— ответила мисс Бруннер.

— Куда теперь? — спросил Джерри.

— Назад, в Сан-Симеон. Вы, должно быть, устали.

— Хотелось бы знать, могу ли я уйти, когда захочу.

— А я надеюсь, что ваше любопытство заставит вас остаться на некоторое время, да и идти-то вам некуда, так ведь? — возразила она, спускаясь с ним по ступенькам.

— Нет. Вы, я полагаю, действительно доставили меня туда, куда хотели.

— Вот в этом вы неправы.

Когда они вышли из блока и направились обратно к ДУ-ЭЛи, он вздохнул:

— Я рассчитывал, что останусь в сравнительно стабильном положении, когда мое окружение находится в состоянии постоянного изменения. Однако, кажется, я сам оказался втянутым в перманентные изменения. Ну, совершенно бесполезно к чему-то готовиться. С другой стороны, я не люблю бесцельной жизни — пусть даже весь мир бесцелен,— а моя прежняя цель ушла.

— А что было вашей целью?

— Выжить.

— Я, может быть, смогу приготовить одну-другую цель, если вам очень надо.

— Во всяком случае, мисс Бруннер, я слушаю,— пока она работала с управлением редуктора, он боролся с искушением дотронуться до нее.— Положение становится щекотливым,— проговорил он, шагнув за ней.— Что мне дальше думать!

— По-моему, вы начинаете говорить сами с собой,— подсказала она.

Они выбрались на другую сторону, где их встретил изысканный запах цветов.

— А разве я всегда не говорил с собой? Чей же это внутренний монолог? Ваш или мой?

— Вы оттаиваете, мистер Корнелиус, и начинаете нравиться мне больше, чем прежде.

— А, ну... когда узнаешь кого-то по прошествии некоторого времени...

— Мы с вами, мистер Корнелиус, составляем оконча-

тельно сбалансированную пару. Вы об этом не думали? Ни один из нас давно уже не одерживает верх. Я к такому не привыкла.

— Понимаю, о чем вы.

— Вот и чудесно.

Джерри задумался; он начинал чувствовать себя довольно хорошо.

— Вот наша спальня,— она стояла в дверном проеме позади него.

Жалюзи на окнах были закрыты. Кровать стояла на четырех ножках-столбиках, занавески алькова были спущены. Мисс Бруннер закрыла дверь.

— Я не уверен,— проговорил он.

Он не испугался и не особенно грубил, просто, размышляя трезво, был не очень уверен в себе.

Она приблизилась к нему и прижалась к его спине, поглаживая его живот своими длинными белыми руками. Он некоторое время стоял без движений, потом сказал:

— Знали ли вы, что у вас нет никакого сексуального притяжения? Меня всегда интересовало: как вы обходитесь — с Димитрием, Мареком, другими?

— Никакого сексуального влечения — в этом весь секрет,— пробормотала она, и повторила: — в этом весь секрет.

— И вот я здесь,— он окинул взглядом комнату.— И кто же я теперь? Сосунок, слабак, козел отпущения...

— Вы недооцениваете себя, мистер Корнелиус,— она прошла к постели и потянула за бечевку.

Занавески раздвинулись, и там, расправленное на стеганом пуховом одеяле, лежало прекраснейшее свадебное платье, какое он когда-либо видел.

— И кому же оно? Вам или мне?

— Здесь, мистер Корнелиус, выбор полностью за вами.

Он пожал плечами и снял свой жакет, в то время как она расстегнула юбку и шагнула из нее.

— Метнем жребий, мисс Бруннер.

— Меня устраивает, мистер Корнелиус.

Он отыскал в кармане монету, щелчком подбросил ее в воздух.

— Демон! — выкрикнула она.

— Дьяволица! — отозвался он.— На удачу!

Пару недель спустя рука об руку они бродили среди серебристых березок под теплым синим небом с раскрасневшимся солнцем. Сияющее озеро раскинуло свои воды за пределы видимости, земля была зеленых и коричневых тонов, совсем мирная. Единственным признаком жизни, кроме них самих да москитов, была большая куропатка, выписывавшая высоко в небе круги, охраняя свое гнездо.

Мисс Бруннер взмахнула рукой назад, указывая на древние горы, которые закрывали собой ее мощные проекты. Горы, исполосованные ледниками, покрытые снегами, изношенные и закопченные временем.

— У нас были неприятности во вспомогательных контурах секции номер четырнадцать. Это секция профессора Хиры. Мне пришлось кое-что быстро просчитать — мониторы корреляции начали терять управление. Я думаю, слишком велик потенциал обратной связи.

— Нет, малыш. Ты ожидал некоторых неудач,— я имею в виду, это ведь большой проект, ДУЭЛЬ...

— Самый большой, мистер Корнелиус,— она сжала его руку.— Вся,— она вздохнула,— вся сумма, квинтэссенция всего человеческого знания, окончательные данные. Хм, Хм. И это будет лишь начало.

Они прогуливались — этот пастух и его девочка (хотя никто из них не был полностью уверен в том, кто же из них кто) — вдоль озера. Играла рыба, их окружали высоко выросшие кусты. Согретый мир был полон отдохновения и бесконечности гор, лесов, озер, где ночь не могла опуститься, и вся время был день, туманный и ленивый.

Москиты тоже наслаждались, усаживаясь на руки и лица своих жертв, вонзая хоботки в кожу, и вены, досыта напитываясь тягучей, богатой кровью и воздвигая маленькие твердые бугорки на плоти, как монументы в память о своем визите. Жить было приятно, и плоть горячо работала на кости, вены и артерии функционировали ровно, нервы и сухожилия исправно делали свое дело, органы выполняли надлежащую им службу, и никто бы не подумал, а уж тем более — москиты, что под покровом плоти затаился обыкновенный скелет.

— А все же: начало чего?

— Ты все еще не со мной?

— О, да, с тобой.

— Самое странное,— произнесла она.— Подумай вот о чем. Подумай: что там, за этим приятным зеленым миром, этими нетронутыми пастбищами. Мир дробится в песок, холодный песок! А шестидесятиминутный час — давно уже дело прошлого, двадцатичетырехчасовые сутки потеряли свое значение. Должен существовать мостик, мистер Корнелиус, между нынешним моментом и вчерашним. Его-то я и собираюсь построить: мостик.

— Добивай меня; я опять спрашиваю: а что же — мне?

— Я не договорила. Не беспокойтесь, мистер Корнелиус, вы обеспечены назначением. А пока — дрейф, дрейф.

— А если я не соглашусь?

Она повернулась и глянула ему прямо в лицо:

— Ты сделаешь кое-что — одолжение?

— Движение продолжается. Что?

— Мой сын мечтает о победе. У него только небольшая часть моих ресурсов информации, да и та — маленькая часть, Бог свидетель — нужна мне. Он же отказывается отдать ее — последний кусочек в загадке-мозаике. Ты мог бы поехать в Англию, в Исследовательский институт Вэймринга, и добыть мне этот кусочек?

— Путь не ближний. А почему он отдаст это мне?

— О, он не отдаст. И чтобы завладеть им, тебе, возможно, в конечном счете придется убить его.

— Убить его?

— Да.

— Я бы не против убить его.

— Нет.

— Ох-хо, мисс Бруннер.

— Не грозите мне пальцем, мистер Корнелиус!

— Ну, что ж, тогда я убью его. Что тебе там нужно?

— Немного — ничего тяжелого. Несколько заметок. Он публиковался в чудовищных размерах, но именно эти заметки удержал при себе. И это они — та самая недостающая часть данных, которая мне нужна.

— Я слишком устал, чтобы ехать в одиночку. Мне нужен шофер на всю дорогу. Мне придется сохранять силы.

— Ты становишься ленивым.

— Утомленным, утомленным! Утомленным... И мне

здесь нравится,— он вытянулся и направил взгляд куда-то за сверкающее озеро.

— Я приготовила тебе хорошее маленькое оружие,— подольстилась она.— «Магнум мэнстоппер» сорок первого калибра от «Смит-и-Вессона».

— Слушай, это ты коллекционируешь каталоги; что это еще за черт?

— Ну, вот, испортил настроение. Это удобное оружие — не слишком тяжелое, не очень легкое. То, что надо.

— Шумный?

— Не очень.

— Отдача сильная?

— Небольшая.

— Ладно, беру. Только я боюсь порохового оружия.

— Но другое ты потерял.

— Да, знаю.

— Пойдем обратно. Я покажу его тебе, и ты сможешь попробовать его: бах-бах!

— О, Боже! Эти пылающие глаза!

— Хоп! Хоп! — она побежала к горам.

Задержавшись лишь на мгновение, он ринулся за ней.

Москиты разочарованно смотрели, как пара исчезала в пещерах.

14*

Джерри съежился в своем пальто, сидя в самолете, выруливавшем на небольшую частную взлетно-посадочную полосу в паре миль от Кируны. Железная Гора — источник благосостояния Кируны, а на самом деле основа самой Кируны — вскоре, когда они взяли курс на юг, оказалась под ними.

Приземлились они в Кенте, где их ждал «додж-дарт» с шофером. Водитель, такой же молчаливый, как и пилот, повез Джерри местностью, состоявшей из бродяг, дыма, разорения, изломанного ландшафта, на который он, ссутулив-

---

* У автора нет 13 главы. Ред.

шись на сиденье, лишь мельком взглянул и приказал везти себя к Исследовательскому институту Вэймринга, который располагался на южном берегу, сразу за утихшим приморским курортом. У Джерри были свои собственные воспоминания об этом месте — покрашенное побелкой Регентство и сладковатый запах томленого сахара и замороженного крема, прогулки на свежем воздухе и живые изгороди, бледный свет ночи и силуэты пирса, изящная музыка, голубые кафе и автобусы с открытым вторым этажом. Еще ребенком он невзлюбил все это и уехал в глубь острова, как только оказался предоставлен сам себе.

Исследовательский институт Вэймринга стоял на склоне Суссекского понижения. На вершине холма находилось поместье, построенное, видимо, во время войны. До сих пор все вокруг него казалось временным. Дорога провела их по бетонным мостовым улиц к небольшой сетке блоков с двухэтажными домами с белыми стенами и плоскими красными крышками. С ввалившихся лиц на них были устремлены озадаченно смотревшие глаза. Люди стояли семейными группами — отец, мать, сын и дочь, руки неподвижно сложены, глаза чуть смещались, когда они проезжали мимо. Оглушенное, озлобленное место.

— Есть у вас мистер Пайп Пламбер? — Джерри повернулся к водителю.

— Почти у самого места, сэр,— ответил водитель, не отрывая взгляда от дороги.

Подавленный, в убийственном настроении, Джерри был оставлен шофером у ворот территории института. Строения — некоторые из металла, другие из пластика, бетона — были, по-видимому, покрашены в серый и зеленый цвета погодоустойчивой краской. Бетонные дома выглядели древнее остальных. Судя по внешнему виду, институт был образован до того, как Лесли Бакстер занял эти дома.

Джерри прошел тропинкой к институту, приготовив в кармане оружие. Он дошел до основного здания из грубого бетона со стальной дверью, вставленной явно совсем недавно, нажал кнопку звонка и услышал слабое жужжание внутри: батарея разряжалась.

У двери появилась девушка, открывшая глазок.

Она глянула вверх-вниз:

— Да?

— Меня послал Джо.

— Что?

— Я — Джерри Корнелиус.

— Еще раз?

— Корнелиус. Доктору Бакстеру знакомо эти имя. Я бы хотел его видеть. У меня есть кое-что, что мой отец должен был дать ему перед смертью.

— Доктор Бакстер очень занят, действительно очень занят. Мы проводим некоторые очень важные эксперименты, сэр. Это большая работа.

— Важная, а?

— Доктор Бакстер полагает, мы можем спасти Британию.

— Галлюцинатами?

— Я передам ему ваше имя, однако мы должны быть осторожными в выборе тех, кого пускаем внутрь.

— Кор — не — ли — ус!

— Подождите минутку.

— Сообщите ему, что мой план радикально изменит его исследования.

— Вы это серьезно, он знает вас?

Шутливое настроение Джерри иссякло:

— Да.

Он прождал возвращения девушки больше двадцати минут.

— Доктор Бакстер будет польщен встретиться в вами,— сообщила она, открывая стальную дверь.

Джерри вошел в квадратный холл приемной и двинулся за девушкой по коридору, похожему на любой другой коридор. Девушка показалась ему странной, с длинными вьющимися волосами, в большой юбке, бесшовных чулках, на высоких каблуках. Давно уже ему не приходилось видеть девушек столь сексуальной наружности. Она положительно была анахронизмом и вызвала у него чувство легкой тоски. Он удержался и не стал доставать оружие сразу.

На двери была укреплена табличка «Д-р БАКСТЕР»; таким образом, в комнате находился доктор Бакстер. Вот так. Просто и ясно.

Лесли Бакстер был едва старше Джерри. Хорошо одетый и ухоженный, высокий, бледный, худой и беспокойный. Телом он был крупнее Джерри, что производило впечатление

большой силы, но даже Джерри заметил, что внешне они были довольно похожи.

— Вы, насколько я понимаю, сын доктора Корнелиуса? Рад встрече,— его звучный голос выдавал усталость.— Который из сыновей?

— Джеремиа, доктор Бакстер.

— О, да, Джеремиа. Мы никогда...

— ... не встречались. Вы правы.

— Вы постоянно были в отъезде...

— ... вне дома, когда вы бывали там. Да. Так, значит, вы никогда и с Фрэнком не встречались?

— Только с вашей сестрой Кэтрин. Как она?

— Умерла.

— Какая жалость! Она была так молода! Это был...

— Несчастный случай? Да, своего рода... Я ее убил.

— Вы убили ее? Но не намеренно?

— Кто знает? Может быть, обсудим дело, по которому я прибыл?

Бакстер сел к столу. Джерри присел с другой стороны.

— Вы, кажется, несколько смущены. Приготовить вам выпить или что-нибудь в этом роде?

— Нет, спасибо. Девушка в вашей приемной сказала, что вы заняты важной работой. Работой — важной для нации?

Во взгляде Бакстера появилось горделивое выражение:

— Может случиться — даже для мира. Я, знаете ли, всю мою работу отношу на счет вашего отца.

— Однако вы добиваетесь положительного результата, а?

— Приблизительно,— Бакстер сверкнул на Джерри озадаченным взглядом.— Наше углубленное исследование полезных галлюциногенов и галлюцинатов приходит в своему завершению. Скоро мы будем готовы.

— Полезных — в каком смысле?

— Они воспроизводят эффекты управления социальным составом масс, мистер Корнелиус. Составом, который снова вернет рассудок народу — народ фактически станет более здравомыслящим, чем когда-либо ранее. Наши препараты и лекарства способны на это — или будут способны через нескольких месяцев. Фактически мы в основном прошли стадию исследований и сейчас заняты созданием нескольких

моделей, которые показали свою абсолютную работоспособность. Они помогут вернуть мир на дорогу разумности. Мы получим возможность восстановить порядок, спасти ресурсы нации...

— Замыкается знакомое кольцо. Вы не думаете, что бесполезно теряете время? — спросил Джерри, поглаживая в кармане рукоятку своего сорок первого «Смит-и-Вессона».— Все кончено. Европа лишь демонстрирует судьбу остатков этого мира. Энтропия растет. Или так говорят.

— А почему это должно быть верно?

— Виной всему Время: мне говорили, все изношено.

— Это же метафизический нонсенс!

— Весьма вероятно.

— А какова же истинная цель вашего приезда?

— Вашей матери нужны недостающие данные — материал, который вы не опубликовывали.

— Мать?.. А что она собирается с этим... Моя мать?!

— Мисс Бруннер. Не пугайте меня, доктор Бакстер,— Джерри достал оружие из кармана и щелкнул предохранителем.

— Мисс — как?

— Бруннер. У вас ведь есть секретный материал, который вы не опубликовали, так?

— И какое вам до него дело?

— Где он?

— Мистер Корнелиус, я не собираюсь вам этого говорить. Вы взволнованны. Я приведу секретаря из приемной.

— И не думайте.

— Уберите...

— ... «оружие, мистер Корнелиус». Похоже на разгадывание кроссворда для молодежи. Нет. Мисс Бруннер нужна эта информация. Вы же отказываетесь предоставить ее ей. Вот она и уполномочила меня получить информацию у вас.

— «Уполномочила»? Каковы же ваши полномочия?

— Вы как раз угадали,— засмеялся Джерри.— Вот! — и он покачал оружием.— Где информация?

Бакстер оглянулся на стоявшую справа картотеку.

— Там? — с легким раздражением осведомился Джерри.

Неужели Бакстер был готов так просто сдаться? Тот поспешно отвел взгляд. Да, наверно, информация была там.

— Нет,— заявил Бакстер.

— Верю. Тогда же же?

— Она... уничтожена.

— Ложь!

— Мистер Корнелиус, это смехотворно. У меня — действительно важная работа.

— Все это — фарс, доктор Бакстер,— Джерри направил пистолет в живот Бакстеру, заметив, что тот поднялся, чтобы дотянуться до телефона.— Тихо. Не двигаться. Стойте там, где стоите.

— Нет, это шутка какая-то. Что вы сказали?

— Тихо. Не двигаться. Стойте там, где стоите.

— Я не о том, что вы сказали, а о том, как вы это произнесли.

— Случается. Основное предписание, данное мне вашей матерью,— добыть эти документы. Мое же основное намерение — убить вас.

— О, нет. Мы установили стальные двери, чтобы защититься,— и мы были в безопасности, и надо же мне было впустить вас! Мистер Корнелиус, я уверен: вы никогда не встречали мою мать.

— Мисс Бруннер?

— Уверяю вас, это имя лишь смутно знакомо мне.

— Вы вспотели,— проговорил Джерри.

— Я — нет... ну, и что, а вы-то сами как бы?.. Не знаю я никакой мисс Бруннер! — Он завизжал, когда пистолет ахнул и пуля ворвалась в его живот.— Мистер Корнелиус! Это неправда! Моя мать не могла... я родился в Митчеме — мой отец состоял в местной Гвардии!

— Правдоподобная история! — Джерри выстрелил в него еще раз. Банг!

— А моя мать работала на маргариновой фабрике. Мистер и миссис Бакстер — Далия Гарденс, Митчем. Вы можете проверить их.

Банг!

— Все верно! — Бакстер, казалось, понял, что он был испещрен крупными пулевыми ранами. Его глаза остекленели. Он упал вперед, на стол.

Девушка барабанила в дверь:

— Доктор Бакстер! Доктор Бакстер! Что это?

— Кое-что не так! — прокричал в ответ Корнелиус.— Минутку!

Он открыл дверь и пропустил ее внутрь.

— Вы — единственная, кто слышал шум? — Он закрыл дверь, когда она, задохнувшись, уставилась на распростертое на столе тело.

— Да, и все остальные в лаборатории. А что?..

Джерри выстрелил ей сзади в основание позвоночника. На какой-то момент она оставалась безмолвной. Закричала. Потеряла сознание или умерла на месте — никогда нельзя знать наверняка.

Джерри прошел к картотеке, засовывая на ходу оружие в карман. Ему пришлось с полчаса скрупулезно пролистывать документы, чтобы найти нужную ему папку. Однако доктор Бакстер при всех своих ошибках оказался аккуратным парнем.

Джерри вышел из комнаты с папкой под мышкой, изящная фигура в черном полуформенном пальто и узких черных брюках, прошел по коридору, через холл приемной, сквозь парадную дверь и по дороге. Он почувствовал себя значительно лучше, несмотря на неприятный запах кордита* в носу и ощущение синяка на правой ладони. Он не слишком любил занятие стрельбой.

Мощный «додж-дарт» цвета электрик ждал его. Водитель завел двигатель, пока Джерри забирался внутрь.

— Какие-нибудь сложности, сэр?

— Нет. По счастью, они никогда и не заподозрят, кто же мы такие. Не лучше ли нам теперь поскорее двинуться?

— Двигаться быстро по этим дорогам не имеет никакого смысла, сэр.

— Но за нами может быть погоня.

— Не очень вероятно, сэр. Вокруг много насильственной смерти, сэр. Я хочу сказать, взять хотя бы меня. Я — в прошлом полицейский. Нельзя обвинять полицию, сэр. Они — перегруженные люди.

— Думаю, должно быть, да.

В молчании они двинулись обратно, в сторону летного поля.

---

* Бездымный порох. Перев.

15

— Ну, да, конечно, он не был моим сыном,— мисс Бруннер рьяно пролистывала файл.

Они находились в ее офисе в Каса-дель-Гранде. Джерри, сидя на столе, смотрел на мисс Бруннер.

— И ты только сейчас это говоришь! — Он положил ногу на ногу.

— Ну, не старайся казаться таким ворчуном, котенок,— она улыбнулась, достав из файла документ и просматривая его.— Вот это — настоящий материал. Ты молодец.

— Я — молодец? Ну тебя к дьяволу с твоим проклятым оружием!

— Ну, знаешь, не мой палец был на курке.

— Не будь такой уверенной.

— Успокойтесь, мистер Корнелиус. Вы — вовсе не тот Джерри Корнелиус, которого я знала.

— Можешь даже еще раз повторить. Ты и твое чертово оружие!

— Блям-блям! — она опустила бумаги.— Вы просто устали, мистер Корнелиус. Я вынуждена была просить именно вас пойти на это: вы — единственный, кто мог распознать материал, который был мне нужен.

— Тебе лишь надо было быть более откровенной относительно этого дела.

— Я не смогла. Ты-то что, смог бы?

— Не обо мне речь.

— Не жалуйся, пушистик. Ты очень жалостлив.

— Е-ть меня в ж..., ты, б...,— выругавшись, он успокоился.— Не уверен, мисс Бруннер, что я очень уж счастлив.

— Что происходит, мистер Корнелиус? Тебе нужна смена.

— Мне больше ничего не нужно, мисс Бруннер. Вот это — точно.

— Смена обстановки, вот и все. На некоторое время тебе здесь больше нечего делать. У меня все готово. Остается самая простая работа на несколько месяцев. Я, может, тоже уеду, как только уложусь.

— Куда... ты хочешь... чтобы я поехал?

— Никуда. Выбор за тобой.

— Я обдумаю.

Она подошла к нему и взяла его лицо в свои ладони:

— Как ты можешь? О чем тебе думать? Твои напитки потеряли жизненную силу, твои одежды состарились — есть только я!

Он отвел ее руки от лица.

— Только ты?

— Ты очень быстро смиряешься с неудачей. Недостаточно людей, недостаточно стимулов. На что тебе жить, ты, проклятый маленький вампир.

— Я — вампир?! А ты: Димитрий, Марек, Дженни и сколько еще! Я-то, может быть, тоже...

— А все-таки вы реалист, мистер Корнелиус. Посмотреть на вас — полон эмоций и жалости к себе!

— Ага, задевает?!

— Не наговаривай на меня.

— Вы сами довольно унылы,— он спрыгнул со стола, почувствовав онемение.— Бог свидетель: мне это не нравится!

Ее голос зазвучал мягко, она принялась гладить его по руке:

— Я знаю: здесь и моя вина тоже. Успокойся, успокойся. Поплачь, если поможет.

Поплакал; не помогло. Его искусно обманывали, и он достаточно много знал, чтобы понимать это. Он перестал плакать и побежал к двери. Когда она мягко, автоматически закрылась за ним, мисс Бруннер со вздохом подняла пустой «Смит-и-Вессон»; вздох выражал наполовину разочарование, наполовину — удовлетворение.

— Он слишком высокого мнения обо мне,— вслух произнесла она.— Мне остается лишь надеяться, что все пойдет по плану, иначе всем нам достанется.

Джерри гнал снегоход на высшей скорости — пятнадцать миль в час — по неровному ландшафту в сторону отдаленной деревни, где он рассчитывал добыть место в туристском автобусе. Он ехал на юг, уходя от солнца.

Для него Европа за пределами Швеции становилась уже не холодным песком мисс Бруннер, а кипящим морем хаоса, которое вскоре должно было захлестнуть Финляндию и Данию, если этого еще не произошло. Джерри был не только физически ослаблен — его мозг не мог ни на чем остано-

виться, функционируя сугубо фрагментарно; размытыми пятнами темных цветов проплывали перед ним обрывки снов и воспоминаний. Лишь небольшой кусочек работал логично, а логика никогда не была его сильной стороной. Это не было ни его бегством, ни уходом куда-то; просто он переезжал — возможно, в поисках жертвы, наподобие москитов, жужжавших снаружи кабины. А возможно — нет.

Сны и воспоминания соперничали, и временами ему становилось не по себе, он слабел, когда наталкивался на мысль, что, возможно, они все неправы — даже Бакстер; что у всего этого была более простая причина.

И, если всем им была свойственна еще и сумасшедшинка, то они делили ее слишком со многими, а у мисс Бруннер была способность превращать свои фантазии в реальность. Так случалось прежде. Он вспоминал семьи, которые видел по пути в Вэймринг, и эта картина накладывалась на видение пульсирующей пирамиды из плоти в «Пирушке».

Он добрался до Квикйокка, где автобусов не оказалось вовсе; только пара студентов из туристского отеля, гнавших арендованный «вольво» обратно в Лунд. Он нашел в карманах несколько фунтов и предложил в обмен на доставку до Стокгольма. Те лишь посмеялись деньгам:

— Они ничего не стоят; но мы вас подбросим.

Студенты были высокими и светлыми, с короткими стрижками, в наглаженных брюках и спортивных пиджаках. Они с удовольствием, демонстративно покровительствовали Джерри. Он знал это и не противился, просто, насколько мог, не обращал на это внимания. Его длинные волосы и вычурное одеяние развлекали студентов, и они назвали его Робинзон Фландерс* , как хорошо образованные юноши. Все втроем решили остановиться у прибрежного города Остерзунд, чтобы отдохнуть там пару дней, так как чувствовали себя непередаваемо уставшими. Джерри же чувствовал себя в целом значительно лучше.

К тому времени, когда они доехали до Уппсалы, Джерри успел обольстить обоих молодых шведов, причем каждый из них даже не подозревал о совращении приятеля. Они едва

---

* Робинзон Крузо и Молли Фландерс — герои приключенческих романов. Ред.

ли осознавали, насколько велика его власть над ними, пока он не угнал их «вольво», оставив в городе шпилей-близнецов двоих студентов, решивших никому не говорить, кто украл их машину.

Более богатые сборы оказались в местечке Эскильстуна, где он познакомился с молодой учительницей, жившей в этом городе и пожелавшей, чтобы он подвез ее.

Джерри начал выправляться. Он уже наполовину сожалел, что так поступил с двумя студентами, однако то была экстремальная ситуация. Теперь боязни не осталось, и девушка гордилась своим преданным любовником-англичанином: взяла его с собой на пирушки в Эскильстуну и Стокгольм. Для него нашлась работа: прочитывать экспертизы научных трудов, опубликованные на английском языке стокгольмской академической прессой. Работа была легкой и довольно интересной, позволяла ему обзаводиться новыми вещами, выполненными по его собственным рекомендациям, покупать записи и даже делать выплаты в ренту девушки. Звали ее Мэй-Бритт, и была она такой же высокой, хрупкой и бледной, как и он сам, с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Вместе они производили чудесное впечатление.

Они стали очень популярными: Джерри Корнелиус и Мэй-Бритт Сандстрем. Молодежь, с которой они имели контакты — в большинстве своем студенты, учителя, лекторы,— принялась имитировать стиль поведения Джерри. Он же, достойно оценив лестность такой ситуации, стал чувствовать себя здесь почти как дома.

Словно в знак благодарности, прожив в Эскильстуне почти год, он женился на Мэй-Бритт. Эти изменения смягчили его больше, чем он сам сознавал, и, хотя весьма прилично восстановил себя, все же он почти влюбился в нее, а она — в него. Он играл на гитаре в полупрофессиональной группе, называвшей себя «Современным поп-квинтетом» — орган, бас, ударные, альт,— и зарабатывал достаточно, чтобы оплачивать свое звание хорошего супруга. Группа пользовалась успехом и вскоре должна была получить приглашение на все время. Словно возвращались старые дни, с той лишь разницей, что он не был, в отличие от Лондона, уединен, а был в гуще толпы. Здесь он задавал темп и стал известным на страницах «Свенска дагбладет» и других газет.

Ему выделялось такое же место и уделялось то же внимание, что и потоку аналитических материалов, посвященных тому, что еще не сгнило в государствах Европы. И в этих материалах он обычно тоже упоминался. Он стал символом.

Опьянев от ностальгии, разрекламированности и поклонников, он больше и не мечтал о Лаплабе и мисс Брунер, поздравил себя с тем, что нашел для себя остров, на котором при достаточном везении продержится до начала зрелого возраста. Он принял меры предосторожности, чтобы сохранить имя, которое дала ему та пара студентов: Робинзон Фландерс.

Мисс Бруннер тем временем собирала информацию. Она читала газеты в ее частном пещерном дворце.

16

Так, естественным порядком, наступил момент, когда в квартиру Джерри на Конигсгатен, пять, Эскильстуна-2, Швеция, был нанесен визит. Возвратившись домой с заседания, он нашел свою очаровательную супругу занятой вежливой беседой с мисс Бруннер. Обе сидели на кушетке, потягивая великолепный кофе Мэй-Бритт. Маленькая приятная комнатка, уютная, но не безвкусная, была залита солнцем. Он увидел их от самой входной двери. Он оставил футляр с гитарой в холле и снял пальто из тонкой пряжи, надел его на вешалку, повесил в шкаф и прошел в комнату, вытянув вперед руки, чтобы поприветствовать старого друга с улыбкой, выражавшей уверенность:

— Мисс Бруннер! Прекрасно выглядите. Может быть, немного устало, но — ничего! Как ваш большой проект?

— Почти завершен, мистер Корнелиус.

Он засмеялся:

— И что вы теперь с ним делаете?

— Есть одно затруднение,— улыбнулась она, ставя белую чашку на низенький столик. Одета она была в простое черное платье без рукавов из доброкачественного плотного материала. На своих длинных рыжих волосах она носила дерзкую охотничью шляпу, по-мужски плотно скрученный зонтик она прислонила к кушетке позади себя. Рядом с ней

лежали портфель и пара черных перчаток. У Джерри создалось впечатление, что она оделась для боя, но он не мог решить, что за бой планировался и предполагалось ли его прямое участие.

— Мисс Бруннер приехала около получаса назад, Робби,— нежно объявила Мэй-Брит, не совсем пока уверенная в разумности своих действий.— Я ей сказала, что вскоре ожидаю твоего прихода, и она решила подождать.

— Мы с мисс Бруннер в прошлом имели довольно плотное деловое знакомство,— Джерри улыбнулся мисс Бруннер.— Но теперь у нас мало общего.

— О, не знаю,— мисс Бруннер вернула ему улыбку.

— Ну-ка, ты, сука,— сказал Джерри.— Вон отсюда, отправляйся назад к своим пещерам и своему фарсу.

Он говорил быстро, по-английски, и Мэй-Бритт не уловила конкретного смысла сказанного, хотя общее направление фразы поняла.

— Ты наконец нашел, что охранять и защищать, а, Джерри? Лишь мелкая пародия на что-то, потерянное тобой?

— Прошу прощения, мисс Бруннер,— с некоторым холодом произнесла Мэй-Бритт, выступив в защиту мужа,— но почему вы называете герра Фландерса «Джерри» и «мистер Корнелиус»?

— О, это клички, которые были у нас для него; шутливые.

— Х-ха! Понятно.

— Не дурачьте себя, мисс Бруннер,— продолжал тем временем Джерри.— Я в отличном состоянии.

— Ну, тогда, значит, вы обманываете себя в большей степени, чем я могла предполагать.

— Мисс Бруннер,— натянуто поднялась Мэй-Бритт.— Кажется, я ошиблась, предложив вам подождать...

Мисс Бруннер окинула высокую девушку взглядом с ног до головы. Рука обхватила ручку зонта. Она задумчиво нахмурила лоб.

— Ты и профессор Хира,— сказала она,— хорошо связанная пара. Я могла бы достать тебя, дорогой.

Джерри рванулся. Он схватил зонтик, попытался сломать его о колено — безуспешно — и отбросил его в сторону. Он и Мэй-Бритт нависли над мисс Бруннер, оба со сжа-

тыми кулаками. Мисс Бруннер нетерпеливо передернула плечами.

— Джерри!

— Тебе лучше бы убраться обратно в Лаплаб,— ответил он.— Ты нужна им там.

— И ты — с этой,— она ткнула пальцем в Мэй-Бритт.

Все трое тяжело дышали.

Спустя несколько молчаливых мгновений заговорила мисс Бруннер:

— Что-то будет!

Однако Джерри ждал, надеясь на почти неотвратимый взрыв напряжения, который отнимет у него силы, но защитит от положения, которое — он ясно видел — мисс Бруннер собиралась создать.

Взрыв не наступал. От не отваживался смотреть на Мэй-Бритт, опасаясь, что увидит в ее глазах испуг. Положение ухудшалось. Солнце за окном садилось. Взрыв должен был произойти прежде, чем солнце совсем опустится за горизонт.

Взрыв медлил. Напряжение росло. Мэй-Бритт шевельнулась.

— Не двигайся! — крикнул он, не глядя на нее.

Мисс Бруннер нежно хихикнула.

Солнце село. В серых сумерках мисс Бруннер поднялась. Она потянулась к Мэй-Бритт. Глаза Джерри наполнились слезами, когда он услышал глубокий, отчаянный возглас, исходивший от его жены.

— Нет! — Он двинулся вперед, схватил руку мисс Бруннер, взявшую уже затрепетавшую ладонь Мэй-Бритт.

— Так-на-до,— в голосе мисс Бруннер послышалась боль от того, что его ногти вонзились в ее плоть.— Джерри!

— Оххххх!..— и он убрал свою руку с ее плеча.

Мэй-Бритт беспомощно уставилась на него, он ответил таким же беспомощным взглядом.

— Пошли,— мягко, но настойчиво скомандовала мисс Бруннер, беря их за руки и шагая между ними.— Все это к лучшему. Пойдемте, найдем профессора Хиру.

И она повела их из квартиры к ожидавшей ее машине.

Фаза 4.

17

Пять дней спустя, сидя за столом на террасе, согретой искусственным светом, наслаждаясь красотой и ароматом росших внизу цветов, Джерри слушал рассказ мисс Бруннер. Стол был квадратный; с трех остальных сторон этого квадрата сидели: мисс Бруннер — напротив Джерри; Мэй-Бритт справа от Джерри и профессор Хира — слева.

— Так,— бодро проговорила мисс Бруннер.— Я думаю, все узнали друг друга довольно хорошо. Просто удивительно, как быстро вы освоились на новом месте, Мэй-Бритт.

Джерри взглянул на свою жену. Он и она, без сомнения, были здесь украшением, оба — элегантные, с изысканной внешностью. Она, может быть, лишь чуточку бледнее его. Она умиленно улыбнулась мисс Бруннер, похлопывавшей ее по руке.

Профессор Хира был занят чтением «Афтенбладет» двухдневной давности.

— Единственное препятствие, как мне кажется, состоит в том, что, по мнению полиции, вы, мисс Бруннер, выкрали мистера и миссис Корнелиус,— заявил профессор.— Они проследили вас до Лапландии и теперь, должно быть, обнаружили внешние признаки, указывающие на наше местонахождение; эта газета, видите ли, старая.

— У нас есть средства обороны, профессор,— напомнила она ему.— Мы можем еще блокировать секции системы пещер, если потребуется. Завтра наступает день «Г», а после этого мы все закончим в течение сорока восьми часов. Даже

массированное наступление всеми силами на Лаплаб, которое не очень вероятно, не будет иметь успеха без использования ядерного оружия; а я не представлю, как шведы это сделают. А вы?

— А не могло бы помочь, если бы мистер Корнелиус вышел наружу и поговорил с полицией, прочесывающей район?

— Нет, профессор, конечно же, нет. Мы не можем допустить ни малейшей возможности потерять мистера Корнелиуса на этом этапе.

— Я польщен,— произнес Джерри с оттенком горечи в голосе.— С другой стороны, вы могли бы впустить нескольких, и я поговорил бы с ними. Им для этого вовсе не нужно проходить глубоко в пещеру; они даже не увидят ДУЭЛи.

— Они и не попросят об этом. Не забывайте, мистер Корнелиус, что эта земля принадлежит лапландцам, находящимся под защитой шведского правительства. Им наверняка не достанет смелости проверять нас — особенно в условиях нынешнего международного положения и вблизи русской границы. Сейчас не время даже надеяться обмануть нервную администрацию.

Мисс Бруннер погладила девушку по голове.

— Мне жаль, моя дорогая, но я не могу доверять тебе в достаточной мере. Ты все еще немножко слаба, знаешь ли.

— Мне очень жаль, мисс Бруннер,— Джерри откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.

— Ну, и что из этого?

— Как я уже сказал, нам остается лишь надеяться на лучшее.

— Есть еще вариант.— Джерри развел руками.— Мы можем отправить несколько человек посмотреть, что там происходит, и замаскировать вход в пещеру, а если все-таки будет возможность, то заманить поисковый отряд внутрь и избавиться от него.

— Это не даст настоящего решения проблемы, но я это сделаю.— Она поднялась и, пройдя в другую комнату, подняла телефонную трубку.— Ну, в крайнем случае мы можем опросить нескольких из них и точно выяснить нашу ситуацию.

Она набрала двузначный номер и произнесла в микрофон несколько указаний.

— А теперь,— с удовольствием проговорила она и кивком позвала их в комнату,— давайте продолжим наши эксперименты. Дел осталось не так уж и много, но до дня «Г» времени мало.

— И тогда, я надеюсь, вы расскажете нам, что такое день «Г», мисс Бруннер. Мы все полны нетерпения, хотя мне лично кажется, вы несколько раз делали по этому поводу намеки.— Профессор Хира возбужденно рассмеялся.

Дрожа, ощущая, как пульсирует кровь, наполненный избытком энергии, раскрасневшийся, с легкой головой, Джерри начал сворачивать вещи Мэй-Бритт и складывать их сверху вещей профессора Хиры. Он чувствовал себя полностью в норме, совершенно очищенным, абсолютно свежим. Более того, он чувствовал себя пресыщенным, согретым, просто и умиротворенно, как большой тигр в своей семье, как молодой Бог, казалось ему.

Мисс Бруннер лежала на кровати. Она понимающе кивнула ему.

— Как? — спросил он.— Я не понимал, пока все не кончилось.

— Это — власть,— ответила она, рисуясь,— которой многие обладают изначально. И у тебя она была. Это ведь естественно, не так ли?

— Да,— он лег рядом с ней.— Но я никогда не слышал ничего подобного. Во всяком случае, не физически.

— Это фокус. В том или ином виде о нем написано много. Мифологии мира, в особенности те, которые ближе других находятся к источнику — индуистская или буддийская,— полны ссылок на этот счет. Секрет оказался сохранен благодаря чересчур усердному толкованию. Никто — даже самый посвященный — не поверил бы полной правде.

— А-х-х-х.

— Ты ни о чем сейчас не жалеешь?

— Я удовлетворен.

— Нас ждет еще и не такое. Контакты приблизили нас...

Зазвонил телефон.

Она сразу же поднялась и быстро вышла из комнаты. Он гораздо более медленно отправился вслед за ней в ее офис, и вошел туда, когда она уже положила трубку.

— Ваш план сработал. У них — шесть полицейских в дальней пещере. Они разговаривают с ними. Пока они водят их вокруг пальца историей о секретном исследовании, финансируемом шведским правительством. Сейчас мы должны пойти и поговорить с ними, пока они еще не очень подозрительны. Давайте одеваться.

Полицейские были вежливы, но не уверены в своих действиях. Да и вооружены они были, как подметил Джерри, револьверами.

Мисс Бруннер улыбнулась им.

— Боюсь, мне придется задержать вас здесь, пока мы не свяжемся со Стокгольмом,— сказала она.— Я — директор научно-исследовательской организации. Мы ведем совершенно секретную работу. Очень жаль, что вы наткнулись на нас, это создает для вас большие неудобства. Вы меня извините, но я вынуждена.

Услышав отличный шведский, беглый и изящный, они немного расслабились.

— Этот район не отмечен на наших картах,— возразил самый старый из полицейских, капитан.— Обычно закрытые районы отмечаются.

— Работа, которую мы здесь выполняем, максимально важна для шведских органов безопасности. У нас есть охрана, работающая в режиме патрулирования, однако мы не можем позволить себе слишком ее увеличивать: большее количество может привлечь внимание.

— Согласен, но в таком случае...— капитан сделал паузу и поскреб свою правую ладонь.— Зачем располагать такое учреждение здесь? Почему бы не разместить его в Стокгольме или в каком-либо другом городе?

— Можно ли такую обширную природную пещеру найти в городе? — мисс Бруннер взмахом руки показала назад, на пещеру.

— Будет ли возможность у меня связаться с моими властями, пока вы сверяетесь с вашими?

— Ни в коем случае. Для меня вообще загадка, как вы оказались в этом районе.

— Мы полагаем, что англичанин и его жена...— он резко остановился, и в первый раз уставился на Джерри.

— Что за черт, почему мы не подумали об этом? — выдохнул Джерри.

— Однако это англичанин,— проговорил капитан; его рука потянулась к кобуре.

— Я доставлен сюда не силой, капитан,— поспешно заявил Джерри.

— Ваше правительство связалось со мной и попросило помочь...

— Это невероятно, сэр,— капитан достал свой револьвер.— Если бы это было так, то нас бы предупредили.

Четыре техника, которые привели полицейских, не были вооружены, Джерри и мисс Бруннер — тоже. Если не считать этого, у них было равновесие сил — шестеро против шестерых. Крепкие ребята мисс Бруннер находились вне пределов слышимости. Дело выглядело кисло.

— Наверняка оплошность, капитан? — На этот раз мисс Бруннер задала вопрос в несколько более жестком тоне.

— Я не могу в это поверить.

— Откровенно говоря, я вас не обвиняю,— ответил Джерри, заметив, что, собственно, один только капитан достал свое оружие. Остальные пока все еще пытались понять, что же происходит.

Тело Джерри напряглось.

Он прыгнул за оружием. На два ярда.

Однако перед тем, как он разоружил капитана и взял на мушку застигнутых врасплох полицейских, револьвер все же успел один раз выстрелить.

— Лучше бы вам взять командование на себя, мисс Бруннер,— голос Джерри звучал грубо. От неудержимой энергии он перешел в состояние изможденья, головокруженья. Когда она взяла оружие из его рук и направила его на шведов, он глянул вниз.

Пуля, видимо, вошла ему в грудь чуть выше сердца. Потеря крови.

— О, нет. Мне кажется, я умираю.

Откуда-то издалека набегали крепкие мальчики мисс Бруннер. Он услышал, как она выкрикивала распоряженья, чувствовал ее руку, поддерживавшую его. Казалось, он наливался тяжестью, проваливаясь куда-то сквозь камень. Слышал ли он действительно приглушенную стрельбу? Не наполненное ли надеждой воображение заставило его думать, что он уловил звук голоса мисс Бруннер, командовавшей:

— Еще есть возможность, но надо действовать быстро.

Он стал тяжелее камня, и понял, что пройти это может с некоторым трудом, словно проталкиваясь сквозь воздух, имеющий консистенцию жидкой тягучей смолы.

Он заинтересовался, была ли это жидкая смола и найдут ли его через миллионы лет отлично сохранившимся. Он спешил вперед, зная, что эта теория была глупой. Наконец он выбрался на свободное пространство, сразу ощутив легкость и бодрость.

Он вышел на равнину, не имеющую горизонта. Где-то далеко-далеко он смог разглядеть огромную толпу, собравшуюся вокруг трибуны, на которой стояла одинокая неподвижная фигура. До него долетел слабый звук голосов, и он двинулся по направлению к толпе.

Приблизившись, он увидел, что та состояла из тысяч и тысяч людей — всех ученых и технических работников мисс Бруннер. Сама она обращалась к ним с трибуны. Незамеченный никем, он остановился позади толпы, слушая ее речь.

— Все вы ожидали того времени, когда я обрисую окончательную цель ДУЭЛи. Биологи и неврологи могли лишь предполагать что-то, но потом решили, что их предположения были слишком неправдоподобными, и отбросили их. Однако они были правы. Я не думаю, что наш проект может провалиться, пока мистер Корнелиус не умер, что в настоящий момент кажется невероятным...

Джерри оживился.

— ... И я верю в то, что как рабочего материала мистера Корнелиуса достаточно.

У Джерри появилась мысль, что он, по-видимому, ощущает что-то вроде галлюцинаций, переплетенных с реальностью. Видение было сном, слова же были произнесены на самом деле. Он попытался вытащить себя из сна, но безуспешно.

— Цель ДУЭЛи была двойная, как вы знаете. Первой задачей было ввести в нее всю сумму человеческих знаний, систематизировать их и преобразовать эти знания в одно окончательное всеобщее уравнение. В конце концов три дня назад мы добились этого, и я поздравляю вас.

Именно вторая часть ввела в заблуждение многих из вас. Техническая проблема — как ввести эту программу в человеческий мозг — была преодолена с помощью записей, подаренных доктором Лесли Бакстером, психобиологом. Однако какой мозг мог принять такую фантастическую программу? На этот вопрос ответ столь же прост, как я сейчас отвечаю на вопрос, который вы мне задавали. Конечное назначение ДУЭЛи — это достижение цели, которая, осознаем мы это или нет, с самого появления Хомо сапиенс была целью всех усилий человечества. Это простая цель, и мы почти достигли ее. Мы работали, леди и джентльмены, для того, чтобы создать универсальное человеческое существо. Человеческое существо, вооруженное всеобщим знанием, гермафродита во всех отношениях — самооплодотворяющееся и на этой основе саморегенерирующееся, а значит, бессмертное, воссоздавая себя снова и снова, сохраняющее свои знания и увеличивающее их. Короче говоря, леди и джентльмены, мы создаем такое существо, которое будет названо нашими последователями божеством.

Видение поплыло, и теперь Джерри слышал слова менее ясно:

— Условия, сложившиеся в современной Европе, оказались идеальными для этого проекта, идеальными во всех отношениях, и я верю, что мы добьемся успеха сейчас или никогда. Я уничтожила мои записи. Необходимое оборудование создано. Выносите вперед мистера Корнелиуса, пожалуйста.

Джерри почувствовал, как его поднимают, и он плывет сквозь призрачную толпу.

Он медленно двигался позади мисс Бруннер, шедшей к большой овальной металлической камере. Потом они оказались вдвоем внутри нее, в темноте. Мисс Бруннер мягко и нежно начала заниматься с ним любовью. Он ощущал ее, все ближе и ближе, чувствуя, как она втягивается в него. Это походило на сон, который он видел прежде.

Его наполнило восхитительное ощущение слияния с мисс Бруннер, и он все еще продолжал удивляться, было ли это сном, вызванным его ранением. И все же у его тела оказались груди и два набора гениталий, что казалось абсолютно реальным и совершенно естественным, словно так и дол-

жно было быть. Потом он почувствовал уколы боли в скуле, и память его и мисс Бруннер, индивидуальность его и ее на момент слились, затем медленно рассеялись, пока его ум не очистился и ДУЭЛЬ не начала свою работу.

18

Техник внимательно взглянул на свои часы, затем — на металлическую камеру и цифры на ней. Все цифры сейчас успокоились. Неспешно вспыхивал и угасал зеленый свет.

— Вот оно,— проговорил он с хрипотцой очень похожему на него другому технику.

Камера подкатилась по роликам вплотную к ДУЭЛи. Расположившись огромным полукругом напротив большого полукруга компьютера, ученые и техники таким образом замкнули окружность.

Луч прожектора был направлен на овальную камеру. Ученые подошли вперед, чтобы по показаниям приборов убедиться в правильном функционировании системы, и, удовлетворенные, снова отступили.

Диетолог среднего возраста, заслуживший эту честь тщательной отработкой чертежей, повернул рукоятку камеры.

Все затихло, умолкло.

Высокое грациозное обнаженное существо шагнуло наружу. У него были волосы мисс Бруннер и глаза мистера Корнелиуса. Выступающие контуры челюсти мисс Бруннер смягчались аскетической формой рта Джерри. Существо было двуполым и прекрасным.

По рядам ученых и техников прокатился благоговейный ропот, некоторые из них засвистели и принялись хлопать в ладоши, другие весело затопали ногами.

— Эй, энтузиасты! — выкрикнул Корнелиус Бруннер.

Пещера задрожала от мощного крика ликования. Ученые и техники запрыгали вокруг, похлопывая друг друга по плечам, смеясь, танцуя.

Они столпились вокруг улыбающегося создания, высоко подняли его и принялись маршировать вокруг компьютера, распевая победную песню без слов, превратившуюся в имя-молебствие:

— Кор-не-ли-ус Бэ-рун-нер!

Корнелиус Бруннер становилось гвоздем программы.

— Зовите меня просто Корн,— улыбнулось оно, посылая воздушные поцелуи всем и каждому.

Сначала словно в отдалении, затем все громче завыла пара сирен.

Корн насторожило ухо:

— Враг у наших ворот! — и указало тонким пальцем в сторону внешней пещеры: — Вперед!

Поднятое перекатывающимся потоком, состоящим из тысяч ликующих льстецов, Корнелиус Бруннер сидело на их плечах, несших его вперед.

Через большой зал горячего озера, вверх по склону, ко входу в пещеру неслись они с громоподобным ревом, составляя как бы единое целое.

Двери пещеры открылись, и они ринулись на простор. Корнелиус Бруннер хохотало, восседая на их спинах, словно на лошади.

Там их ждал небольшой военный расчет: несколько единиц легкого вооружения и бронированные автомобили

Солдаты отступили и попытались бежать, однако все — оружие, техника, люди — оказалось поглощено потоком, не заметившим их маневра, когда гигантская масса в триумфе потекла вперед.

Корнелиус Бруннер указало на юго-восток:

— Туда — сначала на Финляндию!

Поток изменил направление, не меняя скорости, и всей массой понесся вдаль.

Выплеснувшись через границу, он заполнил Финляндию, наводнил Германию и становился все многочисленнее и многочисленнее по мере своего продвижения. Корнелиус Бруннер, возвышенный над самым центром толпы, подбадривал ее, понукал, нахваливал. Тысячи стали миллионами,

неся нового мессию через континент, опустошая целые города, оставляя после себя сокрушенные страны.

Неудержимый поток достиг Бельгии, подчиняясь повелению своего распорядителя, опустошил Льеж, лишил населения Брюссель и, унеся с собой половину населения страны, ворвался во Францию.

Громовй голос этого потока можно было слышать на сотни миль от Парижа. Вздрагивание земли от ног ощущалось в двух сотнях миль. Аура от его присутствия распространялась волнами по всему миру.

Миллионы не маршировали — они продвигались вперед в танце. Голос их стал одной мелодичной песней. Их плотно спрессованная масса покрывала не менее пятидесяти квадратных миль, постоянно разрастаясь.

— На Париж! — вскричало Корнелиус Бруннер — и они ринулись на Париж.

Никто ни разу не остановился, кроме тех, кто умер от возбуждения.

Париж был пройден, и четверо оставшихся его обитателей собрались, чтобы проследить за уходящими.

— Беспрецедентно! — пробормотал глава государства, почесав нос.

— Возможно, возможно,— ответил его секретарь.

Поток накатился и прошел по Риму, оставив Папу — единственного жителя города — погруженным в размышления и предположения. Через некоторое время Папа поспешил из Ватиканского дворца и был подобран через час.

Все крупные города Италии, все крупные города Испании и Португалии.

И тогда, с легкой ноткой скуки в голосе, Корнелиус Бруннер отдало свое последнее приказание:

— К морю!

К побережью, на самый берег — и тут встретился поток с потоком, когда гигантское сборище вылилось в море

Через шесть часов только одна голова оставалась над водой. Конечно, это была голова Корнелиуса Бруннера, плывущего сильными гребками обратно к берегу.

Корнелиус растянулось на основательно затоптанном песке и расслабилось. Волны набегали на мирный берег, несколько птиц бороздило голубое небо.

— Это — жизнь,— зевнуло Корнелиус Бруннер, в чьем мозгу содержалась вся сумма человеческих знаний.— Думаю, я могу устроиться на ночлег и здесь, как в любом другом месте.

Корнелиус Бруннер уснуло, оставшись в одиночестве на заброшенном берегу.

Опустилась ночь, за ней последовало утро, и оно проснулось.

— Куда теперь? — вслух размышляло оно.

— В Нормандию; там есть еще неоконченное дело.

— В Нормандию, ладно, в дом Корнелиуса.

Оно поднялось, размяло тело, повернулось и вприпрыжку побежало в глубь земли по спокойному, опустевшему ландшафту.

КОНЕЧНАЯ ДАТА

Первое в мире универсальное человеческое существо сунуло детонатор под руку и медленно пошло обратно, разматывая провод, который тянулся в подвал дома. На безопасном расстоянии оно поставило ящик, а на него замыкатель.

— Пять!

— Четыре!

— Три!

— Два!

— Один!

Корнелиус Бруннер нажало на замыкатель — и большая подделка «Корбюзье ле шато» треснула, вспыхнула и загудела. Из него поднялись пламя и дым. Утес вздрогнул, полетел щебень, пламя с ревом поднялось ввысь, и черный дым, повисший было на небольшой высоте, пополз вниз, покрывая мглой деревню.

Сложив на груди руки, откинув назад голову, Корнелиус Бруннер созерцало пылающие обломки.

Оно вздохнуло.

— Вот так.

— Просто и ясно.

— Да.

— Что теперь?

— Не знаю точно. Возможно, для начала Ближний Восток.

— Или Америка

— Нет, не сразу, я думаю.

— Мне нужны деньги. Америка может оказаться наилучшим местом для этой цели.

— Мне хочется на восток. Там еще есть работа, которую надо выполнить.

— В Камбодже начнется сезон дождей.

— Да; думаю, я могу идти, да?

— Еще полно времени, не хочу торопиться.

Корнелиус Бруннер повернулось и посмотрело вдоль склона утеса, затем взглянуло на оседающий дом, кинуло взгляд в открытое море, на небеса.

— Хо-хо.

Небритый мужчина, одетый в истрепанную униформу, задыхаясь поднимался по склону. Он позвал:

— Мсье... ах!

— Мсье-мадам,— вежливо поправило его Корнелиус Бруннер.

— Вы виноваты в этом разрушении?

— Не непосредственно — да.

— В стране еще остался закон.

— Там да сям, местами.

— Я намерен вас арестовать!

— Я не подлежу аресту!

— Не подлежите? — Представитель властей нахмурился.

Корнелиус Бруннер перешло в наступление. Оно принялось поглаживать руку офицера

— Который час, мсье? Мои часы остановились.

Офицер глянул на свое запястье, выглядывавшее из рукава:

— Ах! Мои — тоже!

— Очень плохо.— Корнелиус Бруннер, тихо напевая, заглянуло в его глаза.

Сладкая и нежная улыбка скользнула по его губам, и он погрузился в исступленный экстаз, пока Корнелиус Бруннер снимал его брюки.

Брюки были отброшены в сторону. Корнелиус Бруннер развернуло официальное лицо, шлепнуло его по заду, мягко подтолкнуло в спину и пустило бежать вниз по склону. Он бежал весело, с улыбкой, все еще игравшей на его лице, а концы истрепанного пиджака и рубашки хлопали на ветру.

В следующий момент первое в мире универсальное человеческое существо, насвистывая, зашагало на восток.

— А вкусный мир! — весело подметило оно.— Ну, очень вкусный мир.

— Ты сказал это, Корнелиус!

СРЕДСТВО ОТ РАКА

Посвящается Лэнгдону Джонсу

Признательность

Части этой новеллы изначально появились в «Судьбе», «Предсказании», «Зеркале памяти», «Новых мирах», «Анонсе», «Детективе в штаб-квартире», «Правдивых исповедях жизни», «Голосе деревни», «Оружии и боеприпасах», «Американском научном журнале», «Тайме», «Интервиа», «Механике и мотоциклах», «Фильмах кино и телевидения», «Журнале для мужчин», «Альбоме киноэкрана и телевидения», «Новом мужчине», «Серебряном экране», «Пикантных новостях», «Обсервере», «Утренней заре», «Простой правде», «Горизонтах науки», «Повседневных очерках», «Неясном» и других журналах и газетах Великобритании и Америки, которым мы приносим искреннюю благодарность.

Напоминание читателю: *эта книга имеет необычную структуру.*

1. ДИАГНОЗ

Террор — наиболее эффективный политический инструмент... Я распространю террор с помощью редкостного привлечения всех моих средств. Важен внезапный шок ошеломляющего страха смерти.

Адольф Гитлер

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

«Здесь, на крыше современного и респектабельного лондонского универсального магазина, располагается сад неправдоподобной красоты — в сотне футов над Кенсингтон-Хай-стрит, в торговом центре королевского городка Кенсингтона... Сады эти занимают около полутора акров и включают в себя Старый английский сад, Дворы Тюдоров с цветочными плантациями, Испанский сад с перголами в мавританском стиле и Двор фонтанов».

«Знаменитые сады на крышах «Дерри и Томса».

1. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРЫШАМ

Вероятное время действия — около 31 июля 1970 года.

Англия. Лондон. Торговля идет спокойно. Тихий, теплый день, лишь где-то в отдалении раздается низкое гудение.

На Хай-стрит, Кенсингтон, где деревья Гайд-парка крадутся между домами, стоит вековой давности строение универсального магазина «Дерри и Томс». Ярус за ярусом, один выразительнее другого — магазин смотрелся этаким гордецом среди собратьев по бизнесу.

На крыше магазина, на плодородной земле, растут кусты, деревья, цветы, устроены небольшие протоки и пруды с золотыми рыбками и утками. И кто же лучше опишет этот сад на крыше, если не те, кто его создал?! В своей брошюре тысяча девятьсот шестьдесят шестого года издания Дерри и Томс писали:

«Это единственные в мире сады таких размеров, расположенные на такой большой высоте — более ста футов над землей, с высоты разглядывающие Лондон с его собором Святого Павла в отдалении. Сады простираются на полтора акра и включают в себя Старый английский сад, Дворы Тюдоров с цветочными плантациями и Испанский сад с мавританскими перголами, да еще Двор фонтанов. Вода для фонтанов, ручья и водопада поступает из наших артезианских скважин глубиной четыреста футов. Толщина почвенного покрова составляет в среднем два фута шесть дюймов, и распределение ее веса и веса кирпичной кладки просчитано архитектором при проектировании здания «Дерри и Томса». Создание садов заняло три года, и они были открыты в мае тысяча девятьсот тридцать восьмого года Эрлом Этлонским, кавалером ордена Подвязки.

С прилегающих к садам балконов у вас есть возможность насладиться самыми чудесными видами Лондона. Отсюда вы можете посмотреть на шпили и башни Кенсингтонского му-

зея, Великого Домского собора Святого Павла, Вестминстерского аббатства и Вестминстерского кафедрального собора, Альберт-холла, мемориала Альберта и т. п.»

Летними вечерами легко одетые леди гуляют в садах; на них шляпы из фетра и ворсистого нейлона; костюмы из льна, искусственного шелка или двойного джерси; яркие шарфы, повязанные в манере ковбоев вокруг шеи. Это место — последнее в Лондоне прибежище особей женского пола старой и вымирающей английской расы — «обитателей Уэйтса», как их часто называют, хотя многие из них живут в общинах вокруг Уэйтса, и даже не каждый может быть отнесен к августинцам. Женщина приходит сюда, сделав покупки у Баркеров, Дерри и Томса или Понтингов (все они рядом — на Хай-стрит), чтобы здесь встретить подруг. Только здесь она может с некоторой уверенностью получить свой чай не очень высокого вкуса.

Вокруг уютного уголка возведены стены, в одной из которых имеется запертая калитка. Ключ от калитки — у человека, который тайно владеет сетью магазинов в этом квартале и некоторыми другими важными предприятиями по всему Лондону.

Снизу доносится ленивый говор послеобеденного потока машин. Флаг «ДиТ» вяло свисает вдоль древка. Невдалеке — отель Кенсингтонских садов и Кенсингтон-Стрип с ее базарами, забегаловками и ярким светом. Поблизости от Стрип, немного на запад, — уединение садов Кенсингтонского дворца, попросту называемые Миллионерским рядом, авеню посольств, идущая вдоль Кенсингтонских садов, где статуя Питера Пэна все еще играет на своих трубках рядом со сверкающим Серпантином. «Дерри и Томс» фасадом обращен к Северному Кенсингтону — самой большой и густонаселенной части королевского городка, являющегося наиболее красивыми трущобами в Европе.

Время пятичасового чая.

2. ЛЮБИТЕЛЬ «СРЫВАТЬ ЦВЕТЫ» НА ПРАЗДНИКЕ САДОВОГО СЕКСА

За стенами Голландского сада, скрытыми за разросшимися виноградными лозами, знойное солнце освещало кусты и цветы самых разных оттенков.

Там тюльпаны: словно из голубого вельвета, красные, желтые, белые и розовато-лиловые; нарциссы; пурпурные и алые розы, хризантемы, рододендроны, пионы. Все цветы яркие, все запахи — сладкие.

Горячий воздух затих; никакого намека на ветерок; только в одной части сада группа нарциссов вдруг пришла в движение; скоро они не на шутку разволновались, словно невидимые жеребцы галопом прошли сквозь них. Стебельки наклонились и сломались. А потом нарциссы затихли.

Почти тотчас же соседнее поле белых и красных тюльпанов начало раскачиваться и биться.

Появился запах сирени, очень тяжелый для прогретого воздуха, и тюльпаны застонали, ударяясь друг о друга.

Когда они остановились, начали дрожать и наклоняться розы на следующей плантации, быстро роняя алые лепестки, острые шипы, вздрагивая отростками.

Наконец, когда розы вновь успокоились, огромная плантация, покрытая смесью львиных зевов, анютиных глазок, сочных, обвитых плющом льнянок, ирисов, алтеев, нарциссов, фиалок и подсолнухов, взорвалась жизненной энергией: лепестки взмыли к небу, цветки разлетелись во всех направлениях; возник сильный, дикий, буйный завывающий звук. И — опять тишина.

Лежа между влажных, словно точеных из слоновой кости бедер, Корнелиус вздохнул и улыбнулся в невидящее лицо капитана Харгрейвс — служащего американской консультативной комиссии в Европе. Капитаном была крупная, плотная девушка.

Кожа Джерри, черная, как у биофранта, блестела, и он думал о некоторых девушках, которых он знавал, посматривая на цветы у себя над головой и на глаза Флоры Харгрейвс, медленно остывавшие. Он скатился в сторону и потянулся за сигаретой.

Послышался низкий звук. Он глянул в небо: оно было чистым.

Когда он вернулся взглядом к Флоре, ее глаза уже закрылись: она спала, покрыв своими сверкающими золотисто-каштановыми волосами подушку из сломанных лепестков, с полным спокойствия совершенным лицом, с медленно высыхавшими капельками пота на таком еще молодом теле. Он наклонился и оставил легкий поцелуй на ее левой груди, коснулся ее прелестного плеча, поднялся и отправился искать ее форму туда, где она аккуратно сложила ее у пятачка кремовых нарциссов.

Молодой человек под тридцать лет с крепким мускулистым телом, с большими нового образца часами фирмы «Либерти» на каждой руке, на манер подвесок; с эбонитовым загаром и волосами даже не блондина, а молочно-белыми, Джерри Корнелиус был революционером старой школы, хотя его фактические заявления свидетельствовали об обратном.

Напевая себе под нос песенку из раннего Джимми Хендрикса («Хитрая леди»), Джерри оглянулся в поисках своей одежды и обнаружил ее на траве рядом с формой Флоры. Он взял свой вибропистолет с хромированными накладками, лежавший на куче одежды, и сунул его в кобуру, которую затем закрепил ремнем на обнаженном теле. Затем натянул бледно-лиловую рубашку, красные подштанники, красные носки, синие, как ночь, брюки с ярко окрашенным низом — от Кардена, которые дополнил двубортный пиджак, привел в порядок свои длинные белые волосы, достал из кармана зеркало и пригладил широкий пурпурный галстук, словно в запоздалом раздумье глядя на свое отражение.

Весьма отталкивающая внешность, подумал Джерри, сложив губы трубочкой и улыбнувшись. Он поднял форму Флоры и положил ее рядом с девушкой; потом, утопая по колено в цветах, пошел к калитке сада, рассекая солнечные лучи и цветочный ковер.

3. БЕШЕНЫЙ ВЕРТОЛЕТ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

За стеной женщины из средних слоев, прогуливавшиеся по дорожкам удовольствий, нервно или с явным неодобрением посмотрели на человека, запершего за собой калитку с таким видом, словно это место принадлежало ему. Они приняли его по ошибке за прифрантившегося негра, и посчитали вполне вероятной именно его вину в нарастающем низком гуле, так как у него был с собой предмет, похожий на транзисторный радиоприемник.

Джерри сунул ключ в карман и удалился в направлении Лесного сада с его водяными потоками и тенистыми деревьями, который был окружен рестораном Солнечного павильона, правда, он еще не был открыт.

Он прошел через несколько черных дверей с табличками «Аварийный выход» и остановился перед лифтом, пробормотав словечко вахтеру и билетерше; те кивнули. Девушка вошла в лифт, а он решительно пошел вниз.

Джерри повернул обратно к Лесному саду. Когда он добрался туда, низкий звук послышался где-то совсем рядом, и Джерри, подняв голову, увидел вертолет, двигавшийся вверх и медленно перемахивавший через наружную стену, молотя своими винтами по воздуху, срывая листву деревьев, взметая лепестки цветов во всех направлениях.

Женщины заверещали, не зная, что делать.

Джерри достал свой вибропистолет: вражеский вертолет он узнавал с первого взгляда.

Вертолет был огромным — более сорока футов в длину, — он, пролетая вплотную к верхушкам деревьев, с мотором, издававшим какой-то грудной, полный угрозы звук, накрыл своей тенью сад.

Джерри поспешил через открытое пространство на затененную деревьями лужайку Лесной просеки, не обращая внимания на жалившую его лицо листву.

Зашипело автоматическое оружие, и пули струйками ударили по бетону. Джерри переложил вибропистолет в правую руку и прицелился, но он едва различал эту большую цель, ибо пролетавшие со свистом лепестки хлестали его по лицу. Отступив назад, к самому пруду, он споткнулся, поскользнулся и оказался по пояс в холодной воде. Лис-

тьев на деревьях почти уже не осталось, а лопасти все тарахтели и тарахтели.

Кто-то закричал ему в микрофон:

— Е...ный поросенок! Е...ный поросенок! Е...ный поросенок!

Старые леди задохнулись и в панике бросились кто куда, натыкаясь на испорченный лифт и блокированные аварийные выходы. Они сгрудились под арками Сада Тюдоров или бросались плашмя на землю под низкие стены Испанского сада.

Несколько пуль, выпущенных из вертолета, ударили в стайку шумливых уток, и кровь и перья перемешались с летящими листьями. Джерри не очень решительно выстрелил в ответ.

Вертолет — «Западный ураган» с семьсотпятидесятисильным двигателем, главная машина Элвиса Леонидса, — слегка накренился и завис над пустотой, в которой плескался фонтан, затем начал падать все ниже и ниже, едва не задевая своими пятидесятитрехфутовыми лопастями деревья.

Пулемет опять зашипел, и Джерри был вынужден нырнуть под воду и укрыться под маленьким каменным мостиком. Из вертолета выпрыгнул человек, размахивая оружием. Он устало пошел к тому месту, где нырнул Джерри. На поверхности виднелась кровь, но то была кровь уток и голубей.

Джерри улыбнулся и направил свой вибропистолет на человека с автоматом; тот задрожал. Его охватила мощнейшая судорога, и он рухнул, выронив оружие.

Вертолет начал подниматься; Джерри помчался на него.

— Тихо! — кричал он. — Спокойно!

В вертолете могло быть около девяти человек, не считая пилота. Он бросился через люк. Упавший мегафон освободил проем. Сверху вниз на него таращился пилот. Вертолет начал набирать высоту.

Джерри высунул голову из люка. Напуганные женщины — их шляпки напоминали разноцветный крем — выли, обращаясь к нему:

— Мы на мели! Нам не выбраться! Мы умрем с голоду! Хулиган! Вернись в свою страну! Помоги!

— Не беспокойтесь, — отозвался Джерри, пока вертолет поднимался. Он поднял мегафон. — Ресторан скоро откроется. Встаньте в очередь. Это поможет вам, если вы будете вести себя нормально! А тем временем...

Джерри швырнул магнитофон на землю, и тот начал наигрывать попурри из самых знаменитых хитов Джорджа Формби, включая «Когда я мою окна», «Свет мой, Фанни» и «Лекарство тетушки Мэгги».

— И не забудьте Старушку Райли, Макса Миллера и Макса Уолла! Это во имя их вы страдаете сегодня!

Когда монотонно гудящий вертолет исчез из вида, женщины забормотали что-то, кривя губы в неодобрительной усмешке, пока Джордж Формби пел о кончике своей маленькой сигары, но все же встали в длинную послушную очередь к ресторану.

И восемь дней спустя они все еще будут стоять там, или сидеть, или лежать, где упали. Сквозь стеклянные стены ресторана у них будет возможность каждый день между тремя и пятью часами видеть, как официантки расставляют на столах маленькие сэндвичи, лепешки и пироги, а несколько позже опять убирают их. И если какая-нибудь леди подаст сигнал официантке, та лишь помашет в ответ, глянет с извиняющейся улыбкой и укажет на сообщение о том, что ресторан закрыт.

Одна пухлая средних лет домохозяйка в пестром костюме с явным неодобрением крепко прижала к животу сумочку. Песни Джорджа Формби, теперь уже скорее грубые, тем не менее все еще были в ходу.

— У меня отвратительное ощущение, — сказало она. — Это безнравственно...

— Не начинайте суматоху, дорогая.

Забыв недавнее огорчение и беззаботно крякая, веселые утки снова ковыляли по лужайке.

4. СПОЙ МНЕ, МИЛАЯ, В НАШЕМ ЗАМКЕ АГОНИИ

— Выбросишь меня у Эрлс-корт, ладно? — сказал Джерри, поглаживая затылок пилота своим пистолетом.

Вертолет сердито сунулся вниз, к плоской крыше заведения «Бир-Э-Гого», недавно построенном на площадке рядом с Биллабонг-Клуб, и завис там с явным нетерпением.

Джерри открыл люк и выпрыгнул, элегантно провалившись через тонкое шиферное покрытие и приземлившись с глухим ударом на заплесневелых мешках с мукой, наполнивших его нос запахом сырости. Крысы бросились врассыпную, но оглянулись, чтобы посмотреть на него из темных местечек. Он со вздохом поднялся, отряхивая костюм и наблюдая через образованное его телом отверстие с острыми краями, как геликоптер исчезал в небе.

Джерри вышел из помещения склада и стоял теперь на площадке лестницы, прислушиваясь к мощным звукам, доносившимся снизу. Переселенцы праздновали неделю под девизом «Помочись на померанца», накачиваясь домашним пивом или «поклевывая лакомые штучки у девочек», как они это называли.

До него доносился их бесконечный смех по поводу шуток, которыми они обменивались друг с другом:

— А вот прекрасная капелька пивка, приятель!

— А я тебе говорю, дятел, что Шила была как пылающий стакан с холодным пивом.

— Смотри, не разлей свое е...ное пиво, молодчина!

Громкое пение тоже посвящалось пиву либо его отсутствию. Они, казалось, были «накачаны» до предела. Джерри осторожно прошел вниз по лестнице и прокрался мимо главной комнаты. На мгновение он оказался ослеплен нарядными костюмами цвета электрик (синие цвета Королевского Креста), но смог все же добраться до парадной двери на Варвик-авеню, заполненную «дормобилями», миниавтобусами «фольксваген» и «лэндроверами», покрытыми изображениями кенгуру, эму и киви и поголовно помеченными «На продажу».

Джерри бросил серебряную иену мальчишке-негру с лицом, перепачканным белой глиной:

— Найдешь такси?

Мальчишка с важным видом удалился за угол и бегом вернулся назад. Следом за ним появилась тощая лошаденка, тащившая «Лаванда-Кэб», из-под тонкого слоя окраски которого проглядывал коричневый налет, а обивка потрескалась и местами порвалась. Огромных размеров молодой человек на кучерском ящике носил длинную бороду и фетровую шляпу; он подал плетью сигнал забираться в двухколесный экипаж, который закачался и заскрипел под Джерри.

Потом хлыст щелкнул над выступавшими костями лошади; бедное животное дернулось вперед, всхрапнуло и с неимоверной скоростью ударилось в галоп по улице. Джерри уцепился за стенки экипажа, который, раскачиваясь из стороны в сторону, мчался через перекресток. Где-то над головой он услышал странное, дикое монотонное мычание и догадался, что это возница пел под перестук копыт лошади. Мелодия походила на «С давних пор», и только некоторое время спустя Джерри понял, что эта песня была в фаворе во время войны 1917 — 1920 годов:

— Мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь,

— пел кучер, —

Потому что мы здесь.
Мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь.
Мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь.
Мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь.
Мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь.
Мы здесь,

Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь.
Мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь,
Потому что мы здесь.

Джерри распахнул люк на крыше и прокричал в поющее, со стеклянными глазами лицо свой адрес. Кучер продолжил мычать, лишь резко дернул поводьями, чтобы кэб повернул, отбросив Джерри назад на сиденье и с глухим стуком захлопывая люк.

— Мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь. Мы здесь, потому что мы здесь. Мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь.

По улочкам западного Лондона, таким безлюдным и прекрасным в мягком, отфильтрованном деревьями солнечном свете, к окруженному высокой стеной Лэдброук-Гроув, когда-то вмещавшему в себя Конвент бедных и честных, — изолированному месту, где царил порядок. Джерри купил его у католической церкви незадолго до реформации. Из-за тяжелых металлических калиток, венчавшихся колючей проволокой, к которой было подведено напряжение, доносились звуки исполняемой Битлс песни «Вернемся в СССР». Джерри вышел из кэба, и прежде, чем он успел заплатить, возница погнал лошадь кнутом в сторону Килбурна, все так же продолжая распевать своим высоким голосом.

— Дорогая Пруденс, не выйдешь ли поиграть, — зазвучало, когда Джерри положил ладонь на плату опознавания, и калитка открылась. Как обычно, он глянул на надпись «Вьетгроув», намалеванную на северной стене Конвента. В течение двух лет она все так же красовалась на стене и продолжала озадачивать Джерри: она не производила впечатление работы обычных малевателей лозунгов.

Пройдя через обсаженный вязами двор к мрачному кирпичному дому, Джерри услышал вымученный крик, шедший из одного из зарешеченных верхних окон, и узнал голос своего последнего подопечного (которого он и пришел захватить с собой на природу) — бывшего председателя Совета искусств Великобритании, весьма известного в начале

сороковых годов своей суровой оппозицией Хэмфри Богарту, а ныне ожидающего последнего сокрушающего преобразования.

Изворотливый клиент, подумал Джерри.

5. ТАЙНА ВОЮЩЕГО ПАССАЖИРА ШИКАРНОГО АВТОМОБИЛЯ

Джерри гнал «фантом-VI трансформируемый» с огромной скоростью. Панель управления машиной, великолепно инкрустированная Джилианом Паркером бриллиантами, рубинами и сапфирами, чутко отзывалась на его прикосновения. Сзади, в его строгом замшевом пиджаке, продолжал верещать очередной случай трансформации.

— О-о помогите мне-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е!

— Это-то мы и пытаемся сделать, старина. Держись.

— А-а-а-а-а-а-а-а-ахх! Что? Что? А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-что-а-а-а-а-а-а-а-а-что-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-ахх! Вам так не уйти, юноша!

— Й-а-а-а-а-а! Вы пожалеете об это-о-о-о-о-о-о-о-о! Что! Что! Что! А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-ах! Й-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-ргх! Й-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-рг! Власти скоро посчитаются с вами, друг мой! О-о-о-о-о-о-о-о-о! Ахх! Йаро-о-о-о-о-о-о-о-о-ох! Гаарр! Э-е-е-е-е-е-е-е-е-е-ек! Да вы знаете, кто я??????

— Ты-то? Мы это и пытаемся установить. Не волнуйся, я добрый малый.

А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а

а-а-а-

том вырвался на дорогу перед серебристым «кадиллаком»; «кадиллак» резко дал газу, а Джерри развернулся и рванул в сторону Лондона с развевающимися на ветру молочно-белыми волосами.

Нежная музыка тысячи скрытых от глаз радиопередающих станций заполняла пригород, неся небесные звуки в пасторальный ландшафт. Такая гармония, удовлетворенно подумал Джерри, ее могли добиться только «Битлз»; какая чудесная комбинация! Из радиопередатчиков американских и русских военно-морских судов, окруживших защитным кольцом Великобританию, та же самая запись синхронно передавалась на все страны. Существовало ли когда-либо ранее такое? — заинтересованно подумал Джерри, сворачивая с боковой дороги на главную многополосную магистраль, вливаясь в мчащийся радужный поток машин.

Над ним, как райские птицы, роились летучие машины: маленькие вертолеты, планеры, кресла с реактивными двигателями, педалепланы, воздушные такси, легкие летательные аппараты всех видов, связанные с уютным отдыхом за городом (а кто не был в этих восхитительных округах жилья?), — и все шли единым потоком к Лондону, разноцветные мерцающие башни которого уже показались в отдалении.

Справедливо ли, задавался вопросом Корнелиус, на мгновение расслабившись, намечать разрушение такой большой части его собственной жизни — счастливой и многокрасочной? Позор, что его миссия в этом мире находится в конфликте с этой частью; однако он человек волевой и собранный, не без определенной моральной щепетильности, и первое место в его лояльности занимала организация. Он прошел полное превращение и не мог позволить себе расслабиться, пока вокруг не окажется еще несколько подобных ему.

Его же приключения только еще начинались.

ОБРАЗЧИК ТКАНИ

Чистый воздух и дешевое электричество — хорошие
причины отпраздновать Ядерную неделю;
вот еще четыре:
Чистый воздух — результат чистой энергии.
Экономическая энергия — да, тоже.
Сосуд для варки яиц на ядерном топливе.
Вдруг наступил тысяча девятьсот восьмидесятый.
Выявление ядерной преступности — пятая причина.
Ядерная неделя для ваших детей —
еще три способа празднования.

Рубрики, Кон Эдисон, Реклама.

1. 50000 ЖЕРТВ СУМАСШЕДШЕГО УБИЙЦЫ — ОЧАРОВАТЕЛЬНОГО ПРИНЦА

Опершись подбородком на сведенные вместе пальцы, Бил лишь какое-то мгновение смотрел на Джерри Корнелиуса, затем, поднявшись, вдруг ринулся через всю комнату на своих длинных ногах, смяв и лишив формы шерстяной сюртук — модель Бертона для последней осени.

Комната была длинная, уставленная вдоль стен книгами, а потолок настолько огромен и тяжел, что, казалось, вот-вот с глухим стуком рухнет. Корнелиус глянул вверх и устало устроился во вращающемся кресле, зная, что если потолку суждено упасть, то даже у него не будет никаких шансов выжить.

— Какую книгу? У нас их пятьдесят тысяч, — потребовалось время, чтобы шипящий выговор Била достиг ушей Джерри.

— Имена, — пробормотал Джерри, готовый скользнуть рукой к вибропистолету, если того потребуют обстоятельства.

— Ах, этот Лондон, город болезненного тумана! — прошипел Бил. — Имена, мистер Корнелиус, да; секретные имена. Так вы говорите, он назвал «С»?

— Соответствует Охарне.

— И больше ничего?

— Что-то в коде относительно мюнхенского душителя мышей, как мне сказали. Но то могла быть и отсылка к анаграмме Мефистофеля.

— Улавливаю, мистер Асерински, г-хм, — ответил Бил, словно откликаясь на вопрос, и закашлялся.

— Не в моей книге, вообще-то. Это ноль-ноль-пять и — живо сматываемся.

— Неиспользуемое — бесполезное... — начал Бил, озадаченный настолько, насколько мог быть озадачен.

Посещение библиотеки было лишь уловкой со стороны Джерри, но он все еще не мог двинуться, не мог быть уверенным, что потолок не упадет; да и стулу он не доверял.

Джерри поднялся. Бил, задыхаясь, поспешно потянулся за книгой.

Джерри знал: сейчас или никогда.

Он вытащил из шелковой кобуры вибропистолет с хромированными накладками и направил его на Била; тот упал на колени и задрожал.

Когда Била разнесло на куски, Джерри сунул нагревшееся оружие на место, перешагнул через труп, проверил двери и множество окон и принялся за работу, стаскивая книги с полок, пока самая последняя из них не оказалась на полу. Пробравшись через всю эту мешанину, он поднял том, валявшийся у самого края общей кучи, и раскрыл его; как он и ожидал, том содержал шестимесячную подборку цветного приложения к «Санди таймс». Для начала этого было достаточно.

Он извлек из кармана спички и пузырек с жидкостью для зажигалок, побрызгал жидкостью книгу и поджег ее. Остатком жидкости он обрызгал края книжного вороха.

Кто-то шел в библиотеку.

Корнелиус подбежал к двери и задвинул щеколды; потом, спотыкаясь, побежал к дверям на другом конце галереи и запер на щеколды эти двери тоже. Огонь начинал брать свое. Становилось тепло. Он достал вибропистолет и ударил в огромное центральное окно порцией ультразвука, так, что

оно вдруг разлетелось на куски, и высунулся в проем, всматриваясь в покрытую туманом улицу. Повиснув на выступе стены, Джерри начал спускаться по водосточной трубе, сильно расцарапав правую ладонь, и опустился на землю там, где его «фантом-VI» с включенным двигателем ждал хозяина.

Через две-три улицы он на минуту остановился и бросил взгляд назад и вверх, где была видна белая глыба здания библиотеки, охваченная оранжевыми языками пламени и мощным столбом черного дыма, который, клубясь, поднимался из разбитого Корнелиусом окна.

Саботаж был для Джерри Корнелиуса лишь побочным занятием, тем не менее он гордился своими успехами в нем.

— Чего ты добиваешься, — как-то спросила у него одна девушка, поглаживая его живот. — И чего ты добьешься, разрушив эту странную библиотеку? Их ведь еще так много. Ну, сколько может сделать один человек?

— Столько, сколько он может, — ответил тогда Корнелиус, накатываясь на нее.

Джерри глянул на огромные, с зелеными цифрами часы на левой руке: четырнадцать — сорок одна.

Он пришпорил «фантом-VI», направляясь из города, лишь изменяя фарами цвет тумана, но не пронзая его. Мышцы его вздулись под шелком, когда он поднял черную, как смоль, руку, чтобы привести в порядок белые волосы над черным лбом. Ему пришлось резко вывернуть руль, чтобы не врезаться в тыл автобусу; он просигналил, проскакивая мимо него в туман, кончиками пальцев придерживая руль. Впереди лежал открытый для движения Башенный мост; он проскочил и его, объехал вокруг «Элефанта» и «Собора» и увеличил скорость до восьмидесяти миль в час, проезжая по мосту Ватерлоо, где туман был слабее, и перед ним открылся Уэст-Энд, большие расцвеченные башни которого считались отличительной чертой столицы.

— О, психоделия*! — прошептал он.

Ему нужно было быть на Греческой улице через пять минут. Теперь для него это представляло достаточно простую задачу.

---

* Психоделия — ощущение мира через наркотический транс. Перев.

Он должен был встретиться со Спиро Коутрубуссисом — основным связным с организацией.

Коутрубуссис — один из нескольких симпатичных молодых греческих миллионеров, которые входили в состав организации, — был темноволосым, стройным, родом из Петраи, теперь — беженец, натурализованный израильский подданный, что лишний раз свидетельствовало о том, насколько дальновиден он был.

Оставив монотонно гудящий «фантом» на улице около Меркьюри-Клуба — любимого места встреч Коутрубуссиса, Джерри зашагал по посеребренному туманом тротуару и вошел в теплый, освещенный неоновым светом клуб, где его с некоторым энтузиазмом приветствовал швейцар, с благодарностью принявший двадцать долларов чаевых.

Корнелиус проигнорировал часть клуба, отведенную под ужин, где люди сидели на красных плюшевых сиденьях и наслаждались с позолоченных тарелок самой изысканной французской кухней.

Он поднялся по лестнице, шагая через ступеньку, и налетел на Коутрубуссиса, уже ожидавшего его. Тот потер щеку и быстро провел глазами от правой ноги Джерри к левой и обратно.

— Я вижу все те же старые ботинки, — язвительно проговорил он и повернулся, увлекая Корнелиуса в частную комнату, которую он постоянно снимал.

2. БЫВШАЯ БАНКОВСКАЯ СЛУЖАЩАЯ — ДЕВУШКА-РАБЫНЯ В ЧАСТНОМ ДВОРЦЕ ГРЕХА

— Как вам удалось пробиться в такое время? — спросил Коутрубуссис, устраиваясь в кожаном кресле у огня, пока покрытая блестками девушка наливала им «перно» из мерцающего графина, который держала на бедре.

Джерри погладил бокал.

— Они думали, что я — приезжий диск-жокей из Франции. Это довольно долго неплохо срабатывало.

Сил стратегической авиации недоставало, и, к ее удо-

вольствию, страна была блокирована радиосудами. Джерри опрокинул в себя напиток желтого цвета и протянул бокал. Девушка пришла в организацию, подверглась в ней преобразованию и была этим счастлива; она сладко улыбнулась Корнелиусу, наполняя протянутый бокал. Когда-то она была клерком в банке, носила зеленый рабочий халат и считала деньги. Ее место заняла другая новообращенная, ранее бывшая хозяйкой гостиницы, что сразу за углом. Организация в целом была очень разборчивой.

Из кресла ревнивым взглядом в сторону Корнелиуса сверкнули глаза Коутрубуссиса. Бедный малый жертвовал собой ради других, но не мог не обижаться на них время от времени.

— Ах, — только и произнес он.

— Пришла ли в организацию французская поставка? — поинтересовался Корнелиус. — Тридцать два: пятнадцать мужчин, семнадцать женщин.

— О, да. И в добрый час, — с таинственным выражением в мягких глазах ответил Коутрубуссис.

— Это важно, — пробормотал Корнелиус. — Я рад. Вам предстояло осесть здесь.

— Все устроено. Шестьдесят четыре тысячи фунтов в твердой валюте на нашем лондонском счету на имя Асерински. Да и стоит того.

Джерри работал на строгой комиссионной основе. Она гарантировала ему автономию и вошла составной частью в оригинал контракта, когда он передал грекам административные функции.

— Они уже обработаны?

— Немногие. Я думаю, партия должна быть успешной.

Джерри протянул свой бокал за новой порцией напитка; «перно» — единственный вид спиртного, который действительно нравился Корнелиусу, и в этом он был, словно ребенок.

— Однако у нас проблемы, — добавил между тем К. — Оппозиция...

— Это не...

— Необычно, я знаю. Но в данном случае оппозиция, кажется, догадывается о наших намерениях. То есть, я хочу сказать, они понимают, что мы делаем.

— Намеки?

— Возможно. Однако это... это неважно.

— Нет.

— Эта группа, — продолжал Коутрубуссис, — международная, со штаб-квартирой в Америке...

— А где еще? Официально?

— Не знаю. Возможно. Сложности...

— Им сложно работать, нам, естественно, добраться до них. Но вы?..

— Нам не хотелось, чтобы вы отправлялись туда.

Джерри откинулся на спинку стула; он бросил опасливый взгляд на мерцавший совсем рядом, за решеткой огонь, но тот ничем особенным не грозил. Джерри расслабился.

— На этом этапе нам, кажется, доставляет серьезное беспокойство немецкое землячество, — Коутрубуссис чистил ногти зубочисткой. — Нам известна одна из них — женщина. Она — хирург-стоматолог, проживает в Кельне. Она уже провела обратное преобразование полудюжины наших людей в Германии.

— Включила их и опять выключила?

— Точно. Обычный метод. Только гораздо искуснее.

— Значит, она хорошо изучила наш процесс.

— По-видимому, до последних мелочей. Некоторые русские источники, я полагаю — утечка. Может быть, сам Патриарх, а?

— Ты хочешь, чтоб я убил ее?

— Как вы сработаете, это ваше дело. — Коутрубуссис прижал палец к губам.

Черное лицо Джерри блестело в отсветах камина. Он нахмурился:

— Я полагаю, лучше бы нам предпочесть преобразование.

— Всегда пожалуйста. Только, если ты не в состоянии сохранить душу, избавься от нее.

Коутрубуссис глупо и самодовольно ухмыльнулся (хотя обычно он вовсе не одобрял себя).

— У организации нет единого мнения по этому вопросу, — Джерри выставил указательный палец. — Раскаяться или погибнуть.

— Пожалуй.

— Хорошо, я подумаю, что могу сделать, — Джерри погладил бедра девушки. — А я отправляюсь в Кельн, да?

— А что, это идея, — без особой уверенности произнес Коутрубуссис. — Чтобы иметь полное представление о деле, но вам нет нужды что-либо там предпринимать. Она приезжает в Великобританию, мы накоротке собираемся, чтобы организовать британский филиал.

Недовольный несколько пуританским подходом грека (естественным, полагал он, для человека, столь от много отказавшегося), Джерри выпил еще бокал «перно», ощущая небольшую легкость в голове. Аромат жидкости остался на его нёбе. Если он собирался еще насладиться ужином, сейчас ему лучше всего было остановиться.

— Принеси мне стакан воды со льдом, дорогая, хорошо? — он похлопал девушку по бедру. — Это будет самый подходящий момент для удара, — предположил Корнелиус. — Не на ее территории, а на нашей.

Джерри протянул руку к стакану с водой и неспеша выпил.

— Как ее зовут?

— Имя?

— Какое она называла?

— Имя.

Коутрубуссис резко, спазматически дернул правой рукой; он тяжело дышал.

— Доктор... — начал он. — Карен... Карен...

Джерри дотянулся до девушки и привлек ее к себе.

Они крепко поцеловались, и сняв одежды, улеглись на пол и со жгучей и торопливой страстью предались любви.

— ... фон...

Вскрикивая и трепеща, они соединились.

— ... Крупп.

— Что это было, снова? — спросил Джерри, приводя в порядок брюки.

— Доктор Карен фон Крупп. Имя достаточно внушительное, чтобы запомнить.

— Схвачено.

Джерри ощущал только жалость. Для некоторых людей бессмертия было явно недостаточно.

— Ее адрес в Кельне?

— Она живет под Кельном. Небольшой городок к западу, Нибельбург. Поищите там старую готическую каменную башню. Где-то там ее хирургический кабинет.

— Значит, я отправляюсь к ней и прошу проверить мои зубы, — Джерри постучал ногтем по своим белоснежным резцам.

— Она заподозрит, кто вы на самом деле.

— И попробует разложить меня?

— Сделайте так, чтобы она не смогла, — нервно проговорил Коутрубуссис. — Только не вас, Корнелиус. Мы не можем допустить этого.

Джерри улыбнулся. Он продумывал линию поведения как раз перед тем, как раздался стук в дверь, и официант втолкнул в комнату тележку с закусками.

3. АМЕРИКАНСКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ СУДА ОКАЗАЛИСЬ ПИРАТАМИ!

Коутрубуссис предложил Джерри свой план поездки, но как добраться от Дувра до Остенде — было его собственным делом. Более двадцати миль по морю, да три мили за морем относились к зоне, плотно контролируемой хорошо вооруженными «пиратскими» радиосудами США.

«Фантом-VI» Корнелиуса — яркая точка розовой мощи на белой сверкающей дороге — с рокотом мчался сквозь чистый солнечный свет осеннего вечера, устремляясь к Дувру.

Джерри, одетый в пальто из кожи панды и белый шелковый тюрбан, к которому была приколота украшенная драгоценными камнями пряжка, поддерживавшая пучок павлиньих перьев, удобно растянулся на своем сиденье. Он специально оделся так, чтобы вернее обмануть досужего наблюдателя, и надеялся, что и Карен фон Крупп не сразу распознает в нем того, кем он был на самом деле.

Джерри увидел впереди яркие обломки серебряного моста, некогда соединявшего английский берег с французским и обрушившегося в сплетении пестрых тросов вскоре после того, как был построен. Над ним кружил металлический орникоптер.

Вот он увидел впереди море — маленькие синие волны, поблескивающие на солнце, и дорога начала спускаться к

воде. Джерри постепенно снижал скорость, переключая управление в своем трансформируемом автомобиле, пока — как раз когда дорога скользнула прямо в море — «фантом-VI» не стал быстроходным катером.

Грациозно, не снижая скорости, «фантом-VI» врезался в воду, и вскоре уже стали видны контуры кольца кораблей. Джерри потянулся к другим рычагам.

Для него это была первая возможность испробовать новые возможности автомобиля, за который он заплатил сто пятьдесят тысяч марок.

Послышался мягкий, бормочущий звук, и машина стала погружаться в океан; она могла погружаться всего на несколько футов и покрывать под водой лишь небольшие расстояния, но, возможно, этого будет вполне достаточно, чтобы позволить ему проскочить.

Теперь его скорость значительно снизилась. Сквозь мутную воду он всматривался вверх, и вскоре увидел впереди кили радиосудов. Их сонары должны были обнаружить его, тогда они сразу же станут сбрасывать глубинные бомбы, но, если повезет, они взорвутся глубоко под ним, да и выяснить с какой-либо достаточной точностью местонахождение такого маленького корабля, как его, будет для них трудной задачей.

У них был пунктик.

Он увидел, как первая бомба плюхнулась в воду справа от него и пошла на дно океана.

Потом рядом с первой упала вторая и еще одна — слева, потом — сзади.

Он следил за тем, как они погружались.

Друг за другом поднялись взрывные волны, угрожая вытолкнуть его на поверхность — прямо под орудия янки.

Машина рокотала. Ее курс преградила следующая серия ударных волн. Джерри прочно удерживал управление штурвалом, заставляя машину плыть между волнами, пережидая, пока они улягутся, прежде, чем двигаться вперед под килями кораблей и между ними.

Еще несколько бомб упали в воду и пошли вниз.

Одна из синих стальных канистр чиркнула о борт автомобиля, и он резко свернул в сторону, а она взорвалась уже под ним, задев тыл машины и едва не перевернув ее.

Джерри бросило вперед, на штурвал. Взорвалась еще од-

на бомба. Вода потеряла прозрачность. Его терпение кончилось. Автомобиль винтом уходил на опасную глубину; Джерри удалось включить внутреннее освещение и выровнять управление, когда машина уже начала было кувыркаться.

Сверившись с приборами, Джерри рассудил, что он вне досягаемости, и начал подниматься.

Лимузин величественно продолжал путешествие по поверхности, пробиваясь сквозь волны. Оглянувшись, Джерри увидел позади суда.

Несколько орудий выплюнули из своих жерл облачка черного дыма, до Джерри донесся рокот их выстрелов, и он увидел, как снаряды врезались в море и разорвались по обе стороны от него, покрыв водяными брызгами тент автомобиля и сразу лишив его видимости.

Он улыбнулся: прежде, чем они достанут его, он будет за горизонтом.

Да, пока радиосуда не догадаются опустить противолодочные сети, автомобилем можно будет пользоваться.

Скользя, как дельфин, в теплой воде, машина вскоре оказалась в пределах прямой видимости от Остенде и его бетонной магистрали. Машина, управляемая Корнелиусом, мягко въехала на дорогу, приняла прежний вид и покатилась по шоссе к Брюсселю, так ни на мгновение и не остановившись.

Джерри купил газету в придорожном киоске, прочел, что Израиль аннексировал Болгарию и что еще одна сотня тысяч американских военных советников прилетела в европейскую штаб-квартиру в Бонн.

Между тем солнце клонилось к закату.

Операция прорыва через блокаду радиосудов несколько утомила Джерри, и он решил провести ночь в получившем одобрение организации отеле в Брюсселе.

Вскоре впереди показался и сам Брюссель, одетый в красное барокко и золото предзакатных лучей, — сладкий город ностальгии.

АНАЛИЗ КРОВИ

При скорости движения, превышающей скорость звука в три раза, обычно покрышки начинают плавиться.

Реклама фирмы «Гудрих»

1. ВЫДАЮЩИЙ СЕКРЕТЫ ПРОПОВЕДНИК ОКАЗАЛСЯ ПОДГЛЯДЫВАЮЩИМ ТОМОМ*

Пастор Бисли сунул палочку турецких сладостей в свой огромный слюнявый рот, улыбнулся, пережевывая мягкий шоколад и желе, и развернул следующую. Съел и ее, облизал губы и поднял авторучку.

В комнате для отдыха «Золотого планетария» — одной из лучших гостиниц Брюсселя — он отшлифовывал статью, подготовленную для газеты. Называлась она так: «Героин: средство от рака?» и должна была появиться в следующее воскресенье. Вот уже несколько лет он писал статьи для «Санди мессенджер»**. До роспуска клира*** он формировал регулярную рубрику «С моей кафедры», а потом, когда «Мессенджер» был вынужден сменить политику, чтобы соответствовать новым веяниям, он тоже сменил название колонки — «С моей точки зрения». Журналистика, однако, не приносила достаточных доходов и была лишь полезным побочным занятием.

Со своего места пастор Бисли мог видеть главный вход в гостиницу, и он вскинул глаза, когда стеклянные двери распахнулись. В них входил мужчина с легким саквояжем, одетый в черно-белое меховое пальто. Человек этот, судя по

---

* Чрезмерно любопытный человек (англ. пословица). Перев.
** «Воскресный курьер». Пер
*** Клир — духовенство. Ред.

внешности, был индийцем, так как кожа его была черной, на нем был сложный тюрбан и, по мнению пастора, довольно вульгарный шелковый костюм. Мужчина прошел к столу регистрации и заговорил с клерком, который протянул ему ключ.

Пастор сунул развернутую пастилку турецких сладостей в рот и продолжил работу.

Ему не потребовалось много времени, чтобы завершить статью, вложить ее в конверт, надписать адрес и поставить печать; он прошел к почтовому ящику в гостинице и бросил туда конверт.

Потом взглянул на часы, висевшие над столом регистрации, понял, что вот-вот подадут десерт, и отправился через фойе в столовую. Помещение столовой было заполнено наполовину. Две-три семейные группы сидели у стены, несколько бизнесменов с женами или секретаршами — за другими столиками, а в самом дальнем конце зала сидел индиец, который, видимо, выбрал фазана — фирменное блюдо отеля.

Пастору Бисли была ненавистна даже мысль о мясе. Собственно говоря, он ненавидел и мысль об овощах; лишь сладкие апельсины не входили ни в одну из этих групп, и именно ради них он пришел в «Золотой планетарий».

С большим достоинством он опустил свои мощные телеса на хорошо набитое сиденье стула и сложил бледные руки на столе.

Заказывать что-либо не было необходимости.

Очень скоро появился официант с первым из шести очищенных апельсинов, которые пастору предстояло сегодня съесть, что он обычно с успехом проделывал ежевечерне, бывая в Брюсселе.

Пастор взял вилку и ложку, склонил свой нос над десертом, и очи его увлажнились от вожделения.

Но, даже будучи поглощен десертом, пастор не мог не заметить индийца, когда тот прошел мимо его стола. Он шагал так упруго, распространяя вокруг такое ощущение физической силы, что пастор вдруг засомневался, тот ли он, за кого себя выдает.

Хотя он прервал трапезу лишь на долю секунды, ее оказалось достаточно, чтобы пастор с возросшим аппетитом вернулся к четвертому апельсину.

Поднявшись из-за стола, он решил отойти ко сну пораньше — его ожидало напряженное утро.

Джерри Корнелиус снял свой тюрбан и бросил его на стул рядом с кроватью. Девушка, казалось, была слегка удивлена цветом его волос; ее полные губы немного раскрылись, и она повела телом на постели.

Как большой черный боа-констриктор, он выскользнул из своих шелков и медленно подошел к ней, взял ее за плечи своими сильными руками и привлек к себе так, что ее розовые груди прижались к его темной груди; она глубоко вздохнула, прежде чем его губы коснулись розовой нежности ее рта, его язык погладил ее язычок, и любовь закипела в их телах, приподнимаясь-поднимаясь-поднимаясь с новой силой и побеждая, наконец, с нежнейшими григорианскими песнопениями; темп возрос, плоть прижалась к плоти, уста — к устам, руки двигались, тела плавились, зубы кусались, звуки голосов, выкрикивающих что-то, могли, казалось, разбудить мертвых.

Он лежал рядом с ней, чувствуя запах ее тела и стараясь дышать не очень тяжело, чтобы запах этот держался в его ноздрях по возможности подольше. Он обнял ее за плечи, она уютно прижалась к нему; ее длинные, тонкие темно-каштановые волосы коснулись его кожи. Некоторое время они лежали тихо, потом он достал свои сигареты и прикурил себе и ей.

Он не ожидал встретить другую организацию, функционирующую в «Золотом планетарии»: Коутрубуссис ничего о ней не говорил. Но Полли Фесс узнала его в коридоре около номера, хотя он и не знал ее.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он ее.

— Ищу тебя, — пока могла, она использовала свои возможности.

Тогда он повторил вопрос.

— Я как раз доставила груз, — ответила она ему. — По пути обратно в Англию. Рискованная была работа — со всякими опасностями. А ты что — ищешь здесь потенциальных членов?

— Нет.

— Ага, — понимающе проговорила она.

Джерри скользнул ладонью по ее бедрам и вверх по торсу и правой груди, поглаживая сосок, пока он не затвердел;

он положил сигарету в пепельницу около кровати, вынул сигарету из ее пальцев и положил ее тоже.

Ее великолепные зубки нежно ущипнули его за язык, когда они поцеловались. К несчастью, они не выключили свет. Пастор Бисли нахмурился, таращась в дырочку для подсматривания, проделанную из его комнаты.

Он узнал Корнелиуса.

2. ОПАСНОСТЬ! БЕСПЛАТНЫЕ ПОПУТЧИКИ РАЗЫГРЫВАЮТ ИЗ СЕБЯ ЖУРНАЛИСТОВ

Когда на следующее утро Корнелиус покидал гостиницу, его окликнули с угла улицы. Повернувшись в ту сторону, он увидел толстую фигуру в гамашах и пасторском сюртуке. Человек размахивал атташе-кейсом и ковылял с подвижностью, на которую только был способен.

— Один момент, сэр! Один момент вашего времени! — Слова прерывались тяжелым дыханием и произносились голосом, напоминавшим бульканье нечистот в подземелье.

Корнелиус остановился у «фантома-VI».

— Да, — отозвался он. — На момент, ладно?

Его интересовало, не связной ли это от организации, о котором его просто никто не предупредил.

Священник, тяжело дыша, наконец добрался до него, прислонился к машине, торопливо извлек из кармана бумагу, в которую было завернуто что-то, похожее на шоколадный крем, и набил им рот. Процедура, казалось, способствовала его выздоровлению.

— Бирмингем, — произнес он.

— Действительно, — откликнулся Корнелиус.

— Бисли... из Бирмингема. Мы встречались там в позапрошлую Пасху.

— Я стараюсь не ездить в Бирмингем, если только могу, — привередливо возразил Джерри. — Я не был там четыре года.

— Мистер Асерински, — приняв осуждающий вид, проговорил пастор Бисли. — Мистер Асерински! Да ну же! Бирмингем, позапрошлая Пасха.

— Позапрошлая, позапрошлая... — Джерри сложил губы трубочкой. — Позапрошлая...

— Ага! — улыбнулся Бисли и постучал себя пальцем по лбу. — Ага! Воскресите вашу память.

— Определенно нет!

— Что, разве нельзя вспомнить, где человек был в какой-то определенный момент? Или, если можно так выразиться, кто был, хм? Ха-ха!

Корнелиус сконцентрировал внимание, готовый в доли секунды вытащить из кобуры вибропистолет. Но Бисли наклонился вперед с понимающей улыбкой:

— Доверьтесь мне, мистер Асерински. У нас — и у вас и у меня — много общего.

— Вы, вообще... — проговорил Корнелиус, — ... из организации?

— К несчастью, нет. Но я понимаю цели. И одобряю их, мистер Асерински.

— Я сейчас уезжаю, — Джерри положил руку на рукоятку пистолета.

— Я хотел попросить вас об одном одолжении.

По другой стороне улицы прошел одноэтажный желтый трамвай. Корнелиус краем глаза проследил за ним.

— Что это было?

— Я думаю, вы направляетесь в Германию. Вы проедете через Аахен?

— Это должен бы говорить я, — Джерри чуть расслабился, увидев, как трамвай повернул за угол.

— Может быть, вы захватите меня? Я всего лишь бедный журналист, поездки же на поезде так дороги, а вы — я уверен — понимаете меня.

— Журналист?

— Служитель церкви. К сожалению, эта профессия в наши дни отмерла. Прогресс, мистер Асерински, ограничил симпатии к избыточным... Я имею в виду... — пастор сунул руку в карман пальто и, достав плитку шоколада, сунул ее в рот. — Осталось еще совсем немного того, к чему я был приучен. Я торговал порученной мне миссией утешения. И я все еще стремлюсь к этому, если только могу.

Джерри наблюдал, как тонкая струйка шоколада вытекла изо рта пастора Бисли. Она была похожа на кровь.

— Я не верю вам, — сказал он.

— Простите мне некоторую долю жалости к себе, — пастор развел руками и в отчаянии передернул плечами. — Однако моя внешность, без сомнения, мешает вам. Но что я могу поделать? Моя одежда — это все, что я имею. Мое бедное, такое крупное тело: виноваты гланды. Однако крайняя необходимость вынуждает меня обращаться с просьбой, ведь я заработаю немного денег, которые поддержат меня в течение недели-двух. Да еще надо учитывать чуму. Здесь видели крыс. Вы мистер Асерински, хорошо одеты, приятны на вид, да и богаты тоже *...

— Слишком богат*. — Джерри открыл дверь и бросил свои пожитки на заднее сиденье автомобиля.

Сам он скользнул на сиденье водителя, захлопнул дверь и запустил двигатель.

Вскоре он уже ехал из Брюсселя по дороге на Аахен.

Недалеко позади него за рулем серебристого «кадиллака» показался пастор Билли, его лицо выражало оскорбленное достоинство вперемешку с яростью, а челюсти ритмично двигались, и время от времени он дотрагивался до них рукой. Рядом с ним на сиденье лежал большой бумажный пакет, наполненный молочными конфетами с грецкими орехами.

Пастор Бисли всегда в критические моменты обращался к ореховым ирискам.

---

* Игра слов: ... rich too — богаты тоже, too rich — слишком богат. Перев.

АНАЛИЗ

La librete ne sera recouvres,
L'occupera noir, fier, vilain, unique,
Quand la matiere du pont sera ouvree,
D'Hister, Venise fasche la republique. (5.29)

В своей книге «Предсказания Нострадамуса о мировых событиях» (Liveright Publications Inc., 1961) Стефен Робб сообщает нам, что Хистер — старое имя Данубы. Однако течение столетий, говорит он, привело нас к нынешнему моменту. Он полагает, что именно ясное слово и следует применять пророку, а так как оно означало Данубу, одновременно служило и анаграммой Гитлера. Мистер Робб сообщает, что в шестнадцатом веке анаграммы были так же популярны, как кроссворды — сегодня. Хистер, следовательно, при изменении всего одной буквы, дает нам Гитлера. Мистер Робб утверждает, что изменение одной буквы при написании анаграммы вполне допустимо (см. Словарь де Трево). Какое же другое слово, спрашивает мистер Робб, может послужить лучше, чем «Хистер», для определения как обоих имен, так и места происхождения наглого, черного, чудовищного человека низкого рождения, которому предстояло «оккупировать свободу»?

1. БЕЛОКУРАЯ ХОЗЯЙКА БАШНИ ТЕРРОРА В НИБЕЛЬБУРГЕ!

Джерри проехал через Аахен, слушая Симфонию Турангалила в исполнении Оливера Мессиена в наушниках плейера. Он самокритично нахмурился, когда началась седьмая часть. Исполнение «Ондес Марменот» оказалось ужасаю-

щим. Джерри едва заметил F-111A, клюнувший носом в соседнее поле, и только вид пламени заставил его остановить машину, чтобы проследить, как на трех вертолетах «Шони»* появились морские пехотинцы США с автоматическим оружием и окружили обломки. Один из них ткнул пальцем вдаль, приказывая Джерри продолжать движение по дороге. В ответ он махнул рукой, развернулся и продолжил движение к Нибельбургу — с парой часов пути впереди и с ощущением «кадиллака» на хвосте. Пастор не предпринимал никаких усилий, чтобы скрыть от Джерри факт преследования.

Корнелиус подождал, пока моряки скрылись из виду, а затем решил срезать пастора Бисли.

Подчиняясь касанию клавиши, «фантом-VI» выпустил короткие крылья и хвостовое оперение, завелся оживший турбовинтовой двигатель, и машина на большой скорости оторвалась от почти опустевшего автобана. Она описала кольцо вокруг разочарованного пастора, а потом резко взмыла в тихое, безоблачное небо осеннего вечера.

Несколько позже Джерри снизился, увидев впечатляющие колокольни Кельнского кафедрального собора. Он сверился с картой и начал спускаться к дороге, которая должна была привести его в Нибельбург. На западе — казалось ему — он мог видеть высокие каменные башни, где доктор Карен фон Крупп жила, работала и намечала разрушение организации и все, что для этого требовалось.

Автомобиль коснулся магистрали; его крылья и хвостовое оперение убрались, и он побежал по бетонной дороге, пока Джерри не увидел знак, указывающий, что он въезжал в Нибельбург.

Город представлял собой небольшую группу двух-трехэтажных домов и магазинов из серого и красного кирпича, с небольшой железнодорожной станцией, большим полицейским участком с крупным собранием мотоциклов, припаркованных около него, и церковью, которая недавно была преобразована в танцзал.

Над вершинами вязов и тополей, очерчивающих поля за Нибельбургом, Корнелиус выделил башню, которую заме-

* Шони — название племени североамериканских индейцев. Перев.

тил еще с воздуха. Он снизил скорость, начал напевать «Шан д'Амур» из недавно звучавшей симфонии и сверился с системой навигации. К башне, что стояла примерно в полумиле от Нибельбурга, вела незаконченная дорога.

Перед тем как съехать с дороги он остановился и сконцентрировал все внимание на своих зубах, пока не ощутил довольно сильную боль в одном из левых коренных зубов. Чувствуя себя несчастным, он снова запустил двигатель, свернул на дорогу, не обращая внимания на знак, предупреждавший о черных крысах, и, проковыляв с четверть мили, остановился у семидесятифутовой башни с готическим подъездом, такими же окнами и — высоко над ними — зубчатой стеной. Камень, который, по-видимому, относился к раннему готическому периоду, был чрезвычайно чист — ни единого пятнышка. Время оставило на нем свои отметины, он был изношен, особенно вокруг нижней части стены, но, несмотря на это, он был выскоблен и производил впечатление заботливо ухоженного зуба. Корнелиус подумал, что если бы он взобрался на зубчатую стену, то, наверное, обнаружил бы, что камни заполнены амальгамой или даже золотом.

Джерри припарковал машину плотно у стены башни, где уже стоял спортивный «фольксваген», который, как он понял, принадлежал доктору.

Он пошел по усыпанной гравием дорожке и, подняв тяжелый дверной молоток, отпустил его; тот глухо стукнул в дверь, и звук утонул где-то в глубине башни.

Почти тотчас же дверь открыла прекрасная белокурая девушка лет около шестнадцати. У нее были голубые глаза, величина которых подчеркивалась умело нанесенным макияжем. Большие пухлые губы раскрылись в улыбке. Волосы, длинные и прямые, закрывали спину и плечи короткого платья, сшитого из роскошной белой парчи. Платье дополнялось блестящими колготками и бабушкиными туфлями. Руки были почти полностью обнажены, и кожа ее, цвета первых теплых лучей весеннего рассвета, была мягкой и нежной, как шелк костюма Джерри.

— Ja*?.. — вопросительно произнесла она по-немецки, и порочность мгновенно появилась в ее глазах.

— Вы говорите по-английски? — лениво спросил Джерри и уточнил: — На южном английском?

— Ja, конечно, — она обвела его фигуру медленным взглядом, с некоторым пробуждающимся удивлением, словно ее не с самого начала поразили его черная кожа и тюрбан.

Интересно, каково было ее первое впечатление, подумал Джерри.

Корнелиус поднес руку к щеке.

— Я ехал по Нибельбургу, — сообщил он девушке, — и меня пронзила зубная боль. Я справился в полицейском участке, и мне там сказали, что зубного врача я найду здесь.

— И даже больше, — загадочно произнесла девушка, отступая в сторону, чтобы дать ему возможность войти, и делая неопределенный жест кочергой, которую она держала в левой руке.

Когда он уже стоял в отделанном полированным дубом холле, она с треском закрыла дверь, сунула кочергу в стойку для зонтиков и сложила руки под грудью, глядя в пол.

— Вы хотите видеть доктора Крупп? — растягивая слова, спросила она.

— Думаю, именно это имя мне называли.

Девушка вскинула красивые брови:

— А как зовут вас?

— Майкл, — ответил он. — Я называю себя Майком.

— Сюда, — она пошла по холлу, остановилась у каменной с дубовым парапетом лестницы, подождав, пока он нагонит ее, и начала подниматься.

На четвертой площадке девушка остановилась и тихо постучала в единственную дверь. Из-за двери откликнулись, но слов Джерри не разобрал. Девушка повернула ручку, и они вошли в хирургический кабинет с высоким потолком, большим окном с дорогим витражным стеклом — пасторальная декорация из шестнадцатого столетия. Стекло было изысканное, и Джерри несколько секунд рассматривал

---

* Да.

его, пока не заметил роскошное зубное кресло, хромированный стенд с инструментом и самого врача у стола в углу, просматривающего стопку каталожных карточек.

— Герр Майкл, фон Крупп, — мягко произнесла девушка. — Зубная боль.

— Асерински, — представился Джерри.

Доктор фон Крупп снисходительно улыбнулась и заговорила на немецком.

— Тебе надо выйти, любовь моя.

Девушка глянула на Джерри и вышла из кабинета.

Доктору Карен фон Крупп было около тридцати, она была одета в жесткую черно-белую шотландскую накидку, черные сетчатые чулки и пурпурные ботинки «чарли». Волосы ее были сочного темно-красного цвета, очень густыми и волнистыми и доходили ей до плеч. Привлекательное интеллигентное лицо с выступающими скулами выдавало сильную натуру. Губная помада подобрана почти в тон ботинкам, тонко очерченные карандашом брови гармонировали с волосами. Она откинула накидку, стало видно платье из гофрированного шифона, преимущественно бутылочно-зеленого цвета, оканчивавшееся каймой на шесть дюймов выше колен, и красивые длинные ноги. У нее ужасающий, но великолепный вкус, подумал Джерри.

— Герр Майкл Асерински? — улыбнувшись, спросила женщина.

— Да, — он любовался ее фигурой. — Зубная боль.

— Да, да. — Она отвернулась и принялась складывать карточки в ящик на столе.

Джерри снял пальто.

— Пожалуйста, проходите и садитесь в кресло.

— Так, — Джерри задумался, зачем он здесь.

— И снимите вашу... шляпу, — твердо произнесла она и рассмеялась.

— Нет, — возразил он.

— Но вы должны, — она оглянулась через плечо, уверенно посмотрела на него и снова улыбнулась. — В противном случае, знаете ли, я не смогу взяться за вас должным образом.

— Мои политические убеждения...

— Они у вас есть?

— Избавьте меня, доктор, от необходимости снимать мой тюрбан в присутствии женщины. Я не понял...

— Ах, — она опустила крышку ящика, — так, — и стала застегивать накидку. — Однако, герр Асерински, вам придется решать: или вы будете чувствовать себя здоровым в этом мире, или страдать момент-другой где-нибудь еще.

Рука Джерри двинулась к вибропистолету, но большим усилием воли он остановил ее.

— Ну, хорошо. Может быть, вы не откажетесь вначале посмотреть зуб и подтвердить, что и по вашему мнению он требует лечения. А потом мы и решим.

— Однако вы заставляете меня терять время, — она пожала плечами. — Ну, да ладно. В кресло, сэр!

Он устало забрался в кресло и откинул голову, так что теперь он смотрел на верхнюю часть витражного окна и секцию сверлильного аппарата.

— Нравится вам мое окно? — Она взяла заостренный стержень с инструментальной тележки. — Откройте, пожалуйста, пошире, — и начала постукивать и скрести по его зубам. — Что вы думаете о кокаине?

Он моргнул.

Шагнув назад, она улыбнулась:

— Черные зубы! Как черный мрамор. Любопытно!

— Вы находите? — Он попытался встать. — Боль прошла. Мне кажется, психосоматическая.

— А вы специалист в этой области, да?

— М-м... — произнес он в ответ.

— Откуда у вас черные зубы? По внешнему виду — крашеные эмалью...

— С такими рожден...

— Я думаю — нет. Перерожден, наверное.

Рука Джерри скользнула в пиджак и обхватила рукоятку вибропистолета.

— Танцы никогда не были более омерзительными, чем в исполнении Келли, да?

— Согласна.

Джерри почувствовал себя плохо. Он решил выпрыгнуть из кресла, но вдруг заметил, как она прекрасна и влюбился в нее.

— Зачем вы сюда приехали? — Она поменяла крючкооб-

разный инструмент на тележке и глянула сверху вниз в его глаза.

Доктор фон Крупп что-то сделала с креслом, и он оказался опрокинут назад еще больше. Его пальцы безжизненно упали с рукоятки пистолета.

Лицо ее приблизилось, губы открылись, обнажая крупные ровные зубы (два из них — золотые) и огромный изгибающийся язык.

Он уже не думал об оружии, его рука выскользнула из кармана, чтобы обхватить ее бедро и почувствовать гребешок подвязки под тонким материалом платья и накидки.

Она властно поцеловала его.

— Ох, — выдохнул он.

Джерри все еще было плохо; он тяжело дышал.

— Ах, — сказал он, когда она отпрянула. — Кому какое дело?

Снаружи послышался неприятный жалобный вой. Вошла белокурая девушка.

— Ракеты, — пояснила она.

Снизу донесся треск.

— Без боеголовок, — поднявшись, проговорил Джерри, доставая свое оружие и обнимая за плечи Карен фон Крупп. — Укладывайтесь, доктор.

Он надел пальто.

— Это что, настоящая панда? — спросила она, пробуя материал пальцами. — Откуда: из Москвы или из Лондона?

Очередная ракета, взвыв, коснулась крыши.

— Ой! — вскрикнула она. — Может быть, мой муж...

— Собирайтесь. Мы отправляемся в Париж.

— Тогда подождите минутку.

2. ПРЕЗИДЕНТЫ СКАНДАЛЯТ НА ПАРАДЕ!

— Время летит, — проговорил Джерри.

— А кто в наше время знает его имя? — мягко улыбнулась Карен фон Крупп, когда стеклянный город отчетливо стал виден впереди.

Касаясь кончиками пальцев левой руки ее коленей, а правой рукой держа руль, Джерри на скорости девяносто шел к Парижу.

— Кое-что, — ответил он, — касается России. А вот как насчет Америки?

— Я не знаю, о чем ты, дорогой, — она последний раз затянулась своей длинной сигаретой через мундштук и выбросила всю хитроумную конструкцию за окно. — Да, ладно, все кончено.

— Кое-что продолжается, — возразил Джерри.

— Как всегда. А не ты ли это был, кто сконструировал московскую штуку?

— Возможно, — бросил Джерри, нахмурившись от безнадежности и бросив взгляд на развалившуюся на заднем сиденье белокурую девушку, которая строила гримасу потерянного интереса. — Тебе бы лучше переодеться в юбку до щиколотки. Ты же знаешь, как эти типы в Трех Республиках относятся к такого рода вещам. — Он коснулся кнопки, и стеклянная перегородка опустилась, освобождая проход в тыльную часть автомобиля. Блондинка подвинулась и выглянула из окошка.

Пока она переодевалась, он исследовал карту в поисках лучшего пути в Париж.

Взглянув в зеркало, он заметил, что пастор Бисли опять нагнал его, потому что серебристый «кадиллак» с толстой одутловатой фигурой за рулем снова катился позади него. Джерри затемнил задние стекла.

— Это умно, — заметила Карен, протискиваясь в длинную юбку бутылочно-зеленого цвета. Интересно, подумал он, а у нее все юбки бутылочно-зеленые, а обувь — пурпурная? Это, в конце концов, указывало на интерес к Успенскому.

В Париже они оказались как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо них скачут президенты, лошади идут вброд, иногда пускаясь вплавь по заполненным водой улицам, выбрасывая вверх, в бледный солнечный свет, яркие фонтаны.

Процессия направлялась через Елисейские поля — некоторые пешком, некоторые на катерах, в каретах или верхом.

Весело, как только могли, президенты махали нескольким вымокшим зевакам (выжившим после мора), стоявшим по обе стороны широкой улицы по колено в воде. Эти прези-

денты руководили тремя республиками: Францией, Испанией и Португалией (прежде, до аннексии Израилем Греции, их было четыре), — которые противились предложению Соединенных Штатов, пожелавших прислать советников.

Старческий возраст сделал президентов почти схожими: с одинаковыми пустыми глазами, несущими всякую чушь ртами, желтой сморщенной кожей и потерявшими почти всякую растительность головами. Каждый прочно пристегнут ремнем к лошади, которые были почти такими же старыми, как и они сами. Говорили, что они весьма сентиментально относятся к своим лошадям.

Недалеко за ними работал ансамбль — каждый музыкант по пояс в воде. Басовые барабаны заглушались водой, и каждый раз, когда барабанщики отбивали такт, им в лицо били фонтаны воды. Вся медь оркестра была наполнена водой, но музыканты решительно маршировали против течения, не то исполняя, не то пробулькивая «Марсельезу».

— Трогательно, — проговорила Карен фон Крупп, поглаживая его ногу.

Джерри, пришвартовав «фантом-VI», откинулся назад, удобно пристроив руку на плечах доктора фон Крупп. Она улыбнулась, и машина мягко закачалась в кильватере президентской процессии.

— Пойдем в Ассамблею слушать речи? — Она оглянулась на блондинку. Джерри покачал головой.

Он отчалил и начал разворачивать машину, выводя ее на течение.

Справа от него оказалось какое-то пятно табачного цвета, и, проплывая мимо, Джерри с опаской посмотрел на него. Кто-то уставился на него из окна первого этажа. Он узнал тонкий напряженный нос.

Это был Жажда, шеф московской резидентуры их организации и оперативный сотрудник Охарны. Что он делал в Париже? Джерри сделал вид, будто не видит его, и понесся со скоростью, на которую только был способен автомобиль, по Елисейским полям, отбрасывая назад бурлящую воду.

Позади него вспахивал воду серебристый «кадиллак» пастора Бисли с едва выступавшей над поверхностью воды кабиной.

— Ну, везде он, — пробормотал Джерри и остановился у

отеля «Стремление». — Поспеши, моя дорогая, пока он не вывернул из-за угла. Прыгай, — приказал он, открывая дверь, — на ступеньку вон там. Я принесу наши сумки позже.

Доктор фон Крупп прыгнула. Блондинка — за ней. Джерри тронул машину и помчался по узкой улочке, разбрасывая прибой к окнам по обе ее стороны. Однако для Бисли вода оказалась слишком глубокой, и он отказался от погони. Вскоре Корнелиус вернулся обратно, пришвартовал машину в гараже гостиницы и присоединился к своей любимой в холле.

— Это еще фасад, — сообщил он, нажимая кнопку звонка на столе регистрации.

Пол провалился вместе с ними, унося их глубоко под землю.

— Подземелье, — сказал он ей, подразумевая затхлую темноту. — Прочное и надежное.

— Ловушка, — сказала она в свою очередь.

— Не совсем.

Когда секция пола поднялась и встала вровень с остальным полом, он включил освещение, и зеленый блеск наполнил комнату. Она пытливо всматривалась в его веселое лицо.

— Мне следует быть осторожной, — произнесла она. — Мой муж... — и она вскрикнула от возбуждения, когда он навалился на нее.

— Для меня хватит, — прорычал он, — на сегодня.

И они покатились по ковровому покрытию от Данлопилло; блондинка сидела в углу, со скукой наблюдая за ними.

3. ОРГИЯ ТРАНСВЕСТИТОВ В ПАРИЖСКОМ ОТЕЛЕ

— Мужья и жены, братья и сестры, матери и сыновья, — говорил пастор Бисли, пристраивая удобнее свою митру и улыбаясь Джерри, который, распятый, стоял у стены. Карен фон Крупп, одетая в отделанную горностаем пелерину из красного бархата и изящный венец, в дурном на-

строении откинулась на спинку трона. Пастор Бисли протянул свой пасторский посох и стащил с Джерри юбку, щекоча ему яички, которые вздулись в женском трико из черной тесьмы, в которое они нарядили его, пока он был без сознания.

— Белые подростковые волосы. Я не ожидал увидеть такое, мистер Асерински.

— И я этого не ожидал, пастор.

— Ну, ну, вы уже не можете вот так расхаживать, соблазняя жен других парней, и надеяться, что это вам сойдет, так ведь? В мире, я надеюсь, еще сохранились некоторые приличия.

— Ну, так каковы же ваши намерения?

— Заняться вашим преобразованием, мистер Асерински. Для вашего же блага. Собственно, я не держу на вас зла.

— Меня зовут не...

— Асерински. Так вы сами сказали.

— Джерри Корнелиус.

— Вы так говорите.

Кто-то двинулся в тени и начал пробираться по Данлопилло. Это был Жажда, с выражением озабоченности на тонком лице.

— Это Алан Повис, не так ли? — произнес Жажда.

— Это вы так говорите, — вставил Джерри.

— Митци! — пастор Бисли, как сумел, щелкнул пальцами. — Митци Флинн.

— Все это затягивается. Ради Бога, воспользуйтесь машинами, — пробормотала Карен фон Крупп.

— Я ненавижу искусственные методы, — заявил Джерри.

— Конни Нуттал.

— Колвин, — поправил Джерри. — Конни Колвин. Не трагично ли?

— Да не в имени дело, — появилась белокурая девушка. Она подняла свое платье и пристегнула ремнем черный муляж члена.

— Черт с ним, — сказал пастор Бисли. — Я извиняюсь.

Блондинка начала сношаться с ним.

Джерри глянул на Карен фон Крупп, но та отвела взгляд. Он был одет в полный комплект: курчавый красный парик, макияж, плетеная из белого шнура блузка, наклад-

ные груди, пояс с резинками, сетчатые чулки, туфли на высоком каблуке, тесная черная юбка.

Голова пастора Бисли склонилась к самому полу, возгласы его были приглушенными:

— Не беспокойтесь, сэр. Скоро у нас опять все вернется к нормальному виду. Вы почувствуете себя совершенно новым человеком, когда это кончится!

— Как вы дошли до этого? — спросил Джерри у Карен фон Крупп.

— Они шли за вами. Жажда нажал кнопку.

— Кто-то же должен был, — проговорил Жажда.

— Вам дали наркотик, пока вы спали.

— Я думал, уж вы-то за меня, — упрекнул Джерри Жажду.

— А я за вас. Однажды вы это поймете.

— Не могу себе представить. Это, похоже, что-то за пределами политики.

— Не все из нас обладают вашей верой в будущее, товарищ Корнелиус.

— Ну, такого времени, как сегодня, нет.

Жажда спустил свои брюки.

— Придется заняться этим. — Он повернулся к Карен фон Крупп. — Вы ведь хирург? Не могли бы вы это сделать?

Она пожала плечами:

— Я делала такое прежде.

Пастор поднялся с четверенек:

— Ну-ка, дайте посмотреть.

Джерри показалось, что он теряет терпение:

— Пастор, я не знаю, осознаете ли вы...

— Я понимаю. Я понимаю. Это — ваш дом, и мы не были приглашены. Однако сейчас настали беспокойные времена, мой дорогой. Нужда заставит.

— Митци, — обратилась Карен фон Крупп.

Белокурая шагнула вперед,

— Сорвите скобы. Пусть наш друг присоединится к нам.

Митци освободила Джерри.

Пастор с любопытством посмотрел на Карен фон Крупп.

— Вы хотите?.. Гулянку?

— А почему бы и нет?

Начал вспыхивать стробоскоп, и комната наполнилась

звуком. Исполнялась «Дитя колдуна» Джимми Хендрикса, искаженная из-за громкости, однако едва ли они понимали это, к тому же все были заняты болтовней. Джерри широко шагнул через свет стробоскопа и взял за руку Карен фон Крупп. Ее мучили рвотные спазмы. Он увидел свою одежду в углу; на самом верху лежало его оружие. Времени осталось только на то, чтобы схватить пистолет и направить его на стену.

— Веселей, — подбодрил он ее. — Нет худа без добра. Просто сейчас чрезвычайная ситуация.

— Куда мы?..

— Через преобразование. У меня постоянно одно под рукой.

Стена провалилась наружу, и Джерри, подняв юбку, сунул пистолет за пояс.

Где-то заверещал мамонт.

4. НАША НОЧЬ УЖАСА

Воздух вокруг них был словно украшен драгоценными камнями и огранен: прекрасный, оживший и блистающий мириадами цветов, он вспыхивал, сиял. Она прильнула к нему:

— Что это?

— Многовариантность. Все слои жизни видны сразу. Поняла?

— Я не имею склонности к философии.

— Это — физика, дорогая.

— Где мы?

— А, как раз эту возможность тебе и нужно использовать. Пошли.

Воздух прояснился. Они стояли на зеленой равнине около группы дубов. В тени дубов стоял невысокий человек в эспаньолке и очках без оправы. Под мышкой он держал большой черный металлический ящик.

— Ты можешь в это поверить? — произнес Джерри с некоторым восхищением. — Этот педик понял.

— Это выглядит, как...

— Правильно. Добрый старый приятель... Эй! — Джерри побежал к нему, хотя ему мешали тесная юбка, высокие каблуки и Карен фон Крупп, не желавшая отпускать его руку.

Волна бестелесных драгоценных камней плескалась над ними.

— Моя машина! — закричал Джерри, и эхо долго повторяло его голос. — О, хорошо. Как-нибудь в другой раз. Мне думается, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Какая машина?

— Которая расскажет. Пока ты еще не знаешь. Я подозреваю, пастор Бисли знает, и именно это он и ищет, в конечном счете.

Ранним утром они шли по улицам Санкт-Петербурга. Все было очень романтично. Джерри указал на небольшую группу фигур, уставившихся на них с самого верха служебного здания на проспекте Бронштейна.

— Посмотреть на них — прямо Homo habilis*; странный мелкий дерн, да?

По самой середине проспекта галопом шло стадо бронтотериев.

— Как тихо, — проговорила она.

— Да, пожалуй.

— Который час?

— Точно не знаю. Постполитическое время, я бы сказал. Но никогда нельзя сказать точно. Может быть и полнейшая путаница. Мне бы сейчас дозу наркотика.

Навстречу попался пастор Бисли, угрожая им спреем от насекомых.

— Мы все о вас знаем, мой дорогой мистер Корнелиус, — сказал он. — О вас и о ваших подружках. О, Боже, как это отвратительно! И это — тысяча девятьсот семидесятый! Как вы примитивны!

— Вы считаете, что я должен чувствовать себя виноватым? — Джерри схватился за свой вибропистолет. Никогда нет полной уверенности.

— Думаю, что кто-то же должен, дорогой мой.

---

* Человек умелый. Ред.

— Где мы можем поговорить?

Пастор наклонился и поднял свой атташе-кейс, запихивая внутрь свое облачение. Потом прижал кейс к груди с таким вожделением, какое старая женщина может питать к своему попугаю.

— Я добыл здесь изумительную маленькую штучку, — сообщил он. — Вкус!.. Вы ничего подобного никогда не пробовали.

— Звучит заманчиво. Однако этого достаточно.

Все трое уселись за столик на обочине, под большим зонтиком. Заказ у них принимал угрюмый официант.

— Время принимать решение, мистер Корнелиус, — проговорил пастор. — Я нахожусь в ужасном напряжении. Я больше не могу этого выносить.

— Не сейчас еще, пастор.

— Но это — *Дания*. А значит — *нейтральная*.

— Вижу, я поймал вас на слабом месте, — Джерри поднялся. — Пойдем, Карен. Увидимся, пастор.

— Жестокость! Мир переполнен жестокостью! — Пастор приспособился к их шагу.

Они пошли через многовариантность.

— Откуда он пришел? — спросила она. — О чем была беседа?

— О чем обычно беседы? Он, видимо, знает. Без сомнения, мы еще встретимся, раньше или позже, либо не встретимся вообще. Пошли.

— Чем скорее мы вернемся к разумности в этом мире, тем лучше, — желчно проговорила она.

— Ты так раздражена просто потому, что не получила своего кофе.

Они шли по бетонной полосе. Перед ними высился огромный силуэт двухместного перехватчика и самолета стратегической разведки «Локхид-SR-72», максимальная скорость которого в три раза больше скорости звука, выделявшегося на фоне рассветного неба.

— Ты не поверишь! А может быть, это и есть то, о чем ты говорил.

— У меня какое-то странное ощущение.

— Возможно. Это действительно волшебство. Мы вышли из туннеля — или почти вышли. Побежали.

И они вприпрыжку понеслись на высоких каблуках, пока не добежали до самолета.

— Быстро внутрь, — скомандовал он. — Думаю, у вас определенный талант, фройлен доктор.

— А ты знаешь, как поднять этого монстра?

— О, да забирайся же!

5. УГОСТИ-КА ИХ СВОИМ ГРУЗОМ!

— С тех пор, как все это началось, у меня очень мало личной жизни, — объяснил Джерри, когда они поднялись из аэропорта «Орли» и тут же стали объектом преследования «старфайтеров», рассыпавшихся на группы позади них. Он говорил по системе бортовой связи. — Ты прекрасна в этом шлеме.

Он направил самолет в сторону Ла-Манша.

— Спасибо, — она опустила свою руку на часть его бедра, оставшуюся свободной между чулками и поясом с подтяжками. Он снизил скорость.

— Не хочу лететь на максимальной скорости, — пояснил он, — потому что мне придется избавиться от восьми ракет AIM-174, а они не совсем подходят для работы, которую я задумал.

Она приняла его извинения с короткой вежливой улыбкой.

Девяностопятифутовый самолет вскоре достиг Ла-Манша, и тут себя показали зенитные орудия, которые попытались сбить их как пиратов. Джерри, надеясь на лучшее, направил самолет под острым углом прямо на них, и в быстрой серии выпустил все ракеты типа «воздух-воздух». Несколько взрывов — и они прошли корабли и уже летели за побережьем.

— Приготовься к катапультированию, — сказал он и, пустив самолет в крутое пике, дернул ручку катапульты.

Они медленно опускались к утесам. Он перегнулся и поцеловал ее. Ударившись о поверхность моря, самолет поднял фонтан брызг.

Они мягко приземлились и выбрались из аппарата.

— Вы не очень весело выглядите, герр Си, — заметила она.

— Если понятно или честно, я полагаю, мне все равно, доктор Крупп. — Он расправил свою юбку. — Ну, кажется, получилось не очень плохо? Уверен, что скорость не наскучила тебе?

— Ты-то ведь к такому привык?

— И ты, конечно, тоже, — он нежно сжал ее руку.

РЕЗУЛЬТАТ

В ходе каждой войны в истории должен наблюдаться заметный наплыв генов того или иного вида. Выросли ли в большей степени гены победителей или побежденных — вопрос обсуждения.

Папациан, Современная генетика

1. АМЕРИКА ВЫБИРАЕТ ЛИНИЮ «НИКАКОЙ БЕССМЫСЛИЦЫ»

Свернувшись клубочками в глубоких кожаных креслах у уютного камина в гостиной, принадлежавшей Джерри штабквртиры на Лэдброук-Гроув, Джерри и Карен фон Крупп слушали Гручо Маркса, исполнявшего «День отца», и расправлялись с газетами.

Судя по сообщениям, Израиль, аннексировав Турцию, Грецию и Болгарию, распространял слухи, что Румыния и Албания угрожают его безопасности. Президент Соединенных Штатов Тедди «Ангелочек» Паолоцци увеличил число военных советников, разосланных по Европе, до трех миллионов. Они находились под командованием генерала Улиссеса Вашингтона Кэмберленда, в чью миссию входило поддерживать порядок в Европе и выискивать «определенные элементы пятой колонны». Британский парламент, правительство, так же как и оппозиция, были арестованы, когда лайнер «Трайдент» был готов вылететь в сторону Гибралтара. Президент Паолоцци направил Израилю дипломатическую ноту, в которой говорилось: «Держись подальше от нашего торфа, а то...» Беспорядки в Праге получили всеобщее осуждение в европейской прессе. «Непрохладным» был вердикт, вынесенный «Дейли миррор». Бубонная чума оставалась не пойманной в Берлине и Любеке.

Джерри сделал паузу в чтении. Дельных новостей было явно немного.

— Что теперь? — спросила Карен фон Крупп, когда

Джерри взял ее за руку и потянул вниз на ковер. Он сорвал с нее одежды, сбросил свое собственное трико и с яростной страстью набросился на нее. Вновь и вновь она поддавалась ему и, когда он упал на спину — со сбившимся набок париком, в разорванной юбке, в чулках со спущенными петлями, — она выдохнула:

— Ах! Наконец-то: мужчина как мужчина.

2. ЕГО ВЫБОР: УМЕРЕТЬ СЕГОДНЯ ИЛИ СГНИТЬ ЗАВТРА!

Джерри посмотрел из зарешеченного окна дома на другую сторону улицы. Падал серый дождь. По дождю бежала группка девушек, некоторые из них ростом больше пяти футов, с узкими ссутуленными плечами, в дешевых прозрачных блузках и коротких тесных юбках, натянутых на бедра средних размеров. Он вздохнул.

«Энималз», «Ху», «Биг Ролл Бэнд», Зута Мани, группа Спенсера Дэвиса, «Муди Блюз», Джорджи Фейм и «Синее пламя», Джино Вашингтон и «Рем Джем Бэнд», Крис Фарлоу и Тандерберз, «Стим Пэкет», Манфред Манн, «Иисус Христос и Апостолы». Куда подевались вчерашние группы?

Позади него Карен фон Крупп хмуро слушала Симфонию номер один ре-минор Ива. Он подумал, не в этом ли ключ ко всему делу.

— Все еще здесь, — сказал он.

Она кивнула.

— И становится все больше.

— У тебя что-то на уме, — пробормотала она.

— Что-то трудно перевариваемое. Слишком долго я был в дикой местности, лапочка.

— Не говори так, Джерри.

— Мне приходится признать это.

— Ты с этим справишься.

— Твои родственники... Они сейчас все умерли?

— Иногда я думаю — должно быть, да.

— Что ты собираешься делать?

— Я скоро решу. Миром правят плохие поэты. Мне надо что-то с этим делать.

— В этом — твоя миссия?

— Более или менее, сладость моя. Более или менее.

— Ты спрашиваешь или отвечаешь?

3. МОЯ СМЕРТЕЛЬНАЯ МИССИЯ

— Это вопрос полярностей, — сказал он ей, когда они двигались в постели. — Проблема равновесия.

— Я же говорила тебе: я не понимаю философии.

— И я говорил тебе: это физика.

— Что с тобою будет?

— Наверное, я умру. Я почти всегда умираю.

— Не умирай на мне, любименький.

— Многое зависит от следующего движения.

— Denn wovon lebt der Mensch?*

— Возможно, все это действительно Dreckhaufen**.

— Однако не в таком ли виде все это тебе и нравится?

— Конечно.

— Ты никогда не умрешь.

— Не в этом смысле, конечно. Однако начинает надоедать.

— Что же ты не остановишься?

— Ich mochte auch mal was Schones sehen...***

---

* Так за счет чего же живет человек? (нем.)

** Куча дерьма (нем.).

*** Мне тоже хочется иногда увидеть прекрасное... (нем.)

4. ПОЙ ГРОМЧЕ, ЛАПОНЬКА: ВЕЧЕРОМ ТЫ ИЗЖАРИШЬСЯ!

Его мозг прояснился. Весь процесс занял несколько минут.

Откуда-то послышался тонкий шипящий звук.

— Моя программа, — пробормотал он, отвечая темноте улыбкой.

5. АМНЕЗИЯ: ОТКУДА ОНА

Ранняя почтовая карточка, адресованная: Лох Променад, Дуглас, остров Мужчины, с одноэтажным омнибусом с открытой боковой дверью, который тянет лошадь, на картинке. Народ одет по моде времен короля Эдуарда. На башенных часах на переднем плане — одиннадцать часов двадцать две минуты. На карточке штемпель: Ливерпуль, тридцать первое мая тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Сообщение и адрес частично смазаны:

«Мы можем прибыть в воскресенье и скоро увидим вас! Джулия пп Джей-А-Си, 79 Тэвисток-роуд, Лондон».

6. КАКОЙ СЕКРЕТ ХРАНИЛ В СЕБЕ «ПРЕДМЕТ В ПОДВАЛЕ»?

Машина — непередаваемой красоты, состоящая из нежно-красных, золотых и серебряных нитей, пряди которых касались его лица и обладали влажным теплом человеческой кожи.

Нити зашелестели, когда он коснулся их, и начали петь. Он расслабился. План Бисли почти сработал, и преобразование в данном случае тоже не очень помогло. И все же машина все сделает правильно. Они определенно нуждались друг в друге.

Освеженный, успокоенный, он обдумывал возможные варианты.

2. СРОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Если вы любите охотиться или просто стрелять...
то вы член НРА.

И ВСЕ ЭТО ТОЛЬКО ЗА ПЯТЬ ДОЛЛАРОВ.

СЕРВИС ДЛЯ ОХОТНИКОВ. Статьи в выпускаемых НРА «Охотничьих бюллетенях» и в «Американце с винтовкой» рассказывают о доступности этого занятия, охотничьих заповедниках, законодательстве, относящемся к вопросам оружия и хобби. «Судьба охотника», издаваемая НРА, описывает оленя, антилопу, лося, большого рогатого барана, медведя и мышь. Программы совершенствования искусства стрельбы, включая общенациональный «День меткости», осуществляются закрытыми клубами НРА как услуга общества охотникам.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПО ВОПРОСАМ, КАСАЮЩИМСЯ ВООРУЖЕНИЯ. Квалифицированные специалисты дают практические советы по вопросам, касающимся оружия и стрельбы. Закрытым клубам и их членам предоставляются также схемы охотничьих угодий.

СЛУЖБА ОТДЫХА НА ОХОТЕ. Обслуживаются мелкие группы и союзы, использующие двадцать второй калибр и винтовки с высокой энергией, стрелковое ору-

жие и пистолеты всех калибров. Организуются соревнования в рамках государственных, национальных и международных турниров. Классификационная система гарантирует равные возможности завоевать награду. Квалификационные курсы, веселые матчи и неофициальные стрелковые игры проводятся круглый год.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТОРГОВЛЯ ОСНАЩЕНИЕМ. Члены НРА имеют право закупать у армии вооружение, которое время от времени объявляется излишком. Можно также приобретать запасные части и мишени.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО ВОПРОСАМ ВООРУЖЕНИЯ. Члены НРА ежемесячно в «Американце с винтовкой» получают законодательную информацию об оружии. Законопроекты, требующие принятия немедленных действий, доводятся до членов НРА в специальных бюллетенях.

ВЫ МОЖЕТЕ ГОРДИТЬСЯ СВОЕЙ ПРИЧАСТНОСТЬЮ. НРА — самая крупная и старая организация спортсменов, призванная оберегать ваше право хранить и использовать оружие в законных целях. Более восьмисот тысяч охотников и стрелков пользуются множеством преимуществ НРА.

Реклама журнала «Оружие и патроны»

АНЕСТЕЗИЯ

Наряду с братьями-миротворцами — Роуаном и Мартином, (Морт Сал) является частью того радикального крыла, которое пытается сокрушить американские приличия и демократию.

Ховард Миллер, WCFL, Чикаго

1. ЛИНДА БЕРД ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА ДЖОРДЖА ГАМИЛЬТОНА?

На следующий день Джерри и Карен отправились в кинотеатр. Они сидели в первом ряду первого яруса, ели кукурузные хлопья и смотрели «Барабаны на Мерси*». Сэр Вильям Гаррисон исполнял роль угрюмого, себялюбивого исследователя, Ина Шоррок была гордой королевой порта Санлайт; Эрик Бентклифф появился в одной из лучших своих ролей торговца-мошенника откуда-то из центральных областей страны.

2. МОЯ ЖЕНА-ПОДРОСТОК НЕ СПУСКАЕТ С МЕНЯ ГЛАЗ

Выйдя из кино, рука об руку они пошли по Уэстбурн-Гроув, освещенной закатными лучами солнца. Некий выходец из Вест-Индии с лотка продал Джерри котелок чоумугра как средство от проказы.

---

* Мерси — река.

Эскадрон танков М-60, установленных на охраняемых автоплатформах, прошел мимо них в сторону Квинсвей в сопровождении толпы танцующих детей. Улыбающиеся солдаты бросали детям игрушки.

3. ЧЕМ БАНАН УГРОЖАЕТ СЕСТРАМ ЛЕННОН

Джерри подал сигнал открыться двери своей штаб-квартиры на Лэдброук-Гроув. «Корпорейшн дасткарт» повернул за угол. В кузове находился мужчина в меховом жакете и феске. Ухватившись правой рукой за тент грузовика, он энергично кричал в мегафон:

— Выносите своего мертвеца! Выносите своего мертвеца!

4. ПОЧЕМУ КОННИ ГРОЗИЛ ЭДДИ АДВОКАТОМ

Джерри налил «перно» себе и протянул бокал «тио пепе» Карен фон Крупп. Они были одеты в одинаковые ярко-фиолетовые вельветовые костюмы от мистера Фиша, производя несколько более приятное впечатление, чем живопись прерафаэлитов. Их брюки были расстегнуты.

5. СЕКРЕТ, КОТОРЫЙ Я НЕ РАССКАЖУ ФРЭНКУ

Они лежали нагишом на красном плюшевом покрывале, глядя вверх, на синий плюшевый балдахин над латунной кроватью на ножках-столбиках. Их тела — черное и розовое — дышали здоровьем.

— Свежий воздух, — произнес он. — Вот что.

— Что?

— Рано или поздно, но придется отправляться на природу. Мы ведь в Лондоне уже две недели.

— И — ничего! Тебя беспокоит тишина?

— Мне думается, да. Завтра отправляемся. Снова можно выходить, — он понюхал ее волосы.

Она стала поглаживать его кожу на внутренней стороне бедра.

— Слишком хорошо, даже не верится, — и она укусила себя за руку.

ПЕРВЫЙ НАДРЕЗ

По-новому и/или неожиданно навязанная тирания может заставить народ совершить самоубийство.

Томаш Масарик

1. СКОЛЬКО ЕЩЕ ЭТО МОЖЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ???

Оставив один «фантом-VI» в Париже, Джерри вовсе не чувствовал склонности пользоваться другим. Кроме того, он совсем не спешил.

— Думаю, пойдем рекой.

Он вынул свой вибропистолет и стал подниматься по лестнице.

В следующий момент, пройдя дверь, он уже гнал перед собой группу угрюмых пациентов преобразования. Все они были одеты в прямые жилетки, и большинство из них выглядели бы приятно и мило, если бы были способны на улыбку-другую. Карен фон Крупп поправила прическу.

Когда они дошли до прохладного главного холла, Джерри, успокаивая, заверил ее:

— Они скоро засмеются второй стороной своих лиц.

День был отличный.

Во дворе их ожидал белый грузовик на воздушной подушке с нарисованными на боках красными крестами. Устроив пассажиров поуютнее сзади, Джерри присоединился к Карен в кабине и запустил мотор. Взвыв, машина поднялась и пошла в открытые ворота.

Вскоре они, со свистом двигаясь по дороге, проехали мимо алого мрака Челси и добрались до каменных набережных Темзы.

— О, wunderbar!* — Карен фон Крупп посмотрела за

* Удивительно! (нем.)

окно на танкеры-развалины, проталкивающиеся через масло, отсвечивавшее десятками ярких цветных разводов.

— С этим невозможно справиться, — согласился Джерри.

Они пересекли мост Ватерлоо с включенной сиреной и были пропущены знаком руки морского пехотинца с чувствительно-серьезным лицом, который стоял, положив одну руку на рукоятку военно-морского образца «кольта», а в другой держа сигару. Белый поющий грузовик-вертолет шел над разрушенными дорогами южного Лондона, которые были полны горицветом, наперстянками, «золотым дождем», шиповником, бузиной, ивой, ползучей лапчаткой, гребешками Венеры, ясноткой, пастушьей сумкой и одуванчиком, потом свернули к Гринвичу, где стояло на якоре судно Джерри.

Пока Джерри направлял своих пациентов вверх по сходням, Карен фон Крупп указала на разрушенное, кажущееся руинами здание вдалеке.

— Что это, Джерри?

— Обсерватория Гринвича, — отвечал тот. — Сейчас она стала несколько лишней, мне кажется.

Она взошла на борт, и они отчалили.

Спустя какое-то время они с пыхтением шли от Лондона, с усилием пробиваясь против течения.

Берега реки, поля и руины позади них покрывал ковер из всевозможных цветов. Пока Джерри переводил катер в режим автолоцмана, Карен вытянулась на палубе, вдыхая теплый летний воздух, глядя в высокое синее небо и слушая пчел и сверчков на берегу.

Когда катер проплывал через перемежающийся вязами сосновый лес, Джерри поднялся к ней и лег рядом. Из кабины доносились изящные звуки Симфонии номер один Ивса.

— Я бы сказала, что это — твоя любимая мелодия, — проговорила она.

— Можно и так сказать.

— Это ведь жизнь, да?

— Какая?

— А какая тебе нравится?

— О, да, на самом деле.

Нос судна рассекал радужное масляное пятно, и часто выпрыгивавшие рыбки причудливой формы каждый раз ос-

тавались на поверхности, пока зыбь не покрывала верхний слой и они опять не исчезали в воде.

Река вынырнула из леса, и теперь они плыли между полями со старыми разрушенными фермами, опустевшими деревнями и заброшенными трактирами. Раз, когда они проплывали под мостом, бронированный автомобиль прогремел над их головами и помчался дальше по дороге. Чуть позже они увидели худую молодую женщину, которая с берега бросала в них камни, выкрикивая неразборчивые оскорбления.

Все же Джерри сумел разобрать несколько слов:

— Pantalones... el jardin zoologico... la iglesia inglesa! Lavabo... negra queremos un... vino dulce... de oro, plata, platino, diamantes, rubies, zafiros, esmeraldas, perlas...

— Американская эмигрантка, бедная корова.

Карен настороженно подняла голову, пальцами закинула назад свои длинные темно-красные волосы:

— Что это? Не пчелы же!

Женщина исчезла в подземелье.

Джерри прислушался.

— Шершни? — предположила Карен.

Джерри покачал головой:

— «Западный ураган». Лучше бы нам... — он подпрыгнул и побежал к капитанскому мостику.

Карен тоже поднялась было, но тут же плюхнулась на палубу, так как со стороны передней палубы загудел двигатель небольшой ракетной установки. Она пробралась к мостику; Джерри следил за радаром.

— Их около восьми, — сказала она. — Трудно сказать, чьи.

Он всмотрелся в окно.

— Они увидели нас. Приближаются, чтобы рассмотреть получше.

— Это наши, Джерри?

— Нет, я думаю — это ваши; может быть, твой муж...

— Мой муж?

— Может быть.

Джерри включил лазеровизор и настроил его на радар. Теперь перед ним был крупный план ведущего «Урагана» и его пилота.

Пилот в задумчивости жевал слоеный шоколадный пирог, глядя вниз, на лодку Джерри.

— Интересно, где это он был, — рука Джерри рванулась к управлению пусковой установки. — Не хотелось бы ранить его.

— А он знает, что это твоя лодка?

— Не думаю. Она зарегистрирована на имя Бисли.

— Странное совпадение.

— Что в этом странного?

В этот момент вертолеты обнаружили ракетную установку и, хотя и были оснащены великолепными ракетами «Норм СС-11» класса «воздух-земля», все же начали уходить в вираже.

— Velocidad maxima*, кажется,.. — пробормотал Джерри.

— Что?

— Сторожевой корабль. Пора двигаться.

— Боже...

Вертолеты растаяли за горизонтом.

— Они идут на Лондон, — сказал Карен. — Думаю, мы выбрались как раз вовремя.

— Может быть, ты и права.

— А ты думаешь, я ошибаюсь?

— Ну, они несли не весь свой арсенал ракет, однако держались в воздухе довольно тяжело, как ты считаешь? — Он отпустил кнопку, и его собственная пусковая установка исчезла в чреве лодки.

2. ЧУДНО, ПАПА!

Джерри взял управление на себя, когда они свернули в приток Урзель и медленно двинулись по нему под навесом высокой пахучей травы. Был уже вечер, солнце опустилось, но немного света все еще пробивалось к ним.

С того момента, как вертолеты исчезли, Карен фон

* Максимальная скорость (исп.)

Крупп ушла в себя и стояла рядом с Джерри в кабине, вторя произведению Ивса. Какая-то мысль занимала ее. Наконец, когда они добрались до деревянного причала, она сказала:

— Не думаешь ли ты, что в этом кроется секрет наших отношений?

— Конечно, нет, — он сжал ее руку и направил лодку к причалу. — Просто оно — ключ к будущему. А может, даже и не оно. Не беспокойся об этом.

Надув губы, она схватила швартов и, прыгнув на причал, намотала его на сосновый капстан, пока Джерри, выключив двигатель, подводил судно к причалу.

— Давай выгружать наших «морячков» на берег, — достав вибропистолет, он ногой открыл кормовой люк. — Все в порядке, друзья, выходите. Неспеша.

Подслеповато щурясь на остатки солнечного света и спотыкаясь, пациенты преобразования поднялись на палубу и строем пошли по сходне, которую Карен фон Крупп подняла для них.

Все вместе они направились по причалу к кукурузному полю.

— Ты когда-нибудь задумывался о моральной стороне того, чем занимаешься? — спросила она. — Эти создания ничего не спрашивали?..

— Они молились. Мы слышали. Мы просто служим людям, Карен.

— Бисли говорит...

— Да, и он тоже. Я знаю: Бисли известно, что для них хорошо. Я просто делаю то, чего они ждут от меня. Вот так. И я на этот счет совершенно спокоен.

Они шагали по узкой тропе через кукурузу. Из-под ног у них выбежал кролик, в небо вспорхнула куропатка. Вдалеке показалась крыша большого дома — Центра преобразования Саннидейла. Из труб приветственно поднимался дым.

— Осталось немного, — сообщил Джерри пациентам преобразования, которые тяжелой поступью шли, уставившись в землю.

— Ты никогда не спрашивал...

— А о чем спрашивать?

— Я...

— Я делаю то, чего от меня ждут.

— Это же, как проституция.

— Это во многом похоже на проституцию, да?

— И ты ничего плохого не видишь?..

— Клиент всегда прав.

— И у тебя не возникает, — ее передернуло, — никаких этических возражений?

— Я даю людям то, чего они хотят, если ты об этом.

— У тебя нет никакого представления о миссии! Ах! Хорошо, что хотя бы у Бисли оно есть, — она хрипло рассмеялась. — Ха!

— Я-то думал, оно то же самое, что и у меня.

— Nein! Другое. Он знает, что людям нужно чувство уверенности.

— Конечно. Ты не чувствуешь?.. Кажется, что-то горит?

— Да. Чувствую.

3. ЭРОТИЧЕСКИЕ ДУХИ ВЬЕТНАМА

Горел Саннидейл. Персонал стоял вокруг Центра преобразования, беспомощно уставясь на огонь. Зажигательные ракеты сделали свое дело.

— А что с пациентами? — спросил Джерри у матроны.

— Все ушли, доктор Фислей. Их увели. Месяц работы! Ох!..

— Успокойтесь, женщина, — проговорил Джерри с грубоватой лаской. — Это был «Западный ураган»?

— Точно, доктор. Восемь, марки «десять». У нас не было никакой возможности организовать оборону. Мы направили лазер на Лондон. Мастер Коутрубуссис в пути; он сказал — попробует привезти вас с собой.

— Я иду впереди. Лазер еще работает?

— Не-е.

— Тогда вам лучше побыстрее отправиться в Сохо, Джанет. Передайте там, что вертолеты, когда их видели в последний раз, направлялись в Лондон.

— Хорошо, доктор. — Матрона побежала к единственному оставшемуся целым ангару.

Вскоре небольшой турбовинтовой вертолет ОН-6А, взвыв, поднялся вверх, когда пилот спешно натянула американскую униформу, чтобы соответствовать маркировке машины. Она летела над полями цветов.

Солнце село, огонь утих.

— Считаю, что повреждения не самые худшие, — сказал Племми — один из мужчин-сиделок, тщетно пытаясь парализованной рукой прогладить почерневшие пятна на спецовке. — Все восточное крыло в порядке.

— У них были большие базуки и начинка, — сообщил мистер Фоулс, шеф трансплантации. Мистер Фоулс — высокий бледный мужчина с нездоровыми руками, нежная натура. — У нас не было ни единого шанса; мы оказались окружены, помечены вот таким образом, — он указал на пятно зеленой краски на лбу, — и согнаны в сад. Потом они забрали пациентов.

— А их руководитель?.. — Джерри поднял руку и коснулся пальцем носа.

— Одет по-церковному. Он утащил пирог, который матрона приготовила ко дню рождения бывшего председателя Совета искусств, — бедный малый и так потерял в весе!

— Ну, думаю, это был пирог! — сказал Джерри. — Однако я посмотрю: может, и смогу вернуть пациентов. Плохо дело-то. Ну, и состояньице должно быть у них!

— Говоря без преувеличений, сэр, — мистер Фоулс обхватил себя под мышками, — маленькие, робкие создания на этом-то этапе, знаете ли. Не понимаю! Даже не мог бы назвать вам их имен. Даже половины из них.

— Этот груз вам лучше направить в восточное крыло. — Джерри указал на новую группу. Большинство из доставленных уселись на землю и уставились на дымящийся остов центра.

— Если понадоблюсь, я буду наверху, на своем месте. Пошли, Карен.

Он повел ее по лужайкам к своему маленькому Голландскому особняку и остановился под занавешенным брезентом порталом.

— Откройся, и это — все!

Дверь распахнулась.

Они шагнули внутрь.

— Waar is de nooduitgang?* — спросила Карен с отсутствующим видом, когда дверь закрылась позади нее.

Джерри включил свет.

— Ты становишься очень напряженной, — проговорил он.

— Ik hank det wel...**

— Печально.

— Ja, das i seben schade...***

Они пошли вдоль стены, отделанной темным деревом, сверкавшим полировкой. Чистенький старичок обогнул угол и поковылял к ним.

— Ах, сэр! Ах, сэр!

— Что у нас из еды, де Фоссенберг?

— Gekookte eieren, kaas, fazant...****

— Чудесно. Я думаю, мы устроим все это в гостиной.

Стены в гостиной были отделаны теми же темными деревянными панелями. Стоявшие в ней кресла были старомодными; глубокие, покрытые цветастой тканью, которая спускалась с них свободными складками. В комнате стояло огромное количество часов в крашеных деревянных футлярах, и все они показывали точное время.

Джерри и Карен в молчании сели в кресла.

Немного спустя де Фоссенберг вкатил «немого официанта» — столик с закусками.

— Ах, сэр.

Он подал им подносы, потом — тарелки, потом разложил на них холодного фазана, сыр и вареные яйца. Затем открыл бутылку «нирштайнера» и наполнил вином два чешских бокала на длинных ножках.

— Что теперь будет? — спросила Карен фон Крупп. — Ты потерял большинство своих жертв.

— Полагаю, нам следует попытаться вернуть их.

— ... твой долг?

— Ну...

— Но Бисли возьмет их в Америку!

— Откуда ты знаешь?

---

* Где экстренный выход? (голл.)
** Я это хорошо знаю (голл.).
*** Да, и очень жаль (нем.).
**** Вареные яйца, сыр, фазан (голл.).

— Я думаю, возьмет.

— Он тебе сказал.

— Нет.

— Ты знала.

— Ja.

— Что с воза упало... Теперь смысл ясен.

В парадную дверь постучали. Они услышали, как де Фоссенберг прошаркал к ней, чтобы открыть. До них донеслись голоса.

— Коутрубуссис, — назвал Джерри, когда грек с угрюмым лицом вошел в комнату и презрительно глянул на еду. — Закусишь?

— «Уловчик», а?

— Нет, возлюбленная. Доктор фон Крупп и я теперь вместе.

— Я начинаю подозревать тебя, Корнелиус.

— Не стоит, мистер Коутрубуссис. Я скоро отправлюсь в Штаты.

— Значит, вы слышали о преобразованном Конкорде? Все, чего мы добились от Бисли, — это гашиш. Мы в ответе перед теми бедными франтами, Корнелиус. Вы должны вернуть их. Они — ни рыба, ни мясо, ни добрая селедка в их нынешнем состоянии.

— Мы отправляемся в течение часа-двух.

— Немедленно.

— Нам придется заказать места, мистер Коутрубуссис. Это — цивилизованная страна. Невозможно просто так зарулить туда в каком-нибудь собственном самолете. Это вызовет осложнения. Мы должны лететь одним из рейсов по расписанию.

Коутрубуссис согласился с этим.

— Утром отправляется аэробус от «ПанАм», или «Ус-10» взлетает в полночь с аэропорта Гэтвик. Это — один из рейсов для беженцев, но мы можем устроить вас на него.

— Карен будет со мной.

Коутрубуссис послал Джерри мученический взгляд.

— О'кей. Я устрою заказ для вас обоих. Вам придется ехать под видом монаха и монашки.

— Хорошо. Все необходимое приготовлено у меня наверху.

— Дела оборачиваются критически, Джерри. Я думаю,

вы понимаете, насколько критически? Если б только вы могли вернуть эту машину.

— Это значит — идти в преобразование, почти наверняка.

— У вас нет другого способа связаться с ним?

— Он — слишком жесткий человек, чтобы можно было удержать его. Ради бога: он ведь даже не существует. Связь с такими людьми, как он, занимает время.

— Я знаю. Но попытайтесь. Имея ту машину, мы сможем добиться всего...

— Бисли знает об этом. Еще в Париже он пытался заполучить ее у меня. Он уверен, что она — у меня.

— А что, у вас ее нет?..

— О, черт...

— Значит, он считает нас куда сильнее, чем мы есть на самом деле?

— Конечно.

— Я думал, этот чертов рейд был несколько отчаянным!

— Выше нос, мистер Коутрубуссис. Рыбалка продолжается.

— Проверьте сети!

ИНФЕКЦИЯ ОБНАРУЖЕНА

Однако много других изменений начинают вторгаться в Вашу жизнь, и в мою! И это новое веяние затрагивает нас всех! Студенческие волнения в двадцати странах — НАСИЛИЕ буквально бушует на территориях колледжей (хотя и не на территориях нашего посольского Колледжа). Это шокирует, и тем не менее некоторые университеты начинают разрешать студентам мужского и женского пола спать вместе в общежитиях без заключения брака! Далее, взгляните на этот НОВЫЙ феномен: непокорные хиппи бездельничают, бессмысленно проводят время, прибегая к наркотикам и сексуальной разнузданности.

Взгляните на несчастливые браки, на растущее количество разводов, трагедию детской преступности. Везде вокруг нас — расовая вражда, массовые демонстрации, беспорядки, НАСИЛИЕ, УБИЙСТВА! С общественной точки зрения люди политически мертвы! Добавьте ко всему этому демографический взрыв, вырождение наших городов, страх перед ядерной ВОЙНОЙ, которая может стереть с лица Земли все человечество!

Эти вещи сейчас подходят вплотную к ВАШЕЙ жизни, да и к моей тоже! Вы читаете о них в газетах и журналах, Вы слышите о них по радио и видите их по телевидению. ТОЛЬКО ГДЕ ВЫ НАХОДИТЕ ОТВЕТЫ?! Где РЕШЕНИЯ?

Не только новые рассказы и журнальные статьи, но и новые книги изображают и описывают эти НОВЫЕ проблемы человечества. Однако «ПРОСТАЯ ПРАВДА» позволяет ВАМ ПОНЯТЬ, делает ясными ОТВЕТЫ! Многие видят и описывают, ЧТО ПЛОХО в мире, «ПРОСТАЯ ПРАВДА» дает Вам ПРИМЕРЫ, объясняет ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, открывает ОТВЕТЫ, говорит, КАК эти проблемы будут решены!

Важно ПОНЯТЬ, что происходит в мире. ДРУГИЕ сообщают новости. Однако КУДА ВАЖНЕЕ понимать, что НА САМОМ ДЕЛЕ ОЗНАЧАЮТ все происходящее и изменяю-

щиеся условия вокруг нас! И ГДЕ они касаются нас! И ЧТО является ОТВЕТАМИ и РЕШЕНИЯМИ! Вот почему «ПРОСТАЯ ПРАВДА» так выделяется.

Среди всех публикаций УНИКАЛЬНА лишь «ПРОСТАЯ ПРАВДА».

Единственно для того, чтобы представить Вам истинные перспективы, понимание значения услышанного и правильные ответы, «ПРОСТАЯ ПРАВДА» привлекает источники и мировые ресурсы.

Герберт В. Армстронг, редактор, «ПРОСТАЯ ПРАВДА»

1. Я УМЕР НА ОПЕРАЦИОННОМ СТОЛЕ

Когда «VC-10» в конце концов приземлился в аэропорту Кеннеди, Джерри зевнул и поставил свой бокал шампанского. Они проболтались в воздухе в ожидании места для посадки два часа, и теперь уже стемнело.

Красные, синие и оранжевые цвета аэропорта носили отпечаток богатства красок позднего Уолта Диснея, и каждая деталь была очень четко прорисована в манере Берна Хогарта. И это было правильно.

Они выгрузились вместе с Бедными ясновидцами и бенедиктинцами. Карен фон Крупп выглядела великолепно, как холодная и чопорная мать-настоятельница, а Джерри был заправским, опрятным настоятелем из фешенебельного монастыря.

В паспортах были указаны их профессии: Карен — хирург-стоматолог, а Джерри — специалист по сердечно-сосудистым заболеваниям, но в этом случае вся клерикальность оказывалась повторно классифицированной.

Служащий на паспортном контроле мельком просмотрел документы Джерри:

— Здесь сказано, мистер, что вы — кавказец.

— Правильно.

Служащий сдвинул фуражку на затылок и в театральной манере поднес паспорт к глазам.

— Ну, ваше фото в порядке...

— Я долгое время провел на Востоке.

— Израиль?

— Индия.

— Все правильно. Я считаю, что вы — беженцы — приобрели особые приоритеты. Надеюсь, они там знают, что делают.

Джерри и Карен забрали свой багаж с конвейера. У них были одинаковые дорогие кейсы из черной кожи с золотыми замками.

Таможенники в красиво стилизованной униформе жестами показали им выход. Они присоединились к другим монашкам и монахам, собравшимся вокруг группы узкоглазых мужчин и женщин в серых шерстяных костюмах и габардиновых пальто, пожимавших им руки и приветствовавших их по случаю прибытия в Америку.

Руководитель группы приветствовавших, мистер Силвер, — с узким загорелым лицом, застегнутый на все пуговицы. Он угрюмо произнес:

— Уверен, все вы ужасно устали, друзья, и не прочь немного соснуть. Мы зарезервировали для вас помещения в соседнем отеле. Завтра мы встретим вас и сообщим, куда вам предписано прибыть и как вам туда добраться. Невозможно выразить, как сильно я восхищаюсь нашими английскими кузенами. Пожалуйста, идите за мной.

Все строем отправились за мистером Силвером, их попечителем, прошли мостик над дорогой, пробегавшей рядом с воздушным перевалочным пунктом, и увидели восьмиэтажное здание, увешанное золотисто-неоновой рекламой на манер отеля «Никсон».

— Едва ли можно поверить в честность всего этого, — пробормотала Карен. — Кеннеди создал аэропорт и чертову пусковую установку.

— Они не ожидали, что будет еще одна партия, — рассудительно проговорил Джерри.

Они прошли двери-распашонки и оказались в ничем не примечательном холле. Мистер Силвер шагнул к столу регистрации, обратился к клерку, от которого и получил лист бумаги и связку ключей.

— Сюда, друзья. — Мистер Силвер повел их к лиф-

там. — Мы все размещаемся на шестом этаже. Пожалуйста, держитесь вместе.

Мистер Силвер вошел в первый лифт с восьмеркой из числа своей свиты. Женщина средних лет, миссис Бронсон, одетая в костюм с поясом и не имевшая на лице никакой косметики, кроме ярко-красной губной помады, собрала около себя Джерри, Карен и шестерых монахов во втором лифте. Уткнувшись в свой лист бумаги, она стала выдавать ключи:

— Вы в шестьсот четвертом, отец аббат, шестьсот пятый — брат Симон, шестьсот шестой — брат Питер, в шестьсот седьмом — брат Мэтью, шестьсот восьмой — брат Джон. Шестьсот девятый — брат Томас. А вы, святая Мать, — в шестьсот десятом.

Они поспешили из остановившегося лифта, разыскивая указатели, сообщавшие им, где найти нужные номера.

— Я оставлю вас здесь, если вы не против, — сообщила миссис Бронсон, — а встретимся за завтраком. Спокойной ночи. Должно быть, это было ужасно.

Она уехала вниз.

— Сюда, братья, — сказал аббат.

Ведомые Джерри Корнелиусом и Карен фон Крупп, монахи устало потащились по коридору. Они повернули направо, потом — налево и нашли комнаты. Все двери были покрашены в бирюзовый цвет и имели желтые таблички с номерами.

Джерри остановился у своей двери.

Карен прошла к своей.

Монахи вставили ключи в замочные скважины, открыли двери и вошли внутрь, закрыв их за собой.

— Увидимся позже, Карен — сказал Джерри.

Она пожала плечами.

Войдя в номер, Джерри включил свет.

Он стоял в небольшом тесном помещении с кушеткой, которая раскладывалась в кровать, с одним окном в противоположном конце комнаты, занавешенным бирюзовыми занавесками. Джерри включил телевизор и узнал время, температуру и влажность. Он подвел свои часы, стащил с себя рясу и проверил, не появилось ли морщин на его голубом шелковом костюме. Костюм неплохо перенес путешествие.

Ванная комната оказалась рядом со входом; в ней имелся умывальник и унитаз. Бирюзовые полотенца были украшены золотистой окантовкой. Занавески у душа — желтого цвета. Мыло — бирюзовое. На стенах — зеленый и оранжевый кафель. Джерри открыл душ.

Он вернулся в комнату, снял с себя одежду, взял свой вибропистолет прямо в кобуре в ванную и повесил его там на перекладину для полотенца. Джерри шагнул под обжигающий душ и намылился с головы до пят, напевая себе под нос «Может быть, это любовь» Джимми Хендрикса.

Вытершись, он вызвал горничную и заказал кварту* Черного Ярлыка Джека Даниелса, луковый суп, телячью печень в соте с припущенным луком, копченную на пекане грудинку, жареный по-домашнему картофель, ломоть старого нью-йоркского пирога с сыром, желе с двумя приправами, взбитым кремом и кружку дымящегося свежесваренного кофе. Он назвал своей номер и свое имя: отец Джеремиа Корнелиус.

Затем он вызвал администратора:

— Это отец Корнелиус. Не зарегистрировался у вас случайно пастор Бисли?

— Сожалею, сэр. Пастора Бисли нет.

— Спасибо. Благослови вас Господь.

Появилась горничная. Действительно, уже можно было говорить о цивилизации. Джерри сел ужинать.

Покончив с ужином, он налил большой бокал бурбона** и выпил его.

Сомнений быть не могло: Америка оставалась последней достойной страной, в которой можно было поесть.

Теперь он был готов на что угодно.

Джерри снял полотенце с талии и через голову надел рясу.

Значок на двери рекомендовал запереть ее понадежнее на случай появления жуликов. Джерри оставил совет без внимания и прошел к двери Карен.

---

* Кварта — мера жидкостей; английская кварта составляет 1,1 литра, американская — 0,95 литра. Перев.

** Бурбон — кукурузный или пшеничный виски. Пер

Он повернул ручку; дверь оказалась не заперта. Джерри приоткрыл ее. Свет был включен. Он скользнул внутрь.

Первое, что он увидел, были ноги Карен, тесно сплетенные вокруг тяжеловесных ягодиц брата Томаса. Она выглянула поверх белого плеча монаха и вскинула брови.

— Можешь пока пойти к народу, что ли, — предложила она.

— О, черт, — жалко выдавил Джерри.

2. ЕМУ НЕ ПРИДЕТСЯ УПРАШИВАТЬ МЕНЯ, ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ — СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

Джерри сдержал слепую страстную тоску по музыке, и стал смотреть из окна на американское утро.

Не везде жизнь была простой вещью. Даже на образовательном канале исполняли Джильберта и Салливана. Дважды за ночь он чувствовал пресыщение, и в конце концов выключил телевизор.

Отказавшись от рясы, Джерри выбрал себе желтый шелк с широким галстуком, повязанным под ниспадающим воротником белой рубашки. Мягкие ботинки из нежной телячьей кожи от Ривианы облегали его ступни, а вибропистолет придавал немного бодрости. Возможно, наступило время убить кого-нибудь.

Стоя перед зеркалом, Джерри расчесал свои молочно-белые волосы, направляя их сначала вниз, а затем — вверх, укладывая их в два крыла, обрамляющие его изящное черное лицо.

— Астатически*,— весело пробормотал он, и мысли его обратились к Карен.

Выйдя в коридор, он глянул на ее дверь напротив, чуть помедлил и двинулся дальше, к лифтам.

Все-таки ему не часто доводилось любить — во всяком случае, так, как сейчас. Может быть, это заставляло его за-

* Выражение, означающее неодобрение. Ред.

думываться над истинностью чувства. Случай оказался хуже, чем он ожидал. Как-то сложно было собраться с мыслями с тех самых пор, как он и Карен покинули Лондон. Что-то упущено, давит ощущение фрагментарности.

Подойдя к лифту, Джерри, похлопав рукой, убедился в том, что вибропистолет на месте, под пиджаком. Для Джерри он был единственной связью с действительностью, с машиной в подвалах Лэдброук-Гроув.

Коутрубуссис...

Имя всплыло и пропало.

Растаяли воспоминания о Сохо.

Джерри сунул руку во внутренний карман пиджака и достал оттуда почтовую открытку. На ней был чуть расфокусированный снимок часов Томпиона на покрытом гравировками стальном ящике. На оборотной стороне был написан адрес: ДЖЕРРИ КОРНЕЛИУСУ, АМЕРИКА, и сообщение: ПРОДОЛЖАЙТЕ.

Он вспомнил о Баптизе Шербонно и Ките Керсоне, о Хемфри Богарте и Кирке Дугласе, о Джордже Вашингтоне и Франклине Д. Рузвельте, о Германе Мелвилле и Дашиле Хэммете, но в особенности его мысли привлекли Чарльз Ивс, Лидбелли, Вуди Гутри и Нина Симоне.

Слезы подступили к глазам, и он тяжело прислонился к стенке в ожидании лифта. Америка, разбитая мечта, нарушенное обещание...

Во время завтрака он не смог съесть яичницу, да и английская булочка осталась нетронутой. Джерри выпил немного кофе и около часа читал книжку «Ты нужен Гитлеру» Джека Тревора Стори, которая — в полном соответствии с его ожиданиями — развеселила его.

Все монахи и монашки сидели за другим столом, недоверчиво рассматривая его. Карен нигде не было видно. Но одно из лиц было знакомо ему.

Это был Протц, русский агент, и почти наверняка — двойной агент, работавший еще и на израильтян. Мог ли Джерри интересовать этого архаически одетого человека?

Протц вышел из заполненного до отказа зала ресторана почти тотчас же, как только Джерри заметил его. Вспомнив неожидинную встречу с Жаждой из Охарны, Джерри почувствовал некоторую нервозность.

Позади него возник мистер Силвер:

— Отец аббат? Приготовления...

Не в привычках Джерри было врать. К удивлению для себя самого, он извернулся:

— Не «аббат», если вы не возражаете, мой дорогой мистер Силвер, — Чаззлвит, боюсь, враги преуспели в слежке за мной и попали в этот, даже в этот, храм.

— Полиция?

— Что они могут доказать? Нет, нет. Я благодарен за вашу озабоченность, но — не стоит беспокоиться. У меня, видите ли, есть друзья в Нью-Йорке. Они подберут меня позже. Пастор Бисли...

— О, пастор Бисли! Добрые руки. Храни вас Бог.

И мистер Силвер скрытно отступил.

— Храни Бог вас, мистер Силвер...

— Нет, Боже... очень мило с вашей стороны, отец... Чаззлвит... еще раз спасибо... — Мистер Силвер опустил взгляд. — Бог... спасибо, мистер...

Джерри развернулся на каблуках и тихо вышел из ресторана, купил в фойе «Мальборо» и вернулся в номер.

Включив телевизор, он принялся менять программы, пока не наткнулся на собственный канал замкнутого телевидения гостиницы. Канал давал широкий вид дороги за главным входом. На удивление пустая дорога вела через открытую равнину к Манхаттану. Канал давал только изображение, да и сам номер был звукоизолирован. Джерри охватило ощущение изолированности.

Подойдя к окну, он увидел, как «боинг-727» компании «ПанАм» взмыл в небо.

Если Протц оказался в Штатах, то и Жажда тоже вполне мог быть здесь. Он бы предупредил Бисли, и тот появился бы в гостинице.

Но почему, собственно, он ждал, считая, что Бисли должен прийти к нему? Джерри резко повернулся и подошел к зеркалу. Кожа его приобрела темно-коричневый оттенок, в глазах появилось выражение стеснительности.

Наняв автомобиль, он мог бы попасть в Нью-Йорк за полчаса. Джерри знал, что в Нью-Йорке он чувствовал бы себя увереннее. Вот только Карен не поедет с ним.

В отдалении солнце играло ослепительными бликами на башнях сияющего города.

Укрыться было негде.

Он снял пиджак, попереключал каналы, минут пять смотрел «Хороший, плохой, злой»*, пока качество передачи цвета не расстроило его, налил себе бокал «Джека Дэниелса», пригубил его, снова надел пиджак и, выйдя из номера, открыл дверь Карен.

Она ушла; ее чемодана не было.

Джерри достал из кармана зажигалку и попытался поджечь скомканную постель. Однако белье было слишком пропотевшим; оно не загоралось.

3. ПСИХОЛОГ ОБНАРУЖИВАЕТ В ДВИЖЕНИЯХ МОНСТРА СКРЫТУЮ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

В течение трех дней Джерри, уставившись в телевизор, следил за улицей. На магистрали росло число полицейских на мотоциклах, в незнакомой черной униформе и шлемах. Часто — и днем, и ночью — они задерживали водителей.

Один раз он переключил телевизор на программу новостей. Там кто-то напоминал о европейской болезни, которая опустошала страну:

— Единственным нашим ответом на это может стать лишь европейское средство.

Еду ему теперь приносили в номер, однако гостиничная жизнь ему разонравилась. Когда он последний раз появился в ресторане, ему предстала Карен с Протцем. Она выглядела скучно. На выходе из ресторана он попытался поймать ее, но безуспешно.

Как Джерри ни всматривался в ее спину, призывного знака он не заметил.

Недостаток музыки начинал мешать ему гораздо больше, чем Карен. Удары щеток по коже барабана, подвывание Мартина, глухие звуки басов Фендера — помогло бы хоть что-нибудь из этого. Но во всем отеле не слышалось ни нот-

---

* Название известного вестерна. Перев.

ки. Во всяком случае, ничего, что могло бы служить хоть какой-то заменой музыке, вроде Гильберта и Салливана.

На четвертый день охватывавшее его смутное чувство дискомфорта усилилось. Аресты, проводимые полицией, казались все более и более произвольными.

Джерри во второй раз подключил телевизор к каналу передачи новостей.

Президент Паолоцци исчез, его заменил вице-президент Конни Агоносто, обещавший восстановить порядок по возможности быстро.

Некоторое время спустя президент Рональд Бойл, избранный в ходе чрезвычайных выборов, провозгласил, что его милиция особого назначения уже возвратила страну обратно на надежную, разумную основу порядка и готова с честью подтвердить свое предназначение в любом уголке не только родной страны, но и всего мира.

Джерри упаковал свой чемодан и придвинул его поближе к двери. Затем он поспешил в опустевшую комнату Карен и поднял трубку телефона:

— Будьте добры, скажите номер комнаты мистера Протца.

Протц занимал восемьсот пятый. Джерри поднялся по служебной лестнице, отыскал дверь с номером восемьсот пять и постучал.

— Was is das?*

— Карен, это Джерри. Я думаю, нам что-то угрожает. Лучше бы тебе упаковаться.

— Пожалуйста, Джерри, уходи. Я не собираюсь быть игрушкой в фокусах...

— О'кей.

Он пошел по коридору. Везде он видел открытые двери, а в них — людей, торопливо запихивавших свои пожитки в чемоданы. Он вернулся к восемьсот пятому и с ожесточением ударил ногой по двери.

— Карен, все уходят.

— Ну и что? Уходи.

— Что-то происходит. Смена правительства.

---

* В чем дело? (нем.)

В холле прозвучали несколько тактов мелодии Чака Берри и вдруг оборвались.

Джерри стал задыхаться. Карен знала, что делать. Коуттрубуссис... Насколько отработан заговор? Такого большого давления прежде не было. Он был выбит из седла. Все дело оказалось под угрозой.

Джордж Кетлин — Марк Твен — Генри Форд. Ничего хорошего. Почтовая карточка в его кармане была тонкая и мятая. Когда он коснулся ее, она скомкалась.

Открылась дверь; в ней стоял Жажда. В его глазах затаилась издевка.

— И что же за вещи, товарищ Корнелиус, «происходят»?

— Несчастные голубые, — проговорил Джерри. — Проклятые несчастные гомики. Это твоя работа? Ты, предатель...

— Вспомните о Фрэнке, товарищ Корнелиус. О вашем брате. Как бы он поступил?

— Дядя Фрэнк... — мозг Джерри снова покрыла мгла. — А где?..

— Вы, по-видимому, не в себе, товарищ.

— Так это был ты, да? Ты устроил ловушку?

— Нонсенс. Я здесь всего лишь советник.

— Передайте доктору фон Крупп, что я буду ждать ее в своем номере.

Со всей твердостью, на которую только был способен, Джерри прошел к ступеням и начал спускаться по ним. У него болели зубы.

4. КРАСОТА, КОТОРУЮ НЕ МОГУТ ЗАБЫТЬ КРАСНЫЕ

На экране телевизора Джерри наблюдал, как люди в спешке покидали отель; их целыми группами собирали подразделения милиции Бойла. Он словно смотрел балет.

Три черных «кадиллака» с поблескивающими черным односторонними стеклами двигались по улице в направлении гостиницы. Положение гостей становилось не из приятных.

— Джерри.

Он повернулся.

Карен держала в руках чемодан. Джерри поднял свой.

— Забрала паспорт? Мы возвращаемся.

— Так быстро?

— Я знаю, есть от чего расстроиться...

Коридоры опустели. В лифте они спустились в главное фойе, где группами стояли смущенные люди с испуганными лицами.

Невысокий мужчина в коричневом кожаном военного покроя пальто склонял свое грубое смуглое лицо над паспортами гостей. Это был мистер Силвер либо кто-то очень на него похожий. Теперь он явно находился на службе.

Джерри вальяжно прошел к столу:

— Если позволите, я бы заплатил.

— Конечно, сэр. Шестьсот четвертый и шестьсот десятый, так? — брюнетка пролистала записи на столе.

— Правильно.

— Пожалуйста, сэр, — она протянула ему счета. — Двести пятьдесят долларов, пожалуйста.

— Я могу дать вам чеки для путешествий от «Американ экспресс».

— Мне очень жаль, сэр.

— Карт-бланш?..

— Только наличными, сэр. Это новое правило.

Джерри скользнул рукой в задний карман брюк и в этот момент заметил, как человек в военном пальто с победным выражением в глазах приближается к Карен.

Джерри отдал девушке последние триста долларов:

— Сдачу оставьте себе.

— Я не могу этого сделать, сэр, — она чопорно вздохнула.

— Все возвращается на круги своя, пилигрим, — Джерри оказался около Карен раньше, чем мужчина, похожий на мистера Силвера. Однако, если это и был мистер Силвер, он сделал вид, что не помнит Джерри.

— Позвольте взглянуть на ваши паспорта.

— Мы — иностранцы... — Произнося эти слова, Джерри и сам понял, что они больше не являются защитой.

Они были оставлены на произвол судьбы. Но разве всег-

да он не оставался один-на-один с судьбой? Джерри нахмурился.

— Вы не очень здорово выглядите, — произнес мистер Силвер. — Вас что-то беспокоит?

— Откуда мне знать?

— Как вы сами себя называете? — по лицу мистера Силвера пробежала тень пренебрежительной усмешки.

— Джеремиа Корнелиус. Джеремиа Корнелиус.

— О'кей. Вы подозреваетесь в оказании помощи силам, враждебным Правительству Соединенных Штатов. Нам придется проверить ваш багаж.

— Валяйте. — И тут Джерри заметил выражение лица Карен.

Силвер подал сигнал двум высоким мужчинам в форменных пальто из кожезаменителя:

— Тейлор, Данлоп.

Те подняли дорогие чемоданы.

— Ключи?.. — мистер Силвер протянул свою влажную ладонь.

— Они не заперты.

Тейлор сначала открыл кейс Джерри и с отвращением пошарил лапой в цветастых шелках. Когда тот снова поднял глаза, Джерри понял, что у него нет ни шанса.

— Как с ней? — Джерри указал на Карен. — Отпустите ее на самолет, да? Она — просто девушка, сопровождавшая меня. Секретарь...

— Вы наняли ее, так? — засмеялся Данлоп.

— Она ведь не ваша жена? — Мистер Силвер скривил губы. — Вы — иностранцы! Проверить ее кейс!

У Джерри опустились руки. Он зажег «Ромео и Джульетту».

— Прелестная сигара, — принюхиваясь, произнес Силвер; он кивнул, когда его люди вытащили что-то из багажа Карен. — Вам удалось достать их! Мне нравится запах хороших сигар.

Предмет представлял собой небольшую модель ракеты «Аполлон», выполненную из золота.

— О'кей. Теперь посмотрим вон те паспорта.

Карен бросила взгляд Джерри, передавая свой паспорт Силверу. Что, Протц и Жажда направляли ее действия? Насколько отработана была установка? Силвер знал, что суще-

ствовали двусмысленности, но не хотел признавать этого. Он шел за ними просто потому, что они ему не нравились. Вот как обстояли дела.

— Немка, — сказал Силвер. — И англичанин, вот как? Вы откуда, хе?

— Британия.

— А до этого?

— Небеса?

— Это в Вест-Индии?

— Отец не говорил мне.

— Я оставляю паспорта себе. Они представляются мне грубой подделкой. Даже ваши фотографии выполнены с негатива.

— Проверьте их.

— Не сомневайтесь. Данлоп. Отведите этих в автобус, к остальным.

Двое высоких взяли Джерри и Карен под руки и проводили их через фойе, потом — через двери-распашонки к месту стоянки большого аэропортовского автобуса, внутри которого находилось множество людей.

Когда они вышли на тротуар, Джерри увидел разбегавшихся людей и уклонявшиеся от столкновения машины, так как «боинг-707» отклонился с взлетно-посадочной полосы, и взревев двигателями, проскочил между постройками аэропорта, пересек автомагистраль по косой и скользнул в поле.

— Ну, вы, ребята, определенно заставили все работать на себя, — Джерри бросил сигару в канаву.

— В автобус, — приказал Тейлор.

Джерри и Карен вошли в автобус. Его украшала хромировка и яркая синь. Все сиденья были заняты нервничавшими людьми, большей частью среднего возраста и среднего сословия. Это что-то значит, подумал Джерри.

Некий добропорядочный мужчина в серой накидке и шляпе держал у груди дорогой портфель. На руках у него были коричневые кожаные перчатки.

— Я — Фельдман, — повторял он. — Фельдман. Я — Фельдман.

— Все, — бросил Данлоп водителю. — Можете закрывать дверь.

Фельдман бросился к передним дверям, когда они нача-

ли закрываться. Тейлор ударил его в лицо. Фельдман, с кровоточащим носом отшатнулся.

Автобус тронулся, увозя с собой Джерри и Карен, судорожно уцепившихся за скользкий центральный стояк. Со стороны гостиницы послышались звуки выстрелов из пистолетов-автоматов Томпсона.

Доехав до перекрестка, автобус повернул в сторону континента, прочь от Нью-Йорка.

Вскоре они оказались на дороге интерстейт-80*.

Джерри почувствовал, как его дергают за полу пиджака, и, взглянув вниз, увидел сильно накрашенное лицо старой женщины с синими, тоже крашеными, волосами, сидевшей на ближнем к нему сиденье.

— Молодой человек, — прошептала она, — это автобус на Итаку?

— Вам бы лучше спросить об этом водителя, мэм, — ответил ей Джерри. — Я лично не думаю, что мы отправляемся так далеко.

---

* Магистраль между штатами США. Перев.

РАЗМЕР ОПРЕДЕЛЕН

Оперативно-тактическая ракета «Ланс» может лететь туда, куда ее пошлет армия.

Она непритязательна, она точна. Работать с ней просто и легко.

И... она мобильна.

Она может быть доставлена на поле боя вертолетом, сброшена с самолета на парашюте или привезена наземными средствами по пересеченной местности в любых погодных условиях.

Легкая пусковая установка «Ланс» может буксироваться каким-либо из имеющихся в распоряжении транспортных средств грузоподъемностью в пределах до четверти тонны весом. Основная рама пусковой установки, рама ракеты и сама ракета помещаются на гусеничный тягач для наземного или морского передвижения.

Кроме того, каждая система «Ланс» требует для обслуживания команду только из шести человек.

Она приводится в движение заранее подготовленным и заправленным жидким горючим двигателем, силовая установка такого рода впервые используется в ракете, находящейся на вооружении армии.

«Ланс» почти так же малогабаритна, как и ее древняя тезка* — основное оружие войны со времен сотворения мира.

Мобильность «Ланса», реклама компании ЛТВ

1. НЕВЕСТА ПО ПОДПИСКЕ ИЗ ПЕНСИЛЬВАНИИ

Где-то в Пенсильвании, на заросших деревьями холмах, свысока взирающих на Делавар, автобус остановил-

* Lance (англ.) — пика.

ся у высокой, опутанной колючей проволокой калитки с деревянной дощечкой-памяткой, гласившей:

НЕ ВХОДИТЬ!

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК ОХРАНЯЕТСЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

— О'кей, все! — Водитель достал из-под сиденья швейцарский карабин М11. — Вот здесь вы и проведете свои каникулы.

Тейлор и Данлоп бросили на него неодобрительные взгляды. Синие двери с визгом открылись, и пассажиры высыпали из автобуса на узкую грязную дорогу, проходящую рядом с проволочной стеной.

Настроение Джерри улучшалось. Выходя из автобуса, он дал водителю доллар на чай.

— Сюда! — скомандовал Данлоп.

Сгибаясь под тяжестью своих чемоданов, пассажиры последовали за Тейлором и Данлопом и дошли до декоративной, отделанной металлом калитки перед небольшим баварским домиком, из которого вышли три вооруженных милиционера в черной униформе, солнцезащитных очках и мотоциклетных шлемах.

Четвертый милиционер просунул голову в причудливо вырезанный дверной проем.

— Ждать здесь. Я созвонюсь с лагерем.

Джерри взялся за два скрученных прута из черного металла и вгляделся в пространство за калиткой, вдыхая мягкий сосновый запах. Широкая дорога вела между деревьями по другую сторону проволоки и исчезала за взгорком. Оттуда взвыл дизель, и большой крытый грузовик с прицепом с глухим стуком появился перед ними, просигналив из сдвоенных позолоченных рожков на крыше, развернулся и остановился. Водитель спрыгнул с подножки кабины и побежал открывать раздвижные двери грузовика.

Один из милиционеров отомкнул причудливую калитку.

— О'кей, проходите.

Пассажиры потащились к крытому фургону и неуклюже стали взбираться на борт.

Джерри помог старой женщине вскарабкаться внутрь.

— Как воняет мясом! — Она прислонилась к его плечу. — Животных. Что, черт побери, эта компания делает с нами?

— Это всего лишь короткая поездка, мэм, — ответил Джерри, помогая Карен и ощущая ладонью структуру грубого твида. — Скоро будем на месте.

Когда двери автомобиля закрылись и двигатель завелся, Джерри присел в полутемном углу, и они затряслись по лесу. Через пять минут грузовик остановился; воздух снаружи завихрился с веселым звуком, когда машина протащилась еще несколько ярдов, снова остановилась, и двигатель заглох.

Все зажмурились, когда двери разъехались и в открывшемся проеме показался хмурый сержант, взмахом винтовки приказавший им выходить.

Мистер Фельдман слегка воспрянул духом. Он стоял во дворе, отряхиваясь, пока его попутчики выгружались и без особого любопытства оглядывались на длинные деревянные хибары и тройную ограду из колючей проволоки, в которой через каждые тридцать футов были устроены наблюдательные вышки с охранниками.

— Кто здесь старший? — требовательно спросил Фельдман. — У меня есть несколько вопросов.

— Вам нужен комендант лагеря, — ответил хмурый сержант. — Он будет разговаривать с вами через несколько минут.

Джерри принялся насвистывать. Карен взглянула на него со смесью осуждения, подозрения и опаски: сломаться все же было от чего.

2. КОГДА ЖЕ СТАНЕТ ЗАКОННЫМ МНОГОЖЕНСТВО?

Вновь прибывшие стояли, выстроившись в длинную линию лицом к главной хибаре, и тишина некоторое время нарушалась только звуком лопающихся на костре сосновых

шишек, пока дверь с табличкой «КОМЕНДАНТ ЛАГЕРЯ» с треском не распахнулась и не вышел высокий, элегантно одетый мужчина, который поприветствовал их.

Комендант лагеря был одет в униформу, сшитую из прекрасного черного тканого материала, а его форменная фуражка была наклонена под точно выдержанным углом над его солнцезащитными, полностью отражающими солнечный свет очками, которые были также черны и также неистово блестящи, как и его исключительно старательно надраенные кожаные сапоги.

— Добрый день, леди и джентльмены. Я капитан Бруннер, ваш комендант. Моей приятной обязанностью является заверить вас, что вы будете превосходно себя чувствовать после того, как проведете здесь некоторое время. Я не сомневаюсь, вы прекрасно знаете, что чрезвычайное положение, введенное нашим президентом, мистером Бойлом, является исключительно глубоким и дальновидным примером социального новаторства, и вам предоставлена привилегия быть составной частью этого эксперимента, который в некоторой степени затрагивает проблемы перенаселения этой страны. Безусловно, с вами будут обращаться, как положено, и ваши основные потребности будут удовлетворены. Западная... — Он меланхолично взял папку с бумагами, которую ему протянул сержант. — Кроме того, мы можем заверить вас, что ваше интернирование будет предельно коротким. Мы намереваемся вскоре освободить вас.

Он обратил свое внимание к папке с бумагами.

— Теперь так, не могли бы все мужчины старше сорока лет и их жены поднять руки?

Только Джерри и Карен фон Крупп не шелохнулись.

— Отлично, — сказал капитан Бруннер. — Вы все — или почти все... — он разочарованно посмотрел на Джерри и Карен, — имеете преимущественное право на выбор рода службы. Есть ли у вас какие-либо вопросы ко мне?

Мистер Фельдман поднял руку.

— Меня зовут Фельдман. Не могу ли я позвонить своей жене и сказать ей, где я нахожусь?

— Должен вас порадовать, мистер Фельдман, мы уже знаем, где ее найти, и она, должно быть, вскоре присоединится к вам.

— Да, слушаю вас, мэм, — обратился Бруннер к спрашивающей его женщине.

— Меня зовут миссис Мириел Маккарти.

— Так в чем же дело?

— Я хотела бы знать, почему я нахожусь здесь.

— Ваша девичья фамилия?

— Салливан.

— Понятно. Отвечая на ваш вопрос, скажу, что трудно объяснить суть дела несколькими словами, миссис Маккарти. Все происходит в точном соответствии с законом, изданным президентом Бойлом, и мероприятиями по наведению порядка. Я надеюсь, вы верите в Закон и Порядок?

— Безусловно.

— Поэтому я не сомневаюсь в том, что вы сумеете подготовиться к тому, чтобы в течение незначительного времени испытывать некоторые неудобства, чтобы у нашего президента была уверенность в том, что в будущем в его стране будет и Закон и Порядок, не так ли?

— Да, вероятно.

— Превосходно. Хорошо, я думаю, вы все устали, изрядно запылились после путешествия и не против помыться и отдохнуть. Оставьте ваши пожитки здесь, их доставят в ваши жилища. Сержант проводит вас в душевые.

Вновь прибывшие последовали за сержантом к хижине с высокой дымовой трубой. Джерри и Карен остались стоять посреди положенных кое-как вещей.

— А с вами я хотел бы побеседовать в моем кабинете. — Капитан Бруннер повесил связку ключей на крюк, вбитый около двери его кабинета. — Пожалуйста, входите. — Он прошел внутрь мимо двери, которая закрылась за ним с резким звуком.

Карен поглядела на исчезающую из поля зрения вереницу людей и потом на Джерри.

— Похоже, тебе немного полегчало, — сказала она то ли вопросительно, то ли утвердительно.

— Это не входит в план, да? — Джерри толкнул дверь во владения капитана Бруннера. — Двигай за мной.

После секундного колебания Карен последовала за ним.

Кабинет Бруннера был превосходно обставлен обшитой кожей мебелью. Из окна был виден школьный двор, на ко-

тором беззаботно играли дети в маленьких одинаковых белых халатиках.

Капитан Бруннер сидел за своим рабочим столом и курил сигарету, заправленную в длинный мундштук из слоновой кости. У него было чувственное лицо и, можно сказать, холеные руки с длинными пальцами. Он снял солнцезащитные очки и рассматривал Джерри своими порочными сардоническими глазами.

— Ну-ну... Так что же привело вас в лагерь воскрешения?

— Ряд обстоятельств, капитан Бруннер. Это доктор фон Крупп, — Джерри представил Карен.

— Спутница вашей жизни?

— Бывшая спутница.

— Разве это так? Похоже, мистер Корнелиус, что при сложившихся обстоятельствах это вопрос в большей степени возможности соединения тел, чем чего-то другого.

— Действительно, это так.

— Мы подумаем, что можно будет сделать. Вскоре. Так почему же вы оказались в Соединенных Штатах? Вероятно, искали меня?

— Мне казалось, что я ищу пастора Бисли, но вполне вероятно, и в конце концов так и оказалось, что я потерял себя. Вот уж чего не ожидал.

— Вы не можете убежать от себя, мистер Корнелиус.

— Думаю, что вы правы, капитан. Мне уже значительно лучше.

— Так и должно быть. У вас был некоторый крупный сдвиг по фазе, не иначе. Я надеюсь, вы не возражаете против такого определения?..

— Да, именно таким было и мое впечатление. — Джерри слегка постучал пальцем по голове. — Я был слегка не в себе. Когда этот Бисли украл группу наших лучших пациентов преобразования...

— Он все еще охотится, да? Хорошо, я знаю, как все обстоит на самом деле. Последний раз я слышал о Бисли неделю назад, когда был на вечеринке. Насколько я припоминаю, он был в Сан-Франциско, на своей яхте.

— С моими пациентами?

— Почти наверняка. Тем более, что его главная штабквартира расположена рядом — в Лос-Анджелесе.

— Он работает на вашего босса? На Бойла?

— Господь с вами, конечно нет. Вполне вероятно, что Бисли неотесан, но он не может быть неотесан до такой степени. Он никак не сможет помешать созданию Великой Америки. Вам знакомо имя Эмиль?

— Нет.

— Так вот, Бисли связан с этим человеком некоторыми делами. Его натура признает только кулачное право, я почти уверен в этом.

— Я бы не утверждала этого со всей определенностью, — сказала Карен фон Крупп.

— Несомненно, что вы знаете его лучше, чем я. — Капитан Бруннер снял фуражку и аккуратно положил ее на стол. Его короткие волосы были так же белы, как и длинные волосы Джерри. Он расстегнул ворот своего кителя.

Карен фон Крупп нахмурилась.

— Вы повинны в создавшейся ситуации, капитан Бруннер?

— Косвенно, да. Теперь, Джерри, нам предстоит подумать о том, как вам выбраться отсюда, не так ли?

— Именно так.

— Совершенно очевидно, что вам нельзя оставаться здесь. Вам следует исчезнуть, но, по всей вероятности, сначала убить меня. Предполагаю, что у вас есть игольчатое оружие.

— Вибропистолет.

— А, так теперь это вибропистолеты... Ну-ну. В любом случае этого достаточно. Это будет облегчением.

— Для нас обоих.

— Безусловно.

— Хотелось бы узнать, есть ли где-нибудь поблизости Туннель преобразования?

— В Америке? Вы, должно быть, шутите. Это очень стабильное государство, мистер Корнелиус. Даже я не способен к созданию миражей!

Джерри рассмеялся.

— Может быть, тогда найдется вертолет или легкий самолет?

— Лучшее, что я могу предложить вам, это дизельный

грузовик. Больше ничего нет... — Он развел руки, жестом выражая беспомощность. — Мы торчим здесь в очень стесненных условиях, мистер Корнелиус.

— Лады. Что же мы будем делать?

— Ждать в моем кабинете, пока я не вернусь. Здесь, к сожалению, всего несколько книг. Смотрите, как играют дети. Они прелестны, не правда ли? Интересно, вы также сильно любите детей, как и я?

— Естественно.

3. ИСТИННЫЙ ДУХ ГОЛЛИВУДА НИКОГДА НЕ УМИРАЕТ

Капитан Бруннер вскоре возвратился.

— Я совсем позабыл, что мне больше не понадобится «дюзенберг». Вы можете воспользоваться им, если хотите.

Джерри кивнул.

— Почему вы забыли об этом?

— Его вернули только сегодня утром. Мой шофер попросил его на некоторое время и был пойман на нарушении правил вождения. Его вчера застрелили. Даже я не смог бы уберечь парня от этого.

Все засмеялись.

Карен фон Крупп слегка цыкнула. В середине ее нижней губы был маленький кровоподтек. Ее руки были напряжены.

— Я точно не знаю, куда направиться, — сказал Джерри, — то ли во Фриско и провернуть это дело с Бисли на свой страх и риск, то ли попытаться сделать что-нибудь еще, в зависимости от обстоятельств. Вы, наверное, знаете лучше меня.

— Достаточно достоверно. Но я не хотел бы влиять на ваше решение, мистер Корнелиус. Вы прекрасно знаете, к чему приводит принуждение.

— Да, конечно. Так, а теперь нам предстоит устроить эффектный спектакль, не так ли?

— Почему бы нет?

— Отлично. Не смотри так удрученно, Карен. Ты не сможешь победить их всех. Ты идешь со мной?

— Я остаюсь здесь.

— И ты думаешь, что это неплохая идея? Бисли...

— Поражение — есть поражение. Я остаюсь.

— В качестве кого? — вежливо спросил Бруннер.

Она пожала плечами, и ее взгляд стал бесцветным.

— Мне как-то все равно. Здесь так мирно, тихо.

Он сочувственно потрепал ее по плечу:

— Тогда мне действительно придется застрелить тебя. Такова политика, ты знаешь.

Она продолжала посасывать прикушенную губу.

— Это добавляет новые морщины. — Джерри слегка подмигнул ей.

Из уголка ее глаза выползла слеза.

— Дай ей остаться здесь, — предложил капитан Бруннер. — Я уверен, что она далеко пойдет, когда справится с этим.

— Но Бисли...

— Разве это имеет какое-либо значение?

— Время засоряется всякой дрянью.

— Думаю, что ты прав, — Джерри усмехнулся. — Сладких грез, Карен.

— Ну, мы уходим наконец. — Капитан Бруннер направился к двери.

— Уходим.

Они покинули кабинет коменданта, и Джерри подталкивал вибропистолетом идущего впереди капитана Бруннера, а капитан Бруннер взывал восхитительным дискантом:

— Делайте, как он приказывает! Делайте, как он приказывает!

Большой «дюзенберг» — три тонны, с форсированным двигателем, построенный в 1936 году, с пуленепробиваемыми окнами и стальными заслонками — стоял в стороне.

Они сели в машину.

Капитан Бруннер вел машину, а Джерри Корнелиус приставил вибропистолет к его голове.

Вокруг возбужденно суетились охранники в черной форме, старавшиеся, судя по всему, думать о чем-нибудь прият-

ном. В это время ветер вдруг изменил направление, и густой, желтый дым из высоких дымовых труб попал им в глаза, горло и заставил судорожно закашляться. Пока они открывали ворота Лагеря воскрешения, многие из них выглядели весьма ошеломленно.

Выйдя из кабинета коменданта лагеря, Карен фон Крупп почти печально махала на прощание рукой.

— Добрая, старая Карен, — сказал Джерри.

Капитан Бруннер поудобнее устроился за рулем, пока они ехали среди сосен, которые фильтровали последние лучи заходящего солнца.

— Должен признать, что я бы предпочел Касабланку, — сказал он. — Но все это в далеком прошлом, о чем я искренне сожалею. Или все-таки в настоящем? Наверное, это зависит от того, как на это посмотреть.

Он отпил виски «Белл» из бутылки, которая располагалась в держателе вблизи руля.

— Последняя бутылка. Это как раз то, что надо в таких переделках. Ты не возражаешь, если я разделю часть содержимого с тобой, мой дорогой приятель?

— Какие могут быть возражения? — ответил Джерри. — Конечно же нет!

Они доехали до следующей системы заграждений вблизи сторожки у ворот. Кто-то, видимо, позвонил охранникам, так как они держали свое оружие наизготовку, хотя и не думали пускать его в дело.

— Вы не могли бы поднять защиту, капитан Бруннер? — попросил Джерри, улыбаясь охране.

Капитан Бруннер нажал кнопку. Стальные заслонки со стоном поднялись, и они оказались в темноте. Капитан Бруннер включил свет.

— Теперь, — сказал Джерри, — если вы не будете иметь ничего против...

— Ну говори же.

— Считайте, что слово сказано.

— Я жду слово...

Джерри улыбнулся:

— Капитан Бруннер — вы мой счастливый билет.

Заслонка на окне около Джерри начала открываться до

тех пор, пока не образовалось отверстие диаметром пять дюймов в точности в центре окна. Джерри просунул пистолет сквозь это отверстие и нажал на спусковой крючок. Охранников растрясло на куски. Он повернул оружие, и ворота задрожали, заскрипели и обрушились. Они стартовали и промчались мимо.

— Вперед, на свободную дорогу, — пел капитан Бруннер, разворачивая машину по направлению к Буффало.

— Так где же ты думаешь провести наш «медовый месяц»?

— Именно там, куда мы направляемся, где же еще?

В непроизвольном жесте восхищения рука капитана Бруннер взлетела и обхватила плечи Джерри, крепко их сжала, в то время как его нога изо всех сил давила на акселератор.

ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ

СКАЖИ ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО — И ТЕБЯ МГНОВЕННО ПЕРЕГИПНОТИЗИРУЮТ!

Завораживающие книги и могущественные специальные средства помогут вам осуществлять гипнотическое воздействие.

Именно на кончиках ваших пальцев расположены те орудия, те инструменты, которые вам следует изучить для того, чтобы совершать настоящие гипнотические подвиги. Вы можете изумить своих друзей, ошеломить целые группы людей или же использовать приобретенное могущество для совершенствования своей личности... В любом случае гораздо интереснее жить, обладая этим качеством. Мы гарантируем, что вы получите удовольствие, мы гарантируем, что доставим вам несчетные часы восхитительной радости, подъема чувств и выгоды.

ВХОДИТЕ В ГИПНОТИЧЕСКИЙ ТРАНС С ПОМОЩЬЮ НАШЕГО ЭЛЕКТРОННОГО ПРИБОРА!

Вам не раз доводилось видеть применение аналогичных приборов в кинофильмах или в передачах телевидения. Теперь вы можете, обладая ею, использовать усовершенствованную модель — С ДВУМЯ РАЗЛИЧНЫМИ СМЕННЫМИ ДИСКАМИ. Воткните штепсель в розетку, включите питание на панели прибора, и диск начнет свое гипнотическое вращение. Применяйте наш прибор для поднятия своего профессионального престижа, для самогипноза, для гипнотизирования других — как отдельных людей, так и групп. Прибор обладает прочным металлическим корпусом, сетевым шнуром длиной более 2 метров, простой панелью управления, двумя дисками и инструкцией по эксплуатации.

Номер «SST=2D»

Гипно-Вихрескоп..... 19.95 долл.

Реклама компании «Союз взаимопомощи», «Нью Мэн»

1. КАК ВОЙНА ИЗРАИЛЬТЯН РЕШИЛА ЗАГАДКУ УБИЙСТВА НАСИЛЬНИКА!

Дом являл собой превосходный образец готической деревянной архитектуры — украшенный башенками и эксцентричными мансардными окнами, с раскрашенными пилонами и ажурными волютами — спиралевидными завитками с «глазком» внутри, а затененные веранды наводили на воспоминания о неспешных прогулках священников. Нарушала высокий вкус и гармонию только недавно сложенная кирпичная дымовая труба.

Внутри, в холле, было темно, его заполняли громадная подставка для зонтиков, вешалка для шляп и зеркало, которое, как казалось, отражало темноту. Из гостиной шел сырой, застоявшийся запах старой конской гривы и прежнего застолья, искусственных цветов, мебельных чехлов и масла для волос. На противоположной стороне холла жилая комната была заставлена дубовой мебелью, созданной по образцам старинных испанских католических миссий в Калифорнии и отделанной искусственной кожей.

За жилой комнатой находилась столовая со столом и стульями, сделанными из золотого дуба, из окна которой открывался вид на водопад.

В доме все еще жили.

Вдалеке, по пустым улицам разносилось эхо, повторяющее непрерывный рев падающей воды. Очертания гостиниц, гаражей, магазинов сувениров, ресторанов и кинотеатров незаметно смешивались с контурами деревьев, кустарников и травы. Время от времени порыв ветра шевелил край пожелтевшей газеты, торчащей из мусорного ящика.

Пока они ехали к границе, капитан Бруннер, тоскуя по прошлому, вел машину по улицам, загроможденным искореженными автомобилями.

— Ах, как переменчива мода.

Большая часть строений была разграблена, ободрана и сожжена.

За обеденным столом они съели по порции стэйка в ин-

дивидуальных упаковках для микроволновой печи от Шатобриана, которые капитан Бруннер принес из погреба.

— А как тебе удалось удрать из Европы? — спросил капитан Бруннер, расстегивая форменный китель, под которым обнаружилась желтая рубашка из хлопка, выращенного на Си-Айленде.

— Точно также, как я однажды надеялся найти путь к ней. — Джерри отодвинул от себя остатки обеда и еще раз отхлебнул калифорнийского рислинга. — Это тяжелейшая борьба.

— Вероятно, так будет всегда, Джерри.

— Одна дверь открывается. Другая закрывается.

— А не к лучшему ли это?

Джерри поднял черную как смоль руку к черному как смоль лицу и потер правый глаз. Капитан Бруннер улыбнулся.

— Иллюзия могущества, — сказал Джерри. — Это иногда кажется слишком приятным, чтобы выразить словами.

— Или же конкретные действия, как в нашем случае.

— Точно.

— Ты уже избавился от своих сомнений, не так ли?

— Не совсем.

— Ну что ж... — Капитан Бруннер сложил остатки наполовину съеденного обеда на поднос. — Я отнесу это на кухню. Ты не хотел бы прогуляться сегодня в середине дня?

— Последняя прогулка...

— Если у тебя есть желание.

— Ты же прекрасно знаешь, что на самом деле это целиком и полностью зависит от тебя, — сказал Джерри и повернулся в сторону водопада.

— Мне все меньше и меньше хочется идти. Вот в чем дело.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Так ты хотел бы сделать это сам?

Капитан Бруннер поднял пустую бутылку:

— Это было бы не по правилам.

— Правила очень строги.

— Более строги, чем ты можешь себе вообразить.

— Хорошо. Валяй в том же духе. Мне хотелось бы по-

слушать хоть какую-нибудь никудышную музыку. — Джерри встал.

— Победа близка, — сказал капитан Бруннер.

Джерри прошел в гостиную, чтобы посмотреть, работает ли большой проигрыватель, как и мебель, отделанный под дуб. Он открыл крышку ящика для пластинок, который располагался внизу проигрывателя, и достал тяжелые пластинки на 78 оборотов в минуту. Они сухо затрещали в его руках. Он поднял верхнюю крышку звуковоспроизводящего устройства, пристроил пластинку на вращающийся диск и запустил рычажок звукоснимателя.

Когда капитан Бруннер вернулся в комнату, Джордж М. Коэн исполнял «Янки Дудль», а Джерри лежал на миссионерской кушетке, уставившись на игру световых лучей на потолке.

— Думаю, что там есть лучшие вещицы Эла Джолсонса, включая «Зеленые пастбища»*.

Капитан Бруннер в нерешительности стоял у порога:

— Впечатление такое, как будто бы мы в прошлом.

— До моего рождения, — сказал Джерри.

— И до моего.

Они слушали пение Джордж М. Коэн с необыкновенно интенсивным, клинически диагносцированным вниманием.

— О чем это говорит нам? — капитан Бруннер погладил волосы Джерри.

— Это тот самый код, понять который нам не суждено никогда, — Джерри печально пожал плечами.

— Нет.

Они систематично переломали все пластинки и побросали обломки внутрь проигрывателя.

---

* Намек на знаменитую песню из репертуара Тома Джонса «Зеленая трава у дома». Перев.

2. ПОЧЕМУ АРТИСТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К РЕАЛИЗМУ

— Чему быть — того не миновать, — сказал капитан Бруннер.

Наступил рассвет, и солнце сияло сквозь сетчатые занавески на окнах спальни.

Он повернул голову на подушке и пристально посмотрел на Джерри, который только что открыл глаза.

— Сегодня утром, — сказал Джерри.

— Уже слишком поздно.

— Ладно.

Капитан Бруннер поднялся и потянулся всем своим прекрасным телом, после чего, опустившись коленями на матрац, слегка поправил дощечку, висевшую на стене, на которой виднелась выжженная надпись: «БОГ ОСЧАСТЛИВИТ НАШ ДОМ».

— Ты выглядишь старым, — сказал Джерри, — израсходованным.

— А ты нет?

— Думаю, что это мне еще предстоит.

— Мы все становимся лишними. Это старый обломанный зуб, который сильно мешает во рту. Тем не менее, я рад, что служил какой-то цели.

— Не какой-то, а важной цели. Только ты... — Джерри выбрался из постели и начал целеустремленно одеваться. — Мне предстоит кое-какая работа.

— Я думаю, что сегодня мне не захочется надевать что-либо, — капитан Бруннер открыл дверь, — я провожу тебя до выхода.

Джерри затянул ремень, перекинутый через плечо, и проверил оружие. Он перешел площадку лестницы по направлению к ванной, где ополоснул холодной водой лицо. Вытершись, он проследовал на кухню, где капитан Бруннер уже приготовил кофе.

— Теперь я буду ощущать себя гораздо более счастливым, — сказал Джерри.

— И я тоже. С твоей стороны было очень мило примириться со мной.

— Я догадываюсь о том, что это так.

— Конечно.

Они допили кофе и, покинув дом, медленно пошли по пустынным улицам по направлению к водопаду.

Наконец, они встали на мысе, наблюдая, как низвергается огромная масса воды. Водяные брызги осыпали их. Капли воды блестели на теле капитана Бруннера. Он глубоко вздохнул.

Глаза Джерри наполнились слезами.

— Родственные связи так затруднительны.

Его голос утонул в грохоте водопада, но капитан Бруннер кивнул.

Джерри достал пистолет из-под одежды. Вода все также с шумом обрушивалась вниз. Над ней держалось облачко водяных брызг, а цвет воды был зелено-голубым, с яркими солнечными бликами.

Вдруг капитан Бруннер обернулся, закричал, сделал стойку и нырнул в бушующие воды, превосходно исполнив упражнение.

Джерри проследил за его полетом, а потом посмотрел за спину.

Пастор Бисли, одетый в точном соответствии со своим саном, как раз прицеливался, приложив к плечу «ремингтон-1100» с красиво обожженным кленовым прикладом. Винтовка была направлена на Джерри.

— Я хотел воспользоваться вашим оружием, мистер Корнелиус.

— Сейчас для этого не очень подходящий момент, пастор.

— Я прошу прощения.

Из желто-кремового трансформируемого «линкольна», стоявшего позади Бисли, вылезла блондинка, которую Джерри впервые встретил в Нибельбурге. Она была одета в платье горчичного цвета от Феро, фасоном напоминающее костюмчик гимназистки-подростка, из камвольной материи (смесь шерсти и терилена), хорошо подобранную широкополую шляпу с ободом шоколадного цвета, узкие сетчатые колготки с люрексом и шоколадно-коричневые сапожки от Марано, украшенные жемчугом у коленей. Через локтевой сгиб ее руки была переброшена маленькая сумочка из выделанной телячьей кожи с золотой цепочкой, а в другой руке она держала такой же «ремингтон-1100», уперев его при-

клад в бедро. При этом ее миниатюрные белые перчатки были явно от Питарда.

— А я все думал, куда же вы могли запропаститься, — сказал Джерри.

— На Бонд-стрит, — ответила она. — Я застрелю тебя, если ты теперь не отдашь ему свое оружие.

Джерри протянул вибропистолет стволом вперед. Пастор Бисли опустил винтовку, откинул митру, отер потный лоб свободной рукой и только после этого двинулся к Джерри, чтобы забрать оружие.

— Весьма благодарен.

Джерри оглянулся на радужную туманность водяных брызг. Казалось, что шум водопада едва слышен. Джерри нахмурился.

— Вы совершенно определенно заставили нас пуститься в преследование, мистер Корнелиус, — сказал пастор Бисли. — Нам пришлось проделать изрядный путь, прежде чем мы нашли вас, к вашему сведению. Поначалу нам показалось, что вы изменили свою внешность. Не могла бы моя добрая спутница присоединиться к вам?

— Боюсь, что нет.

— Я сожалею о том, что ваш друг так импульсивно покинул вас...

— Действительно, это было достаточно неожиданно.

— Он был вашим близким другом?

— В течение всего этого времени он был мне отцом и матерью.

— Я восхищаюсь вашей философией. Хорошо, пошли. Нам предстоит прекрасное путешествие. Митци, если ты поведешь машину, то я смогу присмотреть за мистером Корнелиусом.

Митци угрюмо посмотрела на Джерри. Пастор Бисли отдал ей вибропистолет и положил свой жирный палец на спусковой крючок «ремингтона». Он слегка ткнул винтовкой в Джерри:

— В машину, мистер Корнелиус. Вы можете сесть рядом с водителем.

Митци положила свою винтовку под сиденье и включила двигатель. Джерри обошел автомобиль и занял указанное ему место. От Митци шел запах духов Кордэ, и Джерри с заметным удовольствием вдыхал его. После того, как Бисли

разместил себя на заднем сиденье, Митци подала назад, потом резко развернулась и помчала машину в западном направлении от дома.

— Вы не хотели бы как-нибудь на досуге услышать пару слов о Карен? — спросил Джерри.

— Почему же нет? — Пастор Бисли снимал обертку с детских сладостей. — Кстати, мы осмотрели дом.

Митци вела с уверенностью, которая позволила Джерри расслабиться. Он слегка откинулся на сиденье и спокойно наблюдал, как исчезают строения.

— Вы ведь не собираетесь пересечь границу?

— Не по мосту, мистер Корнелиус. Не те обстоятельства.

— Какие такие обстоятельства?

— Ну — вас разыскивают официальные власти. Объявлено даже о вознаграждении за ваш арест, как за сбежавшего заключенного. Ваше дело — труба, мистер Корнелиус!

— Я бы не смог с полной уверенностью сказать, что вы правы, — Джерри, казалось, задумчиво что-то вспоминал.

Рот пастора Бисли был полон конфет, поэтому он сумел только пожать плечами.

Вскоре Джерри заметил Уэллендский канал. Он был забит маленькими частными суденышками, большая часть которых, по всей вероятности, в спешке удирала. В некоторых из них были пробоины. На борту нескольких таких плавучих домов до сих пор были люди.

Пока машина шла вдоль канала, Джерри размышлял.

Бисли шумно жевал.

— Бедные создания, — говорил он в паузах своей любимой работы, — у страха глаза велики, а на самом деле им нечего бояться.

— Но есть кое-что, чего следует опасаться. — Джерри увидел на некотором удалении черный дым. Он опустил стекло, чтобы принюхаться, но ничего не почувствовал, так как источник дыма был слишком далеко.

— Не будете ли вы так добры закрыть окно? — пастор Бисли мял бумажный пакет. — Я подвержен простуде.

Джерри снова поднял стекло.

— Если вы желаете, мы могли бы включить кондиционер. — Бисли слегка тронул плечо Митци. — Включи его, дорогая, не возражаешь?

Она протянула руку в белой перчатке, обнажив при этом несколько дюймов розового тела, и нажала на кнопку. Возник шепчущий звук, идущий откуда-то из нижней части приборной панели.

— Теперь значительно уютнее, не так ли? — пастор Бисли слегка поправил положение винтовки. — Намного лучше.

— В обоих случаях вы правы, — Джерри откинулся назад и закрыл глаза. Это была утомительная неделя.

НАЛОЖЕНИЕ ШВОВ

СЛУШАЙТЕ ГОЛОСА КРИЗИСА!
Настройтесь на самые последние новости — и вы узнаете, как действительно все происходит!

Слушайте, какие события разворачиваются в экстренных ситуациях. Следите за каналами связи с полицией и пожарной охраны. А также за патрулями на правительственных трассах, штабами гражданской обороны, силами береговой охраны, службами спасения в экстренных случаях.

«ДЕЙСТВИЕ» — НОВЫЙ ПОРТАТИВНЫЙ РАДИОПЕРЕДАТЧИК ДЛЯ ПОЛИЦИИ! Всего за 129,95 доллара.

С помощью нашего нового радиопередатчика в любую минуту дня и ночи, в любом месте, где бы вы ни находились, вы сможете услышать звуки, сопровождающие кризисные события: нарушение общественного порядка, вооруженные ограбления, убийства, большой пожар, преследование злоумышленников на высоких скоростях. В этом случае вы можете тут же настроиться на волну радиопередачи ближайшего полицейского участка и услышать голоса в сети оперативной связи центрального пункта с патрульными машинами, с машинами пожарной охраны.

Вы услышите самые свежие новости в самый момент их рождения.

Реклама фирмы «Нова-Тех», «Истинные полицейские истории»

1. КОГДА ОН УВИДЕЛ ОТМЕТИНЫ НА МОЕМ ТЕЛЕ, ОН ЗАСТЫДИЛСЯ

Когда Джерри проснулся, был уже полдень, а машина все еще продолжала движение по широкой, пустынной автостраде. На обочине Джерри увидел дорожный знак. Они направлялись к Лондону.

— Так мы едем в Лондон, я не ошибся? — Джерри обратился к Митци. Она не ответила.

— Не мешайте водителю, мистер Корнелиус. Вам следовало бы знать без дополнительных объяснений, — пастор Бисли слегка тронул плечо Джерри батончиком шоколада «Марс». — Нет, мы не будем останавливаться в Лондоне. Нам предстоит еще долгий путь.

Джерри посмотрел на прекрасные формы Митци.

— У нее большой запас жизненных сил, — сказал он восхищенно.

— Мистер Корнелиус...

Джерри обратил внимание, что запас бензина почти кончился.

В поле зрения появился Лондон. Часть города горела, и странный воющий шум наполнял воздух. Движение машины начало замедляться.

— Погром*, — сказал пастор Бисли, — и все это происходит так близко от границы, вы же видите. Нам следовало бы пересесть на другой транспорт. Вон там, Митци.

Он показал в сторону одной из обочин, вдоль которой тянулась череда строений.

Большей частью это были магазины, но неоновые огни вывесок не светились.

«Плимут» типа «барракуда», стоявший на обочине с открытыми дверями, был именно тем автомобилем, на который хотел пересесть пастор Бисли. Митци остановила «линкольн».

— Посмотри, как там дела с топливом, — сказал пастор Бисли. Митци вышла и, подойдя к «плимуту», внимательно посмотрела на приборную панель. Митци обернулась и кивнула; после этого она осмотрела свое платье. Оно было не в тон ярко-красному плимуту. Она отрицательно мотнула головой.

— Тогда посмотри следующую машину.

Митци открыла дверцу «доджа».

— Полон до краев, — сказала она.

— Поднимайтесь, мистер Корнелиус.

Джерри открыл дверь автомобиля и вышел из него.

Он встал и слегка потянулся. Было почти темно. Пожар еще больше разлился по городу, а вой стал громче.

---

* У автора «pogrom» (русск.) Перев.

— Не стоит беспокоиться насчет общественных беспорядков, — пастор Бисли подталкивал Джерри вперед концом дула «ремингтона». — Но Европа испытывает настоящее бедствие. И не без вашего участия.

Послышался треск пистолетной перестрелки, и пастор быстро наклонил голову:

— Пожалуйста, побыстрее, мистер Корнелиус. Митци, ты не проследишь за нашим пациентом?

После того, как пастор Бисли взгромоздился на заднее сиденье, Джерри занял место впереди. Где-то на крышах над ними слышалась все более интенсивная стрельба с эпицентром, вероятно, в винном магазине с зажженной наполовину неоновой вывеской: «Л К Р ЛЕН А САМЫЙ ЛУЧШ».

Митци открыла багажник «доджа» и втиснула пожитки внутрь. Джерри увидел, что она взвесила его вибропистолет, слегка подбрасывая на ладони, а затем положила в сумочку.

Она торопливо села на место водителя, при этом ее юбка слегка колыхнулась, приоткрыв люрексовые бедра. Джерри глубоко вздохнул. Она бросила белый бумажный пакет пастору.

Митци повернула ключ зажигания. Джерри прикоснулся кончиками пальцев правой руки к своему колену и задрожал от волнения. Машина тронулась. Митци управлялась с рулем. Джерри почувствовал, что ему стало душно и расстегнул пуговицы жакета.

Вскоре воющий город остался позади, и уличные фонари освещали широкую дорогу с покрытием белого цвета. Джерри сцепил пальцы обеих рук.

— Насколько я понял, вы исповедуете ту же веру, не так ли? — Джерри подмигнул Митци.

— Все гораздо глубже, мистер Корнелиус, — голос пастора Бисли был смазан процессом пережевывания очередной сладости.

— Вначале было очень много самолетов, — спокойно сказала Митци, — но они, похоже, испарились.

— Они перешли в другое измерение, моя дорогая.

— И танков, и всего такого прочего...

— И эти тоже, — Бисли рассмеялся. — Может быть, ты думаешь, что началось вторжение или что-нибудь похожее?

— Всеобщая мобилизация? — Джерри налил себе остатки пунша «Мануэль лопес».

— Вероятно. Надо отдать должное американцам. Когда они собираются что-либо сделать, они не теряют времени зря. Президент Бойл и его партия Возрождения Америки вскоре заставят самолеты взлетать и садиться точно по расписанию.

— Не кажется ли вам, что во всем этом есть примесь лицемерия? — Джерри оглянулся на пастора. — Я имел в виду, что, соблюдая мои законные права, вам следовало бы сдать меня непосредственно властям. Я не нахожу у себя ни капли вины.

— Необходимо еще некоторое время для того, чтобы утрясти все дела, мистер Корнелиус. Я стараюсь действовать наилучшим образом в интересах каждого. Америка скоро вновь встанет на ноги. И будет при этом значительно чище.

— Я думал, что у них и раньше дела шли неплохо.

— Вы вполне могли так думать. Не то, чтобы я не разделял вашего мировоззрения, конечно. Я не имел в виду критиковать его. Я просто верю в то, что каждый имеет право высказывать свою точку зрения. Свободное волеизъявление, мистер Корнелиус. Это именно то, что даровал Бог, и силы небесные помогают нам.

— Аминь.

— Но мне хотелось бы подчеркнуть, что существует заметная разница между свободной волей и навязчивым нигилизмом.

— Естественно.

— И анархией. Мы помещены на эту землю, чтобы обуздать ее. При помощи ритма сфер, как вы хорошо знаете.

— Да, и теперь я хорошо знаю, как иметь дело с любой чертовой анархией, нигилизмом или еще чем-нибудь в этом духе.

— Подождите, пока мы не доберемся до Сан-Франциско.

— Buenas noches*, — Джерри снова отошел ко сну.

— Сегодня повсюду мерещатся красные, — Митци говорила с легким неодобрением и разбудила Джерри, когда поднимала рукоятку ручного тормоза.

— Где мы? — приподнялся Джерри.

— Порт Гурон. Если вы не возражаете, мистер Корнели-

---

* Спокойной ночи (исп.).

ус, я бы хотел выйти из машины. — Пастор Бисли пришел в движение, и послышался звук сминаемого бумажного пакета. Заднее сидение прогнулось под грудой мусора.

Джерри открыл дверь и медленно выбрался из машины, откинул спинку своего сидения и позволил пастору Бисли вывалиться наружу.

Машина была припаркована около пристани. У причала была пришвартована элегантная паровая яхта водоизмещением приблизительно 700 тонн, длиной не менее 50 метров. Джерри рассмотрел название яхты.

— «Медведь Тедди», — сказал он. — Прелестное название.

На пристани не было освещения. Вода плескалась о борт корабля.

— Не пройти ли нам наверх, мистер Корнелиус? Митци?

Митци вытащила сумки из багажника и понесла их по направлению к трапу. Джерри последовал за ней. Пастор Бисли замыкал шествие.

Взойдя на палубу, Митци опустила груз и прошла прямо на капитанский мостик. Из тени возник высокий, изможденного вида матрос. Он был одет в желтую форму с желтой бескозыркой, а лицо его было плоским и болезненным. Он суетливо приветствовал гостей скорее полупоклоном, нежели по уставу.

— Добрый вечер, капитан, — прошептал он.

— Добрый вечер, стюард. Я надеюсь, вы знакомы с мистером Корнелиусом.

— Рад встретить вас, сэр, — сказал тот со слегка изменившимся выражением лица.

— Вы один из нас, не так ли? — Джерри с упреком посмотрел на Бисли. — Гром и молния, ведь это же бывший председатель Совета искусств! Господи, Бисли, и это то лучшее, что вы можете сделать для каждого из нас?

— По крайней мере, он больше не болеет, он в норме.

Стюард виновато замычал.

— Однако он не богат, — Джерри почесал нос, — а раньше был богатым.

— Он теперь кроток, мистер Корнелиус...

— По моему мнению, вы слегка нетактичны, пастор Бисли.

— Благодаря вам, мы были вынуждены применить не самое лучшее оборудование.

— Вы не ошибаетесь.

— Да хватит вам порицать меня, мистер Корнелиус. Кто в конце концов заварил всю эту кашу? Это именно ваши люди суют нос не в свои дела. Тоже мне метаморфоза, это же фарс!

— Прошу прощения, сэр, — прошептал бывший председатель Совета искусств, — не следует ли нам выйти из порта, как вы приказывали?

— Конечно, стюард, немедленно.

— Похоже, люди становятся более счастливыми.

— Счастье? А что это такое? Счастье должно было бы происходить от осознанной самореализации!

— Мне приходила в голову эта мысль.

— И вы счастливы?

— А разве я жалуюсь?

— Хорошо, мы собираемся помочь вам.

— Но это не будет снова насильственная депортация?

— Идея принадлежала не мне. Я согласен, что это было достаточно грубо. Но ситуация была экстренной. Теперь вам полезно отправиться в спокойное морское путешествие.

— Где моя каюта?

— Стюард проводит вас.

— Вы не собираетесь объяснять мне?

— Разве я должен?

— Пошли, стюард.

— Теперь вы не в Европе, мистер Корнелиус. К вашему сведению, теперь за нами следят!

— Я голоден, — Джерри проследовал за бывшим председателем Совета искусств по палубе.

— Вам немедленно дадут что-нибудь поесть, — отозвался Бисли и сильно покраснел.

— Я имел в виду другой голод, — Джерри снова почувствовал, что его клонит ко сну. Это было его единственным утешением.

2. Я ЗАСТАВЛЮ ЕГО ЗАПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТО ОН МНЕ СДЕЛАЛ

Они плыли по Верхнему озеру, когда Джерри, слегка оживший, но далеко не приобретший прежнюю форму, поднялся на палубу и вдохнул довольно вонючий воздух.

— Почему вы не прекратите войну с нами, герр Корнелиус? — Митци облокотилась о поручень и пристально глядела на отдаленный берег штата Мичиган. Яхта шла на хорошей скорости, рассекая слой липкой грязи на поверхности озера.

На Митци был вышитый темно-синий хлопчатобумажный плащ, отделанный тонкими черными нитями; сильно обтягивающие брюки с темно- и ярко-голубыми цветами, ожерелье цвета морской волны, плетеное ожерелье с желтыми кисточками, длинный голубой шарф из шелка «гизель», обвязывавший, как платок, ее волосы, золотой, украшенный алмазами пояс, золотые с бирюзой заколки и браслеты от Кадоро, а также закрытые сандалии серебряного цвета, изящно оттеняющие красоту ее маленьких ног.

Она не накрасила лица, только губы: помада «Герл Гремобль», если Джерри не ошибся.

Митци улыбнулась.

— Не унывайте, — она подала ему несколько фильтров для носа.

— Ты выглядишь, как мечта о далеком острове Ямайка. Разве я не говорил, что пребываю в унынии?

— Так вот. Вы наш пленник. Кстати, что случилось с Карен фон Крупп?

— Насколько я могу судить, она стала заниматься торговлей продуктами питания. Где-то в Пенсильвании. Вся эта история слегка запутана. У нас у обоих были проблемы.

— Мне это вполне понятно. Я предполагаю, что ей было слишком сложно отыскать нас. — Митци повернула лицо навстречу бледно-голубому небу и глубоко вдохнула воздух.

— Я не желаю ей зла. Кто способен на это?

— Кто?

— Самолеты перестали летать.

— Ты уже говорила об этом два дня назад.

— Неужели? Какие еще самолеты? Герр Корнелиус, есть ли у вас личные проблемы?

— Время от времени.

— Вообще говоря, похоже, — она засмеялась.

— Послушай, тут не найдется хоть что-нибудь поесть? — Джерри поглядел поверх поручней на пенящиеся морские водоросли: — Тяжело идет, должен тебе сказать, Митци.

— Какое ваше любимое блюдо? Печень?

— Нет — с той поры, как они поубивали всех буйволов. Но это не я должен говорить.

— Вы действительно Джерри Корнелиус?

— Ах, — Джерри прошел вдоль поручней и слегка подмигнул ей.

— Вы самозванец?

— Ого!

— Мы идем через новый канал Святого Кре, как вы знаете.

— А потом?

— По Миссисипи до Нового Орлеана.

— Ты слишком устремлена в будущее.

— В Мексиканский залив. Через Панамский канал в Тихий океан, пока не встанем на якорь в Сан-Франциско.

— Уловил.

— Почему вы не прекратите войну с нами, герр Корнелиус? Ведь в глубине души вы знаете, что мы правы?

— Когда отправляется следующая прогулочная яхта?

— На «Медведе Тедди» нет матросов военно-морского флота*.

— Я шалун, не правда ли?

— Как вы себя чувствуете?

— Сонливо.

— Длинная морская прогулка улучшит ваше самочувствие.

— Более всего на свете я мечтал сойти на берег в Нью-Йорке.

— Нью-Йорк в плачевном состоянии.

---

* Игра слов: в оригинале «jolly-boat», что означает «прогулочная яхта», а на жаргоне — «матрос военно-морского флота». Перев.

— Как вы знаете, у меня очень много неотложных дел.

— К тому времени, когда мы доберемся до Сан-Франциско, ваши дела уже не будут казаться столь неотложными.

Джерри отрицательно покачал головой.

— Я бы хотел иметь дело с другими внешними обстоятельствами.

— Вы не получите этого. Вам придется примириться с существующими.

— Боже!

— Действительно, мистер Корнелиус! — Подошел пастор Бисли, прогибая доски палубы.

— Так какую же хреновину вы знаете об этом?

— Какие прелестные слова!

Джерри снова посмотрел на водоросли.

— Впереди долгий путь, мистер Корнелиус.

— Ага.

— И я подозреваю, что вы не захотите закончить его.

— Нет.

Митци сложила руки.

— Ваш плен условен.

— Я беспокоюсь не об условности плена. Мои пациенты...

— Я практически утерял своих пациентов, мистер Корнелиус, — пастор Бисли чмокал, обхватив губами плитку тонизирующего шоколада с грецкими орехами.

— Хотелось бы верить, что это правда. Я собираюсь спать.

— Рано или поздно вам придется проснуться.

— Чья бы корова мычала... — Джерри спустился в кают-компанию, открыл дверь своей уютной, светлой каюты и упал на койку.

Он находился в затруднительном положении.

Ему оставалось только надеяться и терпеливо дожидаться своего часа. Святой Павел был его единственным утешением.

3. МОИ РАЗГОВОРЫ ВО СНЕ ШОКИРОВАЛИ МОЕГО МУЖА

Эббот*; Эби; Абель; Аберкромби; Абернетти; Эблит; Абрахам; Абрам; Авесалом; Ачесон; Эйкер; Эклэм; Эйкрес; Эктон; Адир; Адам; Эдкок; Эдкинс; Эдлэм; Эдлар; Эдлум; Эдни; Адриан; Эйге; Эйгит; Эйкен; Алан; Олбэн; Альберт; Олден; Александер; Альфред; Алисон; Олар; Олайбон; Олсоп; Эмблер; Амброуз; Эймос; Эмплфорд; Андерсон; Энджил; Энсти; Эпплгарт; Аркл; Армистид; Армстронг; Эрроусмит; Эшли; Эспиналь; Этвуд; Огер; Остин; Эйлмер; Эйш; Бэбит; Бейли; Бэрнсфезе; Бейкер; Бэнкрофт; Бэнк; Барбэри; Барклай; Бардел; Баркер; Барлоу; Бэрнс; Барнет; Бартоломью; Бартон; Барвик; Бэйтман; Бэт; Бэкстер; Бич; Бьючем; Бивс; Бекет; Бедуэл; Белчер; Бел; Белхенджер; Беннет; Берингтон; Беверли; Бейнон; Бидальф; Биг; Бингли; Бертвистл; Бишоп; Блэкэдер; Блэкмор; Блэкшоу; Блэкуэл; Блэквуд; Блейгрейв; Блейк; Бланше; Бланшфлауер; Бландамур; Бленкинсоп; Бленерхасет; Блайт; Блад; Блумер; Блант; Блайтэ; Боутсвейн; Болинброк; Бонд; Бут; Бовери; Боуэн; Бови; Брейбезон; Брэдбурн; Брэдбери; Брэнд; Брэннон; Брейкспи; Бриртон; Бревер; Брайджер; Брайхем; Бристоу; Броудбент; Броклес; Браун; Брюс; Бьючен; Бакмастер; Бад; Берджесс; Бернс; Берстол; Бертон; Бьюри; Батлер; Бакстон; Байфорд; Байрон; Байвуд; Кэйборн; Цезарь; Кэфин; Колдкот; Коулдер; Колдуэлл; Келвер; Кембридж; Кэмпбелл; Кэннон; Кэпстек; Картер; Кэри; Кэсуэл; Кэтчпоул; Кэтмур; Кэтон; Чемберлен; Чендлер; Чарльтон; Чартерис; Чэтерли; Чизем; Чиневикс; Чайлд; Чайверс; Чолмондли; Кристи; Кристиан; Кристмас; Кристофер; Кристал; Черч, Черчиль; Клейчер; Клэхем; Клэвуд; Кларк; Клайтон; Клив; Клемент; Клифорд; Кок; Кофин; Коул; Коулмен; Коулридж; Коумб; Константин; Коук; Копертвейт; Кординер; Корф; Корли; Корнелиус...

Аарон; Абель; Абигайль; Абрахам; Авессалом; Ада; Адельберт; Адам; Адель; Аделаида; Аделайн; Адольфус; Ад-

* Русская транскрипция английских фамилий не позволяет расположить их по алфавиту. Перев.

риан; Эйнис; Эйфра; Агата; Агнес; Алексис; Алиса; Энн; Энтони; Арчибальд; Артур; Одри; Августус; Эйлмер; Болдуин; Бэзил; Белль; Бенедикт; Бернард; Брайан; Камилла; Кандида; Каспар; Катерина; Хлоя; Кристобаль; Кристофер; Клара; Кловис; Констанс; Космо; Сириак; Сайрус; Дейзи; Дафна; Дэвид; Диэдр; Деннис; Дайнех; Долорес; Доминик; Дорин; Дороти; Дуглас; Дункан; Эбенезер; Эдгар; Эдвин; Эйлин; Илья; Элизабет; Элрик; Эмили; Эммануэль; Ина; Инох; Эрик; Эрментруд; Юстас; Эзра; Фабиан; Фэйт; Фанни; Феликс; Фергюс; Фреда; Фулк; Габриэль; Гэрет; Гэвин; Джордж; Гертруда; Жервеза; Глэдис; Гризела; Густав; Гвини; Адриан; Хэмиш; Хэриет; Хилойз; Генри; Герберт; Геркулес; Хестер; Иезекия; Хилари; Хоуп; Хьюберт; Хэмфри; Гиацинт; Ян; Ида; Игорь; Ингеборг; Ингрэм; Изабелла; Исайя; Израэль; Иван; Айви; Джейбиз; Джек; Джекоб; Джеймс; Джейн; Джаспер; Джин; Джидидия; Дженни; Джеремия...

ДЖЕРЕМИЯ (Неужели он? То ли что-то исцеляет, то ли что-то обретает).

КОРНЕЛИУС (Вероятнее всего, связано с «Эль», cornu*, рог, уменьшительное Корни, Корней, в женском роде Корнелия).

ДЖЕРЕМИЯ КОРНЕЛИУС

Его рот был сух, а глаза — тусклыми.
Трудности в узнавании окружающих.
Трудности с самосознанием.
Порядковый номер : 1.
Родители: мертвы или же
их местонахождение неизвестно.
Местожительство: постоянного не имеется.
Черты характера: переменчивые.
Связи: непостоянные.
Физиологический тип: слабый.
Положение: угрожающее.

---

* Рогатый (франц.).

Внутреннее состояние: отчаяние.
Рекомендации: продолжать.
ДЖЕРЕМИЯ КОРНЕЛИУС.
Он был слаб.

ДЖЕРЕМИЯ КОРНЕЛИУС.
Туда-сюда.
ДЖЕРЕМИЯ КОРНЕЛИУС.
Продолжай.
ДЖЕРЕМИЯ КОРНЕЛИУС.
Заканчивай.

4. НАЕМНЫЙ БАНДИТ, КОТОРЫЙ ПЕРЕСПАЛ С ТРУПОМ

Джерри открыл глаза. Он потерял всякое представление о времени, но через бортовой иллюминатор просачивался дневной свет. Рядом с ним лежало, вытянувшись, мягкое, теплое тело Митци. Она прижимала его ладони к своим чувствительным местам.

— Ты хочешь? — спросил Джерри.

— Да, если ты не против.

Он окончательно пришел в себя после сна. У него все еще оставался некоторый запас сил, но так не могло продолжаться слишком долго.

Он увидел, что ее одежда была небрежно брошена на пол посреди каюты, и там же лежала ее маленькая сумочка.

— Где мы? — пробормотал он, лаская ее слегка раздвинутые губы черным пальцем.

— Появился Миннеаполис.

— Где? В твоем воображении?

— О! Я видела его!

— О'кей. Сколько времени?

— Восемь утра.

Он повернулся на кровати и внимательно посмотрел сначала на свои правые часы, потом на левые и подзавел их.

— Тебя послал Бисли?

— Я пришла, потому что влюбилась в тебя или, по крайней мере, в того, кем ты мог стать...

— И это ранит?

— Да.

— И так больно?

— Да.

— Ну что ж, тогда поехали...

Было совсем темно, когда Джерри снова откинул с себя цветастую простынь. Сквозь иллюминатор пробивался лунный свет. Митци что-то сонно пробормотала и протянула к нему руки.

Он прикоснулся тем, что она во сне просила, к ее подбородку и приналег сверху, тяжело дыша. Слегка передохнув, он соскользнул с нее и опустился на пол, покатился по нему до поручней, поднялся с их помощью, слегка пошатываясь, побрел в центр каюты и опустился на колени, чтобы подобрать ее тяжелую сумочку. Он с усилием открыл ее и сомкнул пальцы вокруг кнопки вибропистолета. Это было единственное, что связывало его с подвалом в Лэдброук-Гроув.

После того, как к нему вернулась его обычная сила, он вздохнул. Не без удовольствия он встал и посмотрел сверху вниз на Митци. Она шевельнулась.

Он бросил взгляд сначала на оружие, потом на часы, на правой руке.

Откуда-то послышались звуки фортепьяно.

Надев свои шелковые одежды, он пристегнул кобуру, висящую на ремне, перекинутом через плечо, засунул в нее пистолет и затем начал рвать ее одежду до тех пор, пока не образовалось несколько длинных матерчатых полос. Пока он затыкал кляпом ее рот, ее глаза открылись, поэтому она увидела, как Джерри переворачивает ее обвязывает, нежно похлопывая по ягодицам.

— До скорого, Митци! — одновременно он подумал, с некоторым удивлением, не было ли это соревнованием, рассчитанным на легкую победу?

Он открыл дверь каюты и вышел на палубу. Огни собора Святого Павла были видны по левому борту, когда корабль медленно плыл мимо города. По правому борту в темноте лежал Миннеаполис.

Со стороны капитанского мостика послышался шепот:

— Мистер Корнелиус, сэр!

Джерри поднял голову. Лицо бывшего председателя Совета искусств было озабоченным и бледным в отраженном от воды свете, пока он жестами показывал, что что-то не в порядке:

— Вам не следует находиться на палубе одному, сэр.

Скорее печально, чем в гневе, Джерри вытащил пистолет и свалил стюарда на палубу. И обернулся на звук. Со стороны кормы к нему приближалась тучная фигура. Бахнул выстрел из «ремингтона».

— Стой!

Джерри рывком сунул пистолет в кобуру и дернулся к поручням.

Ударил второй выстрел.

— Мистер Корнелиус! Черт вас побери! Как вы ухитрились вернуть себе оружие?

— Скоро узнаете. Ваше постоянное беспокойство по поводу вашей задницы заставило вас забыть некоторые важные детали, пастор. Бывайте!

Джерри прыгнул в холодную воду и поплыл к берегу.

Прозвучало еще несколько выстрелов, но они вскоре прекратились.

Джерри плыл с максимальной для него скоростью, потому что ему не нравились грязные реки, а от этой разило особенно отвратительно, так что он задумался о судьбе своего костюма. Он плыл вдоль пристани до тех пор, пока не наткнулся на железные ступеньки, и выбрался на сушу.

К нему приближались бегом два портовых грузчика, но он остановил их, заставив стоять, как вкопанных, направив на них вибропистолет.

Джерри оглянулся.

Он стоял перед рядом низких кустов. Из-за кустов доносились звуки, характеризующие напряженное автомобильное движение. Он повернулся и пошел вдоль аллеи, между зелеными рядами, до тех пор, пока не уперся в высокий забор. С помощью вибропистолета Джерри проделал в заборе отверстие, спустился на поросшую травой набережную и в конце концов добрался до дороги.

По всем полосам автострады стремительно мчались автомобили.

Джерри поднял руку навстречу полицейскому автомоби-

лю, объезжающему, по-видимому, свой участок. Патрульная машина затормозила. Внутри сидели двое полицейских. Тот, который не был за рулем, высунулся из окна.

— Что вас беспокоит, сэр? — Он слегка усмехнулся, поглядывая на шофера.

Как будто бы с трудом переводя дыхание, Джерри сказал:

— Выпал за борт яхты. Вы должны помочь мне, начальник.

— Успокойся, сынок. Как же ты все-таки ухитрился упасть за борт?

— Да-да, случайно, сэр, — немного невпопад ответил Джерри.

Полицейский открыл дверцу машины и поднялся, неспешным, размеренным движением доставая записную книжку из кармана своей формы.

— А не удираешь ли ты от кого-нибудь?

— Нет, сэр, — Джерри сделал наиболее честные глаза, на какие только был способен. — Нет, сэр, — повторил он.

— Я спросил, потому что совсем недавно нам приходилось иметь дело то с одним, то с другим беглецом.

— Да, сэр, — сказал Джерри подобострастно.

— У тебя есть удостоверение личности?

— Простите, не понял, начальник?

— Удостоверение, парень. У каждого должно быть какое-либо удостоверение личности, если он не хочет оказаться вне закона, или беглым каторжником, или солдатом в самоволке или еще кем-нибудь в этом духе.

— Личность... Не-н-нет, сэр. Боюсь, что нет.

— Вот как. Тогда я думаю...

Джерри поддел его ультразвуковым лучом и наблюдал, как он трясется. Затем, заметив, что второй полицейский начал вытаскивать свой пистолет из кобуры, Джерри повернул свое оружие и растряс его тоже.

Джерри уложил обоих полицейских на заднее сиденье как раз к тому моменту, когда какой-то любопытный проезжий на «кадиллаке» замедлил движение, потом вскочил в машину, запустил двигатель на полную катушку, включил сирену и быстро набрал скорость сто миль в час, направляясь в сторону от города по дороге «интерстейт-35Е».

К утру его костюм полностью высох, а грязь с него отва-

лилась. Он дважды менял автомашины. Теперь он вел красивый позолоченный шевроле «каприччио» и находился между штатами на дороге номер 90, направляясь к неплодородным землям Южной Дакоты, после того, как пересек реки Миссури и Чемберлен.

По дороге ему практически не встречались патрульные полицейские машины. Объяснение этому довольно странному обстоятельству Джерри получил, прочитав «Газету первопроходцев» двухдневной давности, обнаруженную в «каприччио».

Оказалось, что прошел массовый набор новобранцев в армию — всех мало-мальски здоровых мужчин и женщин старше восемнадцати лет. Забрали даже тех, кто ранее был направлен на выполнение гражданских обязанностей, требующих временного освобождения от службы в армии.

В мотеле «Тотанка-Йотанка» ему удалось безвозмездно пополнить горючее, и вскоре Джерри оказался на пустынной, пыльной автостраде посреди неплодородных земель, где приблизительно в семь часов вечера он увидел первых индейцев сиу.

Военный предводитель восседал на черно-белом пони, старательно украшенном бусами и попонами из раскрашенных оленьих шкур. Лошадка стояла, как каменная, на возвышенности, пока ее седок не посмотрел бегло на проезжающий автомобиль и не отвернулся.

Воин был, вероятно, из племени оглала. Он нес боевое копье, украшенное красными, желтыми и белыми безделушками; в левой руке держал круглый щит из бычьей шкуры, на котором был изображен орел, окруженный звездами. Его побелевший от времени и обтрепанный жакет из оленьей шкуры и краги были украшены разноцветными бусинами и блестящими, желтого и красного цвета, иглами дикобраза, а на шее висело тяжелое ожерелье из бус и многочисленных медальонов. Головной убор с ветвистыми рогами пятилетнего оленя украшал красивый шлейф из перьев, который прикрывал весь огузок его пони. На поясе воина висели нож и томагавк. Его высокие скулы, глубоко посаженные глаза, орлиный нос и широкий, тонкий рот давали представление о современном жителе Америки, а все лицо было в полной боевой раскраске, состоящей из желтых,

оранжевых, голубых и белых полос, окружностей и треугольников.

Подняв боевое копье, предводитель призвал своих воинов присоединиться к нему на холме. Оказалось, что войско предводителя состоит из индейцев племен оклала и ханкпапа, одежда которых отличалась большим количеством перьев.

Джерри продолжал движение, но ему удалось рассмотреть, что воины вооружены короткими луками и кожаными колчанами, туго набитыми стрелами. Он не испытывал страха, хотя предполагал, что они достанут его за следующим поворотом дороги.

Когда он приблизился к следующему повороту, индейцы уже ожидали его.

Стрелы застучали по крыше трансформируемого автомобиля, и Джерри услышал гортанные крики индейцев, пустивших своих лошадей галопом прямо на него под углом к автостраде. Машина ударила пони, и вождь нападавших, вылетев вперед, упал на капот, с изумлением вытаращив глаза сквозь лобовое стекло на Джерри, который резко тормознул, автомобиль сошел с автострады, ударился о камень, наехал на кустарник. Индеец свалился от ударов и толчков на землю. Джерри опустил боковое стекло автомобиля и вытащил вибропистолет.

Другие сиу выстроились в линию вдоль автострады, держа луки наизготовку, внимательно наблюдая за тем, что дальше предпримет Джерри, пока их вождь поднимался с земли и пытался судорожным движением достать из-за пояса томагавк.

— Ты убил мою любимую лошадку!

— Ты подставил ее под самый нос моей любимой машины. Я имел право проехать.

— Прикуси язык, черномазый!

— Ну и что же ты собираешься предпринять?

Индеец потер нос и посмотрел по сторонам, как бы ища поддержки. Он поправил отполированные косточки своего нагрудника и стряхнул пыль с кожаных краг.

— Вообще-то говоря, мы не знали, что ты черномазый. С вашими мы не воюем.

— Я не черномазый.

— Точно, а я вовсе даже не проклятый оглала.

Джерри открыл дверь и выбрался наружу.

— Ты пытаешься что-то доказать? — спросил он вождя сиу.

— МОЖЕТ БЫТЬ. — Вождь достал наконец свой томагавк из-за пояса и приготовился к нападению, сощурив глаза.

Джерри ударил его ногой в лицо приемом каратэ. Вождь опрокинулся, и Джерри поднял томагавк. Томагавк был очень красивым.

Очухавшийся вождь смотрел на Джерри с выражением изумления и покорности.

— Этого я никак не ожидал. Ты победил. Что теперь?

— Я думаю, что нам следует стать братьями по крови или как там у вас принято. — Джерри помог вождю встать. — Разве не таков ваш обычай?

— Да на кой черт обычай! Главное, что твое предложение устраивает меня (вождь, похоже, окончательно пришел в себя). Мы устроим церемонию на большом совете. Это именно там, куда мы сейчас направляемся. Железная Гора.

— Звучит прелестно. Мне по пути.

— Великолепно. Родной ты мой, мы теперь навек вместе. У нас в племени уже живут несколько черномазеньких. Уважаемые граждане, должен тебе сказать. Мы не должны отказываться от предложений к добровольному сотрудничеству.

Вождь протянул руку для пожатия.

— Меня зовут Пламенное Копье, — он покраснел.

— Зови меня Нос Буйвола, — смиренно попросил Джерри.

Пламенное Копье громко обратился к своим соплеменникам:

— Он теперь скачет с нами!

— Привет всем, — сказал Джерри на языке племени сиу.

5. ИГРА ТА ЖЕ САМАЯ, ИГРОКИ ДРУГИЕ, НО НА КОНУ ВСЕ ТАКЖЕ ТВОЕ ОРУЖИЕ

В течение следующих двух недель численность племени постепенно возрастала, пока они проезжали мимо фермерских хозяйств на пути по штатам Вайоминг, Колорадо и Юта.

Джерри теперь носил военный головной убор племени сиу с довольно редкими перьями, окрашенными в желтый и голубой цвет, костяной лук, колчан, полный стрел, охотничий нож и томагавк, но не снял свой шелковый костюм. Джерри ехал верхом на пятнистом пони, которого он уже начинал жалеть.

Вскоре они должны увидеть Железную Гору. И вот с запада показались племена бэноков, шошони, павиосто, пайютов. С востока — шли осэйджи, пауни и омаха. С севера — кри, блэкфуты, грос вентри, плоскоголовые, асинбойны. А с юга приближались шайены, кайовы и команчи.

Большой совет племен начался.

Всю ночь гремели барабаны и совершались ритуальные танцы, курение трубок и обмен ожерельями, и колдуны бросали волшебные косточки и силой своих чар вызывали души великих воинов былых времен, которые появлялись в красном дыму костров: Джеронимо, Красный Рукав, Чиф Джозеф, Оцеола, Корнплентер, Красная Куртка, Дождь-в-Лицо, Красное Облако, Сидящий Буйвол, Радостный Петух, Черный Котел, Увлеченный Конь, Римский Нос, Маленький Волк, Белая Антилопа — всех героев Великих прерий, лесов, долин и гор.

В течение дня не прекращались ритуальные танцы, посвященные Солнцу, танцы воинов, пляски женщин, такие, как, например, танец Белого Быка. Они внимательно слушали своих верховных вождей, рассказывающих о былой славе и о грядущей, той, которая снова будет с ними, как только все индейские народы объединятся и твердо потребуют вернуть землю, принадлежащую им по праву.

Джерри изо всех сил боролся со сном. По индейскому обычаю он смешал свою кровь с кровью Пламенного Копья, и у него было ощущение выполненного долга.

Местность, занимаемая большим советом племен, стано-

вилась слегка переполненной и избыточно ароматной, по мере того как тысячи новых индейцев племен навахо, чероки, мискалерос, уичита, чикасо, шони, кикапу, санти, кэйюза, модок, а также пронзенные носы заполняли ее.

Пришло время расходиться.

Делая вид, что так и надо, Джерри отбыл на старой «громовой птице», на которой прибыл на совет племен верховный вождь племени кокто. Он тихо отправился утром по направлению к Сент-Джорджу. Вести машину пришлось по дороге, выложенной грубым булыжником.

Повсюду валялись оскальпированные трупы.

Вскоре Джерри выбрался на дорогу номер 15, направляясь к Лас-Вегасу, где, как он надеялся, ему удастся найти самолет, который доставит его в Сан-Франциско.

Джерри начинал сильно беспокоиться о судьбе своих пациентов.

6. ЖИВИ, РАБОТАЙ, ЛОВИ РЫБУ И ЗАНИМАЙСЯ ОХОТОЙ В СТРАНЕ ЧУДЕС ПОД НАЗВАНИЕМ «ДИКАЯ ПРИРОДА»

Освещенный полуденным солнцем, Лас-Вегас был тих. Вывески мерцали в постоянном, каком-то успокаивающем ритме, который смешивался со звуками игральных автоматов и постукиванием палочки, собирающей фишки на игорных столах. Лас-Вегас представлял собой один из тех сонных городов, где никто не причинит вам никакого беспокойства до тех пор, пока вы сами чего-нибудь не натворите. Он обладал всеми особенностями сельской жизни в Америке.

Здесь Джерри почувствовал себя спокойно. Он направился к казино «Двойное кольцо», а по пути размышлял о том, принадлежат ли оно все еще Мэрфи.

Джерри вошел внутрь и пересек огромный зал, заполненный игральными столами. Играли всего несколько пожилых людей, несколько служащих этажом выше о чем-то возбужденно переговаривались по телефонам, и никто из при-

сутствующих не заметил Джерри, пока он не обнаружил кабинет Мэрфи. Джерри вошел.

Казалось, что Мэрфи рад его видеть.

— Джерри! Что заставило тебя вернуться к цивилизации?

— Я подумал, что тебе может быть интересно узнать, что племена индейцев собираются вместе. Это похоже на войну.

— У нас нет нужды беспокоиться по поводу поведения нескольких индейцев, Джерри. Армия позаботится об этом.

— Похоже, что армия занята делом где-то в другом месте.

— А почему это вдруг индейцам потребовалось атаковать нас?

Юджин Мэрфи знал Джерри еще по Лондону. Его подвергли двойному преобразованию. Сначала бывший президент был превращен в кинозвезду, а потом — во владельца казино. У Мэрфи было лицо глубоко больного, изношенного человека, но во рту он держал большую сигару.

— Они атакуют все, что движется, — сказал Джерри.

— Так что же их разозлило?

— Практически все и ничто конкретно. Ты же знаешь индейцев.

Мэрфи кивнул.

— Хорошо, я постараюсь запомнить то, что ты мне рассказал. Ты именно за этим приехал в Лас-Вегас?

— Я приехал, чтобы попросить взаймы самолет. Я потерял свой.

— Этому можно помочь. Ты можешь рассчитывать на крылья. У меня есть прелестный маленький ЛТВ С-150А с изменяемой геометрией крыла, с турбовинтовым двигателем, который тебе будет в самую пору. Закуси чем-нибудь, а потом мы пойдем и посмотрим на ласточку. Ты не против?

— Прекрасное предложение.

— Великолепно! Не ошибусь, если предположу, что ты мечтал попасть куда-нибудь, где смог бы расслабиться, дать ногам отдохнуть. Кругом сплошные неприятности. Кругом все горит. Вашингтон, Атланта, Канзас-Сити, Филадельфия, Солт-Лейк-Сити, Хьюстон. Я иногда сомневаюсь, стоит ли игра свеч, Джерри, — Мэрфи налил обоим по большому стакану ржаного виски. — Кроме того, это мешает биз-

несу. Похоже, что все становится бессмысленным. У тебя ведь была возможность самому убедиться в этом, пока ты ехал по нашим местам. Только ты не подумай, что я жалуюсь. Пока нет.

Джерри снял свой воинственный головной убор.

— Я думаю, что индейцы сначала отправятся в Карсон-Сити, чтобы захватить побольше денег. Когда я уходил, они все еще совещались.

— Во мне течет индейская кровь, ты же знаешь, — с гордостью сказал Мэрфи.

7. ПОЛИЦЕЙСКИЕ, КОТОРЫЕ СТРЕМИТЕЛЬНО НАПИРАЮТ

Джерри занял место пилота ЛТВ С-150А, и его пальцы забегали по кнопкам и тумблерам пульта управления самолетом. Он с облегчением вздохнул, устроился поудобнее и включил двигатель. Крылья медленно поднялись, пропеллеры запели.

Джерри напрягся в кресле пилота всей спиной и поднял самолет.

Машина плавно взлетела. На высоте пятьсот футов Джерри изменил геометрию крыла, повернув крылья вперед на некоторый угол, и перешел на горизонтальный полет с крейсерской скоростью 350 миль в час по курсу на Калифорнию.

Пока он летел над Сьерра-Невада, он увидел, что внизу все черно от всадников.

По радио была слышна оживленная речь. Это был Сакраменто.

— Говорит генерал Партридж, командный пункт города Сакраменто.

— Слушаем вас, Партридж, Сакраменто.

— Мы полностью окружены. Людей у меня почти не осталось. Мы никак не могли передать сообщение о необходимости подкрепления. Не передадите ли вы это сообщение через свою подстанцию?

— В чем ваша проблема?

— Проблема! Кругом полно индейцев, они устроили свой бесконечный ведьмовский хоровод! И пускают горящие стрелы...

— Сколько времени вы можете продержаться?

— Еще час. Нам до зарезу нужны парашютисты. По крайней мере, батальон. Половина командного пункта уже в огне. Вы не могли бы пробиться в Голливуд?

— Не думаю, что это возможно.

— Что ж, тогда пробейтесь хоть к кому-нибудь, кто откликнется. В округе ведь тысячи энергичных, напористых парней, не меньше. У меня голова идет кругом. Никто не предупредил меня о готовящемся нападении.

— Генерал, не говорите необдуманно.

— Никаких шуток, я говорю вполне серьезно.

— Я лечу в Сан-Франциско. Обязательно сообщу властям, когда попаду туда.

— Если бы у нас уже не было опыта борьбы с партизанами, то нас уже не было бы в живых. Все это похоже на повторение Дьенбьенфу*.

— Согласен с вами, генерал, похоже, что все так и происходит.

В поле зрения Джерри появился Тихий океан. Он начал негромко напевать про себя.

Джерри посадил самолет, пролетев над свежими развалинами Беркли, и направился к недавно построенному зданию «Говард Джонсон», где заказал большой кусок жареного мяса со всеми принятыми в таких случаях приправами, специями и гарниром и состоящий из четырех частей «Кокосовый сюрприз» с горячей шоколадной подливкой, заправленной измельченными орехами. Это удовлетворило его. Он оставил одну из банкнот достоинством тысячу долларов, полученных от Мэрфи, под тарелкой и отправился в долгий путь по направлению к мосту.

Залив отливал голубым цветом, мост был очень красив, а стоящий поодаль город почти не издавал никаких звуков. Вокруг Джерри виднелось несколько строений, в небе стре-

* Место решающего сражения вьетнамцев против французских захватчиков в мае 1954 г. Перев.

котали несколько вертолетов разведки, но они по большей части возвращались на свою базу в Голливуде, который не являлся оперативным центром операции по воссозданию Великой Америки.

Когда Джерри дошел до моста, к нему присоединился какой-то старик.

— Ты не против, сынок, если я некоторое время буду идти вместе с тобой? — спросил он. На старике была весьма потрепанная мягкая фетровая шляпа и грязная одежда, а своими потрескавшимися старческими губами он держал дешевую сигару с обрезанными концами.

— Направляешься к своей возлюбленной? — задал второй вопрос старик.

— Ну, что-то вроде этого, — ответил Джерри.

Мост качался. Джерри посмотрел вниз и увидел, как корабли покидают залив. В большинстве своем это были крейсеры, приписанные к разрушенному порту.

— Я сам из Канзаса, — продолжал старик, — ехал, чтобы поступить на военную службу, но мой автомобиль сломался. Я подумал, что, может быть, мне удастся наняться на какую-нибудь плантацию сборщиком урожая.

Джерри остановился и пристально посмотрел сквозь перекрытия моста. Он узнал «Медведя Тедди». Яхта шла на полных парах и была заполнена пациентами преобразования; Джерри увидел, что некоторые выглядывают из переднего трюма — как раз перед тем, как люки были задраены.

Бисли, похоже, в спешке и нетерпении вез яхту по суше. Теперь они спешили в открытый океан.

— В здешних местах есть много плантаций, на которых требуются сборщики фруктов, — сказал старик, — так мне говорили.

Джерри вздохнул.

— Ну ладно, бывай, — сказал он старику и прыгнул, пролетел мимо стоек моста, выровнял траекторию полета, нырнул, пронзив соленую воду буквально в метре от яхты, погрузился в глубину, перевернулся, пытаясь поскорее выбраться на поверхность, увидел прямо над своей головой киль яхты, бурлящую воду вокруг гребного винта и схватил конец каната, который волочился в пенной воде, после чего подтянулся к боковой поверхности корпуса яхты.

Когда Джерри поднялся на борт яхты, он держал свой

вибропистолет наизготовку, а пастор Бисли и Митци, казалось, были просто ошеломлены появлением Джерри.

— Это было всего лишь предупреждением, — Джерри изобразил извиняющуюся улыбку. — Черт побери, мне все это время приходилось нырять и плавать.

Он махнул вибропистолетом в сторону поручней, через которые только что взобрался на судно:

— Теперь ваша очередь разочек окунуться.

— Побойтесь бога, мистер Корнелиус! Это же пиратство!

— Однако, пастор, у меня несколько иная точка зрения на сей счет. В любом случае — команда моя.

— Как сказать, сэр!

— Джерри, — глаза Митци были полны обожания, — позволь мне пойти с тобой. Я буду...

— Мне тоже хотелось бы этого, Митци, но я не должен поддаваться чьему-либо влиянию в данный момент. Ты уже использовала в своих интересах очень много моего времени, разве не так? Ты знаешь, о чем я говорю.

Митци дернулась в сторону, задрала белую, туго облегающую кремовые бедра сорочку, перекинула ноги через блестящие бронзовые поручни. И исчезла в волнах.

— Теперь ваша очередь, пастор.

— Позвольте хотя бы взять шлюпку...

— Давайте, прыгайте, и побыстрее.

Пастор неохотно приблизился к краю палубы и посмотрел на сверкающую воду:

— Тогда я попросил бы у тебя что-нибудь, чтобы удержаться на плаву...

— Не заставляйте меня испытывать чувство вины.

— ...Я уже почти не надеюсь, что вы позволите мне взять с собой...

— Пастор!

— ... немножечко еды, хотя бы палочку «Баунти», можно?

— Нет, и не думайте даже о кофейном креме.

— Мне не нравятся кофейные кремы, — ответил пастор.

Громко сопя, как большой белый кит, который выбрался на поверхность моря подышать воздухом, пастор Бисли влез на поручни. Кое-где конструкция треснула и прогнулась.

Джерри быстро подошел и толкнул пастора, помогая ему избавиться от нерешительности. Вскрикнув, пастор взмах-

нул своими жирными руками и плюхнулся в воду. Он лежал на поверхности воды, подпрыгивая и проваливаясь, как поплавок, на ряби, возникающей в кильватерном следе за яхтой, его руки и ноги лениво загребали, его яркий рот то открывался, то закрывался, а его вытаращенные глазки сверлили Джерри с болезненной яростью.

Появилась Митци, стряхивая с волос воду, и начала буксировать пастора к берегу.

— Бывайте здоровы, пастор. Жизнь ведь — это как игра в домино, когда кости кладут во все стороны.

Пастор издал жалобный крик дикого гуся.

Джерри поднялся по трапу на капитанский мостик и проверил состояние морских карт и навигационного оборудования, после чего проложил известный ему курс.

В течение ближайших тридцати минут яхта подготовилась, развернулась и взяла курс на Суматру, где организация имела аварийный Центр преобразования, и Америка, стремящаяся к величию, вскоре исчезла за горизонтом.

3. ВТОРАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПРЕДСТОЯЩИЕ СОБЫТИЯ

СОН

Четыре года назад мне приснилось, что я стою в комнате позади и немного слева от юноши, которого я не знаю. Он был моложе меня. Слева от него, но впереди нас обоих, стоял мой брат, а за ним находился старик, которого я не узнала. Справа от нас две большие, кремового цвета двери закрывались. Я подумала, что мой брат и другой человек так или иначе оценивают юношу, который, как я чувствовала, был либо моим мужем или моим женихом. Поэтому я без каких-либо колебаний встретилась с этим юношей. Этот сон постоянно беспокоит меня, ибо тщетны мои попытки понять его значение. Никогда раньше не приходилось мне так ясно видеть во сне что-либо из далекого будущего.

ЗНАЧЕНИЕ

Мы можем принять то, что написано выше, как хороший пример того, что называется «вещим сном». Примеры снов, которые опережают время, возникают довольно часто, некоторые из них попадают и на эти страницы. Что же касается того, что брат и старик на самом деле делают, зависит всецело от вариантов толкования. Известно, что самыми ранними объектами девичьего физического влечения являются ее отец и ее брат. Любая более поздняя привязанность к мужчине является результатом этого раннего, хотя и неосознанного проявления полового влечения. Вопрос, который задает читательница по поводу ее сна, состоит в том, насколько последний предмет обожания соответствует более раннему идеалу детства. Окончательный результат всецело зависит от сущности самого спящего. Старик — это символ отца; закрывающиеся двери характеризуют бег времени.

Толкование снов, «Предсказание», март 1969

ЛЕГКИЕ

ОТКРЫТЫЙ КОСМОС: В НАЧАЛЕ ВСЕГО ВСЕ-ТАКИ БЫЛ БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ?

Совершенно фантастические вещи открыты в космосе. Некоторые астрономы убеждены, что они обнаружили космические объекты, носящие следы катастрофических воздействий, что может указывать на первоначальный Большой Взрыв. А остаточный космический фон, обнаруженный в открытом космосе, может в действительности являться отдаленным отголоском этого события — акта взрывного творения нашей галактики, доходящий до нас в течение миллиардов лет после происшедшего события. На следующей неделе, в новой серии экспериментов, мы исследуем новые волнующие идеи, которые могут привести к полному пересмотру нашего понимания пространства и нашего места в нем.

Цветной журнал «Обсервер», 26 января 1969

1. НЛО НЕДРУЖЕСТВЕННЫ, ОТ НИХ НЕЛЬЗЯ ЖДАТЬ НИЧЕГО ХОРОШЕГО, А НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ПРОСТО ОПАСНЫ

Сначала было быстрое путешествие в подвал, а потом Джерри легко двигался в своих мягких шелковых одеждах коричневого, желтого и золотистого цветов под щедрым солнцем ранней осени в Лэдброук-Гроув, направляясь в Челси.

Кингс-роуд была расположена довольно далеко в стороне.

Джерри шел неспеша, наслаждаясь погожим днем, размахивая своей музыкальной тросточкой и слушая музыку, льющуюся из ее рукоятки, свернул на Элджин-Креснт, за-

тененную большими старыми дубами, измерил всю длину Клэрендон-роуд и только после этого достиг Голланд Парк-авеню, на которой росли высокие деревья и стояли огромные пустые дома с разбитыми окнами.

Запряженная двумя маленькими лошадками, шотландскими пони, по опавшим листьям медленно катилась тележка булочника, окрашенная в красный и зеленый цвета. Худой извозчик вытянулся на своем сиденье, стараясь уловить побольше тепла от осеннего солнца, и, казалось, прислушивался к ленивому басовому гудению отдаленного самолета.

Джерри остановился и купил сдобную булочку с изюмом.

— Сегодня весьма тихий день, — сказал булочник.

— Да, неплохой, — Джерри откусил от булочки, — как поживает ваша жена?

— Ничего, терпеть можно.

— Вы уже закончили свой ежедневный обход?

— Не знаю, насколько это стоило стараний. Хлеба раскупили очень мало. Несколько эклеров, пирожные с фруктовым кремом и повидло.

— Я думаю, что сегодня вы не зря старались.

— В иные дни раскупают и того меньше.

Джерри направился в парк. Его музыкальная тросточка наигрывала мелодию «Дурак на горе».

Пока Джерри проходил по Голланд Парк, он видел нескольких играющих детей. Старик кормил голубей, павлинов и цесарок из большого свертка с арахисовыми орехами, который он держал у пояса.

Джерри остановился у Голландского дома и оглядел его белый фасад, но большой особняк, построенный в духе королевы Елизаветы, был тих, поэтому Джерри продолжил путь, пока не дошел до крикетного поля с расставленными воротами и обгоревшего остова Института здравоохранения, который выходил прямо на Кенсингтон-Хай-стрит, по которой медленно текли автомобили.

У Джерри возникло некоторое интуитивное предчувствие.

На углу Эрлс-Корт-роуд он сел в свой припаркованный здесь трансформируемый «Мэйбах-Цеппелин», сложил верхнюю часть корпуса, чтобы позволить ветерку приятно овевать его волосы, и быстро поехал в Челси, где остановился у

«Пурпурного попугая», около которого он договорился о встрече со Спиро Коутрубуссисом, чтобы обсудить некоторые события прошлого, настоящего и будущего за завтраком.

Кулуары клуба были заполнены подвешенными клетками, в которых обитали говорящие птицы, канарейки, попугаи какаду, которые непрестанно взывали друг к другу сразу на нескольких языках и диалектах. Встречающий гостей клуба «Пурпурный попугай», одетый в одежды из тщательно обработанных птичьих перьев, выглядел, как вождь какого-нибудь полинезийского племени в обрядовой национальной одежде.

Встречающий улыбнулся Джерри:

— Ваш столик готов, мистер Корнелиус. Ваш друг находится в комнате Коноплянок.

Спиро Коутрубуссис одиноко сидел на стуле перед стойкой бара, внимательно рассматривая клетку, в которой нахохлились угрюмые крапивники. На его курчавых черных волосах угнездился дрозд, канарский златоцвет лежал между его прекрасно ухоженных рук.

— А, Корнелиус, — произнес Коутрубуссис, узнавая Джерри.

— Прошу прощения, если я опоздал. У меня было довольно горячее время в Штатах.

— Я предупреждал вас об этом.

Джерри засопел.

— Это все Карен фон Крупп, именно она заманила вас в ловушку. Я знал, что она обязательно подстроит что-нибудь в этом духе. Вы ведь никогда не слушаете...

Дрозд начал петь. Коутрубуссис рассеянным жестом пытался смахнуть птицу, но дрозд только глубже запустил свои когти в его шевелюру.

— Это было приобретением опыта, — сказал Джерри, заказывая «перно», — бесценного опыта.

— Но время потеряно!

— Что ж, всегда случается какое-то событие, и вы ничего не сможете с этим поделать. Бросьте сердиться, Коутрубуссис. Давайте разгрустимся, а?

— Корнелиус, мы находимся в опасности. Весь наш проект под угрозой срыва — ваш проект, если уж на то пошло. Если вы обманули и тех и других...

Джерри протянул руку и взял меню, лежащее на стойке бара.

— Что нам следует заказать?

— Сегодня очень хороша утка, — сказал Коутрубуссис, — так мне сказали. Или же цыпленок «Аполлинер».

— Пожалуй, слишком тяжело для меня. Я начну с pate de foie*, — Джерри слегка почесал кончик носа, — я избегаю еды. Все еще...

— Теперь Карен фон Крупп исчезла с горизонта?

— Мне хотелось бы предположить, что это так.

— Хорошо, тогда, по существу, вы, похоже, справились успешно. Но все еще есть Бисли. Очень важный момент, учитывая сложившиеся обстоятельства.

— Какие именно обстоятельства?

— Президент Бойл увеличил число военных советников. На Континенте** их три миллиона, и все они заняты тем, что старательно выискивают однозначные проявления пятой колонны.

— Не сомневаюсь в том, что никто не обеспокоен этим.

— Не совсем так. Никто, кроме Трех Президентов, и может быть Израиля. Вы слышали, что произошло вчера? Флот израильских вертолетов приземлился в Ватикане, Папа был арестован. Допускаю, что они натворили там еще что-нибудь, отягчающее вину.

— Я последнее время был несколько в стороне от событий.

— Я не укоряю вас за это.

Они перешли в ресторан. Ресторан возник после переделки старой оранжереи, поэтому все его подпорки, столбы, стропила были увиты виноградными лозами, окна выглядывали на мощеный булыжником дворик, посреди которого находился фонтан, выполненный в стиле регентства, заполненный плавающими и довольными собой лебедями.

Джерри заказал hors d'oeuvre*** и выбрал жареного перепела в качестве основного блюда. Посовещавшись, Джерри и Коутрубуссис решили, что будут пить «Голубую болотную синицу».

---

* Паштет из птичьей печени (франц.). Перев.
** В Европе (принятый в Великобритании оборот речи). Перев.
*** Закуска (франц.). Перев.

— Предполагаю, что вашу машину все-таки следовало бы отыскать, как вы думаете, Джерри? — спросил Коутрубуссис, со вкусом прожевывая очередную порцию цыпленка. — Если разобраться, у нас теперь не очень-то выгодное положение без нее, не так ли? У нас осталось очень мало шансов на успех.

— Я не могу представить себе, по крайней мере, на этом этапе, чем нам может помочь преобразователь, — ответил Джерри, поддевая маленькую перепелиную ножку.

— Вам совершенно необязательно проходить через него. У нас все-таки есть кое-что прозапас, дорогой Джерри. Говорит ли вам... — Коутрубуссис слегка подавился черенком спаржи, — говорит ли вам, — он отпил глоток выдержанного вина «Молоко любимой женщины», — что-нибудь имя Гордон?

— Флэш Гордон?

— Гордон Гэвин.

— Говорит, — Джерри отщипнул кусочек от грудки перепела. — Последнее, что я слышал о нем, это то, что за ним числится двадцать два преступления. Он фальшивомонетчик.

— Ах, вот вы о чем! Не исключено, что так и есть на самом деле, ведь мы с ним познакомились не очень давно. Он хорошо наслышан о нашей схеме преобразования.

— Итак, он в самом центре событий?

— Еще нет. Вы хорошо знаете, насколько тупые типы там сидят. У Гэвина было поручение, но он его не выполнил. Через некоторое время он позвонил снова и сказал, что у него есть сообщение для вас от джентльмена, касающееся вашего изобретения, которое было потеряно в процессе испытаний. Вероятно, речь шла о машине.

— Я потерял много изобретений.

— Я уверен, что он имел в виду машину. Это может быть нашим спасением, Корнелиус.

— Уходим.

2. ИГНОРИРУЙТЕ СОВЕТ РАЗДЕВАТЬСЯ С БОЛЬШОЙ СКОРОСТЬЮ

Коутрубуссис тяжело пересек улицу и вошел в ворота фазаньего питомника, где располагались его апартаменты. Джерри проследовал за ним по опасным для хождения ступеням, окруженным с двух сторон раскрошенными, распадающимися статуями, до темного зала, заполненного тусклым блеском лакированных дверей и незримым хлопаньем крыльев.

Они прошли по молчаливым коридорам, пересекли тихие дворики и поднимались вверх по лестницам до тех пор, пока наконец не очутились в самой сердцевине старого викторианского особняка.

Коутрубуссис остановился перед дверью балкона на втором этаже, который возвышался над горным садом, заполненным разнообразными певчими птицами.

Деревянная дверь была наполовину ободрана, и тонкая желтая обивка свисала с ее верхней половины.

— Ну вот, мы и пришли, — сказал Коутрубуссис.

Они находились в залитом солнечным светом кабинете Коутрубуссиса. На небольшом возвышении справа стояла латунная кровать, в изголовье которой виднелась яркая, кричащая, покрытая сверкающей эмалью райская птица. Кровать была застелена турецким покрывалось темно-красного, желтого и голубого цветов.

На наборном полу слева располагался белого цвета довольно глубокий буфет с плитой для приготовления пищи, умывальником и другими необходимыми предметами.

Довольно достойно выглядевший ковер фирмы «Старое золото» покрывал почти весь пол и частично ступени; стоящий вблизи удаленной стены большой яркий видеоэкран был полон скользящим потоком часто меняющихся цветных изображений.

В углах этой большой комнаты, поближе к потолку, были подвешены четыре стереоколонки. Посередине ее стояли на коленях две девушки, одетые в отделанные перьями кружевные одежды, лица которых не носили следов усиленного воздействия косметики. Однако на девушках было надето

большое количество колец и серег, а их глаза были искусно подкрашены.

Как только девушки взглянули в своей мягкой манере на Джерри, он вспомнил их.

— Привет, Джерри, — ласково промурлыкала Морин Групье.

— Привет, Джерри, — ласково промурлыкала Барбара Групье.

— Морин и Барбара некоторое время остаются со мной, — Коутрубуссис слегка подтянул галстук, — они сейчас находятся на пути между двумя группами.

Волосы Морин были медового цвета, а волосы Барбары — каштанового; они изящно поднялись, прошли в кухню, откуда вернулись с двумя жестянками.

Морин завела старую пластинку Зутта Мани. Комнату заполнили мягкие звуки, а световой экран, стоящий у стены, отобразил изменявшийся ритм цветомузыки.

Барбара склонилась, чтобы свернуть сигареты. Она брала своими нежными пальчиками составляющие части из жестянки, принесенной из кухни, и скатывала толстые, туго набитые папиросы. Она прикурила две папиросы и дала одну Джерри, а другую — Коутрубуссису. Мужчины присели на набитые страусиными перьями подушки и закурили.

Морин вернулась на свое место и опустилась рядом с Барбарой; она взяла у Барбары сигарету с какой-то туманной величавостью. После чего обе девушки подняли безмятежные лица и направили свои неподвижные глаза к небу и замерли, очевидно, до тех пор, пока кто-нибудь не обратится к ним.

Зут Мани пел: «Послушай, дорогая, если бы не те бобы, которые уже выпрыгивают у меня из ушей, не горох, не мясо, не рис с дешевым колбасным фаршем, я бы попросил тебя слетать в бакалейный магазинчик, но сейчас я сыт по горло. Сыт готовыми продуктами. Позволь мне рассказать о моей жене — она совершенно не умеет готовить, и если бы она вдруг сказала, что научилась, я бы ни за что не поверил, так как все, что она умеет, — это бестолково суетиться и без конца пилить меня, она не знает даже, как правильно вскипятить воду».

— Тысяча девятьсот шестьдесят пятый, — Коутрубуссис глубоко затянулся, — как давно, как давно это было...

«Если ты покинешь меня, я сойду с ума», — продолжал петь Зут Мани.

Джерри улыбнулся Морин Групье, как старой знакомой, которая тут же вернула ему улыбку, как будто вспомнила вместе с Джерри об очень приятной тайне, связывающей их души.

«Вернись, крошка, вернись...» — не унимался Зут Мани.

Коутрубуссис лег и закрыл лицо руками.

Теплые, призывные губы Морин подчеркивали артикуляцию слов, которые она говорила, пока они с Джерри дружелюбно смотрели друг другу в глаза: («О, маленький, сладкий рок-н-ролл»...)

Для Джерри это было уже чересчур.

Он поднялся и схватил Морин и Барбару за мягкие, маленькие кисти рук и повел по ковру фирмы «Старое покрывало», поднялся на три ступеньки до кровати, над которой возвышалась райская птица, и начал складывать в кучу кружева, перья и кольца, которые подавали ему девушки. Они были так прелестны, их движения были так приятны; их подвижные, изящные, податливые тела сплетались к взаимному удовольствию.

Когда звучание пластинки закончилось, Барбара поднялась и поставила другую. Теперь Зут Мани пел «Зут!».

Джерри посмотрел по диагонали комнаты.

Глаза Коутрубуссиса были совершенно безжизненны, как будто бы их сковал внезапный мороз.

— Свиньи, — сказал он.

3. ОТКРЫТО 50 НОВЫХ СЕКРЕТНЫХ КАРТ ФЛОТА ЕЕ КОРОЛЕВСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Джерри, Морин и Барбара покинула фазаний питомник и поехали на машине Джерри в Сохо, к бару «Бол рум», расположенному на Вордуауэр-стрит, где на ярком пятачке, который выделялся среди непрестанного мелькания голубых теней, Джек Слейд, по прозвищу (прилипшему к нему со школьных времен) Ябеда, как бы подтверждая жалобно-ди-

кими звуками истинное значение своего прозвища, играл на отполированном ситаре.*

«Я довольно скользкий тип, мое имя не обманывает вас. Да-да, я очень скользкий парень, поверьте моему детскому прозвищу», — пел он.

Когда Ябеда увидел, что к нему приближаются новые посетители, он поспешно сошел с маленькой сцены, и его место занял Джонни Джейн в костюме цвета лепестков розы и в парике платинового цвета.

Джонни всплеснул руками:

— Теперь пришло время для нашего наиновейшего, самого большого мастера блюзов, разрешите мне представить его вам — всем, находящимся в этом зале, стоящим и сидящим около стойки бара, — ослепительного короля блюза, самый старый, самый исступленно почитаемый, самый забойный мастер года, будьте готовы, маэстро — приближается! — это Клэхем ... Джордж... Фоулшэм!

Джонни откатился в сторону, и появился Клэхем Джорж — для того, чтобы сыграть свою самую последнюю композицию «Мое брюхо полно прокисшего молока».

«Старый скаредный старьевщик принес мне кислого молока. Ох, уж этот старый скаредный старьевщик, который принес мне много кислого молока...»

Оставив Морин и Барбару у стойки бара, где подавали кока-колу, Джерри отошел, чтобы встретиться с Лайонелом Химмлером — владельцем заведения.

Джерри нашел Лайонела, полностью погруженного в свои горести и печали, в его маленьком офисе, расположенном за стойкой бара.

— Что же заставило вас выбраться на свет божий, мистер Корнелиус? — спросил Лайонел,, поднимая к бледным губам бокал с «Бычьей кровью». — Надеюсь, что не острая необходимость.

— Как дела, Лайонел?

— Мы теперь перешли на шоу со стриптизом. Перед нами встала жесткая необходимость привлечь больше посетителей среди жителей окрестностей, понимаете? Похоже, мы

* Трехструнный музыкальный инструмент типа лютни, распространенный в северной Индии, в арабских странах.

переместились за пределы кольца Биржевых маклеров и приближаемся к кольцу Носителей подтяжек, чувствуете? — Сигара встала на дыбы у него во рту.

— Так и Сохо теперь не тот, что раньше.

— Предоставьте мне самому судить об этом, мистер Корнелиус.

— Я вроде бы на работе.

— Это ваша забота.

Джерри открыл дверцу темно-коричневого буфета и достал оттуда свой инструмент модели «Мартин-206». Проверив его, он слегка подтянул струны.

— Прошу прощение за пыль, — сказал Лайонел.

Держа гитару под мышкой, Джерри вернулся в зал. Клэхем Джордж кончил, и его сменила исполнительница стрип-шоу, которая постепенно раздевалась в стробирующем свете.

Джерри, как дрожащая тень в мерцающем свете, прошел к столу, сел и заказал шотландский виски и стакан молока.

Морин и Барбара перенесли свою кока-колу на столик Джерри. Рядом с ними он почувствовал себя счастливым, но они хорошо осознавали, что картина может измениться.

После того, как стриптизерша ушла за кулисы, Джерри сыграл «Датч Шульц» и потом спел «Человек, входящий с черного входа», а Лайонел вышел, чтобы сыграть на электрооргане, и Джерри вошел в раж на сцене, и так продолжалось до тех пор, пока зал не начал пустеть, публика не начала расходиться, и только Морин и Барбара, а также две пожилые, очень пожилые, леди не остались единственными слушательницами Джерри, который с мрачным видом заканчивал свое выступление мелодией «Моя крошка укачивает меня», после этого закончили концерт, и они все вместе ушли.

На прощание Джерри послал воздушный поцелуй Лайонелу, но этот жест не был замечен. Лайонел остался на сцене и играл в этот момент вещицу Джона Пэтона, вероятно «Толстую Джуди».

Они втроем вышли. Сквозь холодную, вязкую толпу на тротуаре проследовали по улице к тому месту, где стояла машина Джерри, выпущенная в 1935 году, модель «фантом-III континенталь» фирмы «Ролсс-ройс» с 12-цилиндровым У-образным двигателем, с его независимыми передними

подвесками и облицовкой из чистого серебра, включая и радиатор.

— Может быть, этот автомобиль следовало бы назвать «Тень», — сказала Барбара, дружески пожимая руку Джерри, — или такое название было бы слишком неправильным?

Девушки забрались в автомобиль, бережно придерживая гитару Джерри, и они тронулись.

Вордауэр-стрит, вся в каких-то замерших огнях и полная неясных силуэтов, вела к Шафтсбэри-авеню, на которой возвышались коричневые стены многочисленных магазинов, и Пиккадилли-Серкусу с его зеленой центральной лужайкой.

Вскоре все эти хорошо известные местечки центрального Лондона остались позади, и Джерри повел машину к Пол-Мол, вокруг дворца, вдоль парка, мимо Триумфальной арки, на Найтсбридж, мурлыкая себе под нос песенку, пока обе девушки, крепко обнявшись, спали на заднем сиденье.

Музыка продолжалась.

Коутрубуссис был прав. Джерри обязательно должен был отыскать свою машину. Он высадит девушек около фазаньего питомника, узнает, где обитает Гордон Гэвин, и отправится в путь рано утром.

4. У МОЕГО МУЖА НАРУШЕНА СКОРОСТЬ «ЕСТЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА»

Джерри ехал на мопеде фирмы «Мэйбах-Цеппелин», имеющем объем двигателя 750 кубических сантиметров, по Хаммерсмит-роуд в ее средней части. Двигатель начал предательски постукивать, когда Джерри достиг скорости 130 миль в час.

Молочно-белые волосы почти вибрировали за его спиной, как туго натянутые струны, черные шелковые одежды буквально облепили тело, а защитный козырек, казалось, вот-вот поднимется и примет горизонтальное положение, когда Джерри наклонился и пошел на поворот и сбавил мощность двигателя до нормальных, без надрыва, оборотов,

чтобы направиться в сторону продолжения Кромвель-роуд, где ему повстречалась похоронная процессия.

За катафалком вереницей ехали три «остин-принцесса», устаревшие очертания которых и неуклюжий вид сзади, казалось, ставили окончательную точку в судьбе того, кто покоился в гробу.

Почти лежа на бензобаке, вытянув руки, чтобы покрепче держать руль своей «сенокосилки», Джерри прошмыгнул буквально перед самым носом передней «принцессы» движением, которое было похоже на какой-то изящный, но и непристойный танец.

Совершив это не очень-то приличное действо, Джерри снова прибавил обороты и помчался по направлению к Брентфорд-Маркет.

Пассажирам «принцессы» было явно не до него, поэтому Джерри не беспокоился, что за ним погонятся.

Он свернул на Кью-Бридж-роуд, переехал через мост и устремился по Кью-Грин к большим воротам, спроектированным Десимусом Бартоном и сооруженным в 1848 году специально для Ботанического сада ее Королевского Величества. Джерри проехал через сварные железные ворота, которые венчала королевская корона, и снизил скорость до семидесяти миль в час, проехал мимо Эройд-Хауса Джона Нэша, оранжереи Чамберса, особняка Филми Ферн, после чего мопед Джерри перепахал лужайки, потом попал на Широкую тропу и, резко изменив угол наклона мопеда и приподняв переднее колесо, промчался сквозь свежий утренний воздух к Палм-Хаусу Бертона, который сверкал всеми своими окнами, балконами и перекрытиями рядом с Розовым садом, проревел двигателем между Австралийским и Умеренным домиками, пересек несколько цветочных клумб и лужаек, прокатился между спокойными кедрами и потом затормозил и остановился приблизительно в 160 футах от Красной пагоды, которая возвышалась над кедрами.

Металлические пластины на каждой из десяти крыш пагоды отражали солнечный свет, солнечные лучи брызгали во все стороны от стеклянных сводов, которые закрывали бронзовых драконов, стоявших в каждом углу каждой восьмиугольной крыши, в точности там, куда они были поставлены в 1761 году сэром Уильямом Чамберсом, отдавшим свое творение на суд принцессы Аугусте.

Джерри опустил козырек, защищающий глаза от солнца, и внимательно посмотрел вверх.

В тени балкона на шестом этаже стояла какая-то фигура, которая, пока Джерри смотрел на нее, подошла к краю балкона и наклонилась через перила. Этот человек на балконе был одет в длинный, грязный плащ, застегнутый на все пуговицы.

Это мог быть только Флэш Гордон.

Джерри открыл дверь и начал подниматься по центральной железной лестнице, которая вела наверх, мимо пустых междуэтажных перекрытий, выложенных дубовыми досками. В солнечном свете, пробивающемся сквозь грязные окна, виднелась взвесь пыли.

Пока Джерри добирался до шестого этажа, Флэш Гордон прошел сквозь застекленную балконную дверь и стоял, расслабившись, ожидая появления Джерри.

Большие карие, но довольно пустые глаза на красном, нездорового вида лице бегло осмотрели шелковый костюм Джерри, а его покрытые пятнами пальцы тормошили пуговицы плаща, как будто стараясь расстегнуть их, чтобы легче дышалось.

Ниже плаща Джерри увидел пару толстых серых носков и ботинки, сильно запачканные еще не высохшей, похожей на ил грязью.

— Э... как поживаете, мистер Корнелиус? — Толстые губы Флэша двигались, создавая подобие вялой улыбки. Произношение было невнятным.

— Доброе утро, Гордон, Кью расположено несколько в стороне от ваших владений, не так ли?

Взгляд Флэша слегка посветлел.

— Ну что ж. Видите ли, мистер Корнелиус, я обожаю бывать на природе, среди зелени. У меня самого есть небольшой садик. Я немного занимаюсь садоводством. Я люблю разводить какие-нибудь маленькие кустарники. Маленькие теплицы, оранжереи. Я обожаю зеленые насаждения. Всевозможные. Теперь я ухаживаю за этими зелеными насаждениями, когда могу. Больше никто не захотел работать здесь. Я полностью владею этой маленькой страной.

— И ею легко управлять.

— Очень легко, — ответил Флэш, моргнув и на мгновение прикрыв внезапно загоревшиеся зрачки глаз, судорожным движением сунув руки в карманы. — И еще здесь тепло, но приближается зима, — почему-то прошептал он. Видимо, у него от внезапного волнения перехватило голос. Прочистив горло, Флэш продолжал:

— Для того чтобы поддерживать необходимую температуру в зимнее время, мне необходимо довольно много топлива. А топливо не растет на деревьях. Ну, хорошо... если быть точным... не на всех деревьях.

Избегая взгляда Джерри, Флэш двинулся к лестнице и начал спускаться.

— Не пройти ли нам в другое место, — предложил он Джерри.

— Да, здесь слишком открытое место, — согласился тот, недовольным тоном выражая свое отношение к происходящему, пока спускался вслед за Флэшем.

Они шли по аллее золотых кедров по направлению к удаленному Австралийскому домику.

— Сейчас в Австралии, конечно, весна, — пробормотал Флэш.

— Я бы не рассчитывал на это. По крайней мере, не сейчас.

— Думаю, что нельзя рассчитывать, нет.

Флэш вытащил из кармана ключ и открыл дверь. Они вошли внутрь помещения, где царила атмосфера горячих, ярких субтропиков, и двинулись вперед среди эвкалиптов, древовидных папоротников, пальм, кенгуриных лапок, пустынного горошка Стюарта, мимоз и акаций.

— Вы сказали известному вам мистеру Коутрубуссису, что у вас есть кое-какая информация о некоей украденной собственности, — сказал Джерри, когда они остановились, чтобы полюбоваться пурпурными цветами рододендрона.

— Совершенно точно.

— Информация точна или расплывчата?

Флэш слегка озадачено посмотрел на Джерри:

— Конечно же первое.

— И в обмен на это сообщение вы бы хотели подвергнуться обратному преобразованию?

— А, вот вы о чем... Преобразованию? Нет. Понимаете ли, я довольно счастлив здесь. Я люблю растения, а они лю-

бят меня. И я могу, сколько хочу, бродить среди них, ожидая посетителей, разве это не счастье?

— Конечно, вы можете...

— Поэтому, мистер Корнелиус, в общем и целом будем считать, что эта проблема решена. Раз и навсегда. Речь идет совсем о другом. Я бы в любом случае отдал вам информацию совершенно бесплатно, и вы это прекрасно знаете. В память о старых добрых временах. Но вы понимаете, мистер Корнелиус, мне необходимо топливо на зиму.

— Хорошо, мы можем гарантировать вам, что поставки топлива будут регулярны. Топливо — это как раз одна из тех проблем, о которых мы позаботимся заранее.

— И это хорошо понятно.

— И, конечно же, гарантии должны быть обоюдными, не правда ли?

— Согласен. Если моя информация окажется фальсифицированной, то вы прекращаете подачу топлива. Однако я надеюсь, что моя информация не фальцифицирована, — сказал Флэш, озабочено глядя на кенгуриную лапку, — и я бы очень хотел надеяться, что вы не сделаете этого с моими зелеными лужайками.

— Предсказать ничего нельзя, Флэш.

— Вы, конечно, правы. Проблемы нарастают. И с этим мне все-таки придется вскоре столкнуться лицом к лицу. Рано или поздно. Тут скоро все зарастает, как в джунглях.

— Не думаю, что это очень уж плохо.

— Я не говорил, что это плохо. Но я говорил о том, что проблема проблеме — рознь, разве не так?

Эскадрилья низко летящих истребителей-перехватчиков Ф-5а фирмы «Нортроп» заставила стекла сильно завибрировать в рамах. Флэш посмотрел вверх и тряхнул головой:

— Теперь здесь часто выбрасывают парашютный десант, — пояснил он, — по большей части над дорогой Барнса. Если бы вы только видели, что они натворили с травой и деревьями на общинных землях.

— В глубине души они поддерживают наши интересы, — сказал Джерри.

— Но зачем же ломать еще молодые деревца, мять и вытаптывать траву и цветы!

— Всегда приходится что-то приносить в жертву, Флэш.

Горячие слезы брызнули из глаз Гордона.

— Что поделаешь, — сокрушенно произнес он, — мне так нравилось то, что росло на землях общины Барнса. Весьма сожалею, мистер Корнелиус, о своей реакции, но... так нравилось... Ведь именно там я впервые встретил вас, разве вы не помните?

— Давайте-ка вернемся к той информации, о которой вы говорили в начале нашей встречи, — сказал Джерри.

— Ах, да, конечно. Да-да. Дайте-ка секунду сообразить. — Рука Флэша скользнула в карман плаща, немного там задержалась и в конце концов появилась, держа клочок бумаги.

— Я нахал, — Гордон, вероятно, имел в виду то, что он задержал информацию, обещанную Джерри. Он отдал Джерри бумагу.

— Это пойдет, мистер Корнелиус, как вы считаете?

Джерри посмотрел на бумагу:

— Это пойдет. Где вы раздобыли это?

— От парня, который это написал.

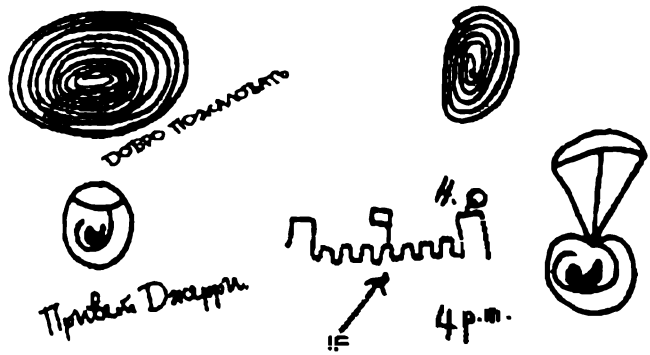
— От того педика?.. — удивился Джерри. — И вы этому верите?

— Что теперь об этом говорить, мистер Корнелиус!

Джерри еще раз взглянул на клочок бумаги.

— Он говорит, что назначил вам деловую встречу. В Букингэмском дворце. Сегодня в полдень, — сказал Флэш, поглаживая лист эвкалипта, — вас это устроит?

— Придется идти.

ПЕРВЫЙ НАДРЕЗ

ИСПУГАННЫЕ МАТЕРИ ПРИВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ, КОТОРАЯ НАВОДИТ ПОРЯДОК.

Полиция Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло наконец-то устала спокойно наблюдать, как преступники совершенно безнаказанно исчезают с места преступления. Поэтому некоторые полицейские организовали «эскадроны смерти», которые действуют только в перерывах между часами патрулирования дежурных частей полиции.

К настоящему времени «эскадронам смерти» приписывают смерть более чем 100 преступников в Рио. На телах были оставлены отметины в виде черепа и окрашенных костей, что является своего рода визитной карточкой полицейских, осуществляющих мщение.

Предполагается, что эскадрон города Сан-Пауло состоит из девяти офицеров, пятеро из которых имеют университетское образование. Все они проявляют резкое недовольство отменой смертной казни в Бразилии и отсутствием адекватного полицейского оборудования, оружия, принадлежностей, необходимых для нормального несения службы.

Один из членов эскадрона, который пожелал остаться неизвестным широкой публике, сказал нашему корреспонденту: «Нам надоело нести нашу патрульную службу со связанными руками. Поэтому мы решили применить методы борьбы с преступностью, отличные от общепринятых».

Честные люди, которых немало среди десяти миллионов жителей двух городов, приветствуют проявление правосудия.

Одна испуганная преступниками мать писала в местной

газете: «Приятно осознавать, что теперь мы наконец защищены».

Обычно к смерти приговаривают тех, кого сами члены эскадрона считают несомненными преступниками.

Многие из них оказываются торговцами наркотиками.

Эскадроны добиваются максимальной публичной огласки своих действий, надеясь, что это обстоятельство будет устрашением для остальных преступников.

Отделения официальной полиции регулярно получают сообщения от офицера по связям с общественностью из числа членов «эскадрона смерти», который точно указывает, где может быть найдено тело последнего наказанного преступника.

«Пикантные новости», 1 февраля 1969

1. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Джерри остановил свой «фантом-VI» недалеко от ворот Букингэмского дворца и немного опустил боковое стекло, поджидая, когда к нему подойдут для проверки личности два сержанта из 5-й морской дивизии в переделанных униформах гренадеров: в полном снаряжении, со шлемами, с плюмажами под римского легионера типа «конская грива».

— У меня назначена встреча с Фрэнком Корнелиусом, — сказал им Джерри.

На нем была широкополая шляпа лилового цвета, под которую были заправлены светлые волосы. Его темно-синяя, цвета полуночи рубашка была украшена подходящим по цвету кружевом, а брюки тореадора были еще более темного синего цвета. На нем был также широкий пояс из лакированной кожи с огромной бронзовой застежкой, на котором висела кобура с вибропистолетом. Вокруг шеи Джерри развевался желтый шарф.

Пока сержанты изучали документы Джерри, они старались сохранить на лицах беспристрастное выражение, но их губы предательски дрожали.

— Подождите здесь, сэр. — Один из сержантов погладил характерным жестом свои, видимо, недавно отращенные усы, после чего отошел, чтобы поговорить с человеком, который стоял в тени главного входа дворца.

Другой сержант облокотился рукой о крышу автомобиля Джерри и наблюдал очень внимательно за своим напарником до тех пор, пока тот не вышел из тени главного входа и не сделал знак рукой. Сержант слегка хлопнул ладонью по крыше, Джерри тронулся и неспеша въехал внутрь двора.

Первый сержант подбежал к машине, его меч и военное снаряжение якобинского воина хлопали по белым брюкам из оленьей кожи.

— Я припаркую вашу машину, сэр.

— Не беспокойтесь, сержант. — Джерри выбрался из машины и замкнул дверцы «фантома-VI», — думаю, будет лучше, если я оставлю машину здесь.

— Мы не имеем права делать это. Запрещается парковать автомобили вблизи границ дворца. Они нарушают гармонию. Сэр.

Джерри показал рукой на флагшток на крыше дворца:

— Похоже, что генерал Кэмберленд в резиденции.

— Да, сэр.

— Как гордо выглядит этот стяг.

Джерри прошел в холл и подал свою визитную карточку щегольски одетому, быстрому и живому в движениях лейтенанту, который положил ее на серебряный поднос и понес его вверх по лестнице, проходя мимо портретов Элизаветы I, Джеймса I, Чарлза I, Чарлза II, Джеймса II, Ульяма III, Мэри II, Королевы Анны, Джорджа I, Джорджа II, Джорджа III, Джорджа IV, Ульяма IV, Королевы Виктории, Эдаурда VII, Джорджа V, Эдварда VIII, Джорджа VI, Элизаветы II, Королевы Элен, а также Улиссеса Вашингтона Кэмберленда (C-in-C*, Соединенные Штаты, силы самообороны западной Европы), который занял почетное место в этом здании после королевы Элен, после того, как она покинула дворец, чтобы основать школу верховой езды в Глифорде, Суррей.

---

* C-in-C — Главнокомандующий (военно-морской британский жаргон). Перев.

Наиболее свежие из написанных портретов выдающихся деятелей принадлежали кисти Олдриджа — последнему действительному придворному художнику и выполнены были в манере «торжественная гримаса», которые при первом, даже очень беглом, взгляде позволяли достоверно установить авторство.

Джерри восхищался старомодной роскошью, немного архаичным великолепием стражников, которые стояли, преисполненные внимания, с саблями наголо и охраняли каждую дверь дворца.

— Не кажется ли вам, что они немного рисуются, — Джерри кивнул в сторону охранников, обращаясь к вернувшемуся лейтенанту.

Лейтенант молча смерил Джерри сначала снизу вверх, потом в обратном направлении, после чего сказал:

— Майор Корнелиус готов встретиться с вами. Сюда.

Они поднялись по лестнице, отделанной бархатом и позолотой, на второй этаж и пошли между покрытых филенкой стен и плохих копий бюстов деятелей древнего Рима, пока не приблизились к белой двери, внешняя обивка которой выделялась преобладанием черного цвета; на двери красовалась красного цвета надпись: «МАЙОР ФРЭНК КОРНЕЛИУС, Главнокомандующий войсками специального назначения», а по обеим сторонам этой двери стояли два бравых морских гренадера из военно-морских сил Соединенных Штатов. Их мечи негромко звякнули, когда они немного церемонно перекрыли крест-накрест вход, а потом вернули свое оружие в привычное положение, с четко определенным по уставу наклоном.

Лейтенант постучался в дверь.

Голос, обладающий едва заметным, но все-таки безошибочно узнаваемым африкаанерским* акцентом, ответил:

— Входите.

Лейтенант отдал честь и, чеканя первые несколько шагов, ушел.

Джерри открыл дверь и оказался в комнате, обставлен-

---

* Язык африкаанс–бурский язык, на нем говорили буры, африканеры. Один из официальных языков ЮАР. Возник из смеси нидерландских, английских, немецких диалектов и местных наречий.

ной и украшенной в полном соответствии с тем уродливым вкусом, который был присущ Адаму Броз.

Фрэнк стоял у камина, в котором суетливо мигали языки пламени, и смотрел на выполненные в виде лиры маленькие часы, являющиеся, по-видимому, фальшивой подделкой из Германии — под эпоху Директории, но выглядевшие довольно симпатично.

Фрэнк был одет в форму майора 8-го военно-воздушного флота Соединенных Штатов, одну руку он держал в кармане, вторая покоилась на облицовке камина. Он выглядел очень бледным, а его черные волосы были пострижены до уровня плеч.

Он улыбнулся при виде Джерри:

— Сто лет тебя не видел, старый приятель.

— Но ты ведь уезжал в Южную Африку.

— Это было неплохо для поправки здоровья.

— Или преобразование.

Фрэнк громко рассмеялся:

— Бедный старина Джерри!

— Хотелось бы, — сказал Джерри в ответ, — чтобы у тебя не вошло в привычку употребление таких слов. Кстати, ты, как мне кажется, неплохо выглядишь.

— Таково мое поручение.

— Я виделся с мистером Гэвиным, — сказал Джерри, — если я не ошибаюсь, то у тебя есть некоторые соображения по поводу того, где находится небольшая часть моего имущества.

— Ты имеешь в виду свое изобретение?

— Можно и так назвать.

— Ну что ж, однако, как ты видишь, здесь ничего нет.

— Так где же оно может быть?

— Предлагаю обсудить это несколько позже. Не хотел бы ты сначала немного перекусить?

Фрэнк тронул звонок, и в комнату вошла девушка с длинными волосами каштанового цвета и с несколько отрешенным видом.

— Это моя секретарша, — сказал Фрэнк. — Ты знаком с ней? Ее зовут Роуз Бэрри. Мой брат Джерри, — представил его Фрэнк.— Роуз является гражданской служащей, — Фрэнк улыбнулся. — Наши ребята называют тебя «боеголовкой», не так ли, Роззи? — Фрэнк подмигнул Джерри. — Роуз знает...

Роуз поправила платье вишневого цвета и подняла руку к яркому лицу, начиная при этом задавать традиционный вопрос:

— Чт..?

Фрэнк вклинился в окончание первого слова:

— Что-нибудь, чтобы слегка нас подбодрить, пожалуйста, Рози. Будь хорошей девочкой, а?

Роззи вышла.

— Ее наказали за езду с недозволенной скоростью, — пояснил Фрэнк, — но она мне приглянулась. Ты знаешь, о чем я говорю. Я не мог позволить ей пропасть из-за пустяка.

— Ты слишком добр.

— Твоими бы устами да мед пить...

Роуз вернулась, неся белый поднос, на котором позвякивали различные бутылки, лежали ампулы и инструменты.

— Ну вот, давай-ка посмотрим, что тут есть. — Рука Фрэнка застыла на секунду над подносом.

— Что пожелаешь, старина?

— Давай ты первый. Если, конечно, у тебя не очень плохое настроение.

— Роззи приняла прошлой ночью последнюю порцию роззеров, не так ли, Роззи?

— Д...

— Она как-нибудь расскажет тебе. Никаких дурных последствий.

— Тогда и я присоединяюсь.

— Ну, как пожелаешь, — сказал Фрэнк, подхватывая ампулу кончиками пальцев левой руки, а иглу — кончиками пальцев правой. — Как ты знаешь я тоже некоторое время экспериментировал в этой области. Есть кое-что, что могло бы даже, на мой взгляд, заинтересовать и тебя, хотя мне хорошо известно, что у тебя нет моей одержимости «химией». Это, например, синтезированная DNA* с кое-какими добавками.

Фрэнк закатал рукав своей красиво сшитой формы и воткнул иглу. Он слегка причмокнул губами:

— Приятно. Недостаток состоит в том, как я обнаружил, что это вещество принципиально невозможно изготовить в больших дозах. Учитывая твое знание физики и некоторых

---

* Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК). Перев.

технических тонкостей, мы могли бы вместе взяться за это дело.

— Тебе не следовало бы слишком распылять свои капиталовложения, Фрэнк.

— И тебе кажется, что ты дал мне исключительно ценный совет, старина?

— Зря иронизируешь. На основе моих наработок тебе все равно не удастся много сделать. Ничего интересного, если ты имел в виду мои работы в области переливания крови и химических реактивов.

— Я имел в виду именно переливания. Немного от одного источника, немного от другого, потом смешать все вместе и посмотреть, что произойдет.

— Шизофрения!

— Полнейшая.

— Именно поэтому я все-таки думаю, что это не совсем мое поле деятельности. Однако если бы ты смог показать мне, где находится моя машина. Или хотя бы подсказать, где ее искать...

— А... ну что ж, видишь ли, именно Роззи знает, где находится твоя машина. Однажды она мне рассказала об этом, ты помнишь, Роуз?

— Я...

— Я предполагаю, что это было своего рода видение.

— Я... желаю... Я...

— Так или иначе, я перепроверил ее рассказ.

— Я... желаю... Я...

— И она оказалась права.

— Я... желаю... Я...

— Так что я постарался войти в контакт с тобой.

— Я... желаю... Я... была... красивой...

— Итак, машина, по всей вероятности, находится где-нибудь здесь поблизости, не так ли? — Джерри слегка нахмурился, глядя на Роуз. — Я имею в виду, в Лондоне?

— Я... желаю... Я... была... красивой... снова...

— Конечно, она в Лондоне, старый упрямец. — Фрэнк улыбнулся, повернул Роуз лицом к двери и слегка подтолкнул ее в спину. — Именно по этой причине я и постарался встретиться с тобой. Я думал, что у нас не будет много времени на встречу, не правда ли? Учитывая, как развиваются события.

— Ты имеешь в виду...

— Операцию, старый вояка. Программу рационализации. Именно поэтому мой начальник и я находимся здесь, только поэтому. Здесь собирается конференция всех командующих европейских вооруженных сил... — он проверил одни из своих часов, — приблизительно через десять минут. Генерал Кэмберленд уже принял экстренные меры безопасности, но я не думаю, что с помощью этих мер удастся держать в тайне долгое время существо дела. Берлин, Женева, Люксембург теперь не представляют угрозы, и я с минуты на минуту ожидаю сообщений о Хельсинки и Милане.

— Бомбежки?

— Они явно рехнулись, дружище!

Послышался стук в дверь.

— Войдите.

Вошел лейтенант и отдал честь.

— Сэр. Командующие европейских частей собрались в зале заседаний. Генерал выразил надежду, что вы сумеете занять гостей до того момента, как он сам сможет прийти на конференцию.

— Безусловно. Так, Джерри, если тебе что-нибудь понадобится, то ты попроси Роуз, и она тебе поможет... Я через некоторое время вернусь. Не волнуйся. Ты выглядишь вне себя!

— Хотел бы я успокоиться...

— Выше нос, — положив руку на рукоятку личного, изящно расположенного на поясе униформы игольчатого пистолета, Фрэнк направился к двери. — Если хочешь, то можешь действовать в данной ситуации по своему усмотрению.

Выходя из комнаты, Фрэнк дернул за шнурок, и стена над камином засветилась и превратилась в карту.

— Я никогда не забываю о мерах предосторожности, как ты видишь, — сказал Фрэнк на прощание, — однажды ты научил меня, как это делается.

Джерри посмотрел на рельефную карту, на которой сверкали световые точки в тех местах, где были расположены столицы европейских государств. Это уже было скучно. Он с сомнением подумал о том, что можно было бы как-то изменить фарватер.

2. ГАЛЛАХЕРУ ПРЕДСТОИТ ОБРАЗОВАТЬ ПОДГРУППУ СРЕДИ ЧЛЕНОВ КОНФЕРЕНЦИИ, ОДОБРЯЮЩУЮ УДАР ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Джерри нашел кнопку и нажал ее.

Карта сменилась сценой, изображающей одно из мест во дворце; похоже, это был зал заседаний. За длинным столом сидели генералы и фельдмаршалы каждой европейской страны (за исключением Трех Республик и еще одного государства, у которого до сих пор были неприятности с израильтянами). Они весело переговаривались между собой, и, как по команде, все посмотрели в одну сторону, когда Фрэнк, надев на свое морщинистое лицо улыбку, вошел в зал.

— Джентльмены, я майор Фрэнк Корнелиус, специальный помощник генерала на европейском театре действий. Пожалуйста, называйте меня просто Фрэнком.

Он положил тонкую папку для бумаг на стол перед собой и занял место вблизи главного места, где должен был сидеть генерал.

— Генерал Кэмберленд сожалеет о том, что вынужден задержаться, но он вскоре присоединится к нам. А пока что, — Джерри увидел, как Фрэнк слегка взмахнул руками, — я нахожусь здесь, чтобы ответить на ваш самый незначительный вопрос, который вы пожелаете задать.

Норвежский фельдмаршал, обладатель очень худой шеи, слегка прокашлялся.

— У вас вопрос, фельдмаршал Лунд? — спросил Фрэнк.

— Я хотел бы выяснить, не смогли бы вы вкратце обрисовать то, какие районы были... гм...

— Деперсонифицированы.

— Ах, да.

— Столицы: Хельсинки, Берлин, Женева, Люксембург, Вена. Основные города с пригородами: Милан, Мюнхен, Страсбург... — карандаш Фрэнка на секунду замер над его папкой.

Командиры с вежливым видом воспринимали информацию.

— Конечно, новости поступают непрерывно. Мы непременно будем сообщать вам новые данные.

— Спасибо, — генерал фон Хемнитц кивнул большой головой, — мы поняли, что у нас нет самой свежей информации...

— Сейчас обстановка очень быстро меняется, генерал. Кто же может надеяться охватить сразу так много событий?

— Да, действительно, это так... — красная жировая складка на задней части шеи генерала фон Хемнитца слегка задрожала. — А для каких целей вам могут потребоваться наши силы?

— Я позволю себе предположить, что это будет совместная работа с нашими ребятами. — Фрэнк засмеялся и поглядел на лица собравшихся. — Если говорить серьезно, нам потребуются ваши люди для того, чтобы вычистить любые гнезда подрывной активности после того, как наша первая волна пройдет над вашими четко определенными районами. Мы с вами находимся здесь именно для того, чтобы обсудить детали этой операции, как только генерал Кэмберленд присоединится к нам.

— Есть еще вопрос о дележе добычи, — нидерландский генерал де Йонг приподнял свою красивую авторучку.

— Рекламация ценностей. Здесь мы имеем две основные категории, джентльмены. Скоропортящиеся товары и не скоропортящиеся товары. Большая часть первых может быть использована теми подразделениями, которые первыми получат к ним доступ. Вторые следует складировать в безопасных, хорошо защищенных местах до тех пор, пока комитет старших офицеров не решит, как использовать и распределить их. Мы уже подготовили инструкции для вас, в которых есть указания, как лучше решать эту проблему.

Имеются также листовки с инструкциями о половых сношениях путем применения силы, половых сношениях по обоюдному согласию, половых сношениях с помощью неестественных приемов, о сношениях между представителями одного пола, о половых сношениях с животными, о половых сношениях с несовершеннолетними, о половых сношениях с врагами или же с теми, кто, по всей вероятности, сможет быть потенциальным врагом или же симпатизирует врагам, о половых сношениях, совершаемых непосредственно в процессе активного прохождения военной службы; об

условиях, при которых может стать необходимой пытка; об условиях, при которых возможно неподчинение приказу старшего офицера; об условиях, при которых союзники могут быть убиты или заключены в тюрьму, и так далее, и тому подобное.

Генерал Кэмберленд и его служба потратили много энергии на выработку всех этих инструкций для того, чтобы сэкономить ваше время и нервы. Генерал сам лично написал многие из этих листовок. Без помощников. Он является человеком огромной внутренней энергии и целенаправленности. И еще веры.

Фельдмаршал лорд Мартель посмотрел на свое сухопарое запястье.

— Боже мой! Вы знаете, сколько сейчас времени! Послушайте, вы не возражаете, если я позволю себе откланяться прямо сейчас? Я обещал одному своему знакомому партию в гольф буквально через пятнадцать минут. Я надеюсь, что вы сообщите моим людям самые последние новости, майор?

— Безусловно, фельдмаршал.

Мартель попрощался с некоторыми из генералов, отдал честь и поспешил по своим делам, исчезая из поля зрения Джерри. Два или три других члена совещания поднялись и принесли свои извинения.

— У меня нет никаких сомнений, что мы можем полностью довериться вам, майор. — Бельгийский генерал Гренте приподнял свой толстый живот над краем стола. — Моя жена...

— Дети... — сказал моложавый фельдмаршал Деноэль из Швейцарии.

— Моя машина... — сказала бледная Ингрид-Мария Стафстром — генерал из Швеции.

— Ну что ж, я думаю, что так даже уютнее, — сказал Фрэнк, и его взгляд затвердел.

— Должен вам сказать, что вы способный мастер устраивать спектакли. Это было весьма любезно с вашей стороны, — генерал фон Хемнитц щелкнул каблуками.

— Господа офицеры...

Все присутствующие встали, когда вошел генерал Кэмберленд. Он был одет в легкую полевую форму, его куртка была расстегнута сверху донизу, рубашка также была расстегнута сверху, так что виднелась грудь генерала и медаль-

он, висящий на шее. Темные защитные боевые очки были сдвинуты на верхнюю часть козырька форменной фуражки, поэтому все увидели, что у генерала светло-голубые глаза, которые смотрели совершенно спокойно с его сильно побитого непогодой лица. Он выглядел значительно моложе своих пятидесяти лет, и казалось, совершенно не испытывает никакого беспокойства по поводу той ответственности, которая взвалена на его плечи. Пока генерал Кэмберленд пожимал руки, приветствуя присутствующих на совещании генералов, он вздрагивал всякий раз, когда его тело прикасалось к другому телу.

— Давайте продолжим, господа, — сказал он, занимая свое место во главе стола, — я надеюсь, что Фрэнк сумел снабдить вас всей необходимой информацией, не так ли?

— Думаю, что они представляют себе ситуацию, — ответил Фрэнк.

— Великолепно. Но я все-таки хотел бы вкратце изложить вам основные положения нашей позиции, учитывая некоторые предшествующие моменты. Господа, мы были посланы сюда только потому, что мы узнали о том, что вы нуждаетесь в некоторой помощи при решении некоторых ваших проблем. И мы не только сказали вам, что мы действительно можем помочь, мы сопроводили наши слова хорошими деньгами.

Кроме того, мы послали наших парней, чтобы они помогли вам в ваших делах. Хорошо, я догадываюсь, что вы, вероятно, нуждаетесь в большем количестве наших парней, и вы их получите. Вы получите их, даже не попросив об этом. Но мы все-таки хотели бы, чтобы вы попросили. Мы хорошо осведомлены о тех неприятностях, с которыми вы столкнулись, и именно по этой причине мы здесь, и мы поможем вам избавиться от этих неприятностей. Мы знаем, что в событиях замешаны израильтяне, и мы думаем, что мы сможем, по всей вероятности, заставить их сильно призадуматься о своих действиях, так что они с чертовски большой вероятностью прекратят делать то, что они делают. Прежде чем они сделают нечто совершенно неразумное.

Мы знаем, что ваши армии, ваши службы разведки и ваши гражданские объединения до предела нашпигованы представителями пятой колонны — предателями, и против этого мы тоже принимаем кое-какие меры, будьте уверены.

Когда будет призыв к действиям — наши парни не заставят себя ждать.

Генерал перестал говорить и улыбнулся.

— Разрешите мне теперь кое-что прочитать вам из того, что я получил на днях из дома.

Из кармана куртки он достал сложенные листы бумаги, которые осторожно развернул и разложил перед собой на столе. После этого начал читать спокойным и назидательным тоном:

— Давайте начнем смотреть на сложившуюся ситуацию, в которой мы оказались вместе с остальными силами свободного мира, включенными в конфликт, несколько другими глазами. Каждому вовсе не трудно, не тяжело и даже беспрепятственно можно было бы понять, что мы проигрываем войну.

Уже убито так много людей среди наших сторонников, что оставшиеся в живых подумывают о том, чтобы всерьез прекратить войну.

Это признание поражения в данном случае не является только моим собственным. Оно было дано мне адмиралом Балом Хэлси, прежде чем я скрыл истинные последствия битвы при Иво-Джима, где впервые воочию увидел, что такое смертный бой. Те акции, которые теперь проводят в Райн-Вэли, не менее непристойны, бесстыдны, непотребны или же не менее незаслуженно превозносятся, как имеющие решающее значение для результатов войны, чем те действия, которые совершались в серых песках, окружающих гору Сурибачи, двадцать пять лет назад.

Даже отвратительные, страшные, но вроде бы непреднамеренные потери и разрушения сейчас имеют приблизительно те же масштабы, хотя для их совершения потребовались дни, а не годы, как в те времена; сражение в Европе между силами, находящимися на нашей стороне, и теми, кому в скором будущем предстоит похоронить нас, уже унесло более 100 000 жизней. Среди этих жертв только несколько сот человек были американцами.

Из этих последних семеро являлись теми, вместе с которыми я совершал переходы, прыгал с парашютом, форсировал реки или же разделял тяготы караульной службы в песчаной местности в некотором районе, название которого мы

не имеем права произносить вслух до тех пор, пока мы живы.

Практически все потери вооруженных сил Соединенных Штатов приходятся на маленькие группы американцев, осуществляющих функции обслуживания боевых действий. Большая часть военнослужащих США не участвует непосредственно в сражениях. Из каждых пяти или шести солдат, посланных за океан, только один в действительности ежедневно подвергается опасности быть убитым в бою, тогда как остальные служат в войсках обеспечения. Поэтому из трех миллионов американцев, находящихся в Европе, только несколько тысяч являются эффективной добавкой к действующим европейским армиям, которые насчитывают сейчас, если учесть численность отрядов милиции, более двадцати миллионов человек.

Однако эти малочисленные силы американских вооруженных частей, брошенных на поле боя, совершили настолько непредсказуемые действия, которые не способны были совершить другие — большей численности — американские войска в течение прошедших десятилетий.

Они заставили главного врага изменить тактику, что явилось прямым следствием их действий.

И это находится в резком противоречии с тем, что произошло с вооруженными силами свободного мира в Венгрии, в Алжире, на Кубе, на Формозе*, в Лаосе, где наши силы всегда оставались на вторых ролях и не выиграли ни одного сражения.

Сражение в Европе впервые отчетливо показало, что наши вооруженные силы, подчеркнем — с точки зрения врага, применяют столь эффективные системы огня, что другая сторона неизбежно пришла к выводу о том, что мы должны быть остановлены любой ценой, чтобы не допустить нашей победы в этой войне.

Что, без сомнения, было сделано совершенно правильно, — было создано прекрасное руководство достаточно опытными вооруженными силами Европы.

Я наблюдал за их действиями в полевых условиях на протяжении четырнадцати месяцев, работая с девятью рода-

* Остров Тайвань. Перев.

ми войск. Они наводят такой страх на врага, что наиважнейшей целью изменившейся тактики врага является уничтожение американцев.

До этого, основными мишенями были любые европейские общественные лидеры, например, в сентябре были убиты или похищены около тысячи мэров и представителей власти в провинциях.

По каким-то трудно объяснимым причинам оказалось, что факт изменения тактики врага не осознан большей частью американцев, и они с нетерпением спрашивают, какой же все-таки изъян европейских народов препятствует образованию стабильного демократического правительства.

На самом деле факты — так, как я их вижу именно в том регионе, где проживают большинство европейцев — в пригородах и в сельской местности, — не имеют никакой загадочной природы; просто в живых осталось очень мало достойных политиков, что обусловлено налетами врага и сопровождающими эти налеты жестокостью и зверствами.

Но, начиная это очередное грехопадение, вражеские тактики стали издавать приказы, которые несколько отличаются от прежних приказов. И стали короче: «Шлепни американца!»

И этим приказам подчиняются. Из сорока двух американских советников, приписанных к европейским боевым соединениям, которым случилось быть расквартированными в одном из центров командования в самом сердце наиболее важной в стратегическом плане области Баварии, девятнадцать были убиты или ранены в течение двух месяцев. Я знаю это, потому что в то время служил в том же районе, и я сам сделал этот подсчет, а не пользовался информацией, почерпнутой от офицера по связям с общественностью после его возвращения в Бонн.

В соответствии с неприятными закономерностями войны, это изменение в направленности вражеских действий является окончательным приговором «эффективности» того, что мы у себя дома были весьма некорректно и даже цинично научены называть «системой советников» в рамках военной помощи Европе.

Но я знаю со всей очевидностью, что происходит на самом деле. Так называемые «советники» не стали мишенями для врага.

Я признаю с чувством законной гордости, что американцы в Европе не только советуют и не только занимаются самообороной. Без какого-либо понукания со стороны командования — да, действительно, даже без какого-либо намека на косвенное воздействие со стороны начальства — они главенствуют.

Они возглавляют иностранные вооруженные силы по той простой причине, что эти войска именно этого и хотят. Почему? Да потому, что каждый из этих американцев, с точки зрения любого, самого захудалого европейского солдата, является наилучшим воином из его окружения, и потому только такой лидер сможет победоносно повести их вперед. И, если уж быть предельно откровенным, сможет привести их домой живыми и невредимыми.

Таким образом, несмотря на то, что некоторым кажется, что Соединенные Штаты куда-то спрятали свою былую мощь, европейцы все-таки знают во всех подробностях о той достойной уважения политике, которую американцы проводят в Европе, знают и приветствуют, отбрасывая всякую ненужную шелуху.

Почему «достойная уважения»? Для этого необходимо учесть, что между нами существует договор о взаимной обороне; в соответствии с этим договором Соединенные Штаты связаны обещанием оказывать Европе поддержку всякий раз, когда у нее не будет доставать сил для победы над коммунизмом. Когда в Европе стали осознавать, что мы являемся истинным лидером в военной области, мы начали осуществлять то, что мы обещали.

Хорошо, тогда встает вопрос, почему же, отсутствуют конкретные результаты? Почему мы не побеждаем?

Насколько я могу судить, это происходит по той простой причине, что мы до сих пор не послали в Европу достаточное количество наших лидеров.

Генерал остановился, взглянул на присутствующих и мягко заговорил:

— Как видите, джентльмены, это своего рода поддержка в трудную минуту, которую вы получаете от моего народа. С вашего позволения, я пропущу большую часть того, что написано дальше, но я зачитаю вам окончание этого письма.

— Все, рассказанное в моем письме, совершенно четко указывает на возможные пути реализации ближайшей исто-

рии, право осуществлять которую, как я окончательно убежден, безоговорочно и по достоинству должно быть вложено в руки народа Соединенных Штатов Америки.

Право каждого — решать, что он хочет сделать и какие он хочет дать свободно избранному правительству свидетельства своей воли к победе, или поражению...

Но несмотря на все это, необходимо помнить, что в случае нашего неверного выбора кровавый финал коснется не только нашего правительства, которое многие из нас воспринимают как какую-то административную абстракцию.

Этот кровавый финал коснется нас самих, наших сыновей и дочерей.

Генерал Кэмберленд с благоговением посмотрел на стопку листков, которую он осторожно сжимал, а когда он поглядел в зал, его глаза были похожи на два осколка голубой броневой стали.

— Теперь вы знаете, какие чувства нами владеют, — сказал он. — Вы знаете, что вы можете полностью на нас положиться. Единственный способ выиграть войну — борьба с ней. Но дорога, которая нам предстоит, не будет гладкой, это не будет легким путешествием. Но и та карта европейских дорог, которую мы используем сегодня, служит нам надежной опорой, служит лучше, чем когда-либо. Если выразиться словами Патрика Генри, который предстал перед Ричмондской конвенцией и произнес свою знаменитую речь: «Они говорят нам, сэр, что мы слабы; не в состоянии совладать с таким грозным соперником. Но когда же мы станем сильнее? Произойдет ли это на следующей неделе или в следующем году? Когда же это произойдет, если мы полностью разоружены, а может быть, когда британский солдат будет квартировать в каждом нашем доме? Сумеем ли мы собраться с силами, оставаясь нерешительными и бездеятельными? — конечно же нет! Соединенные Штаты примут мир, полученный в результате подобающих, достойных переговоров в Европе. Но результат не появится сам собой, не придет с зонтиком в руке, как Невилл Чемберлен, к агрессору и не позволит ему фактически подписать решение всех его проблем, связанных с экспансией. Поэтому не может быть и тени сожаления о том, что военно-морские силы Соединенных Штатов посланы в Европу, сожалеть можно только о том, что их можно было бы послать гораздо рань-

ше. На протяжении долгих лет европейцы — с безвозмездной помощью со стороны Соединенных Штатов — пытались обороняться против налетов, убийств исподтишка, саботажа и диверсий. Результатом этого были все возрастающие потери жизней американцев и европейцев — и никакого прогресса в освобождении Континента от захватчиков. Теперь же европейцы и Соединенные Штаты сами предпринимают наступления... поражая противника в самые больные и уязвимые места! И именно так это и будет продолжаться, джентльмены, пока последний враг не будет уничтожен, и Европа снова сможет приступить к мирному строительству того Континента, какой она сама хочет видеть, и таким способом, какой она сама выберет, не испытывая при этом страха перед возможными нападениями как извне, так и изнутри. И все это потому, что существует мощная волна, подпирающая спину Европы, волна, обладающая сильным напором, — это американская сила, джентльмены, американское мужество, американские знания и умения, американская решимость к действию; американские деньги, американский динамизм, американские пушечные снаряды, американские ружья, американские танки, американские самолеты, американская свобода, американская эффективность во всем...

Фрэнк делал записи того, что говорил генерал, а европейские командиры с легким недоумением глядели на главнокомандующего.

Стоявшие около двери уже почти покинули зал конференции, а другие начали вставать со своих мест.

— ...американская любовь, американский юмор, американское здоровье, американская красота, американское полнокровие...

Последний из генералов, созванных на конференцию, тихо прикрыл за собой дверь зала, и генерал Кэмберленд поднял голову от чтения, услышав этот последний негромкий звук закрываемой двери.

— Они покинули нас, Фрэнк? — спросил он.

— Я думаю, генерал, что они получили полное представление о происходящем. Я думаю, что их доверие полностью завоевано.

— Хотел бы надеяться на это Фрэнк. Я пытался поднять их духовное состояние. Иногда мне кажется, что это одна из

самых тяжелых работ на свете. Все они, конечно, честные вояки. Очень тяжело быть свидетелем упадочнических настроений в армии. Но, может быть, если мы немного улучшим их состояние — дадим им шанс...

— Они обязательно им воспользуются.

— Дай-то бог, Фрэнк.

3. НАСТУПИЛА 50-Я ГОДОВЩИНА КОРОЛЕВСКОЙ АВИАКОМПАНИИ НИДЕРЛАНДОВ. МЫ НЕ СОМНЕВАЕМСЯ, ЧТО ВЫ БУДЕТЕ РАДЫ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ТОРЖЕСТВАХ

Когда Фрэнк вернулся с «конференции», Джерри все еще смотрел на генерала Кэмберленда, губы которого двигались, пока он что-то быстро писал в блокноте.

Некоторое время Фрэнк молча стоял около Джерри и наблюдал за происходящим. После этого выключил изображение — и генерал исчез.

— Похоже, все это разрушительно на него действует, — произнес Джерри сочувственно.

— Он стойко принимает это. Ответственность, — сказал Фрэнк, пересекая комнату по направлению к окну, из которого он внимательно посмотрел в сторону Сейнт-Джеймс-парка.

— Иногда мне кажется, Джерри, что всему этому никогда не будет конца. Или же начала, что — один черт, как мне кажется. Так много еще предстоит сделать. А времени так мало.

— Ты прав.

— Я надеюсь, что теперь ты не акцентируешь внимание на наших разногласиях, как бывало раньше. Ведь, в самом деле, если братьям вдруг случится поссориться, то скажите мне, кто не ссорится?

— В некоторой степени, Фрэнк, теперь все зависит от твоей позиции.

Фрэнк пожал плечами и развел тонкими руками:

— Ты меня знаешь, Джерри, тебе легче принять решение.

— Да, мне легче. Ведь тебе предначертано бороться с тепловой смертью Вселенной. Ты же знаешь, Фрэнк, что я всегда разрешал тебе делать это.

— В конце концов, скажи мне, что такое память?

— Вероятно, не что иное, как голограмма.

— Точно. Вспомни тот мой сон, который приснился мне, когда мы были молодыми. Голограмма — на каждой доске для афиш и объявлений. А доска для объявлений — длиной с улицу. И так на каждой улице. И — сетка таких улиц, которая покрывает весь земной шар... — Фрэнк еще раз пожал плечами. — Но думаю, что на самом деле это все не так просто, как кажется, не так ли, Джерри?

— Как раз в этом и заключена разница между тобой и мной. Где моя машина?

— Думаю, что это вопрос циклов.

— Или равновесия, — Джерри положил руку на вибропистолет, — пошли, Фрэнк.

— Ты никогда не выберешься из них, Джерри. И из-за этого ты потеряешь многих, кто мог бы стать твоим другом.

— Я не нуждаюсь в друзьях.

— Но тебе также не нужны и враги. С тобой мне хотелось всего-навсего заключить сделку. Это могло бы сделать нас обоих богатыми — и исключительно могущественными. У тебя же есть взгляд в будущее, старина.

— Я не испытываю особого энтузиазма по поводу такого искусственного разделения труда, Фрэнк. Я люблю ухватывать проблему всю сразу, целиком. Мне не нравится, как ты и твои союзники попусту тратите время.

— Кому-то всегда приходится выполнять грязную работу.

Джерри обнажил оружие. Фрэнк тоже.

Джерри вздохнул.

— Согласись, что мы с тобой спорим по пустякам. Не мог бы ты просто-напросто сказать мне, где моя машина?

— Но тогда ты говоришь мне, что это за машина.

— Это очень простой диффузионный прибор, — мгновенно солгал Джерри, — рандомизатор. Ничего сложного.

— Он воспроизводит условия в преобразователе, не так ли?

— Именно так.

— Ну что ж, это меня не устроило бы, Джерри. Я никогда не испытывал достаточно симпатии к вещам подобного рода. Ты знаешь меня: живи сам и дай другим пожить, но с этой штукой...

Джерри вновь поднял оружие, но Фрэнк продолжал:

— Да черт с тобой, меня все это не устраивает! Боже мой, ведь существует множество других способов получить радость от жизни.

— Где моя машина?

— Великолепные сады на крышах Дерри и Томса.

— Благодарю, — сказал Джерри и подождал, пока Фрэнк не положил свое оружие на прежнее место. — Скажи мне, что я могу сделать для тебя полезное? — Джерри убрал вибропистолет в кобуру.

— В настоящий момент ничего, — ответил Фрэнк, медленно вникая в новую ситуацию, — у тебя не очень-то много шансов добраться до этой машины или же выбраться из Лондона живым и невредимым. Но если тебе все-таки удастся осуществить и то и другое, тогда, по всей вероятности, я попаду в очень сложное положение, и поэтому ты проявишь ко мне благосклонность, не правда ли Джерри?

— Что-то ты совсем размяк, Фрэнк.

— Я ухожу в сторону, Джерри. Я в отчаянии.

— Однако похоже, что это пошло тебе на пользу, — усмехнулся Джерри, — ты выглядишь более зрелым.

Фрэнк обиженно засопел:

— Называй это, как тебе заблагорассудится. Я называю это осторожностью. Тебе необходимо быть исключительно внимательным, если ты попадешь в состояние, похожее на мое.

— Согласен. Будем надеяться, что я буду осторожен в садах Дерри и Томса.

Фрэнк посмотрел на свои часы:

— Тебе может повезти, если патрули не охраняют плотным кольцом тот сектор. Я отправлюсь в Милтон-Кейни через несколько минут. Там наша новая база. Генерал думает, что там чище. Почти никакого населения, видишь ли. Власти никогда не надеялись заселить те места.

— Понимаю. Так ты не возьмешь хотя бы немного денег?

— Не у тебя, Джерри.

— Ну, тогда я пошел.

Джерри открыл дверь, и в ту же секунду перед его носом скрестились мечи.

— Дайте ему пройти, — сказал Фрэнк странным голосом.

Джерри закрыл дверь и внимательно посмотрел, что делается в коридоре. Он нахмурился, разглядывая стоявших строго навытяжку стражей, и после некоторого колебания пришел к решению.

Как хорошо, спокойно и удобно пребывать всегда там, где безопасно, вовремя вспоминая, что самая лучшая хата — с краю. Фрэнк выглядел таким несчастным.

— Если вы спросите меня, — спокойно сказал Джерри, — то я отвечу вам, что он вовсе не тот, за кого себя выдает. Он весь скроен из каких-то недоделанных, проклятых кусочков и обрывков.

Джерри пошел по мягким коврам. Солнечный свет лился через большое окно в дальнем конце коридора, и сквозь это окно Джерри смог видеть еще зеленую, но уже во многих местах тронутую позолотой листву спокойно стоящих осенних деревьев.

Это был хороший день для загородной прогулки.

ВТОРОЙ НАДРЕЗ

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ АТОМНОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «ПОЛАРИС»!

Как бы вы гордились, будучи капитаном вашей собственной ПОДЛОДКИ «ПОЛАРИС» — самого мощного оружия в мире! Столько часов игры воображения и радости, пока вы и ваши друзья погружаетесь в морские пучины, всплываете на поверхность, маневрируете, наблюдаете за

врагом через перископы и запускаете ваши ракеты с ядерными боеголовками и торпеды! Что еще будоражит, так это игра в поиск затонувших в море сокровищ пиратов, бывших хозяевами южных морей, и исследование чужеродного и загадочного мира обитателей океанских глубин и дна.

ЭТО ЧАСЫ И ЧАСЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ!

Сконструирована в расчете на значительную прочность... Продается в полном комплекте с инструкциями по простой сборке. Стоит всего 6 долларов 98 центов, а вы получаете огромное удовольствие, ощущение приключений и научного поиска.

(Из-за того, что ПОДВОДНАЯ ЛОДКА «ПОЛАРИС» имеет огромные размеры, вы имеете право взять на борт до 75 членов экипажа.)

ВОЗВРАТ ДЕНЕГ ПО ЖЕЛАНИЮ ЗАКАЗЧИКА ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Сделайте заказ — и мы практически мгновенно доставим вам ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ «ПОЛАРИС». Используйте ее полных 10 дней. Если же вы все-таки думаете, что это не самое лучшее приобретение, не самая лучшая игрушка из тех, какие вы имели, просто-напросто отошлите ее назад, при этом вам будет возвращена полная стоимость покупки.

Реклама фирмы «Действительные откровения»

1. УМИРАЙТЕ С ПРЕДСМЕРТНЫМИ КРИКАМИ, ПОДАТЛИВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОМИКИ, СОГЛАСИВШИЕСЯ УЧАСТВОВАТЬ В НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ «ВЫЧИЩЕННОЙ И ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛИ», ОРГАНИЗОВАННОЙ ЯНКИ

До садов Дерри и Томса было совсем недалеко, но нача-

лась сильная напалмовая бомбежка как раз в то время, когда Джерри вел машину в западном направлении — на звук записанного на пленку голоса Рональда Бойла, который вещал на всех обертонах из громкоговорителей, установленных на всем, что только может летать.

ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ

День был серым; солнечный свет был практически экранирован многочисленными самолетами, чей непрерывный рев разносился эхом по всему городу.

ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ

Полосы напалма продолжали падать.

ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ

Джерри сидел в своей машине на Найтсбридж, нетерпеливо ожидая переключения светофора. Несколько зданий, включая недавно отстроенные казармы королевской конной стражи, начали гореть.

ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ
ВЫЖИГАЙТЕ РАКОВУЮ ОПУХОЛЬ

Он решил проехать через парк и повернул направо. Пока он поворачивал, первый бомбардировщик Б-52 прошел на малой высоте, выпуская облака дефолиантов и создавая густой туман, который уменьшил видимость до нескольких футов.

Джерри замедлил движение, включил внутренний источник воздуха, врубил наиболее мощные прожектора, направил их в клубящийся туман и испарения и продолжил путь. Теперь он мог видеть достаточно далеко вперед, что позволило бы ему уклониться от столкновения с любым большим препятствием.

Сады Дерри и Томса располагались в секторе Д-7, а Джерри находился сейчас в секторе Д-6. Если учитывать скорость бомбежки, у Джерри было мало времени до того, как бомбардировщики примутся за Д-7.

Он, как всегда, находился под сильным впечатлением от эффективности удара. К завтрашнему утру Лондон должен быть, по всей вероятности, стерильно чистым. Джерри подумал, что его брат, с присущей ему любовью к систематизации и его знанием Лондона, вероятно, потратил немало времени на планирование этой операции.

После того, как мгла немного рассеялась, Джерри посмотрел вверх и узнал слегка затуманенные очертания эскадрильи истребителей-бомбардировщиков Ф-111А производства компании «Дженерал дайнэмикс», пересекающих небо, как топор, рассекающий воздух над головой жертвы, за которыми следовали Ф-4Б «Фантомы-2» производства фирмы «Макдоннел-Дуглас», Ф-4С «Фантомы-2», РФ-2 «Фантомы-2», Ф-101Б «Колдуны», Ф-101С «Колдуны», изделия фирмы «Республика», Ф-105 «Повелители грома», самолеты фирмы «Линг-Темко-Воут» («Чанс Воут») Ф-8У «Крестоносцы», самолеты фирмы «Конвейр» Ф-106 «Дельтовидные дротики», самолеты от «Локхида» Ф-104 «Старфайтеры», от «Конвейра» — Ф-102 «Дельтовидные кинжалы», самолеты «Нортропа» Ф-5А «Борцы за свободу», «Линг-Темко Воут» — А-7А «Корсары-2», самолеты фирмы «Северная Америка» Ф-100 «Сверхострые сабли», самолеты фирмы «Северная Америка» ФДжи «Яростные фурии»; Ф-6а «Небесные лучи» от «Дугласа», Ф111А «Тигры» от «Груммана», М-3В «Демоны» от «Мак-Доннела», Ф-89 «Скорпионы» от «Нортропа», Ф-86 «Клинки» фирмы «Северная Америка» и

далеко позади всей этой компании — Ф-84Ф фирмы «Республика», модель «Громовые вспышки», которые изо всех сил старались набрать достаточную высоту.

Самолеты пролетели, и послышался дробный звук приближающихся вертолетов. Насколько Джерри себе мог представить, все они двигались на север, что означало, что если Дерри и Томс, по какой-то счастливой случайности и избежали удара с воздуха, то с ними все будет в «порядке» совсем скоро.

Джерри поехал в сторону от Мемориала Альберта и погнал свою машину прямо по увядающей траве, пока не нырнул в Круглый пруд, попав в воду совершенно случайно, где он должен был очень быстро привести в действие гребные винты, пока не пересек пруд и не попал наконец на Броуд-Уок вблизи Лондонского музея, после чего по этой улице он выехал на Кенсингтон-роуд, которая казалась красной от многочисленных пожаров в округе, но, похоже, до сих пор не пострадала, несмотря на то, что облака какодилата натрия, смешанные со свободной какодилатной кислотой, водой и поваренной солью, заполнили все окрестные улицы.

Проехав немного дальше, Джерри узнал сложные эфиры н-бутила, изобутила, триизопропаноламина, соли пиклорама и другие химикаты, и теперь Джерри наверняка знал, что парк поглотил все — «Оранж», «Перпл», «Уайт» и «Блю»*.

«Береженого бог бережет», — подумал Джерри, останавливая машину недалеко от садов Дерри и Томса.

У него возникла проблема в связи с тем, что в течение нескольких прошедших часов здесь происходили обвалы, однако сейчас здесь было относительно спокойно. В отдалении он услышал звук рушащихся зданий, вой ракет, разрывы бомб, крики умирающих.

Мальчик и девочка выбежали из клубов дыма, держась за руки, в тот момент, когда Джерри входил в магазин; их одежда горела, и поэтому дети устремились к фонтанчику с питьевой водой, расположенному на углу Кенсингтон-Черч-стрит.

---

* «Оранжевый», «Ярко-красный», «Белый», «Голубой» — названия ядохимикатов-дефолиантов, бывших на вооружении армии США. Перев.

Огонь, по всей вероятности, должен был бы помочь справиться с чумой.

Не было ничего, что давало бы повод надеяться начать все сначала.

2. ЧТО ЖЕ ЗА ЧЕЛОВЕК ПРЯТАЛСЯ ЗА ЛИЦОМ НА ЭКРАНЕ, КОТОРОЕ 350 МИЛЛИОНОВ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ ЗНАЛИ КАК СВЯТОГО?

Несмотря на то, что дефолианты не достигли еще крыши сада, в воздухе стоял сильный химический запах, который Джерри ощутил сразу после того, как сорвал с петель дверь пожарного выхода с помощью вибропистолета и пробрался в Сад Тюдоров.

Поначалу он с беспокойством подумал о том, не начали ли разряжаться аккумуляторы его машины. Они были сработаны на скорую руку, так как вначале машина предназначалась для использования только в качестве прототипа. Это была вина именно Джерри, что он начал испытывать ее в преобразователе и потерял в возникшей потом неразберихе.

Джерри наконец осознал, чем был вызван острый запах. Это был деттол.

Это средство дезинфекции было применено для того, чтобы скрыть другой запах, который Джерри начал узнавать, — запах разложения. Конечно, это могло бы быть неплохим подспорьем для питания сада, если все было оставлено как есть после обстрела с вертолета. Он с внутренним изумлением подумал о том, что кто-то мог недавно сюда прийти.

В саду было прибрано, опрятно и не было никаких следов смерти. Джерри отметил с разочарованием, что утки улетели.

Он побрел через Сад Тюдоров по направлению к Испанскому саду, одновременно наблюдая, как голубое небо неуклонно наполняется черным дымом, и взобрался на стенку для того, чтобы посмотреть на горящий город и на ведьмовский хоровод, устроенный реактивными самолетами в небе,

похожий на древний ритуальный танец смерти. Напалм продолжал падать. Ракеты продолжали стремительно бить.

— Хорошо быть в другое время и в другом месте, — пробормотал Джерри. Именно такой совет всегда давал ему отец. Да, лучше всего защищаться временем и расстоянием. Он не часто чувствовал себя таким самодовольным.

— Прощай, Америка.

— Европа, — произнес голос с сильным русским акцентом, — может стать ставкой самого большого достоинства. Вы замедляете свои действия, товарищ Корнелиус.

Джерри изменил свое положение на стене и посмотрел вниз, на маленького человечка, стоящего среди цветущих папоротников и карликовых пальм, пощипывая козлиную бородку.

— Вы долго упражнялись в правильном произношении.

Человек изумленно посмотрел на Джерри и снял очки, не имеющие оправы:

— Я не могу оставаться здесь долго.

— Моя машина здесь?

— Я пришел рассказать вам именно об этом, товарищ. Я думал, что она находится в безопасном месте. Я отдал ее вашему другу и попросил его сохранить машину. Эта женщина еще недавно была здесь.

— Капитан Харгрейвс?

— Я не понял этого до тех пор, пока она не надела свою униформу. Оказывается, она вместе с обороняющимися.

— Вы знаете, где она сейчас?

— Вероятнее всего, с остатками своих товарищей, только неизвестно, где они теперь рассеяны.

— Вы никогда не были способны сделать что-либо правильно, вы, старый дурак, — сказал Джерри, спрыгнув со стены, — да ладно, что ж теперь поделаешь. Очень приятно с вашей стороны, что вы мне рассказали о моей машине.

— Я не сомневаюсь, что все разрешится самым благополучным образом. Разве не так?

— Плюньте три раза через левое плечо, товарищ.

Маленький человечек развел руки:

— Хорошо, до свидания, не исключено, что мы больше с вами не увидимся. — И он исчез.

Джерри зевнул. Он едва удерживался от того, чтобы заснуть. Он покинул сады на крышах почти одновременно с

первой волной самолетов, атакующих сектор Д-7, прыжками спустился вниз по лестнице как раз в то время, когда здание начало дрожать, и выскочил на улицу в тот момент, когда напалм, шипя и брызгая огнем во все стороны, хлынул в магазин.

Джерри повел свою машину по Кенсингтон-Хай-стрит с максимально доступной ему скоростью. Он надеялся, что с Коутрубуссисом и остальными ничего страшного не случилось.

Если по каким-то причинам им не удалось выбраться из этого ада, то они будут находиться в относительной безопасности в Центре преобразования Саннидейла.

Джерри не чувствовал какого-то особенного разочарования. В конце концов, до сих пор дела шли без сучка, без задоринки.

Джерри отправился в Милтон-Кейни.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ОПУХОЛИ

Евреи, убирайтесь из Палестины, она никогда не будет вашей! Моисей был самым первым предателем, а Гитлер был мессией!!!

Плакат на митинге черного населения, Гарлем

1. БЕГЛЕЦ В НЕБЕ

Джерри оставил горящий город позади и направился к дороге MI. Это была широкая, пустынная дорога, проложенная через сельскую местность, в которой воцарилась тишина.

Джерри включил радио и настроился на волну радиостанции «Потемкин». Передавали музыку ансамблей «Птички в Парке», «Moquettes», «Зефиры», «Микки Самый-Самый», «Секта ниспровергателей», «Рей Энтон», а также «Продавцы перечной мяты», «Синдикэтс», «Чейни», «Чероки», группы Клифа Беннета, а также «Побуждающие к бунту».

Испытывая непереносимую, застарелую ностальгию или же потому, что не было мочи терпеть качество исполнения, Джерри переключил каналы радиоприемника на станцию Джона Пола Джонса, которая в этот момент передавала, к сожалению, не сначала, «Вибрации эфира доказывают вращение космоса» — самый последний хит Орнироффа, группа «Нип найтингэйл».

Все искусство, подумал Джерри, стремится к условию Музака. Что бы подумал Уильям Морис*?

* Уильям Морис — английский художник, писатель, теоретик искусства 19 века, романтик. Перев.

Хотя сейчас такое время, что мозг нуждается в болеутоляющих средствах. Джерри вернулся к своему селектору радиочастот и выбрал квартет № 2 Шенберга*, свернул с дороги MI и промчался с ветерком до Оксфорда.

Вскоре Джерри увидел белую защитную оболочку над городом, сияющую даже на отдалении. Железобетонная крыша могла выдержать любое воздействие, кроме прямого попадания водородной бомбы.

Джерри замедлил движение, приблизившись ко входу в туннель, и повел машину в туманном сумраке моста Магдалины.

Тусклый свет от лампы, расположенной по центру самой высокой части крыши, отражался шпилями городских зданий. Былое величие испарилось, но Оксфорд выжил.

Джерри почувствовал холод. Знаменитый лучший колледж был полон неестественной, каменной сырости и одетых в черные одежды фигур, которые едва ползали вдоль стен, причем повсюду ощущалась фундаментальная пустота, создающая эхо в ответ на крики, и обычные для жизни города стук, звон посуды, грохот машин, болтовня, трескотня, гул голосов, топот — почти не нарушали безмолвие. Шипящий шум, создаваемый машиной Джерри, казался угрожающим.

Остановив «фантом-VI» на автомобильной стоянке отеля «Рэндольф», Джерри подошел к музею Эшмолина, открыл сильным толчком тяжелые деревянные двери и замер.

Несколько свечей в настенных подсвечниках освещали зловещую аллею часов Томпиона и Ниба, выполненных под «высокий ларец», которые стояли и показывали одно и то же время: четверть первого. Джерри двинулся вперед.

Звук его шагов был похож на звук работы огромного маятника, такой же размеренный и тяжелый.

Он подошел к закрытой двери, расположенной в конце этой аллеи, вытащил из кармана ключ, вставил его в замочную скважину, открыл дверь и спустился по каменной лестнице, освещая дорогу факелом.

Спускаясь все ниже и ниже в течение приблизительно получаса, Джерри наконец достиг туннеля, который привел

---

* Арнольд Шенберг — австрийский композитор, основоположник атональной музыки. Ред.

его к другой двери. Открыв эту дверь, он вошел в комнату, в которой стояла маленькая энергетическая установка. Он пересек комнату по направлению к установке и заглубил кнопку стартера.

Установка зашептала, потом мягко загудела, переходя на постоянный режим работы. Зажегся свет. Джерри потушил факел, прошел сквозь две пустые комнаты, пока не попал в комнату, три стены которой были заставлены буфетами с зеркалами, встроенными в середину центральной створки. Эти буфеты были вывезены из Швеции девять лет назад. Зеркала появились совсем недавно.

Комната была устлана толстым русским ковром красного цвета. На ковре стояла кушетка, застеленная покрывалом из белой норки и желтыми шелковыми простынями. На кушетке, похоже, недавно кто-то спал.

Рядом со стеной, напротив двери, располагалась скромная, но изящная консоль, на которой светилось несколько маленьких экранов мониторов и индикаторов электронных приборов, выглядевших несколько устарело и действующих примитивно, но находящихся в хорошем рабочем состоянии.

Джерри не был здесь с того времени, как окончил училище.

Сидя на кушетке, он сбросил свои бутсы с массивными каблуками; снял жакет, прикрепленную сбоку кобуру и бросил их на пол, взбил подушки и тронул кнопку на панели управления, расположенную в нижней части. Консоль пришла в действие, Джерри лег и наблюдал за ней некоторое время, пока не перешел в состояние, как при посещении морга.

Комната стала неузнаваема, хотя много событий, известных Джерри, произошло здесь. Были установлены ворота, венчающие вход в преобразователь, построен самый первый прототип машины, завершено сплетение и, конечно же, были написаны многие смехотворные книги.

Если разобраться, то происходило быстрое преобразование священника в политика и далее в физика, но Джерри полагал, что это было необходимо и неизбежно.

Он был опустошен. Он улыбнулся и пожал плечами. По всей видимости, ему следовало бы сначала посетить сплетение перед тем, как пойти в морг.

В комнате все еще было холодно. Для того, чтобы нагреть это помещение, потребуется некоторое время.

Первоначально это сооружение принадлежало его деду, еще до того, как старик переехал в Нормандию, потом его унаследовал отец Джерри, а от отца это здание перешло к нему. Отец Джерри построил и этот морг, про запас.

Джерри поднялся, поеживаясь, открыл одну из створок буфета с зеркалом и шагнул внутрь, где был расположен хорошо освещенный коридор, вдоль каждой из стен которого виднелись по четыре стальные двери и еще одна дверь в конце коридора.

Джерри прижал ладонь к поверхности четвертой двери, расположенной с правой стороны коридора, и дверь открылась. На вешалке с другой стороны двери висела чистая черная куртка мотоциклиста. Джерри надел ее и застегнул молнию до конца.

В первый момент полное нарушение нормального восприятия окружающей действительности было почти непереносимым, как и рассказывал ему отец. Но, к счастью, Джерри не пришлось переживать самые худшие проявления этого эффекта.

На отдаленной стене виднелось десять низко расположенных выдвижных ящиков. Каждый ящик был снабжен указателем с именем. Джерри открыл первый из них, расположенный слева, и посмотрел вниз прямо в глаза бледной, прекрасной девушки со спутанными черными волосами.

Джерри тронул холодную кожу на ее груди.

— Кэтрин...

Характерным нервным жестом Джерри провел рукой по лицу и глубоко вздохнул. Затем нагнулся и поднял девушку, вынес ее из морга и вернулся в спальню с консолью.

Положив девушку на кровать, Джерри снял с себя все оставшиеся одежды, лег рядом с ней и стал прислушиваться к тому, как тепло перетекает из его тела в тело девушки.

Его жизнь была так беспутна, подумал Джерри. Но, вероятно, и не было других возможностей тратить ее.

— Кэтрин... — тихо позвал он.

Она шевельнулась.

Он знал, что осталось всего несколько секунд.

— Кэтрин,— позвал Джерри более решительно.

Ее глаза открылись, и губы дрогнули:

— Фрэнк?

— Джерри.

— Джерри? — Ее прекрасное лицо слегка нахмурилось.

— У меня есть для тебя известие. Есть некоторая надежда. Вот в чем мое известие.

Ее глаза потеплели, потом потухли, потом закрылись.

Дрожа от невероятного холода, Джерри начал плакать. Он отшатнулся от кровати, упал на колени, вскочил и, пошатываясь, пошел в коридор, где прижал свою совершенно замерзшую ладонь к поверхности первой двери слева от себя.

Дверь с усилием, очень неохотно открылась.

После того, как дверь закрылась за его спиной, Джерри прислонился к ней, стараясь изо всех сил рассмотреть затуманенными от слез глазами стоящую перед ним машину.

Затем он бросился прямо на переливающиеся красным, золотым, серебряным цветом сплетения, задыхаясь, с трудом переводя дыхание, пока они опутывали его.

Почему все-таки воскрешение было для одних таким легким, а для других — таким трудным?

2. ПО ТУ СТОРОНУ НЕИЗВЕСТНОЙ ПЛОСКОСТИ ЭКЛИПТИКИ

После того, как Джерри снова уложил Кэтрин на прежнее место, он вернулся, насвистывая сложное произведение Бартока, сияющий и наполненный новой энергией, в свою уютную комнату для того, чтобы посмотреть на себя в зеркала.

Время должно двигаться; движения должны быть синхронизированы.

Джерри открыл шкаф и посмотрел на свои одежды. Они были до некоторой степени театральными и старомодными, но у него не было выбора. Ближайший его гардероб был расположен в Бирмингеме, единственном из основных городов во всей области, который не нуждался в очистке, к тому же Джерри никогда не любил этот город, даже в лучшие времена.

Он выбрал зеленый сюртук военного покроя, замшевый кивер с ремешком, который застегивался под подбородком, подходящие замшевые бриджи, зеленые солдатские кожаные бутсы и блестящий зеленый пояс от Сэма Брауни, к которому снизу пристегивалась кобура для вибропистолета. Короткий поливинилхлоридный капюшон был прикреплен серебряной цепочкой к сюртуку, что завершало наряд.

Покинув свой маленький потайной комплекс, он закрыл за собой дверь.

Освещая путь высоко поднятым факелом, Джерри поднялся по каменной лестнице наверх и открыл дверь, ведущую из подземелья. После этого прошел назад, по аллее с часами, выполненными под «высокий ларец», останавливаясь перед каждыми и заводя их. Вскоре галерея была наполнена мерным тиканьем.

Когда Джерри удалялся от Эшмолина по направлению к автомобильной стоянке отеля «Рэндольф», он услышал, как часы начали бить девять часов.

Джерри тронул «фантом-VI», развернулся на Броуд, включил автомобильный радиоприемник на волну, где Нина Симоне пела «Черного лебедя» и, удобно устроившись в кресле водителя, поехал в сторону Западного тамбура газоубежища, который он преодолел без особых затруднений. Въехав в яркое,теплое утро, Джерри зажмурился.

Вскоре он сможет увидеть Милтон Кейни.

Новое городское образование вырастало из зеленоватого тумана, стелившегося по самой земле, в котором каждый массив городской башни отличался пастельным оттенком бледного хромово-желтого, красного, желтой охры, хромово-оранжевого, киноварного, алого, красного (интенсивный), малинового, жженой сиенны, светло-красного, кобальтового, небесно-голубого, бирюзового, ультрамаринового, берлинской лазури, розовато-лилового, зеленой листвы, изумрудного, зеленой краски из ягод крушины, цвета зелени, цвета зеленой морской волны, цвета жженой амбры, темно-коричневой краски Ван-Дейка, оранжевого (интенсивный), слоновой кости, черной и серой (интенсивный) краски.

Въезжая на спокойные улицы большой деревни, с ее аккуратно подстриженными газонами, тенистыми деревьями, Джерри наполнился чувством мира, того чувства, которое

ему редко приходилось испытывать в сельской местности. Не исключено, что причиной такого состояния был размер пустующих строений, так как большая часть их была высотой более двадцати пяти метров, и построены они были вокруг ряда уютных площадей, в центре каждой из которых располагались фонтаны, выбрасывающие вверх множество разнообразно окрашенных струек воды, или скульптуры свободной формы, поставленные посреди клумб. Здесь были также и сады на террасах, с вьющимися и ползучими растениями, которые плотно обвили стены зданий, а воздух был полон бабочек, главным образом, красных адмиралов и белых капустниц.

Джерри неспеша вел машину до тех пор, пока не доехал до середины поселения. Здесь располагались главные административные здания и пассажи с магазинами, школы и площадки для игр, и здесь же стояли боевые машины с вооружением, танки и вертолеты советнических сил. Чистые, опрятные, изящные, казалось, с еще не высохшей краской, повсюду виднелись недавно установленные указатели, поэтому для Джерри не представляло труда припарковать машину в нужном месте и отправиться к штаб-квартире генерала Кэмберленда, которая располагалась в высоком вытянутом вверх здании, предназначавшемся, по-видимому, по замыслу проектировщиков, для городской ратуши, и над которым теперь развевался национальный флаг Соединенных Штатов Америки.

Не успел Джерри ступить на лестницу, как отделение несчастного вида моряков высыпало откуда-то изнутри здания и окружило его плотным кольцом, держа автоматические винтовки наперевес.

— Я надеялся, что мне удастся найти здесь Фрэнка Корнелиуса, — мягко сказал Джерри.

— Какое у вас дело к полковнику Корнелиусу, юноша?

— У меня есть кое-какая информация для него, — сказал Джерри. Слабый импульс ударного воздействия пробежал от левой полусферы мозга Джерри к правой.

— Что еще за информация, парень?

— До некоторой степени это секрет.

Моряки презрительно фыркнули и дружно потерли носы предплечьями, не сводя при этом своих стальных глаз с Джерри.

— Думаю, лучше всего было бы, если бы вы рассказали полковнику, что я здесь.

— Как вас зовут?

— Полковник сразу узнает меня, если вы меня опишете.

Один из моряков отделился от группы и рысцой вбежал в здание. Кольцо вокруг Джерри сомкнулось поплотнее. Он закурил сигару «Ромео и Джульета» и бросил пустой алюминиевый чехол от сигары на землю. Все еще глядя на пленника немигающими глазами, один из моряков с презрительно сжатыми губами отшвырнул эту тонкую алюминиевую трубку футбольным ударом, вложив в него всю свою невысказанную ярость.

Появился спешащий навстречу Фрэнк.

— Джерри! Ты сделал это! Великолепно!

Моряки, как по команде, повернули спины к Джерри и, вытянувшись по стойке «смирно», отдали честь полковнику, при этом их амуниция буквально затрещала.

— Тебе наконец повезло с машиной? — Фрэнк положил свою холодную ладонь на плечо Джерри и повел его в новое городское управление.

— Не могу жаловаться, — ответил Джерри, не вынимая сигары изо рта, — а ты удовлетворен?

— Относительно, Джерри, — Фрэнк подчеркнул первое слово. — Впрочем, посуди сам — мы приближаемся к моим частным апартаментам. Там нам будет лучше всего, как ты думаешь?

Они прошли мимо застекленной двери, пересекли открытый четырехугольный двор и углубились в северное крыло здания.

— Ну вот, мы на месте, — сказал, останавливаясь, Фрэнк, открыл дверь своих владений и позволил Джерри войти первым в просторную, приятно обставленную комнату, стены которой Роуз Бэрри украсила цветами.

— Это прелестно, Роззи, спасибо, — улыбнулся Фрэнк.

Девушка вышла из комнаты.

— Ты изрядная зануда, Фрэнк, — сказал Джерри, беря золотую хризантему из вазы и нюхая ее.

— Не тебе это говорить. Я никогда не был любимым ребенком, Джерри. Я всегда был вынужден бороться за то, чем хотел обладать. А тебе все доставалось запросто.

— До тех пор, пока не добился того, чего хотел.

— А, это...

— Я только что видел Кэтрин.

— И как она? В те дни я был необузданнее, Джерри.

— Она все еще неплохо выглядит.

— В нашей семье все были большие жизнелюбы, — Фрэнк усмехнулся. — Не хотел бы попробовать снова?.. Нет, все-таки думаю, что нет. Давай начистоту, Джерри. Ты получил свое место в жизни по счастливой случайности — за счет интуиции, если тебе так больше нравится. Мне же приходилось доходить до всего через размышления. Приходилось много и напряженно думать. Логически.

— И это сделало тебя человеком с постоянно напряженными нервами.

— Такова цена, которую приходится платить.

Джерри поставил хризантему в вазу. После этого он резко ударил по вазе сбоку и наблюдал, как падают на ковер цветы, разливается, разбрызгивается вода, разлетаются осколки стекла.

— Не теряй самообладания, Джерри, — Фрэнк весело засмеялся, — у тебя слишком горячая голова! Что же не так, старый дурашка?

— Я был бы искренне рад возможности убить тебя, Фрэнк. Убить тебя, Фрэнк. Убить тебя, Фрэнк.

Фрэнк вытянул правую руку навстречу Джерри, растопырив пальцы:

— Господи, Боже мой, Джерри, уж не думаешь ли ты, что я должен...

— Я был бы исключительно рад малейшей возможности убить тебя, Фрэнк.

— Вероятность такой возможности весьма мала.

— Проклятье, и все, за что ни возьмись, все маловероятно.

Джерри характерным движением потянулся к поясу, пытаясь достать оружие.

— Спокойнее, Джерри, Христа ради, — Фрэнк не обратил ровно никакого внимания на действия Джерри, — у тебя возникла потребность кого-то убить. Именно сейчас? И именно в этом месте?

— Место — это то проклятие, которое без конца давит на мозги.

— Кто-то же должен нести этот крест. Послушай Джер-

ри, у меня есть кое-какие моральные обязанности. Раньше у меня ничего подобного не было, а теперь есть. Я изменился, я уже совсем не тот, что был раньше. Я смог преодолеть то, что мешало. Я разрушил старое. И я собираюсь сохранить то, чего достиг. И моя сила нарастает.

— Ты, наверное, вообразил себе, что Эйнштейна никогда не было!

— Может быть, ему не следовало бы возникать. Теперь происходят дикие вещи. Нам же нужно что-нибудь конкретное, четко определенное, твердое. Что-нибудь устоявшееся, жесткое, тяжелое.

— Мне хотелось бы чего-нибудь попроще.

— Точно. Это очень похоже на тебя. Но постарайся, Джерри, хотя бы на мгновение связать причину со следствием.

— А, пошел ты...

— Технология является потенциальным средством защиты от жестокости. Я знаю, я уверен. Старый не может бунтовать и не имеет сил для этого. Мы должны потерять право размножаться только для того, чтобы сохранить за собой право дышать. Бессмертие — здесь, буквально за углом.

— Смертность — это вселенная.

— У тебя слишком богатое воображение. Вот что я думаю.

— Что с тобой случилось, Фрэнк? Ты...

— Я старше тебя. И ты никогда не достигнешь моего возраста.

— Обмочился...

— Человек является единственным из живых существ, у которого в той или иной степени развито чувство воображения. У человека нет конкурентов, ты усекаешь? И эта черта, эта возможность стала со временем чрезмерной. Заложенные природой характеристики человека, направленные на его выживание, превратились в свою противоположность, и направлены теперь на самоуничтожение. Мы должны ограничить воображение. Если возникнет необходимость — уничтожить его в общем и целом или по крайней мере ограничить в жестких пределах. Джерри, это наш единственный шанс вернуться к чему-либо стоящему. К нормальной жизни.

Джерри посмотрел мутным взглядом на своего брата:

— Вернуться? Вернуться? Но мы же непрерывно движемся вперед. Если мы украдем у человечества возможность воображения... это может только уничтожить цивилизацию...

— ... абстракция, конечно.

— Ты понял.

— Понял? Смерть.

— Смерть — и жизнь.

— Безусловно.

— И что тогда?..

— Убить тебя, Фрэнк.

— Нет!

Джерри почувствовал слабость.

— Ты предательски все запутываешь, Фрэнк. Ты был гораздо приятнее в те времена, которые ты хорошо помнишь.

— Забудь Время, — Фрэнк хлопнул ладонью по крышке буфета, — это сейчас самое главное. Приведение всех дел в порядок. Возврат к фундаментальным ценностям.

— Забудь Пространство.

— Джерри, когда я вернулся, я пришел к твердому убеждению, что необходимо предпринять какие-то конструктивные действия. Мы не должны без конца враждовать.

— Кэтрин. Ты убил нашу сестру.

— Ты убил ее.

— Ты заставил меня сделать это.

— Так кто же все-таки виноват?

— Виноват? Опять ты принялся за свое. — Джерри расслабился. — Хорошо, я предполагаю, что ты просто-напросто поберег свою жизнь. Умение вести скучный образ жизни является хорошим предохранителем. — Джерри выпрямился. — Итак, ты решил подумать о будущем? Я не могу решиться на это.

— Ты не дашь себе шанса на это. И мне тоже не дашь.

Джерри начал подбирать осколки разбитой вазы и складывать их на буфет. Он собрал цветы вместе, пересек комнату, подойдя к столу в стиле Тюдоров, на котором стояла пустая ваза, и поставил цветы в эту вазу.

— Это вопрос самоопределения личности, Фрэнк. Что за черт! Дикое окружение и встроенная в него личность.

— Мы как раз приводим вещи в порядок. Делаем генеральную уборку в мире.

— Мне поначалу казалось, Фрэнк, что ты уже достиг зрелого возраста, соответствующего мудрым решениям. Колесо не удастся повернуть вспять, Фрэнк.

— Мы повернем.

— На короткое время.

— Это еще посмотрим.

— Но ты же знаешь, что я собираюсь делать, не так ли?

— Рандомизировать.

— Более или менее.

— Ты обречен на неудачу. История свидетельствует против тебя, Джерри.

— Именно во всем этом и состоит различие между тобой и мной, Фрэнк. Я противник Истории.

— Так куда же ты стремишься?

Джерри двинулся к двери.

— Мне предстоит вновь воспылать любовью. Ты не против, если я немного прогуляюсь по окрестностям некоторое время, а, Фрэнк?

— Да иди, ради бога. У тебя есть автомобиль?

— Нет.

— Тогда иди.

— Мы скоро увидимся, Фрэнк.

— Бьюсь об заклад, да.

3. ЛОВУШКА ДЛЯ ЗВЕЗД.

Джерри нашел Флору Харгрейвс около фонтана, позади танков М-60.

— Ты совершенно не изменилась со дня нашей последней встречи, — сказал он.

Она улыбнулась и поправила свою оливковую форму.

— Ты никогда раньше не делал мне...

— Нет.

— Спасибо.

— Ты встретилась в Лондоне с моим другом, не так ли? И он дал тебе кое-что, чтобы ты спрятала.

— Совершенно точно, Джерри.

— Теперь мне это очень нужно.

— Ты уверен в этом? Было бы лучше, если бы ты вернулся ко мне. У меня появилось уютное местечко. Там достаточно места для всех.

— Для тех, кто нуждается в этом.

— Да.

Они прошли между танками и пересекли площадь по направлению к фиолетовому зданию напротив городской ратуши. На площади и на прилегающих территориях было много отдыхающих матросов, занятых разговорами с членами женских частей армии, курением, потягиванием легких спиртных напитков, чисткой своего оружия.

— Для них это довольно трудно, — сказала Флора, — но я думаю, что они знают, как с этим бороться.

— Они могут взять все, что попадается им на глаза.

— Почти все, — Флора распрямила плечи. Ее ресницы дрогнули. — Получается, Джерри, что мы ведем какую-то грязную войну. Я иногда изумляюсь, как местные жители реагируют на происходящее. Я понимаю, что иногда бывает трудно охватить все сразу и понять, что происходит с твоей собственной страной... да...

Джерри глубоко вздохнул:

— Похоже, что ты права. Не исключено, что если бы ЦРУ было все еще в действии, дела шли бы не так удручающе.

— Вероятно, да.

— У них нет ничего против, ты знаешь, кораблей, наших кораблей, идущих на соединение с их кораблями для взаимной защиты.

— Будь ты на моем месте, Джерри, ты бы тоже предпринял необходимые меры предосторожности. И это единственное, что хотят знать наверняка мои морские пехотинцы. Обеспечить это — моя прямая обязанность. Для этого я могу делать, что хочу.

Они вошли в здание, поднялись по железобетонной лестнице и двинулись вдоль прохладного, тенистого коридора, который вел к ее комнате. Флора повернула ручку двери, широким жестом распахнула дверь и сказала:

— Apres vous!*

Джерри неспеша вошел в комнату и оглядел ее. Это была однозначно комната женщины.

На кровати было множество мягких игрушек, на стенах — цветные иллюстрации и открытки с красивыми уголками природы Великобритании, на стуле — шлем и боевое снаряжение, а на стопке книг издательства «Пингвин» в бумажном переплете лежал в кобуре пистолет 22 калибра. За сводчатым проходом виднелась уютная маленькая кухонька. Комната была светлая.

Флора задвинула шторы.

— Моя машина, — напомнил Джерри.

Флора подошла к шкафу. Там висело три ситцевых платья. Флора нагнулась, и Джерри посмотрел на ее бедра. Флора выпрямилась, неся что-то в руках, угловатое и тяжелое, а Джерри посмотрел прямо в ее глаза. Ее глаза расширились.

— Это то, что ты искал, Джерри?

— Это именно то, — Джерри с облегчением рассмеялся. — Положи это на пол, вот так!

Пока Флора ставила машину на пол, Джерри обхватил ее, скользнул рукой вверх по ноге Флоры и спустил разрешенные уставом трусики; Джерри начал целовать ее широкий, мягкий, теплый, влажный, восхитительный рот; не прерывая этого занятия, Джерри запустил руку в ее душистые каштановые волосы; подталкивая Флору к кровати, он повалил ее и занялся с ней любовью с огромной радостью и энергией.

— Да, Джерри, это было неплохо, — сказала она, — я всегда знала...

— Пора отделаться от этого, — Джерри дал ей одну из ее сигарет «Кент» и прикурил сам.

— Эта коробка представляет ценность? — спросила Флора.

— Она ценнее, чем целый мир, для меня.

— Она выглядит, как какой-то прибор для измерения радиоактивных излучений, что-то в этом роде.

---

* После вас! (франц.)

— Это несколько более универсальный прибор, чем ты думаешь.

— Расскажи мне об этом, Джерри, — и она обвила свою ногу вокруг ноги Джерри и лизнула его левый сосок.

— Этому прибору нет точного названия. Ничего, что можно было бы принять за аутентичный термин. Одна из функций этого прибора состоит в своего рода рандомизации. Он может генерировать все варианты одновременно. В этой маленькой коробочке сосредоточена большая сила.

— Это компьютер? Основанный на многовариантной логике?

— Нет, это не компьютер. Далеко не компьютер. Скорее, даже нечто противоположное компьютеру, в некотором смысле. Он ломает препятствия, он позволяет многовариантности ну как бы «возникнуть».

— Это не совсем точное слово.

— Но это все.

— Что — все?

— Ты — все, Флора. Но теперь ты можешь быть многократно отражена от всего своего окружения. Моя машина создает также человеческое окружение для человеческого бытия. Она может также ускорять различные жизненно важные процессы.

— И это ты считаешь объяснением принципа действия твоей машины?

— Мне показалось, Флора, что какие-либо объяснения не нужны между нами.

До них донеслось дуновение холодного ветра и ржание.

В открытых дверях стоял Фрэнк, его верхняя губа топорщилась, как у молодого жеребца, в руке был игольчатый пистолет. Фрэнк вошел и закрыл дверь, направляясь к черному ящику.

— Я так и думал.

— Ты так чертовски высокомудр, — Джерри поднялся над Флорой и сел на кровати, надевая трусы и носки, — ты не сможешь уничтожить эту машину, не рискуя превратить в совершенный хаос все это проклятое пространство.

— Разве это не то, что ты хочешь сделать?

— Нужна умеренность во всем, Фрэнк.

— Вы предатель, капитан Харгрейвс. Считайте, что вы находитесь под арестом.

Флора пожала плечами и натянула простыню, помогая себе ногой.

Джерри поднялся, пересек комнату по направлению к стулу, поднял свою рубашку и начал надевать ее через голову.

— Хорошо, Фрэнк, я все-таки думаю, что было достигнуто какое-то равновесие, не так ли?

— И ты еще можешь говорить о равновесии, когда это, — Фрэнк ткнул носком ботинка черный ящик, — все еще существует. Машина, создающая хаос.

— Да полно тебе, Фрэнк. Мы даже сейчас не уверены в том, что она создает энтропийный эффект. Может быть, даже и не создает. Это экспериментальная модель. Именно поэтому я и потерял ее при первом же испытании: я создал поле, после чего я не смог отыскать в этом поле машину. — Джерри засмеялся. — Похоже на иронию судьбы, да? Мне предстояло испытать ее. В точности выяснить, на что она способна.

— За счет интересов общества.

— Учти, что это твоя личная точка зрения.

Джерри наконец надел на себя остальную одежду и застегнул ремень, купленный у Сэма Брауни.

— Так-то лучше. Ты всегда ловил меня в те моменты, когда у меня спущены штаны.

— Это довольно забавно. Но ты прекрасно знаешь, что происходило в последнее время. Так что же сможет сделать эта машина с Кэтрин?

— Решить эту задачу. Речь идет о возможности создания всех мыслимых и немыслимых миров. Она может каналировать энергию — вновь подводить ее в нужные каналы — восстанавливать ее...

— Чертов романтик, — сказал Фрэнк.

— Кто эта Кэтрин? — спросила Флора.

— Моя тетка...

— Наша сестра, — ответил Фрэнк.

— Это — как тебе нравится, — Джерри облизал внезапно пересохшие губы. — Похоже, что теперь с этим уже ничего не поделаешь при сложившихся обстоятельствах.

— Между вами родственные связи? — спросила Флора, нахмурившись.

— Они стали весьма туманными по прошествии длительного времени, — сказал Джерри, отвечая Флоре.

Фрэнк резким движением поднял свой игольчатый пистолет на уровень сердца Джерри.

— Думаю, что эта проблема съежилась до вопроса об отождествлении личности, которое необходимо провести через много лет разлуки.

— Личности!

Фрэнк издал какой-то рычащий звук и начал было давить на курок, в то время как Джерри практически мгновенно упал перед стулом и выдернул свой вибропистолет.

— Если кто-то из нас попадет в эту машину, — сказал Джерри, — то мы все узнаем очень много об идентификации личности.

Фрэнк после некоторого колебания опустил оружие.

— Хорошо, Джерри. Давай поговорим, как практичные люди.

— Я не совсем уверен в том, что знаю, как это делается.

Неожиданно Флора Харгрейвс резко поднялась и набросила одеяло на голову Фрэнка. Джерри вскочил и ударил своего родственника сзади по шее рукояткой вибропистолета. Фрэнк тяжело рухнул на пол. Джерри достал игольчатый пистолет из спутанных одежд и одеяла и отдал его Флоре.

— Он не перенес бы, если бы ты попыталась застрелить его.

— Почему?

— Это так понятно. Понимаешь ли, все дело в ритуале. — Джерри отдернул одеяло. Лицо Фрэнка заметно постарело. Фрэнк начал дрожать, нервно потирая руки, ушибленную шею и затылок.

— Я теряю тепло, Джерри. Я теряю тепло, Джерри. Я теряю тепло, Джерри.

— И, я думаю, — подвижность. — Джерри ткнул его вибропистолетом в грудь. — Давай-ка пошевеливайся, Фрэнк. Флора, не могла бы ты заняться ящиком?

— Сначала мне бы надо одеться. И упаковать вещи.

— Надень свою форму. Быстренько упакуй свои платья. Лады?

— Хорошо.

Флора очень быстро собралась и подняла тяжелую ма-

шину, Джерри подталкивал вперед совершенно съежившегося Фрэнка.

— Мы направимся прямо в мой трансформируемый автомобиль. Мы возьмем тебя с собой, Фрэнк. Думаю, что эта окружающая среда больше не приносит тебе никакой пользы.

Они спустились по лестнице, потом спустились по ступеням, которые вели на площадь перед домом.

Моряки все еще стояли то тут, то там, наслаждаясь солнцем, хорошо заслуженным отдыхом от грязного военного дела.

Джерри спрятал свой вибропистолет под одеждой, и они втроем медленно направились к машине. Флора забралась на заднее сиденье вместе с тяжелым грузом. Фрэнк сел рядом с Джерри, пока тот заводил «фантом-VI».

— Куда мы направляемся? — спросила Флора.

— Нашей наипервейшей задачей является доставить Фрэнка в дом отдыха. Это не очень далеко отсюда. Часа два езды. Я думаю, что он протянет до того времени.

Флора презрительно фыркнула.

— Ты уверен?

— Должен, однако, признать, что от него стало слегка попахивать.

НАСЫЩЕНИЕ

Женская практика самоудовлетворения.

В течение многих лет весь тираж этой книги раскупался почти мгновенно. Автор — доктор медицины Эллис Хейвлок, наиболее знаменитый сексолог. Перед вами — по-новому иллюстрированное издание.

В книге подробно представлено: начальное побуждение; практика самоудовлетворения при контактах с мужчинами; мастурбация как причина и средство от разочарований в супружеской жизни; разнообразные технические приемы (как клиторальные, так и вагинальные); предметы, используемые для вагинальной и уретальной мастурбации.

Использование искусственных половых членов; взаимная мастурбация (как гомосексуальная, так и гетеросексуальная); психологические факторы; фантазии, эротические сновидения; инцестуальная мастурбация (между братом и сестрой, дядей и племянницей, отцом и дочерью, а также случаи сексуального побуждения, включающие мать и сына).

Автоэротизм среди неудовлетворенных жен, девические эксперименты (с представителями обоего пола); побуждение мальчиков взрослыми женщинами, прислугой и т.д. и т.п.; клубная практика; публичная мастурбация; стимулирование грудных желез; современные воззрения на мастурбацию; примитивные воззрения и многое другое.

Иллюстрации в книге включают: искусственные половые члены (как с одной головкой, так и с двумя — для лесбиянской практики); другие приспособления для мастурбации; юмор на тему самоудовлетворения; юношеские позы и позы женщин, изображенные при реализации различных вариантов самоудовлетворения.

Всего за 3 доллара.

Реклама издательства «Книги Будущего», «Игры на телевидении и в кино»

1. ЗАПАДНЯ ЛЖЕОТЦОВСТВА РАСКРЫТА!

Когда Джерри, Флора и Фрэнк прибыли в Центр преобразования Саннидейла, хозяйка приветствовала их с заметным оживлением.

— Вы устроили довольно симпатичное местечко, — сказал Джерри, оглядывая вновь отстроенный центр, пока они стояли на подъездной аллее, рядом с машиной.

— Учитывая угрожающее положение дел, сложившееся в последние месяцы, мистер Корнелиус, мы должны были работать быстро. О, а нам так не хватало самого необходимого! Работать приходилось, не имея никаких инструкций со стороны администрации... Конечно, теперь от вашего маленького особняка уже почти ничего не осталось.

— Что ж, когда возникнет необходимость, нам приходится становиться людоедами, — Джерри печально посмотрел на Флору и дальше за нее, туда, где он увидел оболочку своего Голландского особняка.

— Это стыдно, — сказала Флора.

— А о чем горюет вон тот парень? — Хозяйка посмотрела профессиональным взглядом на скрюченную фигуру Фрэнка на переднем сиденье, закрывшего лицо руками и негромко хныка.

— Это еще одно неотложное дело, боюсь, что так, хозяйка. Особый случай.

— Ага. Это именно то, что говорят все.

— Не могли бы вы поместить его в свободное помещение сразу?

— Вы думаете, что так будет лучше, мистер Корнелиус?

— Это необходимость.

— Довольно непродуманная...

— Не беспокойтесь, он довольно незрелый пациент.

— Если вы настаиваете, сэр. Я только приглашу пару санитаров, чтобы они отвели его.

Хозяйка ушла внутрь через главный вход, и вскоре появилась вновь с двумя помощниками, которые приподняли Фрэнка и понесли его, похожего теперь на свернувшийся внутриутробный плод.

Вскоре после того, как хозяйка вошла в дом, из него вышел Коутрубуссис, одетый в элегантный костюм для отдыха

из мохера голубого цвета, с подобранными в тон рубашкой и галстуком, а его лицо и руки были забинтованы. Он кисло посмотрел на Джерри:

— Ваши дела, похоже, неплохи?

— Пожаловаться не могу. Оказалось, что вы в спешке покинули Лондон. Как поживают Морин и Барбара?

— Они буквально вскипели от напалма, — задумчиво сказал Коутрубуссис.

— Ах... Это капитан Харгрейвс. Капитан Харгрейвс, перед вами Спиро Коутрубуссис. Он член моей организации.

— У вас есть организация? — Брови Флоры полезли вверх.

— Это одно и то же, разница только в названии.

— Здравствуйте! — Коутрубуссис отвесил легкий, деревянный поклон, заметно скрючившись при этом от боли, и, похоже, с трудом отведя глаза от Флоры, снова посмотрел на Джерри: — Вы достали машину?

— Флора достала ее. Она лежит на заднем сиденье автомобиля.

— Таким образом, мы можем начинать работу. С этим чертовым временем. Я смертельно устал от той роли, которая мне досталась. Мне необходима передышка.

— Мы все можем получить выгоду от перемен.

— Мы можем пойти в лабораторию прямо сейчас?

— Если у вас есть желание, пожалуйста. Однако я испытываю некоторое беспокойство насчет того человека, которого мы уже отправили внутрь, — сказал Джерри, вопросительно поглядывая на Флору. — Ты можешь иметь дело с тем, кто кусается?

Она рассмеялась:

— Ты же знаешь, что я могу!

Джерри проводил ее в прохладные, приятные и ароматные помещения Центра преобразования.

2. ВРАЧИ ПОДТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ОЩУЩЕНИЕ ВИНЫ ПЕРЕД СЕКСУАЛЬНЫМ ПАРТНЕРОМ ДЕЛАЕТ ВАС ИМПОТЕНТОМ!

Джерри шел между рядами прозрачных емкостей, расположенных в длинной, тихой больничной палате.

Каждая емкость имела индикаторы, замысловатые диаграммы, выполненные черным цветом, трубки, тянущиеся от верхней части к поверхности жидкости и к соединителям, расположенным вдоль краев.

Джерри поизучал таблички с кодовыми обозначениями, размещенные у основания каждой емкости, и в конце концов обнаружил Фрэнка.

Он был подвешен в самом центре своей емкости. Никаких движений не наблюдалось. Каждый указатель стоял на нуле.

Джерри повернулся к инженеру, который медленно продвигался вдоль другого ряда емкостей, проверяя показания, сверяя их с записями на листках бумаги, которые он нес в папке.

— Номер 30005. Какие прогнозы на будущее?

— Слишком рано об это судить, — инженер пожал плечами.

Джерри лизнул нижнюю губу.

— Согласен.

3. КОРОЛЕВА АМАЗОНОК ИЗ ПЕРВОБЫТНЫХ СТЕПЕЙ

Кэтрин, во всей своей прелести, смотрела на него сквозь темноту комнаты, и он сел на кровати, при этом его рука так впилась в правую грудь Флоры, что она вскрикнула, а Кэтрин исчезла, после чего Джерри шлепнул ее по губам, толкнул в живот, почти истерически засмеялся, выбежал из комнаты и, пошатываясь, пробирался сквозь галереи до тех пор, пока не добрался до прозрачной емкости в больничной палате, не приблизился к Фрэнку и не ударил изо всех сил

по стеклу, так, что его руки обагрились кровью, и жидкость из емкости не омыла их.

Фрэнк рухнул.

4. Я ТРЕНИРОВАЛ ОБНАЖЕННЫХ ДЕВУШЕК-БОКСЕРОВ В БАНГКОКЕ

Обнаженный, Джерри вернулся в спальню и подобрал свое оружие, Флора плакала.

— Это не твоя вина, — сказал он, — но я опасаюсь, что наступило время террора.

5. ВОЖДЕЛЕНИЕ ЗАСАСЫВАЕТ, КАК БОЛОТО!

Джерри пересек здание по направлению к лабораторному крылу, крепко прижав к бедру пистолет. Впереди замигали огни. Он открыл дверь. Коутрубуссис взглянул на Джерри красными глазами.

— Ты можешь быть черным, но мне ты кажешься разноцветным, — сказал он.

— Есть результаты? — спросил Джерри.

— Мы в тебе нуждались. Но где ты околачивался, черт тебя побери.

— Хорошо, но теперь я нигде не околачиваюсь. — Джерри привязал пистолет за предохранительную чеку к локону своих длинных волос так, что оружие теперь отдыхало как раз напротив его шеи.

Черный ящик стоял на скамейке. Множество тонких проводов выходило из него и подсоединялось к другим приборам.

Джерри выдернул провода.

— В этом нет необходимости. Здесь мы имеем дело с инстинктами, ты понимаешь, — сказал он, разминая пальцы.

— Обычно существует более одного способа снять шкуру с кошки, — мягко сказал Коутрубуссис.

6. НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ: 10000000 ДОЛЛАРОВ СТОЯТ СОКРОВИЩА ПИРАТОВ! МИЛЛИОНЫ, К КОТОРЫМ НЕ ПРИКАСАЛАСЬ РУКА ЧЕЛОВЕКА!

— Пожалуй, следует приступить к делу. — Джерри протянул руку и закрыл крышку черного ящика. — Я готов идти, мистер Коутрубуссис.

— Рад слышать это.

Позади послышался хлюпающий звук шагов мокрого тела. Флора Харгрейвс поддерживала почти бессознательного Фрэнка, который держал свой игольчатый пистолет в руке.

— Ты неплохо смотришься в гидрокостюме, — произнес Джерри, — но это единственное, что не позволяет тебе рассыпаться на куски.

Фрэнк застонал:

— У меня был моральный долг сделать так, ты, развратный тип.

Джерри качнул головой так, что его оружие перелетело ему на плечо. Рука Фрэнка затвердела.

— Почему ты ввязываешься в это, Флора? — Джерри сложил на груди руки.

— Я же отдала тебе то, что нашла, ты, подонок.

— Тогда тебе следовало бы отдать мне Фрэнка, — засмеялся Джерри. — Ты же прекрасно знаешь, что произойдет, если ты повредишь ящик, Фрэнк.

— Хорошо... Джерри... я... не имел... в виду... совершать... рискованные... действия... — с трудом вытекало из Фрэнка.

— Думаю, что нет.

— Ты — единственный, кто знает какую... кнопку... нажимать...

— Ну что ж. Мистер Коутрубуссис...

Коутрубуссис вскрикнул, когда оружие Фрэнка двинулось, и игла ударила его в колено.

— Прекрасно, — хрипло произнес Фрэнк, — это... — он снова начал нажимать на спусковой крючок, но Джерри уже скользнул по полу и укрылся за перемежающимися галлюцинациями, освобождая свой вибропистолет из волос и стряхивая паутинки со своего носа как раз в тот момент, когда дверь снова открылась и пастор Бисли и Митци, за которыми вплотную следовал человек, одетый в красные одежды римского католического кардинала, вошли в комнату. На них были надеты крест-накрест ленты с патронами, все были вооружены итальянскими маузерами. Митци забрала у Фрэнка его игольчатый пистолет и метнула возмущенный взгляд в сторону Флоры, которая занималась своей раненой грудью.

— Кстати, мистер Корнелиус, — проговорил пастор Бисли, пока с удовольствием обыскивал Фрэнка, — вам будет очень приятно узнать, что Карен взяли в оборот, бедную старушку.

— Как она там?

Бисли тряхнул головой:

— Боюсь, что она совсем не та женщина, которую вы помните. Это именно тот ящик? Вы поможете, кардинал?

Кардинал повесил оружие через плечо и взял ящик.

Митци посмотрела на Флору, потом на Джерри, а потом с жестом сострадания выпустила иглу прямо в сердце Фрэнка. Фрэнк грохнулся на пол.

— Одну минуту! — Джерри сильно разозлился. — Он же был моим кровным братом!

— Он собирался убить вас, герр Корнелиус.

— Однако это мое дело. — Джерри, все еще оставаясь за галлюцинациями, поднял вибропистолет. — Вы бы лучше поставили ящик на пол, кардинал.

Кардинал повернул свою смуглую вопрошающую физиономию в направлении пастора Бисли.

— О, мистер Корнелиус знает, что его оружие могло бы серьезно повредить механизм этой машины.

Бисли опустил дуло винтовки.

— В наши намерения не входит уничтожение ни вашего изобретения, ни вас, мистер Корнелиус, и вы это хорошо знаете. Для общего блага мы хотели бы сохранить и то, и другое. У нас еще очень много работы впереди, не так ли?

Джерри вздохнул.

— У меня появилась было неплохая мысль...

— Конечно же, появилась. Вы так импульсивны.

— Вы не сможете управлять машиной.

— Может быть, и нет.

— А пошел-ка ты, пастор...

Митци посмотрела на игольчатый пистолет. Потом она хмуро посмотрела на Флору и, как будто проводя эксперимент, прошила ее горло, как обычно прошивают иглой ткань.

Когда брызнула кровь, Флора подняла руку, потом рука безжизненно упала, и Флора опрокинулась навзничь.

Митци засмеялась и застрелила Коутрубуссиса, пока Флора падала.

— Вы верите в предначертание свыше? — сказал Джерри, когда они покидали лабораторию.

— Это зависит от того, из какого источника оно исходит. — Пастор Бисли повозился в своем кармане и достал большой кусок грецких орехов в шоколаде.

— Я надеюсь, что мы с вами очень скоро увидимся.

4. ФИНАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Вина и страх являются одними из самых сильных разрушающих душу, фатальных и разлагающих эмоций и жизненных переживаний, с которыми встречается человек.

Ощущение вины из-за каких-либо неправильных действий, не высказанных на исповеди, совершенных без последующего раскаяния и лежащих на отягощенной душе, вызывает опустошение и разрушение души, от которых может избавить только Иисус Христос, и только он.

Психиатры освоили определенные слои подсознания человека, но они беспомощны в таких случаях, так как один Христос может помочь нуждающимся.

Да будет вам известно: недавно выяснилось, что все больше и больше психиатров совершают самоубийства, и по сравнению с

представителями других профессий количество таких случаев велико, поэтому становится совершенно очевидно, что психиатрия не имеет ответа на заданные вопросы.

Только Христос всемогущий и всемилостивейший и всепрощающий способен облегчить тяжесть комплекса вины, просветлить душу и избавить от страданий в полной мере.

Лен Джи. Джонс, «Свидетельство», декабрь 1967

РАДИАЦИОННАЯ ТЕРАПИЯ

Окончательное заключение: РАК ШЕЙКИ МАТКИ.

В изданной Марчем книге Маккола сообщается: «Рак шейки матки, как выяснилось, связан с ранней потерей девственности, а также с промискуитетом* некоторой части девушек; в соответствии с самыми последними данными... пациентки, поступающие с раком шейки матки... имели большее количество сексуальных партнеров, чем женщины из контрольной группы, у которых это заболевание не развивается... По всей вероятности, длительная верность одному сексуальному партнеру уменьшает риск заболевания раком».

«Ньюсуик» (октябрь 21,1968) опубликовал статью, в которой сообщается: «Исследователи длительное время подозревали, что рак шейки матки, который поражает до 40000 женщин каждый год, является венерическим заболеванием... наиболее распространенным среди женщин, ведущих беспорядочную половую жизнь».

«Просвещенные современники» льют слезы по большим сексуальным свободам, которые смогли бы ликвидировать сексуальные запреты репрессивного характера, присущие обществу, и помогли бы людям чувствовать себя гораздо лучше. Как могут эти самодовольные, не знающие реальных законов жизни интеллектуалы объяснить тот факт, что подавляющее большинство студентов, которые нуждаются в психиатрической помощи, уже испытали прелести сексуальной свободы?

Они просто-напросто ИГНОРИРУЮТ эти факты. Они напыщенно вещают о сексуальной дозволенности и сексуальной слабости. Доказательства? Они не нуждаются в них. Удовлетвори животную похоть людей, и они всем стадом будут на вашей стороне.

«Простая правда», январь 1969

---

* Беспорядочные половые связи. Перев.

1. УХОДИ, МЕЛИНДА

Джерри предпочитал скорее эстрадную музыку, чем бомбежки. Он был готов не обращать ровно никакого внимания на действия авиации до тех пор, пока в эфире звучала музыка Симона и Гарфункеля*.

Нахлынули воспоминания о 1962 годе.

Джерри выключил радио.

Пора включать освещение поярче.

2. ТЕБЯ ЛЕГКО ЛЮБИТЬ

Теперь предстоят действия, предшествующие убийству. Нельзя оставаться паинькой раз и навсегда. Джерри начал собирать оружие, не обращая ровно никакого внимания на панический стук хозяйки в дверь.

Он поднял алую рубашку с огромной круглой пуговицей, расположенной пониже воротника, и с украшенными оборочками манжетами, ярко-красные вельветовые брюки типа «колокол», сильно расклешенные, темно-красные замшевые бутсы, сюртук киноварного цвета, ярко-красную матерчатую кепку. Потом причесал молочно-белые волосы, напевая под нос тихую песенку, пристегнул желтую замшевую кобуру, размещенную под мышкой, вышел в мягкую ночь и направился к своей сверкающей машине.

Ведя машину, он считал звезды.

Им еще предстояло вспыхнуть по всему небу.

---

* Популярные исполнители эстрадных песен под собственный гитарный аккомпанемент. Перев.

3. СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Где-то остановились часы.

Джерри проверил свои часы на обеих руках.

Они ходили медленно, но ходили.

Потом проверил автомобильные часы. Они тикнули с болезненным звуком.

Переполненный чувством надвигающейся опасности, Джерри разогнал автомобиль до скорости сто пятьдесят миль в час. Летя навстречу рассвету, Джерри увидел в легком тумане купол Оксфорда.

Занялся день. Появилось солнце. Джерри посмотрел на него со слезами на глазах. Его сердце сильно стучало, но его душа была наполнена все возрастающим спокойствием.

«Неужели слишком поздно? — подумал он. — Неужели копье Бисли на самом деле пробило лишь крыло ветряной мельницы?»

Джерри на полном ходу въехал в железобетонный тунель, промчался мимо сумрачных шпилей, резко затормозил на стоянке неподалеку от Эшмолина, устремился внутрь музея и быстро побежал вниз, к темной аллее невнятно тикающих часов, выполненных в стиле «высокий ларец».

4. ПОПЫТКА ВСЕ НАЛАДИТЬ

В морге было холоднее, чем обычно.

Он открыл ящик и увидел, что вокруг тела Кэтрин образовалась тонкая вуаль льда.

Он прижал ладони к ее груди и заставил свое тепло перетекать в Кэтрин.

На этот раз она не пошевелилась, но лед постепенно испарялся, образуясь на теле Джерри. Слабым жестом он попытался счистить его, налег на выдвижной ящик и закрыл его, и неровной походкой ушел из морга в комнату, где окрашенная в красное, золото и серебро машина заключила Джерри в свои сети.

Машина работала со слабым звуком, ее шелест, шорох,

шуршание было медленным, вялым, инертным, и прошло довольно много времени, прежде чем Джерри восстановился до такой степени, чтобы услышать, что часы внутри него вновь ходят.

Джерри Корнелиус бегом пересек зал и побежал в комнату со стальными стенами, в которой не было ничего, кроме огромной деки магнитофона. Он включил ее, и катушки диаметром пятьдесят сантиметров начали медленно вращаться, покрутил ручки уровня громкости, доведя ее до максимума; при этом он настроил тембр звучания на наиболее басовые и высокие тона.

Группа «Капитальный ремонт» начала исполнение песни «Это моя крошка».

Старые стробоскопы смело взялись за дело. Стена отъехала в сторону.

Джерри вошел в преобразователь, нервный, как кошка.

5. ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО ВРЕМЯ ПРОЩАТЬСЯ

Старая добрая Орб Мэйс появилась на какое-то мгновенье. Она выглядела печальной.

Джерри бросился через преобразователь.

Возникающие картины не исчезали длительное время; впереди у Джерри был длинный путь.

Алмазно чистый ветер доносился до него легким дуновением.

Джерри увидел себя шестнадцать раз — черным, белым, мужчиной, женщиной, — и он был мертв.

Он ехал по плоской, серой, бесконечной равнине, держа в руках оружие, вдыхая жесткий ветер.

Не было никакого сомнения в том, что пастор Бисли управлял машиной и каким-то образом ухитрился пустить ее на реверс. Хотя, в конце концов, результат должен был быть один и тот же, вернулся день Рагнарока, и это не устраивало Джерри. Должен быть реализован именно этот цикл, или — ничего.

Он продолжал движение, и воздух был как холодная латунь.

Пастор Бисли стоял около нового приспособления. В его центре — кипятильник, извергающий огонь и дым, и совершенно неистово дергающиеся поршни и шестерни древней паровой машины, окрашенной в черный и красный цвета. Целая система часовых механизмов была установлена на верхней части машины, а от ее большой оси, расположенной на самом верху, тянулись связки железных стержней различной длины, расположенные под различными углами. На конце каждого стержня был закреплен груз в виде шара из сплава олова со свинцом, размеры которого варьировались от стержня к стержню. Шары были раскрашены в основные цвета радуги.

Из коробки, которая была прикреплена сбоку от паровой машины, раздавалась резкая, нестройная музыка. Она больно ударила по слуху Джерри, после того как стержни дернулись, крякнули и начали судорожное движение в ритме этой какофонии.

Пастор Бисли сиял.

— Это мое собственное изобретение, мистер Корнелиус! Понимаете ли, не вы один способны к созданию изощренных машин. Это — МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЛАНЕТАРИЙ Бисли с паровым приводом! СМОТРИТЕ — ПЕРЕД ВАМИ РИТМ СФЕР!

Джерри подбежал к машине, но был отброшен назад Плутоном, который ударил его сбоку по челюсти. Джерри поднял оружие. Однако шары мелькали перед ним все быстрее и быстрее, музыка перешла на пронзительные тона, машина Бисли начала реветь и подпрыгивать.

Пастор Бисли взметнул свои бледные руки:

— Ты вывел ее из равновесия, ты, убийца!

Бисли попытался проползти под проносящимися со свистом шарами, чтобы добраться до пульта управления машиной.

Джерри опустил оружие.

Шары начали отстреливаться во всех направлениях. Паровая машина издала жалобный всхлип. Нептун пролетел буквально рядом с головой Джерри.

— Ты вверг все в настоящий хаос! — заскулил Бисли.

Паровая машина взорвалась.

Джерри был отброшен на поле, где росли цветы, похожие на лилии, и паслись гигантские антилопы.

Джерри поднялся на ноги и продолжил движение, уклоняясь, увертываясь, избегая столкновения с конными экипажами на Флит-стрит, старательно огибая речные отмели на какой-то тропической реке и избегая корней мангровых зарослей и крокодилов, делая крюк и попадая на Венчеславскую площадь, на которой горели русские танки, и отступая назад и в сторону, в зоопарк Регентства, как раз туда, где расположен вольер для слонов.

Слоны были мертвы, их мощные шкуры были покрыты волдырями после воздействия напалма.

Джерри знал, что он дома.

Риск был оплачен сполна.

6. ОСВЕТИ СВОЮ НОЧЬ С ПОМОЩЬЮ МОЕГО ДНЯ

Некоторые сектора были не тронуты бомбежками.

Небольшое количество невредимых деревьев, травы, зданий, сохранившихся после нападения, выделялись на фоне закопченных камней Лондона.

Джерри узнал квартал многоквартирных домов в Бау, несколько улиц около Хэмпстедского пустыря, общественные бани и детский кинотеатр у Бэйсуотер, некоторые наполовину построенные магазины там, где текла Холборн, Британский музей, отель «Хилтон» на Парк-Лэйн.

Осталось, по крайней мере, несколько достопримечательностей, которые раньше привлекали туристов.

Над каналом и вокруг него в белом небе кружились восемь чаек. Джерри покинул зоопарк и побрел через парк, при этом его бутсы погружались на несколько дюймов в жидкую сажу.

Бисли почти наверняка вернулся в Лондон, но только чудом можно было догадаться, где он устроил свою штаб-квартиру.

Время (в узком смысле этого слова) уходило с беспокоящей скоростью. Бисли, по всей вероятности, пытался замед-

лить течение цикла для того, чтобы подольше сохранить существующую ситуацию, и, если будет возможно, вернуться к более ранней фазе.

Она была так чертовски коротка.

Кроме того, могут возникнуть дополнительные разрушения, если будет включена Кэтрин. Сейчас, по крайней мере, сохранена его, Джерри, личность — до поры, до времени. Это было его единственным преимуществом.

На другой стороне бывшей зеленой изгороди, которая теперь была полностью лишена листвы, стоял изящно припаркованный минивертолет с британскими опознавательными знаками.

Джерри снова спрятал свое оружие, чтобы уберечь его от сажи, и перепрыгнул через изгородь. Он открыл дверцу минивертолета и сел на место пилота. Машина слегка дрогнула под действием его веса. Малышка была вооружена двумя восьмидюймовыми автоматическими пушками Бэннинга в кронштейнах Гамильтона.

Похоже, что боекомплект был изрядно потрачен.

Медленно завелся двигатель.

Джерри приподнял машину на несколько дюймов от земли, подняв огромное облако сажи, и двинул ручку управления вертолетом вперед, направляясь туда, где раньше была Эдвард-роуд.

ПРОВЕРКА ТЕМПЕРАТУРЫ

1. ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ СО ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ США?

Вооруженный минивертолет выбрался из сажи и плавно полетел над далеко вытянувшимся зеленым кристаллом, имеющим гладкую поверхность. Кристаллом стало то, что раньше было Уэст-Эндом. Тихие расплавленные и потом застывшие массы Джерри не очень-то любил встречать на своем пути.

Когда он достиг района Риджентс-стрит, он увидел, как облако сажи приближается к нему слева. Он направил вертолетик в одну из мелких выемок в кристалле и затаился. Джерри узнал джипы и боевые машины пехоты. Американцы возвращались для короткого удара.

Джерри выставил перископ своего вертолетика и настроил усилитель.

Генерал Улиссес Вашингтон Кэмберленд стоял в переднем джипе, за его спиной красовалась емкость огнемета, а направляющая с форсункой была в правой руке. Левой рукой генерал держался за ветровое стекло, на нем были боевые защитные очки с темными стеклами, а его одежда была сильно обтрепана ветром. Форменная фуражка генерала все еще несла легендарную надпись «Командующий Европейскими Вооруженными Силами», и, кроме того, на генерале был зеленый с бахромой платок, накинутый на плечи, длинное желтое платье с тугим корсетом и красными пуговицами, огромный зеленый кушак, который подчеркивал рукава с пуговицами, и — повсюду — вшитые лоскутки, рюшечки, оборки. Под юбкой было по крайней мере шесть туго накрахмаленных нижних юбок белого цвета, а на ногах генерала были надеты голубые теннисные туфли. Позади генерала Кэмберленда джипы и боевые машины были наполнены бравыми моряками, вооруженными до зубов, с полной боевой экипировкой, приехавшие сюда для того, чтобы най-

ти и уничтожить очаги сопротивления, не уничтоженные с помощью бомбардировки.

Генерал Кэмберленд подал пример исполнения поставленной задачи, пустив в дело свой огнемет.

Он выжигал каждое мало-мальски подходящее для укрытия место.

Джерри поежился. Похоже, с неба начал падать снег. Джерри решил, что пора двигаться.

Запуская двигатель мини-вертолета, Джерри услышал голос генерала Кэмберленда, усиленный мегафоном:

— Они все подозрительны! Подозрительны! Подозрительны! Подозрительны! Выжечь их! Напрочь! Напрочь! Напрочь!

Когда Джерри достиг более высокой точки на плоскости кристалла, он увидел, как генерал Кэмберленд отделился от своего джипа и повел моряков за ним.

Огнемет снова заработал, но Джерри был уже вне досягаемости пламени.

Довольно нерешительно некоторые моряки все-таки подняли оружие.

— Неженки! Кокетливые дуры! Ослиные зады! — ревел генерал. Он повернулся и облил своих солдат из огнемета.

— Маменькины дети! Маменькины дети! Сукины дети, вот кто вы! — почти рыдал он. Взметнув вихрь своих нижних юбок, генерал упал на железобетонный блок. Раздался хлопающий звук, вскрик совершенно исступленного восторга, и генерал испарился в виде ревущего огненного смерча.

Джерри подумал, что генерал, на худой конец, умер с ощущением счастья.

Когда дым перед Джерри рассеялся, он увидел, что большая часть моряков сгорела заживо. Остальные пытались содрать с себя горящую одежду, сбросить горящие предметы боевой амуниции, но через некоторое время послышалось еще несколько взрывов, и с моряками было окончательно покончено.

Джерри восхитила их энергия.

2. ПРОКЛЯТЫЕ ДЕВЫ В БЕРЛОГЕ ДЬЯВОЛА

Запас топлива минивертолета закончился гораздо быстрее, чем предполагал Джерри.

Около детского кинотеатра в Бэйсуотер он тяжело опустился там, где стоял старый автомобиль марки «райли». Открыв дверь автомобиля, Джерри увидел, что на него снизу вверх смотрит женщина с бледным, изможденным лицом, сидящая на месте водителя.

— Не нужно ли подвезти вас куда-нибудь, герр Корнелиус?

— Я вижу, вы по-прежнему любите зеленый и красный цвета.

— Действительно, это единственное, что мне осталось.

Джерри поставил правый ботинок на ближайшее крыло машины и начал счищать с него остатки сажи.

— Вас послал Бисли?

— Я убежала от Бисли.

— Как вы ухитрились выбраться из Америки?

— Я не могу больше оставаться на переднем крае нашей работы. Общая усталость, как мне кажется. Может быть, я бы смогла пригодиться вам, Джерри. Хотелось бы, чтобы было поменьше новой крови. За последние несколько месяцев я стала такой анемичной. Бисли нашел меня, и мы вместе полетели назад, в Англию, несколько... несколько...

— Дней?

— Назад.

— Вы изменились.

— Вы нет.

— Хотелось бы надеяться, что нет. Однако это трудно. Бисли восстанавливал вас с самого начала?

— Да. Но я влюбилась...

— Как наркоман в свой наркотик.

— Ты не был наркотиком, как ты мог подумать такое.

— Я знаю, это стыдно.

Она облизала губы:

— Тебя подбросить куда-нибудь?

От нее шел характерный запах «химии», и он напомнил Джерри о Фрэнке.

— Не думаю, что это нужно.

— Джерри, я нуждаюсь в тебе больше, чем ты нуждаешься во мне.

— Я знаю это.

— Я никогда не была счастлива.

— Я готов в это поверить.

— Подожди секунду, Джерри, понимаешь...

— Слишком поздно.

— Пощади.

— Прости, дорогая.

Она запустила двигатель своего «райли»:

— Так что же ты пытался сделать со звездами?

— Я всего-навсего надеялся, что удастся покончить со всем этим достаточно быстро. Своего рода Рагнарок.

— Ты сторонник Вагнера? Я — тоже... но, может быть не столь пламенный. Конец света. Именно по этой причине ты создаешь все эти преобразования? Чтобы взять их с собой, когда все рухнет?

— Что-то в этом роде.

— Но мир не приближается к своему концу. И мой муж это хорошо видел, разве не так?

— Он все еще пытается использовать свой шанс.

— Почему ты хочешь, чтобы мир перестал существовать?

— Проблема не так проста, как ты ее формулируешь? Понимаешь ли, у меня есть младшая сестра. Мне хотелось бы обеспечить ей лучший удел, чем достался мне. Я имею в виду, племяннице.

— Ты все перепутал.

— Не так сильно перепутал, как ты, Карен.

Джерри вытащил вибропистолет. Она поставила ногу на акселератор.

— Твоя машина все еще на тормозе, — сказал он.

Машина подпрыгнула. Джерри направил свое оружие, и Карен распалась на такие мелкие части, что вскоре стала неотличимой от сажи, покрывающей землю.

Он поддел одежду зеленого и красного цвета носком ботинка, сдергивая ее с сиденья. Бедная женщина. Во-первых, известно, откуда она черпала энергию.

Во-вторых и в конце концов, он был милосерден.

Джерри убрал вибропистолет в кобуру и сел на место Карен. Поверхность кресла водителя была очень холодной.

Ему показалось, что сам он не теплее. Ему с трудом удалось завести машину. Двигатель никак не хотел поворачиваться. Джерри подсосал побольше топлива, и наконец, зажигание сработало.

Джерри вел машину сквозь серый день, мимо руин, вдоль по длинной обсидиановой Уэстбурн-Гроув.

У него было ощущение, что Бисли находится где-то рядом. Пастор, по всей вероятности, послал Карен фон Крупп, чтобы она отыскала его.

Он доехал до булыжника на Лэдброук-Гроув, и его машина не смогла двигаться дальше. Джерри выбрался из нее и начал взбираться вверх по бетону, между хитросплетениями ветвей с листьями, как бы перекрученных проволокой, которая скрепляла их.

Он добрался до места, где стоял монастырь, и вскарабкался на самый высокий обломок, чтобы осмотреться.

С того места был виден Голланд Парк. Тот лежал перед ним совершенно нетронутый, неповрежденный, на возвышенности, протянувшейся на юго-запад. Его деревья туманились золотым и зеленым. Некоторое время он рассматривал их.

Через несколько минут Джерри достал вибропистолет из замшевой кобуры, повернулся и, положив оружие на сгиб левой руки, направил его на обломок здания, расположенный вблизи центра уничтоженного монастыря.

Обломок начал дрожать и вибрировать. Затем вместо него осталось только облачко пыли. Джерри шагнул вперед и посмотрел на расчищенный участок.

Стальная дверь, закрывающая колодец-ловушку, была все еще на месте. Она сверкала, как отполированная. Джерри встал на колени, прижал к ней ладонь и пробормотал два слова. Дверь с шипением опустила Джерри на шесть метров. Он поднялся и посмотрел из шахты на небо. Он мог видеть солнце. Оно почти не переместилось.

Стальная дверь поднялась и отсекла свет.

Джерри нажал кнопку. Неяркий свет на мгновение осветил помещение, в котором находился Джерри, и затем погас. Он осторожно двинулся сквозь темноту к одной из стен, нащупал полку над головой и нашел то, что он надеялся найти, вытащил зажигалку и с ее помощью ухитрился поджечь фитиль.

Джерри увидел, что керосина мало, но надеялся, что этого хватит.

Лампа была сделана из голубого стекла, украшенного золотистыми и алыми цветками. Свет лампы отбрасывал рваные тени по комнате, заполненной пыльным химическим оборудованием; это была частица более ранней исторической эпохи. Джерри пересек комнату по направлению к деревянной двери и отворил ее толчком ноги.

Она со скрипом открылась.

Он вошел в туннель, где в мерцающем свете люминесцентных ламп светились шкурки полудохлых крыс. Пока Джерри пробирался мимо них, крысы едва шевелились.

В туннеле было сыро, холодно и тихо. При свете керосиновой лампы Джерри увидел, что его руки приобрели бледный золотистый оттенок. Ему была нужна поддержка. Бисли должен был увеличить мощность машины. Джерри наступил на крысу, и она слабо пискнула.

Приблизительно через полмили туннель начал подниматься, пока не закончился еще одной стальной дверью. Джерри прижал к ней руки. Дверь не шелохнулась. Пробормотал слова. Дверь осталась закрытой.

Вздохнув, он достал вибропистолет. Его кости болели. Ему потребовалось гораздо дольше применять оружие, чем обычно требовалось для разложения стали. Постепенно в туннель просочился дневной свет и образовалось отверстие, достаточно большое для того, чтобы он смог протиснуться сквозь него. Джерри оказался в Голланд Парке, вблизи ресторана «Бельведер», который когда-то был частью Голландского дома с оранжереей.

Джерри отправился в путь в полдень. Теперь же было утро.

Неужели Бисли не понимает, насколько бесчувствен его план? Очень большой расход энергии.

Он подумал о Кэтрин и побежал.

3. ТАК ТЫ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ РОК-Н-РОЛЛА?

Достигнув Елизаветинского входа Голландского дома, Джерри за секунду остановился и посмотрел вверх.

Американские истребители хороводили в льдистом небе. В течение нескольких минут они выполняли сложные фигуры, потом перегруппировались в обычные звенья и улетели прочь от Лондона в сторону Атлантического океана. То ли их отозвали, то ли их миссия была выполнена.

Со смешанными чувствами Джерри наблюдал, как самолеты улетали.

Теперь ему следовало заняться своими делами.

Раскрыв тяжелые двери особняка, он вошел в большой, сумрачный зал. Когда-то здесь были ворота преобразователя, но Джерри знал, что теперь они уже исчезли. Бисли полностью нарушил фазирование.

Джерри вытащил пистолет из кобуры и начал подниматься по лестнице, построенной в стиле Тюдоров.

Митци ждала его наверху. Она не была вооружена. На ней было платье до щиколоток фасона времен Регентства, сшитое из полос светлого и темного шелка. На ногах были шелковые шлепанцы, а золотистые волосы были собраны так, чтобы обрамлять лицо. Большие голубые глаза ее внимательно смотрели на Джерри.

— Герр Корнелиус. Вы выглядите неважно.

— Я чувствую себя настолько хорошо, насколько это возможно. — Джерри слегка качнул вибропистолетом. — Бисли здесь?

— Мой отец? Да. Он ждет вас. Он думает, что вы, вероятно, готовы наконец присоединиться к нам.

Митци улыбнулась, и Джерри увидел, что ее зубы, как ему показалось, заострились, как у лисицы.

— Скоро снова наступит лето, и мы сможем снова быть вместе. — Она повернулась и пошла по лестничной площадке. — Сюда, — сказала она Джерри.

Джерри помедлил.

— В чем дело? — Она остановилась около двери главной спальни.

— Смерть, — его ноздри затрепетали, — много смерти.

— Со смертью все в порядке. Бояться совершенно нечего. Это как сон.

— Это зависит от того, какая смерть, — в отчаянии Джерри сжал оружие.

— Разве тебе не нравится идея жизни после смерти?

— Это зависит от того, какая жизнь.

— Герр Корнелиус, в вас совершенно нет веры. — Ее глаза сочувственно расширились. — Вы такой необузданный.

— Я... — Джерри вдруг почувствовал себя очень уставшим.

— Вы дикий зверь.

— Нет...

— Вы должны быть более покорным. Когда-нибудь.

— Я хочу... — Джерри судорожно вздохнул и слезы хлынули по его лицу, — я хочу...

— Мира. Это именно то, чего хотим мы.

— Мира?

Джерри слегка качнулся на каблуках. Он все еще крепко сжимал оружие так как казалось, что вся энергия сконцентрировалась в его правой руке.

Митци подошла к нему. Он попытался поднять оружие. Она протянула ему руку ладонью вверх. Он покачал головой.

— Не хотел бы ты отдохнуть? Мы можем помочь тебе отдохнуть.

— Да, но не так, как ты думаешь.

Митци нахмурилась, ее взгляд стал внимательным.

— Ты что, собираешься торговаться по мелочам? Разве имеет значение, каким способом мы поможем тебе?

— Да.

— Мы все стали старше, как ты понимаешь. Более зрелыми.

— Нет.

— Все дело в любви, — сказала Митци. — Разве ты любишь что-нибудь или кого-нибудь, кроме своего Случая? И ты знаешь, что это все бесполезно.

— Любовь, — высыхающие слезы холодили щеки Джерри. Подумав об Оксфорде, Кэтрин и о науке невинности, Джерри задрожал.

— Ты знаешь, — пробормотала Митци, — то, что ты все время делал, неверно. Но мы прощаем тебя.

Джерри издал рычащий звук и засмеялся сквозь зубы. Энергия покидала его правую руку и сверкающим потоком полилась из его глаз:

— Я — Джерри Корнелиус.

Пистолет упал. Он наклонился, чтобы поднять его, но Митци бросилась вперед и носком ноги отшвырнула оружие за перила, и Джерри наблюдал, как его вибропистолет медленно падает на пол зала этажом ниже.

— Обстоятельства постоянно меняются, дорогой, — сказала Митци, помогая Джерри выпрямиться, и вздрогнула, увидев его глаза. — Существует очень много разнообразных оттенков красоты.

Джерри с рычанием отшатнулся от нее.

Кардинал вышел из спальни хозяина.

— Господи Боже мой! Бедный парень выглядит совсем убитым. Он нуждается в помощи.

Джерри пытался спуститься по лестнице.

Начинался рассвет.

Джерри судорожно вздохнул, когда кардинал обхватил его сзади.

— Не могли бы вы принести его сюда, кардинал Орелли, будьте так любезны, — голос Митци вибрировал от сочувствия к Джерри, — скоро он ощутит себя совсем другим человеком.

Джерри полностью отключился.

Он позволил им делать с ним все, что они пожелают.

ПРОВЕРКА ПУЛЬСА

«Командир»

ШВЕЙЦАРСКИЙ ХРОНОГРАФ С АЛМАЗАМИ

Уникальные наручные часы типа «командный пункт»!

Действительно, 7 часов сосредоточены в одном комплекте — с шестью циферблатами, пятью ручками управления, двумя кнопками проверки! Очередное чудо швейцарского часовых дел гения. Подлинное откалиброванное в Швейцарии, противомагнитное действие механизма часов обеспечивает отсчет точного времени. В дополнение к этому, часы могут выполнять множество других функций. Вы можете использовать их в качестве секундомера, измерителя точных интервалов времени. А также для измерения расстояния при постоянной скорости движения.

Вы можете с помощью этих часов проверять работу счетчиков при длительной стоянке автомобиля, регистрировать скорость автомобиля или лодки. Контролировать показатели производства. Проводить исследования, связанные с измерением времени, движения или даже отмечать количество кружек пива, которое вы выпиваете каждый час!

Задействуйте циферблат часов в режиме «наручные часы-секретарь». Применение не ограничено!

Закажите себе такие часы прямо на фабрике в Швейцарии, и вы сэкономите огромную сумму.

Часы стоят всего 12 долларов 95 центов, в случае неисправности возврат денег ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Реклама часовой компании «Хилтон», «Конфиденциальный детектив»

1. УТРО, ПОХОЖЕЕ НА МНОГИЕ ДРУГИЕ

Джерри был разбужен холодным прикосновением.

Безжизненная рука Митци лежала на его лбу. Джерри почувствовал, что тепло покидает его голову, и попытался отстраниться.

Митци убрала свою руку.

Джерри лежал на жестком матраце на широкой кровати с пологом на четырех столбиках и серыми занавесями, которые были отдернуты так, что Джерри мог видеть пастора Бисли, стоящего возле туалетного столика времен короля Якова и наклонившегося над ящиком, в котором лежала машина Джерри.

Сквозь окно вливался свет пепельно-серого цвета.

Джерри мысленно оценил запасы своих энергетических ресурсов. Они были незначительны.

— Хорошо... гм... здравствуйте, мистер Корнелиус. Я вижу, что моя дочь постоянно ухаживает за вами. Она просто ангел. Очень исполнительный ангел.

Джерри сел на кровати. Он все еще был одет в красный костюм и не был связан.

Джерри нахмурился и с подозрением посмотрел на Митци.

— Я заболел, — сказал он, — кажется...

— Раком? — просила Митци.

— От неудач*.

— Боюсь, что наши дела находятся в очень запутанном состоянии, — сказал пастор Бисли, пережевывая батончик сладости «Кранчи» с начинкой. Искусственные медовые соты медленно сползали по его щекам. — До сих пор я справлялся с трудностями сам, но теперь я нуждаюсь в вашей помощи. Я хотел бы выяснить, где находятся остальные ваши пациенты преобразования. Для начала. Некоторые из них продолжают действовать, знаете ли, против всякого здравого смысла.

— Я обещал им не что иное, как бессмертие, — Джерри медленно вздохнул, — а что вы имели в виду?

— Я опасаюсь, что нам придется на некоторое время забрать назад бессмертие, — Бисли чмокнул губами. — Я знаю, что это совершенно разочаровывает. Они все были подготовлены к этому, не так ли? Ну так через это необходимо перешагнуть. Если вы можете установить их местонахождение, я смогу войти с ними в контакт и организовать обратное преобразование. Я выражаюсь достаточно ясно?

---

* Игра слов. В оригинале — «cancer» и «crab», одно из значений которых — «рак» Перев.

Джерри нащупал прядь своих волос. Они были волокнисты, тягучи, вязки и далеко не белого цвета. Джерри поморщился.

— Вы прекрасно знаете, мистер Корнелиус, что апокалипсис не ожидается в течение предстоящих нескольких миллионов лет, — продолжал пастор Бисли, — и тем не менее, вы пожелали создать его по чисто эгоистическим соображениям. Я должен с сожалением признать, что просто-напросто не способен понять эти соображения. Вам самому ваши намерения могут показаться нормальными, но мы должны помнить о ваших обманах!

— Для чего, вы думаете, предназначалась моя программа разрушения? — Джерри выглянул из окна. Ветер гнал сажу в северном направлении.

— Вы не можете спасти всю человеческую расу, мистер Корнелиус. Кстати, я настаиваю на том, что ваши мотивы все еще необходимо рассматривать как подозрительные, не говоря уже о ваших целях!

Джерри выбрался из постели и, ощущая слабость, направился к своему ящику, но Митци преградила ему дорогу, вопросительно глядя на отца. Пастор Бисли пожал плечами:

— Боюсь, что мы достигли своего рода безвыходного положения. Похоже, что энергия утекает.

— Вы можете повторять это сколько вам угодно. Так что же еще вы ожидаете?

Пастор Бисли опустил глаза в растерянности и развернул конфету из сахара и масла.

— Я никогда не претендовал на то, чтобы называться ученым, мистер Корнелиус.

— Естественно, — сказал Джерри, поглаживая поверхность ящика, — вы обязательно отыщете источник энергии, не правда ли? Правда, сейчас я не знаю, возможна ли в нынешних условиях передача какого-либо вида энергии. Все степени свободы замерли, пастор Бисли. Теперь все детерминировано.

— Солнце не двигалось уже... некоторое вр... — вступила в разговор Митци, — оно не двигается.

— Это только видимость, — сказал Джерри, — внешнее проявление обстоятельств, если тебе больше нравится, Митци.

— Какого рода энергию потребляет машина? — спросил Бисли, не переставая жевать. — Электричество?

Джерри засмеялся так весело, как только смог:

— Боюсь, что нет. Машина действует за счет основной энергии. Если бы вы попытались разобраться в этом, вы бы убедились, что в самом низу всегда лежит основание.

— И где мы можем достать эту энергию?

— А что, кардинал Орелли готовился к богослужению?

— Думаю, что он пошел в туалет.

— Не беда. Вы попросите его зайти к нам, когда он закончит, не правда ли?

— Герр Корнелиус, — прошептала Митци, — вы должны все нам объяснить. Вы не должны создавать новые загадки. Наступило время откровения. Вы должны признать, что у вас нет выбора.

— Откровение. — Джерри глубоко вздохнул. — Ты все-таки произнесла это. Доставь сюда кардинала Орелли так быстро, как сможешь. Я очень устал. Время быстро ускользает.

— Кажется, я слышу, как он поднялся на лестничную площадку. — Пастор Бисли открыл дверь: — А, кардинал. Вы не загляните к нам на минутку, будьте так любезны.

Кардинал Орелли улыбнулся Джерри.

— Как вы поживаете, сын мой?

— А как вы себя чувствуете, кардинал? — спросил Джерри.

— Очень хорошо.

— Славно.

Джерри открыл крышку ящика и сдвинул пластинку, закрепленную в нижнем левом углу. Она была около десяти сантиметров шириной, пятнадцати сантиметров длиной и почти двадцати сантиметров глубиной и имела прокладку из эластичного материала.

— Не сложите ли вы свои руки вместе, кардинал? Ладонь к ладони.

Кардинал улыбнулся и принял позу молящегося человека.

— Замечательно. Теперь поместите свои руки вот в этот зазор. Не волнуйтесь, это не причинит вам боли.

Кардинал взглянул на пастора, который кивнул.

Губы Митци раскрылись, глаза сияли.

Кардинал углубил руки в зазор до запястий, ящик слегка загудел, безжизненное тело кардинала брякнулось на пол.

— Он снова подзаряжен, — пастор Бисли склонился над прибором, — слава Богу!

— К сожалению, это ненадолго, — сказал Джерри.

Он повернул круглую ручку и схватил металлический брусок, расположенный в центре.

Сильный импульс прошел сквозь Джерри, и он почувствовал легкую слабость, но ударил Бисли ногой в пах так сильно, что тот упал назад, прямо на руки Митци, после чего Джерри схватил ящик и бросился к двери.

Двое, оставшиеся позади, визгливо кричали вслед Джерри, пока он мчался вниз по лестнице, остановился на мгновение в холле, чтобы схватить свой вибропистолет, и выскочил наружу, в пасмурный день.

Несмотря ни на что, Джерри очень быстро расходовал энергию. Уже менее уверенно он спустился по ступеням, мимо ворот, прошел по размеченной крикетной площадке, при этом его ботинки увязали в саже, а вслед за ним шли пастор Бисли и Митци, которые задержались только для того, чтобы достать свои «ремингтоны».

Посередине крикетного поля Джерри упал, и ящик вылетел из его рук. Джерри чуть не задохнулся в саже.

Он попытался подняться, но снова рухнул, перевернулся на спину, чтобы достать вибропистолет, но Митци и пастор Бисли уже стояли над ним, целясь ружьями прямо в его сердце.

— Теперь нам предстоит попробовать устроить то, что мы хорошо знаем, потому что теперь мы умеем управлять вашей машиной.

С извиняющимся видом пастор Бисли нажал на спусковой крючок.

Раздался хлопок и шелестящий шум, и пуля выпала из ствола. Митци в свою очередь нажала на курок — произошло то же самое. Пуля из ружья Митци упала на одежду Джерри.

Он почувствовал, что несильный удар пришелся на его правое яичко.

Вдруг Митци подняла голову, так как послышался лай собак. Пастор Бисли проследил за взглядом Митци.

Показались сани, которые тянули приблизительно двенадцать собак, включая двух сенбернаров, борзую и трех русских гончих. На санях сидел высокий человек, одетый в белую шубу и белую меховую шапку. Он был вооружен стальным луком и колчаном, стрелы в котором имели металлические наконечники.

Сани двигались по саже прямо на застывшую троицу. Подъехав почти вплотную к ней, человек остановил сани, притормозив собак, и они сразу опустились на землю, тяжело дыша.

Человек заправил стрелу и натянул тетиву.

— Я удивляюсь, что вы не поможете мистеру Корнелиусу встать, — сказал человек, одетый в белые меха.

Пастор и Митци отступили назад, Джерри встал, очищая сажу с костюма.

Вновь прибывший качнул своим луком:

— Вот что мне хотелось бы узнать, пастор, — я готов допустить, что вы пастор, — что вы имели в виду совершить, делая вашу проклятую работу с солнцем и вашим растаким планетарием? — спросил высокий мужчина.

— Я пытаюсь сделать все, чтобы дела шли так, как надо, — угрюмо сказал пастор, — а по профессии я журналист. — Пастор изучал оружие пришедшего, пытаясь, по всей вероятности, решить, не уступает ли лук в эффективности «ремингтону».

— Лук имеет большую энергию выстрела, хотя и на близком расстоянии, чем обычная винтовка, — произнес высокий.

— Насколько большую энергию? — спросила Митци.

— Совсем чуть-чуть.

Митци закусила нижнюю губу.

Джерри опустился на колени перед ящиком и начал волочить его по серой грязи по направлению к саням. Ему потребовалось время, чтобы положить ящик туда.

— Надеюсь, что я не перегружаю вас, — сказал Джерри пришельцу.

— У меня есть кое-какой запас. У меня хорошие собаки.

— Подозреваю, что у вас нет...

— Вы хотели бы прямо сейчас?

— Думаю, что так было бы лучше.

— Посмотрите под волчьей шкурой, которая находится ближе всего к вам.

Джерри откинул волчью шкуру и увидел там маленькую копию одного из его сплетений. Джерри включил его и начал погружение. Он спрятал там свою голову.

— Ну вот, теперь лучше, — сказал Джерри через некоторое время.

— Это все, что я смог сделать, — сказал человек в белых мехах.

Джерри выпрямился.

Солнце снова двинулось по небосводу.

2. Я ТАК РАД

Сани заскользили прочь через крикетное поле.

Позади, тяжело опустившись в сажу, сидели Митци и пастор Бисли.

Митци подняла свою юбку и, казалось, внимательно изучала внутреннюю поверхность своих бедер.

Ее отец разворачивал пакетик сладость «Милки уэй».

— Вы выглядите очень бодрым, — сказал Джерри своему спутнику, пока тот погонял собак.

— Бодрее, чем когда-либо, — сани побежали быстрее. — Я использовал возможность отвести часть энергии на себя, пока этот тип пытался сделать то, что он безуспешно пытался.

— Так вот, оказывается, в чем дело. А я никак не мог понять...

— Все получилось, как нельзя лучше, с этим вы не можете не согласиться.

— Ладно, давайте не будем повторяться.

— Куда теперь?

— Думаю, в Оксфорд.

— Согласен. Думаю, это было достаточно предусмотрительно, не так ли, оставить эту парочку там, где они сейчас?

— О, я думаю, что они больше не доставят нам беспо-

койства. Бедные существа, если нам повезет, они вряд ли переживут преобразование.

— Точно.

Полозья скрипели по саже, и оба человека на санях некоторое время ехали молча, пока не достигли пригородов Лондона и пепел сменился на асфальт дороги М40.

Собак распрягли, и они легли, тяжело дыша.

Капитан Бруннер откинул верх саней и показал на перекресток, где стояла гостиница под названием «Веселый англичанин». Рядом с гостиницей был виден гараж.

— Вон там я оставил машину, — сказал он.

Волоча за собой сани, Бруннер и Джерри направились к «Веселому англичанину». За ними следовали собаки.

Джерри проверил свои часы. Они превосходно шли. Он успокоился, хотя было еще много неясностей. Пока в голове Джерри не оформилась мысль о том, какие именно побочные эффекты возникли в результате усилий Бисли.

Контрреволюция — это, в конце концов, контрреволюция.

Джерри и Бруннер перенесли свое снаряжение в большой «дюзенберг» и сложили его на заднем сиденье. Капитан Бруннер сел на место водителя и включил двигатель. Джерри устроился рядом и захлопнул дверь.

Собаки начали выть.

— Привязчивые твари, — сказал капитан Бруннер, — но я боюсь, что с этим уже ничего нельзя поделать.

Бруннер развернул машину на М40 и направил ее в Оксфорд.

— Очень хорошо, что вам удалось случайно выбраться из Лондона, — сказал Джерри, когда вечернее солнце тронуло красные листья вязов, росших вдоль дороги.

— Особенно в это время года, — согласился Бруннер.

— Все американцы убрались восвояси?

— Я думаю, что да. Беспорядочные действия Бисли, конечно, мешали. К тому же поднималась общая паника, как только слышался звук приближающихся самолетов. Бисли мешал и тогда, когда наши дела начали складываться благоприятно.

Капитан включил проигрыватель, и послышалась музыка и пение Джона, Джорджа, Пола и Ринга, исполнявших «Она покидает дом».

Джерри расслабился.

3. Я ЖИВУ НЕ СЕГОДНЯ

Капитан Бруннер скинул свои меха и вытянулся во весь рост на желтых шелковых простынях в подземном убежище в Оксфорде.

— Здесь все осталось почти таким же, как ты помнишь, Джерри. Изменений немного, не так ли?

— Некоторые обстоятельства не меняются. По крайней мере, меняются не очень часто, — Джерри налил два бокала «перно». — Надеюсь, что тебе все еще нравится это вино.

Капитан Бруннер протянул руку, которая светилась от избытка энергии.

— Ты можешь биться об заклад на свою жизнь. Спасибо. — Он отпил из бокала. — Конечно, я не особенно испытываю жажду, но было бы приятно попробовать, что это такое.

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

— Могу я последний раз посмотреть на Кэтрин, Джерри? Ты не против?

Джерри почувствовал укол ревности.

— Конечно же нет.

Они вдвоем прошли по коридору и спустились вниз, в морг, открыли ячейку, где лежала Кэтрин, и склонились над ее прекрасным лицом.

— Так же прекрасна, как всегда, — пробормотал капитан Бруннер, — так много времени утекло.

Джерри слегка тронул его плечо.

— Я хочу... — капитан Бруннер отвернулся. — Похоже, что мне не следовало бы вообще приходить сюда. Вероятно, это было не очень умно...

Капитан Бруннер стремительно вышел из морга, предоставив Джерри задвинуть ячейку с Кэтрин на прежнее место и закрыть дверь.

Когда Джерри вернулся в комнату, капитан Бруннер

уже снял все свои одежды и сидел на краю кровати, рассматривая консоль и постукивая пальцами по колену.

— Мы могли бы побыстрее кончить с этим, прямо сейчас? — спросил он.

Джерри поднял коробку с машиной и поставил ее между собой и Бруннером. Он оттянул назад защелку на крышке и красным носовым платком аккуратно вытер ее. После этого он посмотрел прямо в покрасневшие глаза капитана Бруннера.

— Будь здоров. Спасибо тебе за все.

— Будь здоров, Джерри.

Бруннер сложил ладони вместе и быстро сунул их в образовавшуюся щель в машине. Губы Бруннера раздвинулись в гримасе, обнажая стиснутые зубы, его тело начало оседать, выражение лица стало безжизненным, волосы потеряли блеск. Бруннер дышал все медленнее и медленнее, пока его дыхание не прервалось совсем, но его руки все еще оставались в щели, пока его тело не сморщилось и кожа не приобрела желтый цвет, и вскоре перед машиной Джерри лежало не что иное, как скелет.

Джерри поднял труп одной рукой и понес в морг, положив его в пустой ящик, наиболее удаленный от ячейки Кэтрин. После этого Джерри вернулся и внимательно осмотрел свою машину.

Бруннер обладал огромным запасом энергии, и поэтому машина теперь была заряжена на всю катушку, но и в этом случае полной энергии машины было недостаточно для того, чтобы вернуть Кэтрин к жизни более чем на несколько минут. Для этого должно было выделиться гораздо больше энергии, с последующим ее каналированием, для того, чтобы подарить Кэтрин несколько дней, которые так хотел предоставить ей Джерри.

Это потребовало бы очень большого запаса энергии с последующим ее выделением, а это неизбежно влечет за собой ускорение временного цикла (или того, что от него осталось).

Только те личности, которые твердо определились, переживут такое превращение.

Подготавливая машину, Джерри почувствовал себя очень одиноким. Но затем он забыл о своем одиночестве в предвкушении того, что он ожидал.

Он принес Кэтрин и положил ее на кровать. Потом подвинул скамейку и прочно прикрепил к ней ящик с машиной. Затем протянул тонкую трубку от машины к горлу Кэтрин и прикрепил ее конец с помощью хирургического зажима.

Джерри внимательно проверил все свои инструменты.

После этого включил машину.

ПРОВЕРКА ДЫХАНИЯ

Напоминаем вам, что это — Брисбен, в южной части штата Квинсленд. В Мельбурне, который расположен на 1200 миль южнее, бывает очень переменчивая погода, и там могут случаться морозные дни даже в середине лета.

Совершенно потрясающее место. Нереальное.

Но на расстоянии 1200 миль на север, сразу за тропиком Козерога, лежит город Пернс — пляжи, пальмы, Большой барьерный риф, доступные кокосовые орехи, тропический рай, будущая туристическая Мекка Тихого океана.

Давайте снова вернемся в Квинсленд, который более чем в 2,5 раза больше, чем Техас. Как вам это нравится? А население его составляет от силы 2 миллиона человек — как вам нравится это? В стороне от городов можно гнать свою машину многие-многие мили, не встречая ни одной живой души.

Проблемы смога? А что это такое?

Расовые проблемы? Какие еще расовые проблемы?

Демографический взрыв? Господи Боже мой, вы, наверное валяете дурака!

Джек Водхэмс, письмо в бюллетень SFWA.

1. НЕЗНАКОМЕЦ НА ОБЩЕЙ ДОРОГЕ

Джерри увеличил мощность и удостоверился, что все размеры могут быть фазированы в нужный момент времени, и синхронизировался с моментом выступления Джимми Хендрикса. Хендрикс начал петь очень громким голосом «Третий камень от Солнца».

Все это было частью ритуала; все это было частью заклинаний, предшествующих смене декораций.

И в придачу это был очень напряженный момент.

Повернув голову, чтобы посмотреть на Кэтрин, Джерри установил указатель на автоматический режим работы.

Окружающие предметы начали гудеть.

Он быстро увеличил скорость изменения энтропии до максимума, подготовив себя к последующей диссипации, рассеиванию.

У него начала кружиться голова, когда он придал пространству вихревое движение. Несмотря на всю мощь защиты в его лаборатории, Джерри с удивлением подумал о том, что он до сих пор невредим.

Джерри моргнул и вдруг увидел петлю провода, который вел к горлу Кэтрин, а также то, что Кэтрин дрожит.

Он настроил стабилизатор личности и замкнул систему координат. Теперь он увидел, что повсюду клубится золотистый туман, а его машина стала очень горячей.

Когда все пришло в окончательное состояние, Джерри опрокинулся навзничь, упал на кровать, пролетел сквозь нее и продолжал падать дальше вниз.

Он владел собой настолько, насколько мог сделать это. Степень рассеяния особого значения не имела до тех пор, пока ему удавалось сохранять все в правильном порядке. Он начал полет сквозь пространство, потом сквозь многовариантность, навстречу звукам мелодии «Битлс», певших песню «День жизни», пульсируя в такт с космическим ритмом. Пространство за пространством; измерение за измерением; они развертывались все вместе, а дополнительная энергия высвобождалась путем взрыва, и втекала в прибор Джерри и в тело Кэтрин.

Все быстрее и быстрее летели элементарные частицы, и Джерри продолжал полет сквозь вселенную.

Будучи защищенным относительно быстро разлетающихся газов, он видел очертания других человеческих существ и точно знал, что некоторые из пациентов преобразования стараются сопротивляться преобразованию пространства.

Джерри залюбовался им и понаблюдал, как беспорядок

многократно повторялся сквозь пространство. Это было очень приятное путешествие.

Наконец была получена максимальная диффузия, и все стало немного нереальным. Джерри почувствовал ответственность приближающегося момента перед тем, как щелкнуть выключатель, — Джимми Хендрикс начал исполнение «А ты приобрел опытность?», — и вся материя во вселенной снова приобрела очертания предметов.

Вскоре Джерри сможет узнать, стоил ли эксперимент риска.

2. МАЛЕНЬКАЯ СИМПАТИЧНАЯ ШХУНА

Джерри глубоко вздохнул, открыл глаза и увидел движущиеся пружины — он лежал под кроватью.

Он выкатился из-под кровати и увидел, как на скамейке дымится его машина. Было похоже, что ее контуры расплавились. Джерри включил телевизионный монитор и посмотрел, что делается на поверхности.

Башни собора казались белыми на фоне белого неба. Падал снег. И это было единственным, что можно было предположить.В другое время года Оксфорд казался гораздо менее привлекательным, каким и был на самом деле.

Вздохнув, Джерри бросил взгляд на кровать. Кэтрин приняла неудобную позу во время сна, ее ладони с длинными пальцами обхватили горло.

Он содрал хирургический зажим и отбросил в сторону провод.

— Кэтрин! — позвал он.

Она поморщилась и облизала губы. Наконец она проснулась.

— Джерри? С тобой все в порядке?

— Надеюсь, что да. Недавно мне было немного не по себе, но теперь я чувствую себя превосходно. А как ты?

— Думаю, что я была мертва.

— Строго говоря, ты мертва. Я сумел получить способ, чтобы у тебя появилось несколько дополнительных дней, — может быть, неделя или чуть побольше, — перед тем, как ты окончательно умрешь. Мне пришлось экспериментировать в течение нескольких месяцев.

— Это очень мило с твоей стороны, Джерри.

— Кстати, Фрэнк умер. Он не будет нам мешать.

— О, как хорошо. Я беспокоилась на этот счет.

Она поднялась. Кэтрин и Джерри были очень похожи друг на друга.

— Ты почему-то сильно побледнел, Джерри.

— Думаю, что это к лучшему.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

Молодые звезды.

Каждый год две или три новые звезды рождаются в пределах Млечного пути. Оказывается, они конденсируются из плотных частиц космической пыли. Знание того, как именно это происходит, помогло бы выяснить гораздо больше о том, как галактики — и все пространство в целом — были образованы.

«Научный журнал», июль 1968 г.

1. ШИФР ДЛЯ СИСТЕМЫ ОБОНЯНИЯ

Если не считать возникающей время от времени тенденции воображать, что он слышит различные виды звуковых сигналов, вместе с голосами Карин фон Крупп, пастора и Митци Бисли, Фрэнка, у Джерри почти не чувствовалось болезненных эффектов.

Правда, был еще какой-то намек на его застарелую частичную забывчивость, но, к счастью, ничего более, и это обнадеживало.

Он и Кэтрин брели рука об руку по Голланд Парку.

Наступил их последний совместный день.

Джерри был одет в зеленый шелковый костюм, красную шелковую рубашку, на нем были красные ботинки.

Одежда Кэтрин, на которой была длинная юбка, гармонировала с нарядом Джерри.

Голланд Парк был покрыт снегом. Длинные, похожие на расплавленное стекло белые сосульки висели повсюду на колоннах фонтана, на пруду лежал толстый слой льда. Тропические вечнозеленые растения укрывали от морозов павлинов и цесарок, тогда как голуби, воробьи, малиновки и черные дрозды разлетались в поисках пищи.

День был мирным, тихим.

Кэтрин заметила, что над крикетным полем возвышаются две новые статуи.

— Я не видела их раньше, — сказала она.

Пока она вела Джерри через крикетное поле, они оставляли позади себя следы.

Они приблизились к статуям. Митци и пастор Бисли были превращены в чистейший серый мрамор.

— Кто они, Джерри. Здесь нет табличек.

— У меня где-то было записано. Они являются двумя людьми, которым удалось достичь того, чего они втайне желали. Теперь им незачем оглядываться назад. Они выглядят довольно неизменными, не так ли?

— Действительно. Это выглядит так естественно.

Джерри пробежал рукой по мраморному брюшку пастора и погладил его мраморный батончик шоколада «Марс». Поддавшись чувствам, Джерри потрогал холодный лоб Митци.

— Это именно то, чего они больше всего хотели.

Не очень далеко Джерри и Кэтрин видели резкие очертания Голландского дома. Видимость была очень хорошей; небо было чистое, голубое, а деревья — совершенно лишены листвы и отбрасывали черные тени на белую землю.

Кэтрин и Джерри тронулись в обратный путь, продвигаясь мимо деревянных скамеек, занесенных снегом, через оранжерею, и дальше, по крытой аллее. По дороге они остановились, чтобы посмотреть на часовенку, которая стояла среди дымовых труб и шпилей дома.

— Мне очень жарко, — сказала Кэтрин.

— Ты действительно очень горячая, — согласился Джерри.

Она легла прямо на снежный покров земли, и Джерри медленно снял с нее одежду, потом занялся своей. Они любили друг друга в течение длительного времени, пока снег не начал таять в радиусе нескольких ярдов во всех направлениях, а трава под ними не стала снова молодой и ярко-зеленой.

Солнце опустилось, и Кэтрин снова умерла.

Дрожа всем телом, Джерри поднялся. Он посмотрел вниз на свою возлюбленную с чувством привязанности, но без со-

жаления. Он оделся, свернул одежды Кэтрин и положил их рядом с ней.

После этого Джерри ушел от Кэтрин, оставив ее лежать в парке, окруженную снегом.

Все происшедшее стоило затраченных усилий. Он чувствовал себя новым человеком.

Однако предстояло еще выполнить работу. Джерри должен найти подвергшихся преобразованию, основать новую организацию, вернуться к активным действиям.

Теперь надо было учитывать и скорое появление ребенка. Он чувствовал, как ребенок уже шевелится.

Джерри покинул парк. Он стоял около ворот и смотрел в даль огромной равнины, покрытой льдом, где он смог увидеть свои сани. Он пошел по направлению к ним, его дыхание облачком вырывалось на морозном воздухе.

Когда Джерри приблизился, собаки вскочили на ноги. Джерри расставил их так, как они привыкли тащить сани в упряжке, слегка потрепал голову лидера, Большого Дейна, и толкнул сани так, что их полозья освободились ото льда и они заскользили легким ходом прочь, постепенно набирая скорость.

Джерри прыгнул в сани, щелкнул кнутом и улыбнулся солнцу, когда ветер засвистел в ушах. Собаки выгнулись в своих постромках.

— Вперед! — воскликнул Джерри.

АНГЛИЙСКИЙ УБИЙЦА

РОМАН-ЭНТРОПИЯ*

Посвящается Артуру и Максу Муркокам

Посвящается памяти Перегрина Ворсторна, Малькома Магериджа, Денниса Хупера, Ширли Темпл, Джорджа Стайнера, Энгус Мод, Роберта Конквеста, Бернарда Брадеуна, Спиро Эгнью, Кристиана Барнарда, Корнила Уилсона, Нормана С. Джона Стивса, Колин Уилсон, лорда Лонгфорда, Рэна Брауна, Джона Уэйни, Джерри Рубина, Криса Букера, Роберта Хайнлайна, Сэма Рекинпаха, Мирослава Мока, Кингсли Эмис, сэра Артура Брайнта, Ричарда Невилла, а также всем людям с чистой совестью и жизнерадостным англичанам, где бы они ни жили

«Английский убийца»— третий роман, входящий в трилогию о Джерри Корнелиусе и той эпохе, в которой он жил. Две предыдущие книги — «Финальная программа» и «Средство от рака». Название четвертой книги — «Условия Музака».

Цитаты из газет, используемые в этом романе, могли бы стать причиной дополнительных страданий для родителей и родственников погибших людей, поэтому в некоторых случаях я изменил имена. Кроме этого, ничего не было изменено.

Майкл Муркок

---

* Энтропия в теории информации — мера неопределенности ситуации (случайная величина) с конечным или четным числом исходов, например опыт, до проведения которого результат в точности не известен. Пер.

ПРОЛОГ *(НАЧАЛО)*

В детстве я жил в графстве Суррей, спокойном местечке недалеко от Лондона. По крайней мере в этом веке жизнь там оживилась только раз. Это случилось во время второй мировой войны, когда с ясного неба вдруг начали падать бомбы, а в воздухе начали взрываться «мессершмитты». Ночные пожары, гул самолетов, грохот зенитной артиллерии и шрапнели, бомбежка, разрушение зданий являются самыми счастливыми воспоминаниями моего детства. Разрушенная улица и завод, заборы повсюду — вот образы, которые действуют успокоительно на мою психику. Я был очень счастлив тогда; весь мир был охвачен войной, а мои родители заняты выяснением отношений между собой — они то ссорились, то мирились и в конце концов все-таки расстались. Война закончилась, семья распалась, меня, насколько помню, это совершенно не расстроило. Но сейчас мне стоит больших усилий вспомнить то, что я чувствовал тогда. Я вспоминаю снившиеся мне по ночам кошмары, приступы ярости, рыдания, травмы, постоянно меняющиеся школы и осознаю, что после войны я был счастлив, только когда оставался один и мог создавать в своем воображении разнообразные фантазии или, читая книгу, сопереживать фантазиям других. Я был счастлив, но, как я полагаю, серьезно болен, у меня была не одна, а несколько болезней, и от них я страшно растолстел. Бедный ребенок.

...Я считаю, что многие люди, как и я, чувствуют ностальгию по детству и были бы счастливы воссоздать наводящие ужас подробности собственного детства. Но это невозможно. Самое лучшее, что им удалось придумать, — найти равноценную замену тем эмоциям.

Морис Лескок. «Прощание». 1961

ВЫСТРЕЛ ПЕРВЫЙ

НАРКОМАН НАЙДЕН МЕРТВЫМ СО ШПРИЦЕМ В РУКЕ

Молодой наркоман, проживающий в северной части Кенсингтона, предпринявший попытку бросить наркотики, стал жертвой этой пагубной привычки — к такому выводу пришел следователь в Вестмистере. Энтони Уильям Лерой (известный также как Энтони Грей) умер в больнице Святого Чарльза рано утром 29 августа после двух уколов героина. Лерой был владельцем небольшого магазина женской одежды... Профессор Дональд Тир, патологоанатом, сказал, что на правой руке Лероя были следы от двух недавно сделанных уколов. Причиной смерти явилось то, что он задохнулся рвотными массами в состоянии наркотического опьянения.

«Кенингтон пост», сентябрь 26, 1969

УЗЕЛОК

Если из города Буды поехать на юг, то вы попадете в маленькую причудливую гавань рядом с городком Боскасл. Сам городок с домами из серого камня и шиферными крышами находится под прикрытием гор. А от него рукой подать до родины короля Артура, города Тинтаджела, и до знаменитых развалин его остроконечного средневекового замка. Хотя кое-кто на западе и оспаривает утверждение жителей Корнуэлла, что, мол, только они являются единственными владельцами подлинной древней крепости рыцарей Круглого стола, но корнуэлльцы все-таки придерживаются этой точки зрения. Они также настаивают на том, что земля здесь пропитана кровью, пролитой волшебным мечом Эскалибура, и поэтому, несмотря на то, что в замке и его окрестностях никто не живет, трава там изумрудно-зеленая круглый год, как будто ее непрерывно питают родниковые воды. А имя Камелота сохранилось в слегка измененном названии города Камелфорд, стоящего на берегу реки Камел. От этого места до Камелфорда всего полдня езды рысцой на лошади.

«Путеводитель по Корнуэллу»

Не так давно, скорее всего зимой 1975 года, в Тинтаджелской бухте, которая находится к северу от Корнуэлла, произошли следующие события.

Небольшая по размеру, отгороженная от всего мира высокими голыми горами Тинтаджелская бухта вот уже два столетия является объектом восхищения поэтов-романтиков и художников. Развалины замка находятся в основном между горами, но кое-что сохранилось и на западном склоне гор, которые узким мысом выступают прямо в море, и остатки замка, разрушаясь, падают прямо в море, которое уносит их с собой.

Летом Тинтаджел привлекает огромное количество туристов, в другое время года он практически пуст, только

жители из деревеньки неподалеку иногда забредают сюда. Однажды пасмурным декабрьским утром двое местных жителей прогуливались в этих местах. Это были мясник и вышедший на пенсию аптекарь, которые родились и всю жизнь прожили здесь. Устав, они, как обычно, решили передохнуть и присели на деревянную скамейку, построенную специально для таких людей, как они, то есть для тех, кто хотел бы полюбоваться видом на залив со всеми удобствами.

В тот день вид был особенно хорош. Поверхность воды была гладкая, ленивая и черная. Серая пена и темно-зеленые водоросли медленно плыли по ее поверхности. Море напоминало плохо вытертую школьную доску, на которой какой-то идиот в порыве вдохновения нацарапал уравнения, а затем попытался стереть их. Воздух был холодный, влажный и солоноватый на вкус. С небольшого клочка пляжа, находившегося под ними, исходил неприятный запах гниющих водорослей. Создавалось впечатление, что все здесь — и замок, и горы, и море, и пляж — стремительно разваливаются и разлагаются.

Оба, мясник и аптекарь, были немолоды, у обоих были седые волосы и бороды, но мясник был высокого роста и держался прямо, а аптекарь был маленький и сгорбленный. Ветер что было мочи трепал их волосы, а они сидели, съежившись от холода, и потирали уставшие ноги и руки. Кожа на лицах у них была потрескавшаяся, обветренная, вся в морщинах. И по цвету, и по состоянию она ненамного отличалась от кожаных курток, в которые они были одеты, чтобы не замерзнуть. Они поболтали минут десять и уже собрались было продолжить прогулку, когда высокий мясник, сощурив глаза, указал на промежуток между горами, через который море входило в залив.

— Как ты думаешь, что это?— спросил он. У него был неприятный агрессивный голос, и, не зная его как следует, можно было неправильно истолковать сказанное им.

Аптекарь нахмурился, достал из кармана куртки очки, надел их и стал пристально вглядываться в воду. Большой предмет цилиндрической формы плавал в бухте. Вместе с приливом он медленно плыл к берегу. Это могли быть останки акулы, покрытые гниющими водорослями, или клубок мертвых угрей, а может, просто клубок водорослей.

— Это может быть все, что угодно,— сказал аптекарь.

Они стояли и наблюдали, как предмет медленно подплыл ближе.

Волной его выбросило на берег. По форме он напоминал цилиндр. Для затонувшего судна он был слишком мал. Казалось, что налипшие на него водоросли совсем сгнили.

— Выглядит чертовски непривлекательно, что бы это ни было,— сказал аптекарь.— Муниципальный совет должен принять меры и привести пляж в порядок.

Но пляж и сам не хотел принимать этот предмет. Набежавшая волна унесла его с собой. Предмет закачался в двадцати ярдах от берега. Море хотело избавиться от него, но никак не могло придумать, куда бы его пристроить, и в то же время не хотело его проглатывать.

Аптекарь, по натуре человек болезненно впечатлительный, даже предположил, что это труп человека, что было вполне вероятно, судя по размеру.

— Что? Ты думаешь, это утопленник?— улыбнулся мясник. Аптекарь понял, что его предположение слишком уж невероятное.

— А может, мертвый тюлень?— сказал он.— Ты ведь тоже не можешь определить, что это такое. Я никогда ничего подобного не видел. А ты?

У высокого мясника не было ни малейшего желания продолжать этот разговор. Он встал. Потер рукой бороду.

— Надеюсь, завтра его здесь уже не будет.— Ветер дул все сильнее.— Пойдем?

Аптекарь еще раз взглянул на предмет и кивнул. Они медленно побрели в сторону деревни, в которой жили всего несколько человек.

Вскоре после того, как они скрылись из виду, начался отлив. Море шипело, шептало, вздыхало. По мере того как оно отступало, на западном склоне горы открылся вход в пещеру. Море подтолкнуло предмет к пещере, с силой затолкнуло его в нее, и, недовольно булькая, пещера приняла его. Море отступило, оставляя после себя пляж, покрытый водорослями, зловонный соленый запах и остатки пены у входа в пещеру. Ветер подул еще сильнее, жалобно завывая и всхлипывая на развалинах замка, как собака, воющая на

могиле своего хозяина. Он то поглаживал траву, то обнюхивал кустарник. Но вскоре и он ушел вслед за морем.

Теперь, когда море отступило окончательно, стало видно, как сильно загажена эта мрачная пещера: ржавые банки, деревянные обломки, отшлифованные морем кусочки стекла, пластмассовые бутылки, туловище от детской куклы, десятка два огромных размеров мертвых крабов — все это было принесено сюда морем. На приличном расстоянии от входа, на выступе противоположной от входа стены лежал выброшенный морем предмет.

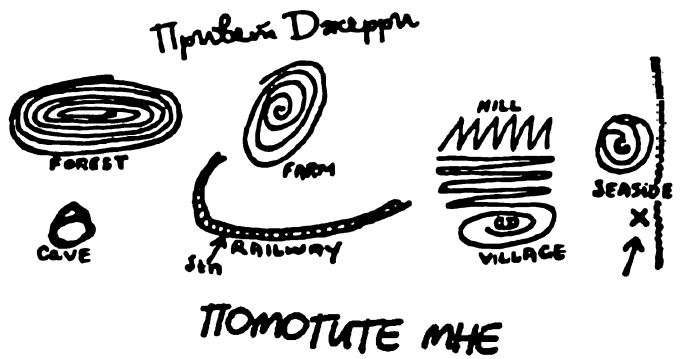
В пещеру влетела чайка, немного посидела на этом предмете, а затем принялась клевать мясо мертвых крабов.

Когда погода прояснилась, в бухте появилась громоздкая моторная лодка. Мотор был прикреплен к корме слишком высоко, при движении он порой даже не касался воды, из-за чего лодка двигалась рывками. Лодка обогнула Тинтаджелский мыс и направилась к небольшому пляжу, через который можно было подойти к пещере. Лодкой управляла девушка. Она была одета в костюм из желтого непромокаемого материала, такого же цвета шляпу с широкими полями и брюки из белого синтетического материала, заправленные в красные резиновые сапоги. Из-под полей шляпы ее лица не было видно. Она крепко держала в правой руке руль, направляя лодку к берегу. Мотор кашлял, скрипел, фыркал. Наконец лодка заскрежетала по песку и мотор заглох. Девушка вылезла из лодки и с трудом выволокла ее на берег. Она принюхалась, затем сняла висевшие у нее на боку большой фонарик голубого цвета, старомодный противогаз и моток белой нейлоновой веревки. Она принюхалась снова, чтобы еще раз в чем-то удостовериться, запах, казалось, ее вполне устраивал. Девушка повесила через плечо моток веревки и устало потащилась в сторону пещеры. Она постояла немного у входа, зажгла фонарик и нерешительно вошла. Свет от фонарика отражался от ее светлой одежды. Под ногами затрещали раздавленные останки мертвых крабов; фонарик осветил мрачные стены и лакомившихся мертвичиной чаек. Издавая пронзительные крики и нервно махая крыльями, они, пролетев над ее головой, вылетели из пещеры. Она не сразу заметила грязный предмет, выброшенный морем. От него пахло не то морем, не то мочой. Девушка положила фонарик в карман, сняла шляпу, надела противогаз,

немного ослабила завязки и снова надела шляпу. В противогазе ее дыхание стало громким и свистящим. Закрепив моток веревки на плече, она снова вытащила фонарик и осмотрела предмет. Он был черно-зеленого цвета и снова принял ту же цилиндрическую форму. В его поверхность глубоко врезались маленькие серые камешки, желтые песчинки, несколько морских звезд, морские коньки и креветки, изрядное количество мидий и моллюсков, какие-то обломки, напоминающие по форме кораллы. Трудно было определить, что представляли собой места черного и зеленого цветов, возможно, что-то органическое, а может, этот предмет был просто куском земли, которая уже начала затвердевать. Казалось, что этот ком катался по дну океана и на него налипли всевозможные органические вещества, которые на поверхности моря практически не встречаются.

Девушка наклонилась и поставила фонарь между двумя большими камнями, так, чтобы свет от него падал на выступ. Затем подошла к стене, умело и быстро вскарабкалась на выступ и встала рядом с предметом, широко расставив ноги, чтобы сохранить равновесие. Затем она надела резиновые перчатки. Придерживаясь левой рукой за гранитную стену, она наклонилась и ощупала предмет правой рукой. Наконец она нашла то, что искала, и с хлюпающим звуком вытащила что-то из клубка водорослей.

Это был прозрачный полиэтиленовый пакет, с которого стекали зеленые водоросли. Она постаралась как можно чище вытереть пакет о свою ногу, затем поднесла его к свету, чтобы прочитать то, что там было написано. Внутри пакета был всего лишь один листок белой бумаги, на котором чер-

ными чернилами были нарисованы непонятные палочки и закорючки*.

Похоже, это было как раз то, что она искала. Она засунула пакет во внутренний карман, сняла моток веревки с плеча, тщательно обвязала ею скользкий предмет. С огромным трудом ей удалось, прижавшись спиной к стене, пододвинуть предмет к краю выступа. Закрепив оставшийся конец веревки на правой руке, она опустила предмет на веревке на дно пещеры. Отвязала веревку от руки и бросила ее вниз, а затем уже спустилась сама. Девушка немного передохнула, забрала стоявший между камнями фонарик, выключила его и убрала. Теперь в пещеру падал только слабый свет от входа. Она подняла веревку, перебросила концы через оба плеча и намотала на обе руки. С огромным напряжением она поволокла предмет за собой через весь пляж к лодке, давя им все, что попадалось на пути. Тяжело дыша в противогазе, она из последних сил забросила предмет в лодку и, навалившись всем телом на лодку сзади, стала толкать ее. Лодка медленно соскользнула в море. Стоя по колено в воде, она разворачивала лодку до тех пор, пока та не повернула носом в море, затем осторожно влезла в нее и вновь заняла свое место у руля, опустила гребной винт в воду и дернула за шнур.

После нескольких неудачных попыток мотор завелся и винт закрутился. Лодка двинулась на глубину, в ту сторону, откуда приплыла. Она по-прежнему двигалась рывками, поэтому девушка в широкополой шляпе, противогазе и костюме из непромокаемого материала при движении высоко подскакивала на своем месте. Наконец она исчезла из виду, повернув за Тинтаджелский мыс, и направилась в открытое море.

Как будто получив приказ смыть следы всего того, что произошло в бухте, небо разразилось дождем.

МАЙОР НАЙ

— В другом веке к этому будет совсем иное отношение.

Непонятно, что он имел в виду, говоря это и окидывая взглядом лабораторию; он посмотрел на маленькое окно, за-

* На рис. написано: лес, пещера, деревья, дорога, горы, берег моря.

тем на скамейки, сделанные из пластика, на ящик с пробирками, бутыли с образцами и аквариум, который занимал целую стену.

— Вы так думаете, генерал?— Голос молодого биолога, японца, звучал скептически. Он поднес бутылку с морской водой к круглому окну, из которого открывался вид на Атлантический океан.

— Н-да...— майор Най засунул руку в карман довольно поношенной спортивной куртки и вытащил сломанный деревянный спичечный коробок. Он держал его кончиками пальцев обеих рук, как будто боялся, что коробок рассыплется окончательно. В нем не было спичек. Этикетка когда-то была сине-бело-коричневой, на ней были изображены трое темнокожих мужчин в голубых набедренных повязках и красных кепках, они сталкивали китайскую лодку в море. Правый край этикетки был немного оторван, но фирменный знак можно было разобрать: он изображал бриллиант, на котором было написано «Уимкоу». В левом верхнем углу коробка была надпись «Рыбак». В центре внизу — «Безопасные спички. Сделано в Индии». На обратной стороне коробка было написано: «Спички изготовлены в Индии Бомбейской компанией. Вместимость — 45 штук».

На вид майору Наю около семидесяти. Он был немного выше среднего роста, с седыми щетинистыми усами и умными глазами выцветшего голубого цвета. Вены на руках и запястьях сильно вздуты и такого же фиолетового цвета, как и чернильные пятна на пальцах. К нагрудному карману была приколота эмблема его полка, такая же выцветшая и потертая, как и куртка. Он осторожно положил коробок обратно в карман. Откашлялся и подошел к железному столу зеленого цвета, поставленному специально для него в дальнем углу комнаты. Стол был пуст. Он открыл ящик и достал пустую консервную банку. Затем скрутил себе сигарету.

— Я согласился сделать это только потому, что моя дочь очень попросила меня.— Он, казалось, пытался объяснить свое замешательство и как бы извинялся за него. Не так давно он любил Индию и был верен своей присяге на верность империи. Теперь для любви у него остались только дети, а верности требовала от него жена. Это было все, что осталось у него после возвращения из Индии.

Закуривая сигарету, он держал руку так, как будто загораживался от несуществующего ветра. Он глубоко затянулся и, сам того не замечая, стал напевать какую-то мелодию, так он обычно реагировал на такие маленькие радости, как курение.

Из окна маленькой квадратной комнаты майор Най видел горы и серое ревущее море. Море было для него загадкой. Корнуэлл чужд ему, он наводил на него тоску. Майор не понимал кельтов. Почему им так нравилось зарываться в землю, ведь в этом не было никакой необходимости. Иначе для чего они понастроили пещеры? Он также заметил, что им ничего не стоило перейти от разрушения к бродяжничеству. Правой рукой он пригладил свои редеющие седые волосы, затем рука спустилась к седым бровям и разгладила их, наконец дело дошло и до седых усов. Обеими руками он потуже затянул узел форменного галстука и поправил воротничок рубашки, которая когда-то была белой в красно-голубую полоску, а сейчас выгорела до такой степени, что полоски были едва различимы. Из левого рукава высовывался носовой платок цвета хаки. Сигарета торчала в углу рта, но он практически не обращал на нее внимания.

В комнату вошел один из сотрудников лаборатории с длинными черными волосами до плеч. Он наклонился, поднял ящик с пробирками, угрюмо кивнул японцу и англичанину и вышел. Майор Най встал и подошел к стоявшей у окна каталке, на которой неподвижно лежал привязанный к ней убийца. На запястьях и лодыжках у него были металлические защелки.

— Как чувствуешь себя, старина?— Голос его звучал хрипло, в нем чувствовалось замешательство. Он откашлялся, видимо, ему хотелось, чтобы голос звучал более непринужденно.

Джерри Корнелиус зарычал. Из горла вырвался пронзительный крик, он забился на каталке, на него жалко было смотреть.

— И-и-и-и-и-и! И-и-и-и-и-и!

Майор Най нахмурился.

— Чертовски жаль его. Бедный парень.— Он посмотрел на японца, который, услышав крик, подошел и встал рядом с ним.— Он здесь давно?

Биолог пожал плечами и почесал правой рукой за левым ухом.

— Около года. Повредился рассудком. Что касается физического состояния, оно в полном порядке. Здоров как бык.

Майор Най подергал себя за огромный в красных прожилках нос, а потом потер его кончиком безымянного пальца.

— Бедняга. Он ведь еще молодой, да?

— Трудно сказать. У него странная физиология, без соответствующих приборов невозможно определить его возраст. Если бы нас предупредили заранее, что его привезут, тогда можно было бы попросить прислать нам из Лондона кое-какие приборы. Он свалился на нас, как снег на голову. Его подбросили, как подбрасывают младенцев, просто оставили его у порога.

Внезапно резкая боль пронзила все тело майора, это дала о себе знать язва. Майор резко выпрямился и сжал челюсти, пересиливая боль.

— Очень жаль,— сказал он. Вытащил сигарету изо рта и бросил ее на пол.— Наверное, у них было мало времени. Это как в песне поется: «Долли, я должен тебя покинуть», а затем: «Топ, топ, топ — мальчик уходит».

— Понятно. Я и не жалуюсь на вашу организацию. Просто объясняю, почему мы не смогли сделать ничего, кроме нескольких анализов.

— Естественно. Вы и так сделали все, что смогли. У него отличный вид.— Майор взглянул на часы. Ему показалось, что они опять отстают.— Все сделано по высшему разряду,— пробормотал он рассеянно.— Кстати, я у них не работаю. И не имею к ним никакого отношения. Он один из друзей моей дочери... Ну, мы, пожалуй, отправимся, пока не стемнело. Отсюда до Суссекса чертовски далеко.

— Вы возьмете большой грузовик?

— Нет, маленький, старый. Если вы не возражаете.

— Да, конечно. Берите его.

— Чудесно. Отлично. Тогда мы поехали?

Джерри Корнелиус вовсе не был в бессознательном состоянии. Глаза его горели, потрескавшиеся губы скривились, пальцы скрючились и были похожи на клешни, от не-

го все еще воняло гнилью и дегтем. Даже после того, как его отмыли (в основном при помощи метилового спирта и льняного масла), он продолжал молчать, уставившись на них взглядом сумасшедшего.

Майор Най и биолог выкатили каталку из лаборатории на незаасфальтированную дорожку, которая переходила в бетонированную. Рядом с горой стояла старая военная двухтонка марки «бедфорд» 1947 выпуска с матерчатым верхом цвета хаки. Майор Най отвязал верх, влез в кузов и открыл борт. Он вытащил из кузова две доски и поставил их под наклоном, чтобы можно было вкатить каталку с Корнелиусом в кузов. Вкатив каталку, они поставили ее как можно ближе к кабине и закрепили цепями. Майор повернул ключ в замке и положил ключ в карман. Выпрямился и пошел к выходу. По дороге он наступил ногой на ржавый гаечный ключ, лежавший на дне кузова. Ключ отскочил и со звоном упал на каталку. Майор вздрогнул. Спрыгнул на землю, забросил доски в грузовик, закрыл борт и зашнуровал верх. На прощание он пожал руку японцу, подошел к кабине и сел на продавленное сиденье. Он скрутил себе еще одну сигарету и только после этого взглянул на приборы. Ему не сразу удалось завести машину, и, включив передачу, он наконец тронулся по ухабистой грязной дороге в сторону шоссе, которое вело сначала к магистрали А30, а потом сворачивало на магистраль М5.

Небо, по-прежнему, было холодным, но из белого стало темно-серым. Шел холодный дождь. Майор Най свернул с узкой дороги и направился между пустыми мокрыми полями на север.

Он поежился. Не отнимая руку от руля, застегнул поношенную куртку.

Грузовик грохотал и завывал. При каждом переключении скорости он ревел еще громче. Весь этот шум заглушал истошные крики, время от времени раздававшиеся в кузове, а запах дыма от мотора заглушал вонь из кузова.

Почти стемнело, когда он добрался до А30. Он остановился на повороте, ожидая, когда можно будет повернуть, и скрутил себе еще одну сигарету. Дождь с огромной силой обрушивался на шоссе. На «бедфорде» был всего один стекло-

очиститель, и он лихорадочно работал. Тронувшись, майор Най запел, чтобы не заснуть. Он пел «Протяни свою руку» («Несносный мальчишка»), «Старик датчанин», «Я люблю девушку», «Путь далек до Типперери», «Заканчивай со всеми проблемами», «В армии сегодня все в порядке», «Берти Берлингтон из Бау», «Если бы между нами стояли дома», «Мы так и расстанемся, Билл?», «Пчела и жимолость», «Ты — сливки в моем кофе», «Долли Грей», «По дороге в Менделей», «Рио-Рита», «Единственная роза Максима», «Ты стала похожа на лунный свет», «Как повезло девушке, полюбившей моряка», «Я голубой?», «Былые времена», «Белое рождество», «Джазовая песня», «Моя маленькая деревянная хибарка», «Мы здесь, потому что мы здесь», «Корнуэллький танец цветов», «Свадьба Мэгги», «Бал у Била-флейтиста», «Мой старик», «Мама», «Итонская лодочная песня», «Вчера» (часть), «Еще более светлый оттенок бледного цвета» (часть), «Что делать с пьяным моряком?», «Умирающий летчик», «Когда эта чертова война закончится», «Сынок», «Сэлли», «Может быть потому, что я лондонец», «Я родом из Глазго», «Молли Мелоун», «Земля моих предков», «Под арками», «Беги, кролик, беги», «Роза», «Я встречу тебя», «Путешествие на крыле и молитва», «Такой прекрасный уикэнд», «Сентябрьская песня», «Человек, который сорвал банк в Монте-Карло», «Человек-бубен», «Врач»,— он пел до тех пор, пока не добрался до Дома Айронмастера в Суссексе, допел последние такты песни «Кто-нибудь видел Келли?» и остановил грузовик у ручья.

УНА ПЕРССОН

— Цивилизация достигла своего расцвета к 1808, и с тех пор происходит спад — в основном из-за саксонской расы, многие из них разделяют мою точку зрения... За Бетховена!

Принц Лобкович поднял пивную кружку, поднес ее к губам, склонился над ней благородной головой и проглотил литр Билского пива. Его слова заглушили первые такты «Пасторали», которую исполнял оркестр Берлинской филар-

монии под управлением Евгения Йохума, звук шел из колонок, стоявших по обеим сторонам от эркера. Вытирая пену с усов, он подошел к витиевато украшенному камину викторианской эпохи, на котором стояла дека фирмы «Герард» последней модели и усилители фирмы «Сони». Он сделал звук немного потише и добавил:

— Открой окно. Здесь воняет дезинфекцией.— Первая часть музыкального произведения закончилась, началась вторая.

Его любовница Ева Книч эффектно поднялась со стула, обитого материалом в красно-белую полоску и с позолоченной спинкой, и большими шагами пересекла огромную, обставленную в стиле восемнадцатого века комнату, которая была забита наполовину распакованными чемоданами; в комнате также стоял рояль из светлого орехового дерева, инкрустированный цветами, по всей комнате были разбросаны чехлы, которыми в их отсутствие была закрыта мебель, на полу также валялось множество других вещей. Подойдя к окну, в которое были вставлены стекла с бриллиантовой гранью, она уже хотела было отодвинуть задвижку и открыть его, но остановилась. Огромных размеров «Цеппелин» заслонил собой весь вид; он пролетал низко над развалинами северо-западной части города, а потом взял курс на восток. Она улыбнулась и неторопливо открыла окно с двойной рамой. Отдаленный звук моторов «Цеппелина» достиг ее ушей. Она глубоко вздохнула, как бы вдыхая этот звук, а не вонь с могил на Кенигштрассе. Затем оглянулась и вопросительно посмотрела на Принца, тот неопределенно махнул рукой.

— Полагаю, что да. Хотя еще не знаю, какой предпочесть — этот или ДДТ. Настало время что-то сделать для Берлина.

Послышался слабый вибрирующий звук и глухой удар вдалеке. Это «Цеппелин» начал сбрасывать первые в этот вечер бомбы. Принц зажег сигару «Корона Ямайки» и, раскуривая ее, пламенем спички чуть не обжег себе большой палец. Началась третья часть музыкального произведения «Веселое сборище крестьян».

— Твою мать,— выругался он, а затем спросил:— Ты не знаешь, как будет по-немецки твою мать?

— Я до этого еще не дошла.— Она хотела было взять словарь, стоявший на полке в нише.

— Да, ладно. Не надо. Этого и не нужно знать. Какой смысл оживлять уже мертвый язык? Кому сейчас нужна эта «национальная индивидуальность»? Политики занялись более серьезными проблемами.

— Ты сам завел этот разговор.— Ева разгладила юбку на коленях.— Газеты снова начали выходить на английском.

— Язык всегда лежит в основе всех конфликтов.— Он закашлялся и положил окурок от сигары в кастрюлю, которую он использовал в качестве пепельницы.— Ты все еще хочешь пойти в музей восковых фигур?

— Было бы неплохо.

— Я в этом и не сомневался.— Он рассмеялся, потом нахмурился и отвернулся от проигрывателя.

Дом, большая часть которого не была разрушена, был отреставрирован в 1950 году, в нем было чрезмерное количество мебели. Своим великолепием он напоминал Версаль, правда позолота стерлась, зеркала с отбитыми краями были засижены мухами, стены и потолок были окрашены в терракотовый цвет.

В огромную двухстворчатую дубовую дверь негромко постучали.

— Войдите,— сказал Лобкович. Двери отворились и маленький черно-белый кот с торчащим трубой хвостом вошел в комнату. Он остановился посередине персидского ковра, сел и посмотрел на них.

Вслед за ним вошла красивая девушка в военной шинели черного цвета и лакированных кожаных сапогах с золотыми пряжками (от Эллиотса). Ее темные волосы были подстрижены сравнительно коротко. На лице в форме сердечка было довольное, но сдержанное выражение. В правой руке у нее был револьвер «смит-и-вессон» 45 калибра, а левую она все еще держала на ручке двери, осматривая комнату.

Ева Кнеч сердито нахмурилась.

— Боковой нападающий Себастьяна Очинека,— пробормотала она тихо,— Уна Перссон. Ну и актриса!

Волосы Евы были того же цвета, что и у Уны, но рядом с Уной ее неброская красота поблекла. Ева была одета в костюм желто-коричневого цвета, на ногах у нее были туфли

на шпильке, но в тот момент она предпочла бы быть одетой иначе. Она прошипела:

— Посмотрите на нее, достойная маленькая героиня революции!

Принц Лобкович не обратил ни малейшего внимания на слова своей любовницы. Одну руку он прижал к груди и, протянув вторую вперед, с достоинством направился к двери. На нем был черный сюртук и брюки в едва заметную полоску. На лацкане пиджака приколот значок Легиона Свободы, на ногах — сапоги для верховой езды. Он забыл отцепить серебряную шпору с правого сапога. На лице была самодовольная усмешка (хотя сам он считал, что это было выражение дружелюбного достоинства), которая портила красивые черты его лица.

Он произнес что-то шутливое, но усмешка превратила его слова в льстивый вздор. Затем он представился вновь прибывшей девушке:

— Принц Лобкович.

— Уна Перссон,— ответила она презрительно.— Очинек сказал, что вы возьмете доставку на себя.

— Я думал, вы приедете только завтра,— он неуверенно оглянулся.— Только завтра.— Усмешка сползла с его лица.

— Я сэкономила время, проехав через Чехословакию.— Уна Перссон положила револьвер во внутренний карман.

Она повернулась, щелкнула пальцами. Тяжело ступая, вошли четыре грязных славянина, на плечах они несли гроб из сосновых досок. На гробу было написано печатными буквами VAKUUM REINIGER (ENGLISCH-PRODUKT). Славяне поставили его на пол и быстро вышли. Из кармана шинели Уна Перссон вытащила какой-то документ и синюю шариковую ручку.

— Подпишите, пожалуйста, оба экземпляра,— сказала она. Лобкович положил документ на крышку рояля и подписал, не читая.

— А как поживает Очинек?

— Очень хорошо. Открыть крышку?

— Можно.

Она вытащила револьвер и, прицелившись, метко выстрелила по болтам, которыми крышка была прикреплена к гробу. Одна из пуль чуть было не угодила в Еву Кнеч. Дулом револьвера она отодвинула крышку и откинула одеяло,

их взору предстал уставившийся на них неподвижным взглядом Джерри Корнелиус, от которого все еще исходил запах гнили. Лобкович отпрянул от гроба, подошел к деке и поставил квинтет для кларнета Моцарта.

— Боже мой!— воскликнула Ева Кнеч удивленно.— Что это с ним?

Уна Перссон пожала плечами.

— Одна из форм гидрофилии, полагаю. Эта болезнь часто встречается у котов, симптомы похожи на воспаление кишок.

— У меня траур по эпохе паровых двигателей,— сказал Лобкович, подходя к ним с коробком спичек «Восходящее солнце», изготовленных компанией «Вестерн Индия Лимитед».

— Странный диагноз,— Ева Кнеч наклонилась, чтобы получше рассмотреть лежащее в гробу существо.— Где его нашли?

— На берегу, в северной части Корнуэлла, но до того, как его нашли там, его уже видели в других местах. Они считают, что он появился где-то в районе Бенгальской бухты. Я должна забрать у вас пять ящиков с М16?

— Да, да, конечно.— Лобкович указал на ящики, лежавшие под роялем.— Оружие в них. Мне дать вам кого-нибудь в помощь или?..

— Большое спасибо.

Лобкович дернул за потертый бархатный шнур колокольчика, висевшего у камина.

— Это старый особняк, построенный еще во времена Бисмарка,— сказал он ей.

— Я так и поняла.— Уна Перссон зажгла длинную сигарету «Шерман» коричневого цвета при помощи старой медной зажигалки «Данхилл».— Перед отъездом я бы хотела вымыть волосы.

Ева Кнеч быстро вышла из комнаты.

— Я посмотрю, есть ли вода.

Четверо бывших военнопленных, наголо бритые, но с бородами, в грязных синих хлопчатобумажных костюмах вошли в комнату и стали носить ящики с М16 в бронированный грузовик, принадлежавший Уне Перссон. Зазвонил телефон, сделанный из позолоченной бронзы в стиле ампир. Лобкович не поднял трубку.

— Не обращайте внимания. Это что-то на линии.

— Ну, я все-таки послушаю...— Уна Перссон подняла трубку.— Алло!

Не услышав ответа, она положила трубку.

— Какой-то треск и ничего больше.

— Что я и говорил.— Звеня шпорой, Принц Лобкович быстрыми шагами подошел к ней.— Мой бог, как бы я хотел...

Она приложила свою маленькую руку к его груди и поцеловала его.

В дверях стояла Ева Кнеч, одной рукой она придерживала кардиган на плечах.

— Боюсь, что сегодня воды уже не будет.

Уна Перссон сделала шаг назад и сказала с серьезным видом:

— Тогда мне пора ехать.

Лобкович закашлялся. Он посмотрел вниз и только тогда заметил, что шпора у него была только на одном сапоге. Он наклонился, чтобы отстегнуть ее.

— Может, побудете еще немного...— Он взглянул на Еву и добавил быстро:— Ну, что ж, всего хорошего, дорогая.

— Пока,— сказала Уна Перссон и решительно вышла из комнаты.

Ева Кнеч пристально смотрела, как Лобкович выпрямился, держа шпору в руке.

— Моцарт!— сказала она.— Мне следовало бы...

— Не будь дурой, дорогая.— Лобкович положил шпору на перламутровый столик, инкрустированный мозаикой.

— «Дурой»!— Она вытащила 9-миллиметревый автомат из старинного буфета эпохи Иакова I, очередь прошила ему бедро. Он сжал зубы, как бы протестуя против шума, а не боли, на пиджаке и брюках расплылись темные пятна. Он схватился за бок.

Остаток обоймы она выпустила ему в лицо. Он упал.

Замертво.

Уна Перссон, услышав выстрелы, вернулась. Она прицелилась и выстрелила, пуля попала прямо в ревнивое сердце, и Ева упала ничком. Мертвая.

Убийца Евы Кнеч вытащила из кармана шинели берет и надела его, глядя на свое отражение в зеркале, висящее над камином. Она постояла минуту, глядя на гроб и трупы. За-

тем засунула револьвер в карман. Чуть приоткрыла рот, затем закрыла его. Сняла с проигрывателя Моцарта и, порывшись в кипе пластинок, нашла Бранденбургский концерт Баха. Поставила пластинку, заглянула в гроб и подошла к двери, постояла немного в нерешительности, а затем быстро вышла. Дальнейшее исполнение концерта было не лучшего качества, так как его заглушали истошные крики, раздававшиеся из гроба.

Внизу послышался шум отъезжающего по мощеной булыжником аварийной дороге грузовика.

Голос звучал все унылее и наконец замолк, наступила ночь. Время от времени отблески от взрывов на востоке освещали комнату. Позже темноту ненадолго нарушил лунный свет, а тишину потревожил звук «Цеппелина», возвращавшегося в ангар. В конце концов не осталось никаких звуков, кроме потрескивания в колонках.

Проснулась полосатая кошка, забытая Уной, и подошла к Лобковичу. Она полизала свернувшуюся кровь на его лице и с отвращением отошла. Затем тщательно вылизала себя, сидя рядом с трупом Евы, потом прыгнула в гроб и свернулась клубочком на груди Джерри, не обращая внимания на безумные, широко открытые глаза, которые продолжали с мучительным выражением пристально смотреть в потолок терракотового цвета. Глаза медленно наполнились слезами.

СЕБАСТЬЯН ОЧИНЕК

Руки с длинными тонкими пальцами медленно опустились, открывая чувственное еврейское лицо. Большие чувственные губы задвигались, он заговорил с мягким акцентом.

— Может, тебе следовало бы привезти его обратно, Уна?— Это был худой, высокий, интеллигентный на вид молодой человек. Он сел на походный стул, прислонившись спиной к стене сухой известняковой пещеры. Он был одет в обычную партизанскую форму, которая обвисала на его худом теле, как мокрый флаг.

В пещере стояло много ящиков, горела масляная лампа, от света которой падали темные тени. На одном из ящиков

лежала наполовину съеденная головка Стилтонского сыра, почти полная бутылка минеральной воды и несколько военных карт Восточной Германии и Польши в кожаных переплетах.

Она расстегнула верхнюю пуговицу черного пальто.

— Это было бы воровством, Себастьян.

— Ты права. Но сейчас такое время, когда все вмешиваются в чужие дела.

— Но мы же договорились, что нам от них ничего не нужно.

— Правильно.— Он закусил верхнюю губу, его большие веки медленно опустились.

Она сказала с вызовом:

— M16 почти совсем новые. Для них есть много патронов. Он сдержал слово. Многие из новых немцев очень надежны в этом отношении. Но меня расстроила ее жестокость.— Она закурила еще одну сигарету, взяв спичку из коробка, который лежал в ящике, стоявшем недалеко от нее.— У меня все еще такое чувство, как будто я что-то забыла,— она полезла в карман и, вытащив револьвер, стала рассматривать его со всех сторон.— Мне больше ничего не оставалось.

— Ты права.

— Я уверена, что если бы помедлила хотя бы минуту, то возможно и не сделала бы этого. Но многие люди понапрасну тратят время на обдумывание, а когда они начинают действовать, бывает слишком поздно. Я не хотела никому причинять вреда.

Себастьян Очинек пошел к выходу и откинул маскировочную сетку. Моросил мелкий дождь, и этот звук был похож на звук, который бывает, когда ветер колышет занавески. Сквозь дождь Очинек пытался разглядеть небольшую македонскую деревеньку, расположенную внизу на гористой равнине. Появилось стадо коз. Они направлялись в сторону гор и, беспокойно блея, вскоре исчезли из виду. С гор текли потоки воды, вода слегка пахла бензином. Было довольно тепло.

— Себастьян.

Он хотел было выйти из пещеры, так как ненавидел любые проявления сентиментальности, напоминавшие церемонию возвращения домой, но, услышав ее голос, обернулся.

Она опустилась на колени у стула, на ней была рубашка золотистого цвета с широкими рукавами, длинный черный жилет и черные брюки. Ее пальто лежало неподалеку, аккуратно свернутое.

Вздохнув, он вернулся, сел на старое место, широко расставив тонкие ноги. Она расстегнула ширинку у него на брюках. Он крепко сжал зубы, несколько раз погладил ее по голове, прежде чем откинуться. Закрыл глаза. Она с серьезным выражением, как будто думая о чем-то другом, более приятном, взяла в рот его член и добросовестно начала выполнять противную, но необходимую работу.

Очинек не мог понять, почему она это делает, может, считает, что ему это нравится. Она делала это регулярно последние несколько месяцев, сначала он притворялся, что ему это нравится, а теперь не мог решиться сказать ей правду. Когда все было кончено, она посмотрела на него, улыбнулась, вытерла губы, быстро застегнула молнию у него на брюках. В ответ он натянуто и смущенно улыбнулся, закашлялся. Она предложила ему сигарету, но он отказался и молча указал рукой на бутылку, стоявшую на перевернутом ящике. Она не заметила его жест, так как в это время закуривала сигарету, а потом, затягиваясь, задумчиво уставилась на свою тень, колеблющуюся в свете лампы.

— Может, мне вернуться и забрать Корнелиуса? Он нам может понадобиться, если дела пойдут хуже. Но, с другой стороны, когда я доберусь туда, он, скорее всего, будет уже мертв. Но ведь все произошло не по моей вине. К тому же, насколько я знаю, там уже должны быть казаки. Ты хотел сигарету?

На его бледном лице появилось выражение недоумения, и усталым жестом он нервно указал на бутылку еще раз.

— Нет,— сказал он.— Воды.

МИССИС К. И ПОЛКОВНИК П.

— Ну, что ж,— сказала толстая женщина, поправляя обеими руками необъемных размеров грудь,— кажется, все в порядке.— Когда она говорила, ее толстый тройной подбо-

родок дрожал. Круглая голова с рыжими волосами склонилась в одну сторону. Маленькие глазки сузились, а рот с толстыми губами приоткрылся.— Бедняга. Что это с ним сделали?

— Мы не знаем, миссис Корнелиус.— Полковник Пьят отошел от гроба, который стоял на том же месте, где Уна Перссон оставила его. Двух остальных нигде не было видно, а маленькая полосатая кошечка все еще была здесь.— Теперь, когда мы точно определили, кто он такой...— Он снял белые лайковые перчатки. Они идеально подходили к хорошо сшитой, отделанной золотом форме, к ботинкам из лайки и франтоватой фуражке.— ...мы попытаемся выяснить. Мы один раз чуть было не встретились с ним в Афганистане. Но мой поезд, как это часто случается, опоздал.

— Мне помнится, он всегда был немного слабоват здоровьем,— сказала миссис Корнелиус задумчиво.

Полковник Пьят подошел к роялю, на котором были аккуратно расставлены бокалы, а также стояла бутылка водки.— Могу я предложить вам выпить, мадам?

— А куда делись все эти воздушные шары? Я слышала...

— «Цеппелины» улетели из города. Они принадлежали немцам, которых мы вчера разбили наголову.

— Налейте мне выпить. Вам кто-нибудь говорил, что вы похожи на Рональда Колмана?

— Но мне бы больше хотелось быть похожим на Джесси Джеймса.— Полковник Пьят улыбнулся и указал на проигрыватель, стоящий на камине. Из колонок звучала песня Боба Дилона. Полковник налил унцию Петербургской водки в бокал из богемского стекла на длинной ножке и подал его миссис Корнелиус, столько же он налил и себе. Она мгновенно выпила его до дна.

— Да,— сказала она довольно и со стуком поставила бокал на камин.— Потрясающе! Да! Ха! Ха!

Полковник Пьят с заинтересованным видом посмотрел на костяшки своих белых пальцев, затем выпрямился и медленно выпил содержимое своего бокала.

Миссис К. провела грязным пальцем по вороту своего дешевого ситцевого платья красного цвета.

— Не слишком ли это крепко для вас?

— Вы так считаете?— Пьят приложил палец к губам и с умным видом поднял брови.— Пожалуй.

— Никогда бы не подумала. Вы же не из этих чертовых немцев?

— Нет, а что?

Она немного отвернулась и ногтем большого пальца стала ковыряться в зубах, из-за этого трудно было разобрать, что она говорит:

— Он выздоровеет, полковник?

— Только врачи могут сказать наверняка, мадам.

— Понятно. Его брат Фрэнк всегда относился ко мне лучше, чем он, я сделала все, что было в моих силах, но...

— Мы живем в беспокойное время, миссис Корнелиус.

Миссис Корнелиус посмотрела на него с притворной серьезностью, слегка улыбнулась уголками ярко-красного рта. Затем открыла рот. Рыгнула. Рассмеялась.

— Вы не шутите — ха, ха, ха, — давайте еще...

— Что вы сказали?

— Ничего. Все в порядке. Я себе налью еще, ладно?— Она переваливающейся походкой подошла к роялю. Издавая довольные звуки, она вылила почти все, что оставалось в бутылке, в бокал с длинной ножкой. Повернулась, подошла к полковнику, подняла бокал и с вожделением выпила его почти до дна.— Ваше здоровье!— Ей стало жарко от выпитого, и капли пота выступили на ее довольном лице. Она бочком подошла к полковнику Пьяту и слегка подтолкнула его локтем в бок.— Неплохо.— Она опять рыгнула.— Раз — и половины нет. Хи-хи-хи!

Полковник щелкнул каблуками и отдал честь.

— Я благодарю вас...

Из гроба раздался пронзительный крик. Они оба повернули головы в его сторону.

— О, Боже!— воскликнула миссис К.

Полковник П. подошел к гробу и осторожно заглянул внутрь:

— Интересно, они его хоть кормили?

— Он всегда ел мало.— Миссис Корнелиус встала рядом с полковником, ее грудь то вздымалась, то опускалась. Она уставилась на сына с умильным выражением на лице.— Я никогда не могла понять, чем он питается, где берет энергию. Он был настоящим маленьким чертенком, так ведь, Джер?

Голова качалась из стороны в сторону. От вони, исходившей от него, просто тошнило. Он опять пронзительно закричал. Его тонкие руки были все в ссадинах и синяках, ногти обломаны, веревки, которыми он был привязан, стерли ему запястья до крови. Он то открывал, то закрывал рот, то открывал, то закрывал; были видны только белки глаз.

Миссис К. с решительным видом отвернулась от своего сына, как бы слегка осуждая его, и допила водку. Прежде чем поставить бокал на буфет эпохи Иакова I, она внимательно посмотрела на полковника. Повела массивными плечами и потерла левый глаз указательным пальцем левой руки, затем подбадривающе усмехнулась и сказала:— Ну и...

Полковник Пьят склонил голову.

— Мои люди проводят вас до Лондона.

— А,— сказала она.— Так вы хотите...

— В чем дело, мадам?

— Я собиралась осмотреть достопримечательности, раз уж я сюда приехала,— подмигнула она.

— Я отдам распоряжение своим людям показать вам город. Хотя достопримечательностей почти не осталось.

— О-о! Столько солдат, и все мне одной? О-о!

— Еще раз благодарю вас за помощь, миссис Корнелиус. Мы приведем вашего сына в норму. Не беспокойтесь.

— В норму! Что ж, это было бы неплохо!— Все ее тело затряслось от смеха.— Я надеюсь, вам удастся сделать это, полковник. Ха-ха-ха!

Она, переваливаясь, вышла из комнаты со словами:

— Я уверена, вы это сделаете!

Бокал из богемского стекла свалился с буфета на персидский ковер, но не разбился.

Из гроба послышались печальные звуки. Грусть наполнила полковника Пьята. Он поднял упавший бокал и поставил на рояль. Затем вылил себе остатки водки из бутылки.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

ВОСПОМИНАНИЕ (А)

Прекрасная любовь.
Прекрасная любовь.

Теренс Грин, девяти лет, и Мартин Харпер, восьми лет, умерли вчера вечером во время купания от того, что задохнулись дымом, исходившим от нагревателя воды. Это произошло на Истагон-роуд в Норвиче.

«Санди тайм», апрель 5, 1970

По крайней мере 90 вьетнамских женщин и детей, содержавшихся за колючей проволокой в камбоджийском* городе Пресот, были убиты выстрелами из пулеметов и винтовок во время атаки камбоджийских войск в этом районе.
Обстоятельства убийств выясняются.

«Таймс», апрель 11, 1970

Вчера в Луневилле француженка 37 лет, мать троих детей, напала на них с ножом, одного из них убила, а затем покончила жизнь самоубийством, сообщила полиция. Мадам Мария-Мадлен Амет ранила четырнадцатилетнюю Джоан и одиннадцатилетнего Филиппа, которым удалось убежать от нее, а девятилетнюю Кэтрин зарезала насмерть.

«Гардиан», апрель 14, 1970

* См. прим. на стр. 7.

— Досадно, в самом деле,— сказал майор Най, стоя на крыше разграбленной аптеки рядом с Джерри Корнелиусом и наблюдая, как варвары переходят через раскачивающиеся остатки того, что еще недавно было мостом Тауэр-Бридж. Начало светать, и это определенно положительно сказалось на общем впечатлении, которое производила толпа людей, разодетых в грязный шелк, атлас и бархат. Одни взгромоздились на лошадей, другие ехали на мотоциклах, велосипедах, но большинство устало тащилось пешком по мосту с узлами на плечах. Кое у кого в руках были двенадцатиструнные гитары фирмы «Гибсон», «Ямаха», «Фрамус», «Мартин» и даже «Хофнерс», и они наигрывали что-то примитивное.— Стыдно за них. Но кто может их винить за это?

Джерри натянул новые перчатки.

— У вас с ними больше общего, чем у меня, майор.

Майор Най сочувственно взглянул на него.

— Но вы ведь одиноки, мистер Корнелиус?

Жалость к самому себе захлестнула Корнелиуса. В его глазах заблестели слезы.

— Да, черт побери.

Майор знал, чем его можно пронять.

Когда часть толпы достигла южного берега, раскачиваемый тысячами мокасин и замшевых сапог мост медленно рухнул в грязную Темзу. Огромные камни сорвались с башен, стоявших по обеим сторонам моста. Камни, куски асфальта падали и раскалывались, так же легко, как кусочки сахара, раскусываемые щипчиками. Псевдоготическое сооружение из гранита целиком обрушилось вниз. В воздухе развевались чьи-то длинные волосы, падали младенцы, вывалившиеся из рук, сыпались гитары, узлы, бусы, меха; в воздухе кружились, медленно падая, чьи-то кружева. Варвары, пролетев по воздуху, стремительно падали в реку, и она их поглощала. Какое-то время еще было слышно, как чей-то магнитофон играет «Ты не всегда можешь получить то, что хочешь» в исполнении «Роллинг Стоунз», но затем и он смолк.

Патруль подразделения «Пантера» прибыл слишком поздно и, как бы салютуя умирающим, опустил свои 280 EM1S. Они выстроились вдоль северного берега и наблюдали, как тонут дети.

«Пантерами» руководил высокий аристократ в великолепно сшитом костюме, борода в форме эспаньолки и усы у него были аккуратно подстрижены, волосы коротко выстрижены на затылке, в руке он держал «веллингтон XP-100». Этот пистолет был ему нужен, скорее всего, для того, чтобы произвести нужное впечатление, чем для практических целей. Он стоял, сложив руки на груди, дуло пистолета покоилось на сгибе левой руки. «Пантеры», одетые в хорошо сшитую форму, вопросительно посмотрели на своего командира. Несомненно, основное в жизни «Пантер», в отличие от варваров, было — жить красиво и со вкусом. Именно поэтому они враждебнее всех относились к варварам. Война между ними была войной двух стилей жизни, и «Пантеры» под предводительством американских главарей всегда и во всем одерживали верх.

«Пантеры», находившиеся на северном берегу, приняли наконец решение. Облокотясь о перила, они встали спиной к реке и, опустив головы, стояли и слушали крики умирающих, которые становились все тише и тише, и в конце концов наступила полная тишина. Они сели в «мерседесы» и «бентли» и укатили.

На противоположном берегу, не решаясь уйти сразу, ломая руки, стояли несколько человек, а затем и они присоединились к уходящим с остатками награбленного варварами добра.

— А может,— сказал майор, указывая в сторону исчезнувших из виду военных,— вы отождествляете себя с ними?

Джерри пожал плечами.

— Ну, с ними, может, немного больше, хотя нет... нет, нужно признаться, что не осталось никого, с кем я чувствовал бы себя на равных. Не могу сказать, чтобы мне это очень нравилось. Хотя в этом, возможно, есть и моя вина.

— А может, вы просто потеряли цель, ради которой вы живете, мистер Корнелиус?

— Я просто поразил уже все свои цели, майор Най. Вот в чем дело.— Он достал пистолет, повернул его так, что свет упал на отполированную хромированную поверхность.—

Что может быть печальнее, чем убийца, которому некого больше убивать.

— На вашем месте я бы перестал думать об этом.— Голос майора Ная звучал с еще большим сочувствием.— Я понимаю, что вы имеете в виду. Именно поэтому, я полагаю, мы стоим здесь и наблюдаем. Боюсь, наше солнце уже закатилось.

— Двигайтесь все время вместе с солнцем — и оно никогда не закатится для вас,— сказал Джерри.— Вот как следует к этому относиться. Необходимо найти нужное место и выбрать правильную скорость для движения только вперед.

Майор Най ничего не ответил, только покачал головой.

— И этого никогда, черт побери, не произойдет!— прокричал Джерри.

Каменные глыбы перекрыли реку, и поток воды хлынул на набережную. На поверхность всплыло несколько трупов и еще какая-то грязь.

Джерри вернулся на застекленную крышу и, собираясь войти внутрь, спросил:

— Идете, майор?

— Нет, я побуду здесь еще немного, старина. Не падайте духом, хорошо?

— Спасибо, майор. Желаю вам того же.

Джерри спустился по деревянной лестнице в разрушенную спальню и немного постоял, глядя на обезображенный труп девушки, лежавший на кровати с пологом. Крысы, не обращая на него ни малейшего внимания, продолжали обгрызать труп. Он прицелился в них из пистолета, но потом передумал и положил его обратно в кобуру, не выстрелив. Даже у крыс дни были сочтены.

АПОКАЛИПСИС (ВАРИАНТ 2)

Они неторопливо прибивали его гвоздями к самой нижней рее мачты, натянуто улыбаясь, как бы извиняясь за то, что делают это. Их судно находилось недалеко от Кентского побережья, рядом с Ромми, но оно стояло так, чтобы их не было видно с берега. Волны сильно раскачивали трехмачто-

вую яхту. Море со всей силой набрасывалось на ее белые борта. Они на некоторое время перестали стучать, пережидая, когда море немного утихнет, и почти выжидательно посмотрели на него. Женщин, прибивавших его руки, звали Карен фон Крупп и Митци Бисли. Они были в матросской форме и нарядных морских шапочках. Человек, прибивавший ноги, был его братом, его звали Фрэнк. На Фрэнке были серые фланелевые брюки, белая рубашка с открытым воротом и свитер. Он стоял на коленях, держа молоток обеими руками.

Джерри держался с большим самообладанием.

— Я не имею к вам никаких претензий.

— Зато многие имеют претензии к вам,— сказал епископ Бисли, жуя ириски. Он стоял у мачты, прислонившись к ней спиной.— Надеюсь, вы этого не отрицаете.

— Я ничего не отрицаю. Разве я спорю с вами?

— Нет. Но тогда я не уверен...

— Ну, хоть в этом мы с вами согласны.

Море успокоилось. Епископ Бисли нетерпеливым жестом вытащил плитку шоколада «Марс», которая лежала под стихарем. Все трое продолжали забивать гвозди. Его руки не только были прибиты гвоздями, но и привязаны веревками для того, чтобы тело не сорвалось слишком быстро под собственной тяжестью, так как они хотели, чтобы он умер от удушья, а не от боли или потери крови. Он тяжело дышал. Давление на грудь вдруг резко усилилось. Раздались последние удары топора. Все трое встали и немного отошли в сторону, чтобы осмотреть свою работу. Тучный епископ Бисли облизал губы, втянул носом тяжелый запах, исходивший от моря.

— Мертв,— сказал епископ.— Мертв.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Элан Стюард, четырех лет, проживавший на Бенхилвуд-роуд, который, как полагают, впрыснул себе в рот средство для очищения духовок, умер в больнице.

«Сан», сентябрь 28, 1971

Мальчик в возрасте четырнадцати лет умер вчера после удара ножом в грудь на спортивной площадке в Вендсвортской школе, которая находится в северной части Лондона. Он умер в больнице Королевы Марии, в Роухемптоне, вскоре после ранения. Это произошло утром во время большой перемены в общеобразовательной школе для мальчиков. Вчера вечером другой мальчик, тоже в возрасте четырнадцати лет, был обвинен в убийстве. Он предстанет перед судом для несовершеннолетних в Северном Саутворке сегодня.

«Гардиан», ноябрь 19, 1971

Шерри Уилкинсон, в возрасте шестнадцати лет, дочь грабителя поездов Джека Уилкинсона, умерла вчера ночью в больнице в южной части Лондона, куда ее доставили после того, как она была ранена в автомобильной катастрофе.

«Гардиан», ноябрь 20, 1971

В час пик множество автомобилей пронеслось мимо голой десятилетней девочки, в ужасе убегающей от сексуального маньяка. Но ни один водитель не остановился. Автомобилисты не обратили внимания на неистовые крики о помощи, когда мужчина с силой затаскивал девочку в машину. Позже мужчина изнасиловал, а затем расчленил ее. Тело маленькой Джейн Хенли бы-

ло найдено в выходные дни в поле недалеко от Рочестера, Нью Йорк.

— По меньшей мере сто человек должны были видеть ее,— сказал полицейский.— Очевидно, ее украли, но она выпрыгнула из машины убийцы и умоляла проезжающих автомобилистов помочь ей. Похититель затащил ее в машину снова и уехал.

Газеты и общественные организации назначили награду общей суммой 2500 фунтов стерлингов за любую информацию об убийце. Уже трое водителей признались, что видели трагедию, происходившую на шоссе 400, в десяти милях от того места, куда Джейн ходила за покупками. Один из них сказал:

— Я проехал мимо так быстро, что не успел осознать то, что увидел.

«Сан», ноябрь 22, 1971

ВОСПОМИНАНИЯ (Б)

Спаси нас

От подвала на Телбот-роуд. От дыхания матери и ее слюны. От холодного жареного картофеля. От грязной подержанной одежды. От матрасов в пятнах. От пустых бутылок из-под пива. От запаха мочи. От унылой нищеты.

От транса, вызванного бедностью.

МИССИС К. И ФРЭНК К.

— Ты опять тащишь меня сюда?— сердито выговаривала миссис Корнелиус своему худощавому сыну, в то время как тот вел ее по грязной улице и потом вниз по вонючим ступенькам, ведущим в подвал.— Сам-то ты как поживаешь, хорошо, да? Ты никогда ничего не рассказываешь своей старой матери.

— Ты же сама выбрала это место, мама,— сказал Фрэнк

терпеливо.— Когда мы поселили тебя в той муниципальной квартире, ты же сама не захотела там жить.

— Дело было вовсе не в той чертовой квартире, а в том, что она находилась на высоком этаже. Я же не могу ездить на лифте, меня в нем тошнит. Да еще эти чертовы соседи...

— Ну, ладно. Мы пришли.— Фрэнк взялся обеими руками за ручку двери и с трудом открыл ее — разбухшая от влаги древесина позволила лишь ненамного приоткрыть дверь.— Я куплю тебе батарейки для радио.

Они вошли в вонючую комнату.

— Я бы не прочь выпить.

Фрэнк достал полбутылки джина «Гордон» из кармана кожаного пальто. Она с достоинством взяла ее и поставила на покоробленную поверхность буфета, на котором было полно всякого мусора. На буфете стоял примитивный телевизор, который перестал работать задолго до того, как отключили электричество.

— Я бы налила тебе чашку чая,— сказала она,— но...

— Я оплатил счет за газ. Завтра придут и включат его.

Она с трудом пробралась через разбросанные повсюду газеты, обходя сломанную мебель. Зажгла огарки двух свеч, стоявших на прогнившей сушилке, отодвинула стопку старых, влажных рождественских открыток.

— Как ты думаешь, Фрэнки, у Джерри есть шанс?

— Нужно спросить у специалистов.— Фрэнк пожал плечами и потер руками свое бледное лицо.— Очевидно, это просто истощение. Он переутомился за последнее время.

— Переутомился!— фыркнула миссис Корнелиус с иронией.

— Джерри тоже иногда приходится работать, мама.

— Лентяй и педераст. Вот он кто. А как идут твои дела с продажей антиквариата?

Фрэнк насторожился.

— Так себе.

— Ты, по крайней мере, хоть иногда помогаешь мне. Его я не вижу годами.— Она глубоко вздохнула и опустилась в выгоревшее кресло.— Ох, уж эти чертовы пружины. В этом кресле так же мокро, как на Брайтон-Бич.— Но жалоба была произнесена довольным тоном, слишком долго она отсутствовала в привычной для себя обстановке. Она дотянулась

до бутылки с джином и вытащила пробку. Фрэнк подал ей грязный стакан, стоявший в раковине.

— Мне пора идти,— сказал он.— У тебя есть все, что нужно?

— Ты не мог бы одолжить мне пару фунтов, Фрэнки?

Он достал пачку банкнот разного достоинства из кармана кавалерийских брюк из твида. Немного помедлил, затем вытащил из пачки пятерку. Показал ей банкноту и положил ее на буфет.

— В понедельник тебе придется сходить за пособием. На выходные этого тебе должно хватить. Я некоторое время буду занят и не смогу к тебе приходить.

— Будешь у себя на Голланд Парк со своими знатными приятелями?

— Нет. Меня не будет в городе.

— А кто же будет торговать в магазине?

— Моу. Я поеду в Шотландию, посмотрю, может, там хоть что-нибудь осталось в больших домах. Антиквариата в Англии ни у кого не осталось, даже шестидесятых годов. Мы гоняемся сами за собой. Смешно.— Он улыбнулся, она с пониманием посмотрела на него.— Не беспокойся, мам. Лучше наслаждайся своей выпивкой.

Ее лицо приняло обычное для нее выражение глупого самодовольства.

— Спасибо, Фрэнки.

— Если увидишь Кэт, передавай ей от меня привет.

— Шлюха, вот она кто. Еще хуже, чем Джерри, если хочешь знать. Я слышала, как она развлекается. Связалась с черномазым.

— Я не думаю, что она развлекается.

— И вообще, она мне больше не дочь,— произнесла миссис Корнелиус с достоинством, поднося бутылку к губам.— Я отрекаюсь от нее.

Фрэнк застегнул пуговицы кожаного пальто, поднял каракулевый воротник, пригладил свои набриолиненные волосы и надел замшевые автомобильные перчатки.

— Моу говорила, что может приехать и убраться у тебя. Она может приобрести тебе какую-нибудь мебель получше.

— Да?

— Когда ей прийти?

Она оглянулась вокруг, явно занервничав.

— Попозже,— ответила она.— Я должна обдумать, что оставить из мебели, а что нет. Мы обсудим это в другой раз, ладно?— С довоенных времен она не выбросила еще ни одной вещи.

— Опять может прийти тот парень из муниципалитета.

— Об этом можешь не беспокоиться. Я знаю, как обращаться с этими ребятами из чертового муниципалитета!

— Они могут найти тебе другое жилище.

На ее жирном лице появилось выражение тревоги.

— Может быть, со временем,— простонала она.

Он вышел, со скрипом закрыв за собой дверь. Она прислонила бутылку с джином к подлокотнику грязного вонючего кресла и нежным взглядом окинула комнату. Дом, в котором она жила, был признан непригодным для жилья еще в 1934, капитальный ремонт здания был намечен на 1990, а это значит, скорее всего, что это произойдет в следующем веке. Этот дом переживет ее. Одна из свеч оплыла и отбрасывала странные тени на потолок, покрытый плесенью. В груди и желудке стало тепло от выпитого джина. Она сидела и пристально вглядывалась в дальний угол комнаты, туда, где был камин. На треснувшем камине стояли фотографии. Она пыталась рассмотреть на выгоревших фотографиях лица отцов ее детей. Отца Фрэнки в солдатской форме. Отца Кэтрин в его лучшем костюме. Отца умерших близнецов и трех абортов, того самого, который женился на ней. Не было только фотографии отца Джерри. Его отца она не помнила, но его фамилию носили все ее дети. Выходя замуж, она не поменяла фамилию. Сколько ей было тогда? Шестнадцать? Или еще меньше? Этот парень был, кажется, еврей? Ее глаза медленно закрылись.

Вскоре она уже спала и видела сон, который считался у нее приятным. Она стояла на коленях посреди большого белого ковра. Абсолютно нагая. Из ее поврежденных сосков капала кровь, она совокуплялась с огромным, черным, бесформенным зверем, обхватившим ее лапами сзади. Во сне руки упали ей на колени, и она начала царапать себя. Потом зашевелилась во сне и захрапела так громко, что разбудила себя. Улыбнувшись, допила остатки джина и вскоре опять крепко заснула.

— Обнищание,— сказал Очинек Льонсу, израильскому полковнику,— заметно возросло в Европе в прошлом году. Это само по себе не угрожало бы статусу-кво, если бы группа либерально настроенных политиков не кормила людей только обещаниями, вместо того чтобы предпринять конкретные практические шаги для улучшения их жизни. Естественно, из состояния апатии они перешли к активным действиям. Если бы не их раздражение, мне вряд ли удалось бы что-нибудь сделать.— Он улыбнулся.— По крайней мере половиной успеха я обязан тому, в каких условиях они живут.

— Вы слишком скромны.— Полковник с удовлетворением наблюдал, как его войска объединились с арабами — их союзниками, и начали методично обстреливать Афины, от которых уже мало что осталось.— И кроме того, не явилась ли их культура до некоторой степени причиной краха?

— Я согласен, их культура не могла приспособиться к другим культурам. Должен признать, что западная цивилизация, или, если хотите, европейская, развивалась иначе, чем весь остальной мир. Какое-то время она оказывала влияние на другие цивилизации, в основном благодаря глупости и самодовольству тех, кто ее поддерживал. Боюсь, что мы уже никогда полностью не очистимся от ее влияния.

— Вы что же, считаете, что единственные ценности, которые стоит сохранить, это ценности восточной культуры?— В голосе Льонса прозвучала насмешка.

— В общем, если рассуждать с точки зрения эмоций, я думаю именно так. Хотя и знаю, что это спорный вопрос.

— От ваших рассуждений попахивает антиарийством. Как вы относитесь к погромам?

— Отрицательно. Я не расист. Я имею в виду только образование. Я бы хотел, чтобы по всей Европе начала действовать программа по переобучению. Тогда через пару поколений нам бы удалось полностью выкорчевать их дурацкую философию.

— Но разве не эта философия окончательно и бесповоротно повлияла на формирование нашего мировоззрения. Не могу согласиться с вашим идеализмом, генерал Очинек.

Более того, считаю, что мы должны связать свою судьбу с Африкой...

— Опять возникла химера жизнеспособности,— вздохнул Очинек.— Мне бы хотелось, чтобы мы прекратили действовать по принципу движение ради движения.

— И стать такими, как Корнелиус? Я видел его в Берлине.

— Между неподвижностью и истощением есть разница. У меня был знакомый гуру, мы некоторое время переписывались с ним. Он жил в Калькутте до того, как произошел крах. Он убедил меня в необходимости медитации как единственного средства, чтобы избавиться от несчастий.

— Поэтому вы стали партизаном?

— Здесь нет никакого парадокса. Каждый должен заниматься тем, что соответствует его темпераменту.

Холм, на котором они стояли, трясло от разрыва бомб, разрушающих Афины.

Облака пыли медленно поднимались к голубому небу и приобретали странные очертания знаков неведомого алфавита. Очинек внимательно рассматривал их. Они что-то смутно ему напоминали. Он наклонил голову набок, прищурился. Сложил руки на груди.

— Красиво,— сказал полковник Льонс, глядя на Очинека и положив руку на его костлявое плечо. В тот момент, казалось, сам Очинек волновал его больше, чем взрывы. Большие наручные часы блестели на пыльном волосатом запястье.— Нам нужно получить...— Он убрал руку с плеча Очинека.— Как Уна?

— Отлично.— Очинек закашлялся от пыли.— Она сейчас выполняет наше задание в Сибири.

— Итак, вы серьезно относитесь к своей восточной идее. А вы не забыли о китайцах?

— Конечно, нет.

— А они согласятся на союз с нами? А японцы? Насколько глубоко их почтение перед западным мышлением?

— И в том и другом случае через несколько поколений. Но вы видели их комиксы. Весь Китай хочет, выражаясь международной терминологией, восстановить старую империю.

— Могут возникнуть осложнения.

— Вы правы. Но не смешение культур, созданное искус-

ственно в результате западного вмешательства в пятнадцатом веке.

— В их пятнадцатом веке,— улыбнулся полковник Льонс.

Очинек пропустил уточнение мимо ушей.

ПЕРССОН

Уна Перссон наблюдала, как санитарная повозка, подпрыгивая, медленно двигалась по желтой степи в сторону деревянного моста, переброшенного через Волгу. Сероватосерое небо, по которому двигались облака, казалось огромным. Но даже оно по размерам не могло соперничать с Казачьей Сечью, состоявшей из десятков сотен кожаных юрт и множества загонов для лохматых пони. Но если на небе все быстро передвигалось, то Сечь по сравнению с ним казалась неподвижной.

Повозка доехала до моста, громко скрипя, переехала его, подбирая по дороге раненых, чтобы отвезти их в специально оборудованное для них место. На сотни миль вокруг пронесся вихрь. По Волге барашками побежали волны.

Уна Перссон вышла из «Ренг роувера» и большими шагами направилась к Сечи. Она была спокойна, хотя и немного напряжена. Уна была одета в пальто до пят, специально расстегнутое, чтобы были видны ее длинные и красивые ноги, под пальто был короткий цветной кафтан, тонкая талия перетянута ремнем, на ремне висела кобура, на ногах у нее были черные хромовые сапоги до колен. Она остановилась на вершине холма, с которого хорошо был виден весь лагерь. В ее серо-голубых глазах можно было прочитать восхищение оригинальным стилем главаря казаков.

Это были не те осовремененные казаки, которые брали Берлин при помощи артиллерии и бронетанковых средств. Это были подлинные казаки, которые казались пережитком прошлого: они восстановили древние обычаи тех казаков, которые были последователями Стеньки Разина, поднявшего народный бунт три тысячи лет тому назад. У них были длинные чубы и усы, которые они переняли от татар. Тата-

ры раньше были их врагами, а сейчас они действовали сообща. Все казаки были одеты в шелка и кожу, что они переняли от народов, живших к востоку от Волги, и большинство из них внешне были похожи на монголов.

Их атаман, в тяжелой бурке, голубых шелковых шароварах и кожаных сапогах — так были одеты почти все казаки,— подъехал к тому месту, где стояла Уна. Через плечо у него был переброшен карабин SKS, он слез с пони и рукой вытер пот с полного лица.

У него был низкий звучный голос.

— Я — Каринин. Атаман Сечи.— Он изучающе и с восхищением оглядел ее с ног до головы глазами миндалевидной формы. Он стоял, поставив одну ногу в стремя, держась одной рукой за седло, а другой раскуривал изогнутую черную трубку при помощи спички, которую он зажег о подошву сапога.— Мне сказали, что вы от Очинека и хотите заключить с нами союзный договор. Но вы же знаете, мы — христиане и ненавидим евреев еще больше, чем мусульман и москалей.

Он снял с головы кивер, в ушах у него блестели золотые серьги, атаман вытер рукой черные, густые усы. «Хорошо продуманный, отработанный набор жестов»,— подумала Уна Перссон.

— Альянс, который предлагает Очинек,— это союз Востока против Запада.— Она выговаривала слова очень четко и всем своим видом показывала, что его стиль, внешность и мужественность произвели на нее впечатление.

— А вы кто? Русская? Из Скандинавии? Или просто перебежчик? Или романтик, как Корнелиус?

— А кто вы?

Он засмеялся.

— Ну, хорошо, хорошо.

Налетел ветер и принес с собой запах конского навоза. Облака на небе поменяли направление движения и поплыли на восток.

Каринин вытащил ногу из стремени, передвинул ножны с саблей на левый бок. Он выбил трубку о каблук серебряного цвета.

— Давайте пройдем ко мне в юрту,— сказал он.— Там обсудим детали. В этих местах нам не с кем больше бороться.— Он указал рукой в центр Сечи, где было расположено

больше всего юрт. Его юрта по размеру была не больше других, запорожцы очень болезненно относились к вопросам демократии, рядом с юртой был укреплен высокий штандарт с конским хвостом наверху.

Только сейчас Уна начала осознавать нелепость ситуации, в которой она оказалась. Она усмехнулась. Неподалеку от юрты она заметила виселицу. Группа пожилых кубанских казаков неторопливо завязывали петлю на шее молодого человека, одетого в желтый фрак европейского покроя, на нем был лиловый галстук, желтая рубашка и шляпа с широкими полями. На лице европейца появилось выражение недоумения, в то время как они начали связывать ему руки за спиной.

— Что они делают?— спросила Уна Перссон.

Когда атаман заговорил, в его голосе зазвучало сожаление:

— Вешают щеголя. Их осталось намного меньше, чем было раньше.

— Он производит впечатление смелого человека.

— Вы полагаете, смелость необходимое качество, чтобы быть щеголем?

— Эти старики просто ненавидят его. Мне казалось, казаки преклоняются перед смелостью?

— Но казаки должны быть к тому же и скромными.

Веревка, затягиваясь, задела шляпу, и она на секунду закрыла ему лицо, а потом упала в грязь. Щеголь с упреком посмотрел на своих палачей. Кубанцы подстегнули двух лошадей, к каждой из которых было привязано по концу от веревки. Тело щеголя, извиваясь, медленно поднялось, он засучил ногами в воздухе. Лицо его стало сначала красным, потом синим и наконец черным. Из перекошенного рта раздались последние крики.

Каринин и Уна Перссон прошли мимо виселицы, подошли к его юрте, он нагнулся и приоткрыл полог, пропустил ее вперед и вошел вслед за ней. Юрту освещал свет от самодельной лампы — в чашу с жиром положили фитиль и зажгли его. В маленькой аккуратно убранной круглой комнате, кроме сундука, стояли только кровать и столик. Войдя, Каринин начал зашнуровывать дверь изнутри.

Уна Перссон сняла пальто и положила его на сундук. Затем сняла ремень с кобурой и положила его на пальто.

В раскосых глазах Каринина было выражение страсти и нежности. Он подошел к ней и прижал ее к себе. От него пахло парным молоком.

— Мы, жители степей, еще не растеряли секретов нежности,— сказал он. Они легли на узкую кровать. Он рывком снял с себя пояс.— Нежность находится между страстью и похотью. Видите ли, мы придаем большое значение сдержанности.

— Что ж, это звучит привлекательно.— Неожиданно для себя она откликнулась на его ласки.

НАЙ

Айронмастер-Хаус был построен в эпоху Иакова I, это был трехэтажный дом из серого камня, с традиционными прямоугольными окнами и серой шиферной крышей. По стенам, в основном вдоль портика, вились вечнозеленые растения, глициния и розы. Сад около дома был разделен декоративными изгородями из бирючины. Перед домом была небольшая лужайка, за домом — лужайка побольше, рядом с которой протекал ручеек, питавший небольшой прудик, где плавали распустившиеся лилии. В середине лужайки стоял распрыскиватель, который разбрызгивал воду равномерно по всей лужайке — стоял июнь, и температура была 96 градусов по Фаренгейту.

Из окна отделанной деревом гостиной можно было видеть весь сад, в нем росли фуксии, гладиолусы, гиацинты и розы. Цветы наполняли воздух дивным ароматом. Среди этих цветов, как будто опьяневшие от запаха, летали пчелы, бабочки, шмели и мухи.

В мрачной темной комнате за столом сидел майор Най. Он сидел в кресле, которое было явно подделкой под эпоху Иакова I, в отличие от стола, который был подлинным. За столом сидела и жена майора Ная — сильная на вид женщина с обветренным лицом, большими неприятными руками и надменными манерами, а также две девушки — одна свет-

ловолосая, другая темноволосая. Миссис Най разливала чай из поддельного под григорианскую эпоху серебряного чайника в чашки из настоящего японского фарфора.

Майор Най не покупал Айронмастер-Хаус. Его жена получила его в наследство. Но майор, не покладая рук, трудился, чтобы содержать его должным образом. Содержать такой дом было очень дорого. С тех пор, как он ушел из армии и стал секретарем Коммерческой благотворительной ассоциации, он утратил чувство собственной значимости. Многие переживания были ему внове, раньше он не испытывал ничего подобного и поэтому был в полной растерянности, не зная, как справиться с ними. Он уже заслужил презрение собственной жены, которая его больше не любила, но продолжала использовать его преданность в собственных интересах. Одна из девушек, сидящих за столом, была его дочерью. Ее имя было Элизабет. У него была еще одна дочь, Изабель, танцевавшая в ансамбле, который выступал в основном на океанских лайнерах. У него также был младший сын, получивший стипендию в школе Св. Джеймса в Саутворке. Эта школа считалась заведением с жесткой дисциплиной, но, как объяснял майор Най, «у бедного мальчика это была единственная возможность попасть в приличную школу», так как майор не мог позволить себе платить за обучение в таких школах, как Итонская, Херроуэйская или Винчестерская (в последней он учился сам). В армии майору приходилось принимать решения, но в гражданской жизни эта возможность предоставлялась ему не часто, да и в большинстве случаев эти решения были предопределены, так как в гражданской жизни у него были обязательства перед женой, детьми, домом. Летом они обычно сдавали пару комнат, а также продавали кое-что из фруктов из своего сада. Миссис Най серьезно подумывала, чтобы начать продавать чай проезжающим автомобилистам.

Майор Най был вынужден работать без роздыха с шести утра до девяти-десяти вечера не только в будни, но и в выходные дни. Его жена тоже работала без отдыха, помогая ему по дому и в огороде. У нее было больное сердце, а у него язва, которую он ощущал все чаще. Он продал все свои акции, и дом был уже дважды заложен. Он застраховал свою жизнь и надеялся, что умрет через десять

лет, как раз к тому моменту, когда его сыну нужно будет поступать в Оксфорд. В данный момент в доме не было постояльцев. Те, кто хоть раз останавливался у них, никогда не приезжали во второй раз, атмосфера в этом большом доме была мрачной, напряженной, повсюду витало чувство безнадежности.

У темноволосой Элизабет была широкая кость, и она была склонна к полноте. У нее был громкий жизнерадостный голос, который звучал покровительственно, когда она обращалась к отцу, обвиняюще, когда она обращалась к матери, и с любовью, когда она разговаривала со светловолосой девушкой, романтическая связь с которой продолжалась вот уже девять месяцев и за это время еще не потеряла своей остроты.

Светловолосая девушка была вежлива с родителями Элизабет, которых видела впервые. У нее был низкий, непринужденный спокойный голос. Ее звали Кэтрин Корнелиус, вместо инцеста она занялась лесбиянством, что принесло ей определенное облегчение. Элизабет Най была третьей из соблазненных ею девушек и единственной, с которой ей удалось поддерживать отношения довольно долго. Именно Кэтрин попросила Элизабет, чтобы та в свою очередь попросила своего отца забрать Джерри Корнелиуса из Корнуэлла и доставить его в Айронмастер-Хаус, где агенты Себастьяна Очинека забрали ее брата и транспортировали в Дубровник. Кэтрин познакомилась с Себастьяном Очинеком через Уну Перссон, и та же Уна познакомила ее с Мэри Гризби, ее первой любовницей. Когда-то Уна обладала таким же гипнотическим воздействием на Кэтрин, которое она сейчас имела на Элизабет. Уна Перссон убедила Кэтрин, что Принц Лобкович сможет вылечить Джерри от гидрофилии в Берлине, и таким образом, сама того не подозревая, Кэтрин доставила своего брата в обмен на оружие, которое использовалось для подавления Афин. Это из-за нее Джерри попал в руки своего бывшего полкового командира полковника Пьята из 11 кавалерийского полка донских казаков, носящего имя «Разин». Полковника давно интересовали причины дезертирства Корнелиуса. Он очень хотел, чтобы Корнелиус, раз уж он оказался реально существующим, пришел в себя и он смог бы допросить убийцу.

До Кэтрин стало постепенно доходить, что она совершила ошибку, но даже себе самой она еще не призналась, что Уна Перссон обманула ее.

— Как себя чувствует этот бедняга?— спросил майор Най, глядя печальными глазами, как из чайника льется вода, затем скрутил себе сигарету.— У него была гипотермия?

— Точно не знаю, майор. У меня пока нет никаких сведений из Берлина. Вы же знаете, что там сейчас творится.

— Меня удивляет,— сказала миссис Най резким голосом, вставая из-за стола, чтобы убрать посуду,— как вашему брату удалось довести себя до такого состояния. Мне кажется, я ну никак не поспеваю за временем.— На ее лице появилось суровое выражение.— Болезни, и те изменились со времен моей молодости.— Она с раздражением посмотрела на мужа.— Ты даже булку не съел, дорогой?

— Опять болит желудок,— пробормотал он.— Наверное, все-таки придется делать операцию.— Жена знала, чем его можно доканать.

— Жарко...— сказала Кэтрин Корнелиус, задыхаясь от жары.— Не так ли?..

— Я привык к жаре, девочка.— Он расправил плечи. На усатом лице появилась едва заметная самодовольная улыбка. В его позе чувствовалось, что он гордится собой.— Учения проводились при полном обмундировании. Индия. Жара намного сильнее, чем здесь. Я люблю жару.— Он закурил скрученную только что сигарету.— «Ты сливки в моем кофе, я молоко в твоем чае, пам-пам-пам-парам».— Он смущенно и нежно улыбнулся ей, открывая дверь, ведущую в задний дворик. На прощание он комично и развязно отсалютовал ей.— До скорой встречи, надеюсь.

Оставшись за столом вдвоем, Элизабет и Кэтрин обменялись через стол страстными взглядами.

— Пора ехать, если мы хотим побыстрее добраться до Лэдброук-Гроув, а то попадем в пробку,— сказала Кэтрин, глядя на выходившую из комнаты с чашками в руках миссис Най.

— Да,— сказала Элизабет.— Нам не следует засиживаться здесь допоздна.

Гроб с Джерри сильно трясло. Поезд, на котором его перевозили, находился примерно в миле от Ковентри. Запах значительно усиливался, когда поезд стоял. Может, это пахло потом?

Полковник встал с пола, чтобы посмотреть через маленькую щелочку в бронированной обшивке вагона. Смеркалось, но ему удалось разглядеть грязное серо-зеленое поле и столб. Вдали стояли ряды кирпичных домов. Он посмотрел на часы. Было девять часов вечера, прошло три дня с тех пор, как он покинул Эдинбург. Пьят попытался оттереть от грязи рваную военную форму. Хотя сейчас было опасно появляться в военной форме в Лондоне и его окрестностях, но ему больше нечего было надеть. Он доел черствый бутерброд и глотнул водки из фляжки, висевшей у него на боку. Корнелиус был все в том же состоянии, а у Пьята не было времени, чтобы привести его в сознание и допросить. Да к тому же полковник Пьят уже отказался от своего первоначального намерения, теперь он собирался использовать содержание гроба для своего собственного спасения, как гарантию того, что, когда он прибудет на Лэдброук-Гроув и свяжется с кем-нибудь из родственников Корнелиуса, они дадут ему приют. С тех пор, как в Берлин прибыл Очинек и его запорожские союзники, дела у Пьята пошли совсем плохо. Кто-то говорил Пьяту, что никто не смог бы удержать Берлин больше месяца, тогда полковник этому не поверил. Теперь эта мысль успокаивала его — даже евреи не продержатся долго, и придет кто-то другой и захватит то, что останется к тому времени от города.

Из гроба опять раздались приглушенные вопли и крики. Затем Пьят услышал громкий раздраженный голос у головных вагонов. Другой голос принадлежал человеку с явно выраженным уолверхемптонским акцентом:

— Я думаю, обрыв проводов. Два других поезда тоже стоят. Вы же видите, нет световых сигналов.— Ему снова что-то сказал человек с громким голосом, а голос с акцентом ответил:— Мы скоро тронемся. Но мы не можем двинуться, пока не будет сигналов.

Пьят закурил сигарету. С понурым видом он принялся

шагать по вагону, сожалея, что не придумал более удачного плана. Неделю назад Англия казалась самым безопасным местом в Европе. Сейчас здесь царил хаос. Он должен был предусмотреть, что все произойдет именно так. Все так быстро разваливалось. Но с другой стороны, так же быстро и объединялось. Такова была цена быстрого перемещения.

Свет погас, горела только одна лампочка на потолке, затем и ее свет стал тусклым и она одна продолжала светить неярким желтым светом. Пьят уже привык к этому, он попытался заснуть, в груди опять появилась резкая боль, он был уверен, что у него рак легких.

Засыпая, он уже начал кивать головой, но звуки из гроба разбудили его. Интонация голоса изменилась, казалось, что он о чем-то предупреждает. Он становился все требовательнее. Пьят вытянул ногу и стукнул по гробу:

— Заткнись. Ты мне надоел.

Но настойчивые звуки не прекращались. Пьят поднялся и, спотыкнувшись, подошел к гробу с намерением открыть крышку и засунуть ему в рот какой-нибудь кляп. Поезд тронулся. Он упал. Потер ушибленное место. Лег и закрыл глаза.

Рассвело.

Машина марки «морган» зеленого цвета, выпущенная еще в декадентский период Плюс 8, быстро промчалась мимо, проехав вдоль поезда, который наконец прибыл на почти безлюдную станцию Кингс-Кросс. Какое-то время машина ехала вдоль поезда, потом свернула с платформы и, проехав через зал, в котором находились кассы, через входную дверь съехала вниз по ступенькам на улицу. Полковник наблюдал за машиной через щелку, ему было плохо видно, но он был уверен, что зеленый «морган» имеет к нему непосредственное отношение. До него дошел сильный запах, напоминающий запах сваренных вкрутую яиц. Он побарабанил пальцами по стене вагона и опять прижался к щелке.

Он ожидал, что на станции будет полно народу, и собирался затеряться в толпе. Но там не оказалось ни одного человека, казалось, что всех людей эвакуировали со станции. Может, это засада? Или воздушный налет?

Локомотив выпустил большую струю пара, и поезд остановился.

Пьят вспомнил, что он без оружия. Если он вылезет сейчас из поезда, то его могут застрелить? Неизвестно, где прячутся снайперы?

Он снял засов с раздвигающейся вагонной двери и открыл ее. Он ждал, когда начнут выходить другие пассажиры. Через несколько секунд стало ясно, что других пассажиров просто нет. В противоположных концах станции раздавались тихие, не вызывающие опасения звуки. Стук. Веселое гудение свистка. Глухой удар. Затем тишина. Он увидел, как кочегар, машинист и охранник с инструментами в руках вышли из поезда и, перепрыгнув через ограждение, направились к главному выходу. На них была форма железнодорожников, фуражки были лихо сдвинуты почти на затылок. Все трое были немолоды, невысокого роста и некрасивы. Они медленно шли, разговаривая между собой, потом повернули за угол и скрылись из виду. Пьят почувствовал себя брошенным. Пар еще не рассеялся, он стелился под поездом и медленно плыл по платформе. Пьят втянул в себя дымный воздух — в этот момент он был похож на гончую, вынюхивающую лисицу. В высоком закопченном здании станции стояла тишина, и только немного солнечного света проникало через грязный стеклянный купол.

Несколько птиц запели под железной крышей, так как уже совсем рассвело.

Пьят поежился от холода и вышел. В конце платформы стояла небольшая тележка носильщика. Пьят повез ее вдоль платформы мимо бронированного поезда. Колеса тележки скрипели и скрежетали. Он чуть было не потерял сознание. Он устало оглянулся вокруг. Вдоль платформы стояли молчаливые, никем не охраняемые поезда. Огромных размеров черно-зеленые локомотивы с видавшими виды стальными бамперами стояли у глухих стен. Они были похожи на застывших неподвижно чудовищ, которые остановились, неожиданно пораженные мыслью, что это путешествие было для них последним. Их как бы заставили впасть в спячку, может быть для того, чтобы, стоя здесь, они проржавели и обросли грязью.

Пьят поставил тяжелый гроб на тележку. Гроб с силой ударился об нее, и из гроба раздался звук, напоминающий

мяуканье. Пьят взялся за ручки тележки обеими руками. Поднапрягся и сдвинул ее с места. С некоторым усилием он повез ее по асфальту. Колеса скрипели и постанывали. В грязной белой военной форме его можно было принять за носильщика, который таинственным образом переместился сюда со станции одной из тропических стран — может, из Индии. Как он и предполагал, его одежда бросалась в глаза. Ему с трудом удалось протиснуться с тележкой через дверь, у которой обычно проверяли билеты, пересек огороженное барьером пространство и наконец вышел с территории вокзала. Казалось, что в городе вообще никто не живет. Центр ли это Лондона? Какой день? Вторник? Утро? Пьят взглянул на спокойное небо. Самолетов не было. Дирижаблей тоже. Бомбы не падали. Утреннее солнце было ярким и теплым. Он немного успокоился.

Потрепанный бледно-лиловый фургон, запряженный лошадьми, но без кучера, стоял на обочине рядом с выходом из вокзала. Машина «морган» исчезла, кроме фургона не было видно больше никаких средств передвижения. Кучера также нигде не было видно. Пьят решил наплевать на кучера. Последние силы он потратил на то, чтобы погрузить гроб в фургон, затем сам сел в него. Натянул поводья, костлявая кляча подняла голову. Он стегнул ее хлыстом и прикрикнул на нее. Только после этого она тронулась.

Повозка ехала медленно, лошадь еле шла и отказывалась двигаться быстрее. Создавалось впечатление, как будто экипаж был единственной частью похоронной процессии. Лошадь печально цокала копытами по безлюдной улице. Они доехали до Юстон-роуд и повернули на запад, в сторону Лэдброук-Гроув.

ПРОЛОГ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

...может быть, самая большая потеря в моей жизни — это потеря неродившегося сына. Я уверен, что это был бы сын, и я даже придумал ему имя, про себя называю

его Эндрю, и я уверен, что это было единственно возможное для него имя. Я не понимаю, что произошло со мной. В тот момент казалось, что аборт был просто необходим, его необходимо было сделать, чтобы избавить ее от страданий. Но этот аборт был сделан скорее ради удобства, а не от отчаяния. Долгое время я не признавался себе, что это так сильно затронуло меня. Если бы позже у меня родился сын, я бы наверное перестал испытывать чувство потери. Но так как его нет, с этим чувством я, видимо, уйду в могилу.

Морис Лескок. «Прощание»

ВЫСТРЕЛ ВТОРОЙ

ГРОЗА ВОЗВРАЩАЕТ К ЖИЗНИ МАЛЬЧИКА, НАХОДИВШЕГОСЯ В СОСТОЯНИИ КОМЫ

Только чудо могло спасти девятилетнего Лоуренса Ментла, считают врачи. Более четырнадцати месяцев он находился в состоянии глубокой комы. Дважды он «умирал», его сердце переставало биться. Врачи сказали родителям, что приборы не регистрируют деятельность мозговых клеток. Это случилось во время грозы. Вспышка молнии и оглушающий раскат грома заставили медицинский персонал в Эшфордском детском госпитале в городе Мидлсекс подпрыгнуть от неожиданности... а Лоуренс, все еще в состоянии комы, закричал.

«Лондон ивнинг пост», декабрь 3, 1969

НАБЛЮДАТЕЛИ

Полковник Пьят впервые встретился с полковником Корнелиусом в Гватемала-Сити в начале войны 1900-1905 годов. Это было еще до того, как появились монорельсовые дороги, электропоезда, гигантские дирижабли, а города с куполами соборов и утопические республики были разрушены, чтобы уже никогда не возродиться вновь. Они встретились в период, который сейчас именуется периодом Ненастоящей войны 1901 — 1913 годов. Они тогда представляли военные ведомства двух великих европейских держав, которые относились друг к другу с взаимным подозрением. Они прибыли для наблюдения за испытаниями последней модели наземных бронетранспортеров (изобретение чилийского фокусника О'Бина). Их правительства проявили интерес к этим машинам и собирались купить несколько штук, если испытания пройдут успешно. Как и предполагали Пьят и Корнелиус, бронетранспортеры оказались слишком примитивными и их не стоило приобретать, хотя французское, немецкое и турецкое правительства, наблюдатели которых тоже присутствовали на испытаниях, заказали по несколько штук.

Выполнив свой долг, наблюдатели вместе расслабились в баре отеля «Конкистадор», в котором оба остановились. А на следующий день сели в воздушный аэролайнер под названием «Свет Дрездена» и вылетели в Гамбург. Потом они разъехались в разные стороны: Корнелиус — на запад, а Пьят — на восток.

Глядя в большие выполненные в стиле Чарльза Макинтоша* окна, слегка разукрашенные морозом, они видели отделанные мрамором улицы, элегантные башни, также отделанные мрамором, и витрины магазинов Муча, Мулинза и Марнеза. Изредка мимо с грохотом проезжали удивительные, выглядевшие пережитком прошлого витиевато украшенные двухместные коляски, запряженные важно вышагивающими арабскими жеребцами. Иногда проезжали машины на паровом двигателе, издавая едва слышное шипение, из-за солнечных лучей, отражавшихся от их сделанных из нержавеющей стали корпусов, они казались почти серебряными. На машинах с паровыми двигателями ездили теперь

* Чарльз Ренни Макинтош (1868-1928)— шотландский архитектор и дизайнер, один из родоначальников стиля «модерн». Ред.

во всем мире; их использовали так же широко, как и механические приспособления для сельскохозяйственных работ, которые превратили северную и центральную Африку в рай; эти машины, также как и сельскохозяйственные механизмы, были изобретением О'Бина.

Полковник Пьят, сидевший в обитом черным плюшем кресле, откинулся на спинку и, подозвав официанта, попросил того принести еще выпивки. Русский был одет в форму белого цвета почти полдня, но на ней не было видно ни пылинки. Все, и ремни, и кобура, и даже сапоги, было из кожи белого цвета. Только знаки различия на воротнике и эполетах было золотого цвета. Темно-зеленая форма Джерри казалась аляповатой в сравнении с его формой, к тому же на манжете на правом рукаве бросалось в глаза масляное пятно. На рукавах, плечах и груди его форма была отделана галунами золотого цвета, но и они тоже были грязными. Ремни, кобура и сапоги были черными, а сапоги можно было бы вычистить и получше. Как и Пьят, он был одет в длиннополую форму, по покрою напоминавшую индийских военных, но в отличие от Пьята он был без ремня. (Пьят, который служил на границе, выполняя в основном роль курьера по особым поручениям, не мог определить, что это за форма. Он предположил, что Корнелиус мог быть гражданским лицом, которому дали военное звание для выполнения этого задания. Ну и кроме того Корнелиус совсем не был похож на английского кавалериста. И то, что он расстегнул пуговицы на мундире, как только представилась возможность, говорило о том, что Корнелиус чувствует себя неуютно в военной форме.)

Официант с надменным видом принес им выпить, он даже не улыбнулся в ответ на дружелюбную и покровительственную улыбку Пьята и оставил чаевые на серебряном подносе, который поставил на стол.

— Демократия сошла с ума!— воскликнул полковник Пьят, недоуменно подняв брови, и наклонился над фужером из тонкого стекла, чтобы посмотреть, что им принесли. На подносе стояла бутылка воды «Малверн» и солодовое виски «Глен Грант». Джерри тоже взглянул на бутылки и фужеры, стоявшие на инкрустированном подносе Дафрена.

— Они считают нас варварами,— сказал Пьят, наливая Джерри виски, воду Джерри добавил сам.— Но они ничего

не имеют против того, чтобы продавать нам оружие и военную технику. Как бы развивалась их экономика без нас.— Джерри протянул руку к бокалу.— Они бы хотели, чтобы мы от них отстали. Их беспокоит сам факт нашего существования. До сих пор им не грозил конец света, мы отводим эту опасность от них. А вдруг мы перекинемся на них? У них же нет армии.

— Тогда они просто глупы. Сколько еще может просуществовать эта горе-республика. Еще несколько лет?

— Несколько месяцев, не больше. Говорите потише. Они не должны знать...

Ироничный взгляд Пьята сменился на оценивающий.

— Вы говорите, как священник, а не как солдат.— Он произнес это в надежде получить подтверждение, но Джерри просто улыбнулся и поднял бокал.

— В каком полку вы служите, полковник?— Пьят решил задать прямой вопрос.

Джерри с любопытством посмотрел на свою форму, как будто сам надеялся найти ответ на вопрос.

— Я полагаю, в тридцатом кавалерийском.

— Вас откомандировали сюда для выполнения особого поручения?

— Вполне вероятно. А может и нет.

— Тогда вы не военный!

Джерри рассмеялся.

— Видите ли, я сам не уверен,— у него на глазах выступили слезы, все тело просто сотрясалось от смеха.— Я просто не знаю наверняка. Давайте возьмем с собой наверх по бутылочке, а? Пойдем ко мне в номер. Может, кто-нибудь найдет нам девушек? А может даже девицы сами согласятся поразвлечься с нами. В Гватемала-Сити такая свобода нравов.

— Согласен.

Когда они поднялись наверх, Пьят обнял Джерри за тонкие плечи.

— Вы не против того, чтобы побыть немного девушкой, полковник Корнелиус?

ИСПОЛНИТЕЛИ

Уна Перссон, одетая в мужской костюм, вышла на сцену, велюровый занавес был еще опущен.

По другую сторону занавеса слышался шум: крики, смех, громкие возгласы, стоны, звон бокалов и бутылок, шуршание одежды. В оркестровой яме музыканты настраивали инструменты перед началом представления.

Каракулевый воротник на пальто подчеркивал бледность лица Себастьяна Очинека. Он закурил сигарету «Юнфиадис» и закашлялся. Очинек сидел на стойке, изображавшей гору, и незаметно разглядывал девочек из балета, одетых в почти прозрачные костюмы. Девочки занимали свои места для вступительного дивертисмента. Сзади них висел задник, на котором был нарисован Виндзорский замок. Девушки были одеты в костюмы розы (эмблема Англии), трилистника (эмблема Шотландии), чертополоха (эмблема Ирландии) и национальный уэльсский костюм (высокая черная шляпа и передник; видимо, посчитали, что лук-порей, который был эмблемой Уэльса, слишком уж неделикатное растение). Дивертисмент назывался «Под единым флагом». За кулисами, ожидая своего выхода, стояли артисты в костюмах моряков, солдат шотландского полка и лейб-гвардейцев. Уна Перссон не принимала участия в первом номере, она появлялась во втором, который назывался «Слава королеве», и еще солировала в заключительной кантате.

— Я уверен, все пройдет хорошо, Уна!— Очинек встал и взял ее за руку.— Пойдем, занавес уже поднимается!— На сцене загорелись газовые лампы, лучи прожекторов тоже были направлены на сцену. Она быстро пошла за кулисы. Очинек поспешил за ней. Проходя мимо мистера Клемента — автора исполнявшейся в самом начале Патриотической оды, она случайно, сама того не заметив, толкнула его, так сильно она волновалась. Оркестр заиграл вступление к сатирическому мюзиклу «Что за счастливая страна Англия»:

Мы скоро будем покупать консоли по курсу полкроны
за штуку,
Потому что, подобно русским военным самолетам,
они все время падают!
Мы недавно построили самолет, и единственное,

что ему недостает,
Так это мощности, чтобы подняться вверх,
в отличие от британского подоходного налога!

Гип-гип-ура!

О! Что за счастливая страна Англия!
Ей завидуют все народы мира!
Страна, в которой гнусные чужестранцы
Грабят британских рабочих!
О! Какая же мы счастливая нация!
О! Что за счастливая страна Англия!
Чужестранцы уже поняли, что эту землю
Можно превратить в мусорную свалку!
О! Какая же мы счастливая нация!

Зрители подпевали, а в конце одобрительно зааплодировали. Занавес поднялся.

Уна зашла в гримерную. Хотя она и делила ее еще с одной комедийной актрисой — Маргарет Корниль, эта гримерная была значительно лучше тех гримерных, которыми ей приходилось пользоваться раньше. Это было ее первое выступление в концертном зале Эмпайер» на Лейсистер-Сквер. «Эмпайер» считался респектабельным и одним из самых лучших недавно открывшихся концертных залов. Но именно добрая слава и респектабельность зала «Эмпайер» угнетали Уну. Она привыкла к залам Степни, Брикстона и Шефердс-Буша, атмосфера которых была дружелюбнее и в которых было меньше показухи.

Войдя в гримерную, она кивнула мадмуазель Корниль.

— Мне не очень нравится здешняя атмосфера.

Хотя мадмуазель Корниль выступала в программе десятым номером, она уже начала гримироваться, одновременно глядя одним глазом в зеркало, а другим — в журнал, который держала в левой руке.

— Вы привыкнете к этому, милочка. Публика здесь вполне нормальная. Такая же, как и везде.— Девица перечитывала короткую статью о себе в журнале «Нэш», который только что вышел. В журнале была напечатана также ее фотография.— Правила и снобы — это та цена, которую вы вынуждены платить за то, что имеете постоянную работу. Я выступаю здесь последнюю неделю. Если повезет, то

буду выступать в трех разных залах за вечер, а если дела пойдут плохо — ни в одном. Поэтому две недели на рождество, которые я собираюсь провести в Алабаме, станут для меня настоящим отпуском.— Она немного хвасталась, так как статья в журнале «Нэш» означала, что она получит по крайней мере несколько ангажементов.

«Интересно, подумала Уна, пойдут ли мои дела когда-нибудь настолько хорошо, что фотограф журнала «Нэш» попросит меня позировать ему и станет фотографировать мои ноги».

Вошел Очинек и тихо закрыл за собой дверь.

— Судя по шуму, публика неплохая.

— Я говорю ей то же самое,— сказала мадмуазель Корниль.

Очинек предложил им египетские сигареты «Юнфиадис» из своего портсигара от Либерти. Мадмуазель Корниль отрицательно покачала головой, а Уна взяла. Она закурила сигарету и внимательно посмотрела на Очинека, пытаясь понять, о чем тот думает.

— Это для тебя ступенька вверх, Уна.— Он был ее импресарио и к тому же был влюблен в нее, считая ее совершенством, но неожиданно для себя самого вдруг обнаружил, что пышущая здоровьем, очаровательная, с темными кудрями мадмуазель Корниль казалась ему физически более привлекательной, чем Уна. Он надеялся, что Уна этого не заметила. То, что мадмуазель Корниль заметила, было ясно по тому, как дружелюбно и в то же время снисходительно она начала обходиться с ним.

Выкурив сигарету, Уна взяла ноты и начала просматривать свои песни. В дверь постучали.

— Второе предупреждение для принимающих участие в увертюре и первых номерах.

Уна почувствовала, как в ней все напряглось. Она провела ладонями по бедрам. Очинек подошел к ней и поправил бабочку. Подал ей трость и цилиндр, обтянутый шелком, смахнул пылинки с фрака.

— Все хорошо.

Она улыбнулась. Если бы она могла поступать так, как ей самой этого хотелось, она предпочла бы держаться подальше от Уэст-Энда, но она знала, что он безумно хочет,

чтобы она достигла вершины, вот для чего необходимо было выступать в зале «Эмпайер».

— Ни пуха, ни пера, милочка,— сказала мадмуазель Корниль, не отрываясь от статьи.

— Оставайся здесь,— сказала Уна Очинеку.

— Я лучше...— он виновато отвел глаза от комедийной актрисы,— буду рядом с тобой, чтобы поддержать тебя морально.

— Оставайся здесь!— Она поправила фрак и надела цилиндр.— Ты можешь прийти за кулисы, когда я выйду на сцену.

— Хорошо.

Она вышла в коридор и пошла к сцене. Навстречу ей попались актеры в форме солдат шотландского полка, моряков, лейб-гвардейцев и актрисы в костюмах розы, трилистника, чертополоха и в национальном уэльсском костюме. За кулисами она увидела хористок, готовящихся к выходу на сцену. Их было восемь, они изображали английские колонии: Индию, Канаду, Австралию, Мыс Доброй Надежды, Вест-Индию, Мальту, Гибралтар и Новую Зеландию, каждая из них должна была спеть по куплету. За кулисами напротив ждали актрисы в костюмах, изображавших Искусство, Науку, Торговлю, Промышленность и величественную Британию, которую они должны были вывезти в карете на сцену. Именно в этот момент Уна должна была начать свое выступление.

Поднялся занавес, оркестр заиграл вступление, затем запел хор:

Мы, дети империи, верой и правдой служим
нашей королеве!
Мы знаем, что на ее помощь можно рассчитывать,
где бы ни развевался ее флаг!
Она добра, она справедлива, она могущественна,
и мы знаем, что вы согласитесь, что
Ее любят, ее обожают и ей завидуют на всех
семи морях!

Уна успокоилась. Музыка была достаточно веселой, и зрители громко аплодировали в конце каждого куплета и

подпевали хору. Было совсем не так душно, как она предполагала.

Искусство, Наука, Торговля и Промышленность покатили на сцену карету, которая двигалась, издавая негромкий скрип. Индия, Канада, Австралия, Мыс Доброй Надежды, Вест-Индия, Мальта, Гибралтар и Новая Зеландия встали по обеим сторонам сцены. Оркестр заиграл первые такты вступления к песне Уны. Она откашлялась, глубоко вдохнула воздух и приготовилась петь.

Свет замерцал.

Сначала Уна подумала, что это было сделано специально, чтобы создать особый театральный эффект. Но когда свет погас везде, аплодисменты затихли и зрители стали зажигать спички, по залу прошел взволнованный шепот.

На балконе что-то взорвалось. Кто-то громко закричал. Женщины завизжали от ужаса. Уну Перссон оттолкнули к занавесу, и она упала. На нее наступили, чье-то тело упало ей на ноги. На нее рухнул занавес. Она услышала приглушенные восклицания.

— Анархисты!

— Воздушный налет!

— Уна! Уна!— Голос Очинека. Она попыталась встать, но запуталась в занавесе.

— Себастьян!

— Уна!— И он своими изнеженными руками принялся разрывать занавес.

Она увидела его лицо. Оно было красное. В партере пылал пожар. Зрители превратились в бурлящую толпу, в которой мелькали полы сюртуков и перья на шляпах. Люди забирались на сцену, так как выйти через дверь в зале было невозможно.

— Что случилось?— Она позволила ему провести себя за кулисы. Затем толпой их вынесло к служебной двери. Огонь гудел за их спинами. Глаза слезились, и они задыхались от дыма. Голоса слились в один испуганный вой.

— Бомба. Я думаю, ее бросили на балконе. Но почему это должно было случиться именно сегодня! В день твоего выступления! Теперь театр закроется, по крайней мере на неделю.— Они бросились в переулок, находившийся за театром. Он уже был забит не понимающими, что происходит, артистами в легких красочных костюмах и испуганными

зрителями, одетыми в костюмы из алого и зеленого бархата. В конце переулка стоял высокий полицейский с бородкой, который пытался успокоить людей и предотвратить их падение в воронку глубиной сорок футов, появившуюся во время воздушного налета месяц назад,— раньше на месте воронки был Лейсистер-Сквер.

К моменту прибытия пожарных машин к парадному входу многим людям уже удалось пройти через полицейский кордон и напряжение несколько уменьшилось. Было холодно, газ, должно быть, тоже отключили, так как не горел ни один фонарь на улице. Свет исходил только от фонариков полицейских и от пламени пожара. Уна вздохнула с облегчением.

— Поехали в Брикстон,— сказала она.— Неудача в одном месте может обернуться удачей в другом, мой дорогой Себастьян.

Он посмотрел на нее, в его глазах было одновременно выражение и сострадания и угрозы.

— Особенно не рассчитывай на Брикстон, Уна. Скорее всего, закроют все концертные залы.— Он уже пожалел, что показал свое раздражение.— Извини.— Он снял с себя пальто и набросил ей на плечи поверх мужского костюма, который был на ней.

Приехали еще пять пожарных машин, к тому моменту полиция пропустила уже большое количество людей через заграждение. Ощущение, что за ней наблюдают, заставило Уну оглянуться на здание театра. Она увидела молодого человека, прислонившегося к дверному косяку, который смотрел на все происходящее с видом хозяина, поджидающего появления своей любовницы-хористки. На нем был фрак свободного покроя темно-желтого цвета, что говорило о его хорошем вкусе. Рукава и манжеты были отделаны тесьмой коричневого цвета. Котелок с небольшими полями был того же цвета, что и фрак, а галстук — светло-коричневый. Его узкие горчичного цвета брюки в мелкую клетку кому-то могли бы показаться чересчур вульгарными. В левой руке он держал палку с золотым набалдашником и пустой портсигар в правой. На среднем пальце его правой руки была огромных размеров золотая печатка. Он, казалось, не подозревал о том, что творилось вокруг, или просто не обращал внимания.

Уна Перссон с интересом посмотрела на него. Волосы у него были до плеч, мягкие и прямые, эта прическа была модной несколько лет назад. На его длинном худом лице было выражение то ли радости, то ли удовлетворения, а может удивления. Глаза у него были большие и темные, посаженные так глубоко, что в них ничего нельзя было прочитать. Неожиданно он кивнул ей, сделал шаг в сторону и шагнул в горящее здание театра. Импульсивно она чуть было не последовала за ним. Очинек положил ей руку на плечо.

— Не волнуйся,— сказал он,— скоро все кончится.

Она снова взглянула на дверь — огонь осветил театр изнутри. Она еще раз увидела освещенный пламенем силуэт молодого человека, прежде чем он окончательно исчез из виду. Явно не колеблясь, он шагнул в самый очаг пожара.

— Он погибнет!— воскликнула Уна.

С тревогой в голосе Очинек спросил:

— Уна, с тобой все в порядке?

СОБЛАЗНИТЕЛИ

Миссис Корнелиус набросила на плечи розовую горжетку из перьев, ее огромных размеров грудь украшали искусственные белые и зеленые цветы. Глядя на свое отражение в зеркале и подмигнув ему, она провела потной рукой по нарумяненной щеке и решила, что выглядит лет на тридцать, не больше.

— Помоги мне прикрепить вот это.

Убогий на вид подросток лет пятнадцати вытер нос рукавом потрепанной куртки и подошел к шифоньеру из красного дерева, выполненному в стиле григорианской эпохи, взял лежавшую на нем шляпу из розовой кисеи, которую украшали искусственные розы, пионы, грозди винограда и перья фазана. Держа шляпку обеими руками, он подошел к засиженному мухами зеркалу с позолоченной рамой.

— Подай заколки, сынок,— сказала она ворчливо, надевая шляпку с таким видом, как будто это была корона королевы Англии.

Он взял три заколки в форме бабочек, покрытые эмалью голубого, красного и золотистого цветов, и протянул их ей с таким же безучастным видом, с каким медсестра протягивает инструменты врачу. Одну за другой она взяла их с его плоской грязной ладони и приколола к шляпе, чуть не к голове, с ловкостью фокусника.

— Класс!— Она была удовлетворена. Она слегка сдвинула шляпку вправо. Воткнула в нее перо фазана.

— Мне остаться дома сегодня вечером?— спросил подросток. Его речь ни в коей мере не свидетельствовала о том, что он получил хоть какое-нибудь образование, но в то же время она, несомненно, отличалась от речи женщины.— Или нет?

— Побудь лучше у Сэмми, дорогой. Я думаю, сегодня вечером у меня будут гости.— Она улыбнулась довольная и, подбоченясь, посмотрела на свою утянутую корсетом фигуру.— Ты потрясающе выглядишь сегодня, дорогуша.— Она немного подобрала светло-зеленое платье и повернулась кругом. Стали видны бледно-зеленые кожаные туфли того же цвета.— Неплохо. Неплохо.

Мальчик засунул руки в карманы и с важным и серьезным видом принялся расхаживать по забитой мебелью грязной спальне, насвистывая «Я — Гилберт, я — Филберт, я самый большой щеголь на свете». Затем он вышел в небольшую гостиную, в которой горели газовые лампы. Плохо освещенная гостиная, заставленная мебелью из красного дерева, имела мещанский вид. Мальчик открыл входную дверь, раскинул руки и побежал вниз по непокрытой коврами лестнице, издавая пронзительный воющий звук, представляя себя военным самолетом, выходящим из «мертвой петли» прямо на своих врагов. С воем он выскочил на Бленхейский перекресток, и его чуть не сбил автофургон булочника, который накричал на парня, когда тот, пыхтя, проходил мимо.

Смеркалось. На углу грязной улицы, в том месте, где она переходила в Лэдброук-Гроув, рядом с недавно выстроенным женским монастырем Святой Клары, под столбом с не горящей лампой собралась группка уличных мальчишек. Они тотчас же заметили его. Закричали ему вслед, насмехаясь над ним, но он к этому давно привык. Он развернулся и пошел в противоположную сторону, притворяясь, что не заметил их. Он направился к Кенсинтон Парк-Роуд, на углу

которой находилась пирожковая Сэмми. Глядя на то, как Сэмми относится к мальчику, некоторые предполагали, что он вполне мог бы быть ему отцом. Он позволял мальчику стрелять крыс у себя в подвале. У Сэмми был пистолет 22 калибра для этой цели. Но если у матери мальчика пытались выяснить, кто его отец, она всегда заявляла, что этой чести удостоился принц Уэльса.

Из магазинчика плыл вкусный запах жира. Пар клубами шел от входной двери и от лотка, стоявшего под окном на тротуаре. На нем стояли эмалированные подносы с пирожками, сосисками, беконом, печенкой, сэйвлойской колбасой и картофелем, плавающим в золотистом жире. У плиты за деревянным прилавком стоял пышущий жаром, засаленный Сэмми. Все свое внимание он и его помощник сосредоточили на сковородках с длинными ручками, на каждой из которых готовилась разная еда. Магазинчик только что открылся для вечерних посетителей; единственным покупателем была чем-то напуганная миссис Фитцджеральд, жившая за углом, на Портобелло-роуд, она пришла за обедом для мужа. Платок закрывал почти все ее лицо, но Сэмми заметил то, что она так тщательно пыталась скрыть.

— Неплохо светит.— Он сочувственно ухмыльнулся, заворачивая пирожки, но миссис Фитцджеральд выглядела так, как будто он застал ее в момент совершения аморального поступка. Ее правый глаз заплыл и был зелено-голубого и фиолетового цветов. Она еле слышно, смущенно кашлянула. Мальчик равнодушно посмотрел на ее синяк. Сэмми заметил мальчика.

— Привет, старина!— По его жирному еврейскому лицу цвета сосисок, которые он жарил, струился пот. Рукава рубашки были закатаны по локоть, на нем был большой, белый, весь в жирных пятнах фартук.— Ты пришел подсобить?

Мальчик кивнул, отступил в сторону, пропуская миссис Фитцджеральд, которая, схватив пирожки и оставив нужное количество денег на прилавке, поспешно вышла из магазина — она была похожа на мышку, удиравшую в свою норку.

— Мама разрешила побыть мне у вас сегодня вечером, можно?

На лице у Сэмми появилось серьезное выражение, и он продолжил уже совсем другим тоном, отвернувшись вдруг к сковородам.

— Ладно. Но тебе придется помочь мне, если ты хочешь поужинать. Снимай фартук с крючка, сынок. Приступай к работе.

Мальчик снял видавшую виды куртку и повесил ее на крючок в дальнем углу магазина. Он надел фартук, сшитый из мешковины, завязал тесемки и закатал рукава. Помощником Сэмми был молодой человек лет восемнадцати, все лицо которого было в угрях ярко-красного цвета. Он сказал:

— Иди на другой конец. Здесь я сам справлюсь.

Мальчик с трудом протиснулся мимо огромного живота Сэмми и встал у окна, запах жарящегося лука лез ему в нос. Он смотрел в запотевшее окно на улицу, но не на подносы под окном, а вдаль.

Было уже темно, на улице было оживленно. Со всех сторон к магазину направлялись мужчины, женщины и дети, потому что была пятница. Глядя на них, можно было сразу понять, как они бедны. Бедность подавила их, лишила их воли, ума, и они продолжали жить, делая только самое необходимое. Даже на лицах детей не было оживления; глядя на их тяжелые, усталые движения, на выражение их лиц, в их скучные глаза, казалось, что все они были из одной семьи, так сильно они были похожи друг на друга. Он вдруг вздрогнул, как будто от страха, и, сам не зная почему, неожиданно для себя самого с нежностью подумал о матери. Он повернулся и посмотрел на пивную «Бленхейм-Хаус», находившуюся на противоположной стороне улицы. В толпе безработных ирландцев и местных бездельников, собравшихся у входа в пивную, раздались одобрительные возгласы. Пивную пора было открывать.

Мальчик опять вздрогнул.

— В чем дело, сынок?— заметив это, спросил Сэмми.— Ты, случайно, не заболел?

ИНТЕРПРЕТАТОРЫ

Капитан Най получил приказ явиться в казармы короля Альберто в Саутворке. Его командир, полковник Колльер, сообщил, что в Агрилле был поднят черный флаг и что ар-

мия анархистов в количестве 8000 человек разбила лагерь в Глен-Коу. К ним собирались присоединиться высадившиеся неделей раньше в Обане французские зуавы (около 1000 человек), утверждавшие, что являются независимыми добровольцами. Ни для кого не было секретом, что у французов были территориальные притязания к Шотландии, но они впервые оказали столь явную поддержку бунтующим кланам. Подобные действия вносили определенное напряжение в и без того фиктивный союз «Сердечное согласие».

— По ряду причин в данный момент мы не хотим прямой конфронтации с Францией.— Полковник Колльер покрутил пуговицы на своем кителе.— С ними надо обращаться чертовски аккуратно, Най. К тому же правительство не хотело бы начинать какие-либо военные действия против горных племен, если это возможно. Ведь у вас уже есть опыт общения с этими людьми, насколько я помню?

— Да, у меня есть некоторый опыт, я был в северо-западной части Шотландии, сэр.

— Я хочу, чтобы вы начали переговоры с Гарет-мак-Махоном, их вождем. Он, несомненно, хитер. Служил в одной из наших частей. Всему у нас научился, и без слов ясно, что теперь он использует эти знания у себя в горах. Возможно, достаточно будет нескольких уступок. Итак, разузнайте, что он хочет, и сообщите нам как можно быстрее. Это, скорее, дипломатическая миссия, чем военная.

— Я понял, сэр.

— Они — храбрые парни, но, похоже, их достоинства превратились в их недостатки.— Колльер, сидевший за столом, встал.— То же можно сказать и об их гордости. Они готовы пожертвовать всем тем, что они достигли под господством Британии, в погоне за химерой «независимости». Но даже если бы им удалось избавиться от господства Британии, французы тотчас же оккупировали бы их. Махон должен это понимать. Они называют его Рыжий Лис, как я слышал, за его хитрость. Да, конечно, он не дурак. Попробуйте с ним договориться.

Капитан Най отказался от предложения взять мотоэскадрон для сопровождения, вместо этого он попросил небольшой дирижабль, который можно было одолжить у Королевских Воздушных Сил.

— Нужно произвести на них впечатление,— сказал он,— нашими научными достижениями, а не оружием.

Осеннее многоцветье Глен-Коу было великолепно. С вершин гор по бронзовым склонам стекали небольшие речушки. Дирижабль плыл над долиной, капитан Най смотрел в окно из алюминиевой гондолы и, к своему собственному удовлетворению, увидел, как переполошились одетые в голубые мундиры, красные широченные брюки и в фесках на голове зуавы, заметив зеленое чудище над головой. Тень от дирижабля неумолимо двигалась по их лагерю, его паровые турбины издавали звуки, похожие на рычание голодного леопарда, преследующего стадо ничего не подозревающих жирных антилоп. Воздушный фрегат плыл над гористой местностью всего на несколько футов выше самых высоких гор, направляясь к шумному водопаду, который находился в конце долины. Самый храбрый из французских наемников (если это были наемники) выстрелил несколько раз в дирижабль, но либо он не попал, либо пули не долетели, а может, не смогли пробить жесткое покрытие.

Когда они оставили зуавов далеко позади, капитан Най дал команду снизить скорость наполовину, так как они почти добрались до места. Их взору предстал лагерь, представлявший собой скопище полуразрушенных домов, палаток из шкур и различных укрытий из растений и торфа. Все это раскинулось на холме рыжеватого цвета, который блестел, как золотая чеканка, под лучами солнца. Лошади, повозки, пушки и артиллерийские орудия, медицинское оборудование и кухня были беспорядочно разбросаны по всему лагерю, палаши, кинжалы и копья блестели рядом со сложенными в пирамиду винтовками со штыками. Мужчины в национальных шотландских юбках сидели группами, передавая друг другу бутылки и сигареты, или просто пьяно бродили по лагерю. Над лагерем развевался черный флаг анархистов, принятый Махоном. Палатку Гарет-мак-Махона определить было нетрудно. Это была самая большая палатка, она была покрыта материалом в синюю, желтую, зеленую и алую клетку. Причем, алый цвет преобладал. Западный ветер, дувший с гор, слегка шевелил полог огромного павильона.

— Выбросить белый флаг, сэр?— спросил молодой симпатичный помощник капитана по имени Бастабль, отдав честь Наю и капитану корабля и вопросительно взглянув на Ная. Най кивнул. Белый флаг подняли и закрепили на корме.

— Опустить корабль на два фута ниже, рулевой,— отдал команду помощник капитана Бастабль.

— Слушаюсь, сэр.

Корабль снизился. Чтобы удержать равновесие при ветре, рулевой дал задний ход. Увидев, что корабль снижается, кое-кто из дикарей спрятался в укрытия, а некоторые, те, что похрабрее, а может попьянее, побежали к дирижаблю; они размахивали палашами и орали, как сумасшедшие. Заметив, что корабль завис меньше, чем в 15 футах над палаткой самого Махона, они недовольно остановились. Капитан Най провел рукой по своим чудесным усам, подождал немного, шагнул на балкончик, находящийся с внешней стороны гондолы, и встал там, держась одной рукой за поручень, а вторую поднял в знак мира и дружбы. Он заговорил отчетливо на своем родном языке.

— Я приехал, чтобы предложить мир Махону и всем вам.— Наступила тишина, дикари продолжали стоять неподвижно, сердито уставившись на пришельцев, затем полог палатки Махона открылся и оттуда вышел шотландец. Несмотря на варварское одеяние, Махон производил потрясающее впечатление. На нем был национальный костюм вождя племени горцев: клетчатая юбка, большая ворсистая кожаная сумка мехом наружу, украшенная кружевами (хоть и не первой свежести) рубашка, огромное количество небольших кожаных ремешков, пуговиц, пряжек, бронзовых и серебряных заколок, огромный берет с прикрепленным к нему соколиным пером, зеленая короткая легкая курточка, черные туфли с пряжками, на плечи был наброшен флаг племени — отличительная регалия вождя племени. Вся одежда на нем, кроме куртки и рубашки, была из того же самого клетчатого материала, которым была покрыта его палатка. Махон был невысок, широкоплеч, с красным агрессивным лицом. У него был крючковатый нос, проницательные светло-голубые глаза и огромная рыжая с сединой борода. Одну руку он держал на эфесе тяжелого, с пластмассовой ручкой

палаша, другую — на бедре; он медленно поднял голову и издал громкий гортанный крик:

— Махон признает ваш белый флаг. Вы пришли для переговоров?

Хотя Рыжий Лис никак не проявлял этого, но капитан Най был уверен, что воздушный фрегат произвел на него должное впечатление.

— Мое правительство хочет мира, Махон,— сказал он по-английски.— Я могу спуститься на землю?

— Да,— ответил на том же языке Гарет-мак-Махон.

По просьбе Ная сломали перила и в образовавшийся проем спустили веревочную лестницу. Най с насколько это было возможно достойным видом спустился вниз и предстал перед хитрым старым лисом. Этот человек открыл для себя идеи анархизма, когда был солдатом и служил в разных столицах цивилизованного мира. Эти идеи он привез в горы, кое-что изменил и использовал для объединения разобщенных племен. Внешность Махона ни в коей мере не обманула Ная. Он четко осознал, что имеет дело не с дикарем. Даже если бы он ничего о нем не знал, то понял бы это по хитрому, умному выражению, которое светилось в его выцветших глазах.

— О, вождь,— начал капитан Най на шотландском языке, немного отдышавшись,— вы опечалили нашего начальника. Я пришел сообщить вам об этом. Он хотел бы знать, зачем его детям понадобилось собирать все это оружие?— Он указал на оружие, разбросанное по лагерю.— И почему оказывают гостеприимство солдатам других берегов.

Был слышен шум бурлившей неподалеку в узком ущелье реки, ее питали воды тысяч маленьких ручейков, пронизывающих горы, они были похожи на белые прожилки в желтом мраморе. Радиусом в полмили вокруг них стояли воины-дикари и смотрели, как их вождь разговаривает с военным, свалившимся с неба. В руке каждого из них был обнаженный меч, и Най знал, что, если он сделает хотя бы одну ошибку, он не успеет вернуться на корабль, потому что они раскромсают его на кусочки этими блестящими клинками.

Улыбка Рыжего Лиса была мрачной, а глаза напоминали отполированный гранит.

— Его Королевское Величество опечалится еще больше, когда узнает, что мы собираемся начать войну с теми пле-

менами, которые были настолько глупы, что встали на сторону солдат. Мы уже разрушили до основания форт Уильяма IV.

— Вождь всех нас накажет вас за это,— сказал капитан,— но он не сразу проявляет свой гнев. Он понимает, что его детей обманули сладкие речи людей из-за моря. Вместо того, чтобы драться самим, они хотят сделать это руками его детей.

Махон потер нос рукой, он выглядел довольным.

— Скажите Его Королевскому Величеству, что мы не его дети. Мы воины гор. Мы хотим жить, как жили раньше. Мы скорее умрем, чем подчинимся кому бы то ни было.

— А ваши женщины? Ваши сыновья и дочери? Хотят ли они, чтобы их мужчины умирали? Будут ли они счастливы, если школы, врачи, лекарства, торговцы исчезнут с вашей земли?

— Мы дадим им наши собственные школы, своих собственных врачей, и в горах Агрилла больше никогда не будет торговцев!

Капитан Най улыбнулся, услышав это, и уже собрался было ответить, когда вдруг заметил, что полог за спиной Махона открылся.

Рядом с вождем встал высокий человек. На нем был костюм из пестрого твида. Поля охотничьей шляпы скрывали его лицо, в правой руке блестел монокль. Во рту торчала черная манильская сигара.

— Боюсь, ваш спор бесполезен, капитан. Вождь уже принял решение, он считает, что в британском правлении недостатков значительно больше, чем преимуществ.

Даже видя этого человека своими собственными глазами и слыша его своими собственными ушами, капитан не мог поверить, что он англичанин. Изменник. Он попытался не показать своего удивления.

— Черт побери, кто вы такой, сэр?

— Просто наблюдатель, старина. И что-то вроде консультанта, я полагаю.— Мужчина замолчал и прислушался к едва слышному шуму, который постепенно заглушил все вокруг, даже шум воды. Он улыбнулся.

— Это мистер Корнелиус,— представил его Махон.— Он помог нам обзавестись воздушным флотом, который сейчас

летит сюда.— Вождь указал куда-то за спину Ная. Капитан Най обернулся, чтобы увидеть то, что он показывает.

Над вершиной самого дальнего хребта плыли около сотни воздушных кораблей. Капитан Най никогда прежде не видел подобных кораблей. Они ощетинились артиллерийскими пушками. Их вытянутые в форме сигар корпуса были похожи на гигантских акул. С обоих боков были нарисованы знаки, на которых соединился черный флаг анархистов и синий крест Шотландии.

— Корнелиус?— Капитан посмотрел на палатку, в которую ушел высокий мужчина.

Рыжий Лис довольно хмыкнул.

— Я думаю, он, скорее всего, инженер,— сказал он,— очень квалифицированный.— Он перешел на английский язык.— Может, когда-нибудь еще и встретимся в Уайтхолле, как вы считаете, господин эмиссар?

— Черта с два!

Най еще раз обернулся, чтобы внимательно посмотреть на военный воздушный флот, занявший все небо, надеясь разглядеть, насколько мощны орудия, и воскликнул:

— По-моему, это просто сон!

— Вы так думаете?

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Кэтрин Корнелиус вышла из квартиры, которую ее брат снимал на Роуис-Сквер. Она быстро шла по темной улице к себе домой, так как знала, что там ее ждал Принц Лобкович со своими друзьями. На улице горело всего несколько газовых фонарей, и их свет едва проникал сквозь туман. Раздавались непонятные приглушенные звуки. Она наконец дошла до Элджин-Крещент и вздохнула с облегчением. Вокруг площади росли высокие деревья и стояли уютные с виду высокие дома; может, потому, что все на этой улице ей было хорошо знакомо, туман уже не казался таким густым, но она окончательно успокоилась только тогда, когда дошла до дома 61. Дрожа от холода, она открыла щеколду на воротах и наконец поднялась по своей лестнице, ища в сумке ключ.

Нашла его, отомкнула дверь и вошла. Туман вплыл вместе с ней. Подобно эктоплазме, он заполнил собою холодную и мрачную прихожую. Не снимая пальто, она пересекла ее и открыла дверь в гостиную. Стены гостиной были окрашены в желтый и светло-коричневые цвета. Она заметила, что огонь в камине почти погас, сняла перчатки, нагнулась и поворошила несколько тлеющих угольков, затем повернулась и только тогда осознала, что она не одна в комнате.

— Это те самые гости, о которых я говорил,— сказал Принц Лобкович негромко.— Извини, совсем забыл про камин.— Он указал на женщину:— Мисс Бруннер,— затем на мужчину:— мистер Смайлс.— Он отошел и сел в кресло в форме подковы, стоявшее недалеко от камина, и положил ногу в сапоге на каминную решетку.

Кэтрин Корнелиус застенчиво посмотрела на мисс Бруннер и насторожилась. Похожа на лисицу, подумала она. Рыжие волосы мисс Бруннер были аккуратно уложены, у нее были красивые черты лица. На ней был хорошо сшитый серый пыльник и маленькая шляпка с вуалью и зеленым пером. Шляпка была слегка сдвинута набок. Плащ был застегнут на все пуговицы. Когда она села на ручку кресла, в котором сидел Принц Лобкович, стали хорошо видны черные сапоги. Мистер Смайлс был лыс, на нем было темно-коричневое свободное пальто, вокруг шеи несколько раз обмотан длинный шарф. Он откашлялся, дотронулся до бакенбард, напоминавших по форме бараньи отбивные, нащупал часы в кармане жилета, вытащил их. Некоторое время он внимательно смотрел на циферблат, затем стал их заводить.

— Который час? Мои часы остановились.

— Время?— Кэтрин Корнелиус оглянулась в поисках часов, которые работали бы. На камине стояли часы в мраморе, в углу комнаты стояли высокие напольные часы.

— Девять двадцать шесть,— сказала мисс Бруннер, глядя на серебряный кулон с часиками, висящий у нее на шее.— Дорогая, вы не покажете нам наши комнаты? И в котором часу мы будем ужинать?

Кэтрин провела рукой по лбу и неуверенно сказала:

— Скоро. Я должна извиниться. Брат не предупредил меня заранее о вашем приезде. Мне нужно отдать кое-какие распоряжения. Извините.— Она вышла из комнаты и, выходя, услышала, как мисс Бруннер произнесла:

— В Калькутте все было совсем иначе.

Кэтрин обнаружила Мэри Гризби, в чьи обязанности входило выполнять всю работу по дому, на кухне со стаканом мадеры в руке, беседующей с кухаркой. Кэтрин отдала распоряжения по поводу комнат и ужина. Служанки неохотно подчинились ее приказам. Она вернулась в гостиную с подносом, на котором стояли бокалы и графины с виски, черри-бренди и тем, что осталось от мадеры.

Мистер Смайлс стоял спиной к камину. Огонь весело потрескивал.

— Ах, прекрасно,— сказал он, подходя к ней и беря поднос у нее из рук.— Вы должны извинить нашу бесцеремонность. Мы путешествуем подобным образом по всему свету. Все дело в этом. Нам не хотелось обременять вас, но... видите ли, мы — бродяги, да, бродяги. Ха, ха!— Он налил виски всем, кроме Кэтрин, которая отказалась.

— Как поживает ваш дорогой брат, мистер Корнелиус?— заговорила рыжеволосая женщина покровительственным тоном.— Путешествуя по разным странам, мы очень скучали по нему.

— Думаю, что хорошо,— ответила Кэтрин.— Благодарю вас.

— Вы очень похожи. Правда, мистер Смайлс?

— Очень.

— Я тоже так считаю,— сказала Кэтрин.

— Очень похожи.— Миссис Бруннер задумчиво опустила веки и сделала глоток. Кэтрин вздрогнула и села на жесткий стул рядом с пианино.

— А как поживает старина Фрэнк?— спросил мистер Смайлс.— А? Мы раньше неплохо проводили времечко вместе. Как у него дела?

— К сожалению, мы редко встречаемся последнее время, мистер Смайлс. Он пишет матери. Иногда присылает открытки.

— Он совсем, как я. Большой любитель побродить по свету.

— Пожалуй.

Принц Лобкович встал.

— Мне пора идти, Кэтрин. Мне не стоит оставаться здесь, принимая во внимание то, как относится ко мне сейчас полиция. Мы, возможно, встретимся на конференции.

— Мне помочь тебе найти извозчика? Думаю, это будет не так просто в такой поздний час. Может, тебе следовало бы остаться...

— Надеюсь, мне удастся найти извозчика. Отсюда до Степни довольно далеко. Но тем не менее спасибо за предложение.— Он поклонился мисс Бруннер и поцеловал ей руку. Пожал на прощание руку мистеру Смайлсу.— До свидания. Надеюсь, здесь вам будет спокойно.— Он засмеялся.— Может быть, хоть вам удастся здесь отдохнуть, им-то вряд ли!— Кэтрин подала ему старомодный армянский плащ и проводила до входной двери. Он склонился к ней и поцеловал в щеку.

— Не унывай, малышка Кэтрин. Очень жаль, что нам приходится использовать твой дом подобным образом, но у нас почти не было выбора. Да, передай привет твоему брату. Скажи ему, что, возможно, мы скоро встретимся с ним. Может быть, в Берлине. Или на конференции?

— Думаю, не на конференции.— Кэтрин обняла его.— Будь осторожен, мой дорогой Принц Лобкович.

Он открыл дверь и натянул шарф до подбородка. Туман стал еще гуще. Надел шляпу. На дороге послышался цокот лошадиных копыт.

— Извозчик.— Он нежно сжал ее руку и побежал в темноту. Кэтрин закрыла дверь и вздрогнула, так как не ожидала услышать голос служанки, которая стояла посередине лестницы.

— Сколько вас осталось, мэм?

Мисс Бруннер вышла из гостиной и остановилась в дверном проеме. Ее лицо казалось пылало, возможно под действием алкоголя. Она посмотрела на Кэтрин интимным взглядом.

— Я думаю, что трое,— сказала она, рукой откинула свои рыжие волосы назад, огладила себя руками по бокам прямой черной юбки. Потянулась к Кэтрин, взяла ее за руку и повела в комнату. Мистер Смайлс стоял у пианино, просматривая ноты сонаты Моцарта.

— Вы играете на пианино, мисс Корнелиус?

ВОСПОМИНАНИЕ (В)

Кто-то поет.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Двух мальчиков, которые месяц назад исчезли из Баллинкрейнской колонии для несовершеннолетних, находящейся около города Белфрона, графство Стерлингшир, нашли мертвыми вчера вечером на дне узкого ущелья в Фринти-Хиллз, в двух милях от школы. Тела десятилетнего Джона Малвера из района Балорнок в Глазго и девятилетнего Яна Финлея из района Реплоч в Стерлингшире были найдены поисковым отрядом, состоящим из полицейских и гражданских лиц, которые в течение месяца прочесывали этот район.

«Гардиан», апрель 13, 1970

Двое мальчиков, в возрасте 15 и 9 лет, были убиты в Дакке во время взрыва бомбы. Взорвалась самодельная бомба, которая была спрятана в мусорной куче напротив Пакистанского консульства. На месте взрыва видели мужчину, который, несмотря на то, что был ранен, удрал с места происшествия на велосипеде.

«Гардиан», май 12, 1970

Трехлетнего мальчика, которого нашли вчера в сломанном холодильнике, стоявшем в саду рядом с его домом в Сомерсете, звали Питер Вилсон. Он жил на Хиллсайд-Гарденс в Йаттоне. Похоже, что холодильник захлопнулся сам. Два месяца назад трехлетние

близнецы Линн и Кэролин Вудз, проживавшие на улице Фарли около Темз-Диттон, умерли, задохнувшись в сломанном холодильнике у себя дома.

«Гардина», июнь 2, 1970

Поль Монкс, в возрасте 14 лет, был найден мертвым после взрыва в лесу рядом с его домом на Хай-стрит, в районе Даквик, рядом с Бекингемом. Мальчика видели в субботу вечером с предметом, который, как оказалось, был не взорвавшейся миной.

«Гардиан», июнь 2, 1970

Вчера четыре человека были убиты, шесть ранено в результате столкновения фургона и двух автомобилей на улице Рут в Линкольншире. Среди убитых двое детей.

«Гардиан», июнь 29, 1970

Вчера было начато расследование обстоятельств смерти в Итоне Мартина Эрншоу, в возрасте 14 лет, сына леди Тайнфорд и мистера Кристофера Эрншоу. Рано утром мальчика обнаружили повесившимся у себя в комнате... Как уже ранее сказал мистер Энтони Ченевикс-Тренч, директор Итонской школы, мальчик пользовался популярностью среди школьников. «Последние несколько дней его трижды присылали ко мне для того, чтобы я поощрил его за успехи в учебе. Мы никак не можем понять, что явилось причиной этой трагедии».

«Гардиан», декабрь 6, 1969

Апокалипсис (Вариант 3)

Джерри повернул с Элджин-Крещент на Лэдброук-Гро-

ув. Старьевщики все еще ходили по улице. Они работали всю ночь при свете краденых фонарей «молния», роясь в огромных кучах мусора, которые лежали по обеим сторонам улицы. То там, то здесь среди полиэтиленовых пакетов и куч из консервных банок тлели небольшие костры.

Джерри шел по середине улицы. Старьевщики, негромко переговариваясь друг с другом, переходили от одной кучи к другой. Дойдя до пересечения Лэдброук-Гроув с Бленхейм-Крещент он остолбенел, увидев, что монастырь Святой Клары разрушен. Его штаб-квартира превратилась в руины. Была снесена стена, окружавшая монастырь, и большая часть здания. Кирпичи и камни были аккуратно сложены в кучу. Непонятно, по какой причине были выбраны именно эти деревья, но дуб и два черных кривых чахлых вяза были бережно огорожены белым заборчиком, остальные деревья спилены и уложены в штабель посередине двора. Самая красивая часть старинной часовни и административный флигель, пристроенный к ней со стороны Уэстбурн-роуд, еще не были снесены. Вокруг стояли различные механизмы для сноса зданий: грузовики, экскаваторы. Шел моросящий дождь, и механизмы были накрыты серым брезентом, который намок под дождем и блестел. Через грязь и кучи мусора он с трудом добрался до вязов, протянул руку и дотронулся до самой нижней искривленной ветви; пнул ногой ограду. Она задрожала. Он вскарабкался на кучу кирпичей и через пролом в стене забрался в часовню. В оконных переплетах, обрамленных свинцом, торчали осколки витражных стекол. Внутри часовни повсюду были разбросаны церковные скамейки, алтарь разорен, торчали провода электропроводки и все вокруг было покрыто кусками штукатурки и слоем пыли белого цвета. Свет в часовню проникал через пролом в потолке и падал на картину «Воскресение Христа», написанную яркими красками. Правда, под воздействием дождя и ветра ярко-зеленые, желтые и красные цвета сильно потускнели. На всех стенах остались пятна от ранее висевших там религиозных картин. Он прошел в административный флигель, первые два этажа еще не были тронуты. В некоторых пустых комнатах он увидел кучки человеческого дерьма. В кабинете настоятельницы монастыря, который был также и его кабинетом, он увидел белый контур в форме большого белого креста, на этом месте во время его последнего посе-

щения монастыря висел крест. Вся мебель, за исключением двух промокших матрасов в одной из комнат, была вынесена. Его друзья, его служащие, его домашние животные исчезли.

Стало немного светлее, он ходил по развалинам и подбирал кое-какие мелочи. Кусочек витражного стекла в форме треугольника, кусочек деревяшки от скамейки, патрон от лампы, крючок, на который монашки вешали свои плохие привычки, ключ от буфета, пенни 1959 года выпуска, который он нашел на полу часовни, один из гвоздей, которым крест был прибит к стене. Он положил все это в карман пальто. Так, несколько реликвий, напоминающих о прошлом.

Он выбрался из часовни тем же путем, что и вошел, и, идя по направлению к дороге, заметил, что к ботинкам прилипли грязь и дерьмо.

За мусорной кучей он услышал звук проезжающего такси. Он быстро вскарабкался на кучу и замахал руками, чтобы остановить такси. Таксист остановился и неохотно согласился подвезти его.

— В аэропорт,— сказал он.

Как он и ожидал, конец света наступил спокойно, распад происходил постепенно. В действительности процесс еще даже не закончился. На первый взгляд, не происходило ничего особенного. Но шли дни, недели, состояние коммуникаций и различных служб медленно все ухудшалось и ухудшалось, казалось, что все еще можно исправить, изменить в лучшую сторону. Но он-то знал, что ничего изменить нельзя.

Он вспомнил своего старого друга профессора Хиру (который иногда называл себя Хайтлодеем), однажды он сопровождал его в поездке по Калькутте, в которой царил хаос, и тот сказал:

— Во всем этом хаосе есть какой-то порядок, хотя и непривычный для нашего понимания. В основе всех событий, происходящих в жизни человечества, можно проследить несколько основных моделей. Распад предыдущего социального строя совсем не значит, что распалось само общество,— просто оно пойдет по другому пути развития. Ритуал остается.

Таксист с опаской посматривал на старьевщиков. Каза-

лось некоторые из них, глядя на такси, считали, что оно могло бы стать лакомым кусочком для них. Водитель нажал на газ и поехал, насколько это было возможно, быстрее. Очень быстро ехать было нельзя, так как несмотря на то, что они ехали по улице с двусторонним движением, она была настолько завалена мусором, что двум машинам на ней было трудно разъехаться.

Джерри задумчиво уставился на дерьмо, прилипшее к его ботинкам.

АПОКАЛИПСИС (ВАРИАНТ 4)

— Нужно во что-нибудь верить. Невозможно жить, если вас ничего не волнует, полковник Корнелиус,— сказал Шейки Моу.

Они вчетвером едва влезли в кабину полугусеничной бронированной машины «остин-путилов» 1917 года выпуска. Бисли вел машину, а Корнелиус, Шейки Моу Колльер и Карен фон Крупп заняли места у пулеметов. Машина медленно двигалась по каменистой местности, они находились неподалеку от восточной части Корнуэлла. Вдали горел дом фермера. Они пытались добраться до горы Святого Майкла — укрепленный островок, находящийся примерно в десяти милях от того места, где они сейчас находились, на южном побережье, напротив города Маразайон. Бисли был уверен, что там он встретит друзей.

Корнелиус старался устроиться поудобнее на твердом металлическом сиденье, но ему это никак не удавалось. Они на что-то наехали, машину подбросило, и все схватились за рукоятки, чтобы не стукнуться. В машине было очень жарко, несмотря на то, что они открыли вентиляционный люк. Члены экипажа, которые обычно ездили на этих машинах, надевали противогазы.

— Может, вы и правы,— согласился Корнелиус.

Он увидел фигуры людей с винтовками в руках, которые двигались по вершине холма, недалеко от того места, где горел дом. Хотя, казалось, они не представляли никакой опасности для них, он не спускал с них глаз. Его пулемет имел особенность заедать в самый неподходящий момент. Он вы-

тащил револьвер «смит-и-вессон» 45 калибра, взятый, как и все остальное оружие, из императорского военного музея, и проверил его. Он работал нормально.

Его беспокоила судьба его жены и детей, о которых он не вспоминал годами. В уме у него был список:

Одна женщина,

один мальчик,

одна девочка.

Недавно какая-то женщина сначала отравила газом своих маленьких детей, мальчика и девочку, а потом перерезала вены себе. Все трое умерли. Не было никаких оснований даже предположить, что это были именно его жена и его дети. Но в сообщении говорилось что-то о каком-то Неле Кауварде и Гертруде Лоуренсе, и это, казалось, было ключом к разгадке чего-то давно и хорошо знакомого. Он вытер с лица пыль и пот и посмотрел на Карен фон Крупп, сидевшую в противоположном углу кабины, широко расставив ноги, юбка у нее задралась. Она была слишком стара. Но он восхищался ее выносливостью.

— Какой дурак решил, что высокогорье — безопасное место,— уже не в первый раз повторил епископ Бисли.— Эти шотландцы — варвары. Я говорил, что нужно было делать ставку на остров Скилли. А здесь мы понапрасну потратили три месяца и десятки раз рисковали своей жизнью.

Машина притормозила.

— Мне кажется, я вижу море.

Джерри подумал: «Как меня угораздило связаться с этими людьми».

— Темнеет,— сказал Колльер. Он встал со своего места и потянулся. Гранаты, висевшие у него на поясе, стукнулись друг о друга.

— Может, остановимся и разобьем лагерь для ночлега?

— Нет, давайте сначала доедем до дороги, которая проходит вдоль берега, если ее еще не разрушили,— сказал епископ Бисли. Он посмотрел через плечо на Джерри, прямо ему в глаза. Самодовольно ухмыльнулся.— Что с вами? Разве чувство вины — это не выдумка писателей?— Он фыркнул, как бы намекая на что-то неприличное.— Может ли истинный злодей испытывать чувство вины? Вы, конечно, можете возразить, что злодеяния являются честной ре-

акцией на то притворство, которое мы называем «чувством вины». Раскаяние — это, конечно, совсем другое дело.— И он отвернулся, сосредоточив все внимание на дороге.

Джерри подумал, не застрелить ли его, а потом посмотреть, что произойдет, когда машина останется без водителя. Епископ всегда переносил свои собственные проблемы на других, и Джерри, казалось, был его любимой мишенью.

— Говорите только за себя,— сказал он.— Я никогда вас не понимал, епископ Бисли.

Колльер хмыкнул.

— Похоже, вам все надоело, так же как и мне, полковник. Я был бы не против что-нибудь предпринять, а вы?

Стало прохладнее, Карен фон Крупп подняла воротник грязного дубленого полушубка, который был на ней.

— Не пора ли закрыть люк?

— Нет,— сказал епископ Бисли.— Это было бы равносильно самоубийству, мы бы задохнулись от выхлопных газов.

Карен фон Крупп возразила сердито:

— Я не верю вам.

— Ну, еще не так уж холодно.— Шейки Моу ничего не оставалось, как примириться.— Выше голову, фрау доктор.— Он ухмыльнулся и начал передвигать свой пулемет по смотровой щели.— Брррррр. Брррррр. Мы с тем же успехом могли ехать и на велосипедах.

— Вам что, недостаточно Портсмута?— спросила Карен фон Крупп с горечью в голосе.

— Мой пулемет был единственным, который работал.— Колльер указал на свой пулемет.— Я слежу за своим оружием. Все остальные заело после пары очередей.

— Нас чуть не убили,— сказала она, с укором посмотрев на Джерри.— Я считала, что фельдмаршал Най ваш друг?

Джерри пожал плечами.

— Он точно так же выполнял свой долг, как и я.

— Причуды закона и порядка,— объяснил Колльер, закуривая сигарету.— Было бы неплохо послушать какую-нибудь музыку.

Взрыв потряс машину, мотор жалобно завыл.

— Черт побери!— выругался Колльер с облегчением.— Мины!

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Вчера умер четырнадцатилетний мальчик, который в субботу вечером упал с высоты 60 футов с крыши магазина недалеко от своего дома в Ливерпуле. Имя мальчика — Вильям Браун, он проживал на Шемроукроуд, в районе Порт-Санлайт.

«Гардиан», декабрь 29, 1969

Вчера сроком до 16 февраля был вновь взят под стражу для проведения дополнительного расследования мальчик 13 лет, проживающий в городе Ормскерке, графство Ланкашир. Он был обвинен в убийстве десятилетней Джулии Мери Бредшоу из Скелмерсдейла. Тело девочки было найдено в понедельник вечером на чердаке одного из домов.

«Гардиан», февраль 11, 1969

На поле для гольфа в Бристоле было найдено тело мальчика 12 лет, который умер от нанесения ему четырех или пяти жесточайших ударов по голове, как было сообщено после вскрытия трупа. Удары могли нанести деревянным колом, сообщила полиция. Мартин Торп, с Рай-роуд из Фултона, пришел на поле для гольфа, чтобы поискать мячики.

«Гардиан», апрель 2, 1970

Одна школьница убита и еще пять детей и двое взрослых были ранены во время обстрела арабскими партизанами северной части израильского города Бейзон ракетами «Катюша», сделанными в России. Три ракеты упали на детскую площадку во дворе школы.

Двое детей, получивших ранения, находятся в тяжелом состоянии.

«Гардиан», апрель 2, 1970

Школьник Майк Кенан, в возрасте 12 лет, утонул вчера в водохранилище в Дурфорде, около Челмсфорда, графство Эссекс, во время похода за птичьими яйцами со своими друзьями.

«Дейли экспресс», июнь 8, 1970

Вчера полиция усилила меры по поддержанию порядка в Варшаве. В четверг в порту Счечесин был вновь введен комендантский час после того, как там произошло ужасное побоище... Репортер шведского радио, мистер Андрео Танворг, сказал: «Танки неоднократно врезались в толпу, люди бросались врассыпную, стараясь не попасть под гусеницы. Одной женщине и ребенку не удалось вовремя отскочить и танк наехал на них. Молодой солдат, стоявший в это время поблизости, заплакал, увидев это».

«Скотчмен», декабрь 19, 1970

ВОСПОМИНАНИЕ (Г)

Вы убиваете собственных детей.

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Задрав ночную сорочку до пояса, Уна Перссон прижалась всем своим хрупким телом к Кэтрин Корнелиус, которая лежала под ней. Одежда Кэтрин лежала, аккуратно сложенная, на пуфике рядом с туалетным столиком. Одежда Уны: летнее платье английского покроя, чулки, трусики и бюстгальтер — были разбросаны по всей комнате. Спальная комната, в которой они находились, нуждалась в ремонте. Был день, ярко светило солнце. Лучи солнца пробивались сквозь ветхого вида тюль и давно немытые пыльные окна.

Со страстью в голосе Уна сказала:

— Ты моя любимая. Моя дорогая.

Кэтрин ответила:

— Дорогая, дорогая Уна.

Она изогнулась всем своим телом, дрожа от страсти. Прижимая к себе Кэтрин все сильнее и сильнее, Уна поцеловала ее в губы.

— Любовь моя!— Уна издала громкий страстный стон.

— О!

Чуть позже открылась дверь. Вошла мисс Бруннер, одетая аккуратно и нарядно.

— Все девочки в сборе,— рассмеялась она. Она не извинилась за вторжение, и было видно, что ей доставило удовольствие прервать их и смутить.— Нам скоро будет необходимо заняться делом. А комнату нужно убрать.

Уна отодвинулась от Кэтрин и, ни слова не говоря, смотрела на мисс Бруннер, которая выглядела свежей и бодрой в своей одежде из хлопка и кружев и была похожа на ультромодный мотоциклет.

— Пришла новая горничная,— сказала мисс Бруннер.

Она стала собирать по комнате одежду Уны Перссон.— Она хочет здесь убраться.

Кэтрин была в недоумении.

— По-моему, в этом нет необходимости...

— Входите,— мисс Бруннер распахнула дверь.— Вам необязательно выходить из комнаты.— Из-за ее спины появилась горничная, одетая в комбинезон из зеленой фланели, на голове у нее была грязная наколка. В одной руке она держала ведро, в другой — тряпку. Растрепанные волосы падали ей на глаза.— Это — миссис Вейзи.

Уна натянула на себя простынь.

— О, боже!— сказала уборщица, узнав в одной из девушек свою дочь Кэтрин.

Кэтрин отвернулась.

Миссис Вейзи, все еще держа тряпку и ведро в руках, сделала неопределенный жест руками. Она была страшно расстроена. Ей было стыдно за себя.

— Это временная работа, Кэт,— сказала она. С несчастным видом она посмотрела на мисс Бруннер и увидела на ее губах едва заметную улыбку.— Могу я?..— Потом вдруг осознала, что мисс Бруннер с самого начала знала, что ее настоящее имя не мисс Вейзи (это была фамилия одного из ее бывших мужей), и, кроме того, она отлично знала, что Кэтрин ее дочь.

Миссис Корнелиус вздохнула.

— Ах, ты чертова корова,— сказала она мисс Бруннер. Взглянула на парочку в кровати.— Чем это вы там занимаетесь?— Она вдруг вспомнила, что когда-то и она лежала вот так, как Кэтрин сейчас. Она подумала, сколько денег она могла бы тогда заработать, если бы не была слишком щедрой и мягкой. Затем вновь вспомнила о дочери. Она окунула тряпку в ведро с водой. И, указывая на мисс Бруннер, сказала, обращаясь только к Уне Перссон, так как ее дочь накрылась простыней с головой и ее не было видно:— Ты будь с ней осторожна, милочка. Она и до тебя доберется, если у нее только подвернется подходящий случай.

— Как вы знаете, вам платят не за ваше нахальство,— ответила мисс Бруннер негромко, направляясь к двери,— а за уборку комнат. Вы, миссис Вейзи, относитесь к женщинам, которые стоят не больше десяти пенни, и я уверена, вы сами об этом знаете. Если вас не устраивает ваша работа...

— Да, будет вам.— Миссис Корнелиус начала развозить тряпкой грязь по линолеуму.— Думаю, вы найдете немного желающих работать в третьесортном публичном доме!— Ее гнев становился все сильнее, она вдруг обрела чувство собственного достоинства.— Твою мать...— Она подняла ведро и выплеснула его содержимое на мисс Бруннер. От воды у той обвисли накрахмаленные кружева.

Мисс Бруннер зашипела, сжала кулаки и стала надвигаться на миссис Корнелиус; не мигая, уставившись на нее, миссис Корнелиус ответила ей таким взглядом, полным собственного достоинства, что мисс Бруннер, с которой стекала вода, даже остановилась от неожиданности.

— Ты ничего из себя не представляешь, глупая шлюха, вот кто ты. С меня достаточно. Кэт!

Кэтрин выглянула из-под простыни.

— Ты идешь, Кэт?

Кэт отрицательно покачала головой.

— Я не могу, мам.

— Ну, как знаешь.

Уна Перссон сказала:

— Я позабочусь о ней, миссис Корнелиус.

Миссис Корнелиус сняла наколку и фартук и бросила их к ногам мисс Бруннер.

— Не уверена, что тебе это удастся, милочка,— сказала она мягко.— Не позволяйте мадам командовать собою.

Мисс Бруннер казалась парализованной. Миссис Корнелиус, казалось, даже стала выше ростом, когда она, подбоченясь и пританцовывая, прошла мимо промокшей насквозь мисс Бруннер.

— Я вас знаю! Я вас знаю!— напевала она.— Я вас знаю! Я вас знаю! Да, да, да!

— Дома все нормально, мама?— спросила Кэтрин.

— Нормально.— Миссис Корнелиус была довольна собой, хотя некоторое время спустя она, может быть, и будет сожалеть о том, что произошло. Она нанялась на работу из-за мальчика, после разговора с Сэмми. Но сегодня вечером опять придется одеть свои перья и оборки и отправиться в парк Креморн. Правой рукой она оттянула одетый на мисс Бруннер корсет и послышался громкий треск от того, как он щелкнул по ее телу. Мисс Бруннер стояла, не двигаясь. Миссис Корнелиус захихикала.

— Не позволяйте ей носить это.— Она еще разочек обошла мисс Бруннер и помахала ей рукой от двери.— Пока, пока, грязнуля.

В ужасе Кэтрин пробормотала матери:

— До встречи.

— Содержи себя в чистоте — и все будет нормально,— посоветовала миссис Корнелиус, закрывая дверь. Последнее, что увидела Кэтрин, была хитрая ухмылка.

Мисс Бруннер возмущенно фыркнула и ожила.

— Ужасная женщина. Я вынуждена уволить ее. Пойду переоденусь. Прошу вас одеться к тому моменту, когда я переоденусь.

Уна не понимала, для чего все это было нужно.

— Это же фарс. Кто будет у нас в гостях сегодня вечером?

— Принц Лобкович и его друзья придут в шесть часов.

— О,— сказала Кэтрин, вспоминая, кто это.

— Глупые существа,— сказала мисс Бруннер.

Уна Перссон высоко подняла брови.

— Ага.

— От сегодняшнего вечера зависит наш успех,— сказала мисс Бруннер и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Уна погладила бедро Кэтрин под простыней.

— Может, это та самая «большая встреча»?

Кэтрин отрицательно покачала головой.

— Пока нет.

— Хотя мы знаем, что это уже произошло. А что будет после встречи? Это действует мне на нервы. Недостаточно информации. Ты когда-нибудь думаешь о природе времени?

— Конечно,— Кэтрин пододвинулась так, чтобы ей было удобно целовать плоский живот Уны Перссон, и одновременно рукой слегка дотронулась до клитора подруги. Уна от удовольствия застонала. С того места, где она лежала, была видна брошенная тряпка, поваленное ведро, фартук и наколка.

— А твоя мать с характером. Я не ожидала от нее такого.

— Я тоже.— Язык Кэтрин был похож на крылышки пойманной бабочки, рукой она посильнее надавила на клитор. Уна откликнулась на ласку.

— Они обе меня перепугали,— сказала Кэтрин.— Я все еще не отошла от этого.

— Забудь об этом.

Уна хрипло удовлетворенно застонала.

— Тебе хорошо?— прошептала Кэтрин Корнелиус.

«У Молли О'Морган была маленькая шарманка,
На ней всегда было яркое платье,
Ее можно было встретить на улице каждый день,
Играющей тра-ля-ля-ля-ля.
Парни, которые знакомились с ней,
Уже никогда не могли ее забыть,
Она сводила их с ума.
Молли О'Морган была ирландка с итальянской примесью,
И у нее была маленькая шарманка!»—

пел майор Най, подкручивая свои восхитительные усы и придерживая руками широкое клетчатое пальто, когда пересекал болотистую местность, за ним тащился Себастьян Очинек. Очинек чувствовал себя несчастным и безнадежно оглядывался в поисках каких-нибудь признаков человеческого жилья, предпочтительно гостиницы. Но вокруг не было видно ничего, кроме травы утесника, камней, изредка пролетавших птиц и нескольких пугливых овец. Если бы майор Най не был одним из самых крупных акционеров сети оборудованных залов в провинции, Очинек уже давно бы начал жаловаться. Но ему было необходимо заполучить хороший контракт на год для Уны где-нибудь недалеко от Лондона (как он и предполагал, в Лондоне закрыли все концертные залы), этим контрактом он хотел компенсировать разочарование, которое постигло Уну, когда ей не удалось выступить в «Эмпайер».

— Это одна из песен Эллы Ретфорд,— объяснил майор Най, остановившись и с восхищением разглядывая болотный вереск.— В репертуаре вашей подружки есть что-нибудь типа этого?

— Есть еще лучше,— не задумываясь, ответил Очинек смиренно, но с отвращением глядя на огромное болото, распростершееся перед ним.— У нее все песни высшего качества, майор.— Он засвистел сложную мелодию.— Это — одна из ее песен. «Официанты заставляют меня двигаться».

— Это значит, что мне придется ехать в Лондон,— сказал майор Най, двигаясь осторожно.— А Лондон не самое безопасное место в наше время, не так ли?

— Сейчас везде опасно, майор.

— Я просто ненавижу Лондон, мистер Очинек.

— О, я вас понимаю.— Очинек задумчиво наблюдал за птицей, которая, хлопая крыльями, взлетела в небо. Майор Най поднял свое пороховое ружье и притворился, что прицелился.

— Бах!— сказал майор.— Вообще-то,— продолжил он,— мне, между прочим, необходимо поехать в Лондон по одному очень важному делу в ближайшие дни. Я еще точно не знаю, когда именно, попросите у меня в офисе, чтобы вам сообщили, когда я там буду.

— И тогда вы ее прослушаете?

— Именно это я и имел в виду, старина. Если, конечно, у меня будет время. Между прочим, который сейчас час?

Очинек удивленно посмотрел на него.

Майор Най повел плечами. Небо было темно-синего цвета, воздух был мягким и теплым.

— У меня очень много дел,— сказал он.— То одно, то другое.

— У вас множество интересов,— сказал Очинек с восхищением.

— Да, очень много. Я играю,— майор рассмеялся,— сразу много разных ролей, как вы выражаетесь.— Он дотронулся рукой до галстука с широкими, как у шарфа концами.— Как, впрочем, и все...— Он улыбнулся кривой загадочной улыбкой. Очинек твердо решил приобрести себе костюм из твида, такой же, как и у майора, и широкое пальто с поясом и поставил себе целью приобрести небольшой дом где-нибудь в Сомерсете или Девоне. Он ненавидел жизнь за городом, но другого выбора, казалось, не существует. Они взобрались на холм и посмотрели на извилистую дорогу, ведущую в Порлок. За дорогой распростерлось блестящее море. По пыльной, немощеной дороге едва плелся экипаж, запряженный парой гнедых. Экипаж был старым, и его давно пора было как следует отремонтировать.

Майор Най стоял, опираясь на свое ружье, и с изумлением наблюдал за экипажем, который медленно взбирался на холм.

— По-моему, это викарий едет ко мне в гости. Да, наш викарий путешествует с шиком. Раньше он ездил верхом. Один из самых лучших охотников в наших местах. Хоть и не раз падал с лошади. Ха, ха.

Седая голова показалась в окошке и бледная рука помахала им.

— Майор! Майор!

— Викарий! Доброе утро! Хотите сообщить что-нибудь новенькое о моем разбойнике?— Майор Най улыбнулся Очинеку.— Мой сын сейчас служит в армии.

— Попал в плен. Пленник.

— Что? Мой старший?

— Да, майор. Я везу вам телеграмму. Я был в городе, когда ее прислали. Я сказал, что передам ее вам.

Очинек понял, что его опять преследует неудача. Он вздохнул — он выбрал неудачное время для встречи с майором Наем.

— Машины типа бронетранспортеров,— продолжал кричать викарий охрипшим голосом,— врезались в их ряды и отрезали их. Почти все убиты. Он сражался отважно. Об этом напечатают завтра в газетах.

— О, черт побери!

— Он ранен!— Викарий окончательно сорвал себе голос, экипаж задел за камень и подпрыгнул. Кучер заорал на лошадей.

— Вы возвращаетесь в Лондон на электричке, которая отходит в семь тридцать, мистер Очинек?— спросил майор Най.

— Ну...— Очинек надеялся, что его пригласят переночевать.— Если это самый удобный поезд.

— Я поеду с вами. Быстро, хватайте лошадей за узду и заставьте их двигаться побыстрее. Доедем с викарием до моего дома, и я успею собрать вещи.

— В каком сражении захватили в плен вашего сына?— спросил Очинек, когда они спускались вниз к дороге.

— Черт побери!— воскликнул майор Най, останавливаясь, чтобы отцепить вереск, прилипший к его носку.— Полк? Конечно, восемнадцатый уланский.

— Я спросил, где это произошло?

— Боже! Мой мальчик! Не может быть!

Принц Лобкович был почти уверен, что за ним полдня следит полицейский агент, и хотел бы надеяться, что на самом деле это не так. Он посмотрел на часы: он ждал посланника, стоя неподалеку от единственных из сохранившихся ворот в Букингэмский дворец. Незаметно разглядывая всех, проходивших мимо, он пытался определить, кто из них агент (прохожих было немного), но не заметил никого подозрительного, повернулся в сторону дворца и начал рассматривать его. Прошел уже год, как он был забит досками, но стражники в красной одежде и меховых киверах все еще стояли в караульных будках. Это место было не хуже любого другого, где можно было бы встретиться с посланником. И уж наверняка это место было сейчас одной из самых нейтральных на земле территорий. Швейцарские карманные часы с горным пейзажем на внутренней стороне крышки были подарком мисс Бруннер. Ему никогда сразу не удавалось найти кнопку, открывавшую крышку. Он решил, что, как только закончится большая встреча, купит себе электронные наручные часы, что-нибудь типа тех, которые сейчас делают французы. Ему нравилось все новое. В конце концов именно это привело его в политику.

Посланник опаздывал. Принц Лобкович вытащил из кармана фрака свернутый в трубочку номер «Юмориста» («Типично британский журнал, но вовсе не старомодный») и стал внимательно изучать его, держа его так, чтобы была видна обложка журнала с изображением собаки Бонзо. Определенный номер определенного журнала был оговорен заранее. Принцу Лобковичу нравился журнал «Юморист». Он погрузился в чтение, непроизвольно улыбаясь напечатанным в нем шуткам.

Некоторое время спустя мужчина средних лет с аристократической внешностью и военной выправкой налетел на Лобковича и притворился, что узнал его. Говоря по-английски с легким акцентом, он радостно воскликнул:

— Бог мой! Да ведь это же ты, старина Генри!

Лобкович притворился удивленным и сказал:

— Неужели это ты, Джордж?

— Да, конечно. Как здорово, что мы встретились.

Лобкович нахмурился, пытаясь вспомнить дальнейшие слова. Он неохотно скрутил журнал и положил в карман, журнал сильно выпирал из кармана.

— Пойдем выпьем, старина.— Лобкович похлопал мужчину по плечу.— Нам есть о чем поговорить.

— Да, конечно!

Они перешли улицу и вошли в парк Святого Джеймса, в котором были десятки аттракционов, и на каждом из них звучала своя музыка. Мужчина негромко сказал:

— Я — полковник Пьят, меня прислало наше посольство.

— А я — Принц Лобкович, представляю эмигрантов. Надеюсь, наша встреча окажется плодотворной.

— Я тоже надеюсь на это.— Они дошли до аттракционов, расположенных вокруг озера. Ленты, флаги, раскрашенные холсты, медь и сталь, ярко нарисованные деревья — все двигалось по кругу, вверх и вниз, а люди визжали, громко смеялись и хихикали.

Пьят остановился у палатки, около которой сидела несчастная на вид обезьянка, рядом стоял ее хозяин — старый итальянец, на голове у него был цилиндр. Итальянец широко улыбнулся и предложил Пьяту купить мороженое. Пьят остановился, протянул руку и нежно погладил обезьянку. Он отрицательно покачал головой и двинулся дальше, отказываясь от мороженого.

— Мороженое!— закричал итальянец, как будто Пьят забыл купить его.— Мороженое!

Одетый во фрак и с цилиндром на голове, Пьят с величественным видом пошел дальше.

— Мороженое?— спросил итальянец Лобковича, который шел на два шага позади Пьята. Лобкович отрицательно покачал головой. Не оборачиваясь, Пьят спросил:

— Есть какие-нибудь новости о Корнелиусе?

— Вы имеете в виду Джеремиа?

— Да.

— Никаких. Такое впечатление, что он исчез окончательно.

— Ну, может это и к лучшему. А вы как считаете?

— Его умение проникать в суть вещей очень полезна.

— Но он также обладает способностью расстраивать все дела. А нам накануне большой встречи это совсем не нужно.

— Согласен.

Они шли под низко висящими ветками ив, под которыми прогуливались молоденькие сильно накрашенные проститутки, мимо каруселей, качелей, американских горок. В парке было много людей.

— Этим крестьянам очень весело,— Пьят хотел произнести это с иронией, но ему это не удалось.— Боже! Эти люди обречены, но они все еще веселятся.

— Вы учились в Итоне? Я тоже,— сказал Лобкович и улыбнулся развязной девице, смотревшей на него.— Вам не нравятся аттракционы?

— Я практически никогда их не видел. Только однажды в Финляндии. Там еще были цыгане. Да. Около Рувениеми, насколько я помню. Весной. Сам я не катался. И еще я запомнил, как цыганка разбила весенний лед и полоскала в реке белье. Там были очень похожие аттракционы, хотя, пожалуй, было меньше металла и дерева. Все было также ярко раскрашено.— Полковник Пьят улыбнулся.

— Когда вы в последний раз были в Финляндии?— Лобкович нагнулся и прошел под веревкой, при помощи которой была натянута одна из палаток. Он глубоко вдохнул в себя воздух с запахами машинного масла, гари и навоза.

Полковник Пьят повел плечами и сделал неопределенный жест рукой.

— Это было в те времена, когда Финляндия еще существовала.— Он улыбнулся на этот раз более открытой улыбкой, чем в предыдущий раз.— Я любил бывать в Финляндии. Финны очень простые люди.

К ним подошла пожилая женщина, продававшая лаванду. На ней была красная шаль, которая не гармонировала по цвету с ее цветами. Она заговорила жалобным голосом, протягивая им букетики.

— Купите, сэр. Пожалуйста, сэр.— Она кивала при этом головой, как бы вынуждая их кивнуть ей в ответ.— Они принесут вам удачу, сэр. А какой сладкий запах, сэр. Пожалуйста, купите, сэр.

Пьят первым засунул руку в карман и вытащил полкроны. Он отдал ей монету и получил букет. Букетик был завернут в бумагу серебряного цвета. Лобкович дал ей два шиллинга и получил такой же букетик. Женщина спрятала деньги куда-то между складками огромной грязной юбки.

— Благодарю вас, джентльмены.

Они тотчас забыли о существовании букетиков, которые держали в руке, и пошли дальше.

— Но вашим людям пришлось аннексировать Финляндию,— сказал Лобкович.

— Да.— Пьят поднял руку к лицу и тут заметил, что у него в руке зажат букет. Он засунул его в петлицу.— Это было сделано, чтобы получить еще один выход к морю.

— Вы действовали, конечно, по принципу практической целесообразности.— Лобкович нахмурился.

— А разве не все действуют именно по этому принципу? Ладно вам, Принц Лобкович. Ну, что, будем заниматься школьными нравоучениями? Или обсудим то, чем нам придется заняться в ближайшем будущем?

— Там, возможно, тоже не обойтись без школьных нравоучений?— Лобкович вытащил букетик из петлицы и выбросил его. Он упал в грязь рядом с лужей.

Полковник Пьят сказал благожелательно:

— Простите меня. Я знаю. Я знаю...— Он уступил.

Толпа уличных мальчишек с криками пробежали мимо них. Один из мальчишек, пробегая мимо, бросил на Лобковича быстрый проницательный взгляд. Лобкович нахмурился и ощупал свои карманы, чтобы удостовериться, что его не обокрали. Но все было на месте, даже «Юморист».

Они поднялись к выступающему далеко в озеро пирсу, пробираясь к нему по деревянному настилу, который был переброшен через грязь. На пирсе стояли несколько пар. Они остановились.

— Стороны меняются,— сказал Принц Лобкович. Они стояли рядом и смотрели на уток и фламинго. На противоположном берегу прогуливались нарядно одетые красотки под руку со своими ухажерами, разодетыми в пух и прах, котелки у них были лихо заломлены набекрень. Шарманка наигрывала сентиментальные мелодии. Медведь танцевал. Мимо проплывали лодки.

На фоне вечернего неба на западе они видели крышу Букингэмского дворца, а на востоке — крышу здания Казначейского гарнизона, ощетинившуюся стволами орудий.

— Становится все холоднее,— сказал полковник Пьят, застегивая пуговицу на своем элегантном пальто. Принц

Лобкович заметил шелковый носовой платок в левом рукаве у полковника. По небу плыли серые облака, слегка окрашенные в красный цвет.

— Все уходят.— Пьят остановился и поднял камешек. Он бросил его в воду. По воде разошлись небольшие круги. К поверхности поднялись рыбы и через несколько секунд снова погрузились в воду.— У нас осталось совсем немного старых друзей. Пустые песни.

ВСТРЕЧА

— Мне нравится путешествовать, но еще больше — возвращаться,— сказала миссис Корнелиус, затачивая нож для мяса и глядя с любовью на кусок жареной свинины.

Стол был накрыт красной плюшевой скатертью. По краям скатерти была пришита широкая бахрома синего цвета. Поверх этой скатерти лежала другая, белая, льняная, по краям которой были пришиты английские кружева. На льняной скатерти стояли огромные фарфоровые блюда, на которых были нарисованы розы, на блюдах лежали овощи. На столе также лежали огромные ножи с костяными потрескавшимися от времени ручками, массивные вилки, ложки, салфетки, вложенные в пожелтевшие кольца из слоновой кости, серебряная солонка, серебряная горчичница, серебряная перечница. За столом сидели дети миссис Корнелиус и еще несколько гостей. Они пришли на «особый» завтрак, который миссис Корнелиус обычно устраивала по воскресеньям. Сэмми, который в подобных ситуациях обычно исполнял роль хозяина дома, сидел рядом с ней в костюме из саржи, который был ему узок, как обычно, изнемогая от жары, но на этот раз он изнемогал от жары совсем не по той причине, по которой ему было жарко обычно: обычно ему было жарко от работы, а сегодня от страха. Худой мальчик с голодным видом сидел рядом с Сэмми, у него текли слюнки в ожидании того момента, когда наступит его очередь получить порцию мяса. Губы его матери вытянулись трубочкой, она все еще продолжала точить нож. Волосы, завитые щипцами, были уложены в прическу в стиле мадам Помпадур,

на ней было цельнокройное платье фиолетового цвета, на котором были нашиты кружева, имитирующие валансьен. Подложные плечи еще больше расширяли и без того поражающую своими размерами фигуру.

— Передавайте свои тарелки,— сказала она, собираясь резать мясо.

Раздался звон передаваемых тарелок. Кэтрин, которая сидела рядом с матерью, передала ей тарелку Фрэнка. Фрэнк взял тарелку у своей знакомой, мисс Бруннер, и передал ее Кэтрин. Фрэнк и мисс Бруннер были одеты в очень похожие костюмы темно-серого цвета. Только в петлице у Фрэнка была роза. На лице его была самодовольная ухмылка, говорившая о том, что он старается вести себя за столом как можно более прилично. Мисс Бруннер также старалась вести себя дружелюбно.

— Неплохой кусочек свининки,— приговаривала миссис Корнелиус, разрезая свинину на куски.

— Да, выглядит очень аппетитно,— сказала мисс Бруннер. Она подмигнула мистеру Смайлсу, сидевшему напротив нее в рясе викария, которым он когда-то был на самом деле.

— Я сегодня в роли бармена?— спросил мистер Смайлс, указывая на стоящий на комоде бочонок и пустые кружки. Он выразительно ухмыльнулся в черную бороду.

— Неплохая мысль,— сказала миссис К.

— Светлого?— спросил мистер Смайлс.

— Я не против,— сказал Сэмми.

Мистер Смайлс встал и подставил первую кружку под струю.

Несмотря на то, что был день и на улице было светло, тяжелые велюровые занавеси были плотно закрыты и по обеим сторонам заваленного всякой всячиной камина горели газовые лампы. Миссис Корнелиус боялась, что соседи могут заглянуть с улицы в ее комнату. Если бы они увидели, как обильно накрыт стол, они бы поняли, что в доме водятся деньги и вполне могли бы ограбить ее. А в данный момент в доме действительно были деньги.

В комнате было душно, она вся пропахла мясом. От блюд с овощами шел пар.

Кусок за куском вся свинина, и поджаристая корочка, и начинка, была положена на тарелки. Миссис Корнелиус бы-

ла щедрой, хотя, быть может, и не очень хорошей кухаркой. Шум усилился после того, как овощи были разложены по тарелкам.

— Подливку?— мисс Бруннер передала соусник Фрэнку.

— Яблочный соус?— Сэмми передал блюдо с соусом мальчику, который положил себе на тарелку изрядную порцию. Он любил яблочный соус.

— В духовке есть еще картошка,— сказала миссис Корнелиус, когда мистер Смайлс посмотрел на почти пустое блюдо. Мальчик вскочил на ноги и быстро пошел на кухню, с тем чтобы как можно быстрее вернуться и продолжать есть.

— Капусты?— спросила Кэтрин Фрэнка.

— Брюквы?— спросила мисс Бруннер мистера Смайлса.

— Пастернак?— Глядя вопросительно, Сэмми протянул блюдо.

— Костный мозг уже съели, мама,— с сожалением в голосе сказала Кэтрин.

Миссис Корнелиус любила костный мозг. Но она сдержала свое раздражение, подняла кружку с пивом и произнесла тост, обращаясь сразу ко всем:

— За всех вас!— Она осушила кружку и изящно взяла в руки вилку и нож.— Вот это жизнь!

Ее сын вернулся с картофелем и поставил его на стол. Он быстро уселся на свое место и продолжал жадно поглощать пищу. Мисс Бруннер, евшая быстро, но сдержанно, посмотрела на него. Она приложила салфетку к губам. Он не обращал на нее никакого внимания.

— Жаль, что твоя подруга не смогла прийти,— обратилась миссис Корнелиус к своей дочери.— Что с ней, больна?

— Да, мама.

— Жаль.

Некоторое время они ели молча, был слышен только стук вилок и ножей о тарелки, затем Фрэнк сказал:

— Я слышал, что какие-то люди разыскивают Джерри, мама.

— Не упоминай его имени при мне!

Мальчик, который уже почти проглотил все, что было у него на тарелке, с интересом посмотрел на Фрэнка.

— А что такого он натворил?

— Давайте не будем говорить об этом,— сказал мистер

Смайлс, смеясь. Он взглянул на миссис Корнелиус:— Никто не хотел вас обижать.

— А я и не обижаюсь,— мрачно произнесла она.— Вы совершенно правы. Давайте действительно не будем говорить об этом.

— Они никогда не найдут его,— сказал мальчик.

— Маловероятно.— Кэтрин нежно и с восхищением посмотрела на своего младшего брата.

— А кто эти люди?— спросил мальчик.— Ну, те люди, которые ищут его?

— Иностранцы,— ответил Фрэнк,— в основном.

Мисс Бруннер ткнула вилкой в рукав его рубашки и на рукаве осталось четыре небольших жирных пятнышка, похожие на следы от укуса.

— А может, они хотят дать ему работу?

— А может, и нет,— произнес Фрэнк.

— Кому добавки?— спросила миссис Корнелиус.

Все, кроме мальчика и мисс Бруннер, отказались.

— Я вижу, вы соскучились по хорошей домашней еде, в этом нет ничего удивительного,— обратилась к мисс Бруннер миссис К. Она положила два небольших кусочка мяса на ее тарелку.

— Вкусно,— сказала мисс Бруннер. Она незаметно улыбнулась миссис Корнелиус, как бы намекая на что-то, известное только им обеим.

Миссис Корнелиус отдала мальчику остаток ножки и затем, даже не спрашивая его, положила ему на тарелку остывшие овощи.

Мисс Бруннер быстро доела то, что было у нее на тарелке, и откинулась на спинку стула.

Кэтрин собрала грязные тарелки и отнесла их на кухню.

— Посмотри, как там пирог, хорошо?— попросила ее мать. Обращаясь к мисс Бруннер, она доверительно сказала:— Пирог просто превосходный.

— Я в этом не сомневаюсь.

После того, как сливовый пирог и сыр были съедены, а портвейн выпит, все члены семьи и гости, за исключением мальчика, который заснул, закурили — кто сигареты, кто трубки, а кто сигары.

— Да, пирог был неплохой,— сказал Сэмми.— А то мне надоели мясные пироги, честно говоря.

Миссис Корнелиус самодовольно улыбнулась.

— Ах ты старый льстец.— В тот момент она наливала себе пиво из бочонка, стоявшего на комоде. Она наклонилась и поцеловала его в лысину. Он фыркнул и покраснел.

Мистер Смайлс, которому не понравился обед, погладил свою бороду, которая была испачкана жиром, и сказал несколько натянуто:

— Вы отличная кухарка.

— Я люблю готовить простые блюда,— ответила миссис Корнелиус, принимая комплимент и дополняя его.— О, черт побери.— Пиво полилось через край. Она слегка провела пальцами по стенкам кружки, сунула пальцы в рот и облизала их.— Прошу прощения, викарий.

Сэмми достал из кармана очки и начал протирать стекла. Затем стал внимательно разглядывать их.

— Линзы,— сказал он,— разбились.

— Вы уже успели осмотреть дом?— спросила миссис Корнелиус мисс Бруннер.

— Нет.— Она громко рассмеялась.

— Пойдемте, я вам покажу.

— С удовольствием.

— Тогда, пошли.— Обе женщины вышли из комнаты.

— Есть хоть какие-нибудь новости из Америки?— Мистер Смайлс набивал табаком трубку.

Фрэнк смотрел на дверь, через которую вышли мисс Бруннер и его мать. Казалось, что-то беспокоит его.

— Что вы сказали?

— Я спросил об Америке. Что там происходит?

— Да ничего особенного.— Фрэнк встал, глядя отсутствующим взглядом на мистера Смайлса. Он облокотился о камин.— Как идут ваши дела?

— Какие дела?— Мистер Смайлс подмигнул ему. Но Фрэнк не обратил на это никакого внимания. Он пошел к двери.

Кэтрин положила свою руку на его.

— Не обращай внимания, Фрэнк. Ведь это же не конец света, в конце концов.

Казалось, эта мысль испугала его. Она быстро сказала:

— Даю тебе шиллинг, если скажешь, о чем ты думаешь.

— Слишком мало!— рассмеялся Сэмми, пересевший в кресло. Он чувствовал себя очень одиноко. Но, как он и ожидал, никто не ответил.

Мистер Смайлс почувствовал, что его сейчас вырвет.

— А где находится, ну вы знаете, что я имею в виду?— спросил Сэмми.

Сэмми указал на коричневую дверь.

— Идите в эту дверь, о потом налево,— сказал он и взял старый номер журнала «Иллюстрированные лондонские новости», у которого было цветное приложение по поводу юбилея под названием «Англия — это значит слава». Сэмми улыбнулся. Это было совсем недавно. Он подумал, как бы все было, если бы старая королева не умерла.

На лестнице мистер Смайлс по ошибке повернул направо и оказался перед дверью спальни. Изнутри раздавались странные звуки. Он остановился и прислушался.

— По крайней мере, нет никакого риска забеременеть,— услышал он голос миссис Корнелиус.

— Не рассчитывайте на это, дорогая,— возразила мисс Бруннер.

Мистер Смайлс вспомнил, что ему нужен туалет.

Сидя в столовой, Фрэнк говорил:

— Если она не появится через минуту, я уйди без нее.

— Успокойся, Фрэнк,— сказала Кэтрин.

Но Фрэнк уже рассвирепел.

— Ну, почему ей всегда нужно все испортить? Старая жирная калоша.

— Не надо, Фрэнк.

Голова мальчика лежала на столе среди тарелок. Он зашевелился и застонал.

Все посмотрели на него.

— Бедняга. Прошу вас, перестаньте шуметь, а?— попросил Сэмми.

— Ладно...— сказал Фрэнк, хотя он уже разошелся и ему совсем не хотелось останавливаться. К мальчику он не испытывал никаких чувств, но не хотел ссориться с сестрой в данный момент, особенно потому, что, похоже, она знала, где находится Джерри.

На красивом лице Кэтрин было написано выражение беспредельной нежности, когда она подошла и погладила спящего ребенка по голове.

— Похоже, ему снится кошмар.

Несмотря на то, что он был военнопленным, капитан Най хорошо проводил время. Это было похоже на отпуск. Захватившие его в плен оказались очень любезными людьми и предоставили ему значительную свободу передвижений в пределах резервации. В данный момент он катался на лодке по озеру Грасмир с очень красивой девушкой. Если бы не то обстоятельство, что он был в плену, трудно было бы вообразить более восхитительную ситуацию. Небо было красивого глубокого голубого цвета, окружающие их горы были всех оттенков зеленого цвета. Озеро было абсолютно спокойным, в нем отражались ветви дубов и ив, которые росли вдоль берега.

Капитан Най приналег на весла, и лодка быстро отъехала от маленькой пристани, которая находилась в конце сада. Пристань была украшена симпатичными железными решетками. Они были покрашены в зеленый цвет, что хорошо сочеталось по цвету с горами и деревьями.

Девушку звали Кэтрин. Она сидела на корме, на плечах у нее была накидка из японского шелка, на голове широкополая соломенная шляпа, из-под которой были видны золотые кудрявые волосы, она была одета в платье из тонкого материала с глубоким вырезом, длина платья была немного ниже колена. С трогательным отсутствием какого-либо опыта в этом деле, она держала рулевой трос и тянула его то влево, то вправо, следуя указаниям капитана Ная.

Вскоре они уже были посредине озера совсем одни. Вдалеке, на другом конце озера, скользило еще несколько лодок. Капитан Най направил лодку к маленькому острову, с тем чтобы получше рассмотреть довольно живописные развалины колокольни, находившиеся на этом острове. В этом районе когда-то было несколько таких колоколен, они были делом рук одного эксцентричного священника, который возвел их для того, чтобы путники могли ориентироваться в тумане, услышав звон колоколов. К сожалению, произошло довольно много несчастных случаев, недостатки его проекта стали еще более явными, тогда священник утопился в озере Дервент-Вотер, считая, что только таким образом его душа найдет успокоение. И теперь эти сооружения представляли

интерес только для тех, кто не знал истории их возникновения.

— Интересно, какие тайны мы обнаружим в этом замке Мерлина?— спросила Кэтрин, у которой разыгралось воображение.

Капитан через плечо посмотрел на то, что осталось от колокольни.

— Может, нам удастся найти меч короля Артура и этот меч принесет мир туда, где сегодня не существует ничего, кроме борьбы.— Только она одна могла разбудить его воображение. Как бы ему хотелось, чтобы они воевали на одной стороне. Он знал, что Кэтрин была его охранником, а это значило, что его враги доверяли ей. Он очень сожалел об этом.

— Вот мы почти и приехали,— сказал он.— Высаживаемся на берег!— Как только лодка заскрежетала по дну, он сложил весла в лодку, ступил прямо в воду, нимало не заботясь о том, что может замочить свои брюки из белой фланели, взялся за нос и вытащил лодку так, чтобы Кэтрин могла сойти на берег, не замочив платья. Она подобрала юбку, встала на нос лодки, он подал ей руку, и она сошла на берег. Она свернула свою накидку и улыбнулась ему.

— Но если мы найдем меч,— сказала она,— вы сможете вытащить его из камня?

— А если смогу, что тогда?

Она нахмурилась.

— Не знаю. В наше время люди так часто зло подшучивают друг над другом.

Он рассмеялся.

— Я знаю это.— Он вытянул руку вперед.— Пошли. К замку!

Они поднялись по поросшему травой склону к башне, но уже на полпути почувствовали страшную вонь.

— Фу!— капитан Най поморщил нос.

— Что бы это могло быть?— спросила она.— Овечьи испражнения?

Он был немного шокирован откровенностью ее высказывания.

— Может быть. А может, мертвое животное?

— Посмотрим?— На ее лице появилось озабоченное выражение.— А если это не животное, а что-нибудь еще?

— Что?..

— Я имею в виду...

Теперь он понял, что она имеет в виду. Он неохотно сказал:

— Вы оставайтесь, я пойду посмотрю.

Она осталась стоять, держа в руке накидку, а он поднялся на вершину холма и исчез из виду у одной из стен развалин. В неприятном запахе чувствовался запах моря, и это ее особенно озадачило. Они находились на расстоянии не менее сорока миль от морского побережья.

Она знала, что не должна была ни на минуту оставлять капитана одного. Это было ее работой. Но запах был не только неприятен ей, она почему-то занервничала и быстро впала в состояние депрессии. День, который начался так замечательно, был испорчен.

Когда капитан Най вернулся, он был бледен и едва взглянул на нее. Ко рту он приложил носовой платок. Не говоря ни слова, он взял ее за руку, и они пошли к берегу.

Они сели в лодку и отчалили. Его движения были беспорядочными и торопливыми. Он опустил весла в воду, и они поплыли обратно, в сторону сада. Он всего несколько раз взмахнул веслами, затем был вынужден бросить весла, склонился через борт и его стошнило.

Кэтрин подвинулась к нему и успела взять весла, прежде чем они выскользнули из уключин. Она постаралась, чтобы лодка не изменила направления своего движения.

Капитан Най вытер рот, обмакнул носовой платок в воде, протер лицо.

— Я должен извиниться.

— Бог мой! Что? Что вы там увидели?— Она умелыми ровными движениями гребла к берегу.

— Я должен сообщить об этом пол... вашим властям. Я думаю, это был мужчина. Или, вернее, то, что осталось от мужчины. Или — хотя я не уверен...

— Его убили?

— Я не знаю.

Самое ужасное в мертвом существе было то, что несмотря на обезьяньи черты лица, что-то в них, несомненно, напоминало черты лица девушки, которая так плавно гребла сейчас, направляясь подальше от острова. Каждый раз, ког-

да он смотрел в ее чистые голубые глаза, на ее полные розовые губы, на красивой формы нос, он видел обезьянье лицо сгнившего существа, лежавшего в развалинах среди овечьего навоза внутри мрачной башни.

Он подумал, что, может быть, все это было специально подстроено. Может, те, кто взял его в плен, не случайно предоставили ему такую свободу. Но что им было нужно от него? Он не знал никаких секретов.

— А вы... Вы предполагали, что в башне может оказаться что-нибудь подобное?— спросил он ее.

Продолжая равномерно грести, она покачала головой.

— У меня были какие-то предчувствия,— сказала она.— Но я не смогла бы объяснить их себе.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

В своей речи к апелляционному суду, который проходил вскоре после его изгнания, Принц Лобкович сказал:

— В наших домах, деревнях, больших и маленьких городах, у наших народов время движется вперед. Каждый человек прямо или косвенно будет вовлечен в исторический отрезок времени равный 150 годам — до рождения, во время своей жизни и после смерти. Часть своего опыта ему передадут родители и другие взрослые люди и старики; часть опыта он приобретет во время своей собственной жизни, и этот опыт станет частью того, который он передаст своим детям. Итак, продолжительность жизни одного поколения равна 150 годам. Такова продолжительность нашей жизни. Наше поведение, предрассудки, мысли, предпочтения являются результатом пятидесяти- или шестидесятилетнего периода до нашего рождения, подобным же образом мы влияем на пятьдесят последующих лет после нашей смерти. Понимание этого заставляет такого человека, как я, считать, что изменить сущность общества, в котором живу я, невозможно. Я считаю, что было бы неплохо, если бы мы смогли создать поколение людей, у которого отсутствует память, поколение, которое еще не приобрело привычек предыдущего поколения и не передаст своих привычек следующему. Что ж, я благодарю вас, джентльмены, за то, что вы терпеливо выслушали всю эту чепуху. И говорю вам: о'ревуар.

БАЛ

Основным светским событием во время мирных переговоров был бал в Сан-Симеоне. Огромный по размерам белый замок Херста был куплен в подарок нации неизвестным благотворителем несколько лет назад и перенесен на то место, где раньше находился монастырь Святой Клары на Лэдброук-Гроув. Этот замок стал местной достопримечательностью, к которой уже привыкли жившие здесь люди, но привлекавшей туристов, так как считалось, что он производит даже более сильное впечатление, чем Версаль, Канберра и Вашингтон.

Пригласили всех. Комментаторы говорили, что по своему размаху этот бал напоминает Всемирную выставку, Бриллиантовый юбилей, Нью-Йоркскую всемирную ярмарку и Берлинские Олимпийские игры. С огромным оптимизмом (так как мирные переговоры проходили превосходно) все в замке готовилось к балу. Использовалось разнообразное освещение. Повсюду стояли высокие канделябры из серебра и золота, в которых горели белые и желтые свечи; в хрустальных люстрах горели сотни красных свечей; к стенам также были прикреплены подсвечники; горели огромные газовые лампы в форме шара, электрические лампы сотен различных оттенков и цветов, изысканные и яркие неоновые лампы, старинные масляные лампы высотой в человеческий рост, и небольшие многогранные шары, в которые запустили светлячков и светящихся жучков, были развешены вокруг замка — все это, вместе взятое, составляло очарование замка Херста. Сам Херст называл свой замок, стоявший на холме, «Волшебная гора». Большой Дворец, с двумя башнями-близнецами в мавританско-испанском стиле, с тридцатью шестью колоколами, сотнями комнат и витиеватыми барельефами, вырубленными из белого известняка, возвышался над тремя другими замками для гостей, выстроенными перед ним с северной, южной и западной сторон — Замок-Гора, Замок-Солнце и Замок-Марс. Высокие кипарисы, ивы, тополя и ели были густо посажены между зданиями вместо калифорнийских пальм, которые когда-то росли

здесь. На ветках деревьев и в зеленых живых изгородях были спрятаны лампы, которые освещали сад так, что он был похож на загадочную страну сказок. Рододендроны, орхидеи, хризантемы, розы и азалии росли в тщательно ухоженном саду в изобилии, некоторым посетителям этот сад мог показаться похожим на сад, разбитый на крыше у Дерри и Томса, который был полностью разрушен во время взрыва. Ограду сада, выполненную в испанском стиле, украшали барельефы, в саду стояли копии статуй со всего мира, выполненные из мрамора, гранита или отлитые из керамики или бронзы, одной из самых величественных была копия статуи «Грация» Кановы*, выполненная Бойаром. Это статуя из Санкт-Петербурга, выполненная в классической манере, была постоянно освещена и олицетворяла Радость, Великолепие и Цветение; она представляла собой, выражаясь словами из путеводителя, «все самое красивое, что есть у природы, и все, что есть грациозного и очаровательного у человечества». Газета «Таймс» в день бала напечатала в передовой статье: «Есть надежда, что эта великолепная статуя станет символом награды, которую получат гости, если посвятят все свои таланты и усилия достижению мира, а не разжиганию Раздора и сопутствующим ему Жадности и Зависти». Многие газеты так или иначе поддержали это мнение, и даже погода, казалось, стала еще лучше специально ради этого события. Весь день сотни лакеев, слуг и служанок, кухарок, дворецких метались по богато обставленным комнатам, готовя все, что необходимо, к балу. Готовилась разнообразная пища, чтобы угодить любому вкусу. В бальных залах (или в тех комнатах, которые были превращены в бальные залы по этому поводу) репетировали музыканты, они играли музыку различных стилей. Флаги всех народов, расшитые нитями из драгоценных металлов по шелку великолепного качества, сверкая, свисали по стенам. Гобелены из богатой парчи прославляли славную историю народов. В саду находились солдаты из разных армий, они были там не только для того, чтобы выполнять церемониальные обязанности, но и для обеспечения безопасности; на них была форма, поражающая разнообразием цветов; их сабли, пики и копья сияли, как серебряные. По комнатам, украшенным

* Итальянский скульптор, представитель классицизма. Ред.

мозаикой, фресками, резными орнаментами и барельефами, позолотой и серебром, с картинами и скульптурами из Египта, Греции, Рима, Византии, Китая и Индии, из Испании эпохи возрождения, Италии и Голландии, из Франции восемнадцатого века и России, из Англии девятнадцатого века и Америки, с мозаичными полами и инкрустированными дверями, украшенными перламутром и платиной, с драпировками и занавесями из Персии, с коврами из Афганистана, с деревянными резными потолками в итальянском стиле шестнадцатого века и португальскими — в стиле семнадцатого века,— все было отполировано так, что сияло глубоким, теплым блеском; доносились разнообразные запахи: жарящихся быков, баранов и поросят, вкуснейшего тушеного мяса, приправленного керри, китайского супа из дханзакса и курятины, сочных овощей и тонко пахнущих гарниров, пирогов и тортов, паштетов, желе, соусов и подливок, лимонов, апельсинов, ананасов и клубничного мороженого, фазанов, перепелов и тетеревов, голубей, цыплят, индеек, диких уток, которые зажаривались на вертелах или тушились, колбас и запеченной в тесте ветчины, языка и засоленной говядины, фруктов и съедобных корней, карпа и трески, палтуса и камбалы, грибов и огурцов, перца и бамбука, сиропов, кремов, супов и мясных бульонов, трав и жиров, оленины и кроликов, икры, печенки, рубцов и почек. Пиво, спиртные напитки и вино были из любой части света. На столах стояли фужеры, глиняные пивные кружки и кубки из чистейшего хрусталя и самого лучшего фарфора. Чашки, тарелки и блюда из золота, олова, серебра и фарфора уже были расставлены на столах, готовые к приему пищи; хорошенькие девушки и красивые молодые люди в национальных костюмах стояли наготове. Только одна традиция не будет соблюдена сегодня вечером: не будет хозяина или хозяйки, которые будут встречать гостей. Первых гостей объявит распорядитель бала, а затем им придется принимать остальных. Такой странный порядок посчитали наиболее дипломатичным. Солнце уже садилось. Бал вот-вот должен был начаться.

— Я надеюсь,— сказала мисс Бруннер, подбирая накидку из горностая и подавая руку Принцу Лобковичу, который помогал ей выйти из кареты,— что мы не первые.— Они по-

шли вверх по ступенькам мраморной лестницы, мимо выстроившихся вдоль лестницы неподвижно стоящих солдат, державших в руках канделябры, туда, откуда появились двое дворецких, которые взяли их приглашения и отнесли их в приемную, отделанную лазуритом, и там вручили эти приглашения главному дворецкому в ливрее алого цвета и белом парике, спадавшем у него с головы; он отдал приглашения распорядителю бала, тот поклонился, прочитал приглашения, поклонился снова и провел их через филигранной работы хрустальную дверь в сияющее великолепие большого танцевального зала.

— Принц Лобкович и мисс Бруннер!

— Все-таки мы оказались первыми.— Она разъяренно посмотрела на Принца Лобковича. Их имена повторились эхом в пустом зале. Она разглядела свое зеленое бархатное платье и дотронулась до жемчужного колье на шее.

— Все из-за вас, дорогая,— Принц Лобкович был рассержен не меньше, чем она,— у вас всегда проблемы со временем. Мы всегда приходим слишком рано.

— А в результате всегда опаздываем,— вздохнула она. Они медленно пошли в дальний конец зала. Они осмотрели слуг; подошли к буфетам и съели пару кусочков чего-то вкусного, рассматривая с довольно надменным видом изобилие вокруг них.— Сколько золота.

Он повернулся и обеспокоено прислушался, блеск от орденов, которые были приколоты у него на груди в большом количестве, немного ослепил мисс Бруннер.

— Что вы сказали?

— Много золота.

— А.— Он задумчиво кивнул головой и ногой в лакированной туфле провел по полу, выложенному перламутром.— Действительно. Очень много. Но, может быть, нам все-таки удастся чего-нибудь добиться сегодня. Мы не должны ссориться. Это было бы совсем не в духе сегодняшнего события.

— Я согласна.

Вдалеке послышались шаги. Они посмотрели на дверь и увидели, что распорядитель бала поднял руку и прочитал карточку.

— Его преосвященство, епископ северного Кенсингтона!— произнес нараспев распорядитель бала.

— Он немного перестарался, как вы считаете?— сказала мисс Бруннер, идя навстречу епископу Бисли. Тучный священнослужитель был одет в мантию золотого цвета, на голове у него была красивая митра, а в руке он держал посох, который по красоте превосходил все, что можно было встретить в Сан-Симеоне. Бледное лицо епископа расплылось в улыбке, когда он увидел своих старых друзей. Он медленно шел к ним, его внимание привлекли пирожные и другие сладости, расставленные на столах. Он наконец подошел к ним и, все еще глядя на еду, протянул руку, украшенную множеством перстней, не то для поцелуя, не то для рукопожатия. Казалось, он не обиделся, когда они не сделали ни того, ни другого.

— Дорогая мисс Бруннер, дорогой Принц Лобкович. Какую потрясающую еду нам здесь приготовили! О!

На балконе музыканты начали играть отрывок из произведения Кауварда «Частная жизнь».

— Очаровательно,— сказал епископ Бисли, склоняясь над столом, загребая целую горсть суллабабс и грациозным жестом засовывая их себе в рот, затем он облизал один за другим все свои жирные пальцы и, наконец, губы.— Как вкусно.

И снова, отдаваясь эхом по залу, прозвучал громкий голос:

— Леди Сьюзан Санди и достопочтенная мисс Хелен Свит!

— Как,— прошипела мисс Бруннер,— С. С! Я совсем не ожидала увидеть ее здесь. Ее подруга выглядит такой истощенной.

— Капитан Брус Максвелл!

— Я считал, что он мертв,— сказал епископ Бисли.

— Его Превосходительство президент Соединенных Штатов!

— Его вид вполне соответствует той должности, которую он занимает,— прокомментировала мисс Бруннер. Она улыбнулась подошедшим к ней леди Сью и Хелен.— Рада вас видеть.

Принц Лобкович обратил внимание, что женщины очень похожи. Мисс Бруннер была права насчет Хелен

Свит. Девушка поблекла. Даже ее наряд голубого цвета казался поблекшим по сравнению с ярко-голубым нарядом леди Сью.

— Дорогая!— сказала леди Сью. Она обняла мисс Бруннер. Стройная, затянутая в корсет женщина была одета в платье от Баленсиага, на ее сильно напудренной шее висело шесть нитей из голубых бриллиантов, в ушах серьги из того же камня, на голове диадема. Похоже, что этот вечер превратится в выставку богатства.

— Добрый вечер,— мягко сказала Хелен Свит.

Оркестр начал играть пьесу «Маленький красный петух» в переложении для инструментального ансамбля.

Капитан Максвелл пожал руку Принцу Лобковичу. Рука капитана была холодной и влажной. На узком лбу выступил пот. Его огромный зад, который был намного тяжелее любой другой части его тела, казалось, извивался от удовольствия.

— Рад встрече, старина,— произнес он, по-военному отчеканивая слова (хотя на самом деле он был не военным, а членом Армии Спасения).

Профессор Хира в безукоризненно сшитом платье в индийском стиле, пересек зал, нервно поправляя белый тюрбан. Шелковый пиджак был глубокого розового цвета, отделанный материалом более светлого розового тона. Брюки были такого же цвета, что и отделка. Пуговицы на его пиджаке были перламутровые.

— Профессор Хира!— Мисс Бруннер была действительно рада видеть его.— Как давно мы не виделись,— сказала она, ухмыляясь.— Ну, и как вы поживаете?

— Спасибо, так себе.— Казалось, он не разделял ее радости.

— Мистер Сирил Тоум.

Худой, с седыми волосами, но ярко-красными губами, казалось, что он их подкрасил, в роговых очках, критик, мечтающий стать политиком, постоял секунду или две рядом с распорядителем бала, прежде чем шагнуть в зал. Никто не обратил на него никакого внимания.

— Миссис Хонория Корнелиус и мисс Кэтрин Корнелиус.

— О боже!— сказал капитан Максвелл, жуя веточку сельдерея.— Как вы думаете, кто включил ее в список при-

глашенных?— В основном из-за того, что все задавали себе тот же вопрос, никто ему не ответил.— Хонория, а? Ну, конечно!

— Майор Най и капитан Най.

— Они очень похожи, не правда ли?— прошептала леди Сью мисс Бруннер. Это действительно было так. Если бы не явная разница в возрасте, отца и сына можно было бы принять за одного и того же человека. Впечатление усиливалось еще и тем, что они носили форму одного и того же полка.

Гости разошлись по всему залу.

— Достопочтенный мистер М. Хоуп-Демпси.

— Он пьян!— пробормотал Принц Лобкович, увидев, как премьер-министр оглядывается вокруг с отсутствующим видом. Затем, покачиваясь, он направился туда, где стояли все остальные, его длинные волосы развевались на ходу. Казалось, на груди у него было спрятано какое-то животное.

— Это кошка,— сказала мисс Бруннер.— Где он ее взял?

Гости стали прибывать в большом количестве. Прихрамывая, вошел Владимир Ильич Ульянов, живущий ныне в Китае, чрезвычайно старый, очень раздражительный, в черном мешковатом костюме. За ним прибыл его друг и защитник евро-азиатский полководец генерал О. Т. Шоу — правитель северного Китая. Вместе с ним был маршал Освальд Бастабль, предатель англичанин, который командовал воздушными силами северного Китая. После них прибыл Карл Глогауэр, «возрожденец», маленький, хитрый, эксцентричный; высокий, угрюмый альбинос, имени которого никто не разобрал; бывший литературный редактор «Оксфордмейл»; пара десятков или что-то около этого делегатов конференции; Ханс Смит из Хэмпстеда — последний из представителей левого крыла интеллигентов; генерал-губернатор Шотландии; вице-король Индии; король Северной Ирландии; не так давно отрекшаяся от престола королева Англии; мистер Рой Надд, эстрадный артист; м-р Фрэнк Корнелиус и его компаньон м-р Гордон «Флеш» Гевин; м-р Лионел Химмлер, театральный импресарио; м-р Ш. М. Колльер, специалист по взрывам; м-р Джон Трак, эксперт по транспорту и министр управления; адмирал Коржениовски, президент Польши; генерал Кроссман (Кроссман из Москвы) и леди Кроссман; мисс Митци Бисли и доктор Карен фон Крупп; мисс

Джойс Черчилл — автор романтических романов; кафедральный журналист из еженедельной газеты «Рассказы из Библии» с сыном и дочерью; корреспондент из Парижа из «Джентльменз куортерли» и его друг певец Сники Джон Слейд, исполнитель блюзов; мисс Уна Перссон и м-р Себастьян Очинек, ее импресарио; саамский пастор, назвавшийся герром Мареком; полковник Пьят с мисс Сильвией Ландон; президент французской академии; более сотни самых красивых актрис и актеров, звезд кино; тысячи политических деятелей со всех концов света; тридцать американских дезертиров, пять толстых фельдмаршалов; восемьдесят шесть монашек из бывшего монастыря Святой Клары; несколько арабов и один немец; греческий магнат Спиро Коутрубуссис вместе с группой греческих миллионеров; владелец банка; телевизионный сценарист; датский солдат; король Дании и король Швеции; команда регбистов канадской горной полиции; м-р Джек Тревор Стори, руководитель джазового оркестра; королева Норвегии и бывший император Японии; губернатор Англии и его главный советник генерал К. Дж. Уэстморленд; м-р Франсис Хайверд, комик; несколько преподавателей из Оксфорда, пишущих безобразные книги для детей; м-р Макс Миллер, комик; несколько телевизионных продюсеров; Ник Тернер, Дейв Брок, Дел Деттмар, Роберт Калверт, Дик Мик, играющие в оркестре Хоквинда; несколько рекламных агентов, музыкальные критики, журналисты, искусствоведы, редакторы, артисты и дельцы шоу бизнеса, в их числе м-р Клиф Ричард, м-р Кинглси Эмис, м-р Енджелберт Хампердинк и м-р Питер О'Тул; Далай-Лама; несколько представителей профсоюзов; тринадцать школьных учителей; м-р Роберт Д. Фит, педант (который подумал, что это бал-маскарад и пришел в костюме Дж. К. Честертона*); м-р Саймон Вейзи. Они ели, разговаривали, танцевали. Настроение у всех было веселое, и даже самые непримиримые враги примирились, заявляя искренне и страстно, что в действительности они никогда не испытывали ненависти друг к другу. Мир вот-вот должен был наступить.

— Можно сказать, что все мы пленники, м-р Корнелиус,— говорил епископ Бисли и одновременно жевал песоч-

* Английский писатель, автор стихов и детективных романов. Ред.

ное печенье,— а эти революционеры, вероятно, самые безнадежные пленники. Они пленники своих собственных идей.

— Я выпью за это, епископ.— Фрэнк Корнелиус поднял бокал с шампанским.— Значит, уничтожьте войны — и вы избавитесь от революций, а?

— Совершенно верно.

— Я выступаю за старый добрый статус-кво.

Мисс Бруннер смеялась. Хоть Гордон Гевин и был одет в выходной костюм, но создавалось впечатление, что с головы до ног он был закутан в старый габардиновый плащ. Старое морщинистое лицо, горящие глаза с виноватым выражением, руки, которые были постоянно в карманах или беспомощно болтались где-то в районе ширинки, только усиливали это впечатление.

— Я польщена,— сказала мисс Бруннер,— но боюсь, что я уже обещала все свои танцы.— Флеш, казалось, почувствовал облегчение.

Музыканты играли симфонию для пианино с оркестром, часть под названием «Пять» в ритме вальса. Миссис Корнелиус развлекалась вовсю. Все мальчики были ее. Она ухватилась за саамского священника, герра Марека, и они стремительно двигались по всему залу. Его едва было видно, он утонул в ее объятиях, но похоже ему это нравилось. В его взгляде промелькнуло похотливое выражение, когда он приглушенно, откуда-то из района груди миссис Корнелиус, сказал, произнося слова с сильным акцентом:

— Нравственность, дорогая, что это такое? Если вам хочется делать что-то, делайте. Вот моя философия. А вы как думаете?

— Я думаю, вы — шалун!— Довольная, она рассмеялась, заканчивая делать полный поворот, и он на секунду завис в воздухе. Он захихикал. Они едва не столкнулись с полковником Пьятом, танцующим с одной из самых красивых бывших монашек, сестрой Шейлой. Танец кончился, смех и разговоры стали еще громче. Теперь не только в главном бальном зале было полно народу. Остальные залы и комнаты для гостей тоже были битком набиты. Как выразился Дик Лупофф в своем сообщении «Л. А. фри пресс»: «мировые знаменитости непринужденно проводили время в этот вечер».

Оркестр заиграл «Птицу в позолоченной клетке», и многие гости начали петь и танцевать одновременно. Шум голосов становился все веселее и веселее. Бутылки с шампанским откупоривались, бокалы звенели.

Принц Лобкович выражал соболезнования бывшей королеве Англии, почтительно вальсируя с ней в тени под балконом, на котором располагались музыканты.

— Дорогая Ева, к этой ситуации невозможно привыкнуть. Я полагаю, вы, конечно, не ожидали ничего подобного в самом начале.

— Эпидемия...

— Точно. Бедняжка Джей была казнена.

— Здесь немного жарко, не правда ли?— говорил в этот момент Фрэнк Корнелиус, танцуя с Хелен Свит в другом конце бального зала.— Вы выглядите очень утомленной.

— О, вы правы.— Хелен Свит танцевала, робко опустив глаза.

Леди Сью быстро, как молния, промчалась мимо в платье из прозрачного голубого материала.

— Не переутомись, Хелен!— Леди Сью танцевала со своим другом, бывшим императором Японии. Он был одет в национальный японский костюм, и ему было трудновато выполнять фигуры вальса в этом костюме.

Кэтрин Корнелиус, чувствуя легкое головокружение, прислонилась к столу. Она была олицетворением красоты, и ее окружало множество поклонников. Она откинула светлую прядь со лба, улыбнулась капитану Наю, который принес ей выпить. Он сказал:

— Боюсь, что безалкогольных напитков совсем не осталось. Не хотите ли шампанского?— Она взяла бокал, но поставила его на стол. Неожиданно она начала дрожать.

— Вам холодно?— заботливо спросили ее сразу трое австралийских гусаров.

— Не пойму, с чего,— ответила она.— Что-нибудь ускоряется?

Дурное предчувствие охватило капитана Ная.

Начали играть «Ветер кричит Мэри» в ритме фокстрота. Капитан Най протянул ей руку и мягко улыбнулся.

— Этот танец — мой.— Она протянула ему свою руку. Она была холодна, как лед. Он с трудом заставил себя не от-

пустить ее. С огромным усилием воли он прижал к себе ее тело, от которого веяло холодом. Она сильно побледнела.

— Вы себя плохо чувствуете,— сказал он.— Может быть, вы позволите проводить вас до двери.

— Вы очень добры,— ответила она. Потом добавила почти шепотом:— Но доброта — это не то, что нужно мне в данный момент.

Майор Най танцевал уже три раза с мисс Бруннер. Это был четвертый танец. Майор Най спросил ее, разбирается ли она в театре.

— Только в том, что я вижу,— сказала она.

— Если вы позволите, я проведу вас как-нибудь за кулисы одного из моих театров. Вам там понравится.

— Я в этом уверена.

— Вы очень, очень милы.

— А вы очень красивый мужчина.

Танцуя, они пристально смотрели в глаза друг другу.

В третьей спальной комнате Замка-Гора, на кровати, спинка которой была из орехового черного дерева и покрыта резным орнаментом в стиле семнадцатого века, сидел самый гнусный и глупый в Америке издатель, пил маленькими глотками водку с тоником, мрачно уставившись на свои теннисные туфли, в то время, как один из учителей из Оксфорда занудно и долго рассказывал ему о трудностях и радостях, которые он испытал при переводе «Теперь нас шестеро» на ассирийский язык. Это было как раз то, что они оба заслуживали. Из всех присутствующих на бале издатель был единственным, кто не развлекался.

Полковник Пьят и Принц Лобкович курили сигары и прогуливались по саду, они остановились на террасе Замка-Гора.

— Наконец-то наступит мир,— сказал полковник Пьят, вдыхая насыщенный ароматами воздух.— Мир. Мы все почувствуем облегчение, а как вы думаете?

— Что касается меня, я буду счастлив,— согласился Принц.

— У нас появится масса времени наслаждаться жизнью.

— Согласен.

Мисс Бруннер и майор оказались у фонтана в венецианском стиле, рядом с Замком-Солнце. Большинство охранников незаметно убрали, после того как бал начался. Здание

замка горело огнями, фонтан, увенчанный статуей Донателло «Давид», тоже был мягко освещен разноцветными огнями. Мисс Бруннер опустила в воду руку по локоть и смотрела, как намокают ее длинные перчатки и капли стекают с руки. Майор Най слегка разгладил свои усы.

— Вы чудо,— сказал он.

— Только вообразите, сколько на все это было потрачено.— Мисс Бруннер улыбнулась, чтобы сгладить вульгарно прозвучавшую фразу.— И никто не знает, кто за все это заплатил. Какое потрясающее чувство такта. Как вы думаете, кто бы это мог быть?

— Трудно сказать, у кого в Англии есть сейчас столько денег,— ответил он не заинтересованно.

В глазах у мисс Бруннер появилась тревога.

— Правильно,— сказала она задумчиво.— Дорогой.— Она вытащила руку из фонтана и легким движением положила ее на колено майору Наю.— Что вы за человек?

— Что я за человек? О, я не знаю.

Ночь была полна музыки, смеха, остроумных разговоров. Они раздавались со всех сторон.

— Какая волшебная ночь! Мне просто необходим сегодня кто-нибудь, я полагаю,— сказала она тихо сама себе. Она решила, что лучше всего использовать тот материал, который был сейчас под рукой.— Я страстно хочу вас,— выдохнула она, бросившись в объятия майора. Он был удивлен, поэтому отреагировал не сразу.

— О, Бог мой! Бог мой! Моя красавица!

На террасе неподалеку от них немецкий оркестр заиграл композицию из любимых произведений Бадди Холли.

Мисс Бруннер смотрела через плечо майора Ная, подозрительно и внимательно разглядывая живую изгородь. У нее было какое-то предчувствие, и оно становилось все сильнее и сильнее с каждой минутой.

— Моя дорогая!— Епископ Бисли находился в Желтой комнате в Замке-Солнце, он лежал на кровати, покрытой желтым покрывалом, стены были драпированы желтой тканью. Кроватные столбы венчали вырезанные из дерева фигурки орлов. Справа от епископа на стене висела картина Джиованни Салви «Мадонна с младенцем». Слева от него на кровати лежала лицом к нему та самая красавица, бывшая монашенка, с которой недавно танцевал полковник Пьят.

Оказалось, что она австралийка. Она была без какой-либо одежды. Митра епископа Бисли упала на подушку, его руки были в шоколаде. Он принес шоколад и привел девушку, а теперь тщательно обмазывал шоколадом ее тело.

— О, какая вкуснотища!— Похоже, девушке все это не очень нравилось. Она положила руку между ног и нахмурилась.

— Что-то мне не по себе.

Карен фон Крупп танцевала в главном бальном зале с профессором Хира, который чувствовал возбуждение, потому что под ее платьем он ощущал пояс с резинками. У него не возникало желания с тех пор, как он уехал из Швеции (тогда это закончилось для него неудачей).

— Цикличность излучений квазаров, доктор,— сказал он,— заключается в отсутствии какой-либо цикличности.— Он прижался к ней еще сильнее. Ее рука соскользнула с талии и нежно погладила его. Его дыхание стало более порывистым.

— Квазары,— сказала доктор фон Крупп, прикрывая с романтическим видом глаза,— разве они могут сравниться с сущностью человеческой страсти?

— У них много общего! Я бы сказал, это одно и тоже! Все тоже самое! Поверьте мне!

— Одно и тоже? Разве похожи?

— В принципе, да.

Музыка кончилась, и они побрели в сад.

Все смеялись, жали друг другу руки, похлопывали друг друга по спине, обменивались адресами, громко смеялись шуткам, занимались любовью, принимали решение стать щедрее, терпимее, скромнее. Большинство еще долго будут помнить мирные переговоры и этот бал. На бале выкристаллизовался дух переговоров. Переговоры были обречены на успех. Войн больше не будет, и на земле воцарится рай.

Только у мисс Бруннер, Кэтрин Корнелиус и капитана Ная появилось предчувствие, что это ловушка. Епископ Бисли и Фрэнк Корнелиус, которые обычно первыми ощущали приближение неудачи, так были поглощены своими личными делами, что на этот раз ничего не заметили.

Фрэнк Корнелиус закрыл дверь кинозала на ключ (дверь

была алого и золотистого цвета, стены обтянуты дамасским шелком, в зале стояли копии вавилонских статуй, в руках которых горели лампы, что делало их похожими на лилии) и сел на задний ряд с Хелен Свит, положил ей руку на колено и они начали смотреть картину «Янки-Дудль Денди» с Джеймсом Кегни в роли Джорджа М. Кохана и Вальтера Хьюстона в роли его отца, Джерри Кохана. Колено Хелен было прохладным и чуть влажным, и Фрэнку очень нравилось это ощущение, он вдруг почувствовал тоску по детству, которого у него по-настоящему и не было. Шейки Моу Колльер, находившийся в комнатке кинооператора и показывающий фильм, пытался сквозь маленькое окошечко рассмотреть, что делает Фрэнк.

Епископ Бисли и бывшая монашенка, покрытые шоколадом с ног до головы, скакали по Желтой комнате, выделывая непристойные па.

Леди Сью Санди все еще была в бальном зале и танцевала танго с Серил Тоумом, который сделал ей предложение. Она всерьез обдумывала его, особенно когда он неожиданно показал себя таким блестящим танцором.

— Вероятно, мы могли бы жить на деньги Санди,— задумчиво сказала леди Сью.

— Я к тому же пишу и кое-что зарабатываю этим,— сказал Серил Тоум.

— А кое-что мы могли бы заработать сами.

«Флеш» Гордон был в саду и проявил большой интерес к азалиям. Неподалеку миссис Корнелиус прохаживалась под ручку с профессором Хира, в то время, как герр Марек ревниво вертелся около них, обдумывая планы убийства индийца. В комнате для игр на полу из белого итальянского известняка стояли столы для игры в бильярд и пул, стены комнаты были украшены редко встречающимися готическими гобеленами и старинной персидской мозаикой, потолки в испанском стиле восемнадцатого века были расписаны сценами боя быков; доктор Карен фон Крупп и Уна Перссон играли в бильярд, Себастьян Очинек и Саймон Вейзи просто смотрели.

— Я когда-то неплохо играла,— сказала доктор фон Крупп, неумело стукнув шар. Шар, по которому она ударила, коснулся красного шара.

— Вы, по-моему, ошиблись,— вежливо сказала Уна Перссон.— Я имею в виду, сейчас моя очередь бить.

Доктор фон Крупп любезно улыбнулась ей:

— Нет, дорогая.

Саймона Вейзи охватил истерический смех.

— А ведь меня не приглашали на этот бал. Я незваный гость.

Президент Соединенных Штатов и премьер-министр были абсолютно пьяны и счастливы, они все кружились и кружились в танце против часовой стрелки по Мраморной комнате, в которой они остались одни, от их танца огромная серебряная люстра на потолке звенела и тряслась. Маленькая черно-белая кошка сидела на подоконнике и вылизывала свои лапки.

— Без грима вы выглядите намного лучше,— сказал президент.— Я рад, что именно вы являетесь сейчас премьер-министром.

Держа над головой лампу от Тифани с фантастическим орнаментом, Митци Бисли, дочь епископа, пыталась танцевать танец лимбо с Лионелом Химмлером, который научился танцевать этот танец во время своего кратковременного визита в Нассау. Они неплохо проводили время.

— Я никогда еще в жизни так не развлекалась,— сказала ему Митци.— Я люблю вас.

— Я вас тоже,— сказал он. Обычно на его лице было мрачное выражение, сейчас оно сияло.— Я люблю вас!

Заключив сделку с одним из греческих миллионеров и пожав ему руку, Спиро Коутрубуссис заметил Кэтрин Корнелиус, стоявшую в темном углу библиотеки, она просматривала редко встречающийся экземпляр книги «Потерянный рай»*. Он пересек комнату, на полу которой лежал огромный во всю комнату ковер, и представился.

— Могу я пригласить вас на следующий танец, мисс Корнелиус?— спросил он по-французски, аккуратно выговаривая слова.

— Извините, но я плохо себя чувствую, мсье.— Она попыталась улыбнуться.— Мой кавалер отправился на поиски моего пальто.

* Автор — Джон Мильтон, поэт, политический деятель. Ред.

— Могу я тогда предложить вам воспользоваться моим ландо?

— Благодарю вас. Вы очень любезны, мсье Коутрубуссис. Я очень сожалела, когда узнала о провале вашего...— она непроизвольно поежилась,— проекта.

— Ничего страшного. Появился новый. Бизнес есть бизнес. On mourra seul*, в конце концов.— И он улыбнулся широкой очаровательной улыбкой.

— Il p'y pa de morts, m. Koutrouboussis**!— Она закрыла глаза.

— Разрешите предложить вам свое пальто?

— Благодарю вас.— Кэтрин с благодарностью приняла его тяжелое пальто и завернулась в него.— Извините, что я...

— Пожалуйста.— Он поднял руку.

Одна из резных дверей шкафа распахнулась и чуть было не ударила Спиро Коутрубуссиса по плечу. Он отпрянул.

За шкафом образовалось пространство, в котором возникла высокая фигура человека с бледным чувственным лицом и длинными прямыми темными волосами. Он был в коротком черном пальто с широкими лацканами. Его черные брюки были немного расклешены. Рубашка у него была из натурального белого шелка, на шее завязан широкий алый галстук. В одной руке он держал необычного вида пистолет.

— Привет, Кэтрин. Я вижу, ты знала, что я появлюсь.

— О, Джерри, я страшно замерзла.

— Не волнуйся. Я позабочусь о тебе. Что делают все эти люди в моем доме?

— Танцуют.

— Вы могли бы одеться получше по этому случаю,— сказал Коутрубуссис, глядя на пистолет. Джерри засунул пистолет в карман.

— Мне самому потребовалось какое-то время, чтобы согреться,— сказал он, как бы извиняясь.— Все занимаетесь надувательством, Коутрубуссис?

— С надувательством покончено. Теперь я занимаюсь законным бизнесом.

---

* Каждый умирает в одиночку (фр.)

** Смерти нет, м-р Коутрубуссис (фр.)

— Ничего себе. Что все это значит, ты уезжаешь из дому ненадолго, а когда возвращаешься назад, то обнаруживаешь, что он просто битком набит гостями. Кто устроил эту вечеринку? Я, что ли?

— Думаю, что да.

Джерри рассмеялся.

— Вы ведь давно меня знаете, не правда ли? Но это не Голланд Парк. Это Лэдброук-Гроув. Я абсолютно изменился. И веду спокойный образ жизни в настоящее время.

— Джерри!— Кэтрин совсем посинела и, казалось, вот-вот потеряет сознание.— Джерри!

Он обнял ее.

— Ну, как? Немного лучше?

— Немного.

— Чувствую, мне придется кое-что предпринять.— Джерри налил себе большую порцию виски из графина, стоявшего на столике из слоновой кости и мрамора.— Полагаю, что Фрэнк должен быть где-то здесь?

— И мама.

— Черт побери.

— У меня немного времени,— сказал Джерри сам себе.— Но я все же...

— Ты сюда надолго, Джерри?

— Ненадолго. Не волнуйся.— Он улыбнулся ей сочувственно.— Все повторяется, как в старые времена. Я очень сожалею.

— Ты в этом не виноват.

В библиотеку вошла мисс Бруннер.

— Я знала это. Вам лучше ничего не предпринимать, мистер Корнелиус.

— Не знаю, не знаю. В конце концов это мой дом.

— Так это вы, черт побери, все это организовали?

Джерри пожал плечами.

— О, Боже!— Она топнула ногой.

В Утренней комнате премьер-министр Англии и президент Соединенных Штатов сидели вдвоем в одном большом кресле.

— Конечно, с точки зрения культуры мы всегда были чрезвычайно близки. А это кое-что значит.

На лице премьер-министра появилась счастливая улыбка.

— Что касается меня, для меня это значит все. Так в чем дело?

Свет погас. Президент захихикал.

В главном бальном зале музыка еще какое-то время продолжала играть. Но свечи замерцали, оплыли и сами собой погасли. Все зашептались в ожидании сюрприза. В зале зазвучал смех, мужчины и женщины пытались разгадать, какой сюрприз их ожидает.

Входные золотые двери распахнулись, затем распахнулась стеклянная дверь. Подул холодный ветер.

В саду даже перестали светить светлячки, свет шел только от большого факела, который держал в руке человек, поднимавшийся по ступенькам в Большой Дворец. На человеке было короткое пальто, широкий воротник которого был поднят, обрамляя его длинное белое лицо. В его глазах отражался свет от факела. Человек вошел в бальный зал, протиснулся через толпу и встал под балконом, на котором располагались музыканты.

Голос человека звучал холодно:

— Произошла ошибка. Думаю, пора все это прекратить. Вы все находитесь в моих частных владениях, и я советую вам тотчас же покинуть этот дом. Если через полчаса в этом доме кто-нибудь останется, то его убьют.

— Боже!— Принц Лобкович сделал шаг вперед.— Кто вы?

— Это трудно объяснить,— сказал человек. Он поднял факел вверх.— Я полагаю, это имеет отношение к третьему закону термодинамики.— Музыканты заменили инструменты на автоматы и пулеметы.— Я не хочу надоедать вам длинными речами.

— Вы соображаете, что вы делаете?— Принц Лобкович указал на толпу.— Вы можете все разрушить.

— Возможно. Но необходимо, чтобы движение продолжалось, не так ли?

Заработал пулемет. Пули попали в люстру, и она разлетелась на кусочки. Гости начали кричать, топчась на одном месте. Бывшая королева Англии упала, осколки от люстры порезали ей плечи. Мистер Роберт Фит, педант, схватился за кровоточащий глаз. Еще несколько человек получили менее серьезные ранения. У дверей началась давка.

Все гости устремились вон из Большого Дворца, но тотчас стали прибывать из других замков. Они хотели узнать, почему погас свет. Послышался шум отъезжающих машин. Лошади били копытами и ржали. Колеса с шумом двигались по гравию. В воздухе пахло маем.

Сидя в кинозале, Фрэнк Корнелиус уже начал догадываться, что что-то происходит. Оставив Хелен Свит, он подошел на цыпочках к двери и осторожно открыл ее.

— Джерри?

В желтой комнате епископ Бисли с трудом натягивал на себя стихарь прямо на обмазанное шоколадом тело, шоколад уже начал затвердевать, облизанную наполовину бывшую монахиню он оставил лежащей на полу. Он нахлобучил на голову митру, поднял посох, напоследок еще раз лизнул монахиню и поспешил вон.

Президент Соединенных Штатов и премьер-министр Англии уже покинули Утреннюю комнату. В комнате осталась только кошка, которая мирно спала в теплом кресле.

Капитан Най нашел библиотеку и открыл дверь.

— Вы здесь, миссис Корнелиус?

— Да, спасибо. Я чувствую себя значительно лучше.

— Нам нужно идти.

— Думаю, что нам действительно нужно идти.

— Это конец переговоров.

— И совсем неплохой конец.

Смеясь, они вышли из библиотеки.

Миссис Корнелиус, профессор Хира и герр Марек были уже на Лэдброук-Гроув.

— Приятно возвращаться назад.— Миссис Корнелиус поискала ключ в сумочке.— К счастью, мой дом находится как раз за углом.— Они даже не подозревали, что произошло на балу.

— Вы чувствуете запах валерьяны?— спросил «Флеш» Гордон у Хелен Свит, которая плача, наткнулась на зеленую изгородь.— Моя дорогая!— Он обнял ее.— Поедем со мной в Голланд Парк.

Она шмыгнула носом.

— Хорошо.

— Что является плохой новостью для одних, для других может обернуться хорошей,— сказал леди Сью, проезжая

мимо этой парочки в своей карете. Она потеряла свою диадему, но приобрела епископа Бисли. Правда, в этот момент она еще не знала, что он вовсе не негр.

Согнувшись пополам в дальнем углу четырехместной кареты, епископ стонал от боли. У него было страшное несварение желудка.

Машины и кареты ворвались на Лэдброук-Гроув, некоторые из них в темноте столкнулись (так как газовые фонари тоже погасли). Машина полковника Пьята задавила маленького мальчика.

В третьей спальной комнате во Дворце-Горе, несколько учителей из Оксфорда и самый гнусный и глупый издатель в Америке были прошиты очередью из большого автомата «шмайсер», который был в руках у виолончелиста. Что касается издателя, то он был даже благодарен виолончелисту за то, что тот хоть таким образом избавил его от учителей.

Некоторые люди, которые уже успели добраться до ворот и шли по Уэстбурн-Парк по направлению к Портобелло-роуд, пытаясь найти такси, восприняли все случившее, как своеобразное развлечение. Они шли и болтали, прислушиваясь к раздававшимся вдали автоматным очередям.

— Что ж,— сказала доктор фон Крупп, которой удалось выбраться целой и невредимой.— Я полагаю, все опять будет продолжаться по-прежнему.

— Вы живете в Лондоне?— спросила Уна, обнимая Себастьяна Очинека.

— О, я думаю, что теперь я захочу жить в Лондоне,— ухмыльнулась доктор.

Ландо Спиро Коутрубуссиса было первой машиной, которой удалось выбраться из дворца, в ней сидели капитан Най и Кэтрин Корнелиус, обнявшись, в долгом нежном поцелуе. Они были уже на полпути к графству Суррей, направляясь в Айронмастер-Хаус.

Сам Спиро Коутрубуссис все еще был во дворце, благополучно избежав бойни, которую устроили его коллеги. У него был пистолет, и он разыскал хозяина. На лестнице он столкнулся с Фрэнком, принял его за Джерри и выстрелил в него. Фрэнк, думая, что это Джерри, выстрелил в ответ. Оба тела покатились вниз по лестнице.

Мисс Бруннер и майор Най, отбросив какие-либо мысли о мести, залезли в машину майора. Когда они отъехали, один из скрипачей появился на лестнице, поднял автомат к плечу и выстрелил им вслед, но пули отскочили от бронированной поверхности машины и они благополучно завернули за угол.

Сбавив скорость на Лэдброук-Гроув, майор Най спросил мисс Бруннер:

— Ну, и что вы обо всем этом думаете?

— Оглядываясь назад,— сказала она,— сейчас мне кажется, что это было неизбежно. Но, по-моему, не стоит волноваться.

— Должен сказать, вы умеете мужественно переносить неприятности,— сказал он с восхищением в голосе.

Постепенно в огромном доме наступила тишина, было слышно только мяуканье маленькой черно-белой кошечки, она потянулась, вылизала себя, а затем устроилась поудобнее и опять заснула.

Заключительная речь

Возвратившись из изгнания по просьбе революционной хунты, Принц Лобкович, выходя из дирижабля, произнес короткую речь. Речь была адресована полковнику Пьяту и восторженно встречавшей его толпе. Он сказал:

— Друзья, у войны нет конца. Самое большее, что мы можем ожидать в своей жизни, так это несколько перерывов в борьбе, несколько мгновений спокойствия. И мы должны ценить эти мгновения.

ПРОЛОГ *(ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

...призраки не родившихся. И призраки без вести пропавших: умерших во время войны или в концентрационных лагерях. Умиравших анонимно, без свидетелей, они никогда не смогут успокоиться окончательно. Это трудно объяснить. И рождение каждого ребенка — это своего рода акт воскрешения. Каждый вновь рожденный ребенок помогает одному из призраков успокоиться. Но на это уходит слишком много времени. А в наше время это едва ли может быть выходом из создавшейся ситуации. Может, нам просто следует прекратить убивать людей.

Морис Лескок, «Прощание»

ВЫСТРЕЛ ТРЕТИЙ

«ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ» ШЕСТИЛЕТНЕЙ ФРЭНСИС

К Папе Римскому обратились с просьбой объявить чудом исцеление шестилетней Фрэнсис Бэрнс. Три года назад она умирала от рака. Врачи, боровшиеся за ее жизнь, говорили, что ей осталось жить всего несколько дней. На сегодняшний день эта девчушка жива и здорова. Консультант, лечивший ее, признает: «Чудо еще недостаточно сильное слово, чтобы описать ее выздоровление». Удивительное выздоровление Фрэнсис Бэрнс началось, когда ее мать, миссис Дедр Бэрнс, забрала измученную болью девочку из Деннинстауна в Глазго и отвезла ее к святым местам римских католиков — в Лурд, на севере Франции. Фрэнсис искупали в водах горной реки, в которой купаются тысячи калек в надежде исцелиться. Она вернулась в Глазго, и два дня спустя находившаяся в детской больнице Фрэнсис села в кровати и попросила есть. Через неделю с лица исчезла опухоль. Так началось ее удивительное выздо-

ровление. Комиссия, в составе которой 31 специалист из медицинского комитета Лурда, обратилась к Папе с просьбой объявить выздоровление Фрэнсис чудом.

«Сан», август 23, 1971

ТЕАТР

Уна Перссон была на сцене. Она играла сложную роль Сью Орф в последней музыкальной комедии Саймона Вейзи «Ясная осень», которая пользовалась большим успехом. Пьеса шла в театре принца Уэльсского. Зал был полон, в зале Уна заметила своего давнего импресарио, Себастьяна Очинека, сидевшего в первых рядах партера. Очинек занялся политикой и писал огромное количество статей и воззваний. Его последним произведением было «Новое отношение к британским евреям».

В пеньюаре из светло-розового шелка Уна стояла, облокотившись на рояль, лицом к Дугласу Крофорду, игравшему главную мужскую роль, когда тот сказал:

— Никогда не предполагал, что ты ведешь дневник, дорогая.

Уна, небрежно держа тетрадь в руке, ответила не задумываясь:

— О, дорогой, это вряд ли можно назвать настоящим дневником.

Именно эта строчка повсюду использовалась для рекламы этой пьесы. Комедийные артисты имитировали то, как Уна произносила эту фразу, казалось, она была написана специально для Уны, которая по-особому, в свойственной только ей манере произносила раскатистое «р».

— Это твоя тайна, как я понимаю,— продолжил Дуглас.— Это, видимо, ужасная тайна.

— Пожалуй.

— Я считал, что у нас нет секретов друг от друга, считал, что мы договорились, что в наших отношениях не будет ничего подобного.— Он был оскорблен.

Ей очень хотелось успокоить его.

— Дорогой, это... ну, это не совсем то, что ты думаешь...

С презрительной холодностью, отстраненно, он сказал:

— Да?

— Ну, дорогой, не будь медведем!— Она отвернулась от него, посмотрела на клавиатуру рояля.

— Ты хочешь сказать, чтобы я перестал надоедать тебе?— Он сложил руки на груди и с гордым видом направился к бару, находившемуся в дальнем конце комнаты.— А что, если я ничего не могу с собой поделать? А что, если я люблю тебя так сильно, что даже мысль о том, что у тебя есть тайны от меня, просто невыносима? Видишь ли, обычно, если люди ведут дневник, это значит, что они чего-то боятся. Чего боишься ты, Сьюзен? Что ты написала о том человеке, с которым познакомилась вчера вечером — ты знаешь, кого я имею в виду? Как его зовут?— Он пытался притвориться, что ему все равно, но публике было ясно, что он едва сдерживает свои эмоции.

Срывающимся от обиды голосом Уна быстро ответила:

— Ты отлично знаешь, как его зовут. Вивиан Гентри.— Она замолчала, вспомнив что-то.— Мы любили друг друга — много лет назад...

— Ты все еще любишь его? И боишься сказать мне об этом? Именно об этом ты написала в своем дневнике?— Дуглас повернулся, у него на лице было выражение страдания.

Уна уронила дневник и быстро подошла к нему.

— О, какой же ты глупец, мой дорогой, ненаглядный ты мой глупец! Разве я могу любить кого-нибудь, кроме тебя?

— Скажи мне, что в дневнике.

Она остановилась, опустила голову. Затем повернулась и указала на упавший на пол дневник.

— Ну, хорошо, читай, если хочешь.

Он колебался, налил себе вина.

— Что в нем написано?

— Что я люблю тебя так сильно, что даже не решаюсь сказать тебе об этом прямо в лицо.

— О?— Было видно, что ему хочется верить тому, что она говорит, но он все еще не решается.

Она заговорила почти шепотом, но ее голос был слышен даже в конце зала:

— Да, Чарльз. Мне кажется, я слишком люблю тебя...

Он поставил бокал и взял ее за плечи. Она все еще смотрела в сторону.

— Поклянись!— сказал он почти грубо.— Ты клянешься в этом, Сью?

Она немного пришла в себя и посмотрела ему прямо в глаза. Насмешливо, прижав ладонь к сердцу, она сказала не задумываясь, хотя и несколько раздраженно:

— Хорошо, если ты считаешь, что это необходимо. Слушай! Я клянусь в этом.— Ее голос смягчился. Она взяла его за руку.— А теперь прекрати это — перестань так глупо ревновать.

Теперь он был несчастен от того, что сомневался в ней.

— О, дорогая, извини.— Он сжал ее в своих объятиях. Оркестр начал негромко играть вступление к одной из самых популярных песен в этом спектакле.

— Я — медведь! Абсолютно невоспитанный медведь! Я — тупой и самодовольный человек! Как я мог сомневаться в тебе. Ты простишь меня?

Голос ее был теплым и нежным, когда она выдохнула:

— Я прощаю тебя.

— О, дорогая!

Он запел:

Без тебя, дорогая,
Я буду хандрить, дорогая.
Ты мне никогда не надоешь,
Жестокое разочарование и горе
Никогда не постигнут нас,
Я никогда больше не буду хандрить, дорогая...

В конце действия занавес закрылся, а Себастьян Очинек с глазами, полными слез, все хлопал и хлопал, пока кто-то не положил ему на плечо руку, и он увидел перед собой серьезные, вежливые лица двух полицейских, одетых в штатское.

— Очень сожалеем, что помешали вам развлекаться, сэр. Но мы бы хотели, чтобы вы прошли с нами и ответили на несколько вопросов.

Это было похоже на плохую детективную историю, особенно в сравнении с тем, что он только что видел. Когда он

заговорил, его голос звучал трогательно и даже немного легкомысленно.

— А здесь я на них не могу ответить?

— Боюсь, что нет, сэр. Видите ли, нам было поручено только доставить вас.

— За что вы меня арестовываете?

— Может, было бы удобнее, если бы мы ответили на этот вопрос на улице, сэр?

— Думаю, вы правы. Мне нужно взять свое пальто.

— Оно уже ждет вас в вестибюле, сэр.— Полицейский почесал свои небольшие усики.— Мы взяли на себя смелость...

Себастьян Очинек оглянулся вокруг на других людей в партере, но все устремились в бар, изучали свои программки и болтали между собой.

— Понятно,— сказал он.— Что ж...— Он встал, повел плечами.— Вы знаете, что я менеджер мисс Перссон. В газетах напечатают, что меня арестовали.

— Это еще не арест, сэр. А просьба помочь. Только лишь.

— Ну, тогда, я думаю, мне можно досмотреть пьесу до конца?

— Дело срочное, сэр.

Очинек вздохнул. Он бросил последний взгляд на занавес, последний раз вдохнул воздух театра и вышел через боковые двери.

ЛЕТАЮЩАЯ ЛОДКА

Огромная летающая серая лодка маневрировала на двух пропеллерах, расположенных впереди с внешней стороны, разворачиваясь на мелководье, пока не повернулась носом в сторону просторов голубого озера. Если бы не рябь, которая шла от движения острых углов лопастей, поверхность озера была бы совсем гладкой, блестящей и спокойной. Грохот моторов лодки «Куртисс-Победитель», раздававшийся над озером ранним утром, заглушил все остальные звуки. Лодка была марки «Дорньер», на крыльях у нее было установлено

впритык один к одному двенадцать охлаждаемых жидкостью моторов по 600 лошадиных сил каждый.

На лодке было достаточно места, чтобы вместить 150 человек, но кроме капитана Ная, который управлял лодкой, на борту было только три человека.

Даже в сравнении с великолепием снежных вершин швейцарских Альп моноплан, движущийся по просторам озера, не казался маленьким, капитан нажал на рычаг — и заработали все двенадцать пропеллеров.

— Мы летим налегке. Прибудем вовремя.— Он болтал с Фрэнком Корнелиусом, который сидел, откинувшись в просторном кресле помощника пилота, и смотрел в окно на яркий свет восходящего солнца, похожего на медный мячик, лучи которого проникали сквозь утренний туман.

Лодка плыла по озеру, на котором, кроме них, никого не было, направляясь в сторону развалин на дальнем берегу. Капитан выжидал до последнего момента, прежде чем окончательно взлететь, и, шутя, пролетел очень низко над несколькими лачугами, стоявшими на берегу озера. Несколько детей разбежались в испуге; затем «Дорньер» начал круто набирать высоту, сделал крутой вираж и полетел на восток.

— Хоть эта хреновина и некрасива, но она очень быстрая.— Капитан Най привел лодку в горизонтальное положение. Они летели со скоростью не меньше 130 миль в час.— Идите и посмотрите, как себя чувствуют женщины, хорошо, старина?— Они уже летели высоко над горами.

Фрэнк расстегнул ремни и открыл дверь каюты. Он прошел через бальный зал размером 60 футов, оформленный в стиле Джуберта и Петита, и спустился по лестнице на палубу первого класса, где находились мисс Бруннер и его сестра Кэтрин, они сидели на высоких стульях у бара и пили коктейль «Номер один», приготовленный для них профессором Хира. В этой экспедиции у него была роль гида.

— Все нормально?— спросил Фрэнк.— Вас не укачивает?

— Прекрасно,— сказала мисс Бруннер, слегка коснувшись своих коротко остриженных волос и подмигивая. Кэтрин смотрела в сторону. В иллюминаторы ей были видны чистые блестящие вершины.

— Прекрасный день,— сказала она.

— К понедельнику мы доберемся до острова Роув без

всяких проблем,— сказал Фрэнк.— Шесть тысяч миль, что-то около этого. Просто невероятно!

— Фрэнки, дорогой, вы не слишком увлеклись этой ролью?— Мисс Бруннер вертела в руках помаду.

— Дорогая мисс Бруннер. У вас совсем не осталось энтузиазма. Я, пожалуй, лучше вернусь в кабину.— Фрэнк послал один воздушный поцелуй сестре, второй профессору Хире. Он преднамеренно проигнорировал мисс Бруннер. Они постоянно ссорились, и даже индийский врач, профессор Хира, не обращал на это внимания, со звоном ставя высокие бокалы из Витанского стекла на стойку бара, отделанного мозаикой с зигзагообразным рисунком. Сам он не пил, но умел потрясающее смешивать коктейли.

— Я буду счастлива опять побывать на этом острове. Там так тепло. Я слышала, что некоторые люди специально приезжают туда подлечиться.

— Ну, совсем как мы, милочка.— Мисс Бруннер накинула белый кардиган на сине-черное платье, и предложила Кэтрин сигарету «Голд флейк» из своего тонкого серебряного портсигара. Кэтрин взяла сигарету. Профессор Хира перегнулся через стойку и поднес к их сигаретам большую настольную зажигалку в форме тяжелого египетского саркофага, сделанную из алюминия, как и большинство вещей на летающей лодке, которые являлись побочным продуктом в производстве самолетов. Мисс Бруннер считала, что самолеты недостаточно шикарны на ее вкус; даже Кэтрин считала, что они чрезмерно громоздки. Но именно они дали возможность путешествовать простым людям за сравнительно небольшие деньги из страны в страну, хоть и не известно, нужно ли было давать им эту возможность. К тому же она была обеспокоена предчувствием, что они скоро заменят летающие лодки. Прогресс есть прогресс, но она была уверена, что люди со вкусом предпочли бы летать на изысканно обставленных летательных аппаратах, подобных «Дорньеру», с прекрасным внутренним убранством в стиле Джуберта и Петита и Джозефа Хоффмана. Кэтрин облокотилась на стойку, согнув руку в запястье, держа нефритовый мундштук между указательным и средним пальцами, на запястье у нее был браслет, тоже из нефрита. Она была почти не накрашена, и на ней почти не было никакой одежды. Мисс

Бруннер осмотрела ее с ног до головы оценивающим, восхищенным взглядом.

— Фрэнк очень груб, но вы, милочка, само совершенство.

Кэтрин улыбнулась, ногой она отбивала ритм песни Ипана Трубадура, которая звучала с граммофонной пластинки, поставленной профессором Хирой. Приглушенные звуки моторов «Куртисса-Победителя», казалось, бились в том же ритме.

— Пока ты рядом, я живу,— подпевала Кэтрин.

— Но слух у Фрэнка, по-моему, лучше, как вы считаете?— сказал профессор Хира, испортив настроение им обеим.

Голос мисс Бруннер прозвучал холодно:

— Вы считаете, что вы сделали комплимент?— Она соскользнула со стула.— Пойду приму душ. Мне хочется привести себя в порядок.

Кэтрин увидела, что она вошла в комнату с надписью на двери «Для дам». Иногда то, как она выглядит, становилось слишком важным для мисс Бруннер.

Оставшись наедине с Кэтрин, профессор Хира почувствовал себя неловко. Он откашлялся, он сиял от радости, он играл шейкерами для коктейлей, поднимал глаза вверх. Один раз их довольно сильно качнуло, и он уже было сделал движение в ее сторону, чтобы поддержать ее, затем замешкался и решил этого не делать.

Кэтрин решила сходить и проверить груз. Кивнув профессору, она подобрала немного юбку и вышла. Она спустилась ниже, на палубу второго класса, которую Хоффман переделал под камбуз и столовую. Прошла через камбуз и спустилась в прохладный трюм, в котором стоял груз. Немного в стороне от их черных и желтых чемоданов стоял единственный груз — ящик кремового цвета длиной в пять футов, шириной три фута и глубиной три фута. Крышка ящика была закрыта на замок. Кэтрин достала из кармана ключ, вставила в замок и дважды повернула. И открыла крышку. Внутри ящика находился белый блестящий скелет ребенка, в возрасте от десяти до двенадцати лет. Череп был поврежден. В середине лба была большая, правильной формы дыра.

Подобно матери, поудобнее укладывающей спать своего

ребенка, прежде чем задернуть занавеску, Кэтрин переложила косточки скелета, лежавшего на подушках белого и красного цвета. С любовью в глазах она наклонилась к ящику, поцеловала череп почти в то место, где была рана; затем с нежностью положила крышку на место, закрыла ящик на замок и тихо сказала:

— Не беспокойся.

Она вздохнула, прижала ладони к губам.

— Индийский океан самый дружелюбный в мире. Так говорит профессор Хира. А остров Роув самый дружелюбный остров в Индийском океане. Там мы сможем отдохнуть.— Ей едва удалось сохранить равновесие, так как в этот момент самолет вдруг резко взмыл вверх. Ей удалось схватиться за ремень безопасности из желто-зеленого шелка, который был прикреплен к шпангоуту. «Дорньер» почти тотчас же выровнялся. Кэтрин проверила, не сдвинулся ли ящик, и осторожно стала пробираться обратно в бар.

ПИРС

— Это лето — самое прекрасное за последние годы,— говорила миссис Корнелиус, направляясь к берегу моря, на ней было платье с веселеньким рисунком, которое она подоткнула так, что оно открывало ее красные толстые коленки. Пот лил с нее градом, но она была счастлива, хоть и едва дышала от жары, в общем она наслаждалась, как могла, в Брайтоне. Она уже побывала на бегах, покаталась на аттракционе железная дорога, выпила парочку рюмок бренди, съела несколько порций улиток, выпила пять пинт пива «Гиннесс», потом съела скатов с жареным картофелем, потом еще мяса антилопы в баре, а после всего этого ее вырвало. Тошнота помогла ее организму очиститься, и теперь она чувствовала себя просто превосходно. Полковник Пьят был одет в великолепно сшитый летний льняной костюм белого цвета, на голове у него была панама, на ногах двухцветные туфли и через руку была перекинута трость; он стоял на мощеной булыжником дорожке и держал в руках Тиддлз, маленькую черную кошечку миссис Корнелиус, которую в по-

следнее время она всюду брала с собой, куда бы ни шла — в магазин ли, в кино или, как сегодня, в поездку на море, которую они предприняли во время медового месяца.

— Пойдем на пирс?— задыхаясь спросила миссис Корнелиус. Она указала пальцем через свое потное плечо на Восточный пирс — ржавое сооружение, на котором располагались танцплощадка, театр, дешевый магазинчик и аттракционы. С того места, где она стояла, было слышно, как громыхают электрические автомобили на аттракционе и сталкиваются друг с другом. Время от времени оттуда раздавался громкий смех и испуганные вопли.

Полковник Пьят неохотно кивнул в знак согласия. Это входило в его обязанности. И ему придется сделать это.

— Эй, давай мне кошку.— Она забрала мягкий комочек из его рук.— Когда мужчина держит кошку в руках, это выглядит очень глупо. Тебя примут за гомика или что-нибудь типа этого, если ты будешь вести себя неосторожно!— Она визгливо рассмеялась, игриво толкнув его в бок.— Хотя я думаю, их здесь полно! Это же Брайтон!— Она оглядела веселящуюся толпу людей на пляже, как бы оценивая, у кого из них есть сексуальные отклонения. Шезлонги, газеты, плащи, пуловеры, пиджаки, полотенца были разложены по всему пляжу, на них лежали или сидели на корточках мамаши, папаши и подростки, их сыновья и дочери, солнце освещало их короткие стрижки и кудри, появившиеся благодаря химической завивке. Дети помладше бродили вокруг и ели брикеты мороженого, купленного у человека Остановись-И-Купи-У-Меня-Хоть-Что-Нибудь, который разъезжал взад и вперед по всему пляжу со своим маленьким холодильником. Другие дети, взяв свои металлические поцарапанные ведерки и деревянные лопаточки, задумчиво копались в песке. Чуть подальше, вдоль набережной медленно разъезжали открытые двухэтажные автобусы, битком набитые мужчинами и женщинами в белых шортах и рубашках с открытым воротом, и девушки в шикарных летних платьях, волосы которых либо вились сами, либо были завиты, губы у них были накрашены помадой алого и светло-вишневого цвета. Морской воздух, запах жира, жареного картофеля и заливных угрей плыл в воздухе.

— Фу!— Она втиснула ноги в босоножки изумрудного цвета и мимо отдыхающих направилась по пляжу к пирсу.

— Можно сойти от этого с ума, да? Я имею в виду жару.

На пирсе, заплатив два пенса за каждого, они прошли через турникет; полковник Пьят заметил с облегчением, что ветер поменял направление и теперь все запахи, кроме запаха моря, поплыли обратно в город, в котором можно было увидеть возвышающиеся купола Китайского павильона на фоне расположенных ниже плоских крыш. Конечно, было невообразимо жарко, от солнца болели глаза, он пожалел, что не купил темные очки. Кошка зашевелилась у него на груди, потом успокоилась.

— Что за мать, что за мать,— запела миссис Корнелиус.— О, боже, что у него была за мать, у этого лорда Лоуэла, его бедная мать кормила его, когда он был грудным ребенком, лопатами! Какое несчастье (бедный парень), он никогда не знал, что такое любовь — потому что, если бы он знал, что это такое, ставлю один против двадцати, его голова раскололась бы пополам!

Полковник Пьят, предчувствуя недоброе, посмотрел на миссис Корнелиус. Последний раз она пела именно эту песню как раз незадолго до того, как ее стошнило в сточную канаву около «Корабля».

— Вот именно так я и хотела отдохнуть, собираясь весело провести время на берегу,— продолжала миссис Корнелиус. Она взяла кошку у Пьята, поднесла к лицу и погладила ее.— Пойдем на поезд с привидениями, а?

— Не будет ли это чересчур?— спросил полковник Пьят.

— Для кого? Для меня?— весело рассмеялась она.— Ты, должно быть, шутишь?

И они отправились на поезд с привидениями. Полковник Пьят боялся чудовищ, ведьм и скелетов, которые наскакивали на него со всех сторон, издавая истошные крики, воя, хохоча, что-то липкое касалось его гладко выбритых щек, он боялся паутины, вспыхивающих огней, порывов холодного воздуха, зеркал, абсолютной темноты, через которую им пришлось пройти, а миссис Корнелиус, хотя она и вопила и визжала, как сумасшедшая, получала от всего этого огромное удовольствие.

В кафетерии они взяли себе по чашке чаю и по булочке и ели это, глядя на переливающееся море. Все официантки собрались вокруг них, чтобы погладить кошку миссис Корнелиус.

— Она домашняя?— спросила одна из них. Другая дала кошке немного печенья, но та не стала его есть. Третья девица, тощая и некрасивая, принесла блюдце с молоком.

— Ну же, киса. Пей.— Кошка вылакала молоко, и девица чувствовала себя счастливой от этого целый день.

Затем они направились к машинам. Миссис Корнелиус села в одну машину, она посадила кошку себе на грудь — торчала только голова,— смотреть на нее было смешно, а полковник Пьят сел в другую машину. Машина миссис Корнелиус под номером 77 была ярко-красного и золотого цвета. Машина полковника Пьята была зелено-голубая под номером 55. Электрические ползуны скрипнули и заискрились, искры разлетелись во все стороны, когда машины тронулись. Миссис К. склонилась вперед и направила свою машину прямо на машину полковника Пьята; покорившись судьбе, он почувствовал сильнейший удар, сотрясший его всего,— он поцарапал коленку. В громкоговорителях звучал искаженный голос Нета Гонелы, певшего песню «Если бы твоя фотография заговорила».

— Ты слишком неповоротлив!— закричала миссис Корнелиус довольным голосом и отъехала от него, чтобы калечить других ничего не подозревающих водителей. Даже кошка, казалось, получала большое удовольствие от катания на машине.

— О-о! Вперед!— воскликнула миссис Корнелиус и, откинув назад голову в чалме, налетела на следующую жертву.

Полковник Пьят почувствовал тошноту. Как только машины остановились, он вышел и встал в сторонке, а миссис Корнелиус решила покататься еще раз. Он был поражен, что на тонкой конструкции пирса могут происходить такие бурные действия. Должно быть, конструкция намного прочнее, чем он предполагал. Он закурил сигарету, подошел к ограждениям и сквозь проем смотрел на море, шумящее внизу, прислушиваясь к отчетливо слышным восклицаниям женщины, на которой он женился, и размышляя, сохранится ли пирс после того, как будет разрушен город.

Машины опять остановились, и миссис Корнелиус вылезла из своей и переваливающейся походкой пересекла дощатый настил, который окружал площадку с машинами.

Пот стекал с нее ручьями, она, довольно ухмыляясь, подошла к нему, от нее пахло машинным маслом.

— Пошли,— сказала она, взяв его под руку и потянув дальше.— У нас еще осталось время потанцевать.

ГОРЫ

Пахнущий дымом индийский дождь скатывался по склонам гор через леса, находившиеся рядом с Симлой, горные дороги совсем развезло. Майор Най ехал на машине «фантом-V» фиолетового цвета по извилистым улочкам, огороженным с обеих сторон белыми заборами, разбрызгивая грязь; сквозь дымку было плохо видно, но она смягчала пейзаж. «В дождь,— подумал майор,— мир становится неподвластным времени».

Повернув во двор большого деревянного бунгало, он остановил лимузин. Слуга сикх подал ему зонт, прежде чем забрать у него машину.

Майор Най под дождем прошел через двор, поднялся на веранду, сложил зонт и прислушался к каплям дождя, падающим с листьев. Этот звук напоминал тиканье тысячи часов. В воздухе пахло свежестью. В Симле почти ничего не изменилось. Это было потрясающе.

Его жена и две дочери остались в Дели. Они не захотели поехать вместе с ним. Но ему нужно было кое-кого повидать. Кроме того, он считал необходимым напомнить слугам о своем существовании.

Внутри дома было холодно; вся мебель была покрыта белыми чехлами. В доме не было никаких запахов и, если бы не дождь, никаких звуков. Дом был мертв. Он почувствовал усталость, сломленный бременем свалившейся на него ответственности и неожиданным пониманием того, что его преданность оказалась бесполезной. Сколько еще смог бы просуществовать этот рай, когда китайцы, русские и американцы уже у порога?

Он заметил, что в камине горит огонь. Кто-то сжигал книги. Он взял кочергу и повернул так, чтобы были видны еще не совсем сгоревшие обложки. Название одной было

«Как Майкл нашел Иисуса», там были и другие: «Рагнарек и третий закон термодинамики», «Поиски времени на западе, находящемся в состоянии спада», «Короткие библейские истории для маленьких детей», «Средство от рака», «Как избежать смерти от жары». В основном это были книги по медицине и о религии. Кто бы это мог разжечь ими камин? Он хотел было позвонить, но его внимание было отвлечено шумом, раздавшимся снаружи. На веранде кричали слуги. Он подошел к окну и открыл его.

— Что там такое, Дженаб Шах?— спросил он высокого дворецкого, афганца по национальности.

Человек пожал плечами и ухмыльнулся в свою густую бороду.

— Ничего особенного, сахиб. Мангуста убивает кобру. Посмотрите.— Он показал на длинную змею.

Майор Най кивнул и закрыл окно. Он пошел к двери и вышел в темный коридор. Поднялся наверх по непокрытой коврами лестнице. Вошел в спальню, в которой спал когда-то с женой. Кровать и вся остальная мебель тоже были покрыты белыми простынями. Он взялся за конец простыни, накрывавшей массивный гардероб, сделанный из тикового дерева, и стащил ее. Пыль разлетелась по всей комнате. Он закашлялся. Майор вытащил из кармана связку ключей, выбрал один, вставил в замок гардероба. Дверца со скрипом открылась, на внутренней стороне дверцы было зеркало, и майор несколько секунд смотрел на себя с удивлением. Он постарел. В этом не было никаких сомнений. Но фигура у него была все еще стройной. Он полез в гардероб и выбрал индийское национальное платье из шелковой парчи. Оно было синего цвета с круглыми лацканами, отстроченное нитками голубого цвета. Пуговицы на платье были бриллиантовые, на одеяние был одет чехол. Высокий жесткий воротник закреплялся двумя бронзовыми пряжками. К платью прилагался алый кушак. Майор Най снял пиджак, который был на нем, и надел индийское платье на белую шелковую сорочку. Он тщательно застегнул все пуговицы и приколол брошь к воротнику. И наконец замотал кушак вокруг талии. Его вид, седеющие волосы и совершенно седые усы, прозрачные голубые глаза и загар — все это производило впечатление. Почти такое же, какое он производил в день получения в подарок этого платья. Это был подарок от повёр-

женного им Шаран Кханга, старой горной лисицы. Верит ли все еще Шаран Кханга в независимость Гималайского королевства? Майор Най улыбнулся.

Не снимая платья, он поднялся в комнату, где у него хранилось оружие. Он открыл дверь еще одним ключом из связки. На столе, на том же самом месте, где он оставил его в прошлый раз, лежал маузер FG42. Закрыв за собой дверь, он подошел к столу и взял его в руки, стряхнул пыль со ствола. Он установил оптический прицел, проверил магазин и вложил револьвер в левую руку. Капля масла испачкала рукав шелковой сорочки. Он открыл ящик и нашел коробку с патронами. Взял ее и вышел, снова закрыв за собой дверь на ключ.

Посмотрел на наручные часы, проверяя время. К тому моменту дождь прекратился. Он почувствовал запах, исходивший от травы, рододендронов и деревьев. Потом пересек лужайку, на которой все еще стояли корзины для игры в крикет, оставшиеся после того, как они в последний раз играли здесь много лет назад. На дальнем конце лужайки, частично скрытый листвой, стоял особняк, который он выстроил, когда только приехал в Симлу.

Может, это было и суеверием, но майор Най никогда не бывал на развалинах дома, который был разрушен бомбой «Тибетан», сброшенной с «Капрони» во время кратковременного итальянского кризиса несколько лет назад. Это был единственный самолет, долетевший до Симлы.

Крыша здания разрушилась полностью, и стена фасада выпирала вперед. Стекла во всех окнах были разбиты, двойная передняя дверь была выбита взрывной волной. Единственными обитателями дома были только служанка туземка и младший сын майора Ная. Они погибли во время взрыва.

Майор Най крепче сжал в руках оружие. Он зарядил пистолет и продолжал с трудом продираться по развалинам, двигаться становилось все труднее и труднее. Он поднялся по разбитым ступенькам, заставляя себя смотреть на дверь. Его прошиб пот.

До этого момента он никогда не считал себя трусом, но дойдя до последней ступеньки, остановился как вкопанный. Он вздрогнул, когда его воображение нарисовало ему, что находится за дверью. Дрожа, он поднял маузер к плечу и даже не глядя, выпустил целую обойму в обшитую деревом

дверь. Затем бросил оружие и побежал прочь, его лицо было искажено от ужаса.

Он потребовал свою машину. «Фантом-V» уже стоял наготове. Сел в нее и уехал из Симлы, в глазах у него было выражение ненависти к самому себе.

В Дели он заказал билет на корабль, отплывающий из Бомбея через несколько дней. Он не встретился ни с женой, ни с дочерьми, а вечер провел в клубе. А на следующее утро сел в поезд на Бомбей и, даже когда корабль «СС Као Ан» был уже далеко в Аравийском море, он все еще продолжал рыдать.

СТАТУЯ

Принц Лобкович расправил форму, он стоял в открытой штабной машине, которая выехала на Венесуэльскую площадь, время было около полудня. Войска в красивой форме черного и золотого цвета выстроились ровными колоннами на парад. Это зрелище наблюдала толпа людей, окружившая площадь со всех сторон. «Мерседес» подъехал к трибуне, возведенной рядом со статуей короля-мученика. Толпа что-то одобрительно кричала, солдаты отдали честь. Прозвучал свисток — и статуя взорвалась. Над головой Принца Лобковича пролетел большой камень, и он быстро лег на дно автомобиля. Генерал Джозеф, его адъютант, сидевший напротив Принца, выхватил револьвер и крикнул шоферу, чтобы тот быстрее уехал, но у шофера сдали нервы и он не сразу смог завести мотор.

Несколько человек были убиты и ранены, но в войсках сохранялся порядок в отличие от запаниковавшей толпы. В воздухе звучали крики, и люди пытались как можно скорее убраться с площади. Прозвучали два или три выстрела. Это еще больше усилило напряжение. Люди разбегались во все стороны.

Дым и пыль начали рассеиваться. Лобкович увидел, что статуя была полностью разрушена. Уцелел только пьедестал, а все, что осталось от временно воздвигнутой трибуны,— это кучка бревен и груда покореженного металла.

Штандарт Принца Лобковича лежал, наполовину засыпанный камнями, рядом с окровавленным телом, которое было изуродовано до неузнаваемости.

Адъютант, генерал Джозеф, хриплым голосом начал отдавать приказания солдатам. С винтовками наперевес, взводы солдат вышли с площади и, пробиваясь сквозь толпу испуганных людей, вошли в окружающие площадь здания в поисках террористов. Вдруг что-то хрустнуло над головой у Лобковича. Это развернулось само собой знамя, на котором по-немецки было написано только одно слово:

«СВОБОДА»

Лобкович поджал губы. Террористы. А ведь он не завоевывал эту страну силой. Он почувствовал себя преданным.

«Мерседес» наконец тронулся задним ходом на ту улицу, с которой они въехали на площадь. Лобкович вытянул голову, пытаясь разглядеть, что там происходит. Джозеф заставил его пригнуться снова. На крыше дома в другом конце площади появились фигуры людей. На них была гражданская одежда, но на груди — крест-на-крест ленты с патронами, а в руках — винтовки. Они были очень похожи на словацких бандитов. Мужчины и женщины, стоявшие на крыше, начали беспорядочно стрелять в людей на площади. Некоторые солдаты упали; некоторые побежали в поисках укрытия.

— За все это придется расплачиваться,— повторил генерал Джозеф себе под нос несколько раз. Лобкович никак не мог понять, то ли его адъютант испугался, что потеряет работу; то ли он собирается уволить своих офицеров безопасности; то ли он клялся отомстить террористам, кем бы они ни были. Они могли быть переодетыми «добровольцами» разных иностранных армий; это могли быть анархисты; наемники, которым заплатила одна из крайне экстремистских группировок; они даже могли быть коммунарами или чешскими националистами. Время покажет.

Шофер развернулся, и они направились по широкому шоссе имени Моцарта, по обеим сторонам которого росли деревья, в президентский дворец, в котором, возможно, еще было безопасно. Генерал Джозеф позволил Принцу сесть. Джозеф убрал револьвер и застегнул кобуру.

— Это был последний раз, когда вы использовали открытую машину,— проворчал он, поправляя волосы и надевая фуражку.— В следующий раз это будет броневик. Плевать я хотел на общественное мнение!

— Они не причинили нам особого вреда,— проговорил Лобкович спокойно. Ему не нравилась форма. Она была слишком строгой. Он предпочитал носить более удобную и шикарную форму, которую носили у него на родине. Как долго еще ему придется выслушивать этих советников?

— Свобода!— тихо пробормотал его адъютант с горечью.— Что они знают о свободе? Под свободой они подразумевают вседозволенность, самовыражение. Даже немного свободы слишком дорого стоит. Я знаю. Я был сегодня среди тех, кто освобождал этот город. Вам следовало приехать сюда раньше, до того, как мы послали за вами. Одна вонь чего стоила. Это был не свободный город, а распутный город.

Лобковича одолевала скука. Именно эти слова он уже слышал от разных людей в разных городах.

— По крайней мере все закончилось,— продолжал Джозеф.— Но его могут начать разрушать снова. Мы должны работать очень быстро.

— Вы знаете, кто были эти террористы?— спросил Лобкович.— Вы знаете, от чьего имени они выступают?

— Пока нет. Нас это должно волновать меньше всего.— Адъютант задумался. Принц Лобкович больше не задал ему никаких вопросов.

Вернувшись в президентский дворец, Принц Лобкович почувствовал себя одиноким. Он сидел в огромном, потрясающем воображение кабинете и ни на кого и ни на что не смотрел. За его спиной над камином восемнадцатого века крест-на-крест висели два национальных флага. Из окна, которое выходило на балкон, он с презрением смотрел на улицу. В середине шоссе, размахивая мечом на коне, стоял гранитный памятник какому-то античному герою. Не успел Лобкович посмотреть на него, как памятник взорвался. Получалось так, что, на какой бы памятник он ни взглянул, тот тотчас же разрывался на кусочки. Благородной формы каменная голова приподнялась, и как только он закрыл глаза, влетела в комнату вместе с осколками стекла и выбитой ра-

мой и, подпрыгивая, с отбитыми краями, но не расколовшись, упала в пустой камин.

На какую-то долю секунды Принцу Лобковичу даже показалось, что это его собственная голова. Затем он улыбнулся. Он присел за массивный стол, так, чтобы стол оказался между ним и окном на случай, если будут еще взрывы. Если он им не нужен, что ж, он будет только рад вернуться домой.

Зазвонил телефон. Лобкович нащупал его на столе и поднял трубку.

— Лобкович.

— Вы не ранены, сэр?— послышался в трубке голос генерала Джозефа.

— Нет, абсолютно, погнулась только железная подставка в камине.

— Я сейчас поднимусь к вам.

Он ждал прихода Джозефа. Сидя на краю стола, он достал последнюю сигарету «Блэк кэт» и закурил ее. Прежде чем смять пачку и бросить ее в корзину для бумаг, он вытащил из нее яркую карточку (одна из серии, состоявшей из 50 штук, бесплатно прилагавшихся к сигаретам), засунул ее в нагрудный карман жилета, который всегда был надет под формой. Это была карточка под номером девятнадцать из серии о динозаврах.

В металлической корзине для бумаг кроме красно-черной пачки из-под сигарет больше ничего не было.

Позолоченные двери распахнулись. В дверях стояла Уна Перссон, одетая во все черное, через плечо у нее висела винтовка, на блестящие кудри был надет берет. Она раскрыла свои объятия и сказала, улыбаясь:

— Дорогой! Я вновь одержала победу над тобой!

ВОСПОМИНАНИЕ (Д)

Ранним летним утром кошка ловит мышку на кухне, дает ей немного отбежать и затем хватает ее снова. В саду большие черные слизняки ползут по металлической мебели. В сарае кто-то ходит. С деревьев слышится шепот.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Толпа из 200 человек напала на две армейские машины «Лендровер», принадлежащие разведывательному полку, в Белфасте вчера вечером после того, как одна из них раздавила пятилетнюю девочку. Толпа подожгла машины, фургоны и грузовики. Выстрелами из автоматов были убиты четверо маленьких детей. Девочка играла на углу улицы вместе с другими детьми. Армейский представитель утверждает, что она сама бросилась под колеса первой машины.

«Морнинг стар», февраль 9, 1971

Вдова, пятеро ее детей и дядя погибли вчера во время пожара, сгорел их дом в Понтипул. Пожарники нашли тела миссис Патриции Иванс, в возрасте 34 лет, Жаклин, 13 лет, Герри, 11 лет, Джоан, восьми, Мартина, шести, и Кэтрин, двух лет, в спальне. На лестнице лежало тело их дяди, мистера Джона Эдварда, 63 лет, который пытался спасти их.

«Гардиан», февраль 9, 1971

Джордж Лески, в возрасте четырех лет, вчера утонул в пруду, покрытом льдом, пруд находится в поле в

местечке Слоу. Он вышел на лед, чтобы подобрать мячик.

«Гардиан», март 2, 1971

Группа детективов по расследованию обстоятельств убийства расположилась в пляжном кафе на побережье Корнуэлла после того, как вчера было найдено тело жестоко избитой семнадцатилетней девушки, учащейся средней школы, недалеко от входа в горный лагерь.

«Гардиан», март 15, 1971

Трехлетний мальчик найден мертвым в сломанном холодильнике вчера вечером.

«Гардиан», июнь 29, 1971

Линн Эндрюз, в возрасте 10 лет, была раздета почти донага и до смерти забита на глазах у беспомощной матери, об этом вчера было заявлено в суде города Вулвич. Реймонд Джон Дей (31), безработный, был привлечен к суду и обвинен в убийстве девочки.

«Гардиан», июнь 30, 1971

АПОКАЛИПСИС (ВАРИАНТ 5)

Джерри Корнелиус был в Сандакане, когда до него дошли вести о возобновлении военных действий. Эту новость ему принес Дессин Шан, его управляющий, Джерри в тот момент плавал в прохладной воде бассейна, расположенного во дворце, бассейн был выложен розовым и голубым мрамором.

— Раджа!— крикнул Джессин неуверенно, он стоял — ноги вместе, одной рукой придерживаясь за колонну из нефрита. Джерри находился в углу бассейна в тени. Молочный

свет пробивался через наполовину прозрачный купол. Голос Джессина повторился эхом.

— Они опять сражаются, раджа.

— О?— Всплеск.

— Вас это интересует, раджа?

Джессин пристально вглядывался в воду, осматривая ее дюйм за дюймом, пытаясь найти хозяина, но, кроме рыбок, не увидел никого.

АПОКАЛИПСИС (ВАРИАНТ 6)

Епископ Бисли, Митци Бисли, Шейки Моу Колльер и Джерри Корнелиус стояли на мосту и смотрели на железнодорожные пути и проходивший внизу поезд. Сквозь дым им были видны платформы, на которых штабелями были сложены трупы. Тела мертвых солдат.

Джерри сдвинул шлем на затылок и ослабил ремни на ранце.

— Что ж, удача нам пока не изменила.

Этот запах! Митци Бисли, одетая в форму американских военно-воздушных сил выпуска 1943 года, втянула воздух носом. Ее отец порылся в своем неприкосновенном запасе в надежде найти шоколад, который он мог не заметить раньше.

— Нет ни кусочка,— сказал он. Он был одет в военную форму цвета хаки с высоким жестким воротником.

— Я помню такой же поезд, я тогда был ребенком,— сказал Моу Колльер с грустью в голосе.— Разница лишь в том, что солдаты, ехавшие в нем, были живыми.

— Почти одно и то же,— сказала Митци, ухмыляясь. Она энергично почесала ногу через фланелевые брюки, в этот момент последняя платформа прошла под мостом.

Джерри посмотрел на часы.

— Поехали. До Грасмира уже недалеко.

Они вскарабкались в индийский грузовичок малой грузоподъемности, сиденья у него были, как на мотоцикле, а ветровое стекло из парусины. Джерри уселся на место водителя и завел машину. Машина взревела, передние колеса закрутились, и машина тронулась по узкой дорожке; небольшие дождевые облака поплыли с гор на запад, и зеленые горы вдруг потемнели.

— Нам больше ни разу не удавалось раздуть войну до масштабов, не уступающих второй мировой войне,— громко сказал епископ Бисли, пытаясь перекричать грохот мотора и порывы ветра.— Иногда мне кажется, что это моя личная неудача.

— Твои нравственные дилеммы рано или поздно разрешаются сами собой,— успокоила его Митци. Дотянувшись до отца со своего места — она сидела за спиной Джерри,— она поправила М60, висевший у него через плечо.— Так удобнее?

Он кивнул в знак благодарности, одновременно жуя кусок вафли с орехами, которую нашел в своем нагрудном кармане. Они ехали, подскакивая, по направлению к Грасмиру и, когда дождь прекратился, увидели перед собой озеро на краю горы. Они слышали, что оставшиеся в живых солдаты вражеской дивизии прятались в доме Вордсворта*. Может, это было и не совсем близко, зато было, чем заняться.

Дорога проходила по сосновому лесу, а затем петляла вдоль западного берега озера и приводила прямо к Грасмиру. Город представлял собой развалины разграбленных сувенирных магазинов и чайных. В некоторых местах им пришлось объезжать воронки на дорогах. Повсюду валялись разграбленные вещи: перчатки, разбитые гипсовые бюсты Вордсворта и бледно-желтые вазы.

Они поехали по главной аллее по потрескавшемуся, заросшему сорняком бетону и увидели наконец Голубиный домик и в нескольких шагах от него другой дом, в котором располагался музей Вордсворта. На домах, построенных наполовину из камня, наполовину из дерева, были видны следы разрушений. Пара домов были разрушены до основания, но Голубиный домик с посаженными вокруг него розами оставался нетронутым. Они вышли из машины и с оружием наперевес осторожно направились к дому.

Похоже, что в Голубином домике никого не было, но Джерри решил не рисковать. Он послал епископа Бисли вперед. Епископ лег за зеленой изгородью и внимательно осмотрел окна. Послышался негромкий звон разбитого стекла. Епископ выждал немного, затем встал, жуя шоколад «Марс».

---

* Английский поэт-романтик 19 в., представитель «озерной школы». Ред.

С верхнего этажа раздался выстрел из «вебби-45», пуля пролетела мимо него, ударив в землю. Он не донес шоколад до рта, оглянулся и вопросительно посмотрел на Джерри. Тот пожал плечами.

Раздался еще один выстрел.

Епископ Бисли всем своим телом бросился на землю снова, вставил новую обойму в М60 и выстрелил по окну.

Ответного огня не последовало, они вчетвером направились к дому. Джерри обратил внимание, что на табличке с надписью «Дом Вордсворта» были следы от пуль, по размеру значительно большие, чем от выстрелов епископа Бисли. Дверь открылась без труда, так как замок был уже сбит. Они вошли. Девочка-подросток, американка, с длинными темными волосами и красным ремешком на талии, лежала на деревянном полу. Кровь у нее на лице уже высохла, левой руки не было. В комнатах первого этажа, кроме девочки и стеклянных витрин с экспонатами о поэтах «озерной школы» и Вордсворте, никого и ничего не было. Со стен им улыбались портреты Саути, Колриджа, Де Квинси и Лембса. Шейки Моу разбил одну из витрин прикладом и достал предмет странной формы из резной слоновой кости. Он взглянул на надпись.

— Вы только посмотрите! Весы Де Квинси для взвешивания лекарств. Какие маленькие!— Он положил их в свой ягдташ, висевший у него на плече, и порылся в других экспонатах. Не нашел больше ничего интересного. В соседней комнате послышался шум разбитого стекла, и они втроем пошли посмотреть, что там делает Митци. Она разбила стеклянную перегородку, за которой находилась гостиная, обставленная в стиле, типичном для того времени, когда жил Вордсворт. Она стянула с себя военную форму и облачилась в одежду мертвого поэта. Держа «ремингтон» под мышкой, она попыталась открыть зонтик. Они громко смеялись, когда она начала расхаживать по комнате, притворяясь, что читает один из дневников Дороти Вордсворт.

Джерри услышал звук шагов наверху, поднял свой «Шмидт Рудин 5.56» и прошил очередью потолок. Шаги смолкли.

— Полагаю, нам следует подняться наверх,— сказал Шейки Моу.

Джерри двинулся первым.

Комнаты наверху были очень похожи на комнаты внизу, там также были витрины с экспонатами, некоторые экспонаты были разбиты пулями из М60 епископа Бисли, которые попали сюда через окно. В первой комнате сидела высокая седая женщина лет шестидесяти. Она была одета в простое синее платье. У нее в руке был «уэбли» без патронов. Было видно, что она очень расстроена.

— Вы могли бы заказать экскурсию по дому,— сказала она.— Вам просто нужно было попросить об этом.

Епископ Бисли приблизился к ней в предчувствии удовольствия.

— Я прикончу вас на месте, к чертовой матери,— сказал он.

Джерри и остальные тактично вышли.

Епископ Бисли присоединился к ним немного позже, когда Шейки Моу рассматривал старое охотничье ружье Вордсворта в музее.

— О, Боже,— сказал Бисли с отвращением,— даже в этом месте ощущается жизнь.— Епископ считал, что, раз слишком большое наличие жизни привело к их сегодняшним трудностям (он имел в виду скопление людей и тому подобное), это говорит о том, что жизнь ведет к смерти и таким образом является сама по себе злом. Значит, чтобы избавиться от зла, его долг уничтожать жизнь, где бы он ни встретил ее. Он был очень мудр в такого рода рассуждениях. Джерри посмотрел на него.

— Мы все здесь сделали?— спросил Джерри. И они пошли прочь, обернувшись только, чтобы посмотреть, когда Шейки Моу бросил пару бомб в дом и музей.

— Черт побери!— сказала Митци, когда здания уже взлетели в воздух.— Я оставила там свою форму.

Она поплотнее завернулась в шаль Дороти Вордсворт и, поджав губы, вприпрыжку побежала к машине. Епископ Бисли, Шейки Моу и Джерри Корнелиус воспользовались моментом и помочились; дождь начался снова.

В значительно лучшем настроении они влезли в машину и направились в сторону больших зеленых гор и города Ридал.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Лейтенант Вильям Кали, обвиняемый в зверском убийстве 102 мужчин, женщин и детей в южном Вьетнаме, в деревушке Май-Лей, признался вчера перед военным судом в Форте Веннинге, штат Калифорния, что в армии его учили, что дети даже опаснее взрослых. Его учили, что мужчины и женщины опасны в равной степени, а дети опаснее, так как не вызывают подозрений. В армии его также учили, что мужчины и женщины сражаются бок о бок, и часто женщины стреляют лучше, чем мужчины. Ему также сказали, что детей могут использовать с различными целями. Например, ребенку могут дать ручную гранату, и он может бросить ее в американских солдат. Их также используют для установки мин. Вобщем, дети очень опасны.

«Морнинг стар», февраль 23, 1971

Три мальчика погибли вчера во время пожара на Сементри-роуд в городе Телфорде, графство Шропшир. Это были Кейт Вильямс Грин, пяти лет, Питер Джон Грин, трех лет, и Метью Персивал Грин, двух лет. Они были сыновьями миссис Джоан Грин, двадцати двух лет.

«Гардиан», май 3, 1971

Миссис Валери Ридьярд, 25 лет, была признана невменяемой и виновной в убийстве Даррен, пяти месяцев, Майкла, три года, и Барбары, четыре года. Суд выслушал ее официальное заявление о том, что она не убивала детей умышленно. Дети умерли в период с октября 1970 по январь 1971. Мистер Артур Прескот, прокурор, сказал, что смерть детей была быстрой и трагич-

ной. Во время расследования было установлено, что смерть детей была вызвана частично удушьем, частично отравлением.

«Гардиан», июнь 10, 1971

Иммигранты из Вест-Индии, родители семерых детей, признались вчера во время судебного разбирательства в принесении в жертву одного из своих сыновей. Олтон Горинг (40 лет), проживающий на Вейлен-стрит в Ридинге, который предстал перед судом в Броадморе, после расследования был признан виновным в убийстве своего сына Кейта, 16 лет, в невменяемом состоянии. Жена Горинга, Эйлин (44 года), также признана виновной в убийстве и направлена на лечение в психиатрическую больницу. Горинги являются членами секты пятидесятников в Ридинге — возрожденческой секты, широко распространенной в Вест-Индии. Находясь в состоянии транса и веря, что ими овладел святой дух, они считали, что выполняют повеление Бога.

«Гардиан», август 23, 1971

Четырнадцатилетний мальчик предстанет сегодня перед судом в Темворте, графство Стаффордшир, в связи со смертью девятнадцатилетнего молодого человека, тело которого было найдено в одном из домов в субботу.

«Гардиан», август 23, 1971

Четырнадцатилетняя девочка обвиняется в убийстве Ройзин Маслоун, пяти лет, тело которой было найдено рядом с заросшей тропинкой недалеко от ее дома на Брук-Фарм Уолк, в городе Селмсли-Вуд, графство Бирмингем. Рядом с телом найдена окровавленная палка.

«Гардиан», выгуст 23, 1971

ВОСПОМИНАНИЕ (Е)

Черные, горящие публичные дома в Ньюкасле.

ДИРИЖАБЛЬ

Во время первого танцевального вечера на борту дирижабля «Свет Дрездена», направлявшегося в Индию через Аден, миссис Корнелиус вышла на застекленную палубу для обозрения, чтобы подышать свежим воздухом. Ее немного подташнивало; это было ее первое путешествие на «Цепеллине», и она была полна решимости провести его как можно веселее. Ей только нужно было привыкнуть к ощущению, что она находится в слегка раскачивающемся лифте, который одновременно двигался и вниз и горизонтально. Она стояла рядом с танцевальным залом, в котором прожекторы освещали танцующих лучами красного, синего, желтого и зеленого цвета. Название ансамбля было «Маленькие шоколадные денди». Звучали саксофоны, музыканты заиграли следующий номер — «Королевские садовые блюзы». В общем-то миссис Корнелиус была не совсем уверена в том, что ей очень нравятся блюзы. В данный момент ей бы хотелось услышать что-нибудь поспокойнее. Но в голову ей приходила только «Колыбельная»: она назойливо звучала у нее в голове. Внизу она увидела огни Парижа (по крайней мере, она считала, что это был Париж) и представила, что они падают. Хотя ее уверили, что конструкция была абсолютно надежной, а оболочка шара надута гелием, у нее было впечатление, что опоры раскачиваются у нее под ногами. В зале зазвучала более дружелюбная музыка. Она, пошатываясь из стороны в сторону, вернулась в зал.

Пассажиры веселились вовсю в тот вечер. Несколько раз ее чуть не сбили с ног танцующие пары. Она довольно ухмыльнулась. И вдруг почувствовала чью-то руку на своем плече.

— Как вы себя чувствуете, мадам?

Это был епископ, они уже встречались раньше. Ей сразу понравилось его приятное веселое лицо, в отличие от худого

бледного лица его жены, на котором была недовольная гримаса, показавшаяся миссис Корнелиус оскорбительной. Если бы вы поинтересовались мнением миссис Корнелиус, она бы сказала, что жена епископа слишком уж высокого о себе мнения. Воображуля. А что касается епископа, так он был настоящим джентльменом, который умел вести себя в любом обществе. Миссис Корнелиус вполне могла бы увлечься им. Она улыбнулась, представив, как неплохо они могли бы провести время.

— Неплохо, благодарю вас, епископ,— сказала она.— Немного пошатывает, вот и все.

— Потанцуем?

— С огромным удовольствием!— Она положила левую руку на его внушительных размеров талию, а правую руку вложила в его. Они начали танцевать фокстрот.— А вы отличный танцор, епископ,— сказала она, смеясь. Через плечо епископа она увидела жену епископа, которая смотрела на них, все так же неодобрительно покачивая головой, на лице у нее была снисходительная улыбка, хотя было видно, что она была недовольна. Миссис К. вызывающе прижалась своей грудью к епископу. Епископ слегка улыбнулся, и заморгал своими маленькими глазками. Она знала, что нравится ему. Тепло разлилось по всему ее телу, когда он дотронулся до ее груди. Неплохой поворот событий.

— Вы путешествуете одна, миссис Корнелиус?

— Со своим сыном, но он мне совсем не мешает. Я живу в каюте одна.

— А... мистер Корнелиус?

— Его нет, к сожалению.

— Вы имеете в виду, что...

— Да. Погиб.

— Очень сожалею.

— Да, но это было очень давно.

— Ясно.— Епископ посмотрел вверх, туда, где над алюминиевым потолком были прикреплены огромные наполненные газом баллоны.— Он сейчас в лучшем мире, чем мы.

— Конечно.

«Да,— подумала миссис Корнелиус,— его не назовешь медлительным. Может, это только шутка, что он епископ, а?» С ее лица не сходила улыбка. Тошнота прошла, как не бывало.

— Каким классом вы путешествуете? Полагаю, первым?

— Ну, вы скажете.— Она покатилась со смеху.— Только вторым. Вы же знаете, как дорого стоит билет до Калькутты.

— Да, вы правы. Я тоже, то есть мы с женой, вынуждены путешествовать вторым. Но должен сказать, что у меня нет никаких жалоб, хотя мы здесь всего первый день. Номер нашей каюты 46...

— Да что вы говорите? Какое совпадение. А я в 38 номере. Совсем недалеко от вас. А мой мальчик в 30, с другими мальчиками.

— У вас хорошие взаимоотношения с вашим сыном?

— Да. Он очень любит меня!

— Я завидую вам.

— Кому? Мне?

— Я бы тоже хотел, что бы у меня были хорошие отношения с моей единственной родственницей, миссис Бисли. Приходится сожалеть, что нелегко быть связанным узами брака с женщиной с таким нелегким характером.

— Она производит неплохое впечатление, но разве что только немного, как бы это получше выразиться, не в себе.

— Ей не доставляет удовольствия, в отличие от меня, заводить новых друзей. Обычно я путешествую один, а миссис Бисли остается дома, но в Дели у нее есть сестра, и поэтому она решила на этот раз сопровождать меня.— Теперь епископ крепко прижался животом к ее животу. Это вызвало такие приятные ощущения, что ноги у нее стали ватными.

— Вероятно, ей нужно побольше отдыхать,— сказала миссис Корнеллиус.— Я имею в виду — она могла бы воспользоваться возможностью, чтобы как следует отдохнуть перед Индией, как вы считаете? Это пошло бы ей на пользу.— Она надеялась, что епископ не обратил внимание, что последнее предложение прозвучало чересчур грубо. Он, похоже, не заметил перемену в ее тоне и только неопределенно улыбнулся. Музыка кончилась, и они нехотя расцепили объятия и похлопали из вежливости цветным музыкантам, одетым в смокинги. Один из музыкантов сделал шаг вперед, его черные пальцы пробежали по кнопкам саксофона вверх и вниз, пока он говорил.

— А теперь, леди и джентльмены, мы бы хотели сыграть для вас музыку моего собственного сочинения под названи-

ем «Вот как я чувствую себя сегодня». Благодарю за внимание.

Туба, банджо, три саксофона, барабаны, пианино, труба и тромбон заиграли все сразу, и, не обращая внимания на остальных танцующих, миссис Корнелиус и епископ Бисли начали танцевать чарльстон, близко прижимаясь друг к другу. Миссис Корнелиус увидела миссис Бисли в тот момент, когда она выходила из зала. Миссис Корнелиус праздновала победу. «Вот сучка! Ну и что из того, что ее муженек немного развлечется?»

— Похоже, ваша жена решила нас покинуть,— прошептала она в его толстое красное ухо.

— О, Боже. Может, она решила пойти лечь спать. Я думаю, мне не следует...

— Конечно, нет. Танцуем дальше!

— А что. Почему бы и нет?

Свет в зале стал менее ярким, зазвучала нежная музыка, а миссис Корнелиус и епископ опять начали танцевать фокстрот. Все было таким романтичным. Все в зале проникались этим настроением и начали целоваться. Грудь миссис Корнелиус вздымалась, она всем телом прижалась к епископу Бисли, который ответил тем же.

Музыка закончилась, и она пробормотала:

— Вы, по-моему, не против того, чтобы заняться любовью?

Он кивнул головой, улыбаясь и похлопывая ее.

— Ну, конечно, не против, дорогая. Совсем не против.

— Вы проводите меня в мою каюту?

— Ничего лучшего и придумать нельзя.— Старый развратник почти задыхался от похоти.

— Тогда пошли.

Это было то, что она называла «воздушным» романом.

Они вошли в коридор, повернули налево, пытаясь разглядеть номера кают при тусклом свете.

Они осторожно миновали номер 46, и, приближаясь к 38, миссис Корнелиус стала искать ключ от своей каюты. Наконец она нашла его, аккуратно вставила в замочную скважину и повернула несколько раз. Она встала в дверях, кокетливо подбоченясь.

— Не хотите ли зайти и пропустить рюмочку, чтобы не простудиться.

Он фыркнул.

Он посмотрел, нет ли кого-нибудь в коридоре, шмыгнул в каюту и начал целовать ее в губы и гладить ее огромные груди. У него изо рта исходил какой-то странный сладкий запах, почти тошнотворный, но ей он даже нравился.

Она подобрала юбку и легла на койку. Он спустил гетры и улегся на нее. Вскоре они ритмично задвигались, узкая алюминиевая койка скрипела. Они одновременно закричали и застонали в оргазме, который сотряс их слитые воедино жирные тела, именно в этот момент дверь открылась и голубоватый свет из коридора осветил комнату. Прыщеватый подросток стоял в дверях, пытаясь разглядеть, есть ли кто в комнате.

— Мам?

— О, черт побери. Я здесь, сынок. Закрой дверь и займись чем-нибудь. Я сейчас занята.

Мальчик, которому было лет пятнадцать, стоял, не двигаясь, черты лица у него были крысиные, злые, как у идиота, большие глаза — пустые и ничего не понимающие.

— Мам?

— Иди отсюда!

— А,— сказал он, когда его глаза немного привыкли к темноте,— извини.

Дверь закрылась.

Миссис Корнелиус слезла с койки, почесывая спину.

— Извиняюсь, епископ. Забыла закрыть дверь.— Она подошла к двери и закрыла дверь на задвижку, затем заковыляла обратно, развязала корсет и уже собралась снять платье, когда епископ схватил ее за волосы и притянул ее голову к своему члену, который покачивался взад и вперед, как мачта корабля во время шторма. Сам он задумчиво продолжал смотреть на дверь.

В поисках туалета мальчик шел по коридору, ухмыляясь причудам своей матери, на нем был одет только плащ, ботинки и носки. Он шел, прислушиваясь к шуму корабельного мотора, к ветру, который прошелся по серебряному корпусу корабля, к раздававшимся вдали звукам джаза. Он провел рукой по длинным жирным волосам и подумал, что было бы неплохо, если бы на нем был сейчас матросский костюм, тогда — берегись девицы. Он свернул в боковой коридор, открыл дверь и вышел на застекленную палубу для

обозрения. Они уже пролетели над городом, теперь дирижабль летел над сельской местностью. То здесь, то там изредка светились огни маленьких деревенек и ферм. Даже с высоты полета сельская местность ему не нравилась. Она его раздражала.

Он посмотрел вверх, там была полная темнота. На небе практически не было звезд, шел небольшой моросящий дождь. По крайней мере, погода в Калькутте будет лучше.

Дирижабль немного тряхнуло, когда он повернулся на пару градусов, изменяя курс. Звуки музыки тоже изменились. Дирижабль двигался как-то неуверенно. Юноша посмотрел вперед, и ему показалось, что вдали он увидел волны Средиземного моря. Или это был Бискайский залив? Как бы ни называлось море, сам его вид имел для него какое-то значение. Непонятно, по какой причине, увидев море, он почувствовал облегчение. Европа осталась позади.

Юноша с удовольствием наблюдал, как они двигаются над водой. Он довольно ухмыльнулся, когда увидел, что земля исчезла из виду. Он был единственным из пассажиров, кто заметил эту перемену.

ПАРОВОЗ

Недоумевая, каким образом он оказался втянутым в эту революцию, полковник Пьят, покачиваясь, шел к машинисту бронепоезда, чтобы переговорить с ним. Струя грязного пара била ему прямо в лицо, он сильно закашлялся, глаза слезились. Свободной рукой он попытался протереть глаза, но поезд, извиваясь, как змея, повернул, и ему пришлось и второй рукой схватиться за металлический поручень. Железная дорога проходила по огромному полю выжженной пшеницы. Пейзаж во все стороны был плоским и черным, только изредка попадались кусочки зеленого, белого и желтого цвета, которые каким-то образом остались не выжженными. Полковнику Пьяту хотелось как можно скорее добраться до гор, которые виднелись вдали. Он открыл бронированную дверь соседнего купе и обнаружил, что кроме ящиков со снарядами и легких автоматов, там никого нет.

Он осторожно продвигался между ящиками. Вероятно, военная ответственность самая простая, которую разумный человек мог бы вынести на своих плечах, не чувствуя себя несчастным. Несомненно, та ответственность, которую он взял на себя, командуя бронепоездом, была намного предпочтительнее той, которую он оставил дома. С другой стороны, он мог бы оказывать помощь раненым в каком-нибудь относительно безопасном госпитале где-нибудь за линией фронта, а не направляться, явно сам того не желая, на Украину, туда, где происходит самое ужасное во всей этой чертовой гражданской войне сражение. 193... год в жизни полковника Пьята был не очень удачным годом.

Пьят попытался оттереть сажу с формы и только еще больше размазал ее по белому кителю. Потом сел на ящик со снарядами, зажег спичку о ствол автомата и закурил манильскую сигару. Он бы не отказался выпить. Нащупав фляжку, сделанную из меди и серебра, в боковом кармане — она была там,— он отвинтил крышку и поднес фляжку ко рту. На язык ему упала капля бренди. Вздохнув, он положил фляжку обратно. Если они доберутся до Киева, первое, что он сделает,— экспроприирует бутылку коньяка. Если такая вещь еще существует.

Послышались звуки аккордеона, который заиграл в конце поезда. Солдаты пели громкими мрачными голосами. С сигарой в зубах он продолжил путь.

«Мне следовало бы оставаться на дипломатической службе»,— подумал он. Открыв дверь, он увидел огромный тендер с бревнами наверху, который был покрашен черной эмалированной краской, кое-где были видны полоски зеленой и желтой краски, видимо, кто-то пытался замазать имя предыдущего владельца. В тендере была дверь, за которой был низкий проход, ведущий к площадке машиниста. Он слышал, как бревна бились и перекатывались над его головой, наконец добрался до площадки и увидел кочегара, который засовывал огромное бревно в желтое, пылающее отверстие печи. Машинист, держа руку на пульте управления, высунул голову из окна с левой стороны паровоза. За его спиной, прислонившись к стене и вытянув ноги, сидели два охранника, в руках они держали винтовки. Они наполовину спали, надвинув на лоб меховые кивера, и не заметили прихода полковника Пьята. На площадке резко пахнуло кед-

ром, который они сейчас в основном использовали в качестве топлива. Но запах пота был еще сильнее. Полковник Пьят прислонился спиной к тендеру и докурил сигару. Только кочегар заметил его приход, но он был слишком занят, чтобы обращать на него внимание.

Выбросив окурок, Пьят сделал шаг вперед и дотронулся рукой до голого плеча машиниста. Коренастый машинист неохотно обернулся, все его лицо было в копоти, сквозь которую пробивалась светлая щетина, глаза воспалены. Он что-то проворчал, увидев перед собой полковника, но постарался, чтобы на лице у него отразилось лишь уважение.

— Слушаю вас, сэр?

— С какой скоростью мы двигаемся?

— Принимая во внимание все обстоятельства, вполне с приличной.

— А Киев? Когда примерно мы прибудем туда?

— Меньше, чем через восемь часов, если не случится ничего непредвиденного.

— Значит, мы отстаем от расписания не больше, чем на полдня. Отлично. Вы и ваша бригада работаете великолепно. Я вами очень доволен.

Машинист не понимал, почему всем было так необходимо попасть в Киев, он устало ответил на попытку командира поощрить их за работу:

— Благодарю вас, сэр.

Полковник Пьят заметил, что охранники, попытавшиеся взбодриться, увидев его, через минуту опять приняли те же сонные позы.

— Вы не возражаете, если я побуду немного на платформе?— спросил он машиниста.

— Вы — командир, сэр.— На этот раз машинисту не удалось скрыть язвительный и раздраженный тон.

— Ну, хорошо.— Пьят повернулся, чтобы уйти.— Не буду вас беспокоить.— Он наклонился, прошел через тендер и уже открывал дверь, когда услышал крик за своей спиной. Раздался выстрел из винтовки. Он вернулся обратно. Оба охранника были на ногах и стреляли в воздух.

— Посмотрите, сэр!— Один из них показывал вперед. Они находились почти в самой нижней части предгорья, что-то двигалось за ближайшим горным хребтом.

— Спокойней, машинист.— Пьят взял в руки шнур, при

помощи которого он мог поднять боевую тревогу во всем поезде.— Как вы думаете, что бы это могло быть?

Солдат ответил:

— Бронетранспортеры, сэр. По крайней мере, несколько штук. Несколько минут назад я их видел отчетливо.

Пьят потянул за шнур и поднял тревогу. Машинист начал замедлять движение поезда, поезд находился в полумиле от тоннеля, который проходил под высокой зеленой горой. Они увидели, как два быстро движущихся гусеничных бронетранспортера появились на насыпи тоннеля, направляясь прямо на них. Затем они увидели орудийные башни. 85-миллиметровая пушка вращалась, пока не нацелилась прямо на паровоз. Пьят и все остальные легли плашмя, когда раздался выстрел. Снаряд взорвался недалеко от них, сам паровоз не пострадал. Машинист посмотрел на Пьята, ожидая приказа. Сначала Пьят хотел остановиться, но затем решил рискнуть и продолжать двигаться в сторону тоннеля, который мог спасти их (если, конечно, он не был заминирован). У них был всего один шанс. Варвары, находившиеся сейчас в танках, редко когда покидали их вообще. Некоторые месяцами не видели солнечного света.

— Развивайте максимальную скорость,— сказал он. Кочегар встал и стащил еще несколько бревен с тендера. Пьят открыл дверь печки. Машинист до отказа повернул ручку скорости. Поезд зашипел, дернулся и устремился вперед. Еще один снаряд из 85-миллиметрового орудия взорвался неподалеку, на этот раз с другой стороны поезда. Тоннель был уже совсем близко. У входа в него возникло целое сборище техники разного цвета и размеров: бронетранспортеры, полугусеничные танки и бронированные машины, пушки. Машины были раскрашены полосками ярких, примитивных цветов и украшены ракушками, кусочками шелка и бархата. Нитки бус, кусочки горностаевого и норкового меха, кости и ужасающие человеческие головы. Подозрение Пьята подтвердилось. Это была кочующая орда Махнота, которая несколько месяцев назад с Волги отправилась в поход, неся повсюду ужас и разрушение. Орда была практически неуязвима. Попытаться остановить их сейчас было бесполезно.

Поезд въехал в темный тоннель. Пьят уже видел свет в другом его конце. Сзади вдруг раздался мощный взрыв, и

локомотив рванулся вперед с невероятной скоростью. Они выехали из тоннеля, колеса скрежетали, весь локомотив трясло, через несколько минут танки варваров остались далеко позади.

Только позже, когда машинист немного притормозил, они осознали, что поезд практически целиком остался в тоннеле. Очевидно, снаряд попал между первым вагоном и тендером.

Пьят, машинист, кочегар и два охранника с облегчением рассмеялись. Поезд на всех парах мчался к Киеву. У них опять появился шанс приехать по расписанию.

Пьят поздравил себя, что последовал демократическому импульсу, охватившему его, который привел его на платформу машиниста. Похоже, у демократизма есть свои преимущества.

ЯХТА С ПАРОВЫМ ДВИГАТЕЛЕМ

Уна Перссон поежилась. Поплотнее закуталась в норковое манто. Шелковое платье под норковым манто неприятно холодило тело. Она чувствовала себя старой. Ей уже долгое время не удавалось заснуть, и ее силы были на исходе. Она слегка улыбнулась и сделала несколько шагов по палубе, двигаясь сквозь окутывающий ее туман к борту яхты.

Озеро Эри почти не было видно сквозь туман, и она ничего не слышала, кроме плеска волн, которые разбивались о белые борта яхты «Медведь Тедди».

Они не решались двигаться дальше в тумане и стояли на якоре уже несколько дней. Рация не работала, на их крики, сигнальные ракеты и звуки сирены не было никакой реакции. Но Уна была уверена, что совсем близко от их яхты, по крайней мере дважды за эти сутки, проходил баркас. Казалось, они попали в ловушку и стали частью ужасной Мюнхенской литографии. Ей это страшно не нравилось, и она сожалела, что приняла предложение владельца яхты поехать в круиз. Но в то же время в Нью-Йорке было так скучно. Бродвей она ненавидела даже еще больше, чем Уэст-Энд.

Она стащила красно-черный шелковый шарф с головы,

волосы у нее сильно завивались и были коротко острижены, шарфом она вытерла влажные волосы и лицо. Почему все было так ужасно?

Подойдя к трапу, который находился рядом с рубкой, она немного постояла, поежилась и начала спускаться вниз — на ногах у нее были туфли на высоких каблуках,— стараясь идти как можно тише по металлическим ступенькам.

Дойдя до коридора, ведущего к гостевым кабинам, она заметила, что туман вполз уже и туда. Теперь здесь было ненамного теплее, чем на палубе. Обволакивающая тишина. Уж не придется ли им умереть здесь? Очень похоже.

Уна взяла себя в руки, выпрямилась, стараясь выглядеть мужественной и решительной, и пружинистым шагом двинулась дальше в большую каюту владельца яхты, убранство которой свидетельствовало о невероятной вульгарности вкуса американцев. Она была обставлена в стиле эпохи Тюдоров: с дубовым потолком, оловянными тарелками, палашами и гобеленами на стенах. Электрический камин, имитирующий по форме настоящий, едва обогревал комнату. Каюта выглядела так с тех пор, как ее купили у предыдущего владельца, и не было предпринято никаких попыток хоть что-нибудь изменить в ней. Уна чувствовала себя больной, каюта действовала ей на нервы.

Владелец стоял спиной к двери, глядя через иллюминатор на туман. Один раз он наклонился и носовым платком вытер запотевшее стекло.

— Что ты там видишь, знакомые лица?— спросила Уна, стараясь, чтобы ее голос звучал дружелюбно.

— Лицо в тумане?— Он оглянулся и улыбнулся ей.— Я не вижу вообще никаких лиц, моя дорогая. Поэтому, полагаю, я и проигрываю.

Уна глубоко вздохнула.

— Опять ты со своими старыми страхами, дорогой. Интересно, что бы ты без них делал?— Она наклонилась и чмокнула его в щеку.— О, как же холодно.— Она подошла к буфету эпохи Тюдоров и взяла с тарелки горсть орешков.— Когда рассеется этот нудный туман?

— Почему бы тебе не использовать создавшуюся ситуацию наилучшим образом? Расслабься. Налей себе что-нибудь выпить.

— Что? Глоток рома? Я не могу расслабиться. Этот туман подавляет меня.— Она закончила предложение своим знаменитым падением голоса, затем почти без паузы, голос опять взлетел вверх.— Я бы хотела что-нибудь делать, Лоб.— Пафос и тепло ее голоса были такими сильными, что Принц Лобкович был поражен, создавалось впечатление, что он опять оказался в театре, там, где он впервые увидел ее.— Я имею в виду не какие-нибудь глупости,— продолжила она,— я имею в виду что-нибудь стоящее.

— Какое-нибудь хорошее дело?— Его голос звучал иронически.

— Да, если больше ничего не остается.

Внезапно раздался негромкий звук работающего мотора.

Она быстро подошла к Принцу и, встав рядом, стала вглядываться в туман. Она вытянула голову, чтобы разглядеть что-нибудь, но увидела только блеск воды и тень от яхты.

Он обнял ее за плечи — она выглядела такой женственной в этот момент. Но она сбросила его руку.

— Ты слышишь? Моторная лодка?

— Я уже несколько раз слышал этот звук. Но она никогда не подходит близко.

— Ты пытался докричаться до них? При помощи рупора или как там это называется?

— Да. Но не получал ответа.

— Кто бы это мог быть?

— Я не знаю.— Он говорил почти шепотом.

Она пытливо посмотрела в его глаза.

— Твой голос звучит так, как будто у тебя есть хорошая идея.

— Нет.

Это было неправдой.

— Ну, и ладно, если тебе нравится, продолжай мистифицировать. Но тебе не кажется, что ты переигрываешь?

— Если я переигрываю, то непреднамеренно.

Она снова подошла к буфету, взяла из серебряной коробки сигарету «Балкан собрани» и закурила ее от настольной зажигалки в форме фламинго. Дымя сигаретой, она начала шагать по каюте.

Он наблюдал за ней. Ему нравилось, как она играет. Она была так талантлива. Он был рад, что из-за тумана они

смогли так долго оставаться вдвоем, это означало, что он мог смотреть на нее все время, не переставая.

— Ты слишком эгоистична,— сказал он.— Но я люблю тебя. Я восхищаюсь тобой.

— Лоб, дорогой, я тоже тебя люблю, но не могли бы мы любить друг друга в каком-нибудь местечке потеплее? Давай лучше вернемся в какой-нибудь город. Чикаго или любой другой? Может поплывем в тумане?

— На судоремонтных заводах большое количество голодных людей, которые только и ждут, когда какое-нибудь судно сядет на мель и ему потребуется ремонт. Думаю, с нашей стороны было бы глупо двигаться в тумане.

На лодке опять завели мотор, и она уплыла.

— Если она двигается, то почему мы не можем?

— Она меньше. Им особо нечего терять. Я имею в виду, они меньше рискуют.— Из кармана белого шелкового халата он достал белую коробочку. Открыл ее и взял из нее щепотку белого порошка, энергично втянул его одной ноздрей, потом другой. Положил коробочку в карман и продолжил смотреть в иллюминатор.

Уна подошла к радиоле и выбрала пластинку. Это была ее собственная пластинка, прошлогодний хит «Только ты». Она поставила ее на проигрыватель и стала слушать блюз в собственном исполнении, который она пела в середине спектакля «Я собираюсь убить этого человека».

Слушая, она мечтательно улыбалась.

Я убью этого человека, если смогу.
Чтобы быть доброй, нужно быть жестокой.
Я не могу выбросить его из головы.
Он самый плохой из всех парней,
Которых я когда либо встречала.
Но, похоже, мне наплевать на все его недостатки.
А если он попытается мне изменить,
Он поймет, что со мной не стоит связываться —
Я возьму свое ружье
И быстренько прекращу это веселье.
Я убью этого человека —
Если он полюбит кого-нибудь и окажется,
Что этот кто-нибудь не я.

Обычно она исполняла песни в другом стиле, но именно эта почему-то нравилась публике в Лондоне больше всего.

Она пела ее, используя манеру исполнения Хоаги Кармичел. Самой ей все это не очень нравилось. Она сняла пластинку и поставила другую — «Танцуя на облаках», которая была больше в ее стиле: в ней были и горечь и нежность, хотя в основном песня была веселой. Но даже эта песня напомнила ей о тумане. Она убавила громкость, ее голос стал едва слышен. Казалось, звучал не человеческий голос, а голос призрака. Она даже вздрогнула.

Ее любовник подошел к ней.

«Все кончилось?— подумала она.— Все. Наступил мой конец?»

Он был красив в белом свитере, белом халате, белых фланелевых брюках, но он был очень бледен. Еще один призрак в туманном чистилище.

Он обнял ее.

— Уна.

ЛЕТАЮЩАЯ ЛОДКА

Они возвращались назад.

Из неспокойной гавани лодку выводил капитан Най. За их спиной весь в руинах лежал остров Роув со взорванными отелями, погнутыми антеннами, с разрушенными домами, шахтами и шахтерами, заваленными огромными гранитными глыбами. Казалось, что безмятежным остался лишь Индийский океан, напоминавший лист тщательно отполированной стали, от поверхности которого отражалось яркое солнце.

— Все, будем считать, что с этим чертовым делом покончено,— проговорил Фрэнк Корнелиус, стаскивая с себя куртку, под которой был одет свитер кричащего оранжевого цвета. Казалось, что вместе с курткой он снял со своего лица выражение притворства, и на нем обнажились порочные черты.— И что Джерри исчез на этот раз навсегда, а может, он просто повел себя чрезмерно осторожно.

— Будем надеяться, что это не так.— За спинами мужчин, которые уже заняли свои места, стояла Кэтрин. Она вытирала полотенцем лицо.— Сегодня такой прекрасный

день, не правда ли?— На ней была белая блузка с глубоким вырезом на груди и белые брюки галифе. На ногах — высокие светло-бежевые сапоги для верховой езды. Длинные волнистые волосы падали ей на плечи. Она была почти не накрашена. И выглядела потрясающе.

— На острове Роув самая лучшая в мире погода,— сказал капитан Най.

С ними не было ни мисс Бруннер, ни скелета ребенка. Все шло не так, как они планировали. Капитан Най завел все моторы. Из-под воды появились поплавки гидросамолета, засвистели закрылки, и они взлетели в чистое голубое небо.

Кэтрин отправилась в танцевальный зал, который переоборудовали в просторную гостиную. Почему-то в тот момент никто не испытывал желания потанцевать. На стенах были картины Бакста*, написанные яркими насыщенными красками. Она с завистью смотрела на картины, на которых были нарисованы сказочные леса, экзотические восточные принцессы и нубийские рабы. Вот мир, в котором она была бы счастлива. Она очень устала. Ей был просто необходим отдых, но она нуждалась в страстном отдыхе. Гашиш, мед и красивый любовник индус.

Появился профессор Хира, он поднялся по ступенькам и, зевая, вошел в гостиную.

— Я спал. Я не знал, что мы так быстро улетим с острова.— На его круглом добродушном лице было выражение недоумения.— Мы давно взлетели?

Она кивком указала ему на ближайшее окно.

— Недавно.— Из окна еще был виден берег.— Посмотрите.

— Спасибо, не хочу. Я уже насмотрелась на этот остров. Я потерпел здесь ужасное фиаско. Я считаю, что это я виноват во всем, что произошло.

— Вы чувствуете себя виноватым? Да вы ни в чем не виноваты.— Она закрыла глаза, откинувшись на расшитые подушки. Она очень сожалела, что он пришел и нарушил ее мечты, которые обещали стать такими волнующими и захватывающими. Просыпаясь, он всегда был слишком разговорчив. Она притворилась, что задремала.

---

* Л. С. Бакст (Розенберг), 1866-1924,— русский живописец, график, театральный художник. Член «Мира искусства». Ред.

— Нет,— сказал он.— Во всем виноват я один. Сам по себе ритуал был абсолютно правильным. И нам бы удалось все выполнить, используя космическую энергию. Но откуда я мог знать, что большинство кули заменили малайцами? Это мусульмане, они почти то же самое, что и атеисты. К тому же все эти проблемы с концепцией времени, у каждого свое мнение по этому поводу. Опять же малайцы...

— Ну, тогда...— Она глубоко и лениво вздохнула и положила ноги на кушетку,— это их вина. Впрочем, сейчас это уже не важно. Хотя, пожалуй, жаль, что пришлось разрушить дом губернатора. Симпатичное было здание, как вы считаете?

— Вам оно так понравилось? Боюсь, я видел много таких в Калькутте.

Во всей его фразе она услышала только слово «боюсь».

— Боитесь? Какое счастье знать, что кто-то еще боится.

— Вы боитесь? Чего? Вы никогда в жизни не выглядели лучше, чем сейчас.

— Скорее всего, будущего. И в то же время я ненавижу прошлое. А вы разве нет?

— Я никогда не видел большой разницы между прошлым и будущим. Я к этому отношусь иначе.

— Я — женщина, и я, ну... в общем... вынуждена бояться. Хотя бы немного. Хотя знаю, что для меня было бы лучше не бояться.

— Если бы время стояло на месте,— сказал Хира задумчиво,— жизнь потеряла бы всякий смысл. Суть энтропии заключается в том, что она удивительно четко отражает условия человеческого существования. Чтобы жить, необходимо сжигать топливо, использовать тепло, растрачивать энергию, хоть все это и приближает конец света, тепло — это конец всего! Но жить, не двигаясь, используя минимум энергии,— в этом нет никакого смысла. Неподвижность — значит смерть. Какая ужасная дилемма.

Из кабины пилота вышел капитан Най и вошел в гостиную.

— Самолетом управляет ваш брат. Он очень способный человек, не так ли?

— О да, ему все дается очень легко.— Кэтрин тотчас же пожалела, что в ее голосе прозвучала ирония и добавила:—

Фрэнк очень умен.— Она посмотрела в светло-серые глаза Ная и улыбнулась.

— Я собираюсь поспать,— сказал он.

— И я тоже. По-моему, самое время соснуть. Я уже давно собираюсь...— Она зевнула.

Она кивнула Хире и отправилась с капитаном Наем вниз по лестнице мимо бара в каюту. Он поцеловал ее, она крепко прижалась к нему и сказала:

— Пожалуй, мне следует сразу предупредить тебя, что я очень устала.

— Не волнуйся.— Он расстегнул на ней блузку.— Я тоже.

Она заметила, что его немного трясет.

— Тебе холодно?

— Скорее всего, небольшой приступ малярии,— ответил он.— Не стоит беспокоиться.

— Я свернусь калачиком у тебя на груди и согрею тебя,— сказала она.

Профессор Хира, чувствуя себя одиноким и испытывая чувство ревности, отправился в кабину к Фрэнку. На Фрэнке были темные авиационные очки, отделанные мехом, в которых он был похож на развратного лемура. Заметив стоящего рядом Хиру, он похлопал его по колену.

— Привет, старина! Как дела?

— Недурно,— ответил Хира.— Как вам нравится этот парень Най, ничего?

— Кто? Най? Неплохой парень. А что?

— Ну, он с вашей сестрой...

— Он давно влюблен в нее. И вообще, Кэтрин сама знает, что делает.

— Она такая симпатичная девушка. Просто потрясающая.

— Да,— неопределенно ответил Фрэнк.— Ничего.— Он засмеялся.— Мне она тоже очень нравится. И, по-моему, не только мне одному, а?— Он слегка подтолкнул Хиру в бок. Тот покраснел. Самолет вздрогнул и, накренившись вправо, начал пикировать. Фрэнк неумело выровнял его, но, похоже, его совсем не взволновал тот факт, что они чуть было не разбились; он продолжал жизнерадостно болтать, рассказывая Хире неприличные анекдоты (об инцесте, изнасилова-

ниях и евреях). Слушая эти истории, Хира почувствовал, что он вот-вот расплачется.

Он попытался как можно быстрее сменить тему разговора:

— Интересно, какая там политическая обстановка.— Он кивнул головой на запад.

— Черт побери! Какой смысл об этом думать. Все кончено, разве не так?

— А все уже кончено?

— Ну, ведь вы знаете, что я имею в виду. У нас есть самолет, мы здоровы, у нас есть миллионы Корнелиуса — или скоро будут. Мы все вместе. Зачем волноваться?— Фрэнк переложил ручку управления из левой руки в правую и протянул свободную руку к Хире.

— Я думаю о моральной стороне дела,— уточнил профессор Хира.

— Наплюйте на это!

Фрэнк положил руку на колено Хиры и крепко сжал его.

Индийский врач вскрикнул и отдался во власть Фрэнка.

Самолет чуть было не коснулся воды, а затем резко взмыл вверх, Фрэнк направил самолет прямо к облакам.

ПЛОТ

Прокопченный солнцем и просоленный морем, он лежал на мокром плоту посередине Аравийского моря. Плот был сделан из промасленных коробок, тростниковых циновок, связанных вместе веревками. На плоту не было мачты, на нем вообще ничего не было, кроме казавшегося бесформенным человеческого тела в отрепьях, которое вполне можно было принять за мертвое, если бы не судороги, которые время от времени пробегали по нему, когда небольшая волна немного приподнимала плот или перекатывалась через него, так что поверхность плота немного утопала в теплой морской воде. В одном из ящиков было много отверстий, возможно, это были следы пуль; именно из-за этих отверстий плот потерял способность как следует держаться на воде.

Тело было покрыто волдырями, как будто оно побывало

в огне; местами оно уже потемнело. В других местах под странными углами торчали кости. Кое-где были видны следы засохшей крови. Время от времени раздавались звуки: постанывание, бормотание.

Плот плыл в открытом море. Ближайшая земля, Бомбей, находилась в 400 милях от этого места. В Бомбее жил великий мастер по изготовлению ситар, он был единственным человеком, знавшим о местонахождении плота. Чтобы спастись, было слишком мало шансов, если спасение вообще было возможно.

Джерри ничего не чувствовал. Он был один на один с морем. Он испытывал чувство удовлетворения, рассеянно прислушиваясь к странному голосу, вспоминая странный образ. Если так приходит смерть, то это даже довольно приятное ощущение.

— Помнишь старые времена?— услышал он голос мисс Бруннер.— Или это были новые времена? Я забыла. У меня, как всегда, проблема со временем.— Она нежно засмеялась.— Эхо.

— И больше ничего,— пробормотал Джерри.

— Но откуда эхо?

— Отовсюду.

— В Лапландии все будет по-другому. Пещеры. Огромное количество воды. Небо. Это то, от чего ты всегда будешь получать удовольствие, даже если появятся другие проблемы.

— Да.

— Простые удовольствия являются единственной реальностью?

Джерри не смог ответить.

— Какое потрясающе спокойное море.— Голос звучал все тише и тише.— Я хотела бы знать, кто мы?

— Сопротивление,— сказал ребенок,— бесполезно.

— Абсолютно,— согласился Джерри.

— Шизофрения ярче всего выразилась в учении индуизма,— заметил профессор Хира.— Христианство же есть выражение менее интересной параноидальной системы отсчета. Паранойя является на редкость героической, по крайней мере, с мифологической точки зрения.

Джерри этот спор показался скучным. Он не поддержал разговора. Вместо этого он вспомнил поцелуй.

— Тебе не по себе? Мне тоже.— Карл Глогауэр появился и исчез. Джерри перепутал его с «Флеш» Гордоном.

— Время,— послышался голос капитана Корнелиуса Бруннера,— разрушает все.— Они не увидятся еще тридцать пять лет.— Пока, Джерри.

— Я люблю тебя,— сказал Джерри.

Он с трудом приподнялся, опираясь на израненные руки.

— Я люблю вас всех.

Он взглянул на море. Солнце садилось, и вода стала ярко-красной.

— О!

Его глаза наполнились слезами. Затем его голова опять упала. Наступила ночь, и плот еще больше опустился в воду, казалось, что ничем не поддерживаемое тело плыло по поверхности. На востоке взошло огромное солнце, розовое, красное, и Джерри, приподняв голову, мельком взглянул на него. Морская вода полоскала его выгоревшие волосы, и они стали похожи на водоросли; вода обмывала его израненное тело, шевелила лохмотья его черного пальто, захлестывала его потрескавшийся рот и глаза, но Джерри, находясь в состоянии спокойствия, не замечал этого.

Немного позже он подполз к краю плота и, как ящерица, спокойно соскользнул в воду и тотчас же исчез.

Впереди предстоял долгий век.

ПРОЛОГ *(ЗАКЛЮЧЕНИЕ)*

...Несмотря на их слезливое сочувствие, эгоизм в конце концов одержал верх над всем остальным, и меня опять предавали и оставляли одного. Думаю, что этот случай был последней каплей, которая переполнила чашу моего терпения. Конечно, в течение нескольких лет я не доверял никому, но потом, когда появилась Моника, я опять все забыл. Я полностью доверился ей. И она, конечно, предала меня. Может, она и не хотела. Может, напряжение было слишком сильным. Ей

следовало сохранить ребенка. Я не знаю, сколько я пробыл в кухне, после того, как сделал это. Вы можете сказать, что у меня помутился рассудок. Но что значит слово родина? Для чего мы платим налоги? За что мы отдаем свои жизни? Вы все ждете чего-то от своей страны, от родителей, от родственников. А они ничего вам не дают. Всем наплевать. Общество не выполняет ни одного своего обещания. Они убивают детей еще до того, как они родятся, или они медленно убивают их в течение долгих лет. Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении. Признав меня невменяемым, меня признают невиновным. Правильно, ведь я жертва. Но какое это все имеет значение? Я хочу умереть. Это единственный выход. Но вместе с тем я люблю жизнь. Я знаю, это кажется странным. Я люблю озера и леса и все остальное. Но все это сейчас кажется неестественным. Я не просил, чтобы меня рожали. Но я пытался наслаждаться жизнью, я пытался быть оптимистом и делать только добро. У меня хорошее образование, как вы знаете. Это было убийство из сострадания. Убийство, если вы хотите посмотреть на него с этой точки зрения. Я пытаюсь контролировать себя. Простите. Простите.

Морис Лескок, «Прощание»

ВЫСТРЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОЛИЦИЯ ОТКАПЫВАЕТ ДРУГИЕ ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

Полиция, копавшая в городе Летерхед (графство Суррей) в том месте, где в четверг была найдена рука женщины, нашла зарытую на небольшой глубине темно-синюю сумку с другими частями тела.

В полиэтилен были завернуты отдельно два бедра, левая нога и ступня, на которой был голубой тапочек. Полиция считает, что другие части тела находятся «где-то еще».

«Морнинг стар», сентябрь 4, 1971

НАБЛЮДЕНИЯ

— Если вы хотите знать мое мнение, то химическим препаратам принадлежит будущее,— сказал лейтенант Кор-

нелиус. Он поднес бинокль к бесцветным глазам и без интереса начал наблюдать за индийским авианосцем, который эсминец «Кассандра» преследовал уже два дня.

Над ними летели пять или шесть небольших вертолетов, принадлежащих разным странам, среди них был вертолет «Британская оса»; под ними плыли три или четыре ядерные подводные лодки, среди них были «Реморселес», «Конкорд» и «Ворстер». Средиземное море просто кишмя кишело от обилия металла. За кораблем лейтенанта Корнелиуса следовал фрегат русских императорских южных военно-морских сил, за которым в свою очередь следил китайский «летающий броненосец» — воздушный корабль странного происхождения.

— Химическим препаратам и пластмассе,— согласился второй номер Корнелиуса, Колльер, он подошел к поручням на капитанском мостике и, наклонившись, стал смотреть на сидящих внизу на довольно грязной палубе скучающих и обнимающихся пассажиров. На палубе корабля под прицелом пушки поскрипывал привязанный веревками груз. Груз состоял из одной коробки, на которой было написано «Оружие. Опасно для жизни».— Вот во что я вложил бы деньги, если бы они были у меня.

— Купите заводы,— сказал Фрэнк Корнелиус.— Возьмите на себя управление ими. Займитесь тем, что вечно. Нефть. Вода. Сталь. Воздух. Химические препараты. Пластмасса. Электроника. Только так можно выжить. Мой брат думает именно так по этому поводу... или думал... или будет думать...— Он нахмурился и сменил тему разговора, передавая бинокль Колльеру.— Посмотрите, по-моему, там что-то изменилось.

Колльер рад был заполучить его. Он распрямил плечи и с важным видом стал смотреть в бинокль.

— Что у них там происходит на палубе? Вечеринка или что-нибудь еще?

— Они занимаются этим с утра. Это омерзительно. Я думаю, они стараются отвлечь наше внимание от чего-то такого, о чем они не хотят, чтобы мы знали.

— Здоровые девицы, а?— сказал Шейки Моу.

— Гермафродитки.

— Я полагал, что они на нашей стороне.

Фрэнк спустился в рубку управления взглянуть на кар-

ту. Карта была страшно потрепанная и грязная, он бы не отказался, если бы у него была карта поновее. Он получил карту от отца, и смотреть на границы, указанные на этой карте, было просто смешно. Он сделал пометки, отмечая недавно прибывших русских. На карте почти не осталось места для других пометок. Она буквально разваливалась на кусочки. А может, это он сам или все общество разваливается на кусочки?

Как ему все это надоело. Этот чертов прусский дредноут преследует его уже целую неделю, и больше всего его интересует их груз. Это означает утечку информации. Фрэнк подумал, что, может быть, было бы умнее развернуться и вернуться обратно на марсельскую базу, а если это не удастся, то направиться прямо в Аден. Если не отвечать на радиосигналы, тогда никто не сможет отменить его приказы и вполне можно было бы добраться до порта. Он очень сожалел, что взялся за доставку этого груза. Если бы сообщение пришло, когда он находился в каком-нибудь более подходящем месте, а в политической ситуации дома произошли небольшие изменения, то, возможно, ему удалось бы выгодно продать его. Именно поэтому он взялся за это дело. Теперь-то он понял, как глупо он поступил. Большие дела ему никогда не удавались. В небольших сделках он был большой специалист. Надо было заниматься тем, что хорошо получается. Иначе он не оказался бы посередине истекающего кровью Средиземного моря, в то время как потенциальные покупатели находятся на другом конце Северного моря. Черт побери, как же ему не везет. Он потер рукой грязный подбородок, просматривая лоцманские карты, чтобы отдать нужный приказ рулевому и инженерам. Он направится в Гамбург и будет надеяться на лучшее.

Лениво разглядывая в бинокль корабль и экипаж, Моу Колльер остановился на большой коробке и впервые заметил, что она движется в другом ритме. Ее движение было пульсирующим, как будто учащенно билось сердце. Моу Колльер ухмыльнулся, подумав, что, может, кто-то занимается в ней любовью. Но это было невозможно. Было такое впечатление, что коробка вот-вот взорвется, нужно, пожалуй, предупредить капитана. Он выпустил бинокль из рук и

тот повис у него на груди. На лифте он спустился в комнату управления.

— Сэр! Сэр!

Фрэнк взглянул на него.

— Что?

— Груз. Он подпрыгивает. Похоже, он вот-вот взорвется.

— О, черт!— Фрэнк положил карту и вместе с Моу поднялся на палубу. Он взял бинокль и посмотрел.— Твою мать. Мне следовало избавиться от этого груза с самого начала. Тот, кто колеблется, всегда проигрывает, Колльер.

— Объявить тревогу, сэр?

— К черту! Какой смысл?— Они вернулись в рубку управления.— Давай посмотрим на карту,— сказал Фрэнк, когда они пришли туда.— Мы направимся на Сардинию и выгрузим груз. Свяжись с ними. Скажи, что у нас не забрали груз вовремя и мы собираемся оставить его на находящейся ближе всего к нам суше.

— А мы не можем просто выбросить его в море, сэр?

— Вы что, совсем сошли с ума? Хотите, чтобы у нас было еще больше неприятностей, чем мы уже имеем. О, черт!— Фрэнк тяжело опустился на стул.— Черт побери все это!— От бессилия он жалобно завыл. Он выл все громче. В определенный момент к его вою присоединился вой с палубы; звуки почти совпадали по высоте, но вой с палубы не прекращался, а Фрэнк останавливался, чтобы взять дыхание.

Вскоре оба брата выли в унисон, наступила ночь, а эсминец направлялся на Сардинию.

ГАРАНТИИ

Майор Най снял брюки. Он сидел в шезлонге, обмотанный полотенцем. Миссис Най разговаривала с ним сквозь зубы, пришивая заплатку к штанине.

— Мы не можем позволить себе купить новые брюки для тебя,— сказала она.— Единственное, что я могу сделать,

так это зашить их. Какой же ты неуклюжий. Разве ты не знал об этой колючей проволоке на пляже?

— Даже руководил ее установкой,— признался майор Най.— Я виноват. Извини, дорогая.

Было около шести часов вечера, они сидели рядом с хижиной, стоявшей на пляже. В этой хижине они жили после того как его отправили в отставку (теперь полк, в котором он раньше служил, стал бронетанковым корпусом). Майор Най предложил свои услуги по охране побережья Брайтона. Айронмастер-Хаус, находившийся в двенадцати милях от побережья, был реквизирован, и его теперь использовали в качестве штаб-квартиры, поэтому майор Най и миссис Най были вынуждены переехать в эту хижину. Что касается майора Ная, то он был не слишком расстроен такой переменой. С хижиной было намного меньше хлопот, и охрана побережья требовала значительно меньших усилий, чем работа в огороде. Майору Наю было даже немного стыдно. Война оказалась для него чем-то вроде отпуска. И даже миссис Най, хотя она никогда бы не призналась в этом, почувствовала облегчение. На ее обветренном лице даже появилось что-то вроде румянца, хотя, может, он появился и оттого, что было холодно. Была зима, и хижина обогревалась только плохо работающим масляным обогревателем. Дочери не поехали с ними; они обе остались работать в Лондоне. Изабель, которая раньше была танцовщицей, присматривала за младшим братом, который все еще учился в школе. Иногда по выходным одна или сразу обе девушки привозили младшего брата повидать родителей.

— Скоро рождество,— сказала миссис Най со вздохом, заканчивая штопать.— Будем устраивать что-нибудь в этом году?

— Может, девочки что-нибудь придумают.— Майор Най вошел в хижину и натянул брюки. Он сложил полотенце и аккуратно повесил его на спинку шезлонга. Его брюки, как, впрочем, и пиджак, были цвета хаки, или, вернее, когда-то были цвета хаки, так как сейчас многочисленные заплатки превратили их в одеяние непонятного цвета. Он закурил не докуренную на одну треть тонкую сигарету.— Там-та-там. Отдыхайте как следует, джентльмены, пусть ничто вас не расстраивает, и т. д. и т. п., пом-пом.— Он поставил чайник на плиту, заметил, что тот пуст, вышел и налил в него воду

из крана, которым пользовались они и жители еще нескольких хижин. Все хижины занимали служащие береговой охраны. Многие из них были даже старше майора Ная. Чайник, громко булькая, наполнился водой. Кран громко скрипел, когда он закрывал его. Хоть на миссис Най и была надета шинель, она замерзла. Она встала и, захватив с собой оба шезлонга, пошла в хижину.

— По-моему, тебе было бы неплохо выпить чашечку крепкого чая, моя дорогая,— сказал он.

— Только на этот раз не выбрасывай заварку,— сказала она.— Она пригодится в следующий раз.— Он кивнул головой.

Они дождались, пока закипит чайник, и, когда вода была готова, сняли крышку с заварного чайника, который был подделкой под георгианскую эпоху, и наполнили его наполовину.

— Пусть немного заварится,— сказал он. Он сделал ей бутерброд с солониной: тоненький кусочек хлеба с кусочком мяса, который был еще тоньше. Он положил бутерброд на одну из тарелок, которую он взял с маленькой полочки, висевшей над маленьким столиком — на этой полочке они хранили свои съестные припасы,— и подал ей тарелку.

— Большое спасибо,— сказала ему жена. Она откусила небольшой кусочек. Это был полдник. А на ужин они съедят целую банку сардин.

— Пока не стемнело, пойду проверю прожекторы,— сказал он.

— Хорошо.— Она посмотрела на него.— Если увидишь бумагу, принеси.

— Ладно!

Насвистывая наполовину забытый мотив «Зануды из Бетиал Грина», он неторопливо шел по каменистому пляжу вдоль колючей проволоки, останавливаясь через равные промежутки, чтобы проверить прожекторы, установленные на небольших возвышенностях через каждые тридцать футов. Раньше прожекторы использовались для освещения Павильона в летние месяцы.

Небо было серым, и было похоже, что пойдет дождь. Море тоже было серым, и даже пляж был серого оттенка. Майор Най заметил, что во время войны почему-то все казалось серым. Майор поднял голову и заметил, что находившиеся

вверху магазин, продававший рыбу и жареный картофель, и кафе еще не закрыты. Там горели масляные лампы и свечи. К электричеству относились бережно, используя его только для оборонительных целей. Обе забегаловки выглядели очень уютно. Удостоверившись, что все прожекторы работают как следует, он поднялся наверх и, перейдя улицу, оказался рядом с магазином и кафе. Одно из кафе-мороженых было еще открыто. В настоящее время, несмотря на выставленные в витрине пластиковое мороженое с фруктами и орехами и голландское мороженое, в нем продавали только чай и суп. В кафе также можно было купить газету «Уикли дефендер», это была единственная газета, которую можно было купить. Свежий номер уже привезли. Рядом с кафе лежали огромные пачки. Тираж газеты был не очень большим. Скорее всего, никто не дотронется до этих пачек, их заберут и заменят на свежий номер. Майор Най был регулярным покупателем «Дефендера». Он взял одну из газет из пачки и, читая заголовок, вошел в кафе. В руке он держал шестьдесят пенсов.

— Добрый вечер,— приветствовал его владелец магазина.

— Добрый вечер,— ответил майор Най. Он никак не мог запомнить имя этого человека и чувствовал себя смущенным.— Сколько я вам должен за газету?

— Шестьдесят пенсов, пожалуйста. Похоже, дела опять обстоят не очень хорошо, как вы считаете?

Заголовок гласил: «Новые завоевания Британии! Настроение улучшилось, когда премьер-министр объявил о своих намерениях. «Моральный дух еще никогда не был таким высоким»,— сказал король».

Майор Най смущенно улыбнулся.

— Должен признать...

— Но ведь это не может продолжаться вечно.

Майору Наю казалось, что все это продолжается уже целую вечность, но он, как обычно, полностью смирился с тем, что происходит. Человеческую натуру невозможно изменить. Он снова улыбнулся.

— Будем надеяться, что нет.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Уже почти стемнело. Он решил вернуться не по пляжу, а

по дороге. У него потекли слюнки, когда он почувствовал запах жареного картофеля и рыбы, но он устоял от соблазна купить это, зная, что скажет миссис Най, если он вернется домой с картофелем. Что не стоит тратить деньги на пищу, которая совсем не утоляет голод; и потом это «не совсем прилично» покупать горячую пищу в магазине. А им необходимо придерживаться общепринятых правил приличия. Что касается майора Ная, то ему всегда нравилось покупать еду в таких магазинах. Когда он работал в Лондоне, раз в неделю он обычно покупал себе что-нибудь в таких магазинчиках. Конечно, сейчас рыба была ужасная, а жареный картофель готовился совсем из неподходящего сорта картофеля. Это было своего рода утешением для него.

Он начал спускаться по тропинке, которая вела к их мрачному кусочку пляжа. Он остановился и посмотрел на черную переливающуюся воду. Море было таким большим. Иногда ему казалось глупым пытаться защитить берег от воды. Ему даже интересно было посмотреть, что произойдет, если большая зенитная пушка, стоявшая на краю пирса, выстрелит. Скорее всего, она разнесет все на кусочки. Он улыбнулся.

Ему показалось, что он видит какой-то предмет в воде, совсем рядом с берегом, около двадцати ярдов от пирса. Он внимательно всматривался в воду, пытаясь определить, не мина ли это, но предмет исчез из виду. Его передернуло, затем он пошел по пляжу. Под ногами гремела и скрежетала галька. Далеко в море заревела корабельная сирена, и ее звук отразился от городских крыш — казалось, таким образом весь Брайтон выразил свои страдания.

ОЦЕНКИ

Уна Перссон едва успела сесть на самолет, она влетела в него в последний момент, когда он уже почти взлетал. Внутри самолета было полно народу и темно; люди сидели на полу, а те, кому не хватило места, чтобы сесть, стояли, ухватившись за подвешенные к потолку и по бокам потрепанные веревки. Эти люди с изможденными лицами также, как и

она, были беженцами, только в отличие от нее они были гражданскими лицами. Проталкиваясь по проходу, она заметила среди них священников в темных одеждах. Подойдя к лестнице, ведущей на верхнюю палубу, она обнаружила, что и на ней тоже сидят люди, и оба пролета ей пришлось пробираться мимо них на цыпочках. Наконец она добралась до кабины пилота. К тому моменту они уже взлетели, хотя находившиеся по правому борту два больших двигателя захлебывались. «Интересно,— подумала она,— в каком музее откопали этот самолет?» Судя по приборной доске, он был, несомненно, немецкого происхождения. Последнее время вокруг было полно немецкого старья. По радио звучала сильно искаженная, так, что она с трудом ее узнала, песня в исполнении ансамбля «Роллинг Стоунз» «Мамин маленький помощник».

Летающий корабль облетел Дубровник, окунаясь и выныривая из густого, маслянистого дыма, который поднимался вверх от горевшего города.

— Мы больше никогда этого не увидим,— сказал польский летчик. Полковник Пьят, который сидел в кресле второго пилота, вздохнул.

— Возвращаться домой всегда приятно.

— Совершенно с вами согласен, генерал,— заметила Уна.

— Пол...— Полковник Пьят потер рукой свой разгоряченный лоб.— Дорогая моя Уна, я думал, что вы уехали на поезде.

— Я передумала. Ну что, возвращаемся на родину?

— Правильно. Может, вместе с вами к нам на самолет села удача.— Он поднял воображаемый бокал.— Да здравствует наша Леди Свобода.— Ему хотелось сказать ей что-нибудь приятное, а не язвительное.

— Вы устали,— сказала она.

— Спойте песню, дорогая Уна. Старую нежную песню.— Он был пьян, но белая форма, в которую он был одет, как всегда, выглядела безупречно чистой.— Если бы эти губы могли говорить, если бы эти глаза могли видеть, если бы эти...

— Откуда столько беженцев?— удивилась она.— А где войска?

— Тот же самый вопрос задают и беженцы,— засмеялся

поляк. Они летели над морем на небольшой высоте.— Войска — это мы.

— Се ля ви,— сказал полковник Пьят.— Моя семья будет сильно скучать без меня.— Он вытащил фляжку из бокового кармана, поднес ее ко рту. Она была пуста.— Ну и ладно. Вы правы, Уна. Я устал. Я думал, Англия станет ответом на мой вопрос. Победа воображения над вдохновением. Ха, ха!

— Он потерял ящик,— объяснил поляк.

— На Лэдброук-Гроув. Последнее время он был там.

Уна вздохнула.

— Я так и поняла. Я думаю, это было последней каплей.

— Чувствуете сквозняк?— спросил поляк.

— Я чувствую его уже целый век,— ответила Уна.

Из-за двери послышались голоса молящихся людей, следующих монотонному голосу священников. Казалось, что даже самолет молится. Уна вышла из кабины, чтобы найти парашют до того, как они доберутся до Уиндермира.

ЗАЯВЛЕНИЯ

В больших карих глазах Очинека можно было прочитать признательность. Он смотрел на офицера службы безопасности, входившего в камеру.

— Конечно, я понимаю, что это ваша обязанность — выполнять такую работу,— сказал Очинек.— Не беспокойтесь, констебль Воллас, у вас со мной не будет проблем. Садитесь, пожалуйста, или...— он остановился,— впрочем, делайте, как считаете нужным.

Констебль Воллас был глупым и тупым человеком.

— Я не люблю шпионов, мистер Очинек.— У него была грубая кожа, глупые глаза, он весь был охвачен яростью.— По-моему, нет никакой необходимости доказывать вам, что вы шпион...

— Я лояльный гражданин, уверяю вас. Я люблю Англию не меньше вас, хотя родился в другой стране. Мне нравятся ваши пригороды, ваша демократия, ваше правосудие...

— Вы еврей.

— Да.

— Среди евреев очень много шпионов.

— Я знаю.

— Поэтому...

— Но я не шпион. Я бизнесмен.

— Лжете?

— Нет...

— Вы часто ездите за границу. Например, в Македонию?

— В Македонию, да. И в — ну, в Бельгию, Голландию, Ассирию...

— Куда?

— То есть в Абиссинию.

— Вы что-то от нас скрываете,— сказал констебль, лицо которого стало красным и потным.

— У меня плохая память,— захныкал Очинек, предчувствуя, что сейчас произойдет что-то неприятное.

— Вы мне все расскажете.

— Конечно, конечно.

— И если будет необходимость, я выбью у вас признание.

— Я не изменник.

— Я тоже на это надеюсь.

Констебль Воллас быстренько закончил предварительную беседу и, схватив Очинека за воротник, бросил его на пол к своим ногам и со всего размаху кулаком врезал Очинеку в живот. Очинека тотчас же вырвало прямо на форму констебля Волласа.

— Ах, ты грязное животное!— Воллас вышел из камеры.

Очинек, не обращая внимания на то, что на его губах, подбородке и одежде была рвота, обессиленный сел на кровать.

Он судорожно глотал воздух ртом и плакал, зачем он только позавтракал. Ему следовало предусмотреть подобный поворот. Или он заранее все предчувствовал? И в лучшие времена он никогда не был до конца уверен в том, какую роль он играет, что им движет, а в данный момент он совсем запутался. Он знал только, что, вероятно, в данный момент он является изменником. Ему бы следовало оставаться военным. Это было проще.

В коридоре послышалась автоматная очередь. Крики. Топот сапог. Бряцание оружия. Еще выстрелы. Снаружи

отодвинули задвижку. Увидев, что дверь в камеру открывается, Очинек съежился.

В дверном проеме стояла Кэтрин Корнелиус, которая выглядела ну совсем как Уна Перссон в молодые годы, через плечо теплой полушинели был переброшен автомат М16, на золотых кудрях был зеленый шотландский берет.

— Вы тот самый парень, которого нам нужно освободить?— спросила Кэтрин.— Мистер О.?

— Не знаю,— сказал он, он был уверен, что вслед за Кэтрин тотчас же появится Воллас.

— Я обычно не занимаюсь подобными вещами,— объяснила Кэтрин, вытаскивая его из камеры в коридор, в котором было много трупов и покореженного железа. Он увидел Волласа. Автоматная очередь прошила ему красную шею. Он был мертв. Очинек с изумлением уставился на него.

Она провела его мимо трупа к входной двери, выбитой при налете.

— Обычно я работаю медсестрой, но сейчас не хватает людей.

— Кто вы?

— Кэтрин Корнелиус.

— Нет — от кого вы?

— От Бибы.

— На кого вы работаете?

— Я работаю на Англию, мистер Очинек, и за ее свободу.— Сама того не замечая, проходя двор Брикстонской тюрьмы, она держала автомат наперевес, пока они не дошли до ворот.— Нас ждет машина. Я давно не была в южной части Лондона и плохо ориентируюсь. Может быть, вы мне поможете.

Они прошли через ворота и оказались на узкой улочке. На улице стояла машина «дилейдж дайан» с включенным двигателем.

— Это, конечно, напрасный расход энергии,— сказала она извиняющимся тоном,— но для меня целая проблема завести ее.

— Мисс Корнелиус...

— Что, мистер Очинек?

— Я не понимаю...

— Боюсь, что ничем не могу вам помочь. Борьба различных политических сил во время революции — если это ре-

волюция — мне абсолютно непонятна. Я только выполняю порученное мне дело.

— Но я не революционер. Я бизнесмен. Я думал, вы знаете больше...

— Правда, я ничего не знаю...

— Может, мне вернуться в тюрьму? Может, это ошибка.— Он стоял рядом с машиной, не решаясь сесть.

— А вы были в Македонии?

— Вы тоже там были?

— Вы были идеалистом. Партизаном.

— Я всегда занимался рекламой. Посредничеством. Организацией концертов.

— Ну, тогда вы именно тот человек, которого мне нужно было освободить.— Она открыла для него дверь машины.— Вас больше никто не будет бить.

— Я устал.

— Я знаю, что вы сейчас ощущаете.— Она села на водительское место и нажала на газ. Казалось, она впервые села за руль этого автомобиля.— Нам предстоит ехать очень долго.— Машина медленно тронулась.— Изменение человеческого типа и тому подобное. Возможно, это вовсе не революция в конце концов.

Очинек заметил выражение страдания на лице Кэтрин. Он начал плакать. Они добрались до шоссе, и, нажав на газ, она повернула машину в сторону Темзы.

БЕЗОПАСНОСТЬ

— За старую добрую Англию!— сказала миссис Корнелиус, салютуя кружкой пива нарисованному на стеклянной витрине бульдогу.

— О, да вы просто неисправимая оптимистка, миссис К.!— Старина Сэмми стоял в углу комнаты и, широко открыв рот, буквально сотрясался всем телом от громкого хохота. Он поднес ко рту свою кружку пива и влил его в свое распухшее от постоянного пьянства тело.

— Да ладно, ладно. Я именно это и имею в виду,— ска-

зала она.— Англия будет существовать всегда. У нас были свои взлеты и падения, но мы всегда выкручивались.

— Ну, вы-то, может, и выкрутитесь,— сказал Сэмми с горечью в голосе, как только он опустошил свою кружку, его настроение моментально испортилось.

— Еще пива?— предложила она, как бы награждая его за только что высказанный комплимент.

Он подошел с кружкой к стойке, за которой она сидела на высоком в форме седла табурете, ее массивное тело расползлось по табурету, полностью закрыв собою темное дерево, из которого тот был сделан.

— Давненько я вас что-то не видел,— сказал он.

— Да,— согласилась она.— Я уезжала. Ездила в одно место.

— Куда?

— За границу. Навещала своего сына.

— Кого, Фрэнка?

— Нет, Джерри. Он болен.

— Что-нибудь серьезное?

Она фыркнула.

— Они называют это болезнью крови! А я считаю, что это просто какая-то ерунда!— Она оглянулась и посмотрела на входившего в «Портобелло стар» человека.

— А, это ты. Что-то поздновато.

— Извини, дорогая. Меня задержали в эмиграционной службе.— Полковник Пьят был одет в кремового цвета костюм, на руках у него были перчатки бледно-лилового цвета, на ногах — белые носки и темно-коричневые ботинки. Под костюмом виднелась рубашка бледно-голубого цвета и форменный галстук. В руке он держал трость и серую шляпу. Его поведение было очень нерешительным.

— Сэмми, этот полковник — мой муж.

— Здравствуйте,— сказал Пьят.

— Здрасьте. Вы отец Джерри?

Миссис Корнелиус затряслась от смеха.

— Он вполне мог бы им оказаться. Ха-ха-ха!

Полковник Пьят слегка улыбнулся и откашлялся.

— Что вы будете пить, сэр?

— То же самое.

Обращаясь к стоящей за стойкой старой морщинистой женщине, Пьят негромко сказал:

— То же самое в эти две кружки. А мне двойную порцию водки. Неплохое утро.

— Для кого как,— ответила женщина.

Миссис Корнелиус перестала смеяться и нежно похлопала полковника по плечу.

— Не унывай, дорогой. Ты выглядишь так, как будто только что вернулся с фронта!— Она открыла свой бесформенный редикюль.— Я заплачу.— Она обвела взглядом бар.— А где твои сумки?

— Я оставил их в отеле.

— В отеле?

— В отеле «Веню» на Уэстбурн-Гроув. Небольшой симпатичный отель. Очень уютный.

— А, ну, хорошо, хорошо.

— Я не хотел тебя беспокоить.

— А почему?— Она заплатила за выпитое и подала ему рюмку с водкой.— А я, наоборот, думала, что... Первый день дома... Ну и...

— Я совсем не хотел расстраивать тебя, дорогая.— Он взял себя в руки.— Может, пообедаем где-нибудь сегодня вечером. Куда бы ты хотела пойти? А затем попозже мы могли бы придумать что-нибудь еще. Пойти не берег или еще куда-нибудь.

Она успокоилась.

— В Хрустальный дворец,— сказала она.— Я там не была тысячу лет.

— Отлично.— Он проглотил свою порцию водки и заказал еще.— Да здравствует аскетизм! Прощай власть!— Глядя на свое отражение в зеркале, он поднял бокал.

Она оценивающим взглядом оглядела его с ног до головы.

— По-моему, дела у тебя идут неплохо?

— И да и нет.

— Он всегда великолепно одевается,— сказала миссис Корнелиус, обращаясь к Сэмми.— И совсем не имеет значения, сколько денег у него в кармане, он всегда одет так.

Сэмми хмыкнул.

Полковник Пьят покраснел.

Миссис Корнелиус зевнула.

— Было бы неплохо съездить куда-нибудь осенью, когда похолодает.

— Да,— сказал полковник Пьят.

— Я никогда в жизни не ездил в отпуск,— с гордостью сказал Сэмми.— И я никому не позволю выселить меня отсюда!

— Ты никогда не ездил в отпуск, потому что никогда как следует не работал!— Миссис Корнелиус слегка подтолкнула его локтем в бок.— А!

Сэмми возмутился. Она обняла его жирной рукой за шею и поцеловала в морщинистый лоб.

— Да ладно тебе, не обижайся. Ты же знаешь, я не хотела тебя обидеть.

Сэмми отошел и сел за столик в углу.

Полковник Пьят сел на табурет, стоявший через один от миссис Корнелиус. Его глаза были закрыты, и он время от времени встряхивал головой, как бы стараясь не заснуть. Казалось, он был очень утомлен, у него совсем не осталось сил.

— Надеюсь, ты привез с собой что-нибудь поесть?— спросила миссис Корнелиус.— Здесь все кончилось. Еда. Топливо. Развлечения. Ну, еще по одной на дорожку и пойдем. По-моему, тебе всегда не очень нравилось проводить время в пивнушках.

— Да нет, почему.

— А ну взбодрись. Все не так уж и плохо.

— Во всей Европе творится черт знает что,— сказал он.— Ну, просто во всей Европе.

— Возможно, мы сейчас и не находимся в стадии процветания,— сказала она ему.— Но тем не менее дела потихонечку идут.

— Но какая повсюду нищета!

— Не думай об этом!— Она выпила свое пиво.

— Я бы очень хотел не думать, но не могу, дорогая.

— Я тебе помогу.— Она перегнулась к нему через стоящий между ними пустой табурет и прикоснулась к его гениталиям.— Сегодня вечером.

Полковник Пьят хихикнул. Она взяла его за руку и вывела на издающую страшную вонь улицу.

— Хрустальный дворец тебе понравится. Он весь из хрусталя. Просто весь из стекла. Со всех сторон. А в нем чудовища. Это одно из чудес света. Как и я.

Миссис Корнелиус оглушительно захохотала.

ВОСПОМИНАНИЕ (Ж)

Дети забивают камнями черепаху. Ее панцирь уже лопнул. Она двигается с трудом, оставляя после себя на белой поверхности горы кровавый след и свои внутренности.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Младенец семнадцати месяцев был застрелен в Белфасте сегодня вечером. Как сообщают армейские источники, выстрел, сделанный вооруженным бандитом, предназначался армейскому патрулю. Семилетняя девочка, которая была вместе со своей сестренкой, не была даже ранена, хотя вторая пуля прострелила ее юбку.

«Морнинг стар», сентябрь 24, 1971

Лекарство, которое принимали беременные женщины, вероятно, является причиной возникновения редко встречающегося вида ракового заболевания, которое появилось у их дочерей много лет спустя, сообщил Британский Медицинский журнал. Рак был обнаружен у девушек в возрасте от 15 до 22 лет в Новой Англии, его возникновение приписывается препарату Стилбестрол, который их матери получали во время угрозы выкидыша.
...Курс лечения прошел успешно в большинстве случаев, но одна из девушек умерла.

«Гардиан», сентябрь 10, 1971

Мальчик трех лет был сбит и раздавлен армейской машиной недалеко от района Богсайд вчера ночью. Как

только новость распространилась, толпы народа, собравшиеся в этом районе, стали забрасывать армейские подразделения камнями. По войскам прозвучало несколько выстрелов, и есть сведения, что в них было брошено несколько бомб. Армия не ответила на выстрелы выстрелами.

«Гардиан», сентябрь 10, 1971

АПОКАЛИПСИС (ВАРИАНТ 7)

— Никто и ничто не уцелеет,— сказала Уна Перссон, которая выглядела старше, опытнее. Джерри никогда еще не видел ее такой.— Никто и ничто не сможет выжить.

— Пока жизнь продолжается, есть надежда.— Джерри расчехлил пушку и начал перебирать ее. Пушка была очень старой, порядочно поизносилась и вряд ли долго прослужит, но в общем-то в ней все было в порядке. А надолго она и не понадобится. Он был больше обеспокоен состоянием своего энергетического бронежилета. В некоторых местах на груди он был пробит. Они находились в подвале одного из зданий на Лэдброук-Гроув. Они сидели, слушая с напряженным вниманием, как бегают по подвалу крысы, и ожидали атаки.

— Все уже почти кончено, правда?— спросила она без сожаления.— Цивилизация это заслужила. Человеческая раса это заслужила. И мы, черт побери, тоже заслужили такой конец. Это что у тебя, последняя сигарета?— Она взяла в руки сигарету светло-вишневого цвета с золотым наконечником.

Он открыл ящик стола, на котором стояла пушка.

— Похоже, что последняя.— Он порылся в куче струн, монет и почтовых открыток.— Да, последняя.

— Ну и ладно.

— Кури и получай удовольствие от того, что осталось,— сказал он.— Относись ко всему проще.

— Это не очень легко. Все вокруг движется и изменяется с такой скоростью. Все горит. Похоже на ракету, у которой

засорился регулятор топлива и которая потеряла управление.

— Все может быть.— Он вставил обратно в пушку громоздкое пусковое устройство и попробовал несколько раз, хорошо ли работает вертлюжная установка. Затем, даже не поставив пушку на предохранитель, он направил ее в сторону зарешеченного окна. Он осмотрел пушку со всех сторон. Откинул назад длинные прямые волосы.— Время приходит и уходит. На новом витке все повторяется снова. Иезуиты...

— Ты что-нибудь слышишь?

— Да.

Она взяла свой автомат, который лежал в углу комнаты, повесила его через плечо. Щелчком она включила кнопку, которая находилась на ремне, и через несколько секунд почувствовала тепло, исходившее от энергетического жилета.

— После событий в деревне...— начала она.

— Ты выживешь, Уна.— Ему не хотелось опять выслушивать эту историю. Ему было это неприятно.

Она с подозрением посмотрела на него, пытаясь понять, нет ли в его словах иронии. Вроде бы нет.

— Живые или мертвые,— сказал он и выпустил очередь в окно, в то место, где была тень. Сверкнула вспышка. Через окно подул холодный воздух. Тень упала. Джерри нажал на кнопку на своем ремне.

— Бисли, Бруннер, Фрэнк и все остальные,— сказала Уна, осторожно выглядывая из окна.— Все, кому удалось выжить. Я думаю, они попытаются проникнуть в дом.

— Рано или поздно это должно случиться. И количество их не спасет.

— Я всегда считала, что ты работаешь в одиночку. Такой буржуазный идеалист-одиночка, работающий втихую.

— Убийство по политическим соображениям — это одно дело,— сказал Джерри гордо.— Совсем другое дело обыкновенное убийство. Обыкновенное убийство затрагивает большое количество людей и подразумевает совсем другой нравственный подход к этому вопросу, в конечном счете одно убийство влечет за собой другие убийства. Это как рефлекс. Людей захватывает сам процесс. В основе убийства по политическим соображениям лежит основательная предварительная подготовка. Но, хочешь ты того или не хочешь, все в конце концов сводится к обыкновенному убийству.— В

подвал бросили гранату и вместе с ней влетели осколки стекла, они со звоном стукнулись об их энергетические жилеты.

— Это они так защищаются.

— Я никогда не мог этого понять.

Джерри пододвинул стол поближе к окну, затем, высунув дуло в окно, стал методично стрелять. Двое нападающих закачались и упали.

— Карен и Моу для первого раза,— сказал Джерри. Они снова услышали шаги над головой, а потом заскрипели ступеньки лестницы, ведущей к двери подвала. Уна открыла дверь и расстреляла из своего автомата еще двоих. Митци Бисли и Фрэнка Корнелиуса. Фрэнк, как обычно, умирая, наделал много шума, а Митци умерла спокойно, на корточках прислонившись к стене, положив руки на окровавленные колени, а Фрэнк в это время катался по полу, корчился и извивался, судорожно глотая воздух.

В комнату влетели и взорвались еще две гранаты, на несколько секунд они были ослеплены взрывом, от верной смерти их спасли энергетические жилеты.

— Скоро все будет кончено,— сказал Джерри.— Полагаю, что сейчас появятся мисс Бруннер и епископ Бисли. Поскорее бы. У нас остался небольшой запас энергии.

С горящими глазами и оскалом на лице в подвал влетела мисс Бруннер. На ней была узкая юбка от Сен Лорана, в которой она выглядела смешно. Она попыталась выстрелить первой, но Уна опередила ее, засадив ей пулю прямо в лоб. Мисс Бруннер некрасиво опрокинулась на спину.

У окна появился епископ Бисли. В одной руке он держал белый флаг, в другой шоколадку «Твикс». Даже Джерри со своего места увидел, что шоколад был покрыт плесенью.

— Я сдаюсь,— сказал епископ.— Я признаю, что с моей стороны было неразумно ссориться с вами, Корнелиус.— Он засунул шоколадку в рот и полез в нагрудный карман.— Я надеюсь, вы ничего не имеете против?— Он достал китайскую янтарную шкатулочку и открыл ее. Из шкатулки он достал пару щепоток сахарного песка и засунул себе в нос.— Так будет лучше.

— Хорошо,— кивнул Джерри устало и нажал на спусковой крючок, целясь прямо в рот Бисли. Его голова загорелась, вокруг нее появился ореол пламени, а потом исчез.

Джерри бросил пушку и подошел к Уне, та была бледна и истощена. Он нежно поцеловал ее в щеку.— Наконец-то все кончено.

Они выключили питание на энергожилетах, сняли их, легли на сырой матрас и стали заниматься любовью так страстно, как будто их жизни зависели от этого.

АПОКАЛИПСИС (ВАРИАНТ 8)

Развалины выглядели даже привлекательно сейчас, когда их покрывал слой листьев и лишайника. Пели птицы. Джерри и Кэтрин Корнелиус подошли к своему любимому месту и сели на плиту, которая лежала там, где когда-то протекала Темза. Была весна. На планете был мир.

— Такие моменты,— нежно сказала Кэтрин,— помогают почувствовать радость жизни.

Он улыбнулся.

— Ты счастлива, да?

Она погладила его по колену и легла, вытянувшись рядом с ним.

— С тобой так спокойно.

— Я думаю, это потому, что мы хорошо знаем друг друга.— Он погладил рукой ее золотистые волосы.— Я люблю тебя, Кэтрин.

— Ты очень хороший, Джерри. Я тоже люблю тебя.

Какое-то время они внимательно наблюдали за пауком, который полз по разбитому асфальту и исчез в черной трещине. На мили и мили вокруг них простирались прокаленные солнцем развалины.

— В такую погоду Лондон выглядит лучше всего,— сказала Кэтрин.— Я рада, что зима кончилась. Весь мир теперь принадлежит нам. У нас впереди целый век!— Она засмеялась.— Ну чем не рай?

— Если это место не рай, то я сделаю из него рай.

Ветерок растрепал их волосы. Они встали и побрели в сторону Лэдброук-Гроув, ориентиром им служила башня Хилтон, единственное здание, которое осталось не разрушенным. Черно-белые обезьяны прыгали с одной стены на

другую, они всполошились, увидев приближающихся к ним людей.

Джерри полез в карман. Включил свой маленький стереомагнитофон и на половине песни под названием «Капитан справедливость», в исполнении Хоквинда, звуки синтезатора зазвучали оглушающе громко, затем они затихли. Он обнял ее за худые плечи.

— Давай поедем куда-нибудь отдохнуть,— сказал он,— в какое-нибудь хорошее местечко. Может, в Ливерпуль?

— Или Флоренцию. Посмотреть на узорчатые колонны!

— Почему бы и нет?

Они шли домой, мурлыча себе под нос какой-то мотивчик.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Пять подростков, учеников школы Ансли-Парк в Эдинбурге, и начинающий инструктор погибли вчера недалеко от местечка Лочам Бидх, которое находится в Каирнгормских горах, это самый ужасный несчастный случай, который когда-либо происходил в горах Шотландии. Трагедия усугубляется тем фактом, что тела были найдены в 200 ярдах от альпинистской хижины, в которой они могли бы спастись.

«Гардиан», ноябрь 23, 1971

Как стало известно, один мальчик из группы, в которой был 21 подросток, погиб в горах центральной части Тасмании. Полиция и поисковый вертолет собираются возобновить поиски остальных. Полагают, что мальчики держатся вместе, застигнутые врасплох бураном в горах.

«Гардиан», ноябрь 24, 1971

Двое детей погибли во время пожара в палаточном городке несколько часов спустя после гибели их деда в автомобильной катастрофе. Питер Смит (2) и его десятимесячная сестра Ирена погибли во время пожара, который охватил их временное брезентовое жилище в лагере Фиербридж, около города Барнброу в графстве Ланкашир. Их дед, сельскохозяйственный рабочий мистер Ян Браун (54), погиб несколькими часами ранее во время прогулки недалеко от лагеря, попав в автомобильную катастрофу.

«Шропшир стар», декабрь 18, 1971

Сельскохозяйственный рабочий, Элан Стюард, которому пересадили легкое, умер вчера вечером в Эдинбургском Королевском лазарете в день своего девятнадцатилетия. Неделю назад он выпил гербицид, который был налит в бутылку из-под лимонада.

«Шропшир стар», декабрь 18, 1971

ВОСПОМИНАНИЕ (3)

Человек в маске из папье-маше, изображающей череп, входит в пивную.

Пьяные крики — и на человека в маске обрушиваются с кулаками.

Глаза матери.

ЛЕС

— Такое впечатление, что мы находимся в волшебном лесу,— голос Кэтрин звучал хрипло, в нем слышалась радость.— Как много мягкой зелени. Посмотрите! Белка! Рыжая!

Фрэнк Корнелиус принюхался.

— Пьянит.— Он ковырнул носком лакированного ботинка землю.— Мягкая. Как бы я хотел каждый день любоваться этими истинно английскими широколиственными деревьями.

— О, какие красивые цветочки!— сказала миссис Корнелиус, срывая несколько диких орхидей, растущих в болоте, и прижимая их к своему лицу.— Вот такой лес я люблю, полковник!

Полковник Пьят скромно улыбнулся и вытер пот со лба большим носовым платком из грубой льняной ткани.

— Таков английский лес во всей своей красе. Дубы. Ясень. Вяз. И тому подобное.— Он был рад видеть ее счастливой.

— Надеюсь, вы запомнили место, где мы оставили машину,— сказала миссис К., крутя ручку маленького транзистора и пытаясь настроиться на какую-нибудь волну. Ей это не удалось. Она положила транзистор обратно в сумку. Она закудахтала, как курица:— Вы же не хотите заблудиться в этом лесу, как маленькие дети!

Мягкий солнечный свет пробивался сквозь листву высоких вязов, могучих дубов, аристократичных тополей и томных ив, заполняя своими лучами цветочные поляны, над которыми бездумно порхали бабочки, майские жуки и стрекозы.

Они бродили по мху и траве, которые издавали сладковатый запах, по папоротнику, напоминавшему по форме

перья, они то бродили молча, то начинали обмениваться радостными восклицаниями при виде маленьких симпатичных зверьков, красивых цветов или небольшого светящегося на солнце ручейка, протекающего между покрытых мхом камней.

— Подобные прогулки восстанавливают веру,— сказал Фрэнк, когда они ненадолго остановились, чтобы посмотреть на большеглазую лань и ее дружка, изящно ощипывающих листья с нижних веток деревьев. Он вытащил из кармана плоский золотой портсигар и, открыв его, предложил желающим закурить. Он вспомнил одно изречение и решил процитировать его:

— Во всех вещах, созданных Богом, ощущается его любовь к людям, и новыми делами он вызывает все большую и большую любовь. Гофрой.— Именно эту цитату он будет часто использовать в последующие годы вплоть до рождества 1999 года, незадолго до того, как для него и епископа Бисли настанет судный день на Лэдброук-Гроув Рейд, который наступит для них сразу же после окончания их теологического спора.— Время остановилось. Человек перестал воевать. Наступил черед бога говорить.

— Я всегда утверждала, что тебе нужно было стать священником,— сказала миссис К. сентиментальным голосом. Она взяла сигарету «Салливэнс» и, неопределенно взмахнув рукой, показала на окружающую их природу:— Интересно, что бы сказал обо всем этом наш общий друг Джерри. Наверное, задрал бы свой нос? По-моему, ему бы нечего было сказать.

— Джерри...— начала Кэтрин, защищая брата, но она больше ничего не смогла к этому добавить.

— Джерри занимается более важными вещами, чтобы тратить время на такие пустяки,— сказал Фрэнк благочестивым тоном.

— Ты полагаешь, он не отказался бы написать послесловие.— Миссис К. затянулась.— О, посмотрите вон туда!— Неподалеку находился прудик, над которым склонились ивы и молодые березки, вокруг деревьев повсюду лежали огромные белые камни. В прудик падал небольшой водопад. Они подошли к пруду, прислушались к шуму падающей воды. Полковник Пьят шел последним. У него совсем не осталось сил. Его так же, как и других, волновал вопрос, куда делся

один из членов их семьи. По этому поводу ходили противоречивые слухи. Один из слухов утверждал, что он воскрес. Другой, что он вернулся в море. Оказалось, что все они возлагали на него большие надежды. А что теперь — конец оптимистическим прогнозам. Вот уже поистине мессия Века Знаний! Впрочем момент для активных действий уже был упущен. Все разваливалось. Даже эта глупая попытка собрать вместе всю семью была реакцией на ситуацию, которую он больше не мог контролировать. Мессия Века Знаний! Чертов стиляга. Но полковник чувствовал умиротворение. Этот день мог вполне оказаться последним в его жизни, и он хотел получить от него как можно больше удовольствия. Единственное, о чем он сожалел, что он не мог вернуться и умереть на Украине. Украины больше не существовало. После того, как его родина была уничтожена, его собственная жизнь не имела для него большого значения. Англию он любил тоже, ее он любил скорее рассудком, чем душой.

Фрэнк оглянулся и посмотрел на Пьята.

— Идемте скорее, дружище.— Время, проведенное на свежем воздухе, благотворно сказалось на Фрэнке. От него так и исходила жизненная энергия.— Какие потрясающие места. Где еще встретишь такие уголки природы? Только в Англии. Я даже не подозревал, что такие места еще существуют.

— Вы ведь знаете, как это обычно происходит,— пожал плечами Пьят.— Человек, впервые приехавший в какое-то место, обращает внимание на некоторые вещи, на которые люди, прожившие в этом месте целую жизнь, никогда не обращали внимания.

— Должен признать, что вы здорово выкрутились. Здесь совсем как в сказке. Лес Титана.— Во Фрэнке пробудился не только дар произносить религиозные проповеди, но и дар литератора.— По-моему, вот-вот появятся злые духи. Вы можете себе это представить?

Пьят улыбнулся.

— Это не лес заколдован, а вы околдованы.

Но Фрэнк уже не слушал его, он подошел к матери и сестре. Женщины развернули полиэтиленовые плащи и постелили их на камни. Миссис Корнелиус вытащила из сетки еду: термос и два пакета с бутербродами.

— Вот и отлично. Эй, вы, присаживайтесь!— позвала миссис К.

Ни осы, ни муравьи не мешали им наслаждаться пищей, которую они вкушали, сидя в тени на берегу пруда. Кэтрин зачарованно смотрела в воду. Она была темной и глубокой, но мрачной вовсе не выглядела. Вода казалась спокойной и предлагала тому, кто войдет в ее неподвижные воды, покой. Ей совсем не хотелось есть эти бутерброды с сыром и солеными огурцами, она встала и отошла от всех, спустилась вниз и встала на камень, лежавший рядом с прудом. Голоса зазвучали отдаленно. Она уставилась на свое отражение в воде и неожиданно для себя с ужасом поняла, что в воде отражается не ее лицо. Черты лица были очень похожи, но это было лицо мужчины и волосы были не золотые, а темные. Отражение улыбнулось ей. Она улыбнулась в ответ. Она повернулась, чтобы сообщить своим родственникам о странном явлении, но с того места, где она стояла, их не было видно. Затем она поняла, что стоит на этом камне намного дольше, чем ей самой это казалось. Она решила вернуться и начала взбираться наверх. Стало прохладнее.

— Кэтрин!

Голос звучал сверху. Она посмотрела и была удивлена, когда узнала звавшего ее мужчину. На нем был одет довольно потрепанный выходной костюм. Он протягивал ей руку. Во второй руке он держал револьвер «смит-и-вессон» 45 калибра, казалось, что пистолет вот-вот выпадет у него из рук, а он против этого ничего не имел бы.

— Какое странное совпадение,— улыбнулась Кэтрин, протягивая руку Принцу Лобковичу.— Как дела? Давненько мы не встречались.

— Как поживаешь, дорогая?— Голос у него был низким и напряженным, на лице выражение тоски и нежности.— Надеюсь, все в порядке.

— Все в порядке. Но, дорогой, какой усталый у тебя вид. Ты от кого-нибудь убегаешь?— Она протянула руку и откинула волосы с покрытого морщинами лба.

Он притянул ее к себе и заплакал.

— О, Кэтрин. Моя дорогая. Все кончено. Поражение со всех сторон.

— Пойдем, поешь что-нибудь.

— Нет. У меня немного времени. У меня есть здесь дело. Полковник Пьят здесь?

— Да, и мама, и Фрэнк.

— Очень сожалею,— сказал он,— но...

— Да вы только посмотрите, кто это к нам пожаловал!— Фрэнк Корнелиус появился из-за камня, ведя за собой мать и отчима.— Значит, и вы тоже знаете это место. Какая досада! Здесь становится так же людно, как на Пиккадилли. Может быть, именно это место является сердцем империи, а? А мы здесь гуляем. Приветствую вас, Принц Л.

— Добрый вечер.— Лобкович выглядел смущенным.— Очень жаль, что помешал.— Вокруг пели птицы и оранжево-золотистый солнечный свет наполнял собой все вокруг. Принц Лобкович бросил удивленный взгляд через плечо.— Мне нужно сказать несколько слов полковнику Пьяту.

Пьят сделал шаг вперед. Затем передумал и стал пятиться назад, взбираясь по белому камню. Он добрался до верха и остановился, повернувшись лицом к пруду.

— Зачем ты туда залез?— громко спросила миссис Корнелиус. Затем замолчала.

На рукаве пиджака у полковника Пьята было темно-зеленое пятно. Кэтрин была рада, что полковник не знал об этом. Или знал?

— Принц?— произнес он.

Лобкович с большим трудом обеими руками поднял тяжелый пистолет и, прежде чем выстрелить, глубоко вздохнул. Было похоже, что, получив пулю прямо в сердце, Пьят поклонился в знак признательности. Затем он упал и тело скатилось прямо в пруд. Вода тотчас же поглотила тело.

— Черт побери!— воскликнула миссис Корнелиус, неодобрительно глядя на пистолет.— О, Боже!

Фрэнк предусмотрительно отступил в тень дуба.

С несчастным видом Принц Лобкович посмотрел на свою бывшую любовницу. Затем забрался на камень, на котором только что стоял Пьят. Кэтрин наблюдала за ним, испытывая только чувство сожаления к ним обоим — и к убийце и его жертве. Лобкович поднес пистолет ко рту, поцеловал его и бросил его Кэтрин. Она инстинктивно поймала его — Принц Лобкович наконец-то научился изящным манерам.

Он прыгнул в пруд. Послышался всплеск, затем наступила тишина. Кэтрин засунула пистолет за пояс юбки и прошла мимо матери и брата. Она вошла в холодную воду.

— Что это с ней?— спросила миссис К.— Опять на нее что-то нашло, да?

— Пойдем поищем машину,— нахмурившись, сказал Фрэнк.— Она появится снова, когда будет готова.

— А что мы будем делать с деньгами, хотела бы я знать,— сказала ему мать, смотря на вещи с практической точки зрения.— Так испортить такой замечательный денек!— Она недовольно фыркнула.— Черт побери, я опять стала вдовой!— воскликнула она, как будто до нее только теперь дошел смысл всего происшедшего около пруда.

Она явно повеселела и ткнула Фрэнка локтем в бок.

— По-моему, у тебя есть повод повеселиться, как ты считаешь?

Он в ужасе посмотрел на нее.

ФЕРМА

Себастьян Очинек гнал домой коров на вечернюю дойку, когда совершенно отчетливо услышал звук выстрела; он посмотрел в сторону поля, пытаясь определить, откуда раздался выстрел. В этих местах люди редко охотились в это время года, хотя, может, кто-то решил подстрелить пару кроликов на обед. На поле стояли снопы в ожидании, когда их увезут, а за полем был виден зеленый лес, вернее, его очертания на фоне заходящего солнца. Выстрел, видимо, прозвучал оттуда. Очинек пожал плечами и устало потащился дальше. Он подгонял коров небольшим ивовым прутиком.

— Иди, иди, Бесси. Поторапливайся, Пег.— Он произносил эти слова механически, потому что коровы знали путь домой лучше его самого и подгонять их не было особой необходимости. Они с трудом тащились по дорожке, изрытой колеями, вдоль которой росли издающие нежный аромат кусты шиповника и жимолости, направляясь к каменному коровнику, построенному рядом с домом; стены дома были из булыжника, а крыша покрыта толстым слоем соломы.

Когда Очинек только приехал сюда, он сам удивился, насколько быстро он привык к сельскохозяйственному труду. В старых вельветовых штанах, сапогах, свитере, короткой кожаной куртке и старой помятой шляпе, со щетиной на загорелом зарумянившемся лице он выглядел так, как будто занимался сельским хозяйством всю жизнь. Он не обратил на выстрел никакого внимания. Браконьер или лесник, человек или животное — все, что происходило за пределами его фермы, его не касалось. Ему нужно было еще многое сделать до темноты.

Когда он закончил доить коров, уже почти стемнело; он

слил молоко в электрический сепаратор, затем отвел коров в поле. Вернувшись, он погрузил бидоны в телегу, запряг старую лошадку Мэри и отправился к железной дороге.

Доехав до железной дороги, он зажег масляную лампу, висевшую на обычном месте. Свет ему был необходим, чтобы сгрузить молоко на небольшую деревянную платформу. Примерно через час здесь остановится поезд, заберет молоко и доставит его молочнику, жившему на небольшой станции.

Дневные звуки сменились ночными. Рядом с железнодорожной насыпью в высокой траве стрекотали кузнечики. Ухала сова. Над головой пролетели летучие мыши. Закончив работу, Очинек почувствовал приятную усталость. Он сел на телегу и решил выкурить трубку, прежде чем двинуться в обратный путь. Ночь была теплой, на безоблачном небе светила луна. Очинек уселся поудобнее и глубоко вдохнул воздух. Старая кляча раздувала бока и помахивала хвостом, она ничего не имела против того, чтобы немного подождать его. Она нагнула голову и большими желтыми зубами начала щипать траву.

На поле послышался какой-то шум, и Очинек решил, что это лисица. Если лисица вышла на охоту, ему, пожалуй, нужно быть поосторожнее сегодня, хотя следует отметить, что с тех пор, как он поселился на ферме, у него еще ни разу не было никаких неприятностей с дикими зверями. Но шорох становился все громче. Может, лисица уже поймала свою жертву? Потом раздался странный визг, как будто кого-то душили — может, кролика. Очинек сидел, напряженно всматриваясь, пытаясь определить, что происходит за кустами, но свет от лампы в поле почти не попадал. В какой-то момент ему показалось, что он увидел странное существо свирепого вида, напоминавшее скорее обезьяну, чем лисицу. Но потом это существо исчезло. Он взял в руки вожжи. Ему вдруг захотелось как можно скорее вернуться домой.

— Ну же, Мэри. Пошла, пошла.— Он говорил с деревенским акцентом, который звучал абсолютно естественно.— Пошла, старушка. Домой...

Пройдя последний поворот и увидев собственный дом, окна которого светились мягким желтым светом, он успокоился окончательно. То, что нам порой мерещится ночью, наутро кажется смешным. Он покончил с прошлой жизнью. И никогда в жизни не будет заниматься ничем подобным. Войны для него больше не существуют. Для него существует

только его земля. Хорошо еще, что он не суеверный. А то воспоминания о прошлом опять бы нахлынули на него. Он улыбнулся. Он сейчас сварит себе на ужин пару яиц и отрежет ломоть свежего хлеба, а поужинав, ляжет в кровать и дочитает «Зал Хиллингтона», написанный Сурти. Последнее время он читал книги, описывающие деревенскую жизнь в восемнадцатом и девятнадцатом веках, как будто подсознательно принял решение даже с метафизической точки зрения погрузиться в деревенскую жизнь. Он уже прочитал «Священник из Вейкфилда», «Романская кровь», «Мельница на Флоссе», «Клара Вог» и «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и ряд других, еще менее известных. Он получал удовольствие от чтения только таких книг. Иногда он пробовал читать более современные работы, написанные Мари Вебб или Р. Ф. Делдерфилом, и находил, что они тоже интересны. Но книги Джорджа Элиота* и Томаса Харди** он все-таки почитает. Похоже, он не думал, что не будет читать их книг.

Он въехал во двор, слез с телеги и распряг лошадь. Когда они, направляясь в конюшню, проезжали мимо коровника, он слышал шум работающего сепаратора. Он улыбнулся; он устал намного больше, чем думал. Иногда от усталости казалось, что в шуме работающего сепаратора звучит какое-то слово.

Он вспомнил Уну Перссон. Что с ней произошло? Тот период в Македонии и Греции был сном. Ночным кошмаром. В своей жизни он перепробовал множество дел, прежде чем найти то, которое было ему больше всего по душе.

«Клинг-клинг-клинг»,— крутились лопасти сепаратора. «Предатель-предатель-предатель».

Потягиваясь и зевая, он закрыл дверь конюшни. Сильно похолодало. Осенние ночи очень обманчивы.

«Предатель-предатель».

Он вошел в дом. В доме тоже было не жарко, несмотря на то, что на кухне была включена плита. Он открыл духовку, чтобы стало потеплее. Все еще слышался звук работающего сепаратора. Он вздрогнул.

Скорее бы залезть под одеяло.

---

* Джордж Элиот (Мари Анн Эванс)— английская писательница, автор романа «Мельница на Флоссе». Ред.

** Томас Харди — английский писатель-реалист, автор романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Ред.

Поезд забрал бидоны с молоком и доставил их на станцию, где молочник снял их с поезда и загрузил в свой фургон.

Фургон поехал со станции по тихой улочке, бидоны весело позвякивали в кузове, машина ехала мимо веселеньких витрин двух пивнушек под названием «Веселый англичанин» и «Молодой человек», мимо клуба, в котором звучала музыка, мимо церкви, расположенной в конце улочки, и, повернув за угол, подъехал к небольшому молочному заводику, на котором молоко разольют в бутылки, чтобы утром продать. «Слава Богу, в этом районе монополии не контролируют производство сельскохозяйственной продукции»,— подумал молочник. В Англии осталось еще несколько таких мест, не охваченных так называемым «прогрессом». Молочник поставил фургон во дворе и поспешил в деревенский клуб. В тот вечер в клубе происходило что-то интересное — небольшое разнообразие в их рутинной, хоть и вполне приемлемой жизни.

Он рывком открыл дверь и с удовольствием увидел, что парашютистку уже заставили раздеваться. Она была довольно симпатичной, хоть и немного худой на его вкус. Шрам на левом глазу тоже немного портил ее. Он кивнул всем, улыбнулся Берту и Джону, своим братьям, и занял место поближе к сцене. Усаживаясь на стуле поудобнее, он облизнул губы.

Уну Перссон взяли в плен два дня назад, но все это время ее продержали в амбаре Джорджа Гризби, решая, как лучше ее использовать. Она была первой парашютисткой, которую им удалось поймать, существовало неписаное правило: пленный парашютист становился чем-то вроде раба, собственностью того, кто его поймал. В соседних деревнях уже было несколько парашютистов-мужчин, и их использовали на полевых работах, но она была первой женщиной-парашютисткой.

Видя, что за кулисами стоит Джордж Гризби с раскаленной кочергой, Уна расстегнула длинное свободное пальто и бросила его на пол. Она вовсе не боялась его кочерги, все, что она хотела, это как можно скорее покончить с этим де-

лом. У них были свои представления о чести и достоинстве, у нее — свои. Ей казалось, что раздеться под звучащую с дешевого проигрывателя песню Элвиса Пресли «Король креолов»— самое простое дело на свете. Ей никогда особенно не нравился Элвис Пресли. Она сняла рубашку, глядя куда-то в пространство, чтобы избежать взглядов уставившихся на нее толстых, рыжих, плохо стриженых голов зрителей. У нее были в жизни моменты и похуже. Не теряя времени, она сняла ботинки, брюки, трусики и голая застыла неподвижно, демонстрируя несколько огромных желтых синяков на левой груди, правом бедре и животе. В зале было прохладно. Пахло сыростью.

— Отлично, а теперь пой,— сказал Джордж Гризби визгливым голосом. Он размахивал кочергой, на руке у него была надета большая асбестовая варежка.

Фред Рид уселся за пианино, пробежал похожими на обрубки короткими пальцами по клавишам, затем левой рукой взял несколько аккордов и правой начал наигрывать мелодию «Ешь все, что только пожелаешь, это только пойдет тебе на пользу». Раньше Уна довольно часто выступала в провинции. Особой разницы не было. Она попыталась вспомнить слова. Чарли Гризби, сын Джорджа, прыгнул на сцену и хлопнул ее по заднице.

— Давай, давай, пой!— непристойно подмигивая остальным, он схватил ее груди своими грубыми руками и ущипнул за соски, потом склонился к ее уху, напевая непристойную песню Морриса:— Я себя никогда, ни в чем не ограничивал. Если мне что-то нравится, значит нравится, вот и все. Но многие люди считают, что если тебе что-то нравится слишком сильно, то ты можешь от этого сильно растолстеть и всякое такое.— От него воняло луком.

— Дайте мне, как и всем остальным, кусок пирога,— подхватила Уна, вспомнив слова. Она почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Все жители встали, смеясь, топая ногами и громко хлопая.

— Но от пирога ты растолстеешь.

Все, находившиеся в зале, закачались в такт музыке. Все больше и больше мужчин забиралось на сцену, все они были маленькие и коренастые. Перед ее глазами замельтешили вельветовые штаны, кожа, шерстяные свитера. Человек, сидевший за пианино, продолжал неистово играть.

— И есть много разных вещей, ла-ла-ла-ла, которых мадам есть нельзя, потому что она должна думать о своей фигуре!

Они продолжали петь эту песню все вместе:

— У меня всегда есть для тебя то, что ты хочешь. Ну, что ж, если тебе так уж хочется, я тебя понял. Но вдруг ты от этого растолстеешь — да ладно не думай об этом. Потому что, если ты немного съешь того, чего тебе хочется, это только пойдет тебе на пользу!

— Продолжай,— приказал Том Гризби, на котором были форменные полицейские брюки.— Пой до конца, дорогуша. Я тысячу лет не слышал эту песню. Старые песни самые лучшие на свете. Ха-ха!— Он сунул мозолистую руку ей между ног. Она знала, что его рука находится там, но совсем не чувствовала этого, она продолжала петь.

Она допела песню до конца и пропела половину «Когда-нибудь мы встретимся», когда они окончательно потеряли над собой контроль, сняли с себя брюки и торопливо начали по очереди насиловать ее.

Наибольший дискомфорт она испытывала только от того, что ей нечем было дышать под их тяжелыми, липкими телами. Деревня ей никогда не нравилась, и теперь она понимала, почему. Как бы издалека слышалась песня Клифа Ричарда «Живая кукла». Она вдруг осознала, что все еще лежит с открытыми глазами, и закрыла их. Она увидела бледное лицо, которое улыбалось ей. Почувствовала облегчение и улыбнулась в ответ.

Настало время исчезнуть.

Когда в нее засунули пятнадцатый по счету член, она их покинула.

ГОРА

— В деревенском клубе все еще горит свет,— сказала миссис Най, закрывая окно.— Они, должно быть, там танцуют. Я слышу музыку.

— Я рад, что им весело,— проговорил майор Най, лежавший на высокой кровати с пологом на накрахмаленном

белье. Он весь пожелтел, губы у него потрескались. Его выцветшие глаза глубоко запали, щеки ввалились.— Что касается англичан, то они знают, как веселиться.— У него только что кончился малярийный приступ. Он умирал.

Они были вынуждены покинуть Брайтон, когда ему стало совсем плохо. Они были очень расстроены этим, ведь они только-только обустроились там. Они переехали на запад, в дом его отца. Это был большой дом, построенный на возвышенности в стиле Франка Ллойда Райта*. Окна выходили с одной стороны на деревню, с другой — на море. Из его окон была видна долина, ферма, лес, деревня, речушка, небольшой городок на берегу залива и пляж. В заливе было всего несколько рыбацких лодок. Отдыхающие все еще приезжали сюда — это было очень живописное место.

— Это самое лучшее место во всей Англии,— неоднократно повторял отец майора Ная. Но непонятно по какой причине, именно здесь майор Най чувствовал себя хуже всего.

— Интересно, сможет ли приехать доктор,— продолжала миссис Най.— Элизабет съездила в Морган, чтобы вызвать его. Она истратила на эту поездку последний бензин.— Цвет ее лица был почти таким же, как и у ее мужа. Многие деревенские женщины были убеждены, что, когда он умрет, она последует вслед за ним. И она будет этому только рада. Она достаточно настрадалась в своей жизни. Он же наоборот вовсе не хотел умирать. Он вообще никогда не думал о смерти. Ему казалось это неправильным. У него было даже какое-то неопределенное чувство вины, как будто он не выполнил свой долг. Именно поэтому время от времени он пытался встать с постели. Тогда миссис Най была вынуждена призывать на помощь дочь, чтобы та помогла уложить его снова в постель.

В комнату быстро вошла толстенькая жизнерадостная девушка.

— Как себя чувствует пациент?— спросила Элизабет Най. В последнее время она очень привязалась к своим родителям. Месяц назад ее уволили из школы для девочек, в которой она преподавала, и у нее появилась возможность вернуться домой.— Мне тебя сменить, мам?

* Американский архитектор и теоретик архитектуры. Ред.

Та вздохнула.

— Ты не против?— спросила она мужа. Майор Най кивнул.

— Было бы чудесно. Может, немного почитаешь мне, Бесс?

— Рада услужить. Где эта чертова книга?

Мать взяла книгу, лежавшую на трюмо, и подала ее Бесс. Это была толстая книга в красной обложке под названием «Вперед, на Преторию» — рассказ очевидца времен Бурской войны. Элизабет уселась на стул рядом с кроватью, нашла место, на котором они закончили в прошлый раз, и начала читать:

«Глава двадцать третья. Наступление на Бломфонтен и открытие железной дороги, ведущей на юг. Можно сказать, что кампания лорда Робертса закончилась захватом Кронье на западе и освобождением Лейдисмита на востоке. Мощные подкрепления, присланные из дома, и умелая стратегия главнокомандующего перевесили чашу весов».

Она читала в течение часа, до тех пор, пока у нее не появилась полная уверенность, что он заснул. Она даже сожалела, что чтением подобных книг усыпляла его, ведь у него осталось так мало времени. Как бы ей хотелось, чтобы он почувствовал себя хоть немного получше, тогда она смогла бы вывести его на кресле-коляске — может, в деревню, а может, и к морю. Машиной она, к сожалению, больше не могла воспользоваться. Она использовала последний бензин, съездив за доктором. Она больше не относилась к отцу с презрением, и они стали по-настоящему близки друг другу, его недостатки очень напоминали ей собственные, ну может только несколько видоизмененные. Бесхитростная преданность была одним из этих недостатков. И он также, как и она— ей стало об этом известно только вчера,— был влюблен, как в молодости.

В тот момент, когда она клала книгу на трюмо, он открыл глаза и улыбнулся ей:

— Я не спал. Я думал о твоем брате и о том, что с ним станет. Ты позаботишься, чтобы он закончил школу?!

— Конечно, если сама школа никуда не денется.— Она тотчас же пожалела, что ее слова прозвучали так цинично.— Да, да, конечно.

— И насчет Оксфорда?

— Оксфорд. Ладно.

— Он очень умный парень. И такой веселый. Не знаешь, чем он подавлен последнее время?

— Думаю, у него просто такой период,— ответила она.

— Нет. Я знаю, это из-за школы. Но что еще я мог сделать, Бесс?

— У него все будет в порядке.

— Только пусть он не становится военным. Пусть на нем прервется эта семейная традиция. Лучше какая-нибудь гражданская профессия.

— Ладно.

— Ты не принесешь мне стакан воды?

Элизабет налила ему воды из графина, стоящего на столике рядом с кроватью. Атмосфера в комнате была неприятной. Она ломала голову, как бы сделать ее потеплее.

— На днях я слышал по радио, что никак не могут найти ворон,— сказал он.

— Ворон? Каких?

— Ворон, живших в Тауэре. Все улетели. Когда улетят вороны, Белая башня падет, а когда падет Белая башня, моя дорогая, Англия перестанет существовать.

— Англия будет существовать всегда,— возразила она.

— Такая возможность не исключена, я вынужден это признать. Даже Рим, каким-то образом, продолжал существовать, и Греция, а до нее Персия. Даже Египет. Но вспомни Вавилон и Ассирию. Впрочем, я мелю вздор.— Он сделал глоток.— А что касается Америки... Она не продержится долго. Но сейчас она очень могущественна, Бесс.

— Я допускаю, что они исчезли постепенно,— сказала она.— Но варварам не попасть теперь в нашу страну, так ведь?

— Мы сами породили свои язвы. Но нам никогда не удавалось изобрести средство против них. Возможно, именно в этом все дело.— Он отдал ей стакан.— Мэри. Гектор. Гарвей. Калу. Грог. Брорай, по-моему, и Джет.

— Что это?

— Имена ворон.

Она засмеялась.

— А!

Голос его звучал устало. Его было уже еле слышно. Он продолжил:

— Я вел беспорядочный образ жизни. Я был безнравственным. Это касается и моей службы в армии. Тысячи людей находились в таком же положении, что и я. Может, это был общепризнанный образ жизни или, может, что-то еще. Мой бывший начальник, полковник, постарев, стал страшным пьяницей. Он остался без гроша. Я частенько угощал его стаканчиком. Очень порядочный был человек.— Он тряхнул головой и крепко закрыл глаза.— Одни неудачи. Этому человеку. Он...— Он попытался что-то произнести своими бледными губами, но не смог. Она склонилась над ним.

— Что ты хотел сказать?

Он прошептал:

— Он покончил жизнь самоубийством. Он выбросился из окна Офицерского клуба.

— Возможно, этот выход был наилучшим в его положении.

— Все это было очень давно, Бесс.— Его лицо сильно побледнело, как у мертвеца. Усы выглядели неуместными, казалось, что это были водоросли, которые случайно зацепились за череп.— Я очень сожалею.

Она сказала смущенно:

— Тебе не о чем сожалеть. Ты сделал все, что мог, для своей семьи. А также для своей страны, уж если говорить об этом. Я бы даже сказала больше, чем ты мог сделать. Ты заслуживаешь...

В этот момент зазвенел колокольчик, возвещающий о приходе смерти, звон был очень коротким.

В комнату вошла мать.

— Он умер,— сказала Элизабет.— Завтра я поеду в город и займусь организацией похорон.

Миссис Най смотрела на мужа, как бы не узнавая человека, лежащего перед ней.

— Все кончено,— сказала Элизабет. Она похлопала мать по плечу. Этот жест был машинальным, и могло даже показаться, что в действительности она бьет мать. Элизабет отошла от матери и подошла к окну. Свет в деревенском клубе погас. Над деревней воцарилась тишина.

Миссис Най откашлялась.

— Да,— сказала она.— Да.

На следующее утро Элизабет отправилась на велосипеде в маленький городок, стоящий на берегу моря, чтобы заняться организацией похорон. Она сидела в похоронном бюро, когда ей показалось, что она увидела Кэтрин Корнелиус, проходившую мимо. Она шла рядом с худым мужчиной и толстой женщиной. Элизабет умом понимала, что этого не может быть. Это видение было игрой ее собственного воображения. Утром дома ей показалось, что ее отец вовсе не мертв. Они никогда не увидятся с Кэтрин снова. Все было кончено. У нее больше никогда не будет личной жизни. Иметь любовные отношения оказалось слишком тяжелым грузом для нее, теперь все, что у нее осталось, так это мать и младший братишка, о которых нужно было заботиться. Она смотрела в окно, в которое было вставлено темное стекло, на блестевшее море и слушала голоса детей, играющих на пляже. Неожиданно для себя она почувствовала прилив сил и энергии; она вдруг почувствовала уверенность, что ей хватит решимости преодолеть все трудности, которые предстояли в жизни. Она молила Бога, чтобы это чувство уверенности не покинуло ее.

— Взбитые сливки и клубничное мороженое с печеньем,— сказала миссис К.— Вот что я хотела бы поесть, дети. В этом чертовом отеле, наверное, думают, что мы нищие. А какие маленькие порции они нам дают! Черт бы их всех побрал!— Она вела своих детей к пляжу, чувствуя огромное облегчение после того, как обнаружила, что полковник Пьят оставил в машине свой бумажник, который был просто набит десятидолларовыми бумажками. У них не будет никаких проблем с оплатой счета и достаточно денег на развлечения в этом городке. Они этого заслужили.

Они остановились у кафетерия около пляжа, миссис Корнелиус слегка там перекусила. В кафетерии сильно пахло карамелью на палочке. Фрэнк и Кэтрин съели один на двоих биг-мак, грустно глядя на яркий желтый песок.

— Этот пляж довольно чистый,— сказал Фрэнк.— Не такой, как, например, в Маргейте. Здесь даже очень неплохо, как ты считаешь?

На Кэтрин было легкое летнее платье, но даже в нем ей было очень жарко. Она сняла легкую голубую кофту и положила ее в пляжную сумку. Она обратила внимание, что оба, и Фрэнк и мать, тоже изнемогают от жары.

— Ешьте побыстрее, дети,— сказала им мать, которая съела в три раза быстрее и больше, чем они.— И доедайте все до конца. Чтобы ничего не пропало. За все заплачено.

Они запихнули остатки клубничного варенья, шоколадный сироп и мороженое в рот и жевали, пока их мать была занята своим туалетом: она подкрасила губы помадой алого цвета, нарумянила щеки, припудрилась розовой пудрой и провела расческой по волосам. Затем взяла детей за руки, они вышли из кафетерия и направились к пляжу.

— Фрэнк, принеси шезлонги.— Она стояла посреди пляжа, подбоченясь, и осматривала его взглядом генерала, готовящегося к сражению.

Он подошел к навесу зеленого цвета у стены и взял из кучи сложенных штабелем шезлонгов три абсолютно новых полосатых шезлонга.

— Отлично,— сказала она.— Поставь сюда.— Они направились в сторону волнореза. Недалеко от волнореза играли четверо маленьких детей, два мальчика и две девочки, они усердно трудились, сооружая замок из песка с башенками, минаретами и тому подобными сооружениями. Вокруг замка они вырыли ров. Неподалеку в неглубокой заводи копались двое близняшек-девочек около восьми лет, и мальчик, у которого была стрижка каре, они изучали крабов, морских звезд и водоросли.

— Здесь все, как в журнале «Рейнбоу энньюал»,— сказал Фрэнк одобрительно.— Тигр Тим на берегу моря. Это место почти идеальное.— Он поставил шезлонги. Затем снял пиджак, рубашку, майку и фланелевые брюки и остался в плавках желтого с черным цвета. Он вытянулся на шезлонге всем телом и надел зеркальные солнечные очки. Но он все еще не был готов к тому, чтобы загорать. Он снова встал, достал из кармана брюк лосьон для загара и стал смазывать лосьоном свое бледное волосатое тело. В это время миссис К. тоже намазалась всевозможными кремами, подтянула ситцевое платье с ярким рисунком так, что стали видны ее розовые шелковые панталоны, и выставила на всеобщее обозрение свои толстые белые ляжки. Она села, вытя-

нув ноги и подставив солнцу коленки. Кэтрин читала книгу «Спасение» Джозефа Конрада*.

— Неплохое местечко,— сказал Фрэнк, глядя на лежащее перед ним море.— Мы можем приехать сюда в следующем году. Теперь мы будем знать, что здесь неплохо.

Дети, строившие песочный замок, весело смеялись. Они рыли ров, и он становился все глубже и глубже. В море кружили и пронзительно кричали чайки. По волнорезу не спеша шла полосатая черно-белая кошка. Фрэнк взял в руку камешек и швырнул им в кошку, но не попал.

— Ты будешь купаться, сынок?— спросила миссис К.— Погода вполне подходящая.

Фрэнк пожал плечами.

— Не думаю. Здесь, должно быть, есть подводные течения и тому подобное. Прилив. Отлив.

— Но многие купаются.— Кэтрин указала на купающихся в море людей.— И, похоже, они ничего не боятся. Если бы было опасно, то на пляже были бы указатели.

— Тогда, может, попозже. Я, по-моему, простудился. Меня немного знобит.

— Ну, хорошо.

Все вокруг было настолько великолепно, что Фрэнку даже показалось, что на солнце он заметил улыбающуюся мордочку. Песок был таким ярко-желтым, как будто его покрасили; море было таким ярко-голубым, что казалось, что оно было покрашено тоже. В общем, дареному коню в зубы не смотрят, не так ли? Он откинулся на спинку шезлонга и начал изучать фотографии в журнале по боди-билдингу.

— На ленч мы отправимся в ту же закусочную,— сказала миссис Корнелиус.— Только очень жаль, что у них нет «Бингоу». Я считаю, что без него невозможен хороший отдых. И без машинок. Мне очень нравится этот аттракцион. А еще было бы неплохо съесть филе-о-фиш.

Кэтрин вдруг почувствовала себя как-то странно.

— Меня шатает,— сказала она.— Ты ничего не чувствуешь?

Фрэнк посмотрел на нее сквозь темные очки и улыбнулся.

---

* Настоящее имя Юзеф Теодор Конрад Коженевский — поляк, английский писатель. Ред.

— Дорогая, не беспокойся. Со мной это часто случается,— проговорил он со смешком.

— Фрэнк.

— Да, мама.

— Пойди и купи нам мороженое, вон там.

Фрэнк медленно поднялся.

— Дай мне денег.

Она протянула ему десятидолларовую банкноту.

— Я думаю, этого тебе должно хватить. Впервые в жизни я ощущаю себя богатой вдовой. Купи мне, себе и Кэт.

Он вернулся через несколько минут с пустыми руками.

— Все мороженое уже распродано,— сказал он.— Говорят, они не ожидали, что сегодня будет такая жара. Лично мне совсем не жарко.

— А я просто умираю от жары.

— Черт побери,— сказала мать, забирая у Фрэнка десять долларов.— Что-то мне не нравится этот курорт. Я имею в виду, что не очень-то они здесь заботятся об отдыхающих. А у нас, как назло, полно денег, которые мы не прочь потратить. Мы не какие-нибудь нищие. Хотя, если бы у меня было столько денег в Брайтоне, я могла бы истратить их за один день.— Она положила деньги в свою большую красно-желтую полиэтиленовую сумку.— Я бы что-нибудь попила,— намекнула она.— И вообще, мне совсем не нравится это дурацкое мороженое.

Фрэнк и Кэтрин притворились, что спят. Они лежали, вытянувшись в своих шезлонгах, лицом к морю.

Миссис Корнелиус пошевелилась в шезлонге, не зная, встать ли ей или остаться сидеть. Она с восхищением посмотрела на песочный замок, который строили дети. Он был примерно пяти футов в высоту и в нем было много сложных деталей. Его можно было даже принять за настоящий, если смотреть на него издали. А ров скоро станет размером с настоящий военный окоп. Сколько энергии у этих детей! Где они всему этому научились? Они очень были похожи на бобров. Они двигались так быстро! Песок летел из канавы во все стороны. Замок становился все выше. Появлялись новые башни и галереи. Дети смеялись и кричали, они все носили и носили песок в своих игрушечных ведерках, на башне сверху они пытались выложить мозаику. Это был, должно быть, очень хороший песок, подумала миссис Корнелиус

рассеянно. Из него, очевидно, очень легко строить. Два мальчика начали рыть подземный ход под замком. На самой высокой башне взвился флаг. Она глубоко вдохнула свежий морской воздух. Она давно уже не вдыхала такой свежий морской запах, с самого детства. Она потянулась за транзистором, который лежал у нее в сумке, но потом передумала. Нет, на этом берегу было вовсе не плохо. Она перестала испытывать жажду и голод; перестала ерзать на стуле. Было так спокойно. Она закрыла глаза, прислушалась к шуму прибоя, крику чаек, голосам детей. Бедняга Пьят. Она до сих пор недоумевала, почему он женился на ней. По всей вероятности, ему было что-то нужно от нее. И дело было вовсе не в том, что она была ему нужна, как женщина, скорее он испытывал к ней жалость. Она неплохо использовала его. Как, впрочем, и всех своих предыдущих мужей. Не считая всех остальных мужчин, которые были у нее.

Фрэнк встал и натянул на себя рубашку.

— Кэт, тебе не холодно?

— Что? Извини. Я не слышала, что ты сказал. Мечтала.

— Тебя не знобит?

— Мне, наоборот, кажется, что очень жарко.

— У тебя наверное температура.— Он шмыгнул носом.— Или у меня. Отчего это мы могли так ослабеть?

Она зевнула.

— Было бы жаль, если бы нам пришлось прервать наш отдых. А с другой стороны, я была бы даже этому рада. Я чувствую себя немного виноватой, правда. Бедный полковник Пьят.

— Они выясняли отношения между собой. Мы ничего не могли поделать. Мы должны относиться к этому, как к несчастному случаю или что-то типа этого. Посмотри на горизонт, там что, лодка? Или военный корабль?

— Я не уверена, что к этому следует относиться, как к несчастному случаю.— Она посмотрела в ту сторону, куда он показывал.— Может быть. О Боже, меня одолела такая лень. Но в то же время я чувствую, что что-то нужно предпринять.— Она потянулась.— Ты бы хотел сейчас поиграть в крикет, а? Фрэнк?

Он усмехнулся.

Она взглянула на возвышающийся перед ней песочный замок. Дети нашли маленькую кошку и засовывали ее в за-

мок. Они не собирались причинить ей никакого вреда, да и сама кошка, похоже, ничего не имела против. Вскоре Кэтрин увидела забавную мордочку, которая высунулась из одного из верхних окошек башни и уставилась на нее. Она улыбнулась кошке и вспомнила пруд в лесу. Она зарыла свои ноги в песок и пошевелила там пальцами. Со стоящего неподалеку шезлонга послышался мощный храп. На лице спящей миссис К. было блаженное выражение. Похоже, что она видела приятный сон.

— Ну, по крайней мере, хоть у нее все в порядке,— сказал Фрэнк. Он сидел в шезлонге, наклонившись вперед и обхватив себя за плечи обеими руками, его трясло.— Придется, пожалуй, вернуться в отель, если мне не станет лучше. Что это там случилось у детей?

В детских голосах послышались нотки тревоги. Кэтрин встала со стула и пошла к ним.

— Что случилось, ребята?— Но она уже и сама видела, что случилось: крыша замка обрушилась. Они переусердствовали и разрушили свое творение. Вырытый ими ров стал наполняться водой. Наступило время прилива.

— Там кошка,— со страхом в голосе сказала одна из девочек. Она обхватила голову руками.— На нее упала крыша, мисс.— Все остальные дети тоже плакали, потрясенные тем, что натворили. Было ясно, они были абсолютно уверены в том, что убили кошку. Только один мальчик предпринял активные действия, он пытался докопаться до кошки своей игрушечной лопаткой. Кэтрин взяла в руки самую большую из лежавших на песке лопаток и начала копать с другой стороны, прислушиваясь к звукам, которые должна была издавать заваленная песком кошка. Вполне вероятно, что она была уже мертва.

— Перекройте воду вон там,— сказала она, указывая на канал, через который вода попадала в ров.— Не нужно, чтобы вода залила замок, пока мы не докопаемся до кошки.— Она копала и копала, ее платье промокло от мокрого песка. Дети стояли вокруг полукругом и смотрели на нее.— А ну, давайте!— крикнула она.— Берите лопатки и помогайте!— Они подошли поближе. Хотя было видно, что они предпочли бы убежать и забыть обо всем случившемся. Они взяли свои лопатки и ведерки и начали копать. Песок летел во все сто-

роны. Подошел Фрэнк. Он встал рядом — руки в боки, его солнечные очки поблескивали.

— Что ты делаешь, Кэт?

— Пытаюсь откопать кошку. Ты не хочешь нам помочь, Фрэнк?

— Я бы помог,— сказал он,— но чувствую себя все хуже и хуже.

Она задыхалась. Ее платье, ноги, руки и волосы были в песке.

— Тогда возвращайся в отель и постарайся согреться.— Уже не в первый раз она чувствовала, что он предает ее, и это вызвало у нее раздражение.

Он стоял и, дрожа всем телом, смотрел, как они копают. Вскоре докопались до основания замка, но кошки там не было.

— Она могла сбежать?— спросила Кэтрин у мальчика, который начал копать первым.— До того, как обрушилась крыша?

— Думаю, что нет, мисс. Она может быть в подвале.

— Где?

— Под замком мы вырыли подвал.

Кэтрин вытерла лоб рукой. У нее сильно болели руки и спина. Она собралась с силами и начала копать дальше. Она сама была удивлена, откуда у нее брались силы, ведь она истратила уже столько энергии.

Она выкопала яму глубиной шесть футов, работать становилось все трудней и трудней, в яму капала вода, а выкопанный песок сыпался обратно в яму. Кэтрин поискала глазами Фрэнка, но того не было видно. Ее платье и волосы промокли и были в песке. Можно было представить, как ужасно она выглядит. Затем она почувствовала, что ее лопатка наткнулась на что-то твердое, на какой-то предмет.

— Фу!— Она посмотрела вверх. Дети стояли по краям ямы и смотрели на нее.— Фу!— сказала она.— Думаю, что я наткнулась на край волнореза. Только понапрасну потратила силы. Кошка, должно быть, сбежала через окно или одну из дверей. Столько волнений, и все из-за ерунды.— Но вдруг она услышала звук, который почти наверняка был мяуканьем кошки. Звук раздавался у нее под ногами. Она соскребла песок с того, что считала концом волнореза, под но-

гами у нее оказались светлые отполированные доски.— Мы нашли клад,— сказала она с усмешкой.

У детей округлились глаза.

— Неужели это правда, мисс?— спросил один из них.

— Я не совсем уверена.— Она счистила с досок остатки мокрого песка и почувствовала беспокойство, когда ее взору предстала поверхность ящика, на котором была прибита металлическая табличка.— Дети, идите к своим родителям,— сказала она. Она дотронулась рукой до поверхности гроба, недоумевая, почему он такой теплый.

— О, мисс! Разрешите нам посмотреть, что там!

Ей с трудом удалось улыбнуться.

— Идите,— сказала.— Я сообщу вам позже, были ли в ящике сокровища. Не беспокойтесь.

Дети неохотно отступили от края ямы.

Кэтрин подумала, что ящик вполне мог оказаться неразорвавшейся бомбой. Мина-ловушка? Она слышала о подобных вещах. Предмет был теплым и из него раздавалось равномерное медленное тиканье.

— Фрэнк!— позвала она.— Мама!— Но никто не ответил. Пронзительно закричала чайка. Или этот крик прозвучал из ящика? У нее было впечатление, что на пляже не осталось ни одного человека. Она посмотрела на стенки ямы.— О, Боже!

Сквозь песок сочилась вода. Песок под ногами по составу напоминал болотную жижу. Он затягивал ее.

— Фрэнк! Мама!— В ответ — только крик чаек. Но даже их крик звучал очень отдаленно. Как она попала в эту ситуацию? Это было просто смешно.

Ничего не остается, решила она, как попытаться выкопать ящик целиком. Если он всплывет, тогда она, вероятно, сможет взобраться на него и вместе с ним всплывет, пока яма не наполнится водой до краев. А если он не всплывет, тогда перевернуть его на попа и взобраться на него. Она копала так быстро, как только могла, но мокрый песок все время падал обратно в яму. Ей наконец удалось схватиться за медную ручку и с трудом приподнять ящик, который сдвинулся с неприятным чавкающим звуком. Какой-то тяжелый предмет стукнулся о стенки ящика внутри. Тиканье прекратилось. Вместо тиканья раздался приглушенный пронзительный крик. Птица? Если это кошка, то как она

смогла забраться в ящик? Она посмотрела на четыре болта, которыми крышка была прикреплена к ящику, и вдруг одна идея пришла ей в голову. За поясом у нее все еще был воткнут пистолет «смит-и-вессон» 45 калибра. Она вытащила его и, прищурившись, прицелилась. Нажала на спусковой крючок. Пуля попала в болт и сбила его. Она прицелилась и выстрелила еще три раза и абсолютно случайно сбила три оставшихся болта.

Она положила пистолет на землю, но передумала и снова подняла его.

Потом сдвинула крышку гроба.

Отвратительный запах мочи и человеческих испражнений ударил ей в нос. Она закрыла рот и уставилась на существо, которое только что освободила. Его глаза блестели, губы потрескались, пальцы скрючились, как клешни, существо пыталось освободиться от цепей, которыми руки были прикованы к стенкам гроба. Сначала он освободил одну руку. Потом вторую. И Кэтрин, узнав своего бедного, сумасшедшего брата, потеряла сознание.

— Кэтрин?

Она открыла глаза. Она лежала на краю ямы. Она была без сознания не больше двух секунд. Она посмотрела вниз и увидела, что в яме лежит куча водорослей, камни и раковины, а также расщепленные куски древесины, из которых был сделан гроб.

— Кэтрин!

Он стоял над ней, на другой стороне ямы. Он полностью изменился. На нем был белый костюм Пьеро с большими красными пуговицами впереди. На голове у него был голубой клоунский колпак, губы расплылись в ликующей усмешке. Он осмотрел свой костюм снизу вверх и стряхнул с него песчинки. Перед ней опять стоял ее любимый братец.

— Черт возьми!— сказал он, глядя на солнце.— Я в том времени? Я, должно быть, спал. Привет, Кэтрин.

Она все еще нервничала.

— Извини, что пришлось показаться тебе сначала в таком ужасном виде. Но, видишь ли, мне просто была необходима твоя помощь.

Ее тревога исчезла. Она вдруг почувствовала радость.

Она должна была догадаться, что он вытворит что-нибудь подобное.

— Какой чудесный сюрприз!— Она встала на цыпочки и нежно поцеловала его в губы.— Ты единственный в своем роде, Джерри!

— Мама и Фрэнк где-нибудь поблизости?

Она поискала их глазами.

— Где-то здесь. Фрэнк, кажется, заболел.

Джерри усмехнулся.

— Я так и думал, что это был Фрэнк. Мне необходимо было получить от кого-нибудь топливо. А где мама?

Кэтрин рассмеялась и взяла его за руку. Он был самым лучшим братом в мире.

— Посмотри,— сказала она, показывая на них.— Вон они. Бедняга Фрэнк!

Фрэнк лежал недалеко от них, они даже не сразу увидели его, потому что он был немного засыпан песком. Он свернулся калачиком, он был весь синий. Его зеркальные солнечные очки сдвинулись ему на лоб и уставились на них слепым ничего не видящим взглядом. Кэтрин не могла удержаться от смеха.

— Фрэнк получил свое по заслугам,— сказала она.— Мне не нужно было смеяться.

Миссис Корнелиус все еще сидела, развалившись, в шезлонге, сложив руки под грудью, при храпе у нее подрагивал подбородок.

— Она видит приятный сон,— сказал Джерри.— Как ты думаешь, вода достанет до этого места во время прилива?

— Скорее всего, да,— ответила Кэтрин, указывая на отметку на волнорезе.— Вода только намочит ей ноги — и больше ничего. Давай не будем ее трогать.

— Действительно, не хочется ее трогать,— сказал Джерри. Он посмотрел на солнце. Над головой все еще весело кружили чайки, море блестело, немного потемнело, хотя на небе не было облаков.— Скорее всего, пойдет дождь.

— Все равно, давай не будем ее трогать,— сказала Кэтрин.

— Хорошо.— Он внимательно посмотрел в сторону моря, на горизонт.— Если ты считаешь, что в этом нет ничего плохого.— Он нахмурился.

— Там лодка. Фрэнк уже показывал мне ее,— сказала Кэтрин.— Она плывет к берегу.

— Ну, что ж, пусть мама еще раз попытает своего счастья,— сказал Джерри.— Да, я заметил корабль. Это эсминец.— Сказал он рассеянно, нежно глядя на Кэтрин.— Ты хочешь отправиться в морское путешествие, Кэтти?

— С удовольствием,— обрадовалась она.— А может вплавь?

— Я думаю, мне лучше воздержаться от плавания некоторое время. Я еще не совсем окреп.— Он стряхнул песок со своего костюма и, шагая легко и широко, направился к бетонному причалу.— Идем на пирс.

До старого морского причала идти было недалеко. У пристани стоял только один корабль, и Кэтрин тотчас же узнала белую шхуну.

— О Боже, да это же «Медведь Тедди»!— воскликнула она. Она была счастлива. На солнце блестели все металлические части шхуны, ветер раздувал паруса.— О, как замечательно!— Они побежали по пирсу к трапу. Моторы шхуны уже работали. На пристани стояла небольшая кучка детей, с молчаливым любопытством уставившихся на шхуну. Они весело закричали, увидев, что Джерри подхватил Кэтрин на руки и внес ее на корабль.

Как только они сели на корабль, был поднят якорь и они отчалили, направляясь в открытое море. Дети махали им вслед носовыми платками и снова весело кричали.

Миссис Корнелиус пошевелилась в шезлонге. Вода начала лизать ей ноги. Тело Фрэнка было в воде уже целиком. Магазины начали закрываться на обеденный перерыв, на главной улице совсем не было народу, за исключением Элизабет Най, которая ехала на велосипеде домой. Женщина, закутанная в мешковину, завернула за угол и попыталась остановить ее. Но Бесс не заметила Уну Перссон. Уна посмотрела в море и узнала эсминец. Она села на тротуар и стала ждать.

На освещенной солнцем палубе Джерри нашел гавайскую гитару. Он сел на стул из металла и брезента и начал наигрывать на гитаре, а Кэтрин мирно раскачивалась в гамаке, подвешенном под навесом, и пила лимонад. Берег медленно исчез из виду, они направились в Нормандию.

— Я не горд. Я просто один из толпы. Но я готов оказать

добрую услугу, когда могу!— Джерри пел попурри из песен Джорджа Формби. Давно она не слышала его пения.— Както раз ночью местный доктор хотел кое-что починить, для этого ему был необходим ловкий парень...— Кэтрин подмигнула ему, притоптывая ногой в ритм. Взяв последние аккорды на гитаре, Джерри закатил глаза и взмахнул клоунским колпаком. Она засмеялась и захлопала в ладоши.

Через несколько секунд они услышали глухой грохот.

— Похоже на гром,— сказала Кэтрин.— Надеюсь, что мы не попадем в шторм.

Джерри положил гитару, подтянул широкие рукава клоунского костюма и посмотрел на часы.

— Нет,— сказал он.— Шторма не будет.— Он зевнул.— К тому же раскат прозвучал на приличном от нас расстоянии. Я бы не прочь соснуть часок, а ты? В 1865 году Клаузиус* дал определение энтропии: «Энтропия планеты стремится к максимуму». Я полагаю, что именно с этого высказывания все и началось. Кто-нибудь вспомнил и отпраздновал столетний юбилей с того дня, когда была произнесена эта фраза.— Он положил ноги на скамеечку для ног, сложил руки на коленях, на его лице было выражение умиротворения, дул легкий ветерок и раздувал кружева, складки и помпоны на клоунском костюме. Джерри Корнелиус заснул.

Кэтрин Корнелиус поднялась. Она коснулась губами кончиков своих пальцев, а затем приложила их ко лбу Джерри.

— Дорогой Джерри.— Она подошла к перилам и посмотрела в сторону исчезнувшего из вида берега.— Прощай, Англия.— Звуки грома были почти не слышны. Должно быть, шторм прошел стороной.

Бросив якорь на небольшом расстоянии от разрушенного почти до основания и еще дымящегося курорта, эсминец выстрелил несколько раз в сторону горы и попал прямым попаданием в деревню за горой. Снаряд 4,5 мм попал в дом. Четыре ракеты «Санстрайк» превратили лес в горящий ад. А ферма горела уже с прошлой ночи.

---

* Рудольф Юлиус Эмануэль Клаузиус — немецкий физик-теоретик. Ред.

СОДЕРЖАНИЕ

Финальная программа 5
Средство от рака 177
Английский убийца 415

Майкл Муркок
Финальная программа

Клуб «Золотое перо»

Редактор **Н. М. ФЕДОРЕНКО**
Технический редактор **А. Б. КОЛЬЧИК**

Подписано в печать 4 03 94 г. Формат 84x108/32 Бум. тип. № 2. Печать офсетная.
Тираж 30000 экз. Заказ А-106 Фирма «Топикал» ТД Фирма «Ресурс»
Москва, 1-я Прядильная, д. 9.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Татарского газетно-журнального издательства 420066, г. Казань, ул Декабристов. 2

ФИРМА «ТОПИКАЛ» LTD

ВСЕГДА В ПРОДАЖЕ БОЛЕЕ 250 НАИМЕНОВАНИЙ КІ
КРУПНЫЙ И МЕЛКИЙ ОПТ. РОЗНИЦА. КНИГООБМ
ДОСТУПНЫЕ ЦЕНЫ
СКИДКА ДО 50%

БЕСПЛАТНАЯ ОТПРАВКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМИ КОНТЕЙНЕРАМИ В ЛЮБУЮ ТОЧКУ РОССИИ

ОКАЗЫВАЕМ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ, ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ И ТИПОГРАФСКИЕ УСЛУГИ

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ ПИСАТЕЛЕЙ И ПЕРЕВОДЧИКОВ

Адрес: **Москва, І-я Прядильная, д. 9 (вход со двора).**
Проезд до ст. м. «Измайловская».
Тел. (095) 163-12-45

МАЙКЛ МУРКОК